Россия
в Первой мировой войне
1914–1918 годов

Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства

Новые материалы из собраний Пушкинского Дома

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Целевой конкурс

РОССИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства

Новые материалы
из собраний Пушкинского Дома

Издательство Пушкинского Дома
Санкт-Петербург
2014

УДК 94(470)"1914/18":821.161.1+796.82
ББК 63.3(2)524[82.3(2Рос=Рус)-6+85.15]

Первая мировая война в устном и письменном творчестве русских крестьян: По материалам Пушкинского Дома. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. — 584 с., ил.

ISBN 978-5-87781-059-4

В настоящем издании собраны уникальные материалы, свидетельствующие о глубоком влиянии Первой мировой войны на крестьянское творчество. В сборнике представлены песни и частушки, бытовавшие в среде солдат русской армии и записанные в фольклорных экспедициях. Впервые издаются воспоминания и записки русских крестьян, сражавшихся на фронтах 1914—1918 гг., публикуются подлинные солдатские и казачьи письма, написанные на передовых позициях, образцы солдатской «обережной» магии. Читатели впервые познакомятся со стихотворной книгой ранее не известного автора — ярославского крестьянина Григория Кругова, бывшего фронтового санитара. Публикуемые тексты хранятся в фондах Фонограммархива, Рукописного отдела и Древлехранилища Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Книга обильно иллюстрирована образцами печатной графики из фондов Литературного музея Института. Издание посвящено 100-летию со дня начала Первой мировой войны.

ISBN 978-5-87781-059-4

УДК 94(470)"1914/18":821.161.1+796.82
ББК 63.3(2)524[82.3(2Рос=Рус)-6+85.15]

Материалы подготовили:
П. В. Бекедин, А. Б. Бильдюг, А. Г. Бобров, В. П. Бударагин, А. Н. Власов, Е. А. Дорохова, Н. Г. Комелина, Г. В. Маркелов, А. Ф. Некрылова, А. Н. Розов.

Художник *Г. В. Маркелов*. Сканирование *Ю. А. Бурячков*. Верстка макета *А. В. Панкевич*,
Куратор издания *Г. В. Маркелов*

Руководитель проекта *А. Н. Розов*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). № 12-34-10004 а(и)

Интраистория первой мировой войны

Многому научившийся у Толстого и как романист усвоивший уроки «Войны и мира» испанский философ Мигель де Унамуно одним из первых писал о том, что во все времена рядом с так называемой историей, состоящей из громких событий и фактов, существовала интраистория, т.е. история людей, которые каждое утро идут на свои поля, чтобы продолжать свою нешумную вечную деятельность. На этой шкале ценностей Первая мировая война была, конечно, именно «историей», в то время как подлинную историю творили миллионы никому не известных людей, живших так, как если бы и не было разрушенных городов, загубленных во имя идеи жизней и перекроенной карты Европы. Но была интраистория и в самой истории Первой мировой войны — взгляд на нее тех людей, мнение которых, как правило, не учитывалось, — крестьянских и солдатских масс. По счастью, эти далекие от высокой культуры люди никогда не были «немыми», их свидетельства сохранились в бесчисленных народных песнях, частушках, лубочных картинках, солдатских молитвах, письмах, воспоминаниях. Им не дано было увидеть трагедию мира, оказавшегося на грани величайшей в его истории катастрофы, понять, подобно Томасу Манну, что дорогая его сердцу «Европа неслась, закусив удила». Их взгляд был заземленным, но эта близость к земле позволяла им видеть то, что ускользало от взгляда интеллектуалов. И далеко не случайно, пока великие умы в XVIII и XIX вв. мечтали о «вечном мире» и о «всемирной литературе», в начале XX в. на земле разразилась мировая война.

В России Первая мировая война оказалась отодвинутой на задний план большевистским переворотом и растворилась в его круговерти. Долгое время она оставалась «белым пятном» в российском общественном сознании. Незаслуженно забытыми оказались имена писателей, запечатлевших всплеск патриотических чувств, преданность национальным святыням, — в том числе участников войны, многие из которых ушли на фронт добровольцами. Тем большее значение имеет книга, основу которой составили рукописные и фольклорные материалы, хранящиеся в Древлехранилище и Фонограммархиве Пушкинского Дома. Это богатейшие собрания, в значительной мере впервые вводимые в научный и читательский обиход. Духовная память нации сохранила то, чего не было в рапортах, сводках с полей сражений, сочинениях политиков, журналистов, писателей. Мы узнаем новые имена, восхищаемся художественным чутьем безымянных крестьянских сочинителей: «Наступила для всех нерадостная жизнь, кажется, и воздух-то переменился — пахнет войной».

Воспользовавшись словами К. И. Чуковского, можно сказать: «Заговорили молчавшие» — и будем надеяться, что только теперь, благодаря уникальным материалам, хранившимся в семейных архивах русских крестьян, а ныне опубликованных Пушкинским Домом, мы узнаем о Первой мировой войне значительно больше, чем знали до сих пор.

Всеволод Багно,
директор ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
член-корреспондент РАН

К читателю

«Заговорили молчавшие» — именно так можно было бы назвать эту книгу, ибо безгласными многие десятилетия оставались русские крестьяне, составлявшие солдатскую массу императорской российской армии в Первую мировую войну. Считалось, что русское крестьянство не оставило в отношении Великой войны сколько-нибудь заметного следа в отечественном культурном наследии. Эта книга призвана отменить сложившееся представление самим фактом первых публикаций в ней большого числа разнообразных, дотоле в большинстве своем не известных произведений, рожденных в русской деревне и позволяющих по-новому оценивать крестьянское творчество.

В книге несколько разделов с публикациями, подготовленными сотрудниками Института русской литературы по материалам Фонограммархива, Фольклорного собрания Рукописного отдела и Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ.

Первый раздел предваряет статья Е. А. Дороховой и А. Н. Власова, в которой исследуются основные аспекты и закономерности бытования солдатского песенного фольклора эпохи Первой мировой войны. Авторами подготовлены, прокомментированы и впервые собраны вместе солдатские песни и частушки. Особую практическую ценность данному изданию придают нотировки — расшифрованные напевы многих песен, записанных в фольклорных экспедициях в разные годы XX столетия.

Обширный репертуар русских воинских песен эпохи Первой мировой войны представлен в исследовании А. Н. Розова комментированной публикацией текстов одного из военных «лубочных» песенников, изданного в 1915 г. известным собирателем фольклора В. И. Симаковым. Многие старинные и авторские песни сборника правомерно входили в солдатский фольклор уже накануне войны. Публикации раздела снабжены обширным справочным и библиографическим аппаратом.

Немалый интерес вызовут исследование и публикация редчайших образцов солдатской «обережной» магии, осуществленные А. Г. Бобровым. Уходя на фронт из родных деревень и хуторов, солдаты брали с собой ладанки с записями старинных заговоров, унаследованных от предков. Автору удалось обнаружить в фондах Института и опубликовать солдатские тексты, восходящие к языческим верованиям или к древним христианским апокрифам.

Второй раздел книги посвящен крестьянскому рукописно-книжному наследию из фондов Древлехранилища Пушкинского Дома. Здесь опубликованы собственноручные записки северорусских крестьян, служивших в российской армии в период Первой мировой войны. Это рукописи солдат-очевидцев, видевших войну на самом нижнем ее уровне — в окопах. А. Г. Бобров подготовил и прокомментировал тексты ценнейших воспоминаний северодвинских крестьян И. С. Карпова и С. А. Ступина. В. П. Бударагин предал публикации записки пинежанина С. А. Томилова, служившего пулеметчиком.

Особый интерес в разделе привлекут главы, посвященные 1914–1917 гг., из стихотворной автобиографической рукописи Григория Кругова. Одаренный поэт-самоучка из ярославской деревни, служивший на передовой санитаром, запечатлел в стихах не только свои впечатления и переживания, но и детальные подробности фронтовой жизни, эпизоды сражений, газовых атак, портреты однополчан. В своих стихах и суждениях автор как бы предвосхищает будущего героя А. Твардовского — Василия Теркина, близость к которому Кругова очевидна. Произведение публикуется впервые. Исследование и подготовку текста осуществил Г. В. Маркелов.

Третий раздел включает публикацию подлинных писем с переднего края войны. Большинство из них представляют собой стихотворные ответы казаков и пехотинцев на обращения Зинаиды Гиппиус, мистифицировавшей фронтовиков письмами и подарками от якобы питерских девушек. Исследование этой истории и подготовку писем осуществила Н. Г. Комелина. Публикация солдатских писем 1914–1916 гг. из действующей армии домой, в архангелогородские деревни подготовлена В. П. Бударагиным.

Четвертый раздел отведен иллюстрациям книги, большая часть которых представляет собой печатные настенные листы 1914–1916 гг., создававшиеся разными авторами как в стилистике народного лубка, так и в виде актуального плаката. Этому виду печатной продукции посвящены публикации А. Ф. Некрыловой и А. Б. Бильдюг. Подбор иллюстраций из фондов Литературного музея и Отдела фольклора Института осуществлен П. В. Бекединым и Я. В. Зверевой под наблюдением Г. В. Маркелова.

Часть 1

СОЛДАТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

А. Н. Власов, Е. А. Дорохова
Первая мировая война
в русских народных
песнях и частушках

Песни

Первая мировая война определила меняющийся облик мира на все последующее время. «За четыре года произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая придала современную форму национальному вопросу. Она вывела на арену общественной жизни массы народа, фактически не участвовавшие прежде в мировой истории. Она при этом открыла невиданные глубины гуманитарного падения, на которые оказался способным человек вопреки всем достижениям цивилизации. Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, смяла все достижения посленаполеоновского мира, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и инструментом социальных перемен. Она оставила после себя невиданное озлобление народов, выплеснувшееся в отчуждение 1920–30-х гг. и кровавую драму Второй мировой войны».[1]

Между тем, Первая мировая как исторический факт оказала свое воздействие на духовную жизнь страны. Проблемы, которые возникают в связи с изучением значения этой войны, «можно назвать метаисторическими из-за их метафизических и идеологических основ, а также из-за невозможности подтвердить их на базе каких-либо исторических источников».[2] Эта тема еще не получила подробного рассмотрения в научной литературе. «В обстоятельной с точки зрения военной фактографии двухтомной истории Первой мировой войны, вышедшей в 1970-х гг., нет буквально ни слова о восприятии народом этого важнейшего для начала века события, о его отражении в народном сознании».[3] Многочисленные исследования военных событий, действий армий и фронтов, причин побед и поражений совершенно не передают духовную составляющую войны — состояние общества, отношение народов к войне и т. д. Нигде не зафиксирован духовный опыт войны, без внимания осталась духовная память нации.[4] Определяющей чертой нового этапа в истории фольклорной культуры является сближение традиционных жанровых форм с видами массовой городской культуры, образованием диффузных жанровых образований на стыке устной и письменной традиций, к которым принадлежат такие явления, как лубок, частушка и другие менее маркированные своими жанровыми границами текстовые манифестации. Зарождение таких жанровых образований не относится собственно ко времени Первой мировой войны — речь идет об их инклюзивности (включенности) и популяризации в этот период в качестве массового явления. В одном из первых поэтических сборников «Современная война в русской поэзии» (1914) есть раздел «Народное творчество», где помещены песни и частушки на темы «Война», «Мобилизация». Под одной обложкой оказались строки А. Ахматовой, З. Гиппиус и безымянной частушечницы.[5] Период Первой мировой войны — время интенсивного интереса к народному искусству, время перехода от одной стадии состояния фольклорного сознания к другой исторической фазе. В этом

---

[1] *Иванов А. И.* Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг.: Этические и эстетические аспекты//Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005. С. 3.

[2] *Хеллман Б.* Маленький человек и великая война: Повесть Л. Н. Андреева «Иго войны»//«Свое» и «чужое» в литературе и культуре/Сб. научных трудов кафедры русской литературы Тартуского ун-та. Тарту, 1995. С. 206–219, 307.

[3] *Иванов А. И.* Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг. С. 2.

[4] Там же. С. 2–3.

[5] Там же. С. 5.

можно усматривать отражение обострения проблемы культурного самоопределения нации на фоне усиливающегося интернационализма начала века.[6] Например, в годы войны резко возрастает культурная значимость концертов хора М. Пятницкого.[7]

В фольклорной лирике в рамках традиционных сюжетов возрос потенциал индивидуального начала, большее внимание уделялось переживанию происходящих событий их непосредственным участником, формировалось новое отношение к истории. Это в конечном счете приводило не просто к фактографическому отношению к историческому событию, но и к созданию определенного отношения к нему, т. е. к сложению новой «формульной темы», глубоко проникшей в сознание нескольких поколений исполнителей. С другой стороны, эти трансформации запускали механизмы «индивидуальной» версификации и усвоения новых нетрадиционных форм, не характерных ранее для фольклорной культуры, — «письмо» с фронта, «перетекстовка» популярных массовых городских музыкальных форм (романса, «новой» баллады, «уличных» песен) и, наконец, частушка.

Необходимо отметить, что война как факт истории стимулирует возобновление и активизацию традиционных жанров фольклора; так, в Первую мировую войну были актуализированы и получили некоторое развитие жанры рекрутской причети,[8] заговора.[9] Война дает новый импульс для закрепления традиционной памяти и вместе с тем накопления нового опыта, выработки новых моделей поведения, трансформации культурных ориентиров, продолжая оказывать влияние на человека и общество в послевоенное время.[10]

Именно во время Первой мировой войны происходят межжанровые интеграционные процессы, которые в силу разных факторов остаются практически неизученными. По сути, записи этого времени дают нам возможность некоторой реконструкции аутентичной фольклорной культуры.

Музыкально-поэтический фольклор, прямо или опосредованно связанный с воинской службой, составляет обширную область русской традиционной духовной культуры. Это представляется закономерным, так как служба в армии, защита своего отечества издавна воспринимались русскими людьми как священный долг каждого мужчины. Так неминуемо должно было сложиться в стране, в течение столетий постоянно испытывавшей военную угрозу и защищавшей свои границы от врага.

Корпус этих музыкально-фольклорных текстов включает эпические сказания, лирические протяжные, плясовые, походные песни, солдатские и рекрутские припевки. В подавляющем большинстве они связаны с мужской сферой фольклорного исполнительства; более того, именно эта совокупность фольклорных произведений издавна составляла основу репертуара мужских певческих артелей. Однако неверным было бы отрицать существование песен воинской тематики, традиционно исполняемых женщинами. Прежде всего, это лирические песни, нередко с балладными сюжетами, в которых поется о разлуке девушки/жены с парнем/мужем, уходящим в солдаты; о возвращении солдата домой через долгие годы службы к жене, не узнающей своего мужа; о горькой доле солдаток, которым суждено коротать свои годы в одиночестве.

Нередко песни мужского репертуара начинали распеваться женскими вокальными ансамблями, переходили в область женского исполнительства, что чаще всего было связано с внешними по отношению к фольклорной традиции факторами историко-социального характера. Мужчины часто покидали родные места, уходя на промыслы, их забирали в армию, а в периоды военных действий в селах оставались только женщины, дети и старики. Особенно велики были потери мужского населения в XX в. с его глобальными социальными, военными и стихийными катаклизмами. В таких условиях женщины начинали осваивать мужской репертуар. Часто это делалось намеренно,

---

6 *Вильчинский В. П.* Литература 1914–1917 годов //Судьбы русского реализма начала XX в. /Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1972. С. 267.

7 *Иванов А. И.* Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг. С. 5.

8 К сожалению, нам не удалось обнаружить текстов рекрутской причети, в которых отразились бы конкретно темы и образы Первой мировой войны. Как правило, эти тексты составлялись из традиционных формульных тем, выражающих горе, чувство утраты, прощание матери, жены с солдатом, которого провожают на войну (царскую службу) и оплакивают как живого покойника.

9 См. раздел «Солдатские магические тексты»: Наст. изд. С. 266–276.

10 *Иванов А. И.* Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг. С. 4.

так как песни нередко связывались в сознании сельских жителей с конкретными людьми — с сыновьями, братьями, мужьями, отцами деревенских певиц. Исполняя их песни, женщины словно посылали им весточку из родного дома.

Включение в сферу мужского вокального исполнительства во многом определило музыкально-стилевой облик песен с воинской тематикой. Исследователями русского музыкального фольклора уже давно были отмечены особенности песен, распеваемых мужчинами-песельниками, в частности, их меньшая по сравнению с женскими песнями привязка к специфике локальных традиций.

В комментариях к составленному совместно с В. П. Прокуниным сборнику русских народных лирических песен (1889) Н. М. Лопатин писал: «Мужская песня, передавая по большей части быт внесемейных, общественных отношений мужчин, естественно более отливалась в точные определенные формы; она не ограничивалась определенною местностью и свободно переносилась из края в край русской земли бродяжничеством, извозом и военной службой. Самые интересы мужчин в этом отношении были общее, единообразнее; напротив, женские песни часто составляют принадлежность какой-нибудь определенной местности, способ пения женщин гораздо более, чем мужчин, носит характерные отличия не только каждого уезда, но часто и отдельного села».[11] Именно поэтому песни, бытовавшие преимущественно в мужской воинской среде — солдатские, рекрутские, плясовые, — в своем оригинальном звучании, как правило, почти лишены локальных черт. Зачастую их версии фиксируются собирателями в разных регионах практически в неизменном виде.

Другая важнейшая особенность мужских песен воинской тематики состоит в том, что именно они стали той «почвой», на которой возникали и укоренялись ростки нового, пришедшего из Европы гомофонно-гармонического стиля, распространявшегося в крестьянской среде с конца XVII столетия.[12]

Значимые этапы в продвижении нового музыкального склада на восток обозначило появление таких специфически мужских практик, как роговые оркестры и пение панегирических кантов в петровскую эпоху; создание и пение солдатских маршевых песен, которое развивалось вместе с регулярной армией с начала XVIII в.

Сочинение в монастырских певческих центрах духовных музыкальных произведений, как богослужебных, так и предназначенных для домашнего музицирования, также способствовало быстрому распространению нового стиля партесного многоголосия, основанного на гармонической вертикали.

Однако все эти новшества, возможно, миновали бы традиционную музыкальную культуру или лишь слегка коснулись ее, если бы в ней именно в эту эпоху не произошел ряд глубинных сдвигов, значительно изменивших ее облик. Среди них — возникновение жанрово характерных форм лирических песен и появление нового вида этнокультурных систем. Оба этих явления, в значительной степени связанных с реализацией мужского начала в культуре, явились благодатной почвой для усвоения нового музыкального мышления.

Процесс соединения двух музыкальных систем — традиционной модальной системы музыкального фольклора и тонально-гармонической системы европейской музыки — пока еще недостаточно исследован. Трудно сомневаться в том, что новые европейские веяния попали на почву, уже в какой-то степени подготовленную для их восприятия, иначе они, скорее всего, не оказали бы на русский музыкальный фольклор столь заметного влияния. Логично предположить, что к известному результату — точнее, к готовности к переменам — привел длительный процесс саморазвития русской традиционной музыки, в недрах которой уже вызревали отдельные компоненты тонально-гармонической системы. Так, диатонические лады русских народных песен, разворачивающиеся в амбитусе от квинты до октавы и строящиеся на оппозиции двух

[11] Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н .М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина... / Под ред. и вступ. ст. В. Беляева. Ч. 1–2. М., 1956. С. 186.

[12] Одним из первых на этот факт указал В. М. Щуров. См.: *Щуров В. М.* Мужская традиция в русском народном пении //Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор /Сост. И. А. Морозов, отв. ред. С. П. Бушкевич. М., 2001. С. 163–173.

РОССІЯ—ЗА ПРАВДУ.

Разрѣшено военною цензурою 20 сентября 1914 г.

Не въ первый разъ отчизна дорогая
Вступила въ бой за правду и любовь,—
Не въ первый разъ, честь братьевъ защищая,
Россія льетъ свою святую кровь...

Враги Твои въ кровавомъ ослѣпленьи
Забыли слѣдъ минувшихъ тѣхъ годовъ,
Когда Ты, Русь,—отъ гнета, отъ паденья
Спасала троны ихъ отцовъ...

И нынѣ, гидрою двуглавой
Они пошли на русскаго орла,—
Но Русь, увѣнчана былою славой,
Полки свои безстрашно повела...

И близокъ часъ: изсякнетъ вражья сила,
Недаромъ Русь лила за братьевъ кровь,—
Побѣдный мечъ св. Михаила
Вернетъ землѣ согласье и любовь.

М. ПЕТРОВЪ.

№ 27 б

Т-во Типо-Литографіи И. М. Машистова, Москва

терцовых рядов секундового соотношения, уже можно считать промежуточным явлением между модальной и тональной системами, поскольку чрезвычайно редко можно говорить о равноправии этих терцовых комплексов в напеве. В большинстве случаев один из них является главным, а другой, находящийся в более слабой позиции, — оппозиционным.

Именно такие лады составляют основу большого количества напевов многих традиций позднего формирования. Подобным песенным системам присущи такие признаки, как диатонический склад напевов, их широкообъёмность (напевы разворачиваются в диапазоне, превышающем октаву), «ленточное» двухголосие с терцовой вто́рой, доминирование вертикальных сопряжений звуков над горизонтальным развертыванием. Этот ряд явлений связан в наибольшей степени с песнями мужской традиции.

Безусловно, напевы разных жанров проявляют неодинаковую устойчивость к воздействию тональной системы. Наиболее подвержены ему песни, связанные с мышечными усилиями (трудовые, маршевые), с плясовой моторикой. Такое их свойство, как периодичность ритма со стабильным чередованием сильных (акцентных) и более слабых музыкальных времен, создает почву для внедрения тактовой ритмики.

Е. В. Гиппиус, рассматривая этапы формирования городской песни, отмечал, что она проникала в крестьянскую культуру наиболее интенсивно в тех регионах, где отмечается процесс эмансипации мелодики от многоголосной ансамблевой фактуры, где она существовала как самостоятельное художественное явление.[13] Сольная песня требовала инструментального сопровождения. В городской культуре излюбленным инструментом для аккомпанемента стала семиструнная гитара; в крестьянской среде в середине XIX в. укоренились различные виды гармоник. Стремительным и органичным стало их вхождение в русскую фольклорную традицию — прежде всего, как инструмента молодежной субкультуры, сопровождающего пляску во время праздничных гуляний, игрищ и вечорок. Гармоника в русской традиции — сугубо мужской инструмент, владение которым обеспечивало высокий общественный статус сельским музыкантам-исполнителям. Гармонисты дорожили своим инструментом и всегда брали его с собой, покидая родной дом, в том числе и отправляясь на воинскую службу. Пение песен под гармонь стало яркой чертой солдатского музицирования, определяя музыкальную стилистику солдатских песен.

Инструментальное сопровождение ускорило интеграцию региональными фольклорными традициями гомофонно-гармонического склада, тональной системы, интонаций профессиональной авторской музыки в традиционную крестьянскую культуру. Одним из таких «привнесений» стали ритмы популярных танцев — в первую очередь, трехдольный ритм вальса, который явился основой множества песен позднего городского слоя.

По-иному проходил процесс усвоения новой музыкальной стилистики в традициях ансамблевого пения. Здесь существенными предпосылками для восприятия тонально-гармонической системы оказывались характер мелодики и доминирование вертикальных сопряжений звуков над горизонтальным развертыванием мелодии. Е. В. Гиппиус выделял мелодику «размашистого мелодического шага», основанную на широких интервальных ходах, как неотъемлемое свойство мужского пения.[14] Кварто-квинтовые, секстовые и октавные ходы легко сопрягались с тонико-доминантовой гармонической основой. Примеры мы видим в творчестве многочисленных полковых хоров донского и кубанского казачества.

Оппозиция горизонтального развертывания мелодики и вертикального «наращивания» терцовых

[13] Ср.: «Северные стили не были преломлены в традиции городской песни; северный напев нельзя представить себе абстрагированным от фактуры хора, потому что там очень трудно представить себе мелодию как таковую. В московско-рязанской виртуозной традиции, наоборот, образуется песенная мелодия как таковая, которая легко превращается в сольную мелодию и в мелодию песни с сопровождением. Поэтому московские распевы таких песен, как “Горы”, “Степь”, “Не одна во поле дороженька” и других наиболее популярных русских лирических песен, очень давно стали бытовать в качестве не только ансамблевых, но и сольных песен и очень рано стали исполняться с гитарным сопровождением» (Материалы и статьи: К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса/Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2003. С. 45).

[14] См.: «Размашистый мелодический шаг — это особенность именно мужской песни, и вероятно потому мелодика размашистого шага столь распространена на Дону, где особенно интенсивна мужская военная традиция» (Там же. С. 21).

Неизвестный художник. Плакат «Россия — за правду». М., 1914. Стихотворный текст М. Петрова. Хромолитография

созвучий определила различную степень устойчивости региональных традиций музыкального фольклора к проникновению гомофонно-гармонического склада. Он наиболее органично усваивался среднерусскими песенными системами, музыкальная стилистика которых испытывала сильное влияние городской культуры, а также церковного партесного многоголосия.[15]

Война обострила отношения различных социальных групп между собой. Она сделала прозрачной границу между устной и книжной культурой. Влияние книжных текстов на устную фольклорную традицию стало более заметно и приобрело характер устойчивого взаимовлияния на все последующее столетие. Особенно это влияние сказалось на сюжетном фонде лирических необрядовых песен.

Е. П. Самокиш-Судковская. Боже, Царя храни! Русский народный гимн. Открытое письмо. Пг., 1914

Содержание публикуемых в настоящем издании поэтических текстов и особенности музыкальной стилистики напевов стали основанием для их объединения в три группы. В первую вошли песни, о которых с большой степенью уверенности можно сказать, что они были созданы именно в годы Первой мировой войны — на фронтах, в госпиталях, в среде солдатновобранцев. Вторая группа объединила воинские песни более раннего периода, относившиеся к русско-турецкой, кавказской, русско-японской войнам, но продолжавшие бытовать в первые десятилетия XX в. Как правило, они подвергались перетекстовке в соответствии с реалиями военно-политических событий. Многие из этих песен получили новую жизнь в годы Великой отечественной войны, благодаря чему были зафиксированы собирателями в 1950–80-е гг. Третья группа музыкально-поэтических текстов включает традиционные лирические песни и рекрутские припевки, тематически связанные с воинской службой. Именно эти песни составляли основу репертуара мужских певческих артелей на протяжении трех последних столетий, начиная с середины XVIII в.

Следует отметить, что такое разделение на группы в большой степени условно и отвечает, прежде всего, публикационным задачам. Поэтические и музыкально-стилевые параллели, многочисленные пересечения между многими текстами, а также яркие черты местных песенных традиций, которыми наделены многие песни, позволяют сделать вывод о едином, хотя и весьма пестром, корпусе песен, тем или иным образом связанных с Первой мировой войной; о сложных связях этих фольклорных произведений с нормативными установками региональных и локальных систем русского музыкально-поэтического фольклора.

[15] См.: «Для всей средней полосы характерен принцип гармонической насыщенности всей подголосочной ткани всевозможного рода гармоническими вертикальными образованиями, просто в результате намерения певцов нащупать возможно большее число вертикальных созвучий: терций, квинт, трезвучий, чаще всего нисходящих. Эта гармоническая насыщенность часто носит вполне отчетливые следы позднейших исторических влияний, в частности, влияния русской церковной музыки конца XVIII и XIX столетий, особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с ансамблями певцов, поющих в церковных хорах. Вполне возможно, что результатом этого же воздействия является очень широко развитое в среднерусской полосе и не встречающееся в окраинных стилистических традициях солирование одного или двух голосов на фоне хора; то есть такая манера пения, при которой хор явно упрощает свою партию и становится как бы фоном, на котором наиболее отчётливо вырисовываются солирующие партии» (Из лекции, прочитанной Е. В. Гиппиусом в Московской консерватории 12 мая 1945 г – Цит. по: Материалы и статьи… С.. 51).

Неизвестный художник. Первый Георгиевский кавалер Кузьма Крючков. М., 1914. Хромолитография

Из обнаруженных нами в Рукописном отделе и Фонограммархиве ИРЛИ сюжетов, связанных с темой Первой мировой войны, большая часть относится к первой из обозначенных выше групп. Критериями выделения этой группы песен явились их «литературность» и авторское происхождение текста, стилизация или подражание известным песенно-стихотворным формам, стремление к литературному стилю. В нее входит, например, патриотическое стихотворение неизвестного автора, распетое на напев «жестокого» романса «На западе с немцем жестоким» (1.1),[16] а также текст песни «Славьтесь, славьтесь, казачки» (1.15); баллада «Трубочка» («Сошёлся русский с немцем» — 1.2); тексты, возникшие локально по случаю проводов казаков на войну, распетые на традиционный напев: «А вот скоро, скоро поезд грянет» (1.3), «За лесом солнце звоссияло» (1.13), «Ай, сквозь немой зловещий мрак» (1.14); в традиционной стилистике «плясовой песни»

[16] Здесь и далее в скобках указаны ссылки на тексты песен в настоящем издании: раздел 1, номер 1.

распет и текст «Кто в Варшаве не бывал» (1.6); песни, сложенные в солдатской среде: «Вот же шли два героя с германского фронта (1.9), «Однажды служил я на польской границе» (1.9-а), «Было ж нас два товарища» (1.11); песни-жалобы солдата перед смертью: «По широким степям Украины» (1.10), а также описывающие смерть от ран в лазарете: «Ночь прошла в полевом лазарете», «В полевом передвижном лазарете» (1.12, 12-а). Можно выделить несколько песенных сюжетов с характерной стилистикой и условно обозначить их как «инвалидные» (жалостливые) песни: «Истерзанный, измученный» (1.16); песни, продолжающие традицию «жестокого» романса: «Как на главном Варшавском вокзале» (1.17), а также солдатские песни-жалобы о тяготах армейской службы как своеобразный отклик на факт военной мобилизации: «У нас в семье всего три брата» (1.26), «Эх ты, бедный солдатик» (1.27, 27-а); песни, в которых отражена тоска по родному дому и семье: «Горит свеча в вагоне тихо» (1.24, 24-а).[17] К собственно историческим сюжетам следует отнести песню «На взморье мы стояли» (1.18), распространенную практически по всей русской этнической территории.

Переделкой известного романса «Вот вспыхнуло утро. Над озером быстрая чайка летит» является баллада о юном прапорщике «Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался» (1.20, 20-а, 20-б), зафиксированная также в печатных песенниках.[18]

Своеобразной стилизацией на известный текст «Пишет, пишет царь турецкий» в нашей публикации является песенный текст «Пишет, пишет царь германский» (1.19, 1.19-а).[19] Текст входит в солдатский песенник Фефилова (см.: Наст. изд. С. 65–66).[20]

Реальные военные события и реакция на них их участников нашли отражение в текстах: «Жарка битва была, пули в воздухе жужжали»(1.22) — сатирический отклик на битву под Перемышлем; «Блистали с востока на запад» (1.23) — на Карпатский поход; «Ах, зачем молодцов забирают» (1.25), «Когда Варшаву мы сдавали» (1.33), «Близ Вислы, на прусской границе» (1.34) — на события под Краковом и Варшавой. Оценка этих событий может показаться очень личной, поэтому зафиксирована она, как правило, в солдатских песенниках.

Такой же, казалось бы, личностный характер имеют тексты, в которых отражено положение пленного солдата: «Вьюга, метель на дворе завывают» (1.30), «В узах тягостного плена» (1.31), «Послушайте, друзья мои» (1.32).

К распространенным сюжетам относится стихотворное письмо-жалоба солдата домой о тяготах окопной жизни: «Вы отец мои и братья, вы прочтите мое письмо»(1.28), «Приходит время золотое» (1.35), «Хорошо вам жить на воле, слушать ласковы слова» (1.21–21-в). Последний песенный сюжет в текстовом отношении реализуется в нескольких версиях с разными зачинами, образуя своеобразный тематический цикл: «Вечер вечереет, орудия гремят, /А бедные солдаты в окопчиках сидят» (1.29), «День и ночь сидим в окопах»[21] вместе с переделками текста времен Гражданской войны: песней «Солдат с вечера сбирался» (где германцы заменены Врангелем),[22] и фрагментом врангелевской казачьей версии этой же песни: «Вышел сотник, объясняет».[23] Кроме того, текстовые реализации этого тематического цикла имеют контаминированные варианты с «Черным вороном».[24]

Аналогичные тематические и сюжетные циклы представлены во второй группе песен, созданных в более ранние времена и перетекстованных в Первую мировую войну. К ним относятся следующие песенные тексты: «Чёрный ворон, друг залётный» (2.2), «Ай, что ж ты, ворон, чёрный ворон» (2.2-а), «Под зелё-

---

[17] Известно несколько вариантов этого песенного сюжета: Русский фольклор Прибайкалья/Общ. ред. и вступ. ст. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1968. С. 177.

[18] *Симаков В. И.* Прапорщик: Новейший военный песенник. М., 1915.С. 19–20.

[19] См.: Исторические песни XVIII в./Изд. подгот. О.Б. Алексеева, Л. И. Емельянов Л., 1971. № 410– 436. С. 324– 326.

[20] Публикацию аналогичного песенника см.: Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. М., 1995. Т. VI. С. 472–487.

[21] В нашу гавань заходили корабли. Вып. 2. М., 2000.

[22] *Варавва И. Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. № 308.

[23] *Тюрьморезов Ф. И.* История, литература и фольклор о героях Гражданской войны//Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 октября 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1963. С. 34.

[24] Речь идет о версии песни «День и ночь сидим в окопах» (см. комментарии настоящего издания).

ною ракитой» (2.2-б), «Под ракитой, под зелёной» (2.2-б)[25], «Ой, да по ту сторону да Байкала» (2.2-в).

Этот сюжет, бытующий практически повсеместно с разными зачинами, сложился, по-видимому, ещё во время кавказской войны на основе более ранних воинских песен о гибели казака на чужбине. Этого мнения придерживался, в частности, исследователь военной истории донского казачества генерал Петр Николаевич Краснов. В своей книге «Картины былого Тихого Дона» он писал: «Во время тяжелой борьбы с кавказскими горцами много было совершено подвигов донскими казаками. Очень часто им приходилось в одиночку обороняться от многочисленного и злого неприятеля. Подвиги, совершенные донскими казаками во время этой шестидесятилетней войны, так многочисленны, что нет возможности перечислить их все. Много казаков полегло в горах и долинах Кавказа, и над их никому не известными могилами нет ни креста, ни памятника. Погибшие в одиночку, без свидетелей донцы умирали в горах, окруженные воронами да хищными орлами. Там зародилась и эта печальная песня казачья».[26]

В 1934 г. песня «Черный ворон» в аранжировке Гавриила Попова стала главной музыкальной темой сверхпопулярного кинофильма братьев Васильевых «Чапаев», после чего превратилась в своего рода музыкальный символ Первой мировой и Гражданской войн.

В годы империалистической войны особую популярность приобрели многочисленные перетекстовки и переработки. Песня «Поехал, поехал казак на чужбину» (2.1) была широко распространена в песенных традициях донского казачества; текст этой песни является народной переработкой (фольклорной версией) стихотворения Е. П. Гребёнки «Казак на чужбине».[27]

«Чёрный ворон бьёт крылами» (2.3) — песня, повествующая о воинском быте казаков Кубани, по-видимому, была сложена не ранее второй половины XIX в. Об этом свидетельствует напев, по своей музыкально-ритмической структуре (стопно сегментированной) относящийся к стадиально позднему слою русского вокального фольклора.

Текст песни «Конь боевой с походными вьюком» является фольклорной версией стихотворения народного донского поэта XIX в. А. Туроверова «Проводы казака на службу». А. Туроверов — прадед известного поэта-белоэмигранта Николая Туроверова. Песня продолжала активно бытовать на Дону и в годы Великой отечественной войны, о чем можно судить по некоторым вариантам текста («Спешу рабочим сподмогнуть»).

Песня «Не вейтеся, чайки, над морем» и др. (2.5—5-в) была сложена в годы русско-японской войны, получила распространение в Сибири. Широко бытовала в годы Первой мировой и Гражданской войн, а затем — во время Великой отечественной войны. Известна также с зачинами: «Над озером чаечка вьётся», «Летите вы, чаечки, над морем». В более ранних вариантах вместо «в горах закарпатских» поется «в горах за Байкалом». В вариантах середины XX в. «русский» часто заменяется на «советский».[28]

«Наш Скобелев генерал» (2.6) является «частой», «походной» песней казаков Верхнего Дона. Казаки также называют ее «исторической». Была сложена во время русско-турецкой войны, посвящена Михаилу Дмитриевичу Скобелеву (1843—1882) — русскому военачальнику, освободителю Болгарии, где его считают национальным героем.

По словам исполнителей, песня широко бытовала в годы Первой мировой войны, когда вместо «турок» могли петь «немец».

Многочисленные варианты строевой песни «Ой да, вспомним, братцы, вы кубанцы» (2.7) по сей день

---

[25] Публикацию вариантов с тем же зачином см.: *Листопадов А. Л.* Песни донских казаков. Т. II. М., 1950. № 145. С. 364—365; Русский фольклор Прибайкалья. С. 186.

[26] См.: *Краснов П.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. С. ???

[27] Первую публикацию текста см.: Альманах на 1838 год. СПб., 1838. См. также: Русские песни / Сост. проф. И. Н. Розанов. М., 1952. — Евгений Павлович Гребёнка (1812—1848) — украинский поэт, старший брат академика архитектуры Николая Гребёнки. Родился на хуторе Убежище Пирятинского уезда Полтавской губернии. В начале 1830-х гг. первые стихотворения подписывал на русский лад: Гребёнкин. Ещё во время обучения в лицее подружился с Н. В. Гоголем и Н. В. Кукольником. Военные впечатления почерпнул во время службы в резервном эскадроне 8-го Малороссийского казачьего полка (1831—1833). Автор текста известных романсов «Очи черные» и «Помню, я еще молодушкой была».

[28] См. фрагмент песни, записанный Б. Ф. Смирновым в октябре 1966 г. в с. Старая Некрасовка Измаильского р-на Одесской обл. от липованина Стефана Кузьмича Манякина 1898 г. р.

бытуют на Кубани практически повсеместно.[29] По словам казака Акима Григорьевича Чепурного (р. 1902) из станицы Староминской, песня появилась в их станице в 1915—16 гг.; продолжала она бытовать и во время Гражданской войны, и позже, в годы Великой отечественной войны. В зависимости от времени, отдельные слова текста изменялись: вместо «как дралися мы с германцем» могли петь «как дралися мы с поляком», «как дралися мы с фашистом», «как дралися мы с буржуем» и др. На Дальнем Востоке были записаны варианты этой песни с зачином «Эх да, вспомним, братцы, вы, амурцы», а в Средней России: «Вспомним, братцы, вы, ковровцы».

Кубанский казак Изот Филиппович Яценко из станицы Староминской утверждал, что первоначально текст имел следующий вид:

Эх да, вспомним, братцы, вы, хопёрцы,
Двадцать перво сентября,
Как дралися мы со шведом
Под знамёнами Петра.

Однако стилистика песенного текста позволяет сделать вывод, что он был сложен не ранее второй половины XIX столетия, а вариант со «шведом» скорее всего является результатом контаминации с широко известной в конце XIX в. песней Ивана Молчанова «Было дело под Полтавой»:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знамёнами Петра.

Происхождение текста могла бы прояснить упоминаемая в нем дата «двадцать первое сентября», однако в этот день не состоялось ни одно из заметных сражений русской военной истории.

В кубанских станицах песня «На заре во поле у кургана» (2.8) исполняется во время проводов в армию. Несомненно авторское происхождение текста, варианты которого опубликованы в ряде популярных песенников.[30] Реалии поэтического текста и интонационный склад напева позволяют предположить, что песня была сложена не ранее начала XX в. Возможно, дошедший до нашего времени напев испытал и более позднее влияние так называемых колхозных песен.

«Вдруг ударил гром из тучек» (2.9) — строевая походная песня казаков Северного Кавказа (кубанских, гребенских, терских). Песня может служить наглядным примером перетекстовки. Сложенная еще во время кавказских войн, она продолжала активно бытовать в течение последующих ста лет, о чём свидетельствуют исторические реалии, встречающиеся в тексте: имена военачальников, участвовавших в различных военных событиях, упоминания «турок», «красных знамен» и др.[31]

Песня «Туча да с громом прошла-прогремела» (2.10) является воинской протяжной («воловóй») песней донских казаков, была сложена в годы русско-турецкой войны, продолжала бытовать во время Первой мировой и Гражданской войн, о чем свидетельствует упоминание в тексте имени Ворошилова. В более старом варианте текста, записанном в станице Кумылженской Волгоградской области, в 3-й и 4-й строфах упоминается император Николай:

Через Дунай мы, речку переправляя…
ой, переправлялись,
Ой да, Николай нас провожал.
Ой, Николай нас провожал…
Николай был, а он царь да вели… ой, великай,
Ой да, по всей армии у нас.

В отдельную тематическую группу следует выделить тексты патриотических стихов, многие из которых были выучены исполнителями с пересказа участников войны, поэтому стихотворный размер не всегда выдержан, сам текст, возможно, не соответствует начальному книжному источнику: «Что врагов перебы-

[29] См.: *Варавва И. Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966. № 110.

[30] См., например: *Сигачев А. А.* Песни казачьего календаря. М., 2008. № 129; интернет-версия: www. proza.ru/2009/04/28/18

[31] Круковский (Крюковский) Феликс Антонович (1804—1852) — генерал-майор, бывший низовой атаман Кавказского линейного полка, герой кавказской войны, погиб близ укрепления Урус-Мартан в бою с отрядами Шамиля. Гулыга (Гулыгин) Иван Емельянович (1859—1939) — генерал-лейтенант, командир Пластунского корпуса Кубанской армии, участник русско-турецкой и Первой мировой войн.

Е. П. Самокиш-Судковская. Высочайший Манифест. Открытое письмо. Пг., 1914

вало» (2.11), «Разгромлю, кого угодно» (2.12), «С нами Бог, победу снова» (2.14).

Сюда же входят перетекстовки популярных уличных песен-романсов о любовной тоске солдата: «Здравствуй, милая красотка» (2.15), традиционных лирических любовных: «Вздравствуй, душечка моя» (2.16), игровых (частых): «Ох, ты, зимонька-зима» (2.17), «Раз полоску баба жала» (2.18) (последняя обозначена собирателем как пародия на «женский батальен»).

Среди перетекстовок — народная переработка популярного романса «Умер бедняга» Я. Ф. Пригожего на слова К. Р. (1885) (2.19), мещанских романсов: «Юный прапорщик армейский» (2.21), известной песни «Коробочка» («Эх, полным-полна котомочка» — 2.22).

Третья группа песен относится к традиции более ранних солдатских и рекрутских песен, которые оказались востребованными в годы Первой мировой войны.

Раздел открывается песнями «Што на наших на полях урожаю нема», «За Кубаной за рекой», «Вот ба не в чистом да поле» (3,1, 1а, 1б). Первая песня с разными зачинами поэтического текста («На румынских полях», «На широких полях» и др.) распространена на всей территории русско-украинского пограничья, Среднего и Нижнего Поволжья, у казаков Дона и Кубани, а также в переселенческих традициях Сибири. Тексты песен представляют собой поздние варианты известного сюжета о гибели воина на чужбине («Горы», «Степь»). Первые два напева имеют черты гомофонно-гармонического склада. Ансамблевая многоголосная фактура с верхним солирующим подголоском-«подводкой» характерна как для южнорусских, так и для украинских песен позднего стилевого пласта. По мнению Е. В. Гиппиуса, песни такого музыкального стиля распространялись солдатами, пришедшими с фронтов Первой мировой войны, и заняли в первые десятилетия XX в. доминирующую позицию в народной музыкальной культуре Южной России. Третий текст распет в стилистике протяжных песен казаков Верхнего Дона с традиционным подголоском-«дишкантом».

Далее следуют песни «Все пташки-кенарейки садились по кустам» и «Ой, братцы, при долинушке» (3.2, 3.2а). Тексты представляют региональные варианты лирической баллады о возвращении домой после двадцатипятилетней службы двух солдат, которых не узнает их жена и мать. Этот сюжет получил особенно широкое распространение в годы Первой мировой и Гражданской войн, когда многие солдаты в течение долгого времени не могли возвратиться в родной дом и считались без вести пропавшими. Оба напева типичны для протяжных песен южнорусских областей — с длинными сольными запевами, словообрывами, повторами, огласовками и йотированием во внутрислоговых распевах.

«Последний нонешний денёчек» (3.3) — распространённая повсеместно на русской этнической территории рекрутская припевка, была актуализирована в период империалистической войны. В равной степени то же можно сказать о припевках «Налей, мама, стакан рому» (3.4), «Ой, найди, туча, да вдари, гром» (3.5).

Для южнорусских областей характерно приурочивать к военным событиям Первой мировой войны сюжеты лирических песен: «Женят, женят нас, ребятушки» (3.6), «Истаскался-измотался младец» (3.8); к той

же группе относятся также историческая усть-цилемская песня «Ночи темны, тучи были грозды» (3.10) и баллада «Заплакала Марусенька свои ясны очи» (3.9). Сюда же следует включить песню из жизни русских в германском плену, которая воспринималась как «ухарская» песня: «Трудно, трудно нам рябята» (3.11).

Таким образом сюжетный фонд лирических песен, связанных с темой Первой мировой войны, в основном сохранил традиционные солдатские (рекрутские) песни более раннего периода, но значительно пополнил его новыми перетекстовками, сюжетами из «уличных» песен и книжными (письменными) образцами.

Большая часть песенных сюжетов отразилась в солдатских тетрадях-песенниках, которые часто заменяли книгу и являлись результатом творчества их создателей. Традиция эта не исчезла до наших дней и сохранилась в ряде социальных слоев. Ярким примером такого солдатского песенника является самодельная тетрадка, составленная Михаилом Андреевичем Кругловым (1895 г. р.), жителем села Усть-Кожа Архангельской области, участником знаменитого «брусиловского прорыва». Будучи прекрасным рассказчиком, он записал в свою тетрадь практически весь песенный репертуар русского окопного солдата-крестьянина Первой мировой войны.[32]

В Рукописном отделе ИРЛИ (Р. V, колл. 144, п. 7) хранятся копии текстов, переписанных («1950 г., июля 31-го») собирательницей А. Г. Кудышкиной из сборника, который был составлен Александром Александровичем Фефиловым — жителем дер. Чернышево Макарьинского сельсовета Усть-Кубинского р-на, Вологодской обл. Судя по записи на обложке («125 Курский полк 8-ой фронт (Карпаты). Черная гора — и Австрия-Буковина — 1916 г. 1917 г. — отсюда погнали в Бессарабию. Рядом Румыния. Отсюда уехал домой») и по сведениям собирательницы, составитель сборника был ветераном Первой мировой войны. На момент встречи с собирательницей А. А. Фефилову было 62 г. (приблизительно 1888 г. р.). Очевидно, хозяин тетради напел несколько песен на фонограф для А. Г. Кудышкиной: «Женят, женят нас, ребятушки» (3.6), «В ногу, ребята, идемте» (2.23). Они представляют собой строевые песни или подражание им (второй сюжет). Только эти два сюжета Фефилов запомнил с голоса во время армейской службы и напел их собирательнице. Другие были аккуратно записаны или переписаны им из другого источника в тетрадку и не предполагали исполнения вообще. Текст «Пишет, пишет царь германский» (1.19) представляет собой выписку из текста печатного песенника 1916 г.[33] Это позволяет датировать и начало составления этих записей «на память». Судя по другим имеющимся у нас записям устных вариантов этой песни (1.19-а),[34] приводимый напев имеет гармонический оборот STDT, лежащий в основе многих русских песенных мелодий позднего происхождения (например «Златые горы») и частушек. Следующая песня с определением «окопная» является известной балладой о юном прапорщике из печатного песенника В. И. Симакова;[35] она распета на известный и популярный напев романса «Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды. Над озером быстрая чайка летит». Текст песни «Хорошо вам жить на воле, слушать ласковы слова» (1.21) является одним из вариантов популярной солдатской песни времен Первой мировой войны (см. выше). В варианте текста Фефилова жалоба солдата на тяготы окопной жизни приобретает ярко выраженный характер социальной обиды на господ. Характер социальной сатиры имеет текст «Жарка битва была, пули в воздухе жужжали» (1.22). Недаром сам составитель записал, что является членом ВКП(б). Ритмический строй текстов не выдержан, что указывает на то, что песни были записаны не для исполнения, а «на память», в качестве документа из жизни простого солдата: первая (1.21) имеет определение «окопная», вторая (1.22) — отметку «Как Перемышль сдавали». «Окопную» песню «Блистали с востока на запад» (1.23) в песеннике

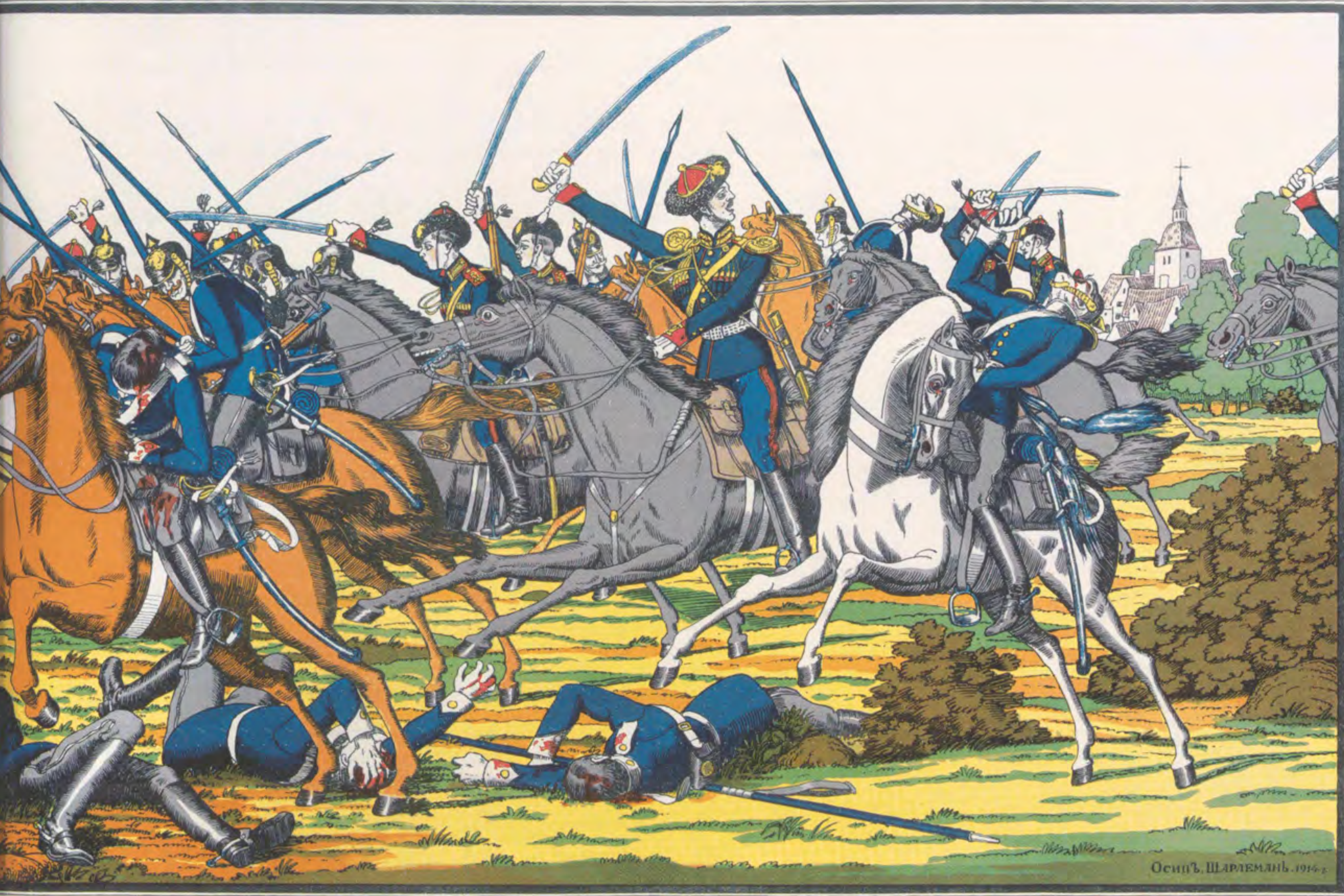
---

[32] Солдатский песенник/Публ. А. Л. Налепина и О. Ю. Щербаковой//Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. С. 472–487.

[33] «Солдатские песни»» В. Пуришкевича//Новый песенник. М., 1916. С. 109–112.

[34] Песни и сказки Пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. Вып. 1. Л., 1979. № 12. 5/ 108. Л. 46. Исполнительница связывает эту песню с событиями Первой мировой войны, однако данный сюжет с мотивом — иноземный царь посылает ультимативную грамоту (письмо) русскому царю — датируется XVIII в.

[35] *Симаков В. И.* Прапорщик: Новейший военный песенник. С. 19–20.



О. А. Шарлемань. Атака русских кавалеристов на немцев. Пг., 1914. Хромолитография

Фефилова следует воспринимать как слабую попытку создания стихотворного текста, в котором были отражены личные впечатления и патриотическое настроение солдата. Зачин и отдельные строки ориентированы на книжный размер — трехстопный амфибрахий.

В состав солдатского песенника Фефилова входят и распространенная песня «Горит свеча в вагоне тихо» (1.24), также восходящая к книжному источнику и написанная четырехстопным ямбом перетекстовка «Ах, зачем молодцов забирают» (1.25) на популярный напев романса «Ах, зачем эта ночь». Перетекстовкой популярной песни «Последний нынешний денечек» является текст «У нас в семье всего три брата» (1.26) с пометой «памятка солдата». Это ритмизированный рассказ о несчастной судьбе одного из братьев, на которого выпал жребий идти на войну. Личный характер текста, видимо, близок составителю песенника, хотя определить его как оригинальный текст Фефилова все-таки не представляется возможным ввиду эклектичности основных сюжетных мотивов и типичности ситуации. Подобный случай «попадания» в типическую психологическую ситуацию фиксирует существование варианта текста «Эх ты, бедный солдатик, / На военную службу попал с юных лет» (1.27), который является версией разработки того же сюжета (1.27-а), но в варианте Фефилова аспекты тягот армейской службы и социальной несправедливости «подчеркнуты»:

Гонять будут тебя, как собаку,
От зари и до поздней ночи,
Так и службу свою ты отслужишь,
Не услышишь ты ласковых слов.
Взводный будет тебя бить по морде,

А фельдфебель ногою толкать,
И за них ты пойдешь в батальоны,
Чтоб тюремную жизнь испытать.
Так нетвердо ты вступишь ногою,
В батальоне будет скука долить <томить>,
А потом все пойдет чередою,
И ты будешь, как прибыл, там жить.
Так ты службу свою отслужишь,
Когда получишь чахотку себе.
В лазарете ты будешь лежать
И смотреть сквозь решетку,
И свободную жизнь вспоминать.

Своеобразным стихотворным письмом является, очевидно, авторский текст «Вы, отец мои и братья, вы прочтите мое письмо» (1.28). Поиск личностного отношения к переживаемым военным событиям через цитацию, реминисценции на известные тексты является основным приемом создания «оригинальных» песенных текстов составителя тетрадки, которая не имела никакого музыкального значения, а была, скорее, «поэтическим дневником». Заключительным текстом тетради Фефилова является песня «Вечер вечереет, орудия гремят» (1.29), которая не имеет ничего общего с сюжетом песен с аналогичным зачином (1.29-а, 29-б) и содержит описания налетов («Летит снаряд германский, шумит, что эроплан...»), окопных страхов («И каждый в сердце держит, что вот сейчас убьет...»), повседневных забот («А кухни нам подвозят вечерний поздний час...»), недовольство армейским начальством («А ротный-хват, собака, во все горло орет...») и т. д. Таким образом, солдатский песенник Фефилова представляет собой своеобразный «личный» дневник составителя — участника военных действий. Причем «личностное начало» текстов реализуется в известных типовых ситуациях и переживаниях, благодаря цитированию известных текстов из печатных песенников и перетекстовке популярных песенных сюжетов.

Другой солдатский песенник отразился в материалах И. Д. Фридриха с пометой «записи фольклора от Воробьева Якова Федоровича из д. Лутково Толковской волости Островского уезда: песенная лирика из его записной книжки солдата времен Первой мировой войны» (РО ИРЛИ. Р. V, колл. 280). В песенник попали распространенные сюжеты уличных романсов: «Здравствуй, милая красотка» (2.15), «Вздравствуй, душечка моя» (2.16). Оба текста, содержащие описания трудностей службы и несправедливости командиров, носят явно агитационный характер и направлены против войны. Песни «Хорошо тебе на воле» (1.21-а), «Ах, ты бедный, ты бедный солдатик» (1.27-а), очевидно, были переписаны и отчасти переделаны с ходивших во время войны агитационных листов противников военных действий.

В публикуемых материалах из коллекции Н. П. Колпаковой были обнаружены копии текстов из солдатского песенника (1915—17 гг.) участника войны Григория Ивановича Чупрова, жителя Усть-Цильмы (РО ИРЛИ, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г., № 56—68). В песенник включены также переписанные им стихотворные и песенные тексты патриотической тематики:

Злобно держится Россия,
Чтоб германцу отомстить.
Войско с радостью готово
В новый бой опять вступить.

«Закипела вся Россия» — 1.36

Пал на лезвие булата.
Посмотрите его, ребята,
Как последний вздох солдата
Был за Русь и за народ.
Слава русскому солдату,
Слава русскому народу
И тебе, богатырю.

«Под ракитою зеленой» — 2.2-д

Там бьются солдаты за правду
И смерть храбрецов не страшит,
На битву идут они смело,
Их божия матерь хранит.

«Вдали от австрийской границы» — 1.23-а

Представлены также темы унижения простого солдата и его нелегкой судьбы на фронте:

Один солдат-калека
С оторванной ногой,
Просит, чтоб сестрица
Напой меня водой.
Сестрица заругалась,
Воды не подала:

«Куда тебе, безногий», —
Сказала и ушла.

«Вечер вечереет» — 1.29-б

тоски по родной стороне:

Я еду, еду, братцы, уезжаю,
И покидаю край родной.
Завтра рано-рано на рассвете
Прощусь я с родиной своей.
Прощусь я с чистыми полями,
Еще со миленькой своей.

«Последний день нам, братцы, миновати» — 3.3-а

смерти:

Напишите, отошлите
К отцу, матери родной,
К отцу, к матери родной,
Еще к жене молодой:
Помер, братцы, наш товарищ
В чужой дальней стороне,
В чужой дальней стороне,
На царской службе, на войне.

3.3-а

обостренного чувства социальной несправедливости:

Правда, сынки богатеев
Скажут, спасут своего.
Дома остаться сумеют,
Ты же пойдешь, ничего.
Нужно то царское войско,
Нужно, чтоб пулей, штыком
Ты расправлялся геройски
С братом своим, мужиком.

«Вытащил жребий недальний» — 1.37

а также откровенные агитки:

Довольно, товарищи, спину нам гнуть
Перед старой продажною властью.
Теперь лишь свободно мы жаждем вздохнуть,
К великому нашему счастью.

«Довольно, товарищи, спину нам гнуть» — 1.38

и выразительные воззвания:

Солдаты, вашими руками
Свобода наша создана.
Да будет вечно перед нами
В долгу родимая страна!

«Солдаты, вашими руками» — 1.39

Текст «Довольно, товарищи, спину нам гнуть» (1.38) имеет характерную помету: «Песня-сочинение в память полученной свободы всей Россией в 1917 году 10 марта».

В песенник вошли также два текста на сюжеты солдатских исторических песен из так называемого старого фонда памяти, которые были популярны в годы Первой мировой войны: «Не туман с поля поднялся» (3.18), «Уж ты речка ли, речка, речка быстрая» (3.19).

Помимо этих двух исторических сюжетов, в которых использованы реалии войны 1914 г., в репертуар Г. И. Чупрова входили еще несколько солдатских исторических песен, записанных от него еще Н. Е. Ончуковым за десять лет до начала войны: «Егорий, Катерина и мать» («Ай, поехал Егорей на службу, он на царскую, на восударску...»);[36] «Чернышов Захар Григорьевич (Чернышов в плену)» («За Костринским-то было славным городом, За Костринскими было, за воротами, Там стояла-де да темна темница...»);[37] «Александр I (Смерть Александра I)» («Отправлялся Олексант наш Во Кандрок войско смотреть...»);[38] «Пожар в Ярославле» («На крутой горы да на высокоей Испостроился да тут-де нов город...»).[39]

В песеннике представлены еще два замечательных сюжета, которые отчасти являются продолжением более ранней традиции.

[36] *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904. № 40.
[37] Там же. № 41
[38] Там же. № 43
[39] Там же. № 44.

«Евангелие от...» принадлежит к числу «кабацких» текстов, народных пародий на жанры церковной книжности (ср., например, «Служба кабаку», «Калязинская челобитная» и др.), образующих жанровую область «демократической сатиры». В песеннике отмечена дата переписки или «создания» нового варианта текста: «29.11.1915». Язык текста является смешением книжных форм («время оно», «некий муж», «град», «видяху едину храмину» и т. п.) и современных («Петроград», «пивная», «городовой», «участок» и т. п.). Название денежных единиц («динарии»), возможно, анахронизм источника, указывающий на времена турецких войн. Сюжетная ситуация типична для городской петербургской жизни начала XX в.

Представлен разгулявшийся в пивной приезжий:

Вшед ту и видяху там,
Пьют и веселятся.
Оный же пияху за два динария,
Некий же пияху и за три динария,
Я же ничесоже усомнишася
И выпихом на двунадесят динариев,
И нализахуся.
Вышел и падоша на топталище,
И псы его лизаше.

Отражена тема продажности полицейских:

Один от военочальник,
Нарицаемый околодочный,
И вопросиша меня, почто, рабе,
Сотворил еси.
Я же ничесоже не отвещав
И сунув ему в руки три динария.
И воскликнув ту муж:
«Иди, рабе, вера твоя спасла тя».

Текст эротической песни антиклерикального характера «Раз турецкая богиня...» содержит грубую пародию на церковных иерархов в стиле многих подражателей И. С. Баркова:

Раз турецкая богиня
Вышла в поле погулять.
Увидала архимандрита,
Начала его ласкать.
«Что-де бродишь, старикашка,
Темной ночью по реке.
Кверху поднята рубаха,
Держишь ... в одной руке».

По характеристике Н. Е. Ончукова, Г. И. Чупров более известен как сказочник-балагур — его любимыми сказками были сказки скабрезного характера, пародирующие церковный быт священнослужителей. В репертуар Чупрова входили также песенные эпические сюжеты (небылицы), которые распевал он скоморошьим «ясаком» (напевом); песни знал он преимущественно шуточные смешного содержания.[40]

Направленность репертуара Чупрова показывает, что «тетрадка» с песнями о Первой мировой войне была сделана им «на память» по записям от солдат — участников войны: сам он уже не мог по возрасту быть призванным на службу и записывал песни как человек общительный и живо интересующийся разными новостями в своих частых поездках.

Итак, само явление составления солдатских песенников, подбор текстов, включаемых в них, — характерный признак массовой культуры периода Первой мировой войны.

Несомненно, это явление близко к тому, что называется «авторской песней». Хотя тема авторского происхождения текстов, функционирующих в фольклорных традициях, имеет достаточно давнюю историю рассмотрения, следует отметить, что разрабатывалась она исключительно в трудах фольклористов-словесников.

Обычно, при обсуждении вопроса об авторстве того или иного фольклорного произведения, речь идет о его *поэтической* составляющей. Конкретного автора слов песни назвать можно далеко не всегда, и при этом авторский текст весьма редко входит в фольклорную традицию без существенных изменений. Значительно чаще мы предполагаем, что тот или иной текст имеет авторское, литературное происхождение,

[40] Там же. С. 48–50. Приношу благодарность Т. С. Каневой за предоставленный материал архива и указание на печатные тексты Чупрова в издании Ончукова.

Неизвестный художник. Священная война. М., 1914. Хромолитография

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА.

Могучая Русь

Изданіе литографіи М. А. Стрѣльцова, Москва, 1-я Мѣщанская, 33

Война... Охватила насъ радость глубокая,
Падемъ на колѣни предъ ликомъ творца
И будемъ молиться, чтобъ дѣло высокое
Господь намъ помогъ довести до конца!...
Защитница сирыхъ, Россія—могучая!
Грозою небесной иди на враговъ:
Любовь, будто лава вулкана кипучая,
Пылаетъ въ сердцахъ твоихъ вѣрныхъ сыновъ
Не нужны намъ лавры и почести бранныя:
Зоветъ насъ лишь правда, а съ нею любовь.
Пусть сгибнутъ тираны, враги окаянные!
О, намъ не страшны всѣ труды непрестанные,
Готовы за братьевъ отдать свою кровь

Прислушайтесь, какъ Русь нагорными тропами.
Спокойно, медленно, но твердыми стопами.
Идетъ впередъ.. ...
Мы тверды на ногахъ, и ноги-нашъ народъ,
Стремящійся впередъ, со славой изъ воротъ.
Ихъ отворилъ нашъ Царь.. И встала Русь отъ ложа.
И за Тобой пойдетъ къ побѣдамъ, Царь-Надежа
И солнце свѣтлое намъ зрится впереди!
Поймите же, враги, что мы богаче Креза,
Что руки и стопы въ Россіи изъ желѣза!

беря за основу анализ его поэтики и формальных компонентов, например таких, как тип песенного стиха. Так, по поводу песенных текстов, основанных на силлабо-тоническом стихе со слоговой нормой 8+7 и 8+8, можно с большой долей уверенности говорить о наличии их связи с авторской, литературной традицией. В то же время, эта связь может быть опосредованной. Вполне вероятно, что большинство таких песенных текстов возникало в крестьянской среде по подобию городских авторских песен и романсов. С другой стороны, начиная с середины XVIII столетия, создавалось большое количество авторских стилизаций народных песен, в которых имитировался не только их образный строй, но и формальная структура. В первую очередь это относится к песенному стиху; излюбленными моделями для городских имитаций явились тонический девятисложник[41] и силлабический десятисложник.[42] В авторских стилизациях на украинском языке преобладает силлабический стих 4+4+6 (8+6), отвечающий ритмической структуре традиционных украинских «коломыек».[43]

Что же касается авторских *напевов*, то количество их невелико в масштабах русской традиционной музыкальной культуры, а степень трансформации — значительно выше. Очевидно, что процесс усвоения авторской музыки проходил гораздо сложнее по сравнению с заимствованием поэтических текстов. Тому было несколько причин.

Во-первых, авторские музыкальные произведения печатались в нотных сборниках, а уровень нотной грамотности в народе не может быть сравним с уровнем грамотности литературной, словесной. Поэтому авторская музыка усваивалась на слух; воспроизведение таких произведений неминуемо приводило к их быстрой трансформации в соответствии с нормами локальных музыкально-фольклорных традиций.

Во-вторых, музыкальная сфера и особенно мелодико-многоголосный склад напевов в наибольшей степени несут в себе специфику локальных традиций, выступают как их системный знак. Случайные внешние вторжения в эту сферу, как правило, кратковременны, подобные заимствованные напевы редко приживаются в крестьянской среде.

В-третьих, говоря об авторской музыке, мы имеем в виду прежде всего музыку вполне определенного гомофонно-гармонического склада западноевропейского происхождения, созданную по законам тональной системы. Она усваивалась только теми традициями, процесс саморазвития которых уже подошел вплотную к этой системе, прежде всего — переселенческими традициями позднего формирования, возникшими не ранее конца XVII столетия.

Для таких песенных систем восприятие авторских текстов предстает как органичный процесс; эти тексты находят стилистическое соответствие в местных напевах, очевидно поздних по музыкальной стилистике, и воспринимаются как не противоречащие традиционным нормам. Именно такая ситуация сложилась во многих песенных традициях Западной Сибири (Новосибирской, Томской областей), в которых жанр лирической песни предстает в поздних формах городского происхождения. Довольно часто поэтической основой служат широко известные произведения русских поэтов.[44] Много таких примеров можно обнаружить в казачьих традициях Дона и Кубани, что безусловно свидетельствует и об уровне образованности местного населения

Наоборот, в тех случаях, когда звуковысотный склад традиции был далек от гомофонно-гармонического, когда линеарное мелодическое развитие в них доминировало над ощущением вертикали, авторские литературные тексты если и усваивались, то распева-

[41] Именно такой тип народного стиха лег в основу многих стихотворений Алексея Кольцова. Некоторые из них имеют название «песня», что подчёркивает стремление автора воспроизвести стиль и поэтику народной песни. Например: «И все плашечки-касаточки /Пели грустно так и жалобно» («Русская песня»); «Дуют ветры, ветры буйные, /Ходят тучи, тучи темные. /Не видать в них света белого, /Не видать в них солнца красного» («Песня»).

[42] Многие исследователи считают, что народный силлабический стих 5+5 генетически родствен девятислоговому тоническому стиху. Он послужил основой для многих стилизаций народных песен, из которых наиболее известны «Русь» Ивана Никитина («Под большим шатром /Голубых небес /Вижу — даль степей /Зеленеется») и «Косарь» Алексея Кольцова («Ох, в несчастный день / В бесталанный час /Без сорочки я /Родился на свет»).

[43] См., например, текст М. Л. Кропивницкого, стилизованный под историческую песню: «Ревуть, стогнуть гори-хвилі /В синесенькім морі, /Плачуть, тужать козаченьки /В турецькій неволі». Этот текст распет во многих черноморских станицах Кубани, в частности в станице Старонижестеблиевской Красноармейского района Краснодарского края.

[44] См., например, известную песню из села Балман Новосибирской области «По синим волнам океана» на текст стихотворения М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (1840 г.).

лись на традиционные напевы лирических протяжных песен. Это, например, характерно для большинства традиций Русского Севера. В таких случаях возникало противоречие между стилистикой поэтического и музыкального рядов фольклорного текста, которое, впрочем, было заметно лишь собирательскому взгляду.

Песенный слой, тематически связанный с эпохой Первой мировой войны, утвердил «реальную эстетику» в фольклорной песенной культуре. В фольклоре, так же как и в военной прозе, отразились и «смиренное приятие войны деревней, в которой оставалось все меньше рабочих рук, и растущая дороговизна, и первые похоронки, возвращение с фронта калек и моральная усталость фронтовой и тыловой России. В то же время, изображая жизнь российского тыла, литература отразила не только горе, причиненное войной. Война стала "великой проявительницей" (Н. Бердяев), выявившей глубинные основы национального характера. Она позволила заново ощутить довоенные ценности российской повседневности. Война оттенила красоту обыденного мира, а красота жизни, в свою очередь, становилась антитезой войне»[45].

Война 1914 г., отраженная во множестве письменных текстов, стала тем мотивом, который в первую очередь активизировал индивидуальную память человека, поэтому большинство песенных и стихотворных текстов о ней относится к первой группе сюжетов. К массовой ситуативной памяти следует привязать множество перетекстовок на популярные городские и уличные мелодии, что совпадает с сюжетным фондом второй группы песен. И наконец, третья группа сюжетов связана с тем фактом, что эмоции и переживания по поводу военных событий нашли отражение в сложившемся уже традиционном универсуме народной лирической песни в разных ее жанровых проявлениях, и тем самым были задействованы механизмы памяти традиции, включавшие в нее новые детали и реалии.

Частушки

Частушка со времен Первой мировой войны заняла доминирующее положение среди жанров русского песенного фольклора. Зафиксированная собирателями еще во второй половине XIX в., она воспринималась как новый жанр русской народной поэзии. Основной средой ее бытования являлись праздничные молодежные гуляния. События русско-японской и Первой мировой войн показали, что этот жанр устной народной поэзии легко откликается на политические запросы общества, так например:

Мы с Японией буянили,
С Германией идём;
Кулаки у нас большие,
Мы нигде не пропадём.[46]

В течение всего лишь нескольких десятилетий[47] частушка не только укоренилась во многих песенных

Неизвестный художник. Карикатура «Хоть одет ты и по форме...». М., 1914. Хромолитография

[45] *Иванов А. И.* Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг. С. 15.

[46] См.: *Симаков В. И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. Петроград, 1915. С. 12.

традициях, но и породила множество локальных форм, в которых природа частушки как сольной речитативной импровизации, сопровождаемой инструментальным (чаще всего — гармонным) наигрышем, органично соединилась с канонами локальных песенных традиций и воплотилась в ансамблевых, многоголосных формах. Именно в таком виде частушка вошла в состав праздничных и обрядовых музыкально-хореографических комплексов и заняла в них центральное место. Многообразие локальных форм частушек отражено в обилии их местных наименований, большинство которых свидетельствует о доминировании словесного, речевого начала в этом жанре (*прибаски*, *прибаутки*, *тараторки* и др.).

Музыкально-поэтический строй частушки оказался той универсальной жанровой структурой, которая органично влилась в традиционный фольклорный фонд и стала своеобразным медиатором, чутко реагирующим на новые социально-бытовые и политические обстоятельства жизни общества. Частушка легко преодолевала границы между городом и деревней, между устной и книжной культурами. Частушка определила в некоторой степени путь русской культуры на целое столетие, начиная с периода Первой мировой войны и до конца XX в. Она стала инструментом формирования массового художественного вкуса советской эпохи.

Тематическую группу частушек, посвященных Первой мировой войне, выделили А. А. Горелов и З. И. Власова в сборнике «Частушки в записях советского времени».[48]

Непосредственно теме Первой мировой войны посвящены специальные статьи А. Недвиги «"Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!" (Первая мировая война в русской частушке)»[49] и Н. Л. Зыковой «Отражение Первой мировой войны в русском фольклоре».[50]

В них утверждается, что в частушках был отражен поначалу оптимистический настрой призывников на войну:

Сдадут, сдадут меня в солдаты,
Никакой нет льготушки,
Теперь с Германией война,
Служить иду с охотушки.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 52, л. 155

В частности, о популярности войны говорит успешно проведенная мобилизация и большое количество добровольцев:

Пойдём, товарищ, добровольцем,
Будем родине служить:
Распроклятого австрийца
Будем вместе с тобой бить.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 9, л. 1043

Авторы статей отмечают, что «в текстах превалирует негативное отношение к немцам и австро-венграм. Врагам приписываются трусость, их обзывают или пьяницами или дураками, сравнивают с нечистой силою»:

Австрийцы — кровопийцы,
Немцы — дьяволы:
Перебили всех мальчишек,
Последних ранили.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 52, л. 15

Русский же солдат изображается как полная противоположность противнику — отмечается его храбрость и смекалка:

Вы послушайте, ребята,
Немцы глупы, как телята,
А казак Крючков провор —
Десять разом заколол![51]

[47] Большинство исследователей относят возникновение жанра частушки к 60–70-м гг. XIX в. См., например: *Гиппиус Е. В.* Интонационные элементы русской частушки//Советский фольклор. 1936. № 4–5; *Бойко Ю . Е.* Соотношение текста и напева в русской частушке //Искусство устной традиции: Историческая морфология. СПб., 2002.

[48] Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов М.; Л., 1965.

[49] *Недвига А. Е.* «Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!»: Первая мировая война в русской частушке//Живая старина. 2003. № 4. С. 17–19.

[50] *Зыкова Н. Л.* Отражение Первой мировой войны в русском фольклоре//Развитие гуманитарных наук: Материалы международной научно-практической конференции (27.02–29.02.2012). Познань, 2012. Ч. 1. С. 99–104. Первая мировая война в русском фольклоре. — Статья Зыковой практически повторяет статью Недвиги.

[51] *Симаков В. И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. С. 14.

В частушках подмечаются особенности быта иностранцев, их образ жизни, непривычный для солдата-крестьянина:

Ну какие с них вояки,
Щей да каши не признают,
А заместо нашей каши
У накладку кофей пьют.[52]

Таково переданное в частушках настроение русских солдат и призывников первых месяцев войны и периода мобилизации.

В ходе войны тональность постепенно меняется — уже нет удивления при соприкосновении с образом жизни неприятеля, остается лишь ненависть как у солдат, так и у тех, кто остался в тылу:

У меня миленькой в Германии,
Тоскую я об нём.
Дай бы, господи, Германия
Сгорела бы огнём![53]

Тем не менее, в частушках не нашли отражения реалии тягот солдатской жизни. Эта тема воплотилась в другом — песенном — жанре фольклора (см. выше). Некоторые параллели на эту тему можно найти в так называемом письме в стихах:

Мы сидим в глубоких ямах,
На нас дождик льёт, росит,
И как засыплют пулемёты,
Ну, поверьте, что за жизнь.

РО ИРЛИ. P.V, ф. 280, оп. 1, № 58, л. 6

Сравним:

Мы сидим в глубоких ямах,
На нас дождик льет, росит,
И как засыплют пулеметы,
Ну, поверьте, что за жизнь.

«Хорошо тебе на воле» — 1.21-а

Подобные описания показывают отвращение к окопной жизни и тоску по родине и дому:

Вы обшиты и обмыты
И весёлыи кругом,
А нас кусают паразиты,
Сами ловим их и бьём.

РО ИРЛИ. P.V, ф. 280, оп. 1, № 58, л. 7

Сравним:

У вас есть теплыи хаты,
Как у важных у господ,
А у нас летят снаряды,
Прямо падают в окоп.
Вы обшиты и обмыты
И веселыи кругом,
А нас кусают паразиты,
Сами ловим их и бьем.
Кто домой из нас вернется
И расскажет кое-что,
И весь век он не забудет
Это адское житье.

«Хорошо тебе на воле» — 1.21-а

Батальные сцены в частушках встречаются редко:

Вот вспыхнуло утро,
И выстрел раздался,
И грохот безумный
Пошёл кононад.
Над нашим окопом
Снаряд разорвался,
И слышны там стоны
И крики солдат.

РО ИРЛИ. P.V, ф. 280. оп. 1, № 54, л. 6

Стилистико-семантическая близость частушки и песни очевидна.

Тема смерти в «тыловых» частушках занимает особое место, причем именно в период ожидания окончания войны

По германской по границе
По канавке кровь бежит:

---

[52] *Зыкова Н. Л.* Отражение Первой мировой войны в русском фольклоре. С. 7.

[53] Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. 265, № 5759.

Неизвестный художник. На буксире. М., 1914. Хромолитография

Ох, мой братка здесь убита,
Другой раненый лежит.
РО ИРЛИ. Р. V, ф. 280, оп. 1, № 51, л. 171

Впервые частушка выразила живое человеческое отношение к страданию, сострадание к людям покалеченным, пропавшим без вести и убитым на войне. Она противопоставила известную традиционную формульную тему «черного ворона» (молодца, умирающего от ран на чужбине) живому чувству:

Много ёлок, много ёлок,
Много вересиночек.
За проклятого германца
Много сиротиночек.
РО ИРЛИ. Р. V, ф. 280, оп. 1, № 50, л. 47

Севодни раненько, раненько
Заморозило маленько,
Снежок беленький напал —
Милый без вести пропал.
РО ИРЛИ. Р. V, ф. 280, оп. 1, №9, л. 1054

Откровенные антивоенные настроения составляют отдельную «частушечную» тему:

Ты, Германия, Германия,
Включай скорее мир!
По второму ягодинке
Воевать не отдадим![54]
Распроклятые германцы,
Бросайте воевать!
Я, молоденький мальчишка,
Хочу дома побывать.

РО ИРЛИ. Р.V, ф.280, оп. 1, № 9, л. 1055

Несмотря на массовость и популярность частушки во время Первой мировой войны, она отразила прежде всего индивидуальное отношение к событиям и оказалась близкой к первой группе песен.

Таким образом, события Первой мировой войны послужили стимулом для пробуждения исторической памяти народа и сохранения в новых условиях фольклорной традиции с внесением в нее новых тем и проблем, с неизбежным появлением и закреплением новых жанровых форм. Дальнейшее исследование музыкально-поэтического фольклора этой исторической эпохи позволит по-новому взглянуть на ряд малоизученных проблем российской фольклористики, среди которых происхождение стиля мужской и, в частности, солдатской песни; взаимодействие городского и крестьянского пластов русской традиционной песни; отражение городского стиля народной песни в различных региональных традициях и т. д.

Н. Самокиш. Переправа драгун на неприятельский берег. Рис. 1915 г.

[54] Там же. С. 86, № 1425.

НАУКА НѢМЦУ

Разрѣшено военною цензурою. 16 октября 1914 г.

Т-ва Типо-Литографіи И. М. Машистова.

Раздел 1

Песни, созданные в годы Первой мировой войны

Условные обозначения к нотному разделу

— транспозиция нотного текста на октаву выше реального звучания

— нисходящее или восходящее глиссандирование к звуку неопределенной высоты

— нисходящее или восходящее глиссандирование к звуку определенной высоты

— фальцетный звук

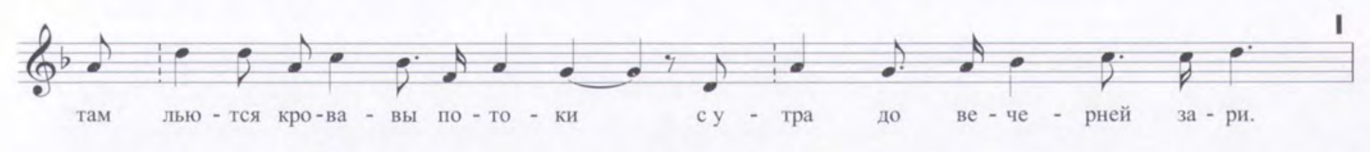
— повышение и понижение звука менее, чем на полутон

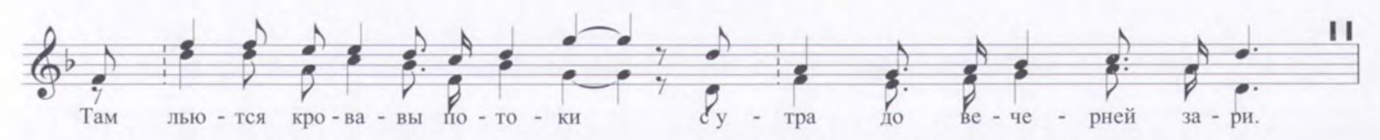
— скандирование или интонирование, близкое к речевому

— знак окончания музыкально-ритмического периода

— знак окончания мелострофы

1.1





На западе с немцем жестоким
В защиту родимой земли
Там льются кровавы потоки
С утра до вечерней зари.

Там бьются за правое дело,
И смерть храбрецов не страшит.
На битву идут они смело,
Как Родина-мать им велела.

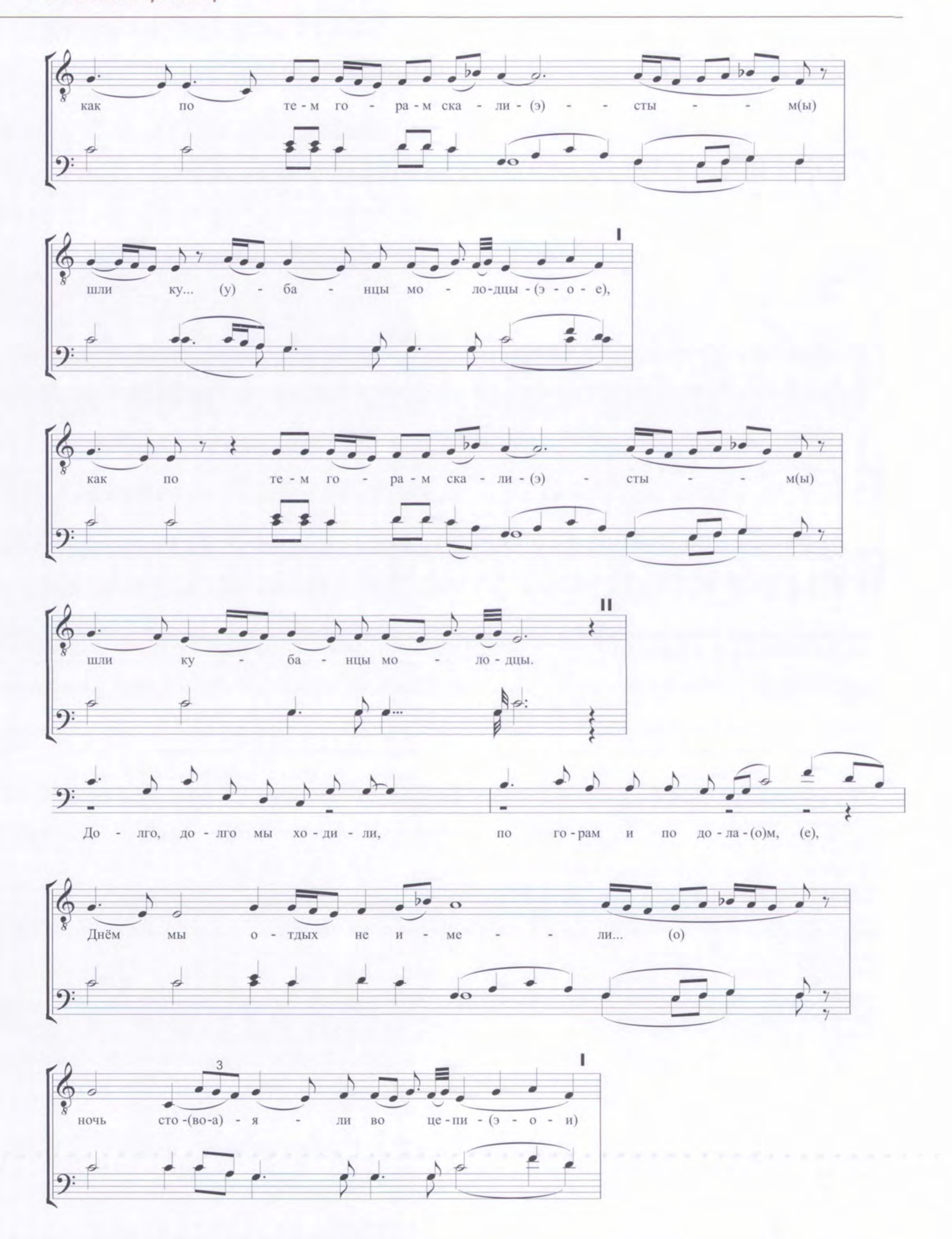
А дома отец весь в сединах,
А с ним и родимая мать.
Всё ждут они весточки с фронта,
Про сына им хочется знать.

Из фронта семье сообщают, —
Нахлынули слёзы из глаз, —
Что сын их погиб за отчизну,
О нём по полку был приказ.

Убит он во цвете и силе,
Убит, похоронен вдали.
Могилу бойца украшают,
Защитника русской земли.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 1309. Звукозапись и нотация М. Я. Черняк. Челябинская обл., Сосновский р-н, дер. Смолино. 04.05.1944 г. Исп.: Татьяна Константиновна Смолина 1900 г.р. и Татьяна Александровна Пахачова 1880 г.р.

Неизвестный художник. Наука немцу. М., 1914. Хромолитография


как по те - м го - ра - м ска - ли - (э) - - сты - - м(ы)
шли ку... (у) - ба - нцы мо - ло-дцы - (э - о - е),
как по те - м го - ра - м ска - ли - (э) - сты - - м(ы)
шли ку - ба - нцы мо - ло - дцы.
До - лго, до - лго мы хо - ди - ли, по го - рам и по до - ла - (о)м, (е),
Днём мы о - тдых не и - ме - - ли... (о)
ночь сто -(во-а) - я - ли во це - пи - (э - о - и)

Днём мы о - т(ы)-дых не и - ме - - ли - - - - (а)

ночь сто - я - ли во це-пи.

В горах скалистых и обширных,
Где голод царствовал кругом,
Как по тем горам скалистым
Шли кубанцы-молодцы,
Как по тем горам скалистым
Шли кубанцы-молодцы.

Долго, долго мы ходили
По горам и по скалам,
Днём мы отдых не имели,
А ночь стояли во цепи,
Днём мы отдых не имели,
А ночь стояли во цепи.

Но зато нас пожалели —
Отразивши басурман,
Спирт казённый вдоволь пили,
А мясо ели по фунту́,
Спирт казённый вдоволь пили,
А мясо ели по фунту́.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 4243. Звукозапись Л. Антиповой. Ставропольский край, Изобильненский р-н, станица Баклановская. От семьи казаков Калашниковых. Нотировка Л. Антиповой.

1.5

♩=112

Да на за - па - де ма - ту - шки Ро... да Ро - сси... Ро - сси - и - (а),

вы х(ы) вых ле - сах.
да взе - лё - ных со - сно - вых ле - сах.

Да на за - па - де ма - ту - шки Ро...да Ро - сси... Ро - сси - и да о - х(ы),

да в зе - лё - ных со - сно - вых ле - сах.
Да там рву - (ю) - тся - гра - на - ты во - т(ы) да шра - пне... шра - пне - ли - (я), о х(ы)
да взы - ва - ё - т(ы) да пу - рга об зя - млю.
Да там рву - тся гра - на - ты, эх да, ну шра - пне... шра - пне - ли - (я), о - х(ы).
Да взы - ва - ё - т(ы) да пу - рга да об..об зе - млю.
Да там лью - тся да кро - ва - вы - е да по - то... по - то - ки, во - т(ы),
да с у - тра до ве - че - рней по - ры.

Да на западе матушки Ро… да Росси… России,
Да в зелёных сосновых лесах,
Да на западе матушки Ро… да Росси… России да,
Ох, да в зелёных сосновых лесах

Рвутся гранаты, вот да шрапне… шрапнели,
Ох, да взвываёть да пурга об землю,
Да там рвутся гранаты, да ну, шрапне… шрапнели,
Ох, да взвываёть да пурга да об… об землю.

Да там льются да кровавые да… да пото… потоки
Вот да с утра до вечерней поры,
Да там льются да кровавые да… да пото… потоки,
Ох, да с утра до вечерней, ай, зари.

Да там бьются да казаки же да… да за пра… за правду,
Да и смерть не страшит храбрецов,
Да там бьются да казаки же да… да за пра… за правду,
Ох, и смерть не страшит храбрецов.

Да нам шлють из Любли… из Люблина газе… газеты,
Ох, да читають нам военный приказ.
Да нам шлють из Любли… из Люблина газе… газеты,
Вот да читають нам военный приказ.

Да и пишуть да из до… из дома да родны… родные,
Да и хочуть про сынушку узнать.
Ох, да пишуть да из до… из дома да родны… родные,
Да вот, хочуть про сынушку узнать.

Ой, да сын, он давно, давно убитый, убитый,
Ой, да сырою землёю он зарыт.
Да там сын, он давно, давно уби… вот убитый,
Ой, да сырою землёю он зарыт.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7183 (см. 1.3). Нотировка В. В. Мироновой-Ломаковой.

1.6

Кто в Варшаве не бывал, тот и горя не видал,
А мы были-побывали, всею горюшку узнали.

А мы были-побывали, всею горюшку узнали,
Через Польшу перешли, мы квартирушки нашли.

Через Польщу перешли, мы квартирушки нашли,
По квартирам становились, в нас хозяющки влюбились.

По квартирам становились, в нас хозяюшки влюбились.
Хотя хатушки курны, ну, хозяюшки добры.

Хотя хатушки курные, ну, хозяюшки добрые,
Вот добры, добры, добры да, ещё ласкаваи.

Вот добры, добры, добры да, ещё ласкаваи,
А старые старики, одним словом, чудаки.

А старые старики, одним словом, чудаки,
Дочерей своих скрывали, во чуланы запирали.

Дочерей своих скрывали, во чуланы запирали,
Девки плакали, рыдали, что донцов давно видали.

Девки плакали, рыдали, что донцов давно видали,
А что это за донцы, что за хваты-молодцы!

А что это за донцы, что за хваты-молодцы,
А йди донцы родились, на какой земле росли?

А йди донцы родились, на какой земле росли —
На Дону донцы родились, на Дону и выросли.

На Дону донцы родились, на Дону и выросли.
Сам с девчонкой говорит, сам усами шевелит.

Он кивнёт-моргнёт глазами: «Ступай, девушка, за нами,
Ступай девушка, за нами, за донскими казаками».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 15690. Звукозапись Э. В. Елецкого.Волгоградская обл., г. Калач-на-Дону. Январь 1981 г. С голосов Тимофея Ивановича Васильева 1910 г.р. и его жены Ксении Александровны Васильевой 1911 г.р., эпизодически включавшейся в песню. Нотировка Э. В. Елецкого.

1.7

Эй, вышел старший объяснять, нам задачу задаёт

Гой, нам задачу задаёт…
Не забудьте помолиться да, нам, наверно, в бой идти.

Эй, нам, наверно, в бой идти…
Резво встали, Богу помолились и вперёд, на смертный бой.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 14369. Звукозапись В. В. Мироновой-Ломаковой. Ростовская обл., Верхнедонской р-н, хут. Дударевский.1971 г. Исп.: П. Е. Мельникова, А. Н. Мельникова и М. Т. Абакумова. Нотировка В. В. Мироновой-Ломаковой.

1.8

на взмы - лё - (ё) - на - м на ко - не, йэ,
че - рез ча - с(ы) да ка - зак при - мча - лся, ой,
на взмы - лё - (ё) - на - м на ко - не. Ой,
на взмы - лё - нам на ко - не, ой,
жи - во, бра - (я) - тцы да, а вы по - ды - ма... (эй) - тесь, ой,
мы на - ве - р(и) - но да в бой по - йдём, (й)эй,
жи - во, бра - (я) - тцы да, а вы по - ды - ма - йтесь. Эй,
мы на - ве - р(и) - но да в бой по - йдём. Ой,
Мы на - ве - рно в бой по -йдём, (и)эй,
бы - стро вста - (я) - ли да, а мы по - мо - ли - лись, эй,
и в сме - рте - л(и) - на - й бой по - шли, (й)эй,

Ай, казаки в кружок сбирались,ой,
Тихо грелись у костра, эй,
Через час да казак примчался, ой,
На взмылёнам на коне,
Через час да казак примчался, ой,
На взмылёнам на коне.

Ой, на взмылёнам на коне, ой,
Живо, братцы да, а вы подымайтесь, ой,
Мы, наверно, да в бой пойдём, эй,
Живо, братцы да, а вы подымайтесь, эй,
Мы, наверно, в бой пойдём.

Ой, мы, наверно, в бой пойдём, эй,
Быстро встали да, а мы помолились, эй,
И в смертельнай бой пошли, эй,
Встали быстра да, а мы помолились,
И в смертельнай бой пошли.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 14301. Звукозапись В. В. Мироновой-Ломаковой. Ростовская обл., Вёшенский р-н, станица Вёшенская. С голоса К. С. Турилина 1925 г.р. Нотировка В. В. Мироновой-Ломаковой.

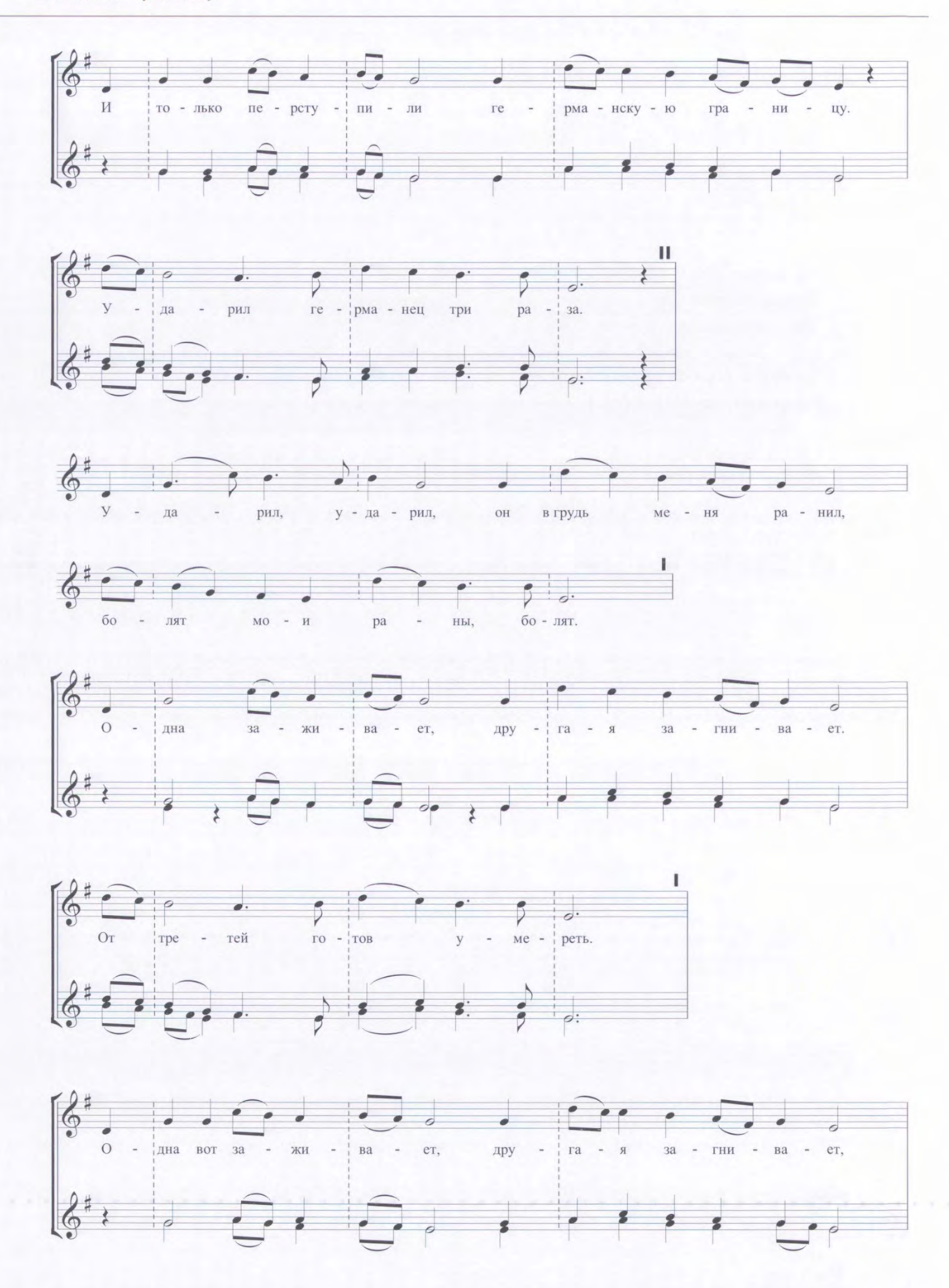
1.9

♩=76

Вот же шли два ге - ро - я с ге - рма - нско - го фро - нта,
с ге - рма - нско - го фро - нта до - мой.

И то - лько пе - рсту - пи - ли ге - рма - нску - ю гра - ни - цу.

У - да - рил ге - рма - нец три ра - за.


И то - лько пе - рсту - пи - ли ге - рма - нску - ю гра - ни - цу.
У - да - рил ге - рма - нец три ра - за.
У - да - рил, у - да - рил, он в грудь ме - ня ра - нил,
бо - лят мо - и ра - ны, бо - лят.
О - дна за - жи - ва - ет, дру - га - я за - гни - ва - ет.
От тре - тей го - тов у - ме - реть.
О - дна вот за - жи - ва - ет, дру - га - я за - гни - ва - ет,

Вот же шли два героя с германского фронта,
С германского фронта домой,
И только перступили германскую границу —
Ударил германец три разá,
И только перступили германскую границу —
Ударил германец три разá.

Ударил, ударил, он в грудь меня ранил,
Болят мои раны, болят.
Одна заживает, другая загнивает,
От третей готов умереть.
Одна заживает, другая загнивает,
От третей готов умереть.

А дома мамаша, жена молодая
Давно поджидают меня.
И пусть поджидают, такое их уж дело —
Они не дождутся меня.
И пусть поджидают, такое их уж дело —
Они не дождутся меня.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7927. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Новоаннинский р-н, хут. Соловьёвский. 1948 г. От местных казаков (имена и возраст исполнителей не указаны). Нотировка К. Г. Свитовой.

1.9-а

♩=64

О - дна - жды слу - жил я на по - льской гра - ни - це,

по - ляк ме - ня ра - нил тя - же - ло,

по - ляк ме - ня ра - нил и в грудь мне у - да - рил,

и в грудь мне у - да - рил тя - же - ло.

То - ва - рищ, то - ва - рищ, бо - лят мо - и ра - ны.

Бо - лят мо - и ра - ны тя - же - ло.

Однажды служил я на польской границе,
Поляк меня ранил тяжело.
Поляк меня ранил и в грудь меня ударил,
И в грудь меня ударил тяжело.
Товарищ, товарищ, болят мои раны,
Болят мои раны тяжело.

Одна нарывает, другая заживает,
А с третьей придётся помирать.
Одна нарывает, другая заживает,
А с третьей придётся помирать.

А дома детишки, жена молодая,
Они поджидают домой.
А дома детишки, жена молодая,
Они поджидают домой.

И вырастут дети, и спросят мамаши:
«А где ж наш родимый отец?»
И вырастут дети, и спросят мамаши:
«И где ж наш родимый отец?»

А мать отвернётся, слезами зальётся:
«Отец ваш убит на войне».
А мать отвернётся, слезами зальётся:
«Отец ваш убит на войне.

Его там убили, землёю зарыли,
Он больше не вернётся назад.
Его там убили, землёю зарыли,
Он больше не ввергнется назад».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 1239. Звукозапись Б. М. Добровольского и Е. И. Казанцева. Костромская обл., Костромской р-н, дер. Тепрá. 05.07.1960 г. С голосов девятнадцати колхозниц в возрасте от 19 до 35 лет. Имена исполнительниц не указаны. Нотировка Л. М. Кершнер.

1.10

По широким степям Украины
Ветер тихо в степи завывал,
А в окопе сыром и холодном
Там боец молодой умирал,
А в окопе сыром и холодном,
Там боец молодой умирал.

Он лежал под солдатской шинелью,
Ветер волос его развевал,
И лежал он с простреленной грудью,
Про себя что-то тихо шептал,
И лежал он с простреленной грудью,
Про себя что-то тихо шептал:

«Ой, вы, братцы мои дорогие,
Перьвяжите вы рану мою,
Ведь прострелена грудь молодая
В этом жарком неравном бою,
Ведь прострелена грудь молодая
В этом жарком неравном бою.

И наверно того не дождуся,
Когда раннее солнце взойдёт.
Умирать мне ещё неохота,
Мне всего восемнадцатый год,
Умирать мне ещё неохота,
Мне всего восемнадцатый год».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 8524. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Подтёлковский р-н, хут. Кривский. 1948 г. От группы казачек. Имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

1.11

Было́ ж нас два товарища,
Было́ ж нас два товарища,
Было́ ж нас два товарища, два друга родных,
Было́ ж нас два товарища, два друга родных.

Вдруг свистнула картеча,
Вдруг свистнула картеча,
Вдруг свистнула картеча, товарищ мой упал,
Вдруг свистнула картеча, товарищ мой упал.

Упал, упал товарищ,
Упал, упал товарищ,
Упал, упал товарищ на землю сырую,
Упал, упал товарищ на землю сырую.

Двенадцать вооружённых,
Двенадцать вооружённых,
Двенадцать вооружённых носилки принесли,
Двенадцать вооружённых носилки принесли.

Носилки не простые,
Носилки не простые,
Носилки не простые, из ружей сложены,
Носилки не простые, из ружей сложены.

Несли его лесами,
Несли его лесами,
Несли его лесами, молчали как один,
Несли его лесами, молчали как один.

Один из них, товарищ,
Один из них, товарищ,
Один из них, товарищ сказал: «Ребята, стой!»
Один из них, товарищ сказал: «Ребята, стой!»

Носилки опустили,
Носилки опустили,
Носилки опустили на землю сырую,
Носилки опустили на землю сырую

И вырыли могилу,
И вырыли могилу,
И вырыли могилу глубокую ему,
И вырыли могилу глубокую ему.

В могилу опустили,
В могилу опустили,
В могилу опустили, сказали: «Брат, прощай!»
В могилу опустили, сказали: «Брат, прощай!»

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7923. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Новоаннинский р-н, хут. Соловьёвский. 1948 г. От группы казаков. Имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

1.12

Ночь прошла в полевом лазарете,
Где дежурили доктор с сестрой.
В полумраке в весеннем рассвете
Умирает от раны герой,
Умирает от раны герой.

Он собрал все последние силы
И диктует сестре — что писать.
Сам он близок, уж близок к могиле,
Но не хочет родных огорчать:

«Жене милой моей напишите,
Что я скуку хочу разогнать.
Легко ранен я в правую руку,
Потому не могу сам писать.

Своих деток я крепко целую,
Ещё крепче хочу их обнять,
А ещё дорогую целую,
Мою ро́дную старую мать.

Ну, а брату в письме напишите,
Что наш полк отличился в бою,
Что с врагами мы крепко дралися
И за вас, и за землю свою».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 8521. Звукозапись К. Г. Свитовой. Г. Калуга. 1948 г. Нотировка К. Г. Свитовой.

1.12-а

♩=50

Э - (э)х, в по - ле - во - м(ы) пе - рдви - жно - м(ы) ла - за - ре - (е - е - е) - те - (е),

там де - жу - (у) - ри - ли вра - (я)ч и се - стра, эй,

– я - я –

в по - ле - вом пе - рдви - жно - м(ы) ла - за - ре - (е - е - е) - те,

– е - е –

там де - жу - (у) - ри - ли вра - (я)ч и се - стра.

Эх, в полевом пердвижном лазарете
Там дежурили врач и сестра, эй,
В полевом пердвижном лазарете
Там дежурили врач и сестра.

Эй, а в туманном осеннем рассвете
Умирает от раны казак,
А в туманном осеннем рассвете
Умирает от раны казак.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 8522. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Подтёлковский р-н, станица Слащёвская. 1948 г. От группы казачек. Имена и возраст исполнительниц не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

1.13

За лесом солнце звоссияло,
Где чёрный ворон прокричал,
За лесом солнце звоссияло,
Где чёрный ворон прокричал.

Одна слеза на грудь упала,
Последний раз сказал: «Прощай!»
Одна слеза на грудь упала,
Последний раз сказал: «Прощай!»

Прощайте, братья мои, сёстры,
Прощайте, милые друзья,
Прощайте, братья мои, сёстры,
Прощайте, милые друзья!

А завтра рано на рассвете,
Быть может, на́ смерть иду я,
А завтра рано на рассвете,
Быть может, на́ смерть иду я.

Быть может, меткая винтовка
Сразит меня из-за куста,
Быть может, меткая винтовка
Сразит меня из-за куста.

На службе хлеба дают мало,
Я рад сухому сухарю,
На службе хлеба дают мало,
Я рад сухому да сухарю.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 15665. Звукозапись студентов Моск. гос. ин-та культуры Е. В. Марининой и Смирновой. Челябинская обл., Катав-Ивановский р-н, с. Тюлюк. 1983 г. С голосов А. И. Сенчуговой 1911 г.р. и А. П. Шубиной 1912 г.р. Нотировка Т. С. Новиковой.

Геройскій подвигъ шт.-кап. П. Н. Нестерова

Военный летчикъ шт.-к. П. Н Нестеровъ увидавъ въ районѣ Желкіева вражескій австрійскій аэропланъ летящій надъ расположеніемъ нашихъ войскъ и собиравшійся бросать въ наши войска бомбы поднялся и полетѣлъ навстрѣчу врагу, атаковавъ вражескій аэропланъ, врѣзался въ него своимъ аппарат. сбросивъ внизъ, но благодаря роковой случайности, задѣлъ своимъ шасси о пропеллеръ австрійскаго аэроплана, причемъ получился сильнѣйшій толчекъ, вслѣдствіи чего Нестеровъ ударился о спинку сидѣнья и получилъ переломъ спинного хребта, смерть послѣдовала моментально. Нестеровъ погибъ смертью героя предотвративъ жертвы въ нашихъ войскахъ отъ бомбъ противника. Покойный былъ извѣстенъ всему миру, т. к. первый сдѣлалъ мертвую петлю и слылъ за лучшаго неустрашимаго русск. летчика.

Изданіе Б. В. Кудинова.

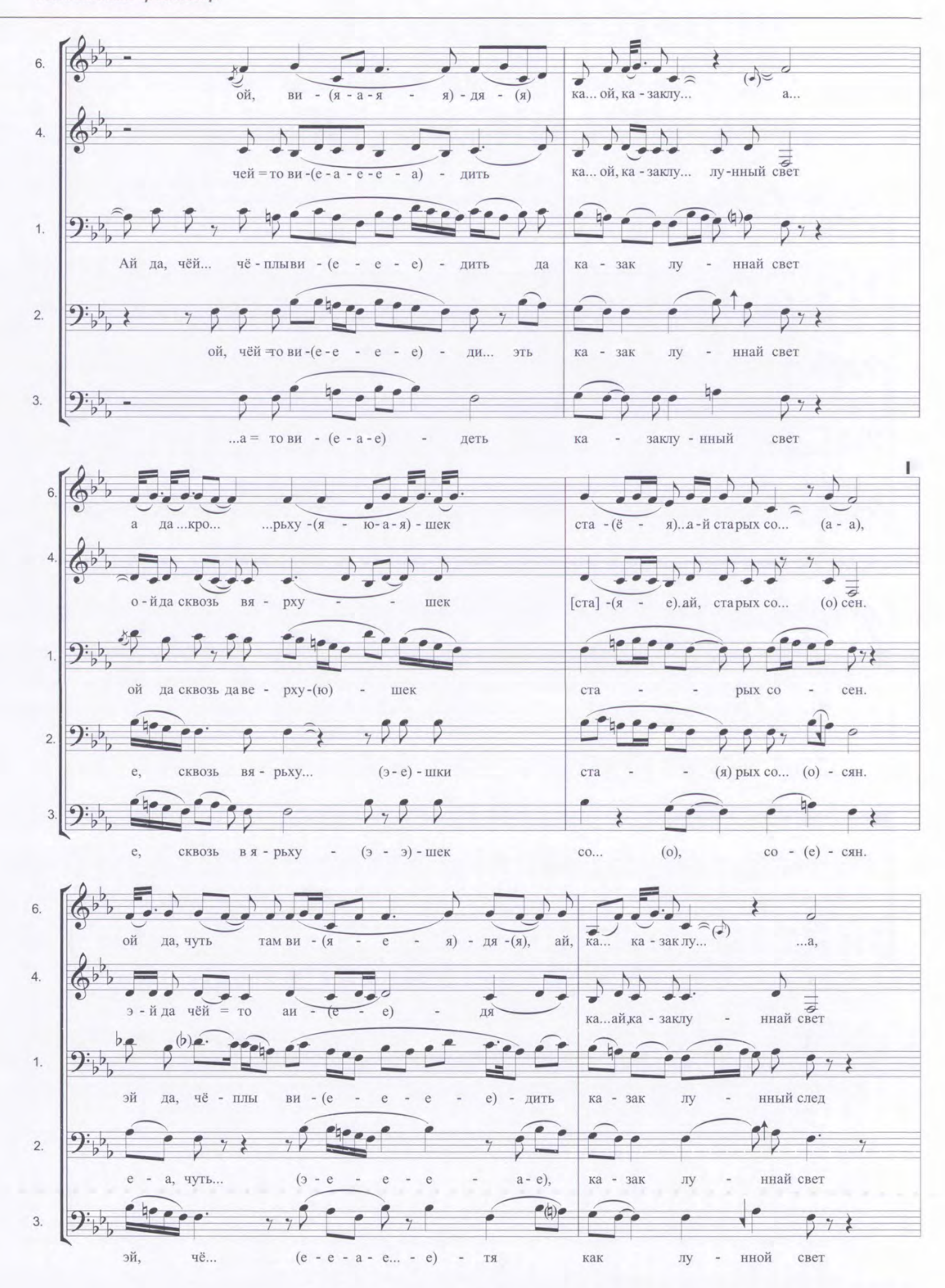
Оптовый складъ изданія: Москва, Полянка, 1-й Казачій пер., д. 8., кв. 4. Тел. 1-18-71.
" " " Солянка, 1 магазинъ 4. книжн. торговля Сизяковъ В. А. и К°

Неизвестный художник. Геройский подвиг военного лётчика штабс-капитана П. Н. Нестерова. М., 1914. Хромолитография

1.14

♪=112
1.
Ай, сквозь ня-мой зло - ве - щий мрак а за-та-ё - ннай зло-бнай ду - мой,
6.
за-блу-ди-(е - е - е - е-е - е - е - е)-вши, наш, наш донско-й ты ка-зак
6.
за-блу-ди-(е - е - е - е - е - е)-вши, ой, са...ой, наш донской да ка-зак
1.
эй, да, за... за-блу-ди - (е - е - е) - вши, ой сам донской ка-зак
2.
ой, за-блу-ди-(е - е - а - е - а)-вше, ей, на... наш донской ка...
3.
эй, за-блу-ди - (е - а - е - о - е) - вшась, сам донской ка - зак
6.
эй да, е-(е - е)-деть мра - (я - я)-чно ё... ён, ка-за к(ы) да у грю... (э)-май.
4.
о-й да, е - деть мра... (о - я) - чно ён, ка зак у-грю - май,
1.
э - й да, е - деть мра -(я) - чно ён, ка зак у-грю - май,
2.
(е), е - деть мра - (э - е) чно, (е - е), ка зак у-грю - май,
3.
(е), е - (а)-деть мра... (а) чно, ён, ка - зак у - грю - май.

6.
Ай да, за- (я)... за-блу-ди - (я - э) - вши. Эй да, на... наш до - нской... А
4.
ой да за - блу-ди-(е - е - а - е - е - а) вши, сам до - нской да ка-зак
1.
эй да, за - блу-ди - (е - е - е) - вши, сам до - нской ка-зак
2.
е - а, за... за [блу] -...(е - е - е) - вши, а-й,наш до - нской -(э)й ка-зак
3.
ай, за - блу-ди - (е - а - е... - э) - вши - ся, сам до - нской ка - зак
6.
эх да, е... мра - (я - я) - чно ё... ён, ка - зак да (й) у грю... ...(э) май.
4.
ой, е - деть мра - чно ён, ка - зак да(й) у - грю - май.
1.
ай да, е - детьмра - (я) - чно ён, ка - зак у - грю - май.
2.
е... е - детьмра - (я... - э - е)нно (е - о), ка - за-(о-я)к у-грю-(а - е) - май.
3.
е - а, е - деть мра - чно ён, и ка - зак у - грю - май.
1.
Эй, за - блу - ди - вши - ся, казак, а путь ба - ла - ти - стай я - му не - сно - сен.


6.
ой, ви - (я - а - я - я) - дя - (я)
ка... ой, ка - заклу... а...
4.
чей = то ви -(е - а - е - е - а) - дить
ка... ой, ка - заклу... лу - нный свет
1.
Ай да, чёй... чё - плыви - (е - е - е) - дить да
ка - зак лу - ннай свет
2.
ой, чёй =то ви -(е - е - е - е) - ди... эть
ка - зак лу - ннай свет
3.
...а = то ви - (е - а - е) - деть
ка - заклу - нный свет
6.
а да ...кро... ...рьху -(я - ю - а - я) - шек
ста -(ё - я)..а - й старых со... (а - а),
4.
о - й да сквозь вя - рху - шек
[ста] -(я - е).ай, старых со... (о) сен.
1.
ой да сквозь да ве - рху -(ю) - шек
ста - рых со - сен.
2.
е, сквозь вя - рьху... (э - е) - шки
ста - (я) рых со... (о) - сян.
3.
е, сквозь в я - рьху - (э - э) - шек
со... (о), со - (е) - сян.
6.
ой да, чуть там ви - (я - е - я) - дя -(я), ай,
ка... ка - зак лу... ...а,
4.
э - й да чёй = то аи - (е - е) - дя
ка...ай,ка - заклу - ннай свет
1.
эй да, чё - плы ви - (е - е - е - е - е) - дить
ка - зак лу - нный след
2.
е - а, чуть... (э - е - е - е - а - е),
ка - зак лу - ннай свет
3.
эй, чё... (е - е - а - е... - е) - тя
как лу - нной свет

6.
ой да,скрозь вя - рьху - (е - е) - шек
ста-(я - я)... ой, ста-рых со... (а - а).
4.
э, да сквозь ве рьху - (а - я - у) - шек
со - (ё - я)... ай, ста-рых со - (ё)-сян.
1.
э, сквозь вя - р(ы) ху -(ю) - шек
ста... ай, ста-рых со - сен.
2.
е, сквозь вярх... ...(э - е) - шек
ста-(я - е - я - я - я-рых со... -(э - я)-сян.
3.
е, сквозь вя - рьху... (а - е) - шек
ста... - (а) - рых со - сян.
1.
Эй,из - за - ди - (и), вперя - ди мне ня ви - дно зги,
а надоть е - хать о - сто - ро - жно,
6.
...а,
4.
ой да, где сво-и - (я - я) жа,
где... где ня - мцы да вра - ги,
1.
ай да где сво - и, э-ой, же, ай да,
где...где ня - цы да вра - ги.
2.
е - а, где... где сво-и-(е - е - е - я... - а - е - я),
где...где ня - мцы, э, вра - ги.
3.
где сво-и - (е - е - а - е) жо,
ай, где не - мцы вра - ги.

I
6.
ай да, ра - зо-бра - (я - я - я)ть их
бы... бы - ло-й не... не - во змо... - (э - а),
4.
эй да, ра - зо-бра - (я) - (а)ть их
бы - ло, о-й,не..о й,не - во - змо - жна,
1.
э - йда, ра... ра-зо-бра - (я - е)ть их
бы - ло не - змо - жна.
2.
э - а, ра... - - (э) - еть их
бы- ло ба й не, а-й,не - во змо... -(э - а)жна
3.
е - а, ра - зо-бра - (э)ть их
бы - ло не - во - змо - (я) - жно.
6.
ой да, где - (я) сво - и - (а - е - е - е) жа,
где, ай, где ня - мцы... а,
4.
э - й да, где сво - и, ай да,
где, ой, где не - мцы да вра - ги.
1.
эй да, где сво - и - (е - е - е) жа,
где не - мцы вра - ги.
2.
е - а, где... (э - е - е... а - е - а),
где ня - мцы да вра - ги. а -
3.
е - а, где сво - и - (е - е) жо,
где... где не - мцы вра - ги.
II
6.
ой да, ра - зо - бра - (я - я - я)ть их
бы... бы - ло й не... о - й, не - во - змо... - (э - а).
4.
эй да, ра - зо - бра - (я - я)ть их
бы... бы - ло й не... а - й, не - во - змо - жна.
1.
эй да, ра - зо - бра - (я - я)ть их
бы - ло (й) не... не - во - змо - жна.
2.
э, ра... э-то их
бы ло бай не..ой, не - во - змо - (а - э - а)жна.
3.
е - а, ра - зо-брать а е... тих
бы - ло не... не - во - змо - жна.

Ай, сквозь немой зловещий мрак
Затаённай злобнай думой, эй да,
За… заблудивши, сам наш донской да казак,
Ой да, едеть мрачно ён, казак угрюмай,
За… заблудивши, сам наш донской да казак,
Ой да, едеть мрачно ён, казак угрюмай.

Эй, заблудившися казак,
Путь балатистай ямэ несносен,
Ай да, чёй-то видить казак лунный свет
Сквозь вярьхушек ста…ой, старых сосен,
Ай да, чёй-то видить казак лунный свет
Сквозь вярьхушек ста… ой, старых сосен.

Эй, иззади, спереди мне не видна зги,
А надоть ехать осторожна, эй да,
Где свои жа, где, где немцы да враги,
Эй да, разобрать их было бы не… ой, невозможна,
Где свои жа, где, где немцы-враги,
Эй да, разобрать их было не… ой, невозможна.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 21003. Звукозапись А. С. Кабанова. Волгоградская обл., Алексеевский р-н, хут. Яминский. 30.07.1973 г. С голосов Василия Артемьевича Сидорова 1904 г.р., Ксенофонта Тимофеевича Орчакова 1903г.р., Григория Фёдоровича Белоусова 1906 г.р., Александры Лаврентьевны Кочубеевой 1911 г.р., Клавдии Григорьевны Памалиной 1916 г.р., Марии Лаврентьевны Сидоровой 1908 г.р. Нотировка Е. А. Дороховой.

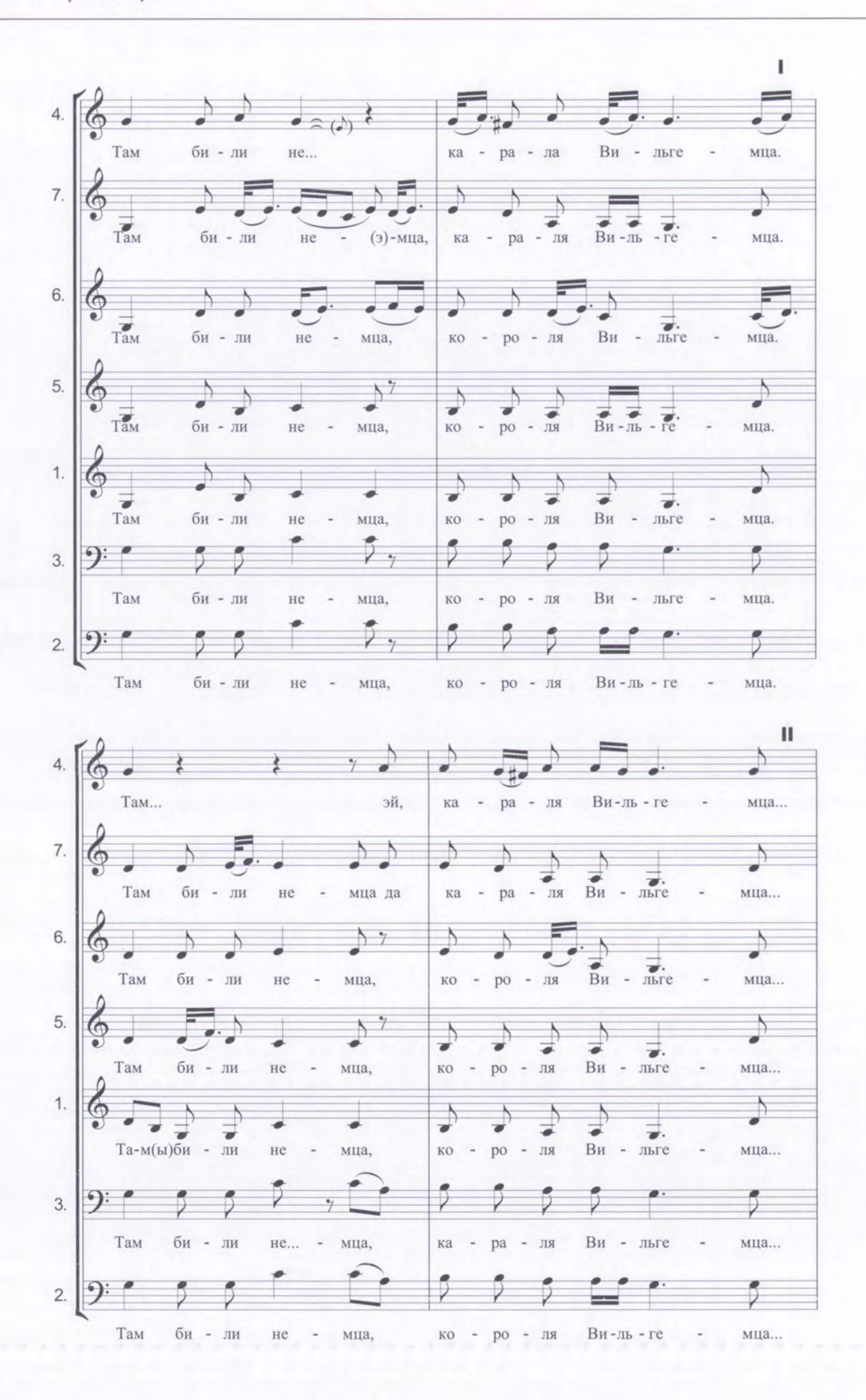
1.15

II
4. сла-вьтесь, ми ла - и дру зья, э-й, вы на всё при-го-дна-е.
7. сла-вьтесь, ми лы - е дру зья, вы на всё при-го-дна-е, ой,
6. сла-вьтесь, ми ла - и дру зья, вы на всё при-го-дна-е, ой
5. сла-вьтесь, ми ла - е дру зья, вы на всё при-го-дны-е, эй,
1. сла-вьтесь, ми ла - е дру зья, вы на всё при-го-дна-е.
3. сла-вьтесь, ми ла - е дру зья, вы на всё при-во-льна-е.
2. сла-вьтесь, ми ла - е дру зья, вы на всё при-во-льны-е.
4. Не стра... вас пу-ля, меч, не страшить я д(ы)-ро, ка-рте ч(е),
7. не стра-шить вас пу-ля, меч, не страшить я д(ы)-ро, ка-ртечь.
6. не стра-шить вас пу-ля, меч, не стра-шить я д(ы)-ро, ка-ртечь.
5. не стра-шить вас пу-ля, меч, не стра-шить я - дро, ка-ртечь.
1. Не стра-шить нас пу-ля, меч, не стра-шить я - дро, ка-ртечь.
3. Не стра-шить нас пу-ля, меч, не страшить я - дро, ка-ртечь.
2. Не стра-шить нас пу-ля, меч, не стра-шить я - дро, ка-ртечь.

I
4.
го - ры, да - ли... о - е, ро - вна - е стря - мни - ны,
7.
Го... до - ли - ны й, ро - вна - е стря - ми - ны,
6.
Го - ры, до - ли - ны, э - й, ро - вна - е стре - мни - ны,
5.
Го - ры, да - ли - (э) - ны, ро - вна - е стря - мни.. - ны,
1.
Го - ры, до - ли - ны, ро - вна - е стря - мни - ны,
3.
Го - ры, до - ли - ны, ро - вна - е стря - мни - ны,
2.
Го - ры, да - ли - ны, ро - вна - и стря - мни - ны,
II
4.
го - ры, да - ли... - ны, ро - вна - е стря - мни - ны.
7.
го - ры, до - ли - ны, ро - вна - е стря- ми - ны.
6.
го - ры, до - ли - ны, ро - вна - е стре - мни - ны.
5.
го - ры, да - ли - ны, ро - вна - и стря - мни - ны.
1.
го - ры, до - ли - ны, ро - вна - и стря - ми - ны.
3.
го - ры, да - ли... - ны, ро - вна - е стря - мни... ны.
2.
го - ры, до - ли - ны, ро - вна - и стря - мни - ны.

4. Где по - слы - шим гул, ту - да а - рла - ми ля - та (я) - ли.
7. Где по - слы - ши - м гул, ту - да о - рла - ми ле - та - ли,
6. Где па - слы - ши - м гул, ту - да а - рла - ми ле - та - ли,
5. Где па - слы - ши - м гул, ту - да а - рла - ми ля - та ли.
1. Где по - слу - шал, ох, ку - да о - рла - ми ле - та - ли - (я).
3. [Где у - слы - ши - м гул,] ту - да [о - рла - ми ле - та - ли].
2. Где по - слы - ши - м гул, ту - да о - рла - ми ле - та - ли.
4. Па за - ста - ва - м ...ё ме - сто ла - ге - рь за - ни - ма - ли,
7. По за - ста - вам и - ё ме - сто ла - ге - рь за - ни... - э - ли,
6. Па за - ста - вам и - ё ме - сто ла - ге - рь за - ни - ма - ли,
5. Па за - ста - вам и - ё ме - сто ла - ге - рь за - ни - ма... - ли,
1. По за - ста - ва - м е - ё ме - сто ла - регь за - ни - ма - ли,
3. [По за - ста - вам е - ё ме - сто] ла - герь за - ни - ма... - ли,
2. По за - ста - вам и - ё ме - сто ла - герь за - ни - ма - ли,

па - за - ста - ва - м...
ла - ге-рь за - ни - ма - ли.
па за - ста - вам и - ё ме - сто
ла - герь за - ни - ма - ли.
па за - ста - вам е - ё ме - сто
ла - ге-рь за - ни - ма - ли.
па за - ста - вам и - ё ме - сто
ла - ге-рь за - ни - ма... - ли.
по за - ста - ва - м е - ё ме - сто
ла - герь за - ни - ма - ли.
[по за - ста - вам е - ё ме - сто]
ла - ге - рь за - ни - ма... - ли.
по за - ста - вам и - ё ме - сто
ла - герь за - ни - ма - ли.
К ре - чке стро - ем мы ня - слись,
бе - ря - га па - тря сли- с(и).
К ре... стро - ям мы ня - слись,
бе - ре - га все по - тряслись.
К ре - чке стро - ям мы ня - слись,
бе - ре - га все по - тряслись.
К ре - чке стро ем мы ня - слись,
бе - ря - га все па - тря сли - с(и).
К ре - чке стро - ем мы не - сли,
бе - ре - га все по - тря сли.
К ре - чке стро - ем мы не - сли,
бе - ре - га все по - тря сли.
К ре - чке стро - ем мы не - сли,
бе - ре - га= го по - тря сли.


I
4. Там би - ли не... ка - ра - ла Ви - льге - мца.
7. Там би - ли не - (э)-мца, ка - ра - ля Ви - ль - ге - мца.
6. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - льге - мца.
5. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - ль - ге - мца.
1. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - льге - мца.
3. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - льге - мца.
2. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - ль - ге - мца.
II
4. Там... эй, ка - ра - ля Ви - ль - ге - мца...
7. Там би - ли не - мца да ка - ра - ля Ви - льге - мца...
6. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - льге - мца...
5. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - льге - мца...
1. Та - м(ы)би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - льге - мца...
3. Там би - ли не... - мца, ка - ра - ля Ви - льге - мца...
2. Там би - ли не - мца, ко - ро - ля Ви - ль - ге - мца...

Славьтесь, славьтесь, казачки,
Славьтесь, милаи друзья.
Вы донцы природны, вы на всё пригодны,
Вы донцы природны, вы на всё пригодны.

Не страшит нас пуля, меч,
Не страшит ядро, картечь,
Горы, долины, ровнаи стрямнины,
Горы, долины, ровнаи стрямнины.

Когда нужно — мы туда
Орлами летали,
По другим местам лагерь занимали,
По другим местам лагерь занимали.

Резко строились, неслись,
Берега у нас тряслись,
Били мы немца, короля Вильгемца,
Били мы немца, короля Вильгемца.

А вильгемский их король
Не страшит казачий строй.
Пушки казачьи, они очень хвачи,
Пушки казачьи, они очень хвачи.

Мы старалися служить,
Славы Дону приложить,
Крепко сражались, славы возвышались,
Крепко сражались, славы возвышались.

Николай наш молодец,
Послужить мы рады, рады,
За все милости его, за его награды,
За все милости его, за его награды.

Мы наградою царя
Знамя получали,
С ним мы в бой на врага смело выступали,
С ним мы в бой на врага смело выступали.

ФА ИРЛИ. Фонд ОКМФ. Личная коллекция А. С. Кабанова. Многоканальная звукозапись. Волгоградская обл., Даниловский р-н, хут. Горин. 1991 г. Имена исполнителей не указаны.

1.16

Истерзанный, измученный
Кровавой той войной,
На палку опирается,
Идет бедняк домой.

Идет бедняк и думает:
«Я ранен на войне.
Зачем не кончило меня
В кровавой той войне?

Зачем иду калекою
В родной я дом?
Ведь там семья голодная,
Я лишний за столом.

А как с невестой встречусь я,
И взглянет на меня.
Я был герой, красавица,
Теперь узнай меня.

Ах, мать-земля холодная,
Раскройся предо мной,
Возьми калеку горькую,
Закрой меня землей.

Не будут больше мучиться
Ни мать моя, ни я,
И все мои страдания
Прикроются тогда.

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 220, п. 1, № 93. Запись В. В. Митрофановой и Т. И. Орнатской. Архангельская обл., Красноборский р-н, дер. Большая Слудка (Кулига). 05.07.1962 г. От Ивана Васильевича Пономарева 65-ти лет, инвалида 2-й группы, участвовавшего в трех войнах. Пометка собирателей: *Песню поют не часто, женщины ее знают мало.*

1.17

Как на главном Варшавском вокзале
Станционный смотритель прошел,
В уголке там под серой шинелью
Призадумавши<сь> мальчик сидел,
В уголке там под серой шинелью
Призадумавши<сь> мальчик сидел.

Перед ним, опустясь на колени,
Молодая девица-душа.
Ее глазки налились слезами,
По плечам распустилась коса,
По плечам распустилась коса.

А к груди она все прижимала,
Точно хочут у ней что отнять,
А сама она горько рыдала,
Как приходится редко рыдать,
Как приходится редко рыдать.

Тут звонок пассажирский раздался,
И с вокзала народ побежал.
Тут солдат свою деву покинул,
Сам поспешно в вагон побежал,
Сам поспешно в вагон побежал.

«Ты останься, останься, мой милый,
Без тебя я не буду здесь жить.
Лучше лягу живая в могилу,
А не буду другого любить,
А не буду другого любить!» —

А в вагоне ему не сиделось:
Стало деву мучительно жаль,
Вспомнил он на глазах ее слезы,
На лице ее грусть и печаль,
На лице ее грусть и печаль

«Верю, верю, моя дорогая,
Что по-прежнему любишь меня.
Но ведь должен я слушать начальство
И навеки покинуть тебя,
И навеки покинуть тебя».

В тот же день, в тех же самых вагонах
Трупы мертвого тела нашли.
Так погибла их жизнь молодая
Из-за этой несчастной любви,
Из-за этой несчастной любви.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 259, п.1, № 12. Запись А. Ф. Некрыловой, Л. М. Ивлевой. Медвежьегорский р-н КАССР, дер. Пабережье. 19.07.1965 г. От Александры Ивановны Лопаревой 67-ми лет. Пояснение исполнительницы: «Она-то бросилась под поезд, а он выскочил на ходу, ну, оба и умерли».

1.18

На возморьи мы стояли
На германском берегу,
Как из этого тумана
Враг германский выходил.
Враг ты, враг ты,
И враг-германец,
И не сумел ты,
Не сумел отколь да сойти.
Как у русських войска много,
Русский лю-юбит,
Русский любит угостить.
Угостим мы тебя
Русской пулей на, на закуску,
На закуску вострый штык!
На закуску вам вострый штык,
Штык стально-ой, четырёхгранный
Грудь германскую пронзил.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 259, п.1, № 253. Запись А. Ф. Некрыловой, Л. М. Ивлевой. Медвежьегорский р-н КАССР, дер. Никонова Губа. 14.07.1965 г. От Михаила Николаевича Белова, 76-ти лет, участника всех войн, начиная с русско-японской войны 1904–1905 гг.

1.18-а

На взморье мы стояли,
На германском бережку,
Да на взморье мы смотрели,
Как волнуется волна.

Да не туман с моря поднялся,
Сильный дождичек мочит.
Да не туман с моря поднялся,
Сильный дождичек мочит.

Да посулился враг-германец
Русско войско победить.
Да посулился враг-германец
Русско войско победить

Да как у русских войска много,
Русский любит угостить,
Как у русских войска много,
Немцу неоткуль взойти.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п.1. Запись Н. П. Колпаковой 1955 г. № 56–58. Усть-Цилемский р-н, дер. Скитская (р. Пижма). 28.07.1955 г. От А. Ф. Ончуковой 48-ми лет.

1.18-б

На взморье мы стояли,
На германском берегу,
Да на взморье мы смотрели,
Как волнуется волна.
Да на взморье мы смотрели,
Как волнуется волна.

Да не туман с моря поднялся —
Частый дождичек пролил.
Да хотел он, враг-германец,
Русско войско победить.
Да хотел он, враг-германец,
Русско войско победить.

Да врешь ты, врешь ты, враг-германец,
Тебе неоткуль взойти.
Да как у русских войска много,
Русский может угостить.
Да как у русских войска много,
Русский может угостить.

Да угостить свинцовой пулей,
На закуску стальной штык.
Да стальной штык четырехгранный,
Он насквозь тебя пронзит.
Да стальной штык четырехгранный,
Он насквозь тебя пронзит.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Запись Н. П. Колпаковой 1955 г. № 56—58. Нарьян-Марский р-н, дер. Андер. 27.07.1956 г. От А. Ф. Хабаровой 45-ти лет.

1.18-в

На возмо-о-рье мы стояли,
На германском бережку.
На возмо-о-орье мы смотерли,
Как волнуется волна.

Не тума-а-ан с моря поднялся,
Мелкий дождичек промыл.
Что с-под э-э-этого тумана
Враг-германец подошёл.

Врёшь ты, врё-ё-ёшь, ты, враг-германец,
Тебе нескуль подой-ти!
Как-то в ру-у-усских войска много,
Русский любит угостить.

Угощу-у-у свинцовой пулей,
На закуску стальной штык,
Штык стально-о-ой, четырёхграновый,
Он насквозь немца пронзит.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 280, оп. 1, Собр. Даугавпилсского пед. ин-та, № 508. Колхоз «Латгале», дер. Балтмуйжа. 28.06.1965 г. От А. И.Синицина 69-ти лет, А. М. Савельева 48-ми лет.

1.19

Пишет, пишет царь германский,
Пишет русскому царю:
Разорю я всю Россию
И в Москву я жить приду.
Зажурился царь великий:
«Мы России не дадим,
Соберем мы войска много,
Воевать с немцем пойдем.
Эту зиму провоюем,
Летом в лагери стоять».

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 144, п.7, № 62. Запись А. Г. Кудышкиной. Вологодская обл., Усть-Кубенский р-н, колхоз «Большевик» Макарьевского сельсовета.

1.19-а

Пишет, пишет царь германский,
Пишет русскому царю:
«Да заберу я всю Россию,
Во Россию жить пойду!»
Не жмурись-ка, царь наш белый:
Мы Россию не дадим,
Соберем мы войска много,
Пойдем с немцем воевать,
Соберем мы войска много,
Пойдем с немцем воевать.
Царь заехал с права фланга,
Поздороваться сказал,
Царь заехал с права фланга,
Поздороваться сказал:

«Стройся, армия, в колонны,
Кавалерия — вперед,
Ну, стройся, армия, в колонны,
Кавалерия — вперед.
Я приехал с вам проститься,
На войну вас проводить.
Я желал бы воротиться,
Да еще сколь-нибудь пожить.
Я желал бы воротиться,
Да еще сколь-нибудь пожить».

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 263. 5/108, л. 46. Болдинский р-н, дер. Сумароково. 19.07.1972 г. От П. Е. Ершова 94-х лет. Публ. см.: Песни и сказки пушкинских мест: Фольклор Горьковской области. Вып. I. Л., 1979, № 12.

1.20

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался,
Был грохот ужасный, пошел кананад,
Над нашим окопом снаряд разорвался,
И слышели стоны и крики солдат.
А прапорщик юный с отрядом пехоты
Старается знамя полка отстоять,
Один лишь остался от всей полуроты,
Но нет, он не будет назад отступать.
Летят шрапнель, летят пулеметы,
А бедная жертва давно уже ждет,
А прапорщик юный со взводом пехоты
Солдат ободряет, стремится вперед.
Вы бейте, рубите, пощады нет места,
Отрадно за родину все мы умрем,
А в городе дальнем молилась невеста,
И слезы ронила: «Спаси их Господь!».
Вот кончился бой, и земля покраснела,
Врага мы угнали к далекой реке
И только наутро нашли его тело,
И знамя держал он в застывшей руке.
Тогда пред невестой вся тайна открылась,
Она в лазарет поступила сестрой,
И часто молилась на братской могиле:
«Им вечная память, им вечный покой!»

РО ИРЛИ. Р.V, колл.144, п.7. Запись А. Г. Кудышкиной из тетради А. А. Фефилова. Вологодская обл., Усть-Кубинский р-н, дер. Чернышево Макарьинского сельсовета. 31.07.1950 г.

1.20-а

Вот вспыхнуло утро и выстрел раздался
Безумный и страшный пошел кананад.
Над нашим окопом снаряд разорвался,
И начались стоны и муки и ад.
Вот прапорщик юный с отрядом пехоты
Старался у знамя свой полк отстоять.
Один он остался от всей полуроты,
Но нет, он не будет назад отступать.
Вот кончилась битва, земля покраснела.
Врага мы прогнали к далекой реке.
И только наутро нашли его тело,
И знамя держал он в застывшей руке.
Ой, братцы, в штыки, здесь пощады нет места.
За родину всем хорошо умереть.
А в городе дальнем молилась невеста
И тихо шептала: «Спаси, Божья Мать!»
И вот перед нею вся правда открылась.
Она в лазарет поступила сестрой.
И тихо над братской могилой молилась:
«Вечная память, мой юный герой!»

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 123, п. 2, № 3, л. 28–28 об. Запись В. К. Ефременкова. Смоленская обл., Починковский р-н, дер. Моховка. Исп. Е. Рапченкова. Пояснения исполнительницы: «Песня времени империалистической войны, теперь поется редко только ее участниками, молодое поколение не поет».

1.20-б

Вот вспыхнуло утро,
И выстрел раздался,
И грохот безумный
Пошел кононад.
Над нашим окопом
Снаряд разорвался,
И слышны там стоны
И крики солдат.
Вот прапорщик юный
Со взводом пехоты
Старается знамя
Полка отстоять.

От всей полуроты,
От всей полуроты.
Но нет, он не будет
Назад отступать.
Вот кончился бой,
И земля покраснела.
Врага мы угнали
Далеко к реке.
Лишь только наутро
Нашли его тело,
И знамя сжимал он
В застывшей руке.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 4, л. 6. — И. Д. Фридрих. Записи фольклора от Воробьева Якова Федоровича из дер. Лутково Толковской волости Островского уезда: Песенная лирика из его записной книжки солдата времен Первой мировой войны. Рукой И. Д. Фридриха: «Подборка сделана фондообразователем. 1930-е».

1.21

Хорошо вам жить на воле, слушать ласковы слова,
Посидели бы в окопах, испытали б то, что я.
Мы сидели в открытых ямах, сверху дождик моросил,
А как засыплет с пулемета, то поверьте, негде жить.
Как послышится команда: из окопов вылезай,
Только голову покажешь, шарапнели завизжат.
Как пойдем же мы в атаку,
Крикнем громкое «ура!»,
Страшно видеть таку массу, все убитые тела.
А как вздумает вернуться из окопов бы домой,
Рассказал бы я всю правду про германский русский бой.
У вас теплые квартиры, как у важных у господ,
А нам пуля и снаряды не дают покою нам.
Не дождаться нам отрады, не дождаться миру нам,
Через нас летят мартиры,
А в окопах сыро нам.
У вас новые пластинки, заведете граммофон,
А нас кусают паразиты, и мы здорово их бьем.

РО ИРЛИ. Р. V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Окопная*.

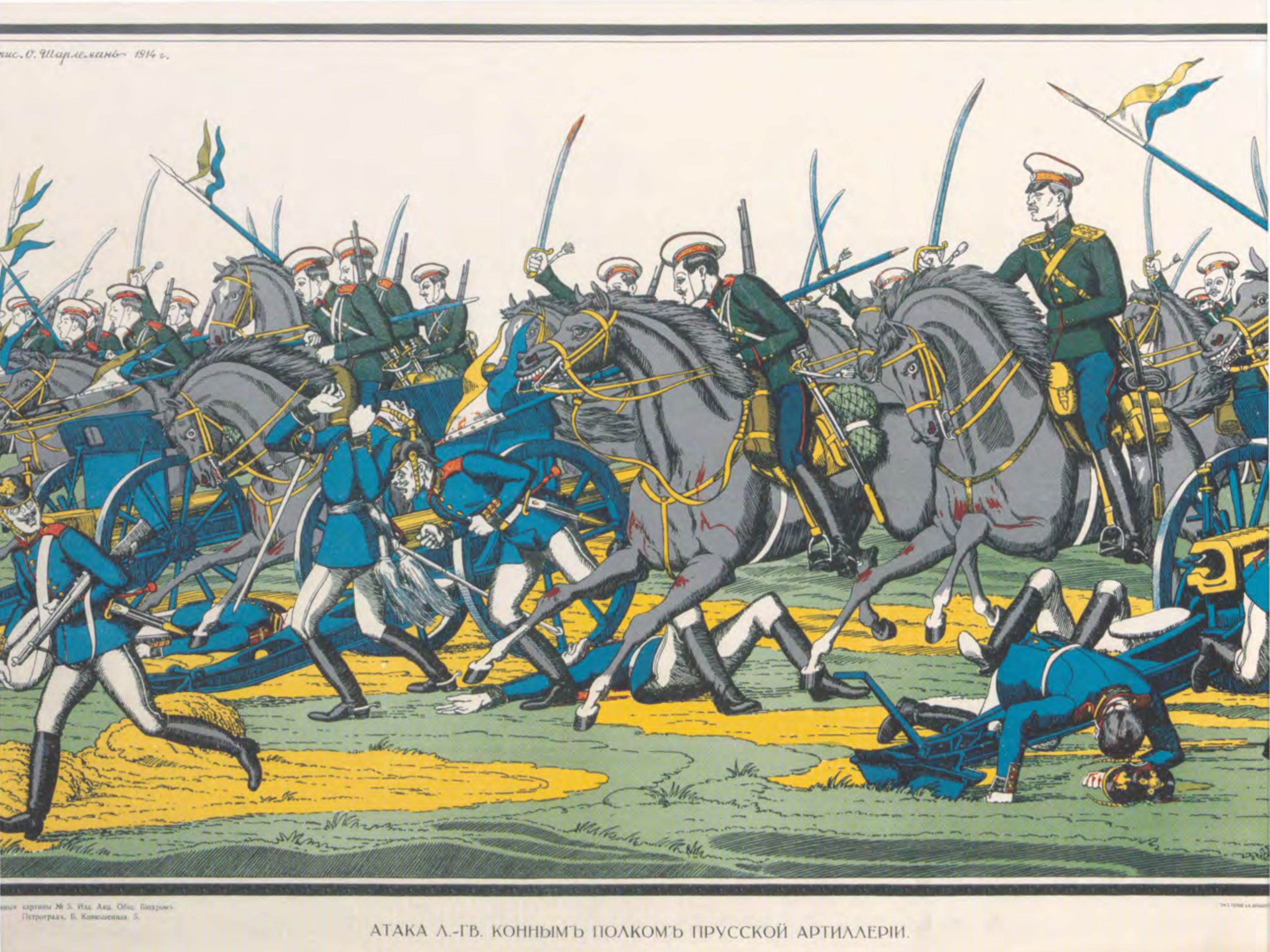
1.21-а

Хорошо тебе на воле
Слушать ласковы слова.
Посидела б ты в окопах,
Испытала б, что и я.
Мы сидим в глубоких ямах,
На нас дождик льет, росит,
И как засыплют пулеметы,
Ну, поверьте, что за жизнь.
И пойдем вперед в атаку
С громким криком на ура,
И страшно видеть таку массу:
Все убитые тела.
Здоров я, друг, уведомляю
Тебя я маленьким письмом
И от души вас поздравляю
С наступающим годом.
У вас есть важные пластинки,
Заведете граммофон,
А мы трясемся, как осинки,
Над открытою землей.
У вас есть теплыи хаты,
Как у важных у господ,
А у нас летят снаряды,
Прямо падают в окоп.
Вы обшиты и обмыты
И веселыи кругом.
А нас кусают паразиты,
Сами ловим их и бьем.
Кто домой из нас вернется
И расскажет кое-что,
И весь век он не забудет
Это адское житье.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 280, оп. 1, № 4, л.6–7 (см. 1.20-б).

1.21-б

Хорошо вам жить на воле,
Сыпать ласковы слова.
Посидел бы ты в окопах,
Испытал бы то, что я.
Мы сидим в открытых ямах,
На нас дождик моросит.
А как засыплет с пулеметов,
То поверьте, нельзя жить.
Днем летают эропланы,
Ночь прожекторы светят,
Нашей бедненькой пехоте
Спать в окопах не велят.



О. А. Шарлемань. Атака л.-гв. Конным полком прусской артиллерии. Пг., 1914 г. Хромолитография

Вдруг послышится тревога:
Немец выпускает газ.
Надевайте, братцы, маски,
То останетесь без глаз.
И послышится команда:
«Из окопов вылезай!»
Только голову покажешь —
Шарапнели завизжат.
А когда пойдешь в атаку,
Крикнешь громкое «ура!»,
Страшно видеть эту массу —
Все убитые тела.
А как вздумал бы вернуться
Из окопов бы домой,
Рассказал бы, братцы, правду
Про германско-русский бой.
Между нами нет отрады,
Не дождаться миру нам.
Через нас летят снаряды,
И в окопах сыро нам.
У вас есть славные пластинки,
Вы заведете граммофон,
А мы трясемся, как осинки,
И не видим своих жен.
Вы обшиты и обмыты
И друзья у вас кругом,
А нас кусают паразиты,
Но мы здорово их бьем.
Мы атаки отбиваем,
На врага бежим бегом,
А тяжелые снаряды
Засыпают нас кругом.
Посмотрите на долину,
Где недавно бой кипел,

Вы увидите картину:
Плачь и стон, и груды тел.
А вдали видны фигуры —
Санитары и сестра,
А за ними едут фуры
С флагом Красного креста.
Всех нашли, перевязали,
В лазарет потом свезли,
Раны тяжкие уняли
И покою всем дали.
Им теперь тепло и сытно,
Глаза ласково глядят,
Им тепере есть защита —
Милоседная сестра.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 850, колл. И. В. Зырянова. Пермская обл., Чердынский р-н, дер. Цидве. 1960 г. Исп. Владимир Иванович Головин 1890 г.р. Песня была распространена среди солдат в период Первой мировой войны.

1.21-в

Хорошо вам жить на воле,
Сыпать ласковы слова,
Посидели б вы в окопах,
Испытали б то, что мы.
Мы сидим в открытых ямах.
Там, поверьте, не сидишь.
Вдруг получим указанье
Из окопов вылезать.
Только голову покажешь,
Тут шрапнель начнет визжать.
«Братцы, в бой пойдём скорее
На коварного врага,
Станем грудью за Россию,
Крикнем громкое ура!»
Сколько суток бой там длился,
Но солдат не унывал,
Только думал про победу
И о мире толковал.
Но мечты те не сбылися,
Нам пришлося отступать.
Много легло там наших братьев,
Много крови пролилось.
Зачем немецкое начальство
По России развелось.
Раньше думали про Берлин,
А теперь ещё мечтать,
Будем думать про Варшаву,
Как у немцев отбирать.
Раньше не было сестёр
И лечили хорошо;
Попросил солдат напиться,
Скажет: «Дело не моё!»
Капитан идёт с сестрою,
Да и поп себе нашёл,
Генерал сидит под ручку,
Скажет шоферу: «Пошёл!»
Дым горел кругом России,
Крепко немец нажимал,
Мирный житель со слезами
Вглубь России уезжал.
Ну, кому из нас придётся
Воротиться нам домой,
Всякий воин вам расскажет
Про германский русский бой.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 280, оп. 1 (см. 1.20-б). Пос. Вишки Вишского сельсовета. 06.09.1964 г. Исп. Сергей Акентьевич Иванов 1896 г.р.

1.22

Жарка битва была, пули в воздухе жужжали,
От гранат тряслась земля,
Наши храбрые солдаты дрались, как богатыри,
А герои-офицеры разбежались, как трусы.
Наши унтер-офицеры руководствовали полками,
А герои-офицеры пили водку за столами.
А сестрицы, как лисицы, с крастным крестом на груди,
Подобрав повыше юбки, и бежали впереди.
Офицер над нею гнется, позабыл он про свой пост,
А в России так ведется, потому что народ прост,
А герои-генералы все чертили планы там,
В Перемышле за буфетом перепили все столы.
В Перемышле за буфетом был порядок, тишина,
Пили коньяк и мадеру, не хватило им вина.
Спирт возили поездами, разбирали он враз,
А измученным солдатам везли бочки напоказ.

РО ИРЛИ. Р.V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: Как *Перемышль сдавали*.

1.23

Блистали с востока на запад
В ущельях в Карпатских горах,
Там льются кровавы потоки с утра до вечерней зари.
Там слышно глухия раскаты,
Журливые пушки гремят, там рвутся шрапнель и снаряды,
Взрывает и землю фугас.
Там бьются солдаты за правду,
И смерть храбрецам не страшна,
Опять они в бой пойдут смело,
Природная мать их хранит.
Идут за отчизну России и братьев славян защищать,
Беспрекословно от России проклятых врагов отогнать.
А дома отец во кручине, с ним пригорюнилась мать,
Читают про битву газеты и хочут про сына узнать.
Из-под Кракова пишут о сыне,
И брызнули слезы из глаз,
Сообщают, что убит он на поле,
Был выслан в разведку военный приказ.
Никто не узнает могилы защитника Русской земли,
И дома жена молодая, склонившись над малым детьми,
И горькие слезы проливает о муже своем дорогом,
Спомянет он, как с ним прощался,
Сердечен и весел он был,
Что за родину едет сражаться,
И врага он к родным не пустит.
А теперь уж мне с ним не видаться,
И детям не будет отца,
Теперь мне и жизнь напостыла
До самого до конца.

РО ИРЛИ. Р. V, колл.144, п.7, № 6 (см. 1.20). Помета в тетради: *Окопная песня*.

1.24

Горит свеча в вагоне тихо,
Солдаты все спокойно спят,
А поезд наш несется лихо,
Лишь только слышен тик-тик-так.
Один солдатик одинокий, склонивши голову на грудь,
Тоска по родине далёкой,
Придется ль дома отдохнуть.
«Семью родную я спокинул и вот три года прослужил,
Я потерял здоровье, силу, а что за это получил.
Проклят от мирного народа за то, что я теперь солдат,
Солдатом был, когда на службе,
Теперь ваш сын родной, ваш брат.
Нам больше вашего стесненья
За кажду мелочь нас дерут
И безо всякого стесненья под суд военный отдают.
Все тюрьмы нами понабиты,
Местов давно уж больше нет,
А наказанье отбываем в полку на хлебе и воде.
О мать, о мать моя родная,
Зачем на свет ты родила,
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой обрекла.
Шинель мне плечи все сдавила,
Шинель свободу отняла,
Шинель меня переродила,
Шинель солдатом назвала.
О, Боже мой, когда дождуся,
Когда в запасе заживу,
А может быть, в бою кровавом
Свою я голову сложу».

РО ИРЛИ. Р. V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Песня солдата*.

1.24-а

Горит свеча в вагоне тусклом,
Солдаты все, свернувшись, спят,
А поезд наш несётся быстро,
Лишь только слышно: тик-так-так!
А поезд наш несется быстро,
Лишь только слышно: тик-так-так!
Один солдатик изнурённый,
Склонившись головой на грудь,
Тоска по родине далекой
Не даёт ему уснуть.
Тоска по родине далекой
Не даёт ему уснуть.

«Ах, ты, мать моя родная,
Зачем на свет ты родила,
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой облекла?
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой облекла?
Шинель меня переродила,
Шинель солдатом назвала,
Шинель мне грудь передавила,
Шинель свободу отняла».

(См. 1.24)

1.24-б

Ходите вы в церковь, молитесь за нас,
Чтоб господь бы помиловал нас,
Мы скоро ударимся грудью о грудь,
Как немец не стоек — но нас не свернуть.
Прогоним мы немца до единой души.
Прощайте, девицы, прощайте, друзья,
Прощай, сторонка родная моя.
Судьба мне жизнь не подарила,
Судьба в шинель оболокла.
Шинель мне плечи отдавила,
Шинель солдатом назвала.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п., 1, № 61 (см. 1.18-а). Записи в тетради 1915–17 гг. Григория Ивановича Чупрова, жителя Усть-Цильмы. Получены 10.08.1955 г. от его родных.

1.25

Ах, зачем молодцов забирают,
Оставляют одних стариков,
Много-много без хлеба страдают,
Много сирот беззащитных и вдов.
Весь запас под Варшаву угнали,
На весь век свою кровь проливать,
А под Краковым сколько погибло,
До сих пор еще счет не свели.
На Варшаву германец наступает,
Много русским же надо стоять,
Ах ты, Господи, царь ты преславный,
До чего ты Россию допустил,
С мужиков податенки содрали,
А тут турок войну объявил.
Тут за ратников дружно взялися
И угнали их всех на Кавказ.
Ах, давайте же, братцы, посмотрим,
Кто пошел наш Кавказ защищать.
Не ученый, бедняга-крестьянин
За господ пошел кровь проливать,
А внутри что, Бог знает, творится,
На товары налоги пошли.
Одним словом, в России ведется,
Лучше нас ты, германец, возьми.

РО ИРЛИ, Р. V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Песня*.

1.26

У нас в семье всего три брата,
Семья зажиточно живет.
Они работали, старались, не знали горя и нужды.
В один прекрасный вечерочек
Повестку староста принес,
А в той повестке написали
Ийти в солдаты одному.
Как старший брат — жена и дети —
Ему никак нельзя ийти,
А младший брат годами молод,
Его в приемной не берут,
А средний брат горько заплакал:
«Наверно, очередь моя».
Вот рекрут вышел на колядку,
Созвал товарищей своих:
«Вы спойте, братцы веселые,
Последний нынешний денек.
Последний нынешний денечик
Сижу в избушке с вами я,
А завтра рано в тот лесочек

Уйду в окопы от вас я.
В окопах жизнь будет не мила,
Германца с фронта наблюдать,
Вверху там вьются эропланы,
Хотят нас бомбам забросать.
А немецкие чемоданы хотят в землю нас зарыть,
Вдали чуть слышны пулеметы,
Ружейный бой кругом гудит,
С товарищем одной деревни
Не знать, кого раньше убьют.
Когда в живых меня не будет,
Тогда опишешь обо мне,
Родная мать слезой зальется,
Когда услышит обо мне.
Жена и деточки родные с трудом забудут про меня,
Семья за стол вся соберется,
Тогда не будет уж меня».

РО ИРЛИ. Р. V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Памятка солдата.*

1.27

Эх ты, бедный солдатик,
На военную службу попал с юных лет,
Не легка, брат, военная служба,
Много вынесешь горя и бед.
Как на службу забрали беднягу,
Горько заплакала мать,
С молодою женою прощался,
Не мог слова, бедняга, сказать.
Так угнали тебя в край далекий,
Далеко от родимой семьи,
Служить будешь ты, брат, на границе,
На границе Германской земли.
Гонять будут тебя, как собаку,
От зари и до поздней ночи,
Так и службу свою ты отслужишь,
Не услышишь ты ласковых слов.
Взводный будет тебя бить по морде,
А фельдфебель ногою толкать,
И за них ты пойдешь в батальоны,
Чтоб тюремную жизнь испытать.
Так нетвердо ты вступишь ногою,
В батальоне будет скука долить <томить>,
А потом все пойдет чередою,
И ты будешь, как прибыл, там жить.
И за это получишь чахотку,
В лазарете ты будешь лежать,
Так ты службу свою отслужишь,
Когда получишь чахотку себе.
В лазарете ты будешь лежать,
И смотреть сквозь решетку,
И свободную жизнь вспоминать.

РО ИРЛИ. Р. V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Памятка солдата.*

1.27-а

Ах ты, бедный, ты, бедный солдатик,
Ты на службу попал с юных лет.
Нелегка, брат, военная служба,
Много вынес ты горя и бед.
Тебя рано на службу забрали,
Горька плакала старая мать,
С молодою женой ты прощался,
Не мог бедной ты слова сказать.
И угонят тебя в край суровый
Далеко от родимой семьи,
И ты служишь в пехоте стрелковой
На границе Германской земли.
Там дадуть тебе в руки винтовку,
И заставють людей убивать,
Разбивать все свои городишки,
Прусской кровью поля обливать.
Будет бить тебя взводный по морде,
И федфебель ногами пинать,
Через них ты пойдешь в батальенный
Ту тюремную жизнь испытать.

РО ИРЛИ. Р.V, ф.280, оп. 1, п. 58, № 6, л.8 (см. 1.20-б), № 251.

1.28

Вы, отец мои и братья, вы прочтите мое письмо,
Всяк тогда из вас поверит, что мне трудно, тяжело.
Сколько радости, веселья в нашей службе унесло!
Всегда<?> я в горе и печали, редко ночь когда уснешь,
Со слезами спать ложишься, вечер горя не уймешь.
Положительно не знаем, за что служба мучит нас.
Вот какая жизнь солдата: нет веселья нам нигде,
Смерть летает между нами, трудно выяснить в письме.
Пища тело напитает, в груди дышать тяжело,
Если этот лист прочтете, то поймете отчего.
Пили воду из баклаги и сухие сухари,
Верст по 40 уходили, хоть и больно, а иди.
А несли с собой немного: мешок, сбоку баклага, котелок
И 240 шт. патронов на закуску для врагов.
И всего того немного, около двух пудов.
От походу так устанешь, что не помнишь сам себя,
Никто тот мне не поверит, кто на службе не бывал,
Не пил воду из баклаги и не ел он сухарей,
За 10 тысяч нас угнали от родных своих семей.
Положительно не знаю, за что служба мучит нас,
Помирать без покаянья редких в землю нас кладут.
Зверь и птица труп растащат,
Не найдешь клочка нигде,
Умылись лица наши кровью,
Вряд ли до дому дойдем.
Сколько калек из нас на свете,
Ран на теле не сочтешь,
Белья нового не оденут, в гроб дощатый не кладут.
Нет за гробом провожатых,
О нас некому рыдать,
Эх, что за жизнь, который дома —
Позавидуем ему.
А меня за что угнали с немцем
Драться на войну?
Жена, дети круг него,
А моя жена и дети просят хлеба у него.
Эх, ребятишки мои без одежды
И жена-то босиком,
Видно, судьбе уж так и надо,
А уж я здесь ни при чем.

Послушайте, братцы, расскажу я вам
Про войну, походы, как жилося нам.
Расскажу подробно, что сам испытал,
От самого начала все я записал.
Ох, сначала трудно было привыкать
Каждый день отмеривать верст по 35.
Мешок за плечами, сбоку мешок,
Сухари, патроны и хлеба кусок,
Палатка с веревкой, котелок небольшой,
На плече винтовка, баклага с водой.
Все это тянет да стесняет грудь,
И нельзя свободно иногда вздохнуть.
Небесное солнце жжет и палит,
Грязными ручьями пот со лба бежит.
Пыльная дорога, грязное лицо,
Болит от винтовки левое плечо.
Пройдешь верст 10 — дадут отдохнуть,
Не боле, не мене как 10 минут.
Брякнешься на землю, баклагу возьмешь
И глотком водицы душу отведешь.
Достанешь сухарик, начнешь его жевать,
А там уж команду подали вставать.
Идем темной ночью, идем светлым днем,
Идем в непогоду, идем под дождем,
Идем по дорогам, по малым, большим,
Идем чистым полем и лесом густым,
Идем по болотам по пояс в воде,
Идем, одним словом, всюду, везде.
Верст 40 отмеришь, а то 50,
Тогда предполагаешь, что скоро бивак.
Разобьем палатки, обед привезут,
Часик или два дадут отдохнуть.
Такие походы бывают тогда,
Если нет близко нашего врага,
Если враг близко, не так уж идем,
Скрываясь за горкам, равниной ползем.

РО ИРЛИ. Р.V. колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Песня солдата*.

1.29

Вечер вечереет, орудия гремят,
А бедные солдаты в окопчиках сидят.
Летит снаряд германский, шумит, что эроплан,
А всякий солдат знает, что это чемодан.
Летит — не долетает, бывает перелет,
И каждый в сердце держит, что вот сейчас убьет.

А сердце замирает и вспомнишь про родных,
Прощай, мои родные, быть может, не вернусь.
А солнце, как стемнеет, нам будет веселей,
Как выйдем из окопов, нам будет свободней.
Мы выйдем на поляну, согреем мы чайку,
С каким же аппетитом попьем мы все чайку.
А кухни нам подвозят вечерний поздний час,
И так они привозят, что в сутки один раз.
Послышалась команда: «Берите котелки,
Вторая полурота, немного обожди».
А ротный-хват, собака, во все горло орет,
Фельдфебель возле кухни солдат по морде бьет.
Воротимся мы с кухни, поджавши животы,
Холодные, голодны — в секрет опять иди.
И тут опять несчастье, и думаем — капут,
Вот немец наступает, сейчас нас заберут.
Секреты нам доносят, что немец уж идет,
Беритесь за ружья, патроны поднесут.
Затворы защелкали, послышен пульный свист,
А немцу не по сердцу — пришлося отступить.
Отбитая атака, спустите все курки,
Пусть ружья по бойницам, а сами — отдохни.

РО ИРЛИ. Р.V, колл.144, п.7 (см. 1.20). Помета в тетради: *Песня солдата.*

1.29-а

Вечер свичерелся,
Солдатики идут,
В своих руках могучих
Всех раненых несут.
Подносят их к вокзалу
И клали их в вагон,
В Россию отправляют,
И чтоб вылечить потом.
Личатся и личатся,
Мы жертвуем собой.
Умрем лучше в больнице,
Чем снова идем в бой.
Лежал бедняк в больнице,
Он тяжело страдал,
Жену, малютку-сына
Он часто вспоминал.
Пришли бы к нам родные,
Жена, отец и мать.
От них нам здесь далеко
Пришлося умирать.
Пришел бы сын-малютка,
Увидел бы он отца:
От ран он умирает
И плачет без конца.
Приходит сын-малютка,
Увидел он отца,
Слезами он залился
И плачет без конца.
«Папаша, ты, папаша,
Прижми меня рукой,
А так я, бедный мальчик,
Остался сиротой». —
«Забыл я все невзгоды,
Покинул белый свет,
Закрыл глаза навеки
При молодости лет».
Вечернею порою
И летних теплых дней
Поет заветну песню
Уныло соловей.
Солдаты загуляли
Участки богачей
И с женщинам гуляют,
Не спят даже ночей.
Попы, купцы, дворяне
Справляют вечера,
А бедный сын солдатика
Не ел еще вчера.
Купчих<и> пьют в поливку,
Здирают кверху нос,
А бедная солдатка
Не убирает своих слез.
Куда она ни взглянет,
Везде она одна,
Ложится спать в постельку —
Постелька холодна.
«Нет милого супруга,
С кем век могла я жить,
Навеки он спокинул,
Всем по миру ходить».

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 54 — И. Д. Фридрих. Запись от Кудрявцева Андрея Михайловича из дер. Бубны Линовской волости: Поздняя лирика, солдатские песни 1914 г. Рукой И. Д. Фридриха: «Подборка сделана фондообразователем. 1927, март».

1.29-б

Вечер вечереет,
Снаряды к нам летят.
Бедны солдаты
В окопах все сидят.
Они сидят, мечтают,
Друг другу говорят:

«За что нас убивают
И розгами дарят?»
Вот шесть часов пробило,
Ранены идут,
Убитых похоронят,
В поле все сгниют.
Подводят в калитку,
Чтоб раны показать.
Кровь течет из раны,
Некому связать.
Подходят к лазарету,
А врач идет с сестрой,
Нас живо на фурманку
Вдоль по мостовой.
Вот день, другой проходит,
Раны все гниют.
Никто нас не посмотрит,
Пить нам не дают.
Один солдат-калека
С оторванной ногой,
Просит, чтоб сестрица
Напой меня водой.
Сестрица заругалась,
Воды не подала:
«Куда тебе, безногий», —
Сказала и ушла.
Тут ранены сказали:
«Товарищи, друзья,
За что же мы страдаем,
Наша вся семья?»

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1, № 59 (см. 1.18-а, 1.24-б).

1.30

Вьюга, метель на дворе завывают.
Снежные хлопья летят.
А из германского плена шагает
Русский пленный солдат.
Много вас, много в сугробах холодных
Гибнет от холода там.
Много вас, много пленных,
Что приготовила вам?
Медленно поезд по рельсам катился,
Едет солдат молодой.
«Голодно, холодно», — слышатся стоны,
Шепчет молитву больной:
«Боже Великий, спаси и помилуй,
Дай мне до дому доехать скорей,
Дай с отцом, матерью мне повидаться,
С родным деткам и с милой женой!»
Вот вам картина: на крыше вагона
Ветер молитву прервал,
И под откос труп солдата свалился,
Тот, кто молитву шептал.
Труп посиневший героя былого
Хлопьями снег забросал.
Семья ждет, не дождется
Кормильца родного,
Он Господу душу отдал.

РО ИРЛИ. Р.V, ф.280, оп. 1, п. 58, № 5, л. 6–7. — И.Д.Фридрих. Запись от Воробьева Якова Федоровича из дер. Лутково Толковской волости Островского уезда: Песенная лирика из его записной книжки солдата времен Первой мировой войны. Рукой И. Д. Фридриха: «Подборка сделана фондообразователем. 1930-е».

1.31

В узах тягастного плена
В немецкой стране
Без щадно мучают немцы
Русских ваинав в тюрьме.
Они голадом их мореть,
Хлеба мала им дают,
Их рабатай изнуряют,
На работе сильно бьють.

Притесняют их зладеи,
Не щадя их живата,
Не дают они пакою
В Светлый праздник никагда.
Издеваются, как звери,
Над невинными людьми.
Бьют жердями их, бедняжек,
Заставляют гнет нести.
Брямя тяжести, мучений
На плечах своих несут,
Ат пабоев ежедневных
Слезы гарькие и льют.
А каварные зладеи,
Точно звери, в зле ревут,
Изнуряя их работой,
Издеваютсе и бьют.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 123, п. 2, № 3, л. 28. Запись В. К. Ефременкова. Смоленская обл., Починковский р-н, колхоз «Красный Орел» Булаевского сельсовета. Исп. народный поэт Арефий Тихонович Ковалев 50-ти лет. Помета собирателя: *Сочинил эту песню и распевает в Германском плену.*

1.32

Послушайте, друзья маи,
Я вам хачу вапрос задать.
На мой вапрос заданный
Спешите атвет мне дать:
«Кагда придет то время,
Кагда пробьет тот час,
Кагда свалитсе бремя
Таски-печали с нас?
Кагда свалитсе камень
С исмученной груди,
Кагда вернетсе радость
К утомленный души?
Кагда же мы трапою
В свой красный дом пайдем?
Кагда детишек малых
К груди сваей прижмем?
Кагда же к нам детишки
Навстречу пабегуть?
Кагда в васторге с криком
Мамашу пазавуть?
И скажут ей в васторге:
Мамаша наша ждеть?
Кагда же это будет,
Кагда тот час прабьеть?
Ну что же вы малчите,
Задумчивае все?
Иль вы ни хатите
Сказать атвета мне?»

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 123, п. 2, № 3, л. 29 (см. 1.31).

1.33

Когда Варшаву мы сдавали,
Там битва страшная была.
Пули в воздухе летали,
И от снарядов тряслась земля.
Консервы поездом возили
И доставляли все в запас.
А нам, измученным солдатам,
Одни лишь банки напоказ.
Наши унтер-офицеры
Играли в карты за бугром.
Капитаны, генералы
Разводили нам планы.
А в Варшаве за буфетом
Все позаняты столы.
У них был порядок строгий
И большая тишина.
Они пьют коньяк, мадеру,
Не хватало им вина.
А наш бедненький солдатик
Город древний защищал,
За коньяк и за мадеру
Под Варшавой умирал.

(См. 1.21-б)

1.34

Близ Вислы, на прусской границе,
В густых августовских лесах,
Там слышны глухие раскаты
И жерла у пушек горят.
Там рвутся шрапнели, гранаты,
И землю взрывает фугас.
Там льются кровавы потоки
С утра до вечерней зари.

Там бьются солдаты России,
И смерть храбрецов не страшит.
И в бой идут они смело —
Их Родина-мати хранит.

А дома отец во кручине,
И с ним пригорюнилась мать.
Читают газеты про битву,
Охота об сыне узнать.

Завистливо пишут газеты,
И брызднули слезы из глаз:
Что сын их убит на разведке,
Был издан военный приказ.

Убит на разведке он в поле,
И кости в долину вросли.
Никто не узнает могилы
Защитника русской земли.

А эта могила весною
Зеленой травой заростет,
Никто не поправит могилку,
Никто из родных не придет.

А дома жена молодая
Склонилась над малым дитем.
Горькие слезы проливает,
Как вспомнит о муже своем:

«Поехал он, бодрый, веселый,
Сердечно прощался со мной.
Теперь лежит камень тяжелый
Навечно на сердце моем.

Австрийцы-германцы — злодеи!
Отняли всю жизнь у меня.
Осталися малые дети,
Осталась я с ними одна.
Теперь мне не видеться с мужем,
У деток не будет отца».

(См. 1.21-б)

1.35

Приходит время золотое,
Для всех желанная весна.
Над нами небо голубое,
Под нами мутная земля.
Над нами жаворонок вьется
И песни жалобно поет,
И вот снаряд в окопе рвется,
И птички тронулись в полет.
В окопах грустно и уныло,
Несут убитых и калек.
Нашему сердцу жутко стало,
Что мы посулены навек.
Так время медленно проходит,
И вечер мрачный настает,
Солдат голодный еле ходит
И с нетерпеньем хлеба ждет.
Солдаты тянутся гурьбою
И у разбитой деревушки
Берут обед несытный свой.
Дают им хлеба лишь по фунту
И чечевицы котелок.
А мяса только четверт фунта —
Таков весь суточный паек.
Идут обратно чередою,
Стараясь суп не разливать.
И говорят между собою:
«Сегодня будем наступать».
Солдат, оставь свои мечтанья
И только думай об одном,
Что завтра, может, на рассвете
Лежать ты будешь мертвецом.
А может быть, тебя поранят,
Калекой сделает шрапнель,
И в лазарет тебя отправят
Пролежать несколько недель.
Потом домой тебя отпустят,
Тебе пособие дадут.
Дома родные, хотя примут,
Но хлебом упрекать начнут.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 850, колл. Зырянова. Пермская обл., Красновишерский р-н, дер. Колчиме. 1958 г. Исп. Матвей Максимович Усанин 1898 г.р.

1.36

Закипела вся Россия
За привет страны родной.
Слава Руси православной,
Броненосной и стальной.

Гром гремит и пламя пышет,
Орудий перезвоны,
Каждый воин кровью дышит,
Отбивается штыком.

Мать-земля везде трясется,
Слышен стон со всех сторон.
Груды тел лежат повсюду,
Везде ранены ползут,

Их никто не похоронит,
Погребенья не дают.
Птицы хищные летают,
Тело мертвое клюют.

Посмотрите на равнину,
Где недавно бой кипел,
Вы увидите картину:
Стон и груду мертвых тел.

Вот лежит солдатик бедный,
Не ушел он от беды.
От потери крови бледный,
Тихо просит он воды.

А вдали видны фигуры
Санитара и сестры.
Взяли, раны первязали,
На носилках понесли.

Раны страшные перевязали,
В лазарет его снесли.
Весело и зорко смотрят
У него теперь глаза.
У него теперь защита
Милосердная сестра.

Господа, вам всем известно
Для отцов и матерей,
Вы недавно провожали
На войну своих детей.

Ваши дети там страдают,
Жизнью жертвуют свою,
И в окопах погибают,
Позабыв свою семью.

Жены, дети не дождутся
Из солдатушек отцов,
Сердце кровью обольется,
Как воспомнят про отцов.

Злобно держится Россия,
Чтоб германцу отомстить.
Войско с радостью готово
В новый бой опять вступить.

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 160, п. 1. Записи Н.П. Колпаковой 1955 г. № 56 (см. 1.24-б). Помета в тетради: *Военная песня*.

1.37

Вытащил жребий недальний,
Крикнули: «Гож!»
Что же глядишь так печально,
В царскую службу пойдешь.
Правда, сынки богатеев
Скажут, спасут своего.
Дома остаться сумеют,
Ты же пойдешь, ничего.
Нужно то царское войско,
Нужно, чтоб пулей, штыком
Ты расправлялся геройски
С братом своим, мужиком.
Если забитый, голодный
Темный, бесправный мужик
Хлеба захочет досыта —
В глотку воткни ему штык.
Если фабричный рабочий
Вздумает вольно вздохнуть —
Гибнуть за грош не захочет —
Целься верней ему в грудь.

Как их теснят, угнетают,
Как богатеи из них
Слезы дают, выжимают –
Вспомнишь далеких родных.
Вспомни, что, может, придется
Целиться в мирный народ,
Сердце от боли сожмется,
Кровию щеки зальет.

Совесть прогонит отвагу,
Дрогнет на брата рука.
Помним устав и присягу,
Бей подлеца-мужика.
К присяге-то этой ведь силой,
Силой тебя привели.
Против Христова завета
Клятву попы завели.

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г. № 62 (см. 1.24-б).

1.38

Довольно, товарищи, спину нам гнуть
Перед старой продажною властью.
Теперь лишь свободно мы жаждем вздохнуть,
К великому нашему счастью.

Довольно тиранам, любимцам царя,
Народную кровь нашу пити.
Теперь над Россией свободы заря,
Так надо ее закрепити.

Товарищи вспомните, немцы не спят,
Всей силой на нас ополчились,
И снова хотят тут свободу отнять,
Которой мы только добились.

Пойдемте, пойдемте скорей на врага,
Для блага, народного блага.
Пойдемте, кому наша Русь дорога,
И взятая нами свобода.

Забудьте, товарищи, старого гнет,
Затянемте песнь удалую.
Сомкнемте ряды и смелее вперед,
Вперед за Россию младую.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г. № 63 (см. 1.24-б). Помета в тетради: *Песня — сочинение в память полученной свободы всей Россией в 1917 году 10 марта.*

1.39

Солдаты, вашими руками
Свобода наша создана.
Да будет вечно перед нами
В долгу родимая страна.
Да будет вечно помнить радость
Неповторяемых минут,
И тут и там свободно, в сладость
Свершая свой свободный труд.
Солдаты, вы в порыве страстном
В стремленьи пламенном вперед
Зажгли страну огнем прекрасным
И осчастливили народ.
Вы свергли тягостное иго
Самодержавного венца,

Час исторического сдвига
Мы будем помнить до конца.
Мы будем помнить шаг тяжелый
Идущих доблестных колонн,
Аккорды музыки веселой,
Оружья блещущего звон.
Вас, свергших зло и тяжесть трона,
Идущих в стройности рядов,
И ярко красные знамена
На острых лезвиях штыков.
Безумной радостью объяты,
В святом огне восторга мы
Рукоплескаем вам, солдаты,
Уведшим нас из царства тьмы.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Записи Н.П. Колпаковой 1955 г. № 64 (см. 1.24-б).

1.40

Там вдали, в горах Карпатских,
Между двух огромных скал
Пробирался ночкой тёмной
Санитарный наш отряд.

Впереди всех шла повозка,
На повозке красный крест,
С той повозки слышны стоны:
«Скоро ль, скоро ли конец?» —

«Подождите, потерпите, —
Умоляла их сестра,
А сама едва шагала,
Так измучена была. —

Скоро мы на пункт приедем,
Напою вас, накормлю,
Перевязки всем поправлю,
Жёнам письма напишу».

Вот один боец диктует:
«Здравствуй, милая жена,
Жив я, ранен неопасно,
Скоро дома буду я».

А другой боец диктует:
«Здравствуй, милая жена,
Тяжело я в сердце ранен,
И домой не жди меня».

И сестра всё пишет, пишет,
А на сердце тяжело —
Её муж в военной битве
Был убит не так давно.

Вдруг сестрица встрепенулась,
Обернулася она
И к больному подбежала
Милосердная сестра.

«Что тебе, голубчик, надо?
Или пить тебе подать?» —
«Ничего, сестра, не надо,
Я уж начал умирать.

А жене вы напишите
Про мою больную грудь,
Что заржавленная пуля
Не давала мне вздохнуть».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 8535. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Подтёлковский р-н, станица Федосеевская. 1948 г. Имена и возраст исполнительниц не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

СРАЖЕНІЕ У РѢКИ ПИЛИЦЫ.

Отъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 16/X 14 г.

15-го октября мы сломили сопротивленіе послѣднихъ непріятельскихъ частей, еще пытавшихся держаться къ сѣверу отъ Пилицы.

Нынѣ на всемъ завислинскомъ фронтѣ германскіе и австрійскіе корпуса находятся въ отступленіи.

Стрыковъ, Ежовъ и Новемясто заняты нами.

Въ Радомъ вступила наша конница.

Захвачено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, орудія, десятки пулеметовъ, обозъ, автомобили.

Изданіе и складъ
„Н. Д. Алексѣева".
Москва, Б. Серпуховская, д. № 25 Телефонъ 2-13

Неизвестный художник. Сражение у реки Пилицы. М., 1914. Хромолитография

На опушке возле леса небольшой был бой.
Как-то раз у телефона пёрнул часовой.
Ай-я-яй, ай-я-я-я-яй,
Как-то раз у телефона пёрнул часовой.

Этот звук по телефону быстро пролетел.
Услыхал по телефону ундер-офицер.
Ай-я-яй, ай-я-я-я-яй,
Услыхал по телефону ундер-офицер.

«Ах ты, мерзкая скотина, ах ты, идиот!
Как ты смел пускать из жопы сероводород?
Ай-я-яй, ай-я-я-я-яй,
Как ты смел пускать из жопы сероводород?»

А солдатик отвечает: «Как мне вас понять?
Нет в уставе запрещенья на посту вонять!
Ай-я-яй, ай-я-я-я-яй,
Нет в уставе запрещенья на посту вонять!»

А наутро собралися все офицера,
Перерыли все уставы — нету ни ...!
Ай-я-яй, ай-я-я-я-яй,
Перерыли все уставы — нету ни ...!

И с тех пор теперь у моста слышно за версту,
Как воняют часовые, стоя на посту.
Ай-я-яй, ай-я-я-я-яй,
Как воняют часовые, стоя на посту.

ФА ИРЛИ. МФ 1169-2. Запись А. Н. Мартыновой, А. Д. Троицкой. Архангельская обл., Онежский р-н, дер. Кянда. 18.07.1976 г. Исп. Александра Степановна Шемякина. Нотировка Е. А. Дороховой.

1.42

Как во Бресте, Бресте, на прекрасном месте, на месте,
Ой ли, зям-зям, на прекрасном месте,

На прекрасном месте харчевня стояла, стояла,
Ой ли, зям-зям, харчевня стояла.

Как во той харчевне два солдата пили-гуляли,
Ой ли, зям-зям, два солдата пили.

Они пили-пили, денег не платили за водку,
Ой ли, зям-зям, денег не платили.

Денег не платили, шинкарку манили с собою,
Ой ли, зям-зям, шанкарку манили.

Шинкарочка Хайка, поедем-ка с нами кататься,
Ой ли, зям-зям, поедем кататься.

У нас не жнут, не пашут, лишь танцуют-пляшут, гуляют,
Ой ли, зям-зям, лишь танцуют-пляшут.

Поехал солдатик во родну сторонку с жидовкой,
Ой ли, зям-зям, во родну сторонку.

Жидовочка Хайка, ты ли воротися на место,
Ой ли, зям-зям, ты ли воротися.

Ты ли воротися или утопися в Дунае,
Ой ли, зям-зям, или утопися.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, №. 5021–5. Звукозапись Е. А. Дороховой и А. Л. Переслегина. Белгородская обл., Красногвардейский р-н, с. Большебыково. Июль. 1996 г. С голосов Павла Дмитриевича Япринцева 1931 г.р., Василия Ивановича Толмачёва 1930 г.р. и Митрофана Яковлевича Щербинина 1931 г.р. Нотировка Е. А. Дороховой.

1.43

♪=112

О - й, по го - ра-м Ка-р - па - тским ме - те - ли - ца вьё - тся,

си-ль - на - е мо - ро - зы зи - мо - (а) - ю тре - щать, (е - а),

э - - - а... тским
по го - рам Ка - рпа - тским ме - те - ли - ца вьё - (а) - тся,

По горам Карпатским метелица вьётся,
Сильные морозы зимою трещать.
По горам Карпатским метелица вьётся,
Сильные морозы зимою трещать.

А мой милый, чёрный, чёрный, чернобровый
С германцами бьётся за веру свою,
А мой милый, чёрный, чёрный, чернобровый
С германцами бьётся за веру свою.

Проклятый германец на нас наступаеть,
На нашу державу, на крест золотой,
Проклятый германец на нас наступаеть,
На нашу державу, на крест золотой.

Хотели германцы, штоб наши каза́ки
К ихнему престолу служить бы пошли,
Хотели германцы, штоб наши каза́ки
К ихнему престолу служить бы пошли.

А наши каза́ки, славные рубаки,
К ихнему престолу служить не пошли,
А наши каза́ки, славные рубаки,
К ихнему престолу служить не пошли.

Заиграли трубы, трубы-барабаны,
Отворились двери, и вышел басурман,
Заиграли трубы, трубы-барабаны,
Отворились двери, и вышел басурман.

Закипела битва, битва беспощадна,
Полилась рекою горячая кровь,
Закипела битва, битва беспощадна,
Полилась рекою горячая кровь.

Казак Бога просить, слёзно умоляеть,
Штоб наши головки в курган не сложить,
Казак Бога просить, слёзно умоляеть,
Штоб наши головки в курган не сложить.

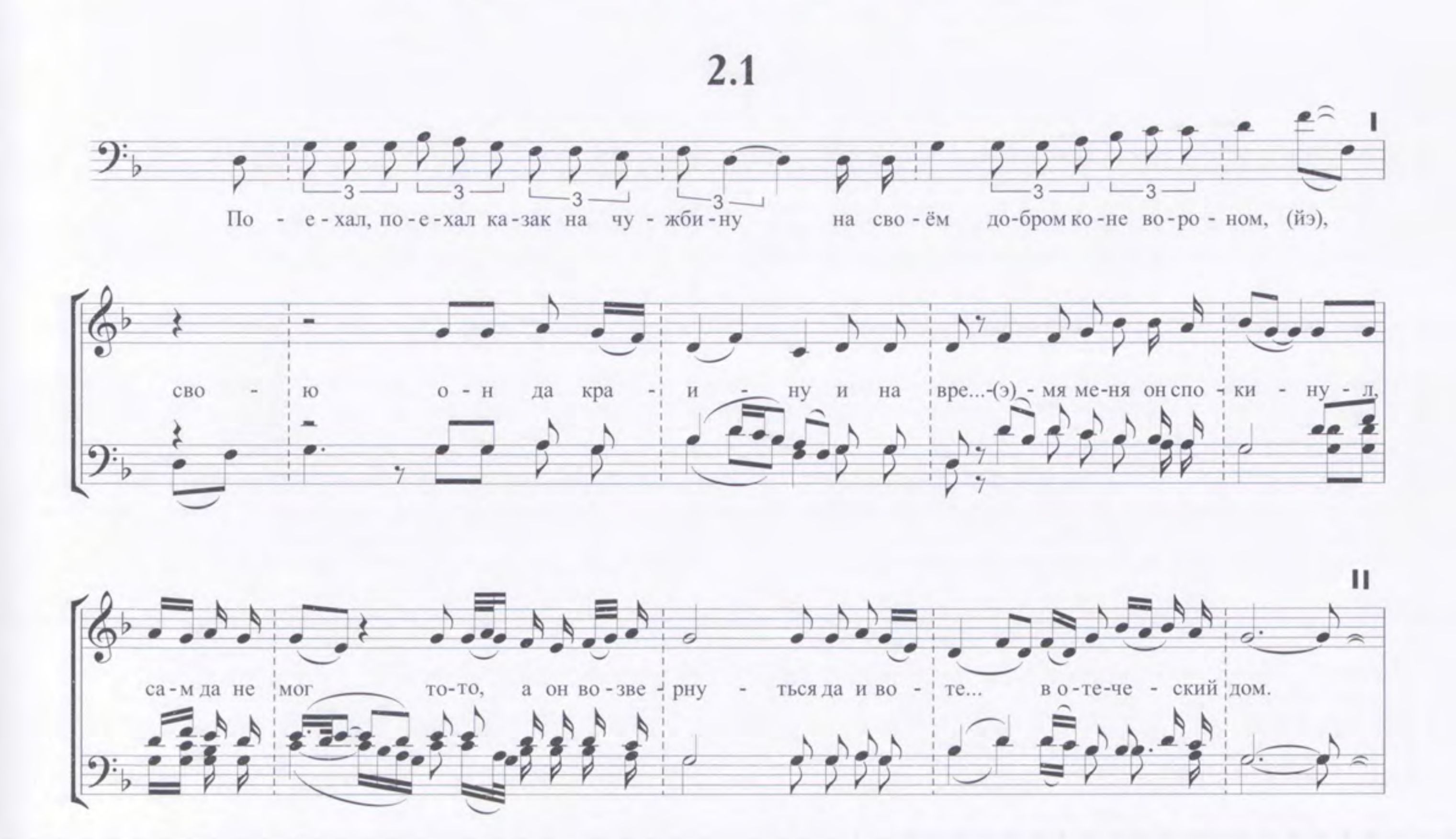
На етом кургане весёлые пташки
Весело играють за веру свою,
На етом кургане весёлые пташки
Весело играють за веру свою.

ФА ИРЛИ. Ф.ОКМФ, № 5023-01. Звукозапись В. В. Порвина. Волгоградская обл, Кумылженский р-н, станица Букановская. 1992 г. Нотировка Е. А. Дороховой.

Раздел 2

Песни периода кавказской, русско-турецкой и русско-японской войн в перетекстовках, бытовавших во время Первой мировой войны

2.1



Поехал, поехал казак на чужбину
На своём добром коне вороном,
Свою ж он да краину на время, меня он спокинул,
Сам да не мог, то-то, а он возвернуться да й
в оте… в отеческий дом.

Жена его, казачка молодая,
Утром рано выходит на север смотреть,
Всё ждёт она поджидает да с далё… с далёкого края,
Вот ну, с далё…
Вот тут ко мне милого душа голубком прилетит.

Казак умирал и приказывал,
Чтоб насыпали курган земли в головах,
Пущай вот да на этом да кургане, да ох,
ну, цветёт калина
Да вся в цветах, то-то только, в аленьких,
вот ну, в цветах, в алых да цветах.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7694. Звукозапись В. В. Мироновой-Ломаковой. Ростовская обл., Верхнедонской р-н, хут. Мрыховский. Сентябрь 1971 г. С голосов О. В. Пономарёвой, К. С. Фартуковой, М. М. Мрыхиной. Нотировка В. В. Мироновой-Ломаковой.

2.2

Чёрный ворон, друг залётный,
Где летаешь далеко,
Чёрный ворон, друг залётный,
Где летаешь далеко?

Там, далёко за морями,
Где кипел кровавый бой,
Там, далёко за морями,
Где кипел кровавый бой.

Бой кровавый, беспощадный
Буду помнить целый век,
Бой кровавый, беспощадный
Буду помнить целый век.

Вот пришёл туда с лопатой
Милостливый человек,
Вот пришёл туда с лопатой
Милостливый человек.

Вырыл яму он глубоку
И сложил туда бойцов,
Вырыл яму он глубоку
И сложил туда бойцов,

Чтобы звери не таскали
Из могилы храбрецов,
Чтобы звери не таскали
Из могилы храбрецов.

И поставил крест дубовый,
Сделал надпись казакам,
И поставил крест дубовый,
Сделал надпись казакам:

«Вы, казаки, вы, герои,
Вы погибли за народ,

Вы, казаки, вы, герои,
Вы погибли за народ».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7924. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Подтёлковский р-н, хут. Кривский. 1948 г. От группы казачек. Имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

2.2-а

♩=92

Ай, что ж ты, во - рон, чё - рный во - рон. Да где ля - тал ты, чё-рный во - рон, по све - ту,

ра - сска жи, то - ва-рищ мой.

Где по - ки-нул сво-ю ру ку, ру - ку бе - лу - ю с кольцом.

Под ра - ки - то-ю зе - лё -ной ру - сский ра-не-ный ле - жал.

Он шты - ком в гру - ди про - нзё - ннай крест свой мед-ный при - жи - мал.

Ай, что ж ты, ворон, чёрный ворон да,
Где летал ты, чёрный ворон, по свету,
Расскажи, товарищ мой,

Где покинул свою руку,
Руку белую с кольцом?

Под ракитою зелёной
Русский раненый лежал.

Он, штыком в груди пронзённый,
Крест свой медный прижимал.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 12332. Звукозапись А. С. Кабанова. Волгоградская обл., Нехаевский р-н, хут. Родники (бывш. Провоторовской станицы). 19.07.1978 г. С голоса Михаила Васильевича Молоканова 1891 г.р. Нотировка А. С. Кабанова

2.2-б

Под зелёною ракитой
Русский раненый лежал.
Тяжело в груди пронзитый,
Крест свой верный прижимал.

Свежи раны кровью стекши
На истоптанный песок,
И туда слетались óрлы,
Чуя лакомый кусок.

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьёшься надо мной?
Чи погибель мою чуешь?
Я казак ещё живой.

Чёрный ворон, чёрный ворон,
Ты не вейся надо мной.
Пистолет мой заряженный
Для погибели твоей.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7057. Звукозапись И. А. Колотыгиной. Ставропольский край, Новоалександровский р-н, станица Расшеватская. 1969 г. От женского ансамбля (8 человек). Имена исполнителей не указаны, возраст: 50—55 лет. Нотировка И.А. Колотыгиной.

2.2-в

Под ракитой, под зелёной
Русский раненый лежал,
Под ракитой, под зелёной
Русский раненый лежал.

Грудь стрелой его пронзёна,
Во руке держал кинжал,
Грудь стрелой его пронзёна,
Во руке держал кинжал.

Над ним вился чёрный ворон,
Он добычи с жаждой ждал,
Над ним вился чёрный ворон,
Он добычи с жаждой ждал.

Ты не вейся, чёрный ворон,
Не маши бойцу крылом,
Ты не вейся, чёрный ворон,
Не маши бойцу крылом.

Ты добычи не добьёшься,
Чёрный ворон, я не твой,
Ты добычи не добьёшься,
Чёрный ворон, я не твой.

Ты лети-ка, чёрный ворон,
К отцу, к матери родной,
Ты лети-ка, чёрный ворон,
К отцу, к матери родной.

Передай-ка, чёрный ворон,
Что женился на другой,
Передай-ка, чёрный ворон,
Что женился на другой.

Что женила пуля востра,
Сабля свахою была,
Что женила пуля востра,
Сабля свахою была.

Взял приданое большое –
Все зелёные луга,
Взял приданое большое –
Все зелёные луга.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7930. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Подтёлковский р-н, хут. Кривский. 1948 г. От группы казачек. Имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

2.2-г

Ой, да по ту сторону ды Байкала,
Эй, да куст ракитовый стоял.

Ой, ды как под этим под кусточком
Ой, солдат голову склонял.

Ой, да ты не вейся, чёрный ворон,
Ой, да не кружи сердце моё.

Ой, да ты присядь, присядь ко мне на землю,
Ой, поговорим-ка мы с тобой.

Ой, да ты слетай, слетай-ка, чёрный ворон,
Ой, да куда я, я тебя пошлю.

Ой, да ты лети, лети-ка в край родимый,
Ой, да ты няси ма... мамоньке поклон.

Ой, да ты скажи, скажи-ка ей, родимой,
Ой, да что жанился в поле под кустом.

Ой, да что жанила-то меня
Эй, да ли пуля бы... пуля быстрая.

Ой, да обвенчала ж-то меня,
Эй, да сабля во... сабля вострая.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 6226. Звукозапись В. М. Свилих. Читинская обл., Красночикойский р-н, с. Малоархангельское («семейские»). 1969 г. От женского хора. Имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка В. М. Свилих.

2.2-д

Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал
И, штыком в груди пробитый,
Крест свой медный прижимал.

Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок,
Где слетались птицы разны,
Чуя лакомый кусок.

Ты не вейся, черный ворон,
Над моей над головой,
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой.

Вдруг забили барабаны,
Снова грянул жаркий бой,
И, к раките прислоненный,
Услыхал его герой.

Услыхал и приподнялся,
Как мертвец среди могил.
Услыхал, за шапку брался
И упал, лишенный сил.

Пал на лезвие булата.
Посмотрите его, ребята,
Как последний вздох солдата
Был за Русь и за народ.

Слава русскому солдату,
Слава русскому народу
И тебе, богатырю.

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 160, п. 1. Запись Н. П. Колпаковой 1955 г. № 57 (см. 1.24-б). Помета в тетради: *Песня солдата*.

2.3

Чёрный ворон бьёт крылами,
Чует солнечный восход,
Чёрный ворон бьёт крылами,
Чует солнечный восход.

Чует солнечный восход…
Царя белого казаки
Собиралися в поход,
Царя белого казаки
Собиралися в поход.

Собиралися в поход…
Наш походный атаман
Скрозь по войску разъезжал,
Наш походный атаман
Скрозь по войску разъезжал.

Скрозь по войску разъезжал…
Скрозь по войску разъезжал –
Речь хорошую сказал,
Скрозь по войску разъезжал –
Речь хорошую сказал.

Речь хорошую сказал:
«Ступай, войско, сотнями,
Мы составим грозный полк,
Ступай, войско, сотнями,
Мы составим грозный полк.

Мы составим грозный полк…
Мы составим грозный полк,
Полетим на славный бой,

Мы составим грозный полк,
Полетим на славный бой.

Полетим на славный бой...
Вы не бойтеся, ребята,
Закаспийские орлы,

Вы не бойтеся, ребята,
Закаспийские орлы.

Закаспийские орлы...
Нам нечего бояться —
Мы на поле рождены,
Нам нечего бояться —
Мы на поле рождены».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 5032. Звукозапись Л. Антиповой. Ставропольский край, Новоалександровский р-н, станица Расшеватская. 1969 г. С голосов М. А. Моревой 1904 г.р. и В. В. Зайцевой 1899 г.р. Нотировка Л. Антиповой.

Неизвестный художник. Карта военных действий 1914 г. М., 1914. Хромолитография

2.4

♩=84
Конь бо - е - вой с поход - ным вью - ком у це - ркви ржёт, ка - во й то ждёт.
конь бо - е - вой с по - хо - дным вью - ком
у це - ркви ржёт, ка - во - йто ждёт.
конь бо - е - вой с по - хо - дным вью ком
у це - ркви ржёт, ка - во - й то ждёт.
А из во - рот свя - то - го хра - ма ка - зак в до - спе - хам вы - хо - дил,
а из во - рот свя - то - га хра - ма
ка - за - к(э) в до - спе - хам вы - хо - дил,
а из во - рот свя - то - га хра - ма
ка - за - к(э) в до - спе - хам вы - ходил.

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржёт, каво-й-то ждёт,
Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржёт, каво-й-то ждёт,
Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржёт, каво-й-то ждёт.

А из ворот святого храма
Казак в доспехах выходил,
А из ворот святого храма
Казак в доспехах выходил,
А из ворот святого храма
Казак в доспехах выходил,

Отец коня сыну подводит,
Племянник пику подаёт,
Отец коня сыну подводит,
Племянник пику подаёт,
Отец коня сыну подводит,
Племянник пику подаёт,

Его казачка молодая
Стоит и горьки слёзы льёть.
Его казачка молодая
Стоит и горьки слёзы льёть.
Его казачка молодая
Стоит и горьки слёзы льёть.

«Не плачь, казачка молодая,
Не плачь, голубушка моя,
Не плачь, казачка молодая,
Не плачь, голубушка моя,
Не плачь, казачка молодая,
Не плачь, голубушка моя.

Мы победим врага быстрее,
С победою вернусь домой,
Мы победим врага быстрее,
С победою вернусь домой,
Мы победим врага быстрее,
С победою вернусь домой.

Прольётся кровь моя рекою,
Я буду помнить — за кого.
Прольётся кровь моя рекою,
Я буду помнить — за кого.
Прольётся кровь моя рекою,
Я буду помнить — за кого».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 15694. Звукозапись Э. Е. Елецкого. Волгоградская обл., г. Калач-на-Дону. Январь 1981 г. С голосов супругов Тимофея Ивановича Васильева 1910 г.р. и Ксении Александровны Васильевой 1911 г.р. Нотировка Э. Е. Елецкого.

2.4-а

♩=60
Конь бо - е - вой с по - хо - дным вью - ком, сто - ит он ржёть, ко - го - йто ждёть.
А у две - рей во - е - нной шко - лы
ку - рсант с при - ка - зом бо - е - вым.
А у две - рей во - е - нной шко - лы
ку - рсант спри - ка - зом бо - е- вым.

Конь боевой с походным вьюком,
Стоить он, ржёть, кого-то ждёть,
А у дверей военной школы
Курсант с приказом боевым,
А у дверей военной школы
Курсант с приказом боевым.

А у дверей военной школы
Курсант с приказом боевым,
А у крыльца военной школы
Казачка горько слёзы льёт,
А у крыльца военной школы
Казачка горько слёзы льёт:

«Куда, куда, курсант, стремишься,
Куда ты держишь дальний путь?» —
— «А я спешу на запад дальний,
Спешу рабочим сподмогнуть,
А я спешу на запад дальний,
Спешу рабочим сподмогнуть.

А я спешу на запад дальний,
Спешу рабочим сподмогнуть».
Жена коня ему седлает,
Товарищ пику подаёт,
Жена коня ему седлает,
Товарищ пику подаёт.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 5201. Звукозапись Л. Антиповой. Ставропольский край, Новоалександровский р-н, станица Расшеватская. Лето 1969 г. От женского ансамбля (8 человек). Имена исполнителей не указаны, возраст: от 29 до 70 лет. Нотировка Л. Антиповой.

2.4-б

Конь вороной с походным вьюком
Стоит и ржёт, кого-то ждёт.
Конь вороной с походным вьюком
Стоит и ржёт, кого-то ждёт.

А на мосту военной школы
Жена-красотка мужа ждёт.

А на мосту военной школы
Жена-красотка мужа ждёт:

«Куда спешишь, куда ты едешь,
Куда ты трогаешь коня,
Куда спешишь, куда ты едешь,
Куда ты трогаешь коня?» —

«Я еду, еду в край далёкий,
Где начинается война,
Я еду, еду в край далёкий,
Где начинается война.

А я уеду, не приеду,
Эх, не увижу больше вас,
А я уеду, не приеду,
Эх, не увижу больше вас».

Отец-старик коня седлает,
Племянник пику подаёт,
Отец-старик коня седлает,
Племянник пику подаёт.

А мать-старуха горько плачет,
На сына смотрит, слёзы льёт.
А мать-старуха горько плачет,
На сына смотрит, слёзы льёт.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 2278. Звукозапись С. И. Пушкиной и В. М. Григоренко. Иркутская обл., Братский р-н, с. Московское. 1964 г. С голосов С. А. Московских 1888 г.р., М. Н. Московских 1887 г.р., М. М. Московских 1894 г.р., К. М. Дубровина и Е. И. Московских. Нотировка С. И. Пушкиной.

2.5

Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжечкам, сесть.
Не вейтеся, чайки, над морем,
Вам негде, бедняжечкам, сесть.

Слетайте в Сибирь, в край далёкий,
Снесите печальнаю весть,
Слетайте в Сибирь, в край далёкий,
Снесите печальнаю весть.

Стоим мы в горах закарпатских,
Наш скорый полк окружён врагом,
Стоим мы в горах закарпатских,
Наш скорый полк окружён врагом.

Патронов у нас не хватает,
Снарядов совсем не было́,
Патронов у нас не хватает,
Снарядов совсем не было́.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 569. Звукозапись И. В. Басаргина. Кемеровская обл., Мариинский р-н, с. Чумай. 1968 г. С голосов А. А. Кораблёвой, Н. А. Масловой и В. А. Лазаревой. Возраст исполнителей не указан. Нотировка И. В. Басаргина.

Летите вы, чаечки, над морем,
Вам некуда больше лететь.
Летите вы, чаечки, над морем,
Вам некуда больше лететь.

Напрасно мамаша, папаша,
Напрасно вздыхали по мне,
Напрасно мамаша, папаша,
Напрасно вздыхали по мне.

Летите в Сибирь, край далёкий,
Снесите печальную весть,
Летите в Сибирь, край далёкий,
Снесите печальную весть.

Ой, там, во горах, во Карпатах
Боец с окружённым полком,
Ой, там, во горах, во Карпатах
Он бьётся с проклятым врагом.

Несите папаше, мамаше,
Несите жене молодой,
Несите папаше, мамаше,
Несите жене молодой.

Патроны у них на исходе,
Снарядов совсем уже нет,
Патроны у них на исходе,
Снарядов совсем уже нет.

Ой, там, во лесу, под кусточком,
Там русский боец помирал,
Ой, там, во лесу, под кусточком,
Там русский боец помирал.

Накрытый уж серой шинелью,
Тихонько родных поминал.
Накрытый он серой шинелью,
Тихонько родных поминал.

Напрасно мамаша с папашей,
Напрасно любили меня,
Напрасно мамаша с папашей,
Напрасно любили меня.

Напрасно и девочки ждали,
Напрасно любили меня,
Напрасно и девочки ждали,
Напрасно любили меня.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 1915. Звукозапись Б. Ф. Смирнова. Одесская обл., Измаильский р-н, с. Старая Некрасовка. Октябрь 1966 г. С голосов Польшакова и членов семьи Гусляковых. Точные имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка Б. Ф. Смирнова.

2.5-6

Над озером чаечка вьётся,
Ей негде, бедняжечке, сесть.
Над озером чаечка вьётся,
Ей негде, бедняжечке, сесть.

Лети ты, лети в край далёкий,
Снеси ты печальную весть,
Лети ты, лети в край далёкий,
Снеси ты печальную весть.

Стоим мы в горах Закавказья,
Наш корпус врагом окружён,
Стоим мы в горах Закавказья,
Наш корпус врагом окружён.

И там, под зелёным кусточком
Наш красный обоз умирал,
И там, под зелёным кусточком
Наш красный обоз умирал.

Прощайте, папаша, мамаша,
Прощай, дорогая жена,
Прощайте, папаша, мамаша,
Прощай, дорогая жена.

И больше я вас не увижу,
Прошу вас забыть про меня,
И больше я вас не увижу,
Прошу вас забыть про меня.

А ты, жена молодая,
Прошу, не забудь про меня,
А ты, жена молодая,
Прошу, не забудь про меня.

А если с тобой что случится,
Тогда ты вспомянешь меня,
А если с тобой что случится,
Тогда ты вспомянешь меня.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 7928. Звукозапись К. Г. Свитовой. Волгоградская обл., Хопёрский р-н, хут. Лысогорский. 1947 г. С голосов местных колхозниц. Имена и возраст исполнителей не указаны. Нотировка К. Г. Свитовой.

2.6
♪=72-96
О - - - й, наш Ско - бе - - - - ле - в ге - - - - не - рал,
о - - - й, по - бя - ди - - - те - ль всем вра - гам.
...А
По - бя - ди - тель всем вра - га - м, сла - ва до - нским ка - за - кам,
Ай, по - бя - ди...
Э - - - - а.
Ай, по - бя - ди - (я) - тель всем вра - гам.
А, сла - ва... ...а - нским ка - за - ка - (е)...
А - й, сла - ва до - - нским ка - за - кам.
Мы со - вь - ём я - му ве - не - цы из сво - их чи - стых... А -
ся - рдец.

Ой, наш Скобелев-генерал, ой,
Победитель всем врагам,
Победитель всем врагам,
Слава донским казакам, ай,

Победитель всем врагам, ой,
Слава донским казакам!
Мы совьём яму венец
Из своих чистых сердец.

Мы совьём яму венец
Из своих чистых сердец,
На галовушку наденем,
Громку песню запоём,

На галовушку наденем,
Громку песню запоём,
Мы поём, поём, поём да,
В кавалериях живём.

Мы поём, поём, поём,
В кавалериях живём,
В кавалериях живали,
Никакой нужды не знали,

В кавалериях живали,
Никакой нужды не знали,
Никакой нужды не знали,
По ленточке получали.

Никакой нужды не знали,
По ленточке получали,
Получали пуль-картечь,
Нам их нечего жалеть,

Получали пуль-картечь,
Нам их нечего жалеть,
Ох да, пыль-кура курить,
Лес-дубровушка шумить.

Ох да, пыль-кура курить,
Лес-дубровушка шумить,
Лес-дубровушка шумить,
Турок с армией валить.

Лес-дубровушка шумить,
Турок с армией валить,
Он валить, валить, валить,
Генералам всем грозить.

Он валить, валить, валить,
Генералам всем грозить:
«Московские генералы,
Я в ногах вас колочу.

Московские генералы,
Я в ногах вас колочу,
Я в ногах вас колочу,
В кремянну Москву зайду.

Я в ногах вас колочу,
В кремянну Москву зайду».
Наш Скобелев-генерал
Сам заплакал, зарыдал,

Наш Скобелев генерал
Сам заплакал, зарыдал,
Сам заплакал, зарыдал,
Вынул шашку, помахал.

Сам заплакал, зарыдал,
Вынул шашку, помахал
Вынул шашку, помахал,
На ответ турку сказал,

Вынул шашку, помахал,
На ответ турку сказал:
«Да ня быть табе, собака,
В кремянной нашей Москве,

Да ня быть табе, собака,
В кремянной нашей Москве!»

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, № 2647-11. Звукозапись А. С. Кабанова. Волгоградская обл., Алексеевский р-н, хут. Гущинский (бывш. Тишанской станицы). Лето 1969 г. С голосов Г. И. Тихонова 1894 г.р., Г. П. Протопопова 1895 г.р., А. П. Ширшова, 1900 г.р., Г. В. Митина 1910 г.р., И. Т. Сухотина 1907 г.р. и Г. И. Мазина 1907 г.р. Нотировка Е. А. Дороховой.

2.7

Ой да, вспомним, братцы, вы, кубанцы,
Двадцать первого сентября,
Как дралися мы с германцем
От рассвета до поздна, да,
Как дралися мы с германцем
От рассвета до поздна.

Ой да, как дралися мы с германцем
От рассвета до поздна,
Там и музыка играет,
Барабаны громко бьют, да,
С нами музыка играет,
Барабаны громко бьют: бом, бом, бом!

Ой да, с нами музыка играет,
Барабаны громко бьют, да,
Сигналисты заиграли —
Мы в атаку в бой пошли.

Ой да, сигналисты заиграли —
Мы в атаку в бой пошли.
Командир наш не трусливый,
Шёл всё время впереди.

Ой да, командир наш не трусливый,
Шёл всё время впереди.
Получил большую рану
От германцев на груди.
Ой да, получил большую рану
От германцев на груди:
«Уж вы, братцы, вы, кубанцы,
Не бросайте на пути.

Ой да, уж вы, братцы, вы, кубанцы,
Не бросайте на пути,
Жив я буду — не забуду,
Острой шашкой награжу.

Жив я буду — не забуду,
Острой шашкой награжу,
Как приеду на Украину —
Всех домой пораспущу».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 1909. Звукозапись Б. Ф. Смирнова. Одесская обл., Килийский р-н, г. Вилково. Октябрь 1966 г. С голосов липован П. А. Оболонского и членов его семьи. Нотировка Б. Ф. Смирнова.

На заре во поле у кургана,
Прижимая стремя у седла,
Провожала в армию Татьяна
Своего любимого орла,
Провожала в армию Татьяна
Своего любимого орла.

Кари глазки, развесёлый парень,
Положил ладони на плечо
И, склонив, как в садике бывало,
Целовал Танюшу горячо,
И, склонив, как в садике бывало,
Целовал Танюшу горячо.

И грустит, грустит теперь Татьяна —
Нету писем от её орла.
Может, сердце его у германца,
Пуля самурайская прошла,
Может, сердце его у германца,
Пуля самурайская прошла.

И однажды почудилось Тане
Не во сне, а прямо наяву:
Засверкали новые погоны,
Конь сечёт копытами траву,
Засверкали новые погоны,
Конь сечёт копытами траву.

И опять во поле, у кургана,
Прижимая стремя у седла,
Так встречала радостно Татьяна
Своего любимого орла,
Так встречала радостно Татьяна
Своего любимого орла.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 5203. Звукозапись Л. Антиповой. Ставропольский край, Новоалександровский р-н, станица Расшеватская. Лето 1969 г. От женского ансамбля (8 человек). Имена исполнителей не указаны, возраст: от 29 до 70 лет. Нотировка Л. Антиповой.

2.9

Вдруг ударил гром из тучек,
Три дня сряду туман был.
Под завал подступали —
Генерал Крюковский был,
Под завал подступали —
Генерал Крюковский был.

Генерал наш знаменитый,
По всей армии он один был.
Орденами грудь покрыта,
Отдаёт такой приказ,
Орденами грудь покрыта,
Отдаёт такой приказ:

«Друзья, стройтеся в колонны,
Батарею формируй,
Развернём красны знамёна,
Знамя верного труда,
Развернём красны днамёна,
Знамя верного труда!»

Вдруг злодеев мы столкнули,
Как шутов мы разнесли,
Половину турок порубили,
Остальных забрали в плен,
Половину турок порубили,
Остальных забрали в плен.

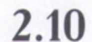
Поднялись да полетели
Казаки на поле-брань.
Сунжа змеем развивалась
По горам и по долам,
Сунжа змеем развивалась
По горам и по долам.

Генерал Гулыгин бравый
Из кубанцев-удальцов,
Как на пир, на бой кровавый
Поведёт нас, пластунов,
Как на пир, на бой кровавый
Поведёт нас, пластунов:

«Ах вы, храбрые ребята,
Не забудьте, что в бою
С неприятелем, ребята,
Надо помнить мать свою,
С неприятелем, ребята,
Надо помнить мать свою.

Мать свою — Кубань родную,
Царя-батюшку, народ,
Также славу боевую,
Что к победам нас ведёт,
Также славу боевую,
Что к победам нас ведёт».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 4576. Звукозапись (методом наложения) Л. Антиповой. Ставропольский край, Изобильненский р-н, станица Баклановская. Лето 1968 г. От Г. И. Калашникова 1909 г.р. Нотировка Л. Антиповой.



♪=100

1.Ту - ча, да, с гро - (ё) - мо - м(ы) про - шла про-гре-ме - (э)

про - шла про-гре-ме... (е)... (э)...

про - гре - ме - (е) - ла (е) - (е)

вот бы сря - ду, да, три(йи)... дня ...а дня а (в)он до-ждик ли(э)л

2.За - то - пи - (йи) - ла, да, о - на Ду - най Во... (э)...

Ду - най Во - лгу (е)... (е)...

(в)ой, не-ли-за бы (йи)-ло Ду - най я - во_ пе-ре - йти(э).

во - т(ы) не - льзя, да, бы - ло - (ой) Ду - най, я - во пи-ра - йти.

Туча да с громом прошла-прогреме… прогремела,
Вот бы сряду да три дня, а дня, а вон дождик лил.

Затопила да она Дунай-Во… Дунай-Волгу,
Вот нельзя да было Дунай, яво перяйти.

Эй, затопила она Дунай-Волгу,
Ей, нельзя было Дунай перейти, ведь
Нету ходу, нету перебро… переброду,
Ой, нет потóнова только ды моста.

Ды нету ходу, нету пяреброду,
А нет потóнну, братцы, моста, а

Ворошилов — воин храбрай,
Ох, свою да войска Дунай её перевёл.

Ей, Ворошилов, а он храбрый воин,
Свою войску Дунай перевёл.
«Послужитя, а вы, мои дети,
Вот как служили спредвеку наши отцы.

Эй, как служили спредвеку наши отцы,
Заслужили они на плеча… ох, на плечах погоны,
Ох, на груди, на груди кресты».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 14550. Звукозапись Т. С. Рудиченко. Ростовская обл., Вёшенский р-н, станица Вёшенская. 1974 г. С голосов Евдокии Михеевны Фроловой 1901 г.р. и Варвары Афанасьевны Закутенко 1907 г.р. Нотировка Т. С. Рудиченко.

2.11

Что врагов перебывало
На Руси, не перечесть:
Русь не даром добывала
Силу, славушку и честь.

Встарь дружина Святослава
С печенегами дралась,
И плыла о русских слава
За Карпаты и Кавказ.
Мореплаватели-шведы
Русь теснили с давних пор,
Но Петровские победы
Дали крепкий им отпор.
Чалмоносные османы
Русь хотели истребить,
Но она взяла Балканы
И османов стала бить.
Перед грозным иноземцем
Мы не трусили пока,
И теперь, схватившись с немцем,
Мы намнем ему бока.
Что врагов перебывало
На Руси, не перечесть:
Русь не даром добывала
Силу, славушку и честь.

РО ИРЛИ. Р.V, ф.280, оп. 1, № 51, л. 29. — И. Д. Фридрих. Записи фольклора: Частушки, песенная лирика, солдатские песни времен Первой мировой войны, исторические песни, стихи из альбомов. Материал из Линовской волости Яунлатгальского уезда Латвии. Рукой И. Д. Фридриха: «В тетради большого формата. 1926, дек. 18—<нач. 1930-х>».

2.12

«Разгромлю, кого угодно, —
Молвил кайзер, хмуря взгляд, —
Завоюю Ковно, Гродно
И пойду на Петроград».
И в воинственной горячке
Он пошел на Осовец,
Граево, Рачки,
Окопался, и конец.
Боевые гаубицы двинул
В Августовский лес,
Много войск всадил
Он в Неман, но за Неман не попал.
В понедельник бился с нами,
Вторник, среду и четверг,
Вместе с бравыми войсками
Побежал под Кенисберг.
Отдохнуть хотели в Рачках,
Но остались на мели,
А из Рачек на карачках
В свой Гумбинет поползли.
И теперь, дрожа всем телом,
Кайзер думает себе:
«Плохо Августовским делом
Заниматься в сентябре».
Было дело под Варшавой,
Дело крепкое, друзья,
Лезли немцы к нам оравой,
Да попали не туда.
Приготовив два подарка,
Мы решили: подождем,
Немцу раньше было жарко,
Пусть помокнет под дождем.
Растерялись эти рожи,
Дома зонтики: ой, ой, —
И покамест немцы сохли,
Мы открыли славный бой.
Все довольно получили,
Поразмяли всем бока,
И австрийцы воем взвыли
От такого тумака.
Это был подарок бравый
Под могучее «ура!»,
И второе под Варшавой получила немчура.
Мигом сбита спесь задора,
Через реки и мосты,
Через селы, горы, долы
Дали немцы лататы.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 52, л. 29—30 (см. 2.11); Там же. № 131. Запись А. А. Фоминой. Дер. Болваны Линовской волости Яунлатгальского уезда. Рукой И. Д. Фридриха: «Записаны по моему поручению Александрой Андреевной Фоминой и доставлены мне 20 января 1927 года. Запись мною проверена»; Там же. № 138. Хут. Клюкино-Зилево Линовской волости Яунлатгальского уезда. 16 мая 1928 г. Исп. Варвара Петровна Смирнова 70-ти лет, уроженка дер. Нижние Пурины Боковской волости. Рукой И. Д. Фридриха: «Песни выучила в молодости, а заговоры от крестной матери из дер. Плитовка Боковской волости Прасковьи (отчество забыла). Песни сказывала и пела охотно, но сказать заговоры пришлось долго уговаривать, причем мною было дано честное слово, что до ея смерти заговоры мною нигде опубликованы не будут. В округе славится, как «волхва». Лечит заговорами, совершая процесс заговаривания над медным нательным образком Казанской иконы Божьей Матери, принесенным ея дедом-солдатом с военной службы, якобы с полкового знамени. Гадая этой иконкой над заговорной водой о том, будет ли больной ребенок жить или умрет, стоит лишь, «благословившись к заговору», опустить иконку в воду, как иконка в случае смерти ребенка, по словам Смирновой, пойдет ко дну, а «ежель к жизни» — будет плавать по поверхности воды».

2.13

Ты, Россия, матушка Россия,
Мать российская земля,
Много горя-нужды приняла,
Много-много Господа ты жаловала,
Много-много земли раздала.
Ай, да молодого а ты казака
По-купецки а ты убрала,
К прусу в гости его послала.
Прусак его а он не спознал,
За купчика признавал,
За убранный стол его сажал,
Вином-пивом его угощал
И красавцем его называл,
Свою дочку в жены предлагал…

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 165, п.27, № 8, л. 12 (№ 3). Запись А. А. Горелова. Ростовская обл., Вёшенский р-н, станица Вешенская. Июль 1953 г. Исп. Спиридон Иванович Шматов 1904 г.р.

2.14

С нами Бог, победу снова
Он русским даровал,
Отражен у Августова
И разбит он наповал.
Враг оставил трупов груду,
Всех трофеев и не счесть.
«С нами Бог!» – гремит повсюду
О победе русской весть.
Мы не знаем отступленья,
Взнуздан будет дикий зверь:
За злодейства, преступленья
Немцы платятся теперь.
От жестокого удара трудно
Им воспрянуть вновь.
Постигает Божья кара тех,
Кто льет невинных кровь.
За святое встанем дело
Русской матушки земли,
Грудью в бой вступили смело
И врагов превозмогли.
На душе светло и ясно,
Торжество нам рок сулит,
С нами Бог, и враг напрасно
С Русью спор кровавый длит.
Слава витязям, сразившим
Злых врагов в честном бою.
Память вечная вкусившим
Смерть за родину свою.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 100, л. 223 (см. 2.12), № 176. Дер. Федорково. Рукой И. Д. Фридриха: «Записаны по моему поручению Антониной Петровой Лебедевой от своей сестры и доставлены мне 15 января 1927 года. Запись мною проверена на месте».

2.15

Здравствуй, милая красотка,
Цветик пышный, голубой!
Скоро, скоро я приеду
На свиданьеце к родной.
И вспомни те слова прощанья,
Когда прощались мы с тобой,
Ты побожилась: «Не забуду
До могилы гробовой».
А сейчас, как мне заметно,
Что вы не любите меня.
Кари глазки опустила,
Сердце бьется у меня.
И вы надеялись, наверно,
Что убьют нас на войне
И зароют мои кости
В чужой дальней стороне.
А сейчас, как вам известно,
Что вы знаете. Живой,
И не задела меня пуля
В волосочек головной.
Не страшит меня и пуля,
Не боюся я штыка,
И храброй грудью защищаю,
И убью коварного врага.
Я посылал тебе, красотка,
Двадцать писем от себя,
А ты, радость дорогая,
Мне ответу не дала.
Ты нашла себе по сердцу,
Он тебе милей меня,

И брось ты скверную привычку,
Ты засохнешь, как трава.
Вы нагдоися <?> так писали,
Что писать я не могу.
Брось ты, брось, я не поверю,
Я на это никогда.
Попроси, кого угодно,
Всяк напишет для тебя,
И думаю с печалью,
Торжественный этот покой.
Зачем тебя нет, дорогая,
Тебя нету со мной одной?
Возаимно и вновь рассказали
О кротком прошлом, былом.
Что ты стала ко мне равнодушна,
Или любить перестала меня?
Ты в жизни полюбишь, разлюбишь,
Но я же тебя — никогда.
И поверь ты, моя дорогая.
Что я вас не вижу,
Так жить не могу.
Когда не придется мне вас увидеть,
То сердце в меня запылает,
И трудно дышать.
Милая и дорогая моя, учуся любви
И хочу вашим сердцем владеть,
Жить с тобою одною прекрасно,
Мне с вам помирать.
И теперя, моя дорогая,
Не забуду я вечно тебя.
Только ты лишь, моя дорогая,
Люби, как люблю я тебя.
Ты помнишь ли эти аллеи,
Ты помнишь ли трель соловья,
Как я тебе нежно в аллеи
Твердил: «Ты моя, ты моя!»
Потом мы с тобою расстались,
Не знаю, за что, почему.
Тебе же, как прежде, достались
Одни лишь слова все мои.
Теперь мы томиться не будем,
И будем опять привыкать,
И прежнее горе забудем,
Пока не сойдемся с вами опять.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 1. л. 2–4 (см. 2.12).

2.16

Вздравствуй, душечка моя,
И вспомни, вздумай про меня,
Что, как живу я без тебя.
Здесь мне празднички немилы,
Нахожуся, как в могилы,
И, как рыба на песке,
Так без тебя душа в тоске.
И вот я с этой горести
Взял перо с чернилам в руки
И начал писать письмо,
Свое сердце утешать.
Пишу и говорю: «Ты лети,
Мое письмо, встремись
И выше лесу поднимись,
Выше лесу, выше гор,
Прямо души в чистый двор.
И постучися в окошечко,
И примет это письмечко.
Еслив примет хорошо,
Напишу тогда еще,
А еслив примет неприятно,
То лети, письмо, обратно.
И дайся в руки мне,
Тогда сожгу его в огне!»

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 2, л. 4–5 (см. 2.12).

2.17

Ох, ты, зимонька-зима,
Холодна очень была,
Холодна очень была,
Заморозила меня,
Заморозила меня,
Солдатика бравого,
Солдатика бравого.
Зима лютая проходит,
Зима лютая проходит,
Весна красна настает,
Весна красна настает.
У солдата сердце мрет,

У солдата сердце мрет.
Солдат дома не живет,
Солдат дома не живет.
Им назначен был поход,
Им назначен был поход.
Лето в лагерях пройдет,
Лето в лагерях стоять.
Поутру рано вставать,
Поутру рано вставать.
Лицо бело умывать,
Лицо бело умывать.
Полотенцем утирать,
Полотенцем утирать.
Черный мундир надевать,
Черный мундир надевать,
На ученье выступать,
Нам ученье — не мучение,
А впрочем — очень тяжело.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 850, колл. И. В. Зырянова. Пермская обл., Чердынский р-н, дер. Цидве. 1960 г. Исп. Владимир Иванович Головин 1890 г.р.

2.18

Скучно стало, плакать стала.
Как невольно.
Стало скучно и обидно,
Что мужчин нигде не видно
В чистом поле.
Без мужчин в солдаты взяли,
Ах, как бабы плакать стали,
Бунтовались.
И послали делегатов к Керенскому,
Чтобы в солдаты баб брали,
Баб сдавали.
Предложенье принимали,
Принимать баб на службу стали
Добровольно.
Все заводы опустели,
Со всех фабрик прилетели,
Все с фасоном.
У господ прислуг не стало,
Все кухарки побросали,
Записались.
Вот на сборный пункт пригнали,
Разбивать по росту стали,
Да повзводно.
В первый взвод взяли брюнеток,
Всех веселых шансонеток,
Это просто.
Во второй взяли красоток,
Всех веселых гимназисток
Да курсисток.
В третий взяли всех фабричных,
Из прислуг девиц приличных,
Всех приличных.
Всех сдавали, убирали
И на кухню отправляли
Варить кашу.
Волоса всем обрезали
И винтовки в руки дали,
Обучают.
Ну, граждане, вы поверьте,
Батальоном грозной смерти
Баб назвали.
Вот как с фронта воротились,
То шинели не сходились,
Пополнели.
Ветер юбки всем колышет,
Солдат бабе нос повыше
Поднимает.
И бранили их мамаши,
Что поели много каши,
Много каши.

РО ИРЛИ. Р.V, ф.280, оп. 1, № 6, л. 7–9. На полях помета карандашом: *См. пародия. Женск. Батальон* (см. 2.11, 2.12).

2.19

Умер бедняга в больнице военной,
Долго родимый страдал.
Эту солдатскую жисть постепенно
Тяжкий недуг доконал.
Рано его от семьи оторвали,
Горько заплакала мать.
Всю глубину материнской печали
Трудно пером описать.
С невыразимой тоской во взоре
Мужа жена провожала,
Полную чашу великого горя
Рано она испытала.

И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик-малютка грудной,
С виду скрылись избушки родные,
Край он спокинул родной.
В гвардию был он назначен,
В ных <?> пол наш родимый пути.
Сдали его в государеву роту
Тяжкую службу нести.
С виду пригожий он был на образчик,
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во все щеки румянец,
Бойкий, смелый, живой.

Синело частым пушком над губами,
С честным открытым лицом,
Волосы русые, с голубыми глазами,
Ну, молодец молодцом.
Он без опречки во всяком наряде
Службу свою отбывал,
И по стрельбе его в первом разряде
Ротный его записал.
Старым его уж считали солдатом,
Был он любимцем полка.
В этом измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1, № 8. л. 11–12 (см. 2.12).

2.19-а

Умер бедняга в бальнице ваеннoей,
Долго родимый лежал.
Ету салдатскую жись пастепенно
Тяжкий недуг закапал.
Рана ево ат сямьи атарвали,
Горько заплакала мать.

Всю глубину материнской печали
Трудно пяром аписать.
С невыразимый таскою ва взори
Мужа жана абняла,
Полную чашу вяликава гаря
Рана анна испила.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 123, п. 2, № 3, л. 24. Запись В. К. Ефременкова. Смоленская обл., Починковский р-н, дер. Моховка. Исп. Елизавета Рапченкова. Помета собирателя: *Под диктовку. Песня военная относится к группе империалистической войны, заучена от участников царской армии. Теперь эта песня редко поется, преимущественно мужчинами.*

2.20

Понапрасну, Ванька, ходим,
Понапрасну пяты бьем.
Афицера не заслужим,
Босиком домой подем.
Ты не езди, Ваня, к Яру,
Много денег не теряй.
Ты купи сибе гитару,
Меня чаще забавляй.

В адном доме есть старушка,
Ана может варажить.
Ана правду всю мне скажет,
С кем придется век пражить.
Сколько рощицы ни садила,
Крепче дубу не нашла.
Сколько милых ни любила,
Лучши Вани жить пашла.

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 123, п. 2, № 3, л. 19–19 об. Запись В. К. Ефременкова. Смоленская обл., Починковский р-н, населенный пункт Переснянского сельсовета. Исп. Павел Гущин. (см. 2.21).

2.21

Юнный прапорщик армейский
Стал ухаживать за мной.
Мое сердце встрепенулось
К нему любовью роковой.
Меня маменька узнала,
Что ат свадьбы я непрочь,
И с улыбкою сказала:

«Слушай, маленькая дочь,
Юнный прапорщик армейский
Тебя хочет абмануть,
Ат руки его зладейскый
Трудно будет ускользнуть».
Юнный прапорщик армейский
Проливал потоки слез.

Как-то утром на рассвети
Там, в часовни деревянный,
Пред иконою Творца
Поп какой-то полупьяный
Сочетал наши сердца.
А потом в простой телеги
Он домой меня отвез.
Ах, как это «не по мазе»!
Много пролила я слез.
Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни пива, ни вина.
Вот теперь я понимаю,
Что я прапорщикова жена.

РО ИРЛИ. Р V, колл. 123, п. 2, л 20–21. Запись В. К. Ефременкова. Смоленская обл., Починковский р-н, колхоз «Новая жизнь». Исп. Павел Гущин.

2.22

Эх, полным-полна котомочка —
Есть в ней парочка белья,
Сахар комышек, с чаем баночка
И принадлежность для ружья.
Взял патронов сумку целую
И лопатку с котелком,
Потужей шинелку серую
Подпоясал ремешком.
Вся поклажа щедра, счастлива,
Кроме только лишь бинта.
Ты ходи, душа солдатская,
Трезвой, бодрой до конца!
Всю надену амуницию
И тайком перекрещусь.
Пойду, выйду на позицию:
Только скоро ль ворочусь?
Вот насталась ночка темная,
Ждет в окопах молодец.
На руках винтовка бранная,
В ней губительный свинец.
Вижу, лезет цепь немецкая,
Пулемёты впереди.
Трепенулась молодецкая
Удаль прежняя в груди.
Вижу, лезет окаянная,
Прется прямо на штыки.
Как начну колоть, поганая,
С легкой, может быть, руки.
Если здесь сложу головушку,
Больше песен не спою.
Навести, товарищ, девушку —
Горемычную мою.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 850, колл. И. В. Зырянова. Пермская обл., Чердынский р-н, дер. Цидве. 1960 г. Исп. Владимир Иванович Головин 1890 г.р. Пелась на мотив известной «Коробушки».

2.23

Мы в Германии стояли,
Горы камены ломали.
Припев: Вот и калина,
Вот и малина!
Горы камены ломали,
Батареи выкладали.
Припев
Из Германии пришли —
С собой славу принесли.
Припев
Офицеры молодые —
Погончики золотые.
Припев
Наши унтер-офицеры,
Они смотрят, словно звери.
Припев
А наш брат рядовой
Не гордился сам собой.
Припев
Ах, ржаные сухари —
Все приятели мои.
Припев
А гречушная-то каша —
Родимая мати наша.
Припев
Принимай, солдат, пинки
За горячие блинки.
Припев
Принимай, солдат, картошку
За горячую лепешку.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 850, колл. И.В. Зырянова (см. 2.22).

2.24

В ногу, ребята, идемте,
Вольно, не вешай голов.
Раз-два, раз-два.
В запас вы меня проводите,
Окончилась служба моя.
Раз-два.
В ногу, ребята, идите,
Грудью подайсь, не гнись, равняйсь
Раз-два, раз-два.
Я огорчил офицера,
Молод я был огорчать.
Раз-два.
А старым солдатам для примера
Велели меня расстрелять.
Раз-два.
В ногу, ребята, идемте,
Грудью подайсь, не гнись, равняйсь.
Раз-два, раз-два.
Дома жена молодая
Ждет-не дождется меня.
А мать и отец устарели,
Помощи ждут от меня.
В ногу, ребята, идемте,
Грудью подайсь, не гнись, равняйсь.
Раз-два, раз-два.

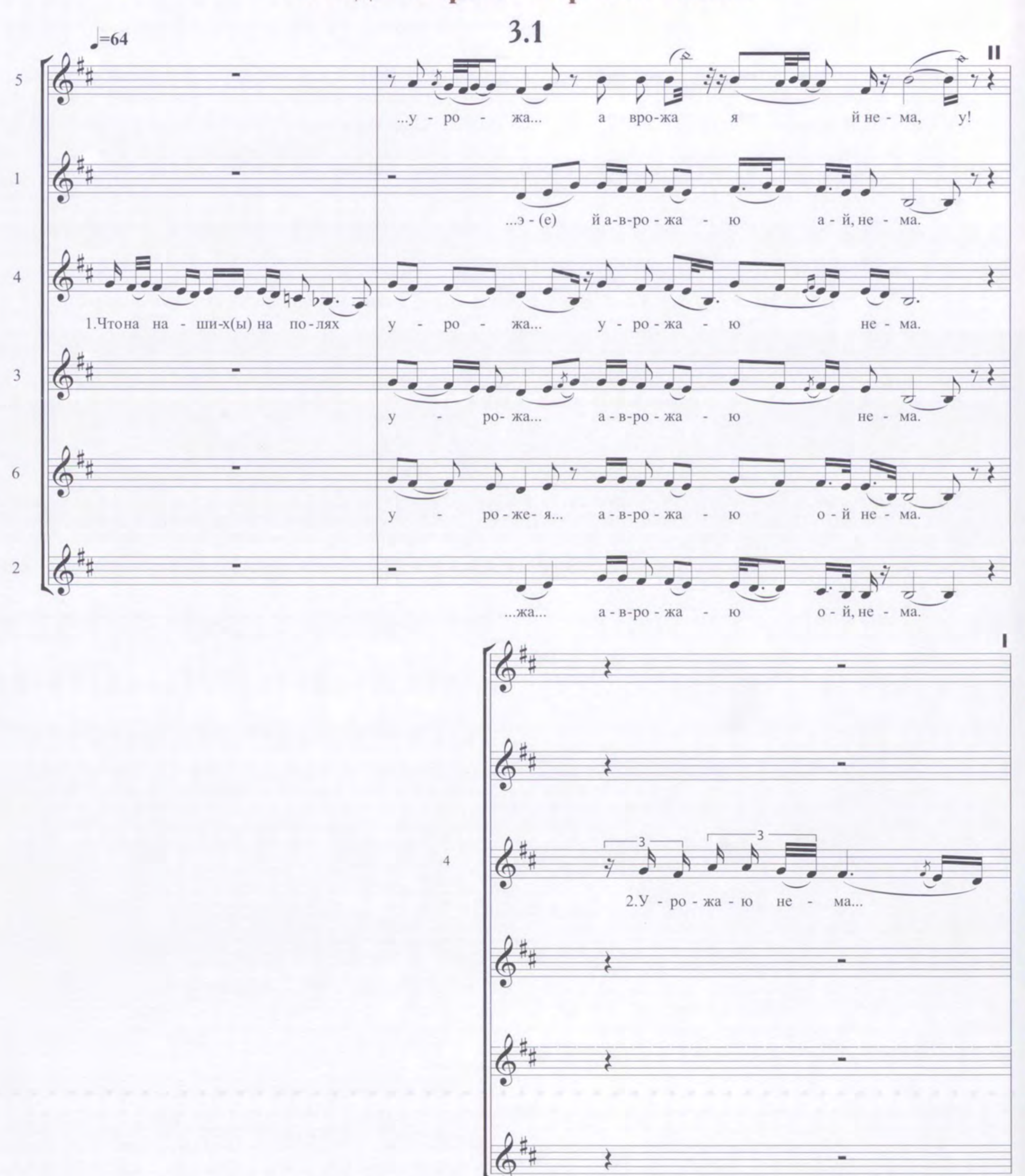
РО ИРЛИ, колл.144, п.7, № 61. Запись А. Г. Кудышкиной. Вологодская обл., Усть-Кубенский р-н, колхоз «Большевик» Макарьевского сельсовета. Исп. А. А. Фефилов (см. 1.20).

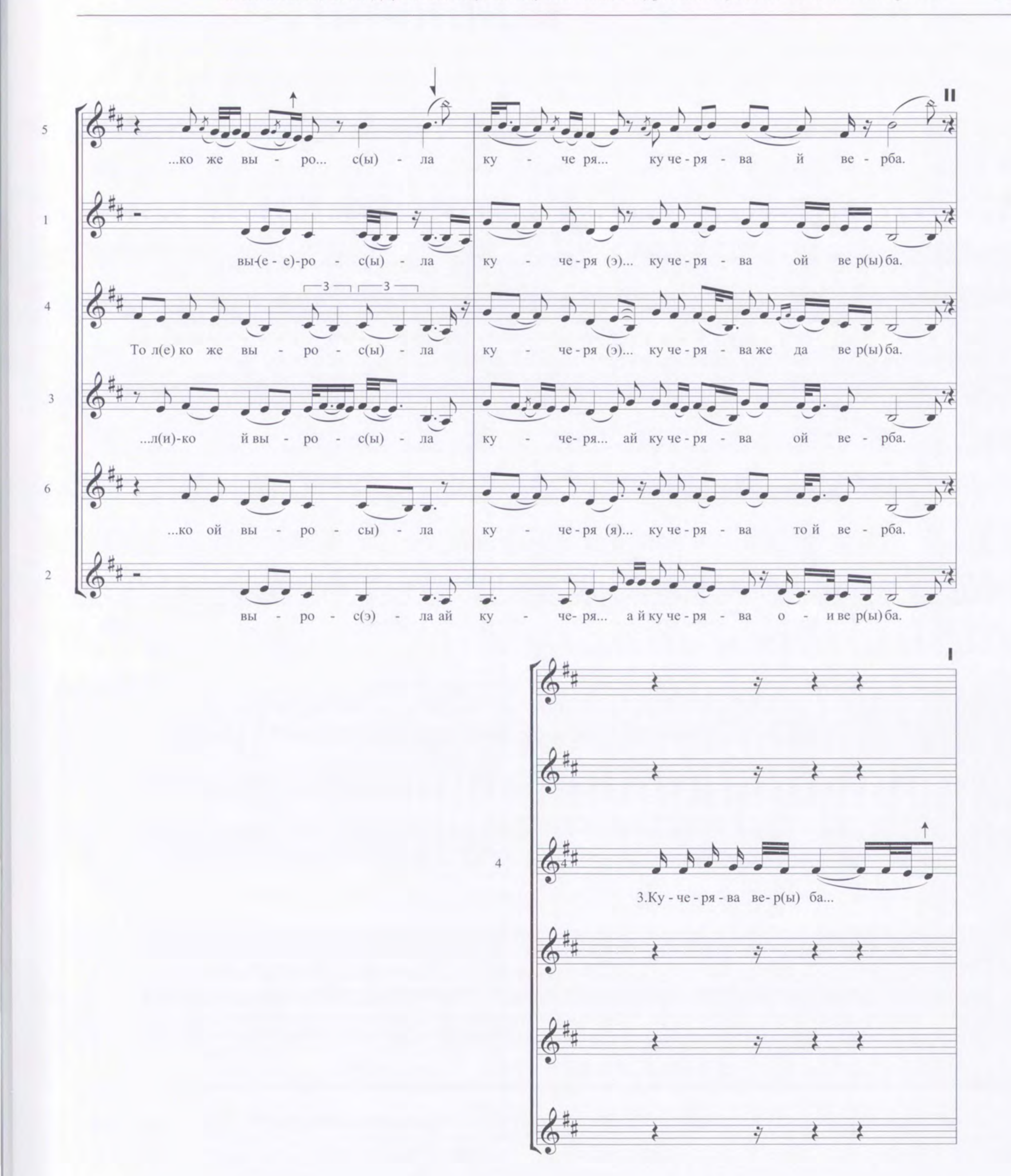
С. И. Иванов. Австро-прусский цеппелин. М., 1914. Хромолитография

Раздел 3

Традиционные солдатские и воинские песни крестьянской традиции XVIII—XIX вв., продолжавшие бытовать в годы Первой мировой войны

3.1




II
5
...ко же вы - ро... с(ы) - ла ку - че ря... ку че - ря - ва й ве - рба.
1
вы-(е - е)-ро - с(ы) - ла ку - че - ря (э)... ку че - ря - ва ой ве р(ы) ба.
4
То л(е) ко же вы - ро - с(ы) - ла ку - че - ря (э)... ку че - ря - ва же да ве р(ы) ба.
3
...л(и)-ко й вы - ро - с(ы) - ла ку - че- ря... ай ку че - ря - ва ой ве - рба.
6
...ко ой вы - ро - сы) - ла ку - че - ря (я)... ку че - ря - ва то й ве - рба.
2
вы - ро - с(э) - ла ай ку - че- ря... а й ку че - ря - ва о - и ве р(ы) ба.
I
4
3.Ку - че - ря - ва ве- р(ы) ба...

5
под тэ-ю же под ве - р(ы)бо-и ра - зо - стла... ра-зо-ст-ла - ной ко - вёр...
1
под тэ-ю ды под(ы) ве - р(ы)ба... ра - зо - стла... ра-зо - стла - на(я) - й ко - вяр.
4
Что под тэ-ю же под(ы) ве - р(ы)бой ка - зос(ы) ла... ра-зо - стла - ной ко - вёр.
3
под тэ-ю же под(ы) ве - р(ы) бо - й ро - зо - стла... ра-зо- с(ы) ла - но - йко - вёр...
6
о-й по(во)д тэ-ю же по д(ы) ве - р(ы) бой ра - зо с(ы)ла (я)... ра - зо с(ы)-ла (о) - на - и (й) ко - вёр.
2
...тэ-ю же по д(ы) ве - р(э) бой ка... - зо - стла... й ра - зо - стла - на - й ко - вёр.
4
4.Ра - зо-стла-ной ко - вёр...

Што на наших на полях
Урожа… урожаю нема.

Урожаю нема…
Только же выросла
Кучеря… кучерява, ой, верба.

Кучерява верба…
Что под тэю же под вербой
Разостла… разостланной ковёр.

Разостланной ковёр…
Что на том на ковре
Казак ўби… казак ўбитой лежал.

Казак убитой лежал…
Ой да, он убит, ой да, приубит,
Весь у ра… весь у ранах лежал.

У ранах лежал…
А ў его же голова
Вся посе… вся посеченная.

Посеченная…
А ў его же бела грудь
Вся поре… вся й порезанная.

Порезанная…
А ў его же, ой да, на грудях
Золото… золотой крест да лежал.

Золотой крест лежал…
А ў его же, ой да, в головах
Ворон ко… ворон коник да стоял.

Ворон коник стоял…
Ох, да ты ж коник, ты ж мой конь,
Конь, това… конь, товарищ верно́й,

Конь, товарищ верно́й…
Ох, побяжи же, ох да, ты мой конь,
Ты в Росси… ты в Россию домой.

В Россию домой…
Ох, не кажи же, ты ж, мой конь,
Што я ўби… што я ўбитой да ляжу.

Што я ўбитой ляжу…
Ох да ты скажи же, ты, мой конь,
Што жена… што женатой хожу.

Што женатой хожу…
Вот да жани… да жанила ж меня
Пуля бы… пуля быстренькая.

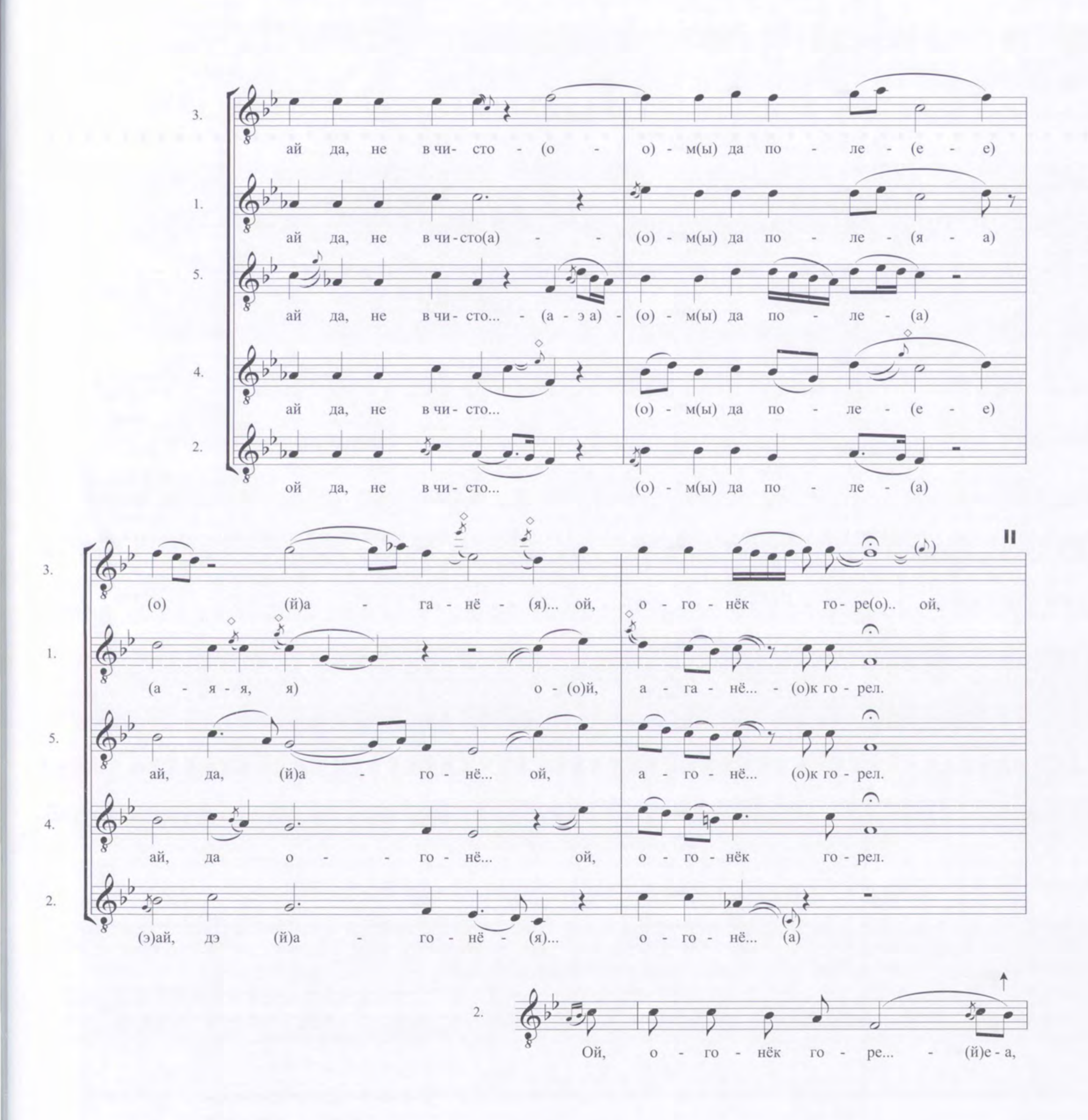
Пуля быстренькая…
Ох, да свенчала же да меня
Сабля ж во… сабля востренькая.

Сабля востренькая…
А светилка ж да была
Воскова… восковая свеча.

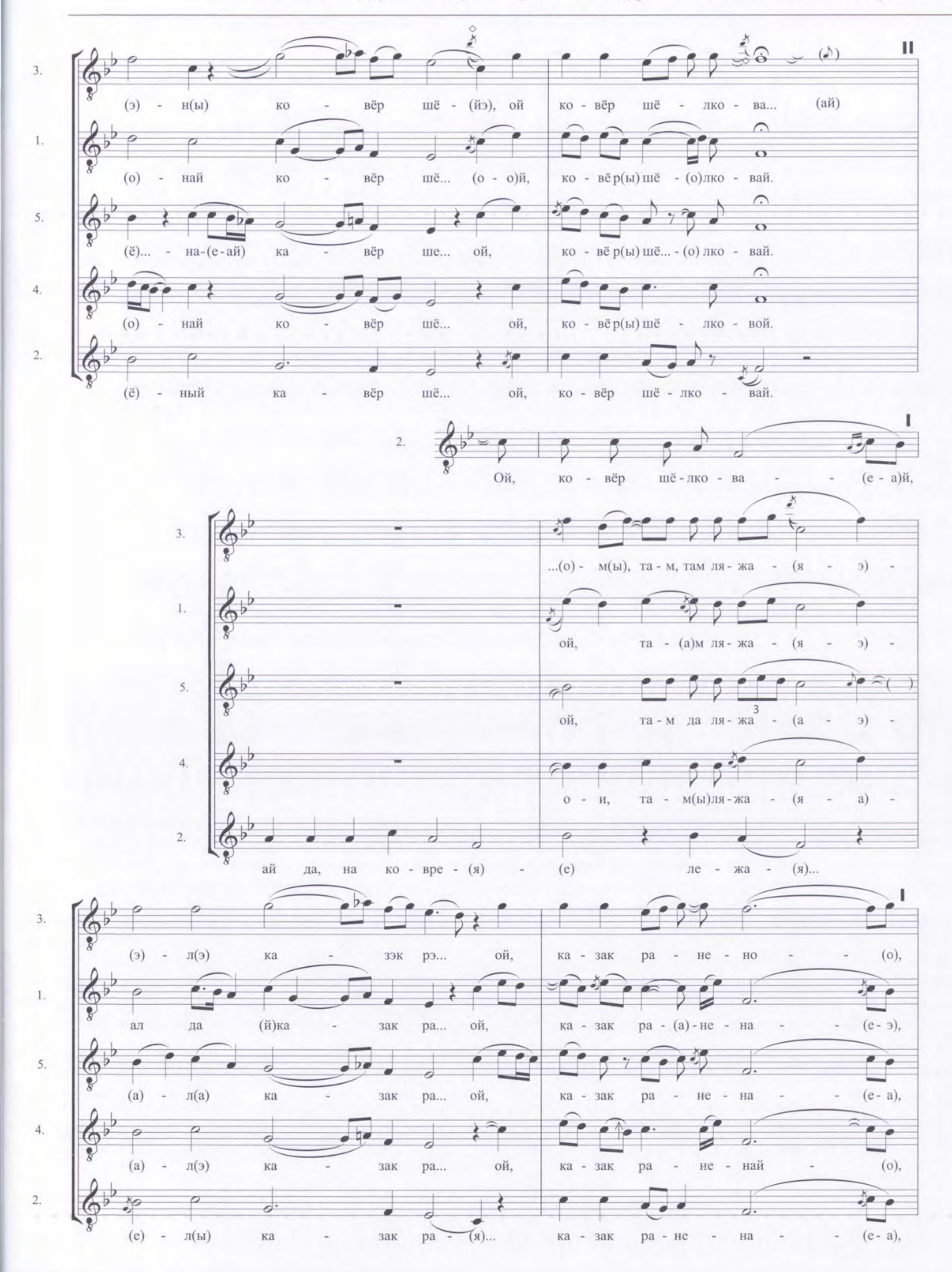
Восковая ж да свеча…
Ох, да невеста ж да была
Гробова… гробовая доска.

Гробовая доска…
Вот да бояре ж да были
Все звоны… все звоны же загули.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, № 2130–2135, н. 15292–15293. Многоканальная звукозапись Е. А. Дороховой. Украина, Сумская обл., Путивльский р-н, с. Линово. Ноябрь 1979 г. С голосов Неонилы Павловны Щербаковой 1918 г.р., Александры Наумовны Самохиной 1909 г.р., Федоры Афанасьевны Подшивайловой 1912 г.р., Марфы Арефьевны Толстошеевой 1904 г.р., Марии Петровны Самохиной 1912 г.р., Мокриды Гавриловны Паньшиной 1912 г.р. Нотировка Е. А. Дороховой.


3.
ай да, не в чи- сто - (о - о) - м(ы) да по - ле - (е - е)
1.
ай да, не в чи - сто(а) - - (о) - м(ы) да по - ле - (я - а)
5.
ай да, не в чи - сто... - (а - э а) - (о) - м(ы) да по - ле - (а)
4.
ай да, не в чи - сто... (о) - м(ы) да по - ле - (е - е)
2.
ой да, не в чи - сто... (о) - м(ы) да по - ле - (а)
3.
(о) (й)а - га - нё - (я)... ой, о - го - нёк го - ре(о).. ой,
1.
(а - я - я, я) о - (о)й, а - га - нё... - (о)к го - рел.
5.
ай, да, (й)а - го - нё... ой, а - го - нё... (о)к го - рел.
4.
ай, да о - - го - нё... ой, о - го - нёк го - рел.
2.
(э)ай, дэ (й)а - го - нё - (я)... о - го - нё... (а)
2.
Ой, о - го - нёк го - ре... - (й)е - а,

3.
...(о) - м(ы) ра... расс те - лё - (я) -
1.
...(о) - м(ы) да расс те - лё - (ё) -
5.
...(о) - м(ы), та - м да ля - жа - (ё) -
4.
...(о) - м(ы) ра - сте - лё - (ё) -
2.
ай да, перд о - гнём (е - а - о) - м(ы) рас... лё - (а) -
3.
(е) - ны, (э)а, - ны шэ - (о), ой, ко - вёр шё - лко - ва - (э)
1.
(а)... - ный ко - вёр шё - (ё - у)... ой, ко - вё - р(ы) шё - лко - ва... - (э - е),
5.
(а) - л(ы) ко - вёр шё... ой, ко - вё - р(ы)шё - (о)-лко- во... - (э - а).
4.
(о)... - ный ко - вёр шё... ой, ко - вё - р(ы)шё - лко - во - (ой),
2.
(е) - н(ы) ко - вёр шё... (э)ай, ко - вёр шё - лко - во - (э - й),
3.
Э, ...рд о - гнё - (о) - м(ы) ра - ссте - лё - (я) -
1.
ай да, пе - (е)рд о - гнё - (о - о) - м(ы) ра - ссте - лё... (о),
5.
ай да, перд о - гнё - (е а)... (о) - м(ы) ра - ссте - лё - (а) -
4.
ай да, перд о - гнё - (е - а - о) - м(ы) ра - ссте - лё - (о) -
2.
вой, да перд о - гнё - (я)... (о) - м(ы) ра - ссте - лё (о)...

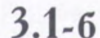

3.
(э) - н(ы) ко - вёр шё - (йэ), ой ко - вёр шё - лко - ва... (ай)
1.
(о) - най ко - вёр шё... (о - о)й, ко - вё р(ы) шё - (о)лко - вай.
5.
(ё)... - на-(е-ай) ка - вёр ше... ой, ко - вё р(ы) шё... - (о) лко - вай.
4.
(о) - най ко - вёр шё... ой, ко - вё р(ы) шё - лко - вой.
2.
(ё) - ный ка - вёр шё... ой, ко - вёр шё - лко - вай.
2.
Ой, ко - вёр шё - лко - ва - - (е - а)й,
3.
...(о) - м(ы), та - м, там ля - жа - (я - э) -
1.
ой, та - (а)м ля - жа - (я - э) -
5.
ой, та - м да ля - жа - (а - э) -
4.
о - и, та - м(ы) ля - жа - (я - а) -
2.
ай да, на ко - вре - (я) - (е) ле - жа - (я)...
3.
(э) - л(э) ка - зэк рэ... ой, ка - зак ра - не - но - - (о),
1.
ал да (й)ка - зак ра... ой, ка - зак ра - (а) - не - на - - (е - э),
5.
(а) - л(а) ка - зак ра... ой, ка - зак ра - не - на - - (е - а),
4.
(а) - л(э) ка - зак ра... ой, ка - зак ра - не - най - (о),
2.
(е) - л(ы) ка - зак ра - (я)... ка - зак ра - не - на - - (е - а),

<Во>т ба не в чистом да поле
Ай да, аганё… ой, аганёк горел,
Ай да, не в чистом да поле
Ай да, аганё… ой, аганёк горел.

Ой, огонёк горел,
Ай да, пер<е>д огнём расстелённай
Ковёр шё… ой, ковёр шёлковай,
Ай да, пер<е>д огнём расстелённай
Ковёр шё… ой, ковёр шёлковай.

Ой, ковёр шёлкова<й>,
Ай да, на ковре там да ляжал
Казак ра… ой, казак раненай.
Ой да, на ковре, ох, там да ляжал да
Казак ра… ой, казак раненай.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 10977–10981. Многоканальная звукозапись А. С. Кабанова. Волгоградская обл., Урюпинский р-н, станица Провоторовская. Июль 1973 г. С голосов Е. И. Поляковой 1906 г.р., П. Ф. Уварова 1912 г.р., Н. А. Малаховой 1910 г.р., А. А. Малаховой 1931 г.р., Е. А. Летягиной 1916 г.р. Нотировка А. В. Слизунова.



♩=72

За Ку - ба - ной за ре - ко - - и,

да за Ку - ба - ной за ре - кой, да там ка - за - че - нька да ну, гу - ля...

Там ка - за - че - нька гу - ля - л(ы).

Ни... ни о - ди - н ка - за - к(ы)ну гу - ля - л(ы), да (я)ста - ва - (я) - ри - ш шу - ю.

А ста - ва - ри - ш ша - ю, дык

А... а та - ва - рищ да - (я) ну е - го ды ша - (я) - шка во... (о) стре нька - я

ша - шка во - стре - нька - я - (я) дык,

Не -(е)в сте - пи ша - ше - нька и да ну ка - за - ченька ка - (я) вьё - л тра - (я) ве - нку он жал.

За Кубаной, за рекой,
Да за Кубаной, за рекой,
Ой да, там казаченька, да ну, гулял.

Там казаченька гулял…
Ни… ни один казак, ну, гулял,
Да с товарищаю.

А с товарищаю ды,
А товарищ, да ну, его ды
Шашка востренькая.

Шашка востренькая ды,
Не в степи шашенька, да ну, казаченька
Кавьёл-травеньку жал.

Кавьёл-травеньку жал…
Кавьёл-травеньку жал да
<О>ганёчику клал.

Да ўганёчику клал…
Аганёчику клал, да-су,
Ранушки, да ну, лечил.

Свою ранушку лечил…
Уж вы, раны да вы мои, да
Вы тяжёленькие.

Вы тяжёленькие…
Перед смертью, ды ну, ну казак
Стал свому коню наказывать.

Стал коню наказывать:
«Уж ты, конь, ты, мой конь,
Конь — товарищ родной.

Конь — товарищ родной…
Ты лети, да ты, мой конь,
Во Россиюшку, ды ну, домой.

Во Россиюшку, ды ну, домой…
Не скажи-ка ты, мой конь,
Што убитой лежу.

Што убитой лежу ды,
А скажи ты, мой конь,
Што женатый я хожу.

Што женатый я хожу да,
Поженила меня ды
Пуля быстренькая.

Пуля быстренькая ды,
Обвенчала меня, ды ну,
Шашка востренькая.

Шашка востренькая…
Шашка востренькая , ды ну,
Восковая да свеча.

Восковая свеча ды,
Как невеста моя ды
Шинель серенькая.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 18885–18886. Звукозапись Т. М. Ананичевой. Оренбургская обл., Бузулукский р-н, с. Нижняя Тепловка. 1980 г. С голосов Е. Т. Марисовой 1917 г.р., Л. Н. Бухаревой 1912 г.р., Е. А. Марисовой 1910 г.р. Нотировка Т. М. Ананичевой.

3.2

Все пташки-кенарейки садились по кустам…
Эх, как во этом во садо… садочке,
Нова хижина тама стоит.

Нова хижина тама стоит…
Эх, как во этою во хи… хижине,
Там солдатская вдова жила.

Там солдатская вдова жила…
Эх, вдруг, не знамши, постуча… стучались
Два солдата у ней под окном.

Два солдата у ней под окном…
«Эх, ты, любезная хозяй… хозяйка,
Ты пусти-ка ты нас ночевать.

Ты пусти-ка ты нас ночевать…» —
«Эх, вы, любезные солда… солдаты,
Всю вам правдушку я расскажу.

Всю вам правдушку я расскажу…
Эх, уж я хату не топи… топила,
Не варила про вас ничего.

Не варила про вас ничего…» —
«Эх, ты любезная хозяй… хозяйка,
Нам не надо твово ничего.

Нам не надо твово ничего…
Эх, мы, солдаты, приуста… устали,
Нам желалось только отдохнуть.

Нам желалось только отдохнуть…» —
«Эх, вы, любезные солда… солдаты,
Прошу милости в гости ко мне.

Прошу милости в гости ко мне…»
Эх, только двери отвори… отворилися,
И молились они на образа.

И молились они на образа…
Эх, как один-от сел на ла… на лавку,
А второй-от ему наспротив.

А второй-от ему наспротив…
Эх, как один-от лет-то зре… зрелыих,
А второй-от — точно белый снег.

А второй-от — точно белый снег…
Эх, сединою он укры… укрытый,
И его грудь вся была в крестах.

Его грудь вся была в крестах…
Эх, молода вдова у пе… у печки,
Она слёзно плакать начала.

Она слёзно плакать начала…
«Эх, ты, любезная хозяй… хозяйка,
Ты скажи-ка, об чём слёзы льёшь?

Ты скажи-ка, об чём слёзы льёшь…» —
«Эх, вы любезные солда… солдаты,
Всю вам правдушку я расскажу.

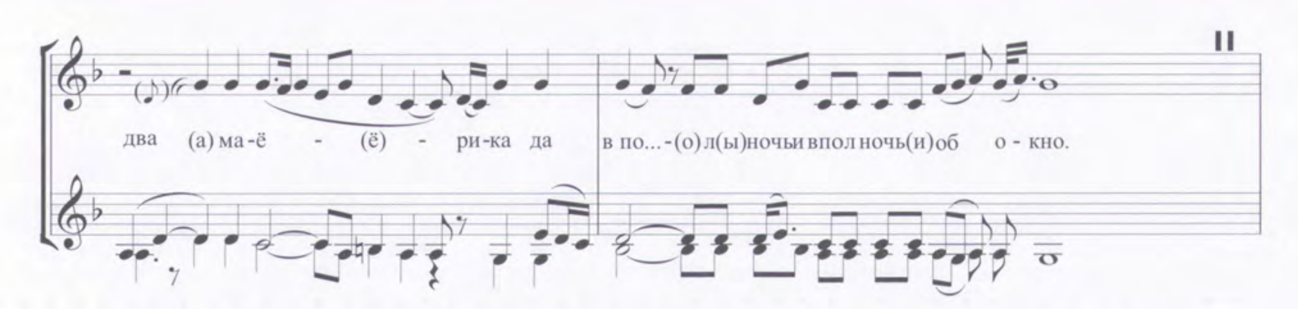
Всю вам правдушку я расскажу…
Эх, уж я мужа прово… проводила
И сыночка за ним собрала.

И сыночка за ним собрала…
Эх, вот теперь уж лет два… двадцать пять,
А про них и слуху теперь нет.

Про них и слуху теперь нет…» —
«Эх, ты, любезная мама… мамаша,
Неужели не узнала нас?»

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 4742. Звукозапись Л. Л. Куприяновой. Ульяновская обл., Павловский р-н, с. Павловка. 1969 г. С голосов П. И. Шароновой и Е. И. Логановой. Нотировка Л. Л. Куприяновой..

3.2-а



Ой, братцы, при долинушке,
Там дак хижинушка новая да стоить.
Как ва этай, да братцы, да ва хижинушке, да ой,
Призадумчива ой, у... увдава живёт.

Ой да, призадумчива увдава живёт...
Вдруг незадолго же да в двёри да простучали, да ой,
Два маёрика да в полночь, в полночь об окно.

Ой да, два маёрика в полночь, в полночь об окно...
«Разлюбезная ты наша же хозяюшка, да ой,
Пусти в горенку да к себе, к себе ночевать.

Да пусти в горенку к себе, к себе ночевать...» —
«Разлюбезные вы мои ши маёрики, да ой,
Всю правденку да я вам, я вам расскажу.

Всю правденку я да вам, я вам расскажу,
Как я нонче в поле работала, да ой,
Поздно с вечера домой пришла.

Поздно с вечера домой, домой я пришла...
Как я хату, печку не топила, да ой,
Не сготовила для вас, для вас ничего.

Не сготовила для вас, для вас ничего...» —
«Разлюбезная ты наша хозяюшка, да ой,
Нам не надо твово, твово ничего.

Нам желательно у тебя, у тебя отдохнуть,
Разлюбезная ты наша ж хозяюшка, да ой,
Не спознала ты сына и мужа своего».

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 12819. Звукозапись Г. Шестернёвой. Ставропольский край, Шпаловский р-н, с. Верхняя Татарка. 1974 г. От женского ансамбля, запевала А. Ф. Осташова 1910 г.р. Нотировка Е. О. Засимовой.

3.3

♩=76

По - сле - дний но - неш - ний ден= де - нё - чек э,
гу - ля - ю с ва - ми я д(ы) ру - зья,
по - сле - дний но - не - шний де - нё - чек, день де - (нё - че - к(ы)

Последний нонешний день-денёчек
Гуляю с вами я, друзья,
Последний нонешний денёчек, день-денёчек, ды,
Гуляю с вами я, друзья.

А завтра, ой, рано, чуть светочек
Заплачет вся моя семья,.
А завтра рано, чуть светочек, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сёстры,
Заплачут мать, отец родной,
Заплачут братья мои, сёстры, братья, сёстры,
Заплачут мать, отец родной.

Ещё заплачет дорогая,
С которой три года гулял,
Ещё заплачет дорогая, дорогая,
С которой три года гулял.

И вдруг коляска подбежала
К моему парадному крыльцу,
И вдруг коляска подбежала, подбежала
К моему парадному крыльцу.

С коляски голос раздаётся:
«Готовьте сына на войну».
С коляски голос раздаётся, раздаётся:
«Готовьте сына на войну».

Крестьянский сын давно готов,
Семья вся замертво лежит,
Крестьянский сын давно готов, давно готов,
Семья вся замертво лежит.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 5202. Звукозапись Л. Антиповой. Ставропольский край, Новоалександровский р-н, станица Расшеватская. Лето 1969 г. С голосов М. А. Моревой 1903 г.р., В. В. Зайцевой 1899 г.р. и С. А. Клушиной 1913 г.р. Нотировка Л. Антиповой.

3.3-а

Последний день нам, братцы, миновати,
Завтра еду я от вас.
Я еду, еду, братцы, уезжаю,
И покидаю край родной.
Завтра рано рано на рассвете
Прощусь я с родиной своей.
Прощусь я с чистыми полями,
Еще со миленькой своей.
И со веселыми, братцы, друзьями,
И я, Кавказ, прощусь с тобой.
Там далече, братцы, за горами,
Где лежал я на столе,
Все могилы братцы заростают,
На моей поставлен крест.
Вы придите, братцы, на могилу,
Вы товарищи мои,
Вы на память, братцы, да положите
Три поклона до земли.
По копейке, братцы, соберите,
Напишите, братцы, письмо отцу.
Напишите, отошлите
К отцу, матери родной,
К отцу, к матери родной,
Еще к жене молодой:
«Помер, братцы, наш товарищ
В чужой дальней стороне,
В чужой дальней стороне,
На царской службе, на войне.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г. № 60 (см. 1.24-б).

3.4

а - я - е, у - ха - ха - ха, а я е - ду до при - ё - му.

На - лей ма - ма, ста - кан ча - ю, а я е - ду, у - е - зжа - ю.

е - е, я - ха - ха - ха, бо я е - ду, у - ез - жа - ю.

Ты ма - ши - на, ты же - лез - на, ку - да ми - ла - ва за - ве - зла?

е - е, е - ха - ха - ха, ку - да ми - ла - ва за - ве - зла?

Налей, мама, стакан рому,
Я поеду до приёму.

Налей, мама, стакан чаю,
Бо я еду, уезжаю.

Ты машина, ты железна,
Куда милого завезла?

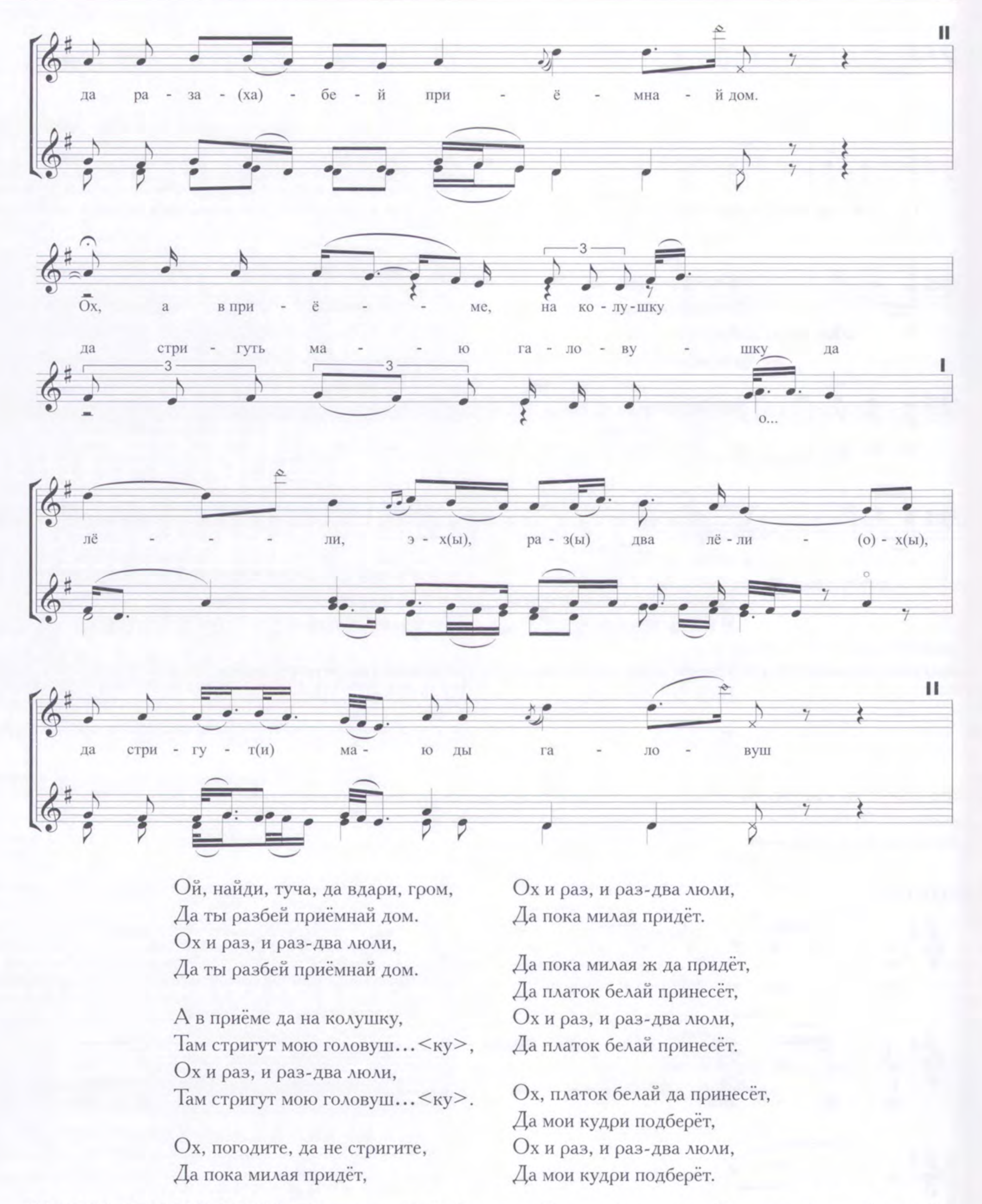
А в приёме стеклянны двери,
Там сидели офицеры.

Ты приёмщик, отец родный,
Ты скажи, что я негодный.

Ты приёмщик, чёрт пузатый,
Записал меня в солдаты.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, №. 5300-5. Звукозапись Е.А. Дороховой. Украина, Харьковская обл., Балаклейский р-н, с. Завгороднее. 02.06.1985 г. С голосов Демьяна Григорьевича Мачулина 1896 г.р. и его сына Егора Демьяновича Мачулина 1923 г.р. Нотировка Е. А. Дороховой.

3.5



Ой, найди, туча, да вдари, гром,
Да ты разбей приёмнай дом.
Ох и раз, и раз-два люли,
Да ты разбей приёмнай дом.

А в приёме да на колушку,
Там стригут мою головуш…<ку>,
Ох и раз, и раз-два люли,
Там стригут мою головуш…<ку>.

Ох, погодите, да не стригите,
Да пока милая придёт,
Ох и раз, и раз-два люли,
Да пока милая придёт.

Да пока милая ж да придёт,
Да платок белай принесёт,
Ох и раз, и раз-два люли,
Да платок белай принесёт.

Ох, платок белай да принесёт,
Да мои кудри подберёт,
Ох и раз, и раз-два люли,
Да мои кудри подберёт.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, № 5308-4 . Звукозапись Е. А. Дороховой. Украина, Сумская обл., Путивльский р-н, с. Линово. Ноябрь 1979 г. С голосов Неонилы Павловны Щербаковой 1918 г.р., Александры Наумовны Самохиной 1909 г.р., Федоры Афанасьевны Подшивайловой 1912 г.р., Марфы Арефьевны Толстошеевой 1904 г.р., Марии Петровны Самохиной 1912 г.р., Мокриды Гавриловны Паньшиной 1912 г.р., Лукерьи Андреевны Кошелевой 1925 г.р. Нотировка Е. А. Дороховой.

3.6
♪=92-116
Ой, ти - ха - (ва) - й Ду - най, о - й, ти - хий Ду - на - (я) - й
о - й, бе - ря - же - чки с(ы)-но -
I
ся й, ти - хай Ду - най, о - й, ти - хи - е Ду - на - (я)й
II
о - й, бе - ре - же - чки с(ы)но... (ся)
Ох, ма - ла - де - (е - е) - н(е) - ке - й, о - х(ы) да, на - ва - б(ы)-ра - н(ы) - чи - (е)к
I
о - й, па - лко - вне - (е) - чка п(ы)-ро -
ся, ма - ло - де - (е) - (э) - ч(е) кей, о - й да, на - ва - б(ы)-ра - н(ы) - чи - (е)к
II
ой, па - лко - в(ы) - не - (е - е) - чка про...
о - й, па - лко - вне - (е - е) - чка п(ы) рось...

Ой, тихай Дунай, ой, тихий Дунай,
Ой, беряжечки сноcя й,
Тихай Дунай, ой, тихий Дунай,
Ой, бережечки сно<ся>.

Ох, маладенькей, ох да, навабранчек,
Ой, палковнечка прося,
Маладенькей, ой да, навабранчек,
Ой, палковнечка про<ся>:

«Ой, пусти ши меня, ай, палковничек,
Ой, с полка до дому,
Ой, пусти ши меня, да (й) палковничек,
Ой, с полка (й) до до<му>.

Больна скучилась, больна смучилась,
Ой, девчонка за мною,
Больна скучилась, больна смучилась,
Ой, девчонка за мно<ю>». —
«Ой, маладенький, ой, козаченька,
Ой, ты три года служишь,
Ой, маладенький, ой, козаченька,
Ой, три года ты слу<жишь>...»

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, № 5300-10 (см. 3.4).

3.7

Вы прощайте, да Сашки-Машки,
Богословски, да ой, девушки.

Девушки...
Нам теперя, да ой, не до вас.

Не до вас...
К нам приходит, да ой, горький час.

Горький час...
Во в солдаты, да ой, везут нас.

Везут нас...
На горе стоит, ой да, село.

Да село...
Под горой новый да кабак.

Да кабак...
Как во этом да кабаке-то
Молодой кучер да гулял.

Да гулял...
Прогулял он тысяч двадцать,
Остаётся, да ой, рублей пять.

Рублей пять...
Как на эти, на пять рублей, да,
Нанял тройку, да ой, лошадей.

Лошадей...
Тройка скачет, ямщик плачет,
Уливается, ой да, слезьми.

Да слезьми...
Распроклятая наша служба,
Кто во в-кучерах служил.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 3780. Звукозапись С. И. Пушкиной и В. Григоренко. Пермская обл., Красновишерский р-н, дер. Сыпучи. 1961 г. С голосов Н. Б. Язевой 1892 г.р., Е. Д. Собъяниной 1911 г.р. и А. А. Собъяниной 1897 г.р. Нотировка С. И. Пушкиной.

3.8

♩=76

Гай, жи-ли, бы-ли всё два бра - та, всё со - ю - зна - я се - мья,

при - шло, эй, вре - мя, вре - мя, ну, ра - ccта - ва - ccта - ться.

В слу - жбу эх. е - та - ю бра - ту и - дти.

Гай, жили-были всё два брата,
Всё совместная семья,
Пришло, эй, время, время, ну, расстаться,
В службу этаю брату идти.

В службу этаю идти…
Старшей брат, брат же не желает идти,
Его, его нужно было заменить.

Его нужно было взаменить…
Младший брат да, брат да (й) был бы молод,
Его нужно было проводить.

Его нужно проводить…
Бласловления, ай, мне неверно,
В службу этаю брату идти.

В этаю идти…
К этой службе а я приближался,
Разлихой, да вот, братцы, казак.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 14367. Звукозапись В. В. Мироновой-Ломаковой. Ростовская обл., Верхнедонской р-н, хут. Дударевский. 1971 г. С голосов П. Е. Мельниковой, А. Н. Мельникова, М. Т. Абакумовой. Нотировка В. В. Мироновой-Ломаковой.

3.9

Дураки наши начальнички,
Написали нам дороженьку.

Написали нам дороженьку,
Дороженька незнакомая.

Дороженька незнакомая,
Головушка наша бедная.

Головушка наша бедная…
Да с кем же я ночевать буду?

Да с кем же я ночевать буду,
А с кем же я разговаривать?

С кем я буду разговаривать…
Пойду-выйду на долинушку,

Пойду-выйду на долинушку,
Я пущу коня во травушку.

Пущу коня я во травушку,
А сам сяду под былинушку.

А сам сяду под былинушку,
Былинушка к земле клонится.

Былинушка к земле клонится,
А мне, молодцу, спать хочется.

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 4763. Звукозапись З. Орловой и В. Грибановой. Липецкая обл., Добровский р-н, с. Верхняя Матрёновка. 1967 г. С голосов П. П. Перовой 1899 г.р. (запевала), П. И. Литвиновой 1892 г.р. и Н. В. Путилиной 1902 г.р. Нотировка З. Орловой.

3.10

Ой, как у нашего да у белого царя, да
Николая Александровича
Понастроено полатушек, да

Понаставлено солдатушек, дак
Ой, дубинушка, охнем, дак
Вот зелёная сама пойдёт, идёт!

ФА ИРЛИ. Ф. ОКМФ, н. 5650. Звукозапись А. А. Банина. Новгородская обл., Пестовский р-н, дер. Устье-Кировское. 1970 г. С голоса П. А. Стольникова 1894 г.р. Нотировка А. А. Банина.

3.11
♩=60
1.Ой, не в по - ле ве - тер по - ве - вал,
за - то - плён ка - зак дож - жем бы - вал, о, е,
а, е - а
(о)-ла - стью ка - за - к(ы) он ня - зна -(е - э - я - е - я - я)...
э - во - е, шёл он жа -(я - я - я - е)...е - е - я, ка - за - к(ы) да не зна -(уа - уа)... оа-е - е,
э, ай,да -(э) ше... шёл он жа -(э - о - а - о) - лы [сти] - (э)* ка - зак он нез (ы) - на - (о - а - о)...
Ай, да о, ай, шёл он жа (е - а - я - я) лы -(а) - мтью кы -(а)-зак он не зна - (я - о - а - о - у)...
ой, шёл он жа - (уа) - ло - стью ка - (я) - за - к(ы) он нез -(ы) на -(уо - я - э - е - о - у)...
а-ей, дэ(й) я(й) он ня зна - е (я)[т], е - я - е - е,
я - е, да вот и не зна - е -(е - я) [т], уа,
ой, да, ой, не зна - е -(я) [т], а,
о - й, да а ой, ня, зна - е - (а - е)т, а - е - а
а-ей, да вот он ня зна - йи -(я - я) [т], я - я - я - у - а

3а. а ой, вот и дон - ской ар - ме-(я)й - ска - (э)й ста... я - е - а - а - е - о - я - е,

4. а - й, да вот и дон ской а-(уа - уа)р - не-(а)й - скай ста-рой, ой, ка - за (уа - я)[к] а - е - е,

1. о - й, да, ой, дон - ской ар - мей - ской бы - лой... а, о, а,

2. а - й, да не,дон - ской ар - ме-(а)й - скай ста - рой ка - зак, я, е, а

3б. а - ей, да бы ой,дон - ской ар - ме-(е)й - ски - (я - а)й... ро-(ё - о)й ка - за-(уа - я)[к], я - е - у - а,

3а. а - ей,бы - э, шел он жа - (э - я - я)-ло - стью, э - я - я - як ня зна - (э - я - е - я - я)...

4. е - а, ай,да ше-(а)л он жа-(я - я - иэ-е - е)... жа - ло-(я) - сти ка-зак не зна - (а - я - я - я - я - я)...

1. ай, да ше, ай,шел он жа - (э) лы - (э) лы (а).стью*ка-зак нез(ы) - - (а)...

2. а - й, да,эй, о - ай,шел он жа-(я - е - а - я - я) лы(а) - стью кы (а)... ка-зак ня - зна - (я - о - я - о - е - а)...

3б. а - й, эй, ше(у-а а)л он жа - ло - сти ка - (я) - за...казак няз (ы) - на - (уо-е-я - о - у)...

II
3а.
ай, да эй, дон-ской ар - ме-(я)й - ска... э - я - я - я, ёк.
4.
эй, да вот и дон-ской ар - ме... э - е, ста-ро-(уа - уа)й ка - зак.
1.
а, ой, э, ой, дон-ской ар - ме-(а)й... э, бы-лой ка - зак.
2.
ай, да а - й, дон-ской ар - ме-(а)й - ски - (а)й... ро - (а)й ка - зак.
3б.
а - ей, да ба, ой, дон-ской ар - ме-(е)й-ский-(а) ста-рой ка - зак.
I
4.
Э,
1/8
1.
2.Ой, дон - ской ар - мей - ский бы-лой ка - зак... о - е,
2.
а - е - а,
3б.
ё - у - а,
3а.
ой, дэ ни о чё-(а - о - я)-м(ы) бы ка - за-к(ы) я ён не хло -
4.
3
е, ай, дэ - (а) вот и ни о чё-(ё - иэ - е) - м(ы) ка - за - к(ы) ни чуть не хло -
1.
э, ай, дэ - (а) ай, ни чё - - м(ы) бы ка - зак, ай, он не хло -
2.
а - ей, да во - (а)т ни о - чё - (у - о)-м(ы) бы - (а) ка - зак, ай, он не хло -
3б.
а - й, да, эх, вот и ни о чё-(а - о - а) - м(ы), эй, ка... вот не хло -

3а.
по - (а - о - е - е - я - я)... ай, бы яй, он хло-по - че - (а)[т], е - я - е - а,
4.
по - (я - я)... а - уа - уа, ай, эй, вот и хло-по - чет, а - - у - а,
1.
по - (а - о)... ой, да ай, он хло-по - че-(а)[т],
2.
по - (а - я - о - я - е - э - я)... а - яй, ды - а, он хло-по - че-(е)[т], а, е - а - я,
3б.
по - (а - я - ё - а - о - а)... а - ей, да он хло-по - че - (я - я)[т], я - уа - я,

3а.
ай да ой, и за - бо - (а)-ты да я - му в по(й)... в по-ле не - (я - я)[т], я - я - е,
4.
эй, вот и и за - бо - (а - уа) - ты-(э) я... Я-му в по- (ай)..в по-ле а - е - а, а - е,
1.
о, е, да ой, и за - бо - ты-(э) я - му в по - ле не-(а)[т], о,
2.
а-яй,да а-ей, и за - бо - ты-(а) я - му в по - (а) - ле не - (а)[т], я - е - а,
3б.
а-ей,да - (е) ой, и за - бо - (а)-ты-(е) я - му в по - ле не - (уа - я)[т], ё-у-а

3а. а - ей, дэ вот и ни о чё -(а - а - а - а) - м(ы) бы ка... ...к(ы) я ён не хло -

4. е - а, ай, да ни - (э)... ни о - чё - (э - е - а - о) - м(ы) ка - за - к(ы) ни - чуть не хло -

1. эй, о, ой, ни - о - чё - (а) - е)м ка - зак он не хло -

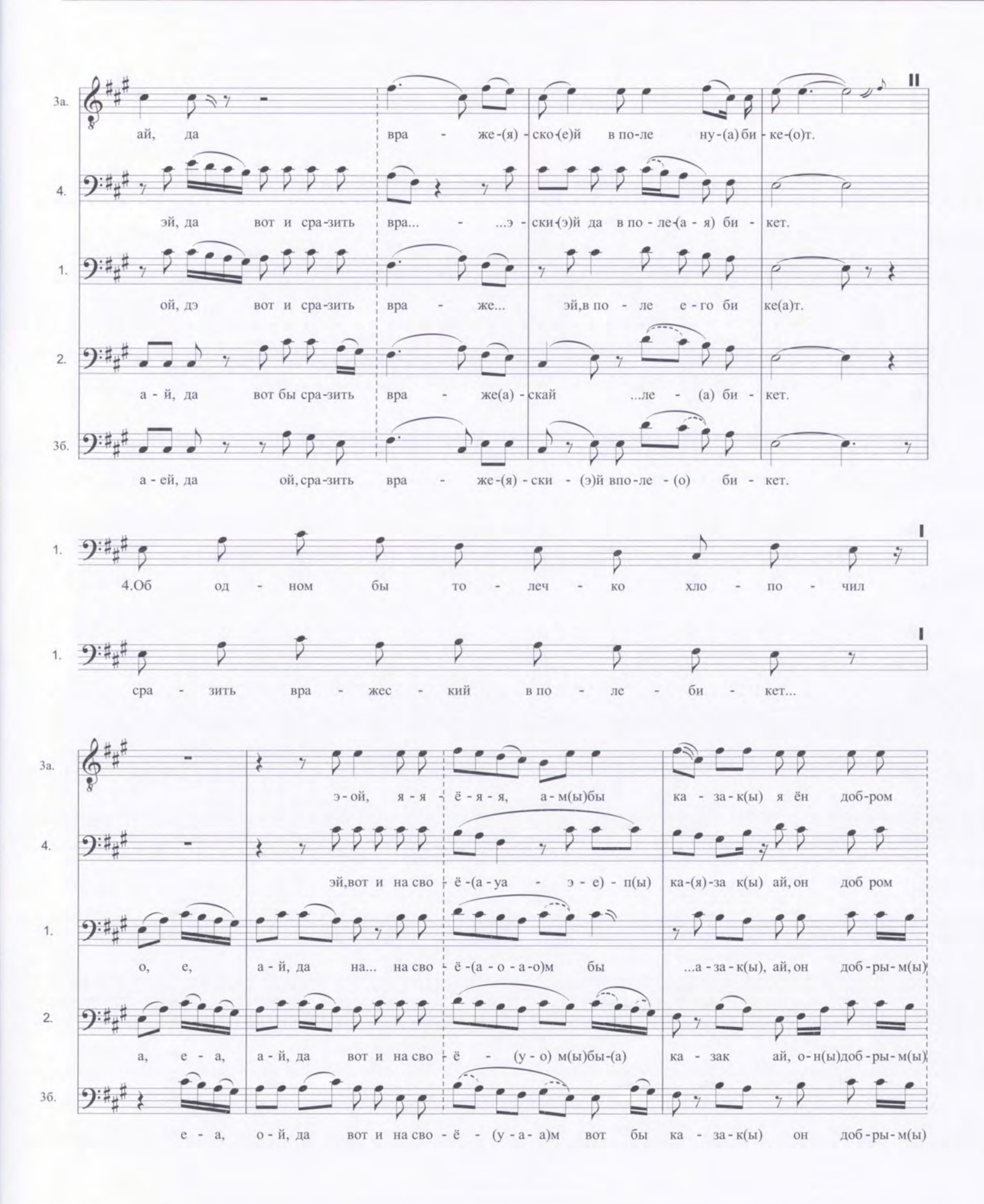
2. а - яй, да во -(а)т о чё -(е - а - е) - м(ы) бы - (а) ка - зэ -(а)к он не хло -

3б. а - й, да вот и ни о чё - (у - а)м о - ей, ка... ...к(ы), ай, о - н(ы)не хло -

II
3а.
ай, да вот и и за - бо - (а) - ты я - (э) - му в по - (а - о) - ле не-(о)т.
4.
эй, да вот и и за - бо -(а - уа - уа) ты, эй, я му в по- (а)..в по-ле нет.
1.
э, да ой, и за - бо - ты я... о, в по-ле нет.
2.
а - й, да эй, и за - бо - (а) - ты -(а) я... в по - (а) - ле нет.
3б.
а - ей, да, да вот и за - бо - (а) - ты -(е) я - (а) - ну в по - ле нет.
I
1.
3.Ни о чем ка - зак он не хло - по - чет,
45
I
1.
и за - бо - ты е - му в по - ле нет... а, е,
2.
а, е, а,
3б.
е - у - а,
3а.
ой, бы вот и об од - но -(я - я - я - а) - н(ы)бы ка - за - к(ы), ай, он ну хло -
4.
эй, да - (е) вот и яб од - но -(а - а - е - е) - м(ы) ка - за - к(ы) то - леч - ко хло -
1.
о, ай, да о... об од - но - (а - о)м бы ка - за- к(ы)... леч - ко хло -
2.
а - эй, да - (э) вот бы яб о - д(ы) - но - (о) - п(ы) бы - (а) ка - зэ -(а)к, ай, он ну хло -
3б.
а - й, да эх, вот и ой од - но - (а)м о - н(ы) ка - за - к(ы), ай, он ну хло -

3а.
по - (о - я - е - а - я)... а - ет, бы вот и хло-по - че - (а)[т], е - а, э,
4.
по - (э - е - о - а) - е - е, да а да хло-по - че-(е)[т], а - ви - я,
1.
по... а, ой, дэ-(а) ай, он хло-по - че-(э)[т], а,
2.
по -(а - е- о)... о - е - а, а - й, дэ - (а) ай, он хло-по - че-(е)[т], а, е - а - е - а,
3б.
по - (уо - йи - я - у - о - а)... а - ет, да он хло-по - че - (е- я)[т], а - е - а,
3а.
ай, да вот и сра-зить вра - (а)-же-(е)-ско - й в по-ле ну-(а), о - е - я - е,
4.
эй, да вот и сра-зить вра-(уа-я) - же... эй, да в по-ле-(а) ну би - ке-(е)[т], э-е - а - о - е,
1.
о - й, да а - й, сра-зить вра - (а)-же - ски-(э)й в по - ле е-го би - ке- (а)[т], о,
2.
а - й, да а - й, сра-зить вра - же-(а)-ской ...ле - (а) би - ке - (уа)[т], уа - е - а,
3б.
а - ей, да вот бы сра-зить вра - же-(а)-ски - (э)й в по-ле-(о) би - ке -(уа - я)[т], а - я - а,

3а.
о - ей, бы вот и об од - но -(а - а - а - о) н(ы) ка...
4.
е - а, ай да ай, яб од - но -(а - е - э - е) - н(ы) ка - за - к(ы) то - леч - ко хло...
1.
эй, да ой, об од - но - (а - е)м бы ка - за - к(ы) то - леч - ко
2.
а - й, да - (э) во - ай, об од - но - (а - е) м(ы) бы - (а) ка - зэ -(а)к ...леч - ко хло -
3б.
о - й, да вот и об од - ной - (а - о)м он ка - за - к(ы), ой, ну хло -
3а.
о - е - я - е - я - я, а - ей, бы я ён хло - по - че - (а)[т], е - я - е - а,
4.
а - е - е - а - е - я, ай, да вот и хло - по - че -(е - е - а - у - а - я - е)[т],
1.
о... а - о, ой, дэ ой, хло - по - че -(а - - е)[т],
2.
-по (уа - я - э)... э - е - а, а - й, дэ - (а) ай, он хло... а - я - е - а - е - а,
3б.
-по - (уа - я - ё - о - ё - а)... а - ей, да он хло - по - чет, о - я - я - е - а,


3а.
ай, да вра - же-(я) - ско-(е)й в по-ле ну-(а) би - ке-(о)т.
4.
эй, да вот и сра-зить вра... - ...э - ски-(э)й да в по - ле-(а - я) би - кет.
1.
ой, дэ вот и сра-зить вра - же... эй, в по - ле е - го би ке(а)т.
2.
а - й, да вот бы сра-зить вра - же(а) - скай ...ле - (а) би - кет.
3б.
а - ей, да ой, сра-зить вра - же-(я) - ски - (э)й впо-ле - (о) би - кет.
1.
4.Об од - ном бы то - леч - ко хло - по - чил
1.
сра - зить вра - жес - кий в по - ле - би - кет...
3а.
э - ой, я - я - ё - я - я, а - м(ы)бы ка - за - к(ы) я ён доб-ром
4.
эй, вот и на сво - ё -(а - уа - э - е) - п(ы) ка-(я)-за к(ы) ай, он доб ром
1.
о, е, а - й, да на... на сво - ё -(а - о - а -о)м бы ...а - за - к(ы), ай, он доб - ры - м(ы)
2.
а, е - а, а - й, да вот и на сво - ё - (у - о) м(ы)бы-(а) ка - зак ай, о - н(ы)доб - ры - м(ы)
3б.
е - а, о - й, да вот и на сво - ё - (у - а - а)м вот бы ка - за - к(ы) он доб - ры - м(ы)

3а.
ко - (о - е - е - я)... а - ей бы я ён на ко - не - (а - я), е - а - е - я,
4.
ко - (уо - е - о - е - е - е - е)... эй, да - (е) вот бы на ко - не - (е), а - уа - уа - е - а,
1.
ко - (а - я - о - а)... а, ой, дэ ай, он нэ ко - не - (а),
2.
ко - (а - я)... о - а, а - й, дэ - (а) а он на ко - не - (а), я - я - е - а,
3б.
ко - (уа - о - я - я - о - у)... а - ей, да а он на ко - не - я - (я), е - а - е - а,
3а.
яй, да ой, о - гонь= пла - мк-(е) на, ой, ай, ё - ё, о - е, е - е,
4.
эй, да вот и я - гонь= пла(уа - я - а)-ня на нё - м(ы)ка - зак про - ля - та - (уа)л, э - е, а - о - е,
1.
ой, дэ - (а), вот и я - гонь= пла - мя ка - за - к(ы) о про - ля - та[л], о - а,
2.
а - й, да а - й, я - гонь= пла - мя ка - зак ай, он про - ля - та - л(ы), е - а - е - а,
3б.
а - ей, да вот и я - гонь= пла - мя ка - (я) - зак, ай, он про - ля - та - (уа - я)[л], ия - у - а,

3а.
а - ей, бы вот и на сво - ё -(а - а - а - а) н(ы)бы ка... эй, а ён доб-ром
4.
е - а, ай, да на... на сво - ё -(ё - а - е)... э, ка - за- к(ы), ай, о- н(ы)доб-рым
1.
эй, дэ-(а) ой, на сво - ё -(а - э)м бы ...о - за- к(ы), ай, он доб - ры - м(н)
2.
а - й, да во -(а)т на сво - ё - (а - о) - м бы - (а) ка - зак, ай, он доб - ры - м(ы)
3б.
о - й, да вот и на сво - ё - (у - а - у - а)м о - н(ы) ка... ...к(ы), ай, о- н(ы)доб - ры - м(ы)
3а.
ко - (о - е)... а - ей, бы яй, он на ко - не -(а - я), е - а - е - я,
4.
ко - (уа - е)... э - е - е - а, эй, да - (я) вот и на ко - не -(уа - уа), я - я,
1.
ко - (а - я - о - у - а - о - у)... ой, дэ он нэ ко - не -(а - я - - е),
2.
3
ко - (у-а - я - я - о - у)... э, дэ - (а), ай, он на ко - не - (а), я - я - е - а,
3б.
ко - (о - е - ё - о - а)... а - ей, да он на ко - не -(уа - я), а - е - я,

Ой, не в поле ветер повевал,
Затоплён казак дожжём бывал.
Э-ай да шёл он, жалысти, казак, он не зна…
Ай да вот, он ня зная,
Ай да вот, донской армейскай старой казак.
Ай да, шёл он, жалысти, казак, ня зна…
Ай да ай, он не зная,
Ай да ой, донской армейскай старой казак.

Ой, донской армейский былой казак…
Ай да вот, ни о чём бы казак, а он не хлопо…
Ай да ай, он хлопочет,
Ай да ой, заботы яму в поле нет.
Ай да вот, ни о чём бы казак, а он не хлопо…
Ай да ай, он хлопочет,
Ай да вот, и заботы яму в поле нет.

Ни о чём казак, он не хлопочет,
И заботы ему в поле нет…
Ай да вот, об одном бы казак, ай, он ну хлопо…
Ай да ай, он хлопочет —
Ай да, вот бы сразить вражеский в поле бикет.
Ай да вот, об одном бы казак толечко хлопо…

Ай да ай, он хлопочет —
Ай да вот, сразить вражеский в поле бикет.

Об одном бы толечко хлопóчил —
Сразить вражеский в поле бикет…
Ай да вот, на своём бы казак, ай, он добром ко…
Ай да, а он на кóне,
Ай да вот, ягонь-пламя казак, ай, он пролятал.
Ай да вот, на своём бы, ай, он добром ко…
Ай да ай, он на кóне,
Ай да вот, ягонь-пламя казак, ай, он пролятал.

На своём бы казак добром кóне
Огонь-пламя пролятал…
Ай да вот, он своёю, казак ай, он пикой дли…
Ай да ай, он длиннóю,
Ай да вот, рёбры вражески казак считал.
Ай да вот, он своёю, казак, ай, он пикой дли…
Ай да ай, он длиннóю,
Ай да вот, рёбры вражески казак считал.

Он своёю, казак, пикой длинной
Рёбры вражески считал…
Ай да вот, он своёю, казак, ай, он шашкой во…
Ай да ай, он вострóю,
Ай да вот, врагам головы, казак, он срубал.
Ай да вот, он своёю, казак, ай, он шашкой во…
Ай да ай, он вострóю,
Ай да вот, врагам головы, казак, он срубал.

ФА ИРЛИ. Ф. 1475–15, 1475–20, 1476–2, 1476–6; н. 18189—18192. Четырёхканальная звукозапись А. С. Кабанова. Волгоградская обл., Кумылженский р-н, хут. Ильменёвский Красноармейского сельсовета (бывш. станицы Федосеевской). 25.01.1973 г. С голосов: С. П. Донскова (1909–1978) – 1-й канал; П. М. Попова (1910–1982) – 2-й канал; П. К. Антоновой (1913–1975), М. Н. Голикова (1913–1984) — 3-й канал; П. Д. Петрова (1905–1980) — 4-й канал. Нотировка А. С. Кабанова.

3.12

Женят, женят нас, ребятушки,
Во нонешнем году.
Припев:
Воля, воля вольная,
Служба подневольная,
Женят в нынешнем году
В Ярославле-городу.
Припев
И дадут нам по невесте,
По казенному ружью,
Остру саблю на ремню.
Припев
Востру саблю на ремню,
Германцу голову срублю.

РО ИРЛИ. Р. V, колл.144, п.7, № 58 (см. 1.20). Исп. А. А. Фефилов.

3.13

Гриб-боровик,
Над грибами полковник,
Под дубом сидючи,
На грибы глядючи,
Повелел, приказал
Грибам на войну идти,
Грибам на войну идти!

Отказалися волнушки:
Говорят, что мы — старушки:
«Неповинны мы
На войну идти!»*

Отказались рыжички,
Говорят: «Мы мужички,
Неповинны мы
На войну идти!»*

Отказалися опёнки;
Говорят, что ноги тонки:
«Неповинны мы
На войну идти!»**

Гриб-боровик,
Над грибами полковник,
Под дубом сидючи,
На грибы глядючи,
Повелел, приказал
Грибам на войну идти,
Грибам на войну идти!

Отвечают грузди:
«Мы ребята дружны,
На войну пойдем
И всех врагов побьем!»
Ура! Ура! Ура!

* первый куплет повторяется
** при записи на магнитофон эта строфа пропущена

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 261, № 351. Запись З. И. Власовой. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, дер. Мякишево. 12.07.1969 г. Исп.: Л. В. Смирнова 67-ми лет, В. В. Модестова 65-ти лет, Е. В. Быстрова 69-ти лет.

3.14

Истаскался-измотался младец
По чужой дальней сторонушке,
По чужой дальней сторонушке —
По германской, по земелюшке.

Избил ножки босы без портянок.
Рукавчики были позасучены,
Басурманской кровью позабрызганы.
Идет младец, он шатается,
За полынь-травку хватается.

Никто с ним не встречается.
Повстретилась родная маменька:

«Зачем, идее, сынок, пьяный напиваешься?» —
«Напоил же мене млад пруцкой король
Пулей свинцовой...»

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 165, п.27, № 8, л. 7–8, 14. Запись А.А. Горелова. Ростовская обл., Вешенский р-н, станица Вешенская, ул. Подтелкова. Июль 1953 г. Исп. Семен Амвросимович Овчелупов 1890 г.р. Комментарий исполнителя: «Песню до конца спеть, говорят, скоро умереть! Дальше не играю».

3.15

Заплакала Марусенька свои ясны очи.
Мы возмем тебя с собою, назовем сестрою,
Сестрою не родною, солдатскою женою.
Мать и сына проводила в чужую краину:
«Ты поедешь, мой сыноцек, там не забавляйся,
На своем на добром коне назад воротися». —
«Бог-то знаить, мать родная, как назад вернутца?
Середь бору широкова мой конь спотыкнулся,
Мой конь спотыкнулся и назад обернулся».
Что с Крикова до Инова шальные меры.
Ишли шляхты на три трахты, а москаль на цетыре,
Бежа руськие солдаты по три, по цетыре,
Бежа польськие жандеры по два, по цетыре.
Безмозглова поляка по шеи прогнали.
Ступай, ступай, поляцик, ступай, куды хоцешь,
Хоть и в Вильню, в Гродню, хоть в Белые-Стоги.
Под Белым под Стогам лежит ранен пан Костюшка.
Приезжала к пану панья, жена молодая,
Ена плакала, рыдала, слезно прицитала:
«Полно, полно, пан Костюшка, с Москвой воевати,
С Москвой воевати, Польшу разоряти,
Разселилось руськo войское по всей нашей Польши,
Караулы крепки сняли, по фатерам стали,
И Польшу всю в плен забрали».

РО ИРЛИ. Р.V, ф.280, оп. 1, № 1, л. 72, № 148 (см. 2.12) Дер. Линино Линовской вол. Яунлатгальского уезда. Исп. Александра Федорова Перлова. Рукой И. Д. Фридриха: «Доставлены мне уч. Плушевской 6 кл. школы В. В. Арбузовым. 23 декабря 1926 года».

3.16

Ночи темны, тучи были гроздны,
По поднебесам идут.
Наши храбры русски командиры
Со ученьица идут.
Они идут, идут, маршируют,
Промеж собою говорят:
«Ах, ну трудно, трудно нам, братцы ребята,
Нам Варшаву-город взять.

Нам еще того труднее,
Как под пушки подбежать.
Мы под пушки подбежали,
Закричали все: ура!»

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Запись Н. П. Колпаковой. Усть-Цилемский р-н, дер. Трусовская (р. Цильма). 20.07.1955 г. От Н. Ф. Ермолина 70-ти лет. На средней Печоре известна старикам, бывшим солдатам. Данный текст — фрагмент более длинной песни.

3.16-а

Ночи темны, тучи грозны,
Все ли расходится туман.
Наши русски командиры
Со ученьица идут,
Наши русски, русски командиры
Со ученьица идут.
Они идут, идут маршируют,
Пред собою говорят:
«Нам да не трудно нам, да, ребята,
Нам да в Варшаве побывать.
Нам да не трудно нам, да, ребята,
Нам да в Варшаве побывать.
Только да трудно нам, ребята,
Нам да Варшаву-город взять.
Только да трудно нам, ребята,
Нам да Варшаву-город взять.
От труднее нам, да ребята,
Нам да под пушки да подбегать,
От труднее нам, да ребята,
Нам да под пушки подбегать».
Ох, мы под пушки подбегали,
Закричали все: ура!
Ох, мы под пушки подбегали,
Закричали все: ура!
Закричали все: ура!
Потом да свалились как трава.
Слава русскому солдату,
Командиру-молодцу.
Слава русскому солдату,
Командиру-молодцу.
Мы докажем супостату,
Службою служить пойдем.
Служим службу нашу царску
И генералов много знам.
Служим службу нашу царску
И генералов много знам.
Генералы закричали,
Подбежал я да в дальний стог.
Я порезал, поколол
Да сколь да германского народ.
Уж вы да злы, лихи германцы,
Покоритеся вы нам.
Если вы не покоритесь,
То ложитесь как трава.
Слава русскому солдату,
Командиру-молодцу.
Слава русскому солдату,
Командиру-молодцу.
Мы докажем супостату,
Службою служить пойдем.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Запись Н. П. Колпаковой. Нарьян-Марский р-н, дер. Осколково. 25.07.1956 г. От П. Н. Поздеева 64-х лет.

3.17

Трудно, трудно нам, рябяты,
Пад Аршаваю стоять,
А ещо трудней нам, рибяты,
Са германцемваевать.
Эх-эх-во-ха-ха, са германцем ваевать.
Ни паспев слава сказать,
Меня пуля проняла,
Эх-эх-во-ха-ха, меня пуля проняла.
Меня пуля проняла,
Покатилась голова,
Эх-эх-во-ха-ха, покатилась голова.
Покатилась голова,
Задрожала вся земля,
Задрожала вся земля,
Заплакала мать, родня,
Эх-эх-во-ха-ха, заплакала мать, родня.
Еще малое дитя,
Еще жина малада.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 123, п. 2, № 3, л. 29. Запись В. К. Ефременкова. Исп. Елизавета Ропченкова.

3.18

Не туман с поля поднялся,
Что не частый дождичек пролил.
Император, братцы, со войсками,
Царь наш с войском в Турцию пошел.
Наш император с войском в Турцию пошел.
Он и шел, и шел к земле турецкой,
С молитвой хотел турок усмирить,
Он турецкую силу покорить.
Задрожала мать-сыра земля,
Запропали мелки города.
Запропала славушка турецкаи
И не будет боле никогда.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г. № 65 (см. 1.24-б).

3.19

Уж ты речка ли, речка, речка быстрая,
Речка быстрая, волна волнистая,
Протекала речка, протянулася
По сыпучим-ли мелким пескам,
По мелким пескам, мелким камешкам.
Что по речке Казанке во шлюпочке
Проезжал офицерик молоденький.
Его шлюпочка украшена вся флагами,
Еще в лодочке полно солдатиков.
Офицерик в шлюпочке посиживает…
<Дальше страницы вырваны>

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г. № 56–58. С пометой: *Песня военная*.

3.20

Во время оно
Шел некий муж по граду Петрограду
И видяху едину хоромину,
Называемая пивная.
Вшед ту и видяху там,
Пьют и веселятся.
Оный же пияху за два динария,
Некий же пияху и за три динария,
Я же ничесоже усомнишася
И выпихом на двунадесят динариев,
И нализахуся.
Вышел и падоша на топталище,
И псы его лизаше.
Ту бе некий муж, нарицаемый городовой,
Взяше его за выю и верзоша его в колесницу,
Называемую извощик,
И везоша его в темницу,
Нарицаемую участок.
И бе ту три дня и три нощи,
Яко Иона во чреве китове.
На четвертый же день пришел
Один от военочальник,
Нарицаемый околодочный,
И вопросиша меня: «Почто, рабе,
Сотворил еси?» —
Я же ничесоже не отвещав
И сунув ему в руки три динария.
И воскликнув ту муж:
«Иди, рабе, вера твоя спасла тя».

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 160, п. 1. Записи Н. П. Колпаковой 1955 г. № 56–58. С пометой: *Евангелие от...*

3.21

Раз турецкая богиня
Вышла в поле погулять.
Увидала архимандрита,
Начала его ласкать.
«Что-де бродишь, старикашка,
Темной ночью по реке.
Кверху поднята рубаха,
Держишь … в одной руке?»
Отвечал старик упрямый:
«Не могу в келье сидеть.
У меня ведь … не палец,
Постоянно хочет …»

Разметалася богиня
И ложилась на песок.
«Так и быть, она сказала,
Дам … тебе разок».

Светит солнце из-за тучи,
Ведьма плачет на реке.
Возвращается из поля
Архимандрит в колпаке.

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 160, п. 1. Записи Н.П. Колпаковой 1955 г. № 56–58. С пометой: *Песня забавная*.

3.22

Солдатушка, вдовка молодая,
Зачем бело ходишь?

Зачем бело ходишь, ай,
Ты зачем жо, солдатка, бело ходишь,
Личико наводишь?

Личико наводишь, ой,
Бело личико, солдатка, наводишь,
Скажи, кого любишь?

Скажи, кого любишь, ой,
Я любила-то, девушка, маёра,
Парня молодого.

Парня молодого, ой,
Со которым я, девушка, водилась,
Вчёрась розбранилась.

Вчёрась розбранилась, ой,
Два словечка девушка сказала,
Бестиёй назвала.

Бестиёй назвала, ой,
Ты розбестиё, лихой мальчишко,
Мой дружочек милой!

ФА ИРЛИ. МФ 1131–3. Запись А.Н. Мартыновой, А.Д. Троицкой. Архангельская обл., Онежский р-н, дер. Лямца. 18.07.1976 г. Исп.: Анна Андреевна Денисова, Степанида Дмитриевна, Агриппина Савватиевна, Александра Ивановна Совершаевы. Нотировка Е.А. Дороховой.

Частушки

«На войну солдат собрался»

1

Скоро, скоро нас угонят
На чужбину воевать.
Остаются наши дролечки
Навеки горевать.

РО ИРЛИ. Р. V, ф. 204, п.1, № 1, л. 14, № 90. Частушки 1914–17 гг. Запись В.Е. Величутина. Вологодская обл., Тарногский р-н, дер. Конашевская. 1960 г. От крестьян А. Е. Величутиной, В. А. Поповой, К. П. Пестеровой, А. В. Величутина, П. Ф. Силинского.

2

Меня под меру становили,
Меру поднял головой.
Все начальники сказали:
«Не бывать тебе домой».

Там же, № 90.

3

Озорным я уродился,
Всей деревне надоел.
А как приняли в солдаты —
Всю говядину поел.

Там же, № 133.

4

Сяду, сяду на машину,
Наклоню головушку:
Повезет меня машина
На чужу сторонушку.

Там же, № 136.

5

Некрута, мы некрута!
Мы попали не туда.
Мы в Германию попали —
Наши головы пропали.

РО ИРЛИ. Р.V, ф. 280, оп. 1. Архив И. Д. Фридриха. № 27–57. — См.: Русский фольклор в Латвии: Песни обряды и детский фольклор / Сост. И.Д. Фридрих. Рига, 1972. Далее описание приводится в сокращенной форме — с указанием фамилии (Фридрих) и соответствующего номера публикуемого текста.

6

Как на наше нынче горе
Все казёнки на запоре.
Нет ни пива, ни вина —
Теперь с Германией война.

Фридрих-27-160.

7

Ой, раз труляля!
И два труляля!
Закрыта казёнка,
Болит голова.

Фридрих-26-11.

8

Ах, вы, турки-азиаты,
Из-за вас идём в солдаты.
Из-за вас, из-за подлецов
Идём от маток и отцов.

Фридрих-27-61.

9

Сдадут и нас погонят
Под Варшаву воевать.
Остаётся моя жёнка
С ребятами гулять.

Фридрих-41-224.

10

Солдатикам-некрутикам —
Не дай, Бог, никому!
Повидишь голоду и холоду —
Погонят на войну.

Там же.

11

Благослови, родима мать,
Иду с германцем воевать.
Благослови, молись о том,
Чтоб вернулся со крестом.

Фридрих-27-187.

12

На войну солдат сбирался,
С отцом-матерью прощался:
«Прощай, родимая семья,
Может, не увижусь с вами я!»

Фридрих-27-96.

13

Во приёме меня брили,
Отец с матерью вопили.
Будет, тятя, горевать,
Иду с немцем воевать!

Там же.

14

Скоро, скоро уезжаю
Я со немцем воевать.
Отец с матерью горюют:
Может, сына не видать.

Фридрих-27-82.

15

Прощай, моя страна родная!
Я поеду воевать,

Свою милую красотку
Оставлю горевать.

Фридрих-26-3-Ру, л. 1045.

16

Скоро бой, скоро война,
Останется девочка одна:
«Уедешь на войну,
Найдешь целу дюжину».

Фридрих-40-220-ш.

17

Забавочка моя,
На войну поеду я.
Красный крест пришью на грудь
И поеду в дальний путь.

Фридрих-31-207.

18

Идёт с Питеру машина:
Пятьдесят один вагон.
Довези меня, машина,
На войну в самый огонь.

Фридрих-26-137.

19

Я садился на машину,
На зелёненький вагон.
Вези, вези, машина,
По Двине в самый огонь!

Фридрих-26-20.

20

Пойду, сяду на машину,
На зелененький вагон:
Вези, вези, машина,
На войну, в самый огонь.

Фридрих-27-91.

21

Скоро, скоро нас угонят
За границу воевать,
За границу воевать,
Кровь горячу проливать.

Фридрих-27-186.

22

Ты не плачь, моя забава,
Не лей слёзы обо мне!
Верно, судьба моя такая —
Помирать в солдатах мне.

Фридрих-27-96.

23

Не горюй, отец и мать,
Что нас гонят воевать.
Эх, не всех же на войне
Убивают, поверь мне!

Фридрих-26-23.

24

Полно, полно молодцам
Ходить по тятиным крыльцам.
Остаётся восемь дён,
Тогда в Германию пойдём.

Фридрих-27-96.

25

Погуляй-коте, девицы!
Нам теперя не до вас:
Нам приходит горький час,
На войну везут всех нас.

Там же.

26

Нас забрали и погнали
Со германцем воевать.
На беседушке без мальцев
Кто вас будет забавлять?

Там же.

27

Мы с тобой, товарищ, ратники,
Обоих взяли нас.
Кому красненькие девушки
Достанутся без нас?

Фридрих-27-96.

28

Мы, солдатушки, — не люди,
Нас и девушки не любят.
Гонят с немцем воевать,
Отец с маткой горевать.

Фридрих-27-47.

29

Скоро, скоро нас погонят
Под Варшаву воевать.
Моя милая останется
Селедкам торговать.

Фридрих-26-137.

30

Некрута, мы, некрута,
Мы попали не туда.
Мы в Германию попали,
Наши головы пропали.

Фридрих-41-224

31

Играй, гармонька, мне!
В меня три друга на войне.
Дожидаю того дня,
Когда потребуют меня.

Фридрих-27-96.

32

Какой нынче год тяжёлый:
Немец вздумал воевать.
Мне, солдатику семейному,
Идти, не миновать!

Фридрих-27-96.

33

Эх, поеду, покачу
Нынче с немцем воевать.

Мне, молодому мальчишке,
Того не миновать.

Там же.

34

Мой братишка на войне,
Писёмце пишет мне:
«Скорей, братаничка, учись,
На войну поторопись!»

Фридрих-27-96.

35

Сдадут, сдадут меня в солдаты,
Никакой нет льготушки.
Теперь с Германией война —
Служить иду с охотушки!

Фридрих-27-40.

36

Коли б вольно, коли б вольно,
Коли б не позицыя,
Не оставил бы тебя,
Моя круглолицыя!

Там же.

37

Немцы забрали Варшаву,
Бог, помилуй Питерград!
В Питерграде много учится
Молоденьких ребят.

РО ИРЛИ. Р.V, собр. М. М. Шаблыкина, студента ГПИ им. Герцена. Записывал частушки в течение трех лет в дер. Шожма.
Публикации: Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З. И. Власова и А. А. Горелов. М.;Л., 1965. № 276 (далее: Власова, Горелов с указанием №).

38

Распроклятый царь-германец
Нам войны не объявил,
Он на бедную Россию
Три земли подговорил.

Власова, Горелов, № 2978.

39

Занывай, занывай,
Сердечушко ретивое,
Нас угонят за Дунай,
За морюшко синее.

Власова, Горелов, № 2982.

«Служить иду с охотушки»

40

Перестань, германец, драться,
Перестань Россию бить,
У России силы много,
Все равно не победить.

РО ИРЛИ. Р. V. Г.М. Ядрихинская. Дневник поездки на Северную Двину, в Красноборский р-н Архангельской обл. Июль 1962 г. №3.

41

На германского царя
Навяжу веревочку —
Он, немец, сдумал воевать,
Угонил миленочка.

Там же, № 4.

42

Свети месяц и луна —
Половина месяца.
А Вильгельму всё не спится,
Всё Варшава грезится.

Власова, Горелов, № 135.

43

Я отчаянным родился
И отчаянным помру.
На войну меня не взяли —
Добровольцем я пойду.

Фридрих-27-96.

44

Пойдём, товарищ, добровольцем,
Будем родине служить:
Распроклятого австрийца
Будем вместе с тобой бить.

Там же.

45

Играй, гармонька, мне!
В меня три друга на войне.
Дожидаю того дня,
Когда потребуют меня.

Там же.

46

Какой нынче год тяжёлый:
Немец вздумал воевать.
Мне, солдатику семейному,
Идти, не миновать!

Там же.

47

Эх, поеду, покачу
Нынче с немцем воевать.
Мне, молодому мальчишке,
Того не миновать.

Там же.

48

Мой братишка на войне,
Писёмце пишет мне:
«Скорей, братаничка, учись,
На войну поторопись!»

Там же.

49

Сдадут, сдадут меня в солдаты,
Никакой нет льготушки.
Теперь с Германией война —
Служить иду с охотушки!

Фридрих-27-40.

50

Коли б вольно, коли б вольно,
Коли б не позицыя,
Не оставил бы тебя,
Моя круглолицыя!

Фридрих-27-96.

51

Полно, матка, горевать,
Мне солдат не миновать.
Бог поможет, может, мне
Отличиться на войне.

Там же.

52

Я, молоденький мальчишечка,
Во солдатушки пойду.
Может быть, сложу головушку
С германцами в бою.

Там же.

53

Я хотел нынче жениться,
Отговаривал отец:
«Теперь не время те жениться,
Иди сражаться, молодец!»

Там же, л. 143.

54

Кто за нам погонится,
Тот на штык напорится.
Кто за нами побежит,
Во земельке полежит.

Там же.

55

Мы таку войну устроим,
Всю неметчину разроем;
Австриец русским нипочём —
Закидаем кирпичом!

Фридрих-27-140.

56

Уж как наши-то ребята
Не боятся немчуры:
Как поймают супостата —
Оттаскают за вихры!

Там же.

57

Уж мы немца разуважим,
По голове саблей смажем.
Охладим военный пыл —
Заберёмся-ка в Берлин.

Там же.

58

Затрещали пулемёты,
Русски крикнули: «Ура!»
Немцы выбегли с окопов,
Что собаки со двора.

Фридрих-27-186; см. вар.: 27-95; 27-96.

59

Месяц светит, месяц светит,
Половина месяца.
Вильгельму ноченька не спится:
Всё Варшава грезится.

Фридрих-27-96, л. 1051.

60

Немец, немец, где ты был,
Где ты моську всю разбил?
«Под Варшаву я летал,
Да в калошу и попал».

Фридрих-27-186.

61

Как Варшаву мы сдавали,
Битва жаркая была:
Пули в воздухе жужжали,
Наши крикнули: «Ура!»

Фридрих-26-5.

62

Перемышль наши взяли,
Теперь Краков будем брать.
Проклятому Вильгельму
Придётся удирать.

Фридрих-27-96, л.149.

63

Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал;
Шёл обедать он в Париж —
Преподнёс французик шиш!

Фридрих-40-239.

64

Сидит ворона на колу,
Споминает про войну.
Распроклятый царь Германский.
Отдавай нашу землю!

Там же.

65

Вы, солдатушки-ребятушки,
Сбирайтесь во поход!
За Россию, за товарищей
Положим свой живот.

Там же.

66

Матрос идет,
В жопу раненый.
Будем рыбу кормить
Немцем жареным.

Там же.

67

Речка быстра, речка быстра,
В речке темненька вода.
Забирай, наша Россия,
Все <г>ермански города!

Власова, Гореллов, № 1784.

68

Ты, Аршавушка, Аршавушка,
Забраной городок!
Под Аршавой милой бьется —
За Россиюшку идет!

Власова, Горелов, 3219.

«Убит миленок на войне»

69

Скоро кончится война,
Неинтересно девушке:
«Все придут, а мой останется
В сырой землюшке».

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 220, п.1, № 122. Запись В.В. Митрофановой. Архангельская обл., Красноборский р-н, дер. Борок (Толща) Белослудского сельсовета. 7.07.1962 г. От А. Г. Пономаревой 75-ти лет.

70

Девушке беда случилась:
На семь лет война открылась.
Мил уехал воевать,
Меня оставил горевать.

РО ИРЛИ. Р.V, колл.2, п.7, № 90. Запись Н.П. Колпаковой. Олонецкая губ., Петрозаводский уезд, нас. п. Космозеро, Погост. 26.06.1926 г. От Насти и Наташи Касьяновых 17-ти и 16-ти лет.

71

Шуньгу видно, Шуньгу видно,
Шуньским барышням обидно:
Кавалеры на войне,
Гуляйте, барышни, одне.

Там же, № 91.

72

Моёго черного, копченого
Угнали на войну.
Отстрелили праву ноженьку
Копчёному моему.

Там же, № 103. 27.06.1926 г. От К. Д. Андреевой 35-ти лет.

73

Скоро, скоро два набора:
Большепупых будут брать!
У моёво пуп с катушку —
И ему не миновать!

РО ИРЛИ. Р.V, колл. 261, п.2, № 34. Запись З. И. Власовой и В. В. Коргузалова. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, ст. Кушавера. 22.06.1969 г. Исп. женский хор и П.В. Зверева 53-х лет.

74

Полюбила я пилота,
Так и думала, что мой.
Пока ужинать ходила —
Он спикировал к другой.

Там же, № 36.

75

Тебе, дивья моя подруга,
Дроля с армии пришел.
А моё-то чадо милое
Дороги не нашел.

Там же, № 245. Запись З. И. Власовой. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, дер. Першутино. 03.07.1969 г. От А. Я. Артемьевой 67-ми лет.

76

Я не знала, что на ёлочке
Иголочки ростут.
Я не знала, что забавочке
Винтовочку дадут.

Там же.

77

Распроклятая Германия,
С Германией война!
Ты оставила, Германия,
Без Шурочки меня.

Фридрих-27-96, л. 1047.

78

В огороде — мачина,
Цветка погнали в Гачина.
Пускай погнали в Гачина,
В меня другой назначена.

Фридрих-26-99; см. вар.: 26-31.

79

Много горя, много слёз
Наделал нам немецкий пёс:
От отцов, от матерей
Угнал бравых сыновей.

Фридрих-27-96.

80

Девицы-красавицы,
Полно вам бавалиться;
На войну Мальцев угнали,
Старикам досталися.

Там же.

81

Кабы были лёгки крылышки,
Слетала б на войну,
Отрубила бы головушку
Немецкому царю!

Фридрих-26-165.

82

Если б были б сизы крылья,
Я слетала б на войну:
Распроклятому германцу
Расклевала б голову.

Там же.

83

Если б была я ворона,
То слетала б на войну:
Распроклятому германцу
Разбила б голову.

Фридрих-26-23, л. 1048.

84

На зыбочке зыбался,
За кураглины[1] держался,
Дождик капнул на воду, —
Цветка угнали на войну.

Фридрих-28-182.

85

Я зыбалась, я зыбалась,
За веревочку держалась.
Дождик прыснул не к добру, —
Цветка угнали на войну.

Фридрих-27-153.

86

Полиняет мой платочек
У меня на голове.
Поскучает мой милёнок
У солдатах на войне.

Фридрих-26-15, л. 147.

87

На австрийской на границы
Столбы сини стоя.
Мальцы служат — девки тужат:
«Растошнёшенька, беда!»

Фридрих-26-3-Ру.

88

На небе звёзды ясны,
Все мальчишки на войне.
Нам, девчёночкам, обидно,
Что мы осталися одне.

Фридрих-26-135.

89

На небе видно, видно.
Нам, девчёночкам, обидно:
Все парнишки на войне,
Гуляем, девочки, одне.

Фридрих-26-2-Ру, л.1049.

90

Стоит душа на фронте,
На первой на позиции.
Пустите попрощаться,
Дороги родители!

Фридрих-41-223.

91

Не давай, машина, свисту,
Моё сердце не тревожь:
Мой забавочка в окопах —
Ты его не привезёшь!

Фридрих-26-142.

92

Поеду я в Варшаву,
Встану на высокий мост:
Увижу душечку в шинели —
Не убраться будет слёз.

Фридрих-40-220-ш.

93

Голова моя шерлава,
Служит милый мой в Варшаве:
«Послужи, миленький мой,
Варшава город нехудой!»

Фридрих-31-207; см. вар.: 40-228.

94

Надавно заучилась
Платки белы вышивать.
Вышью платок по канвы,
Милый утрётся на войны.

Фридрих-27-186.

95

Ранняша, моя Саша,
Пешшом аль на кони?
Не привёз ли белой грамотки
От ягодки с войны?

Фридрих-32-196.

96

Распроклятые германцы
Затеяли войну.
Мою душу угнали —
Он положа голову.

Там же.

97

Проклятые германцы
Моего душу ранили:
Четыре пули в рот всадили —
В лазарет отправили.

Фридрих-32-195.

98

Был душа в окопах
На германском на лугу.
Шинель серую порвали
И ранили в руку.

Фридрих-27-186.

99

Бежит беленька собачка,
С войны прислана.
Дана в лапочки записка:
«Мой забава ранена».

Фридрих-27-162.

100

Под нашим под окошком
Лёгкий поезд пробежал.
Все окошки растворили —
Душа раненый лежал.

Фридрих-26-135, л. 150.

101

В синенькой лампадочке
Огоничек горит.
Был забава на приступе —
Теперь раненый лежит.

Фридрих-26-150.

[1] Кургалины — палки, прикреплённые вверху к перекладине качелей, а внизу соединенные доской, на которую становятся качающиеся.

102

Милку взяли — не сказали,
Повели как — не видали.
Получили писецо:
Пулей ранили в лицо.

Фридрих-27-149.

103

Понапрасно небо красно.
Сени — новые столбы.
Мальцы служат — девки тужат,
Не убило б на войны.

Фридрих-41-224.

104

Понапрасну небо красно:
Ходят синие столбы.
Мальцы служат, девки тужат —
Не убили б на войны.

Фридрих-26-23.

105

Много ёлок, много ёлок,
Много вересиночек.
За проклятого германца
Много сиротиночек.

Фридрих-26-132.

106

Проклятые германцы
На что надеятся?
Убьют наших мальчишек,
Куда девчёнки денутся?

Фридрих-29-215.

107

Распроклятый ты германец,
Когда кончишь воевать?
Всех хорошеньких погубишь,
Нас заставишь горевать!

Фридрих-28-56.

108

Австрийцы — кровопийцы,
Немцы — дьяволы:
Перебили всех мальчишек,
Последних ранили.

Фридрих-27-153.

109

На германском на поле
Под сыренью голубой
Голубой крестик поставлен:
Там зарыт мой дорогой.

Фридрих-41-225.

110

Я любила верного
Солдатика военного.
Не подумала на то,
Что на войны убьют его.

Фридрих-26-11.

111

Кабы были б в меня крылья,
Я слетала б на войну,
Посмотрела б свою душу,
Где положит голову.

Фридрих-27-92; см. вар. 26-3.

112

Сказали: на вокзале
Мой милёночек убит.
В коридоре, в белом доме
Простыней белой накрыт!

Фридрих-27-127.

113

Мы с забавочкой прощались
В огороде через тын:
Ему почётная могила,
Мне — печальный монастырь.

Фридрих-27-59.

114

Сегодня раненько, раненько
Заморозило маленько,
Снежок беленький напал, —
Милый без вести пропал.

Фридрих-26-3-Ру.

115

Слава богу, научилась
Платки белы вышивать:
Два в Германию послала
Цветку слёзы вытирать.

Фридрих-26-148; см. вар.: 26-2-Ру.

116

Вы бросайте воевать.
Пустите мого душу
Со мной вместе погулять.

Фридрих-26-147, л. 152.

117

Неужели снег не стает,
С гор не скатится вода?
Неужели мой дроля не придёт,
Пока кончится война?

Фридрих-27-73.

118

Всем по пары, всем по пары,
Я, девчёночка, одна.
Не пойду я на гулянье,
Пока кончится война.

Фридрих-26-2-Ру.

119

Стоит душа мой на фронте,
Близь него пули, что град.
Неужели не вернётся
Мой забавочка с солдат?

Там же.

120

Нагнулася берёзка
До самой до земли.
Скоро, скоро замиренье,
Придут малички с войны.

Фридрих-27-168.

121

Всю Германию объехал,
Я во Франции бывал;
Пол-Европы обошёл —
Лучше наших девок не нашёл.

Там же.

122

Говорят, война окончится
Восегодный годок.
Всех солдатиков отпустят,
Свеселится весь народ.

Там же.

123

Не свищи, машина, даром,
Мое сердце не тревожь.
Мой-то парочка в окопах —
Ты его не привезешь.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 73, п.1. Собрание учителя В. Федоркова. Заонежье. № 56.

124

Распроклятая машина,
Ты куда торопишься?
Дружка в Германию свезешь,
Оттуль одна воротишься.

Там же.

125

Сегодня тихая погода,
Тихо дует ветерок.
С войны милашечку отпустят —
Налетит, как соколок.

Там же, № 62.

126

Машинушка железная,
Колесики чигунныя.
Моего дружка свезли
Началники безумныя.

Там же, № 64.

127

Если б вы не круты горы,
Не ракитовый кусток,
Услыхала бы с позиции
Милого голосок.

Там же, № 68.

128

Если б вы не круты горы,
Не дремучие леса,
Увидала бы с позиции
Милашечку в глаза.

Там же, № 69.

129

Погодите, не летите,
Белые снежиночки.
Дайте выехать с войны
Моей ягодиночки.

Там же, № 70.

130

Мой милашка на войне,
На самой на позиции.
Неужели не замолят
За его родители.

Там же, № 73.

131

Будь он проклят, царь ерманский,
Много горюшка понес.
От баб мужей, от девок парнев
Воевать туда увез.

Там же, № 75.

132

Поеду, девушка, во Питер,
Стану на Литейный мост,
Увижу парочку в шинели —
Не убрать мне будет слез.

Там же, № 79.

133

Лекрута у нас гуляют,
Зеленую водку пьют.
Они на то располагают,
Что в Германию войдут.

Там же, № 93.

134

Получила весточку,
Да весточку печальную:
Убит миленок на войне,
Да тяжело, девчонке, мне.

Там же, № 94.

135

Приехал милой на побывочку,
Я думала, — совсем.
Одела беленькую кофточку,
Пошла под ручку с ним.

Там же, № 95.

136

Приехал милой на побывочку,
На двадцать дней всего,
Не прожил парочка недели,
Съехал в Красное Село.

Там же, № 96.

137

Слава богу, научилась
Платки белы вышивать:
Один в Германии послала —
Забаве слезы утирать.

Там же (дер. Пальцево), № 153, л. 117, № 6.

138

На Германском на поле,
Под сыренью голубой
Золотой крестик поставлен —
Там зарыт мой дорогой.

Там же (дер. Погорелка), № 160, л.139, № 17.

139

Кабы дали легки крылышки,
Слетала б на войну,
Попросила б я царю:
«Поставь миленка на краю!»

Власова, Горелов, № 7117.

140

Ягодинку ранили,
В Петроград отправили.
Праву ученьку долой —
Не отпустят ли домой?

Власова, Горелов, № 3506.

141

В Петрограде на вокзале
Ягодинку встретила.
По шинели не узнала,
По рубашке сметила.

Власова, Горелов, № 3507.

142

Все цветочки на лужочке —
Незабудочка в воде.
Все ребята дома ходят —
Мой-то милой на войне.

Власова, Горелов, № 3508.

«Мой папашенька в окопах»

143

Мой папашенька в окопах,
Во германских пулемётах.
С пулемёта вдарили,
Мого папашу ранили!

Фридрих-41-241.

144

Солдаты — распрокляты!
Маво брата ранили:
Четыре пули в ноги вдули,
В лазарет отправили.

Фридрих-27-86.

145

На Германской на границе
Мого братку ранили:
Четыре пули в грудь всадили —
В лазарет отправили.

Фридрих-27-162.

146

По германской по границе
По канавке кровь бежит:
Ох, мой братка здесь убита,
Другой раненый лежит.

Там же.

147

Замиленочек убит —
Шинель под кустиком лежит,
Фуражка в травке зеленой.
Прощай навеки, дорогой.

Власова, Горелов, № 2276.

148

Петроградская машинушка
Идет некрытая.
Замиленочка с позиции
Везут убитого

Власова, Горелов, № 2279.

149

Если будё замирьё —
Платье розово сошью.
А не будё замиренья —
Дроле денёжек пошлю.

Власова, Горелов, № 262.

150

Германия, Германия,
Проклятая страна!
Оставили Германия
Без папеньки меня!

Власова, Горелов, № 982.

151

Ой, германцы черныя,
Воевать задорные!
Из-за вашей силушки
Погибли наши милушки.

Власова, Горелов, № 996.

152

У германского царя
Усы завиваются.
Наши милые в плену
Миру дожидаются.

Власова, Горелов, № 2277.

153

Замиленочек в окопах
Отморозил ноженьки.
Я сходила бы к нему,
Да не найти дороженьки.

Власова, Горелов, № 2284.

154

Ты, Германия, Германия,
Включай скорее мир!
По второму ягодинке
Воевать не отдадим!

Власова, Горелов, № 1426.

155

Товарочка, остановись!
Какая радостная <вист>ь!
Говорят, что твой и мой
Идут с позиции домой.

Власова, Горелов, №1426.

156

Слава богу, утишается
В Германии война.
Может, в живности вернется
Ягодиночка моя.

Власова, Горелов, № 2283.

157

По Германии проклятой
Революция прошла.
Убежал Вильгельм жестокий
На голландские края.

Власова, Горелов, № 2281.

158

Замиленочек в Германии
Находится в плену.
Я, молоденькая девушка,
Скучаю по нему.

Власова, Горелов, № 2282.

159

Девки чули у качули,
Чего милый говорил.
Пятачковую конфеточку
На память подарил!

Власова, Горелов, № 2287.

«Теперь с Германией война»

160

Распроклятые германцы,
Бросайте воевать!
Я, молоденький мальчишка,
Хочу дома побывать.

Фридрих-26-132.

161

Теперь пошли такие моды,
По России новости:
Государя Николая
Караулят в крепости.

Там же, № 10.

162

Не встречает родна маменька
Во полюшке меня:
Она не знает того горюшка,
Что зданой еду я.

Там же, № 11.

163

Что вы, девки, рыщете,
Не ребят ли ищете?
Все ребята на войне,
Гуляйте, девушки, одне.

Власова, Горелов, № 2195.

164

Поедем воевать.
Вышей, милая, платочек —
Буду слезы вытирать.

Власова, Гореллов, № 2219.

165

«Что, милаша, редко пишешь?» —
«Дорогая, я бы рад,
Письмо писал в окопах,
Пули сыпались, как град».

Власова, Гореллов, № 2280.

166

Во солдатушках — не дома:
Сапоги, шинель готова,
Кашу гречную варят,
Про девок думать не велят.

Власова, Гореллов, № 2285.

167

Я не свататься приехал,
Не невест и выбирать.
На позицию назначен,
Я приехал погулять.

Власова, Горелов, № 2286.

168

Государевым приказом —
Все казенки в черту разом!
Нет вам, пьяницы, вина —
Теперь с Германией война!

Власова, Горелов, № 3523.

169

Начинают, слава богу,
Нас от водки отучать:
Раньше пили четвертями —
Теперь сотки не видать.

Власова, Горелов, № 3524.

170

Милку взяли — не сказали,
Повезли — так не видали,
Получили письмецо —
Пулей ранило в лицо.

Власова, Горелов, № 3525.

171

Мы собрались на вечорку —
В гармонь некому играть:
Всех молоденьких мальчишечек
Угнали воевать.

Власова, Горелов, № 3526.

172

Мы поклялись с ягодинкой
Вечно друг друга любить.
Получилося известьице:
В Германии убит.

Власова, Горелов, № 3527.

173

За овином долги полосы
Малиной заросли.
Я не знаю, в кою сторону
Милашку увезли.

Власова, Горелов, № 3528.

174

Распроклятый царь германский
Много горюшка привел:
У баб — мужей, у девок — дролей
....

Власова, Горелов, № 3529.

175

Во солдаты, во солдаты,
Во солдаты, дорогой.
Чего я, девочка, затеяла?
— В колодец головой!

Власова, Горелов, № 3536.

176

Проходите, рекрута,
В передний уголочек,
Посидите, рекрута,
Последний вечерочек.

Власова, Горелов, № 3537.

177

Много девок, много баб
Стояло у правления.
Они у русского царя
Просили замирения.

Власова, Горелов, № 3538.

178

Слава богу, примиряется
С Германией война.
Может, в живности останется
Симпатия моя.

Власова, Горелов, № 4116.

179

Дорогого ранили,
В лазарет отправили.
Может быть, поправится,
На побывку явится.

Власова, Горелов, № 4117.

180

Кабы были сизы перышки,
Серебряный полет, –
Улетела бы в окопы,
Где миленочек живет!

Власова, Горелов, № 4118.

181

Молодые-те солдатки
Плохо наряжаются:
Из окопов мужовей
К семействам дожидаются.

Власова, Горелов, № 4119.

182

В Петрограде зазвонили —
Звон раздался по Неве.
В тое время ягодиночку
Убили на войне.

Власова, Горелов, № 4338.

183

Всех ребятушек убили,
Много и поранили.
Реки крови протекли
Около Германии.

Власова, Горелов, № 4340.

184

Что-то, что-то подымается —
Угонят на войну.
Давай, миленькой, срисуемся
На карточку одну.

Власова, Горелов, № 5165.

185

Взяли, взяли дорогого
И угнали на войну.
Не поспела я и снятся
С ним на карточку одну.

Власова, Горелов, № 5186.

186

Город Рига, город Рига,
Рига славный городок!
Да какой же я вояка –
Мне семнадцатый годок

Власова, Горелов, № 5230.

187

Высоки Карпатски горы,
Я и то их перешёл!
Задушевного товарища
Убитого нашел.

Власова, Горелов, № 5231.

188

Ты, машинушка, машинушка,
Железные тяжи!
Увезла машина милого,
Далеко ли — скажи!

Власова, Горелов, № 5270.

189

Мой-от милый на войне,
Служит в артиллерье.
Пришло от милого письмо —
Узнали все в деревне.

Власова, Горелов, № 5280.

190

Мамонька-мамашенька,
Буду я монашенька!
Мил к германцу на войну,
А я в монашки жить пойду!

Власова, Горелов , №5310.

191

У германца на войне
Все наши ребятушка.
Горьки слезы проливает
Вся Россия-матушка!

Власова, Горелов, № 5311.

192

Бусы дуты, бусы дуты
На две половиночки!
Шестой годичек воюют
Наши ягодиночки.

Власова, Горелов, № 5313.

193

Прибежала я на станцию,
Машинушка идет.
Моего раненого милого
С Германии везет.

Власова, Горелов, № 5336.

194

Не ходи, машина, полем,
Я сердита на тебя.
Ты зачем моего милого
В Германию свезла.

Власова, Горелов, № 5337.

195

Из Германии машина
На углу письмо тащила.
Адрес, красное клеймо —
Ранен миленький давно.

Власова, Горелов, № 5338.

196

Встану, встану я на гору —
Вся Германия видать.
Увижу: миленький убитый —
Брошу, девушка, гулять.

Власова, Горелов, № 5339.

197

Мой милаша-то в Германии,
За каменной стеной.
Раз пятнадцать попросился
У начальника домой.

Власова, Горелов, № 5340.

198

Напиши мне, милый, адрес,
Где находится ваш бой;
Прилечу на аэроплане,
Увезу тебя с собой.

Власова, Горелов, № 5341.

199

Помолитесь-ко за нас,
Молодые солдаточки,
Чтобы кончилась война,
Пришли домой прияточки.

Власова, Горелов, № 5342.

200

Напишу царю прошенье
На бумаге гербовой,
Чтобы вышло разрешенье
Прийти милому домой.

Власова, Горелов, № 5343.

201

Распроклятый царь германский
Много горюшка нанес:
У жен — мужей, у девок
— миленьких
В Германию увез.

Власова, Горелов, № 5344.

202

Ягодиночка, в Германии
Живи — не унывай.
Люби-ка девочку-германочку,
Меня не забывай!

Власова, Горелов, № 5345.

203

Напишу и передам
Через германско полюшко.
Прочитает и узнает
Про тоску, про горюшко.

Власова, Горелов, № 5346.

204

Мой-то милый в лазарете
Долго раненый лежал.
С пулеметов шибко били,
Ты зачем туда бежал?

Власова, Горелов, № 5347.

205

На германской-то границе
Мой милаша воевал,
За Российскую державу
Кровь горячу проливал.

Власова, Горелов, № 5348.

206

Если погонят Шуру в бой,
Я — милосердную сестрой.
Красный крест нашью на грудь,
Отправлюсь с Шурой в дальний
путь.

Власова, Горелов, № 5349.

207

Мы таку беду устроим —
Всю Германию разроем!
Нам австрийцы нипочем —
Закидаем кирпичем!

Власова, Горелов, № 5350.

208

На германской-то границе
Кровь канавушкой бежит…
Телеграмму получила:
Милый раненый лежит.

Власова, Горелов, № 5351.

209

Ах вы, немцы-азиаты!
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас-то, подлецов,
Идем от маток и отцов!

Власова, Горелов, № 5352.

210

Моего милого угнали
В дальнюю Галицию.
Его немного поучили —
....

Власова, Горелов, № 5353.

211

Брату — бурая корова,
Мне — в Германию дорога.
Брату сливочки хлебать,
А мне с германцем воевать.

Власова, Горелов, № 5354.

212

Девушке большое горе:
Миленький в Германии.
Его — товарищи писали —
В праву руку ранили.

Власова, Горелов, № 5355.

213

Ягодиночка в окопах
Заморозил ноженьки.
Побежала бы в окопы —
Не найти дороженьки.

Власова, Горелов, № 5356.

214

У Вильгельма длинны пальцы
По земле волочатся.
Распроклятому Вильгельму
Взять Россию хочется.

Власова, Горелов, № 5357.

215

У германца длинны пальцы —
По земле волочатся.
Отчего волочатся?
Россию ранить хочется.

Власова, Горелов, № 5358.

216

Ножницы забрякали —
Отец и мать заплакали.
Шинелюшку накинули,
Буткевич крикнул: «Приняли!»

Власова, Горелов, № 5359.

217

Во солдатушки — не к матушке,
Не к родному отцу:
Заставляют подчиняться
Офицеру-подлецу.

Власова, Горелов, № 5360.

218

Во солдатушки — не дома:
Сапоги, шинель готова,
Кашу гречневу варят,
По девкам плакать не велят.

Власова, Горелов, № 5361.

219

Посмотри, родная матушка,
На сына своего,
Покуда не сняты кудерышки
С головушки его.

Власова, Горелов, № 5362.

220

Что во Тихвинском приеме,
В белом каменном дому
Милого русые кудерочки
Остались на полу.

Власова, Горелов, № 5363.

221

Во солдатушки сдают —
Шинель поношену дают,
На головушку башлык,
На левый бок германский штык.

Власова, Горелов, № 5364.

222

Было времячко веселое,
А теперь печальное:
На «браковочку»[2] надели
Платье подначальное.

Власова, Горелов, № 35365.

223

Во солдатушки идти —
Дорожка косогорчиком.
Скоро, скоро повезут
На паре с колокольчиком!

Власова, Горелов, № 5366.

224

Последний раз я начищаю
Сбрую ясно на коня.
Последний раз ты провожаешь
В город, батюшка, меня!

Власова, Горелов, № 5367.

225

Я под меру становился,
Поднял меру головой,

[2] Помета собирателя: *Браковка — не принятые на военную службу до войны и взятые на службу во время войны.*

Покатилися кудерочки
На пол, на тесовой.

Власова, Горелов, № 5758.

226

У меня миленькой в Германии,
Тоскую я об нем.
Дай бы господи, Германия
Сгорела бы огнем!

Власова, Горелов, № 5759.

227

Дезертиры будут свататься —
Не надо обегать.
Их неволя заставляет
Из солдатов убегать.

Власова, Горелов, № 5760.

228

Насуши, мама, сухариков,
Завязывай в платок.
Поеду милого проведывать
В германский городок.

Власова, Горелов, № 5761.

229

Что вы, девки, свищете?
....
Все ребята на войне —
Гуляйте , девушки, одне.

Власова, Горелов, № 5762.

230

Ты, сударушка Анюта,
Вымой лавочку с песком.
Повезут меня в солдаты —
Ты заплачешь голоском.

Власова, Горелов, № 5763.

231

Мы — ребята смелые,
На нас рубахи белые,
Вышитые ворота,
Через годик — некрута.

Власова, Горелов, № 5764.

232

Меня ставили под меру —
Меру поднял головой.
Все начальники сказали:
«Не бывать тебе домой!»

Власова, Горелов, № 5765.

233

Скоро с елочки иголочки
На землю упадут.
Скоро нам с тобой, товарищ,
По винтовочке дадут.

Власова, Горелов, № 5766.

234

Напишу царю прошение
На табашном, на листу,
Чтобы вышло разрешение
Целоваться на посту.

Власова, Горелов, № 5767.

235

Некрута, некрутики,
Снимайте-ко тулупики,
Наденьте-ко шинелюшки! —
Прощайте, наши девушки.

Власова, Горелов, № 5768.

236

Я сухарики сушила
Милому в Германию,
Всю сметану издержала —
Не свою, а мамину.

Власова, Горелов, № 5801.

237

Ягодиночку угнали
Прямо на позицию!
Дорога моя подруга,
Отливай водицею.

Власова, Горелов, № 6220.

238

Под Варшавой воевали,
А под Ригой слышен бой.
Понапрасно пропадает
Мой миленок дорогой!

Власова, Горелов, № 6021.

239

Мой забавочка в плену
Женилася на германочке.
Бросил бедную меня
Из-за такой подляночки!

Власова, Горелов, № 6222.

240

Не одна в поле дорожка —
Много и тропиночек.
Из-за несчастного германца
Много сиротиночек.

Власова, Горелов, № 6872.

241

Мого угнали дорогого,
Я не буду наживать!
Буду с фронта дожидать.

Власова, Горелов, № 6873.

242

Поглядела б на кудриночку
В шинели под ремнем!
Знает бог и добры люди,
Как я плакала по нем.

Власова, Горелов, № 6874.

243

Распроклятая Германия
Наделала делов —

Разлучила нас с приятными
С молодыих годов.

Власова, Горелов, № 6948.

244

Пойду на ручей, на бегучей,
На зыбучий стану мост,
Увижу милого в шинели —
Не убраться будет слез!

Власова, Горелов, 6949.

245

Ой, германцы вы, германцы,
Вы, кривые языки,
Посадили мого дролечку
На острые штыки.

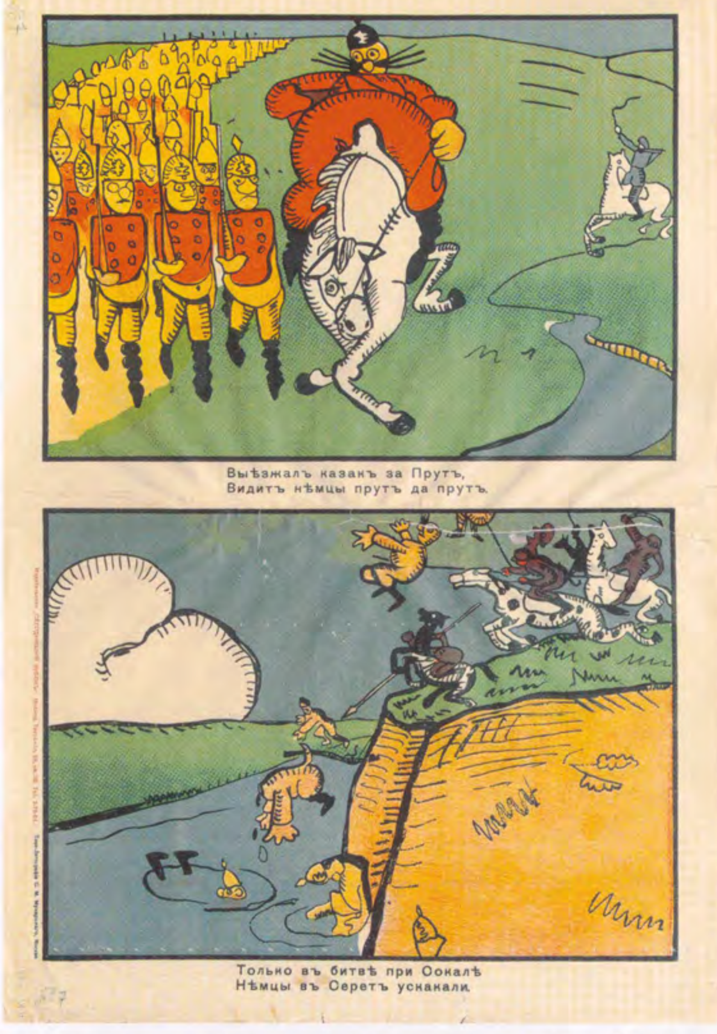
Власова, Горелов, № 6993.

246

Голубочек, дай мне крылышки —
Слечу в германский бой,
Посмотрю у дружка раны
На груди, на молодой!

Власова, Горелов, № 7076.

Неизвестный художник. Карикатура «Что ж, теперь узнаешь вкус...». М., 1914. Хромолитография



К. С. Малевич. «Выезжал казак за Прут...». М., 1914.
Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

В. В. Маяковский. «Англичан у Гельголанда...»
М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

В. В. Маяковский. «Эх ты, немец, при да при же...». М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Эхъ ты нѣмецъ, при да при же
Не допрешь, чтобъ сѣсть въ Парижѣ
И ужъ братецъ — клиномъ клинъ:
Ты въ Парижъ, а мы въ Берлинъ!

Сдалъ австрiецъ русскимъ Львовъ,
Гдѣ имъ зайцамъ противъ львовъ!

Да за дали, да за Краковъ
Пятить будутъ стадо раковъ!

А. В. Лентулов (?). «Сдал австриец русским Львов...».
<М., 1914>. Текст В.В. Маяковского. Хромолитография

А. В. Лентулов. «Масса немцев пеших, конных...».
М.,1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Масса нѣмцевъ пѣшихъ, конныхъ
Ѣдутъ съ пушками въ вагонахъ,

Да казаки по опушкѣ
Раскидали нѣмцамъ пушки

И подъ—лихъ казачiй гомонъ—
Вражiй поѣздъ былъ изломанъ!

А нашего то полку прибыло
Ой дидъ ладо прибыло

А нашего то полку убыло
Ой дидъ ладо убыло

Неизвестный художник . «А нашего то полку прибыло...».
Пг., 1914. Автор текста неизвестен. Хромолитография

Неизвестный художник «Ст. Г.». Взятие русскими
немецкого города Лык. М., 1914. Хромолитография

Postamt

Взятіе русскими нѣмецкаго города ЛЫКЪ.

Неизвестный художник <В. В. Маяковский — ?>. «Под Варшавой и под Гродно...». М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

К. С. Малевич. Вильгельмова карусель. М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

ВИЛЬГЕЛЬМОВА КАРУСЕЛЬ.

„Подъ Парижемъ на краю
Лупятъ армію мою,
А я кругомъ бѣгаю
Да ничего не сдѣлаю".

В. М.

Нѣмецъ рыжій и шершавый
Разлетался надъ Варшавой,
Да казакъ Данило Дикій
Продырявилъ его пикой
И ему жена Полина
Шьетъ штаны изъ цепелина.

В. В. Маяковский. «Немец рыжий и шершавый…».
М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Неизвестный художник. «Австрияки у Карпат…».
М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Австріяки у Карпатъ,
Поднимали благой матъ.
Гнали всю Галицію,
Шайку глуполицую.

Ну и трескъ-же, ну и громъ-же
Былъ отъ нѣмцевъ подлѣ Ломжи!

К. С. Малевич. «Ну и треск же, ну и гром же...».
М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Неизвестный художник. «Эх и грозно, эх и сильно...».
М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Эхъ и грозно, эхъ и сильно
Жирный нѣмецъ шелъ на Вильно,
Да въ бою у Оссовца
Былъ остриженъ какъ овца.

Шелъ австріецъ въ Радзивилы,
Да попалъ на бабьи вилы.

К. С. Малевич. «Шёл австриец в Радзивилы...». М., 1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Неизвестный художник. «В славном лесе Августовом...». <М., 1914>. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Въ славномъ лѣсѣ Августовомъ
Битыхъ нѣмцевъ тысячъ сто вамъ
Врагъ изрубленъ, а затѣмъ онъ
Пущенъ плавать въ синій Нѣманъ.

Нѣмцы! Сильны хоша вы,
А не видѣть вамъ Варшавы
Лучше бы въ Берлинъ поперли
Всѣ пока не перемерли.

К. С. Малевич (?). «Немцы! Сильны хоша вы.
<М., 1914>. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

К. С. Малевич«Подошёл колбасник к Лодзи, М.,
1914. Текст В. В. Маяковского. Хромолитография

Подошелъ колбасникъ къ Лодзи
Мы сказали: „Панъ добродзи!"
Ну, а съ Лодзью рядомъ Радомъ
И ушелъ съ подбитымъ задомъ.

Комментарии

Комментарии содержат сведения о публикуемом тексте: приводятся отсылки на печатные варианты сюжетов, филологические и музыковедческие характеристики песенных сюжетов. Если песня встречается в песеннике В. И. Симакова, то дается отсылка на комментарий к настоящему изданию. В текстах сохранены фонетические и грамматические особенности устного или письменного источника, пунктуация приближена к современной. Паспортные данные публикуемого источника даны под текстом.

Список сокращений

Адоньева-Герасимова — Современная баллада и жестокий романс /Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996.

Акимова — Фольклор Саратовской области / Сост. и вступ. ст. Т. М. Акимовой; ред. А. П. Скафтымов. Кн. 1. Саратов, 1946.

Альбрехт-Вессель — Сборник солдатских, казацких и матросских песен / Слова собрал Н. Х. Вессель. С голоса на ноты положил Е. К. Альбрехт. 3-е изд. СПб.: Изд-во И. Юргенсона, 1894.

Багизбаева — *Багизбаева М. М.* Фольклор семиреченских казаков. Ч. 2. Алма-Ата: Мектеп, 1979.

Бирюков — *Бирюков В. П.* Дореволюционный фольклор Урала. Свердловск, 1936.

Варавва — *Варавва И. Ф.* Песни казаков Кубани. Краснодар, 1966.

Гавань — В нашу гавань заходили корабли. Песни. М.,1996.

Гавань 2 — В нашу гавань заходили корабли. Вып. 2. М.: Стрекоза, 2000.

Гусев — Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусев. М.; Л.: Сов. писатель, 1963.

Зырянов — Лирические народные песни / Собр. и сост. И. В. Зырянов. Пермь, 1962.

ИП-XIX — Исторические песни XIX века. / Изд. подгот. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1–10, М., 1860–1874.

Кирюхин — Русская песня в Дагестане (В записях 1964–69 гг.) / Публ., вступ. ст. и коммент. В.С. Кирюхина. Махачкала, 1975.

Кравченко — Песни донского казачества / Сост. И Кравченко. Сталинград, 1936.

Листопадов II — *Листопадов А. Л.* Песни донских казаков. Т. II. М.: Музгиз, 1950.

Лопатин-Прокунин — Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н.М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В.П. Прокунина /Под ред. и вступ. ст. В. Беляева. Ч. 1–2. М., 1956.

Мякутин — Песни оренбургских казаков /Собр. сотник А. И. Мякутин. I–III. Оренбург, 1904–1906.

Мякушин — Сборник уральских казачьих песен / Собр. и изд. Н. Г. Мякушин. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890.

Новые песни каторжан. М., 1914.

Песни донского казачества. Сталинград, 1937.

Померанцева — Сказки и песни Вологодской области /Сост. С. И. Минц, Н. И. Савушкина; ред. Э. В. Померанцева и С. В. Викулов. Вологда, 1955.

Потявин — Народная поэзия Горьковской области / Сост. и ред. В. Потявин. Вып. 1. Горьковский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1960.

ПП — Песни Печоры /Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф.В. Соколов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.

РНП — Русские народные песни Л.; М., 1950.

Розанов — Русские песни /Сост. проф. И. Н. Розанов. М.: Гослитиздат, 1952.

Симаков — Новейший военный песенник, составленный В. И. Симаковым. М.: Изд. и тип. К. Ф. Некрасова, 1916.

Терек — Песни Терека: Песни гребенских и сунженских казаков. Грозный, 1974.

ТФНО — Традиционный фольклор Новгородской области. Л., 1979.

Тюрьморезов — *Тюрьморезов Ф. И.* История, литература и фольклор о героях гражданской войны //Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18–23 октября 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1963.

Фридрих — Русский фольклор в Латвии. Песни обряды и детский фольклор /Сост. И. Д. Фридрих. Рига: Лиесма, 1972.

Элиасов — Русский фольклор Прибайкалья / Общ. ред. и вступ. ст. Л.Е. Элиасова. Улан-Уде, 1968.

Раздел 1

1.1. На западе с немцем жестоким

Текст литературного происхождения, относится к кругу патриотических стихотворений, публиковавшихся в многочисленных сборниках 1914–16 гг. Автор неизвестен. В каждой строфе повторяются два последних стиха. Третий стих третьей строфы имеет вариант: «Читают про зверства фашистов», который, по словам исполнителей, возник во время Великой отечественной войны.

Стилистика напева сближает его с «жестокими» романсами конца XIX–начала XX в.

1.2. Сошёлся русский с немцем («Трубочка») — см.: Симаков. № 25.

Песня, по-видимому, была усвоена исполнителем на слух, о чем свидетельствуют несогласованности в тексте. Напев близок поздним плясовым песням. Обращает на себя внимание несовпадение синтаксических границ музыкально-ритмического периода со стихом, а также долгих музыкальных времён — с иктами поэтического текста.

1.3. А вот скоро, скоро поезд грянет

Песня исполнялась во время проводов казаков на фронт в годы Первой мировой войны. Распета в стилистике традиционной протяжной песни донских казаков с характерным для местной традиции повтором основного музыкально-ритмического периода («колена»). Первая строфа ненормативна, содержит четыре стиха, а не два, как во всех последующих строфах. Текст песни имеет в первой строфе цитаты и реминисценции из уличной «Песни бродяги» (см.: Новые песни каторжан. С. IV).

1.4. В горах скалистых и обширных

Воинская песня линейных казаков Верхней Кубани. К периоду Первой мировой войны отнесена по указанию исполнителей и по реалиям поэтического текста.

1.5. Да на западе матушки России

Воинская песня казаков Нижнего Дона, распетая в стилистике донской протяжной песни с характерными чертами местной традиции: повтором музыкально-ритмического периода, соответствующего двум стихам поэтического текста, асемантическими вставками, повторами и словообрывами.

1.6. Кто в Варшаве не бывал

Воинская плясовая («частая») песня казаков Верхнего Дона. По словам Т.И. Васильева, исполнялась на фронте во время отдыха между боями. По многоголосной фактуре относится к тем, которые, как говорят на Дону, «не дишканятся», т.е. исполняется без характерного для местной вокальной традиции сольного подголоска-*дишканта*. Тем не менее, К. А. Васильева в пятой и шестой строфах пыталась подстроить такой подголосок.

Публикацию варианта («Ай, кто во Польше не бывал») см.: Листопадов II. № 109. С. 276–277.

1.7. Эй, вышел старший объяснять

Фрагмент воинской песни казаков Нижнего Дона восходит к периоду Первой мировой войны, но более полные тексты относятся к периоду Гражданской войны. Встречается с зачином: «Вышел сотник объяснять».

Публикации: Тюрьморезов. С. 408–409.

1.8. Ай, казаки в кружок сбирались

Воинская песня казаков Нижнего Дона. По словам исполнителя К. С. Турилина, эту песню он услышал от своего деда, участника Первой мировой войны. В напеве прослеживаются черты строевых песен с характерной для них чёткой маршевой ритмикой. В то же время асемантические вставки и междометия, отдельные певческие приёмы (глиссандирование) сближают напев с местными протяжными песнями.

1.9. Вот же шли два героя

Воинская песня казаков Верхнего Дона, распетая в стилистике «жестокого» романса. Вторую жизнь песня обрела в годы Великой отечественной войны, когда вместо «ударил германец» стали петь «ударил фашист».

1.9-а. Однажды служил я на польской границе

Песня была сложена в солдатской среде. Отдельные мотивы текста объединяют её с песней «Вот шли же два героя с германского фронта». Близкий вариант с зачином «Ой, Боже мой, Боже, зачем же германец, зачем объявил нам войну» распространён на Верхнем Дону.

1.10. По широким степям Украины

Стопная сегментация напева позволяет отнести его к позднейшему слою городской песенности. Мелодика инструментального характера, напоминающая военные сигналы на духовых инструментах: широкие интервальные ходы, движение по трезвучиям и секстаккордам.

1.11. Было ж нас два товарища

Песня была сложена в солдатской среде в годы Первой мировой войны. Текст получил широкую популярность в конце 1960–70-х гг., после того как один из вариантов лег в основу песни Е. Птичкина, прозвучавшей в кинофильме 1968 г. «Служили два товарища».

Публикацию варианта («Вдруг свистнула картечь») см.: Кравченко. № 135(2а). С 195–196.

1.12. Ночь прошла в полевом лазарете, В полевом пердвижном лазарете

Первая версия напева близка песням поздней городской стилистики, получившим широкое распространение на рубеже XIX–XX вв. (см., например: «По широким степям Украины»). Вторая версия распета в стилистике традиционной донской протяжной песни — см.: Симаков. № 73.

1.13. За лесом солнце звоссияло

Рекрутская песня, с которой, по словам исполнителей, «провожали ребят в армию, ещё на германскую войну».

1.14. Ай, сквозь немой зловещий мрак

Песня была сложена в годы Первой мировой войны в среде казаков Верхнего Дона. В основе текста — рифмованный силлабо-тонический стих 7+8, однако, благодаря традиционному распеву, характерному для стилистики донских протяжных песен, текст насыщен многочисленными вставками-междометиями, повторами, словообрывами с последующим допеванием слов.

1.15. Славьтесь, славьтесь, казачки

Строевая патриотическая казачья песня.

1.16. Истерзанный, измученный

Помета собирателя: *Песню поют нечасто, женщины ее знают мало.*

1.17. Как на главном Варшавском вокзале

Песня в стиле «жестокого» романса или «новой» баллады, сохранившаяся до второй половины XIX в. — см: Адоньева-Герасимова. № 3.

1.18 (1.18-а). На взморье мы стояли

Историческая песня. В основе лежит песня о взятии Варшавы графом Паскевичем, корни которой в свою очередь, по-видимому, восходят к еще более старой песне о взятии Варшавы Суворовым. Имеется в публикациях и записях с 1-й половины XIX в. до советского времени (см.: Киреевский. IX. С. 325; Альбрехт- Вессель. С. 56. № 76; Акимова. № 31; Листопадов II. № 216; Потявин. № 87). В годы Первой мировой войны получила новое переосмысление и, наконец, много раз была записана в 1940-х гг., после Великой отечественной войны (с этим же зачином и его вариантом: «Не туман с моря поднялся»). На Средней Печоре известна отдельным старикам и женщинам среднего и старшего возраста. Нижнепечорский вариант см.: Наст. изд. С. 152–153. № 3.16.

Публикации: ПП. № 142.

1.18-б.

Историческая песня (см.1.18-а). По сравнению со среднепечорским вариантом дает более полный текст. На Нижней Печоре известна отдельным пожилым исполнителям.

Публикации: ПП. № 316.

1.18-в.

Историческая песня.

Публикации: Фридрих. № 499. С. 361.

Публикацию варианта («Над взморьем мы стояли / На германском берегу...») см.: Кирюхин. № 118 (фрагмент); Элиасов. С.179–180. Эту песню можно услышать почти в каждом селе Восточной Сибири, ее исполнители, как правило, бывшие участники Первой мировой войны. Известны многие варианты и переделки этой песни. Бытование вариантов зафиксировано в других областях страны — в Ленинградской, Воронежской, Ростовской.

Публикации: РНП. С. 10–105. № 146.

1.19. Пишет, пишет царь германский

Солдатская песня.

Публикации: ИП-XIX. № 263– 273.

1.19-а.

Исполнительница связывает эту песню с событиями Первой мировой войны, однако данный сюжет с мотивом «Иноземный царь посылает ультимативную грамоту (письмо) русскому царю (государю)» датируется XVIII в.

Приводимый напев имеет гармонический оборот STDT, лежащий в основе многих русских песенных мелодий позднего происхождения (например «Златые горы») и частушек.

1.20. Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался

Баллада о прапорщике — см.: Симаков. № 1.

1.20-а.

Близкие варианты устных записей см.: Адоньева-Герасимова. № 200.

1.20-б.

Переделка известного романса: «Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды».

1.21– 1.21-в. Хорошо вам жить на воле

Версии и варианты сюжета **«Вышел сотник, объясняет»** см.:

а) Наст. изд. С. 41. № 1.7 (фрагмент);

б) Тюрьморезов. С. 408–410:

…Вышел сотник, объясняет и задачу всем дает:
«Не забудьте помолиться, ведь с Мироновым в бой пойдем!»
Приходили мы к окопам, всяк окоп свой занимал.
«Тише, братцы, размещайтесь, чтоб Миронов не слыхал.
Чтоб Миронов не слыхал, чтоб он выстрела не дал».

Записана в 1960 г. от Т. С. Ермилова, казака из г. Серафимовича Сталинградской обл. (*примечание к тексту*: «Миронов Филипп Козьмич (1872–1921) — командарм 2-й Конной армии, разбил конницу Врангеля в боях 9–16 октября 1920 г. под Никополем»). Песня неполная, но остальные куплеты можно взять из «красной» версии того же периода (борьба с Врангелем) «Солдат с вечера сбирался», восходит к эпохе Первой мировой войны (см. «День и ночь сидим в окопах»).

в) Варавва. № 308:

Солдат с вечера сбирался
На позицию идти.
Он побольше брал патронов, —
В свою сумочку он клал.

Вышел Жлоба, объясняет,
Он задачу задает:
«Дружно, братцы, собирайтесь,
Знать, наверно, в бой пойдем».

Мы к окопам подходили,
Каждый место занимал.
«Тише, братцы, размещайтесь,
Чтобы Врангель не слыхал».

Мы сидим в открытых ямах
И прикрытых блиндажах,
Вот летит шестидюймовый,
Только в воздухе шумит.

Как ударит по окопам,
Лишь осколки дребезжат,
«Пулеметчики, за дело, —
Пулеметы в ход пущай».

Пулеметы затрещали,
Нельзя голову поднять.
Очень много там убитых,
Нужно трупы подбирать.

Санитарам не под силу, —
Много раненых бойцов:
Кто с простреленной рукою,
Кто с оторванной ногой,

Кто-то громко так рыдает,
Знать, наверно, мать моя
Свово сына вспоминает, —
Знать, наверно, его нет.

Последние две строки повторяются

Записана весной 1964 г. в хут. Мирный Ленинградского р-на (Краснодарский край) от Алексея Мефодьевича Мазирко 1895 г. р., бойца Стальной дивизии Дмитрия Жлобы. Переделка песни периода Первой мировой войны (см. «День и ночь сидим в окопах»); «германцы» в ней заменены «Врангелем», имеется также фрагмент «врангелевской» казачьей версии этой же песни — «Вышел сотник, объясняет».

г) Гавань. С. 18:

День и ночь сидим в окопах
И в холодных блиндажах.
Там снаряды часто рвутся
И осколки дребезжат.

Вот летит шестидюймовый,
Только воздух шевелит;
Как ударится в окопы,
Наблюдатель вверх летит.

Тут команда подалася:
По цепи нужно стрелять.
Вдруг снаряды зашумели,
Стали трупы отлетать.

Кто ползет с ногой отбитой,
Кто с оторванной рукой,
А кто лежит, давно убитый,
И покинул дом родной.

Бой прошел, и все затихло,
Только раненых везут,
Остальные все германцы
Без оглядки в плен бегут.

Аналогичная песня («Хорошо вам жить на воле»), контаминированная с «Черным вороном», записана в Семиречье

(Казахстан). Имеются также варианты времен Гражданской войны — см. «Солдат с вечера сбирался» («германцы» заменены «Врангелем»).

д) Багизбаева. № 40:

Хорошо вам жить на воле,
Слушать ласковы слова,
Посидел бы ты в окопах,
Испытал бы то, что я.
Мы сидим в открытых ямах,
На нас дождик моросит,
Через нас летят снаряды
Недалеко, прямо к нам.
Вдруг команда подалася:
«Из окопов выступать!»
Вот пошли мы в наступленье,
Закричали все: «Ура!»
Звуки, стоны раздаются,
Все убитые лежат.
Уж ты ворон, черный ворон,
Ты не вейся надо мной,
Ты не клюй мое тело бело,
Я еще солдат живой.
Ты слетай-ка, черный ворон,
К родной маменьке домой
И скажи родной мне маменьке,
Что женился на другой:
Так женила меня — пуля меткая,
Обвенчала меня — сабля острая.

Записана в 1976 г. в г. Талгар от А. Д. Масягина 1894 г. р. От строки «Уж ты, ворон...» полностью идет текст песни «Черный ворон». — См.: Бирюков. № 25. С. 76 (до строки контаминации). Вероятнее всего, относится к периоду Первой мировой войны (аналогичный сюжет времен Первой мировой войны см.: «День и ночь сидим в окопах» — только данный вариант заканчивается победой, а рассматриваемый — «Черным вороном»).

1.22. Жарка битва была, пули в воздухе жужжали
Сатирический отклик на битву под Перемышлем.

1.23.Блистали с востока на запад
Солдатская песня. Следует воспринимать как слабую попытку создания стихотворного текста, в котором были отражены личные впечатления и патриотическое настроение солдата. Зачин и отдельные строки ориентированы на книжный размер — трехстопный амфибрахий.

1.24. Горит свеча в вагоне тихо
Солдатская песня-жалоба, текст ориентирован на книжный размер — четырехстопный ямб.

1.24-а.
Публикации: Фридрих. № 503. С. 363.
Вариант сюжета (см.: Элиасов. С. 177):

Огонь горит, в вагоне тихо,
Солдаты все спокойно спят,
А поезд наш несется лихо,
Вдалече слышно: «Ти-та-та».
Один солдатик одинокий,
Склонивши голову на грудь,
Тоска по родине далекой:
«Придется ль дома спобывать?
Ну, уж ты, мать моя родная,
На что меня ты родила?
Судьбой несчастной наделила,
Шинель мне серу обрекла.
Шинель тесна, сдавила плечи,
Шинель здоровье отняла».

1.24-б. Ходите вы в церковь, молитесь за нас
Индивидуальная версия сюжета.

1.25. Ах, зачем молодцов забирают
Солдатская песня-жалоба, перифраз известного романса «Ах, зачем эта ночь...».

1.26. У нас в семье всего три брата
Солдатская песня-жалоба, перифраз известной песни «Последний нынешний денечек...».

1.27. Эх ты, бедный солдатик
Текст рекрутской тематики, явно городского происхождения, распевался как рекрутская песня. Автор неизвестен.

1.28. Вы, отец мои и братья, вы прочтите мое письмо
Стихотворное письмо-жалоба солдата домой о тяготах окопной жизни.

1.29. Вечер вечереет, орудия гремят
Публикации: Элиасов. С.178–179, 368.
Варианты сюжета:
1.29-а. Вечер свичерелся
1.29-б. Вечер вечереет

1.30. Вьюга, метель на дворе завывают
Автор неизвестен.

1.31. В узах тягостного плена
Текст, возможно, восходит к сюжетам песен более раннего периода. По словам исполнителя, он сочинил эту песню сам и распевал, как и следующую, в германском плену.

1.32. Послушайте, друзья мои — см. **1.31.**

1.33. Когда Варшаву мы сдавали

Солдатская песня.

Публикации: Зырянов. № 16.

1.34. Близ Вислы, на прусской границе

Сочинение исполнителя.

Публикации: Зырянов. № 17.

1.35. Приходит время золотое

Публикации: Зырянов. № 20.

1.36. Закипела вся Россия

Ура-патриотическая песня, переписана в тетради Г. И. Чупрова 1915—17 гг. с пометой: «Военная песня». Автор неизвестен.

1.37. Вытащил жребий недальний

Переписана в тетради Г. И. Чупрова 1915—17 гг. — вероятно, список с агитационного листка. Автор неизвестен.

1.38. Довольно, товарищи, спину нам гнуть

Переписана в тетради Г. И. Чупрова 1915—17 гг. — возможно, перетекстованный список «Варяга» (см. Симаков. № 2).

1.39. Солдаты, вашими руками

Переписана в тетради Г. И. Чупрова 1915—17 гг. — возможно, перетекстованный список «агитки».

1.40. Там, вдали, в горах Карпатских

Песня была записана после окончания Великой отечественной войны. По сведениям, полученным от старейшей исполнительницы, была сложена на фронте в годы Первой мировой войны; привезена в станицу её отцом, вернувшимся домой после ранения в 1916 г. По музыкальной стилистике песня близка поздним городским балладам общерусского стиля. Получила вторую жизнь в годы Великой отечественной войны в воинской среде, а после бытовала преимущественно в женском исполнении.

1.41. На опушке возле леса небольшой был бой

Сатирическая песня, направленная на преодоление страха перед «газовыми» атаками противника, которые предпринимались во время Первой мировой войны. Автор неизвестен.

1.42. Как во Бресте, Бресте

Солдатская песня, текст которой представляет собой позднюю версию народной баллады, широко бытовавшей в южнорусских сёлах во 2-й половине XX в. Пятая и последние три строфы были сообщены Петром Стефановичем Жуковым (1935 г.р.), усвоившим эту песню от своего деда — участника Первой мировой войны. По словам исполнителей, песня была принесена с фронта их отцами и дедами. По-видимому, из соображений толерантности исполнители часто заменяют слово «жидовочка» на «цыганочка».

1.43. По горам Карпатским метелица вьётся

Воинская песня казаков Верхнего Дона, созданная в годы Первой мировой войны. Версия, записанная в станице Букановской, отличается окончанием поэтического текста, которое, по-видимому, возникло под влиянием другой широко распространённой в местной традиции воинской песни — «Поехал казак во чужбину далёко».

Раздел 2

2.1. Поехал, поехал казак на чужбину — см. Симаков. № 2.

Вариант сюжета (см.: Кравченко. С. 49; Терек. № 153. С. 161; Листопадов. II. № 166, 166а. С.414—417):

Поехал далёко казак на чужбину
На добром коне вороном.
Свою он Украйну навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.

Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечер на север глядит,
Всё ждёт да пождёт — из полночного края
К ней милый когда прилетит.

Далёко, откуда к нам веют метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны, и ели,
Казацкие кости лежат.

Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах.

Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощебечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне.

Первая публикация текста: Альманах на 1838 год. С. 311; см. также: Розанов, № 49.

Автор текста — Евгений Павлович Гребёнка (1812–1848), украинский поэт. Военные впечатления почерпнул во время службы в резервном эскадроне 8-го Малороссийского казачьего полка (1831–33). Является также автором текста известных романсов «Очи чёрные» и «Помню, я ещё молодушкой была».

2.2. Чёрный ворон, друг залётный — см.: Симаков, № 34.

Вариант сюжета см.: Кравченко. С.52.

Варианты зачинов:

2.2-а. Ай, что ж ты, ворон, чёрный ворон да

2.2-б. Под зелёною ракитой (см. коммент. **2.34**)

2.2-в. Под ракитой, под зелёной

2.2-д. Под ракитою зеленой

Вариант текста с тем же зачином (см.: Листопадов II. № 145. С. 364–365; Элиасов. С. 186):

Под ракитою зеленой
Солдат раненый лежал,
Он к груди своей пронзённой
Платок с кровью прижимал.
Кровь текла из свежей раны
На истоптанный песок,
А над ним кружился ворон,
Чуя лакомый кусок.
«Черный ворон, черный ворон,
Ты не вейся надо мной,
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я живой.
Сполетай-ка, черный ворон,
Сполетай-ка в край родной,
Передай жене любимой,
Что погиб за край родной,
Передай жене родимой
Платок кровью залитой.

2.2-г. Ой, да по ту сторону ды Байкала

Сюжет «Черный ворон», бытующий практически повсеместно с разными зачинами поэтического текста, сложился, по-видимому, ещё во время кавказской войны на основе более ранних воинских песен о гибели казака на чужбине. Этого мнения придерживался, в частности, исследователь военной истории донского казачества генерал Петр Николаевич Краснов. В своей книге «Картины былого Тихого Дона» он писал: «Во время тяжёлой борьбы с кавказскими горцами много было совершено подвигов донскими казаками. Очень часто им приходилось в одиночку обороняться от многочисленного и злого неприятеля. Подвиги, совершённые донскими казаками во время этой шестидесятилетней войны, так многочисленны, что нет возможности перечислить их все. Много казаков полегло в горах и долинах Кавказа, и над их никому не известными могилами нет ни креста, ни памятника. Погибшие в одиночку, без свидетелей, донцы умирали в горах, окружённые воронами да хищными орлами. Там зародилась и эта печальная песня казачья» (см.: *Краснов П.* Картины былого Тихаго Дона. СПб.: Изд. Р. Голике и А. Вильборг, 1909; Переизд: История войска Донского: Картины былого Тихого Дона. Кн. 1. М.: Граница, 1992 <без указания автора>.

В 1934 г. песня «Чёрный ворон» в аранжировке Гавриила Попова стала главной музыкальной темой сверхпопулярного кинофильма братьев Васильевых «Чапаев», после чего превратилась в своего рода музыкальный символ Первой мировой и Гражданской войн.

2.3. Чёрный ворон бьёт крылами

Песня, повествующая о воинском быте казаков Кубани; по-видимому, была сложена не ранее второй половины XIX в. Об этом свидетельствует напев, по своей музыкально-ритмической структуре (стопно сегментированной) относящийся к стадиально позднему слою русского вокального фольклора.

2.4. Конь боевой с походным вьюком

2.4-а. Конь боевой с походным вьюком

2.4-б. Конь вороной с походным вьюком

Текст песни является фольклорной версией стихотворения «Проводы казака на службу», автором которого является малоизвестный донской поэт XIX в. Впервые было опубликовано в его сборнике «Казачьи досуги» (СП., 1858).

Вариант сюжета (см.: Листопадов II. № 122. С. 303–304):

Конь боевой с походным вьюком
У церкви ржёт, кого-то ждёт.
В ограде баба плачет с внуком,
Молодка возле слёзы льёт.

А из дверей святого храма
Казак в доспехах боевых
Идёт к коню из церкви прямо
С отцом, в кругу своих родных.

Жена коня подводит мужу,
Племянник пику подаёт.

«Вот, — говорит отец, — послушай
Моих речей ты наперёд.

Мы послужили государю,
Теперь тебе черёд служить.
Ну, поцелуй же жёнку Варю,
И Бог тебя благословит.

Но ни в бою, ни перед боем
Ты не бранися, не ругай.
Будь хрестьянин и перед боем
Крестом себя ты осеняй.

Даю коня тебе лихого,
Он даровит был у меня,
Он твоего отца седого
Носил в огонь и из огня.

Конь боевой всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи
И лучше сам ты ешь поплоше,
А лошадь в холе содержи.

А вот и пика родовая,
Подруга славы и побед,
И наша шашка боевая —
С ней бился я и бился дед».

Песня продолжала активно бытовать на Дону и в годы Великой отечественной войны, о чём можно судить по некоторым вариантам текста (см.: «Спешу рабочим сподмогнуть»).

2.5. Не вейтеся, чайки, над морем

Варианты сюжета:

2.5-а. Летите вы, чаечки, над морем

2.5-б. Над озером чаечка вьётся

Песня, сложенная в годы русско-японской войны, получила распространение в Сибири. Широко бытовала в годы Первой мировой и Гражданской войн, а затем — во время Великой отечественной войны. Известна также с зачинами: «Над озером чаечка вьётся…», «Летите вы, чаечки, над морем…». В более ранних вариантах вместо «в горах закарпатских» поётся «в горах за Байкалом». В вариантах середины XX в. слово «русский» часто заменяется на «советский».

Ниже приводится фрагмент песни, записанный Б. Ф. Смирновым в октябре 1966 г. в с. Старая Некрасовка Измаильского р-на Одесской обл. от липованина Стефана Кузьмича Манякина 1898 г.р.

Летите вы, чаечки, над морем,
Вам некуда больше летать.
Прощайте, товарищи родные,
Мне больше уж вас не видать.

Вы дайте германцу отпору,
Пусть помнит советскую страну,
Вы дайте германцу отпору,
Пусть помнит советскую страну…

Публикацию варианта текста см.: Терек. № 68. С. 100–101.

2.6. Наш Скобелев генерал

«Частая», «походная» песня казаков Верхнего Дона. Казаки также называют её «исторической». Была сложена во время русско-турецкой войны, посвящена Михаилу Дмитриевичу Скобелеву (1843–1882), русскому военачальнику, стратегу, освободителю Болгарии, где его считают национальным героем.

По словам исполнителей, песня широко бытовала в годы Первой мировой войны, когда вместо слова «турок» могли петь «немец».

2.7. Ой да, вспомним, братцы, вы кубанцы

Многочисленные варианты этой строевой песни и по сей день бытуют практически повсеместно на Кубани — см.: Варавва. № 110.

По словам казака Акима Григорьевича Чепурного (1902 г.р.) из станицы Староминской, песня появилась в их станице в 1915–16 гг.; продолжала она бытовать и во время Гражданской войны, и позже, в годы Великой отечественной войны. В зависимости от времени отдельные слова текста изменялись: вместо слов «как дралися мы с германцем» могли петь: «как дралися мы с поляком», «как дралися мы с фашистом», «как дралися мы с буржуем» и др. На Дальнем Востоке были записаны варианты этой песни с зачином «Эх да, вспомним, братцы, вы, амурцы», а в Средней России — «Вспомним, братцы, вы, ковровцы».

Кубанский казак Изот Филиппович Яценко из станицы Староминской утверждал, что первоначально текст имел следующий вид:

Эх да, вспомним, братцы, вы, хопёрцы,
Двадцать перво сентября,
Как дралися мы со шведом
Под знамёнами Петра.

Однако стилистика песенного текста позволяет сделать вывод, что он был сложен не ранее второй половины

XIX столетия, а вариант «со шведом», скорее всего, является результатом контаминации с широко известной в конце XIX в. песней Ивана Молчанова «Было дело под Полтавой»:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знамёнами Петра.

Происхождение текста могла бы прояснить упоминаемая в нём дата: «Двадцать перво сентября», однако в этот день не состоялось ни одно из заметных сражений русской военной истории.

2.8. На заре во поле у кургана

В кубанских станицах эта песня исполняется во время проводов в армию. Несомненно авторское происхождение текста, варианты которого опубликованы в ряде популярных песенников (см., например: *Сигачев А. А.* Песни казачьего календаря. М., 2008. № 129; интернет-версия: www.proza.ru/2009/04/28/18).

Реалии поэтического текста и интонационный склад напева позволяют предположить, что песня была сложена не ранее начала XX в. Возможно, дошедший до нашего времени напев испытал и более позднее влияние так называемых колхозных песен.

2.9. Вдруг ударил гром из тучек

Строевая походная песня казаков Северного Кавказа (кубанских, гребенских, терских). Песня может служить наглядным примером перетекстовки. Сложенная, по-видимому, еще во время кавказских войн, она продолжала активно бытовать в течение последующих ста лет, о чём свидетельствуют исторические реалии, упоминаемые в тексте: имена военачальников, участвовавших в различных военных событиях, слова «турки», «красные знамёна» и др.

Круковский (Крюковский) Феликс Антонович (1804–1852) — генерал-майор, бывший низовой атаман Кавказского линейного полка, герой кавказской войны, погиб близ укрепления Урус-Мартан в бою с отрядами Шамиля.

Гулыга (Гулыгин) Иван Емельянович (1859–1939) — генерал-лейтенант, командир Пластунского корпуса Кубанской армии, участник русско-турецкой и Первой мировой войн.

2.10. Туча да с громом прошла-прогремела

Воинская протяжная («воловáя») песня донских казаков. Была сложена в годы русско-турецкой войны, продолжала бытовать во время Гражданской и Первой мировой войн, о чём свидетельствует упоминание в тексте К. Е. Ворошилова. В более старом варианте текста, записанном в станице Кумылженской Волгоградской области, в 3-й и 4-й строфах упоминается император Николай:

Через Дунай мы, речку переправляя...
ой, переправлялись,
Ой да, Николай нас провожал.

Ой, Николай нас провожал...
Николай был, а он царь да вели...
ой, великай,
Ой да, по всей армии у нас.

2.11. Что врагов перебывало

Стихи ура-патриотического характера. Автор неизвестен.

2.12. Разгромлю, кого угодно

Автор неизвестен.

2.13. Ты, Россия, матушка-Россия

Историческая песня. Перетекстованный список песни начала XIX в. про казака М. И. Платова — см.: Симаков. № 54.

2.14. С нами Бог, победу снова

Стихи ура-патриотического характера. Автор неизвестен.

2.15. Здравствуй, милая красотка

Вариант сюжета см.: Гавань 2. С. 232.

Здравствуй, милая Маруся,
Здравствуй, цветик голубой!
Мы приехали обратно
С Красной Армии домой.

Написал тебе, Маруся,
Девяносто два письма,
А ты, милая Маруся,
Мне ответа не дала.

Или, милая Маруся,
Не умела написать?
Ты б любого попросила,
Он не смел бы отказать.

По глазам, Маруся, видно,
Что меня ты не ждала,
Кари очи опустила,
Сердце бьется у тебя.

Куда делся твой румянец,
Куда делась красота?

Ты другого полюбила,
Он же высушил тебя!

Ой ты, милая Маруся,
Ой ты, цветик голубой,
Ты бросай-ка свово друга,
Я желаю быть с тобой!

2.16. Вздравствуй, душечка моя

Перетекстованный список городской песни, распространенной в крестьянской среде в конце XIX—начале XX в., «Вспомни, вздумай про меня».

2.17. Ох ты, зимонька-зима

Варианты сюжета см.: Лопатин—Прокунин.Ч. 1. С. 260. № 103; Новикова. С. 116. № 95; Розанов. С. 34.

Публикации: Зырянов. № 14.

2.18. Скучно стало, плакать стала

Пародия неизвестного автора на женский батальон (перетекстовка народной игровой песни «Раз полоску Маша жала»).

2.19. Умер бедняга в больнице военной — см.: Симаков. № 13.

2.20. Понапрасну Ванька ходим

Перетекстованный список мещанской песни. Заучена Гущином Павлом в бродячий период — см. паспорт к песне. *Помета собирателя*: «Песня поется и теперь только редко. Поют пожилые мужчины и женщины».

2.21. Юный прапорщик армейский

Помета собирателя: «Песня мещанская исполнялась в старину и женами прапорщиков-офицеров. Теперь эта песня в деревнях не поется. Исполнитель эту песню заучил во время работы на кожевенном заводе в г. Смоленске».

2.22. Эх, полным-полна котомочка

Песня исполнялась на мотив известной «Коробушки».

Публикации: Зырянов. № 19.

2.23. Мы в Германии стояли

Публикации: Зырянов. № 20.

2.24. В ногу, ребята, идемте

Строевая солдатская песня. Перетекстованный список стихотворения П.-Ж. Беранже «Старый капрал» в переводе В. С. Курочкина (1831—1875).

Раздел 3

3.1. Што на наших на полях

Варианты:

3.1-а. За Кубаной за рекой, да за Кубаной за рекой

3.1-б. <Во>т ба не в чистом да поле

Песня с разными зачинами поэтического текста («На румынских полях», «На широких полях» и др.) распространена на всей территории русско-украинского пограничья, Среднего и Нижнего Поволжья, у казаков Дона и Кубани, а также в переселенческих традициях Сибири. Тексты представляют собой поздние варианты известного сюжета о гибели воина на чужбине («Горы», «Степь»). Первые два напева имеют черты гомофонно-гармонического склада. Ансамблевая многоголосная фактура с верхним солирующим подголоском-«подводкой» характерна как для южнорусских, так и для украинских песен позднего стилевого пласта. По мнению Е.В. Гиппиуса, песни такого музыкального стиля распространялись солдатами, пришедшими с фронтов Первой мировой войны, и занимали в первые десятилетия XX в. доминирующую позицию в народной музыкальной культуре Южной России. Третий текст распет в стилистике протяжных песен казаков Верхнего Дона с традиционным подголоском — «дишкантом».

3.2. Все пташки-кенарейки садились по кустам и **Ой, братцы, при долинушке**

Тексты представляют региональные варианты лирической баллады о возвращении домой после двадцатипятилетней службы двух солдат — отца и сына, которых не узнаёт жена и мать. Этот сюжет получил особенно широкое распространение в годы Первой мировой и Гражданской войн, когда многие солдаты в течение долгого времени не могли возвратиться в родной дом и считались без вести пропавшими.

Оба напева типичны для протяжных песен южнорусских областей — с длинными сольными запевами, словообрывами, повторами, огласовками и йотированием во внутрислоговых распевах.

3.3. Последний нонешний денёчек

Рекрутская песня, распространённая повсеместно на русской этнической территории начала XX в., постоянно печаталась в лубочных песенниках с обозначением «народная песня» — см.: Симаков. № 17.

Вариант зачина:

3-а. Последний день нам, братцы, миновати

3.4. Налей, мама, стакан рому

Распространенная песня позднего книжного происхождения, подобная песне «Последний нынешний денечек».

3.5. Ой, найди, туча, да вдари, гром

Рекрутские припевки, по структуре поэтического текста примыкающие к солдатским строевым песням. В отличие от предыдущего образца, в тексте которого строфы могут чередоваться произвольно, в данных припевках последовательность строф стабильна.

Особенностью строения музыкальной строфы является оппозиция ритмически свободного, импровизационного по своему характеру первого периода (сольного запева) и ансамблевой части, отличающейся строгой вертикальной координацией голосовых линий и маршевой ритмикой.

3.6. Ой, тихай Дунай

Песня была распространена в годы Первой мировой войны в солдатской среде. Перетекстованный список известной во многих регионах России тюремной песни с различными зачинами поэтического текста.

Ниже приводится вариант сюжета, записанный на Верхнем Дону, в Новоаннинском районе Волгоградской области в исполнении ансамбля «Казачий круг».

Дуют ветры над дубравушкой,
Вода камень точит.
Молодой жульман, молодой жульман
Начальничка просит:
«Ты, начальничек, включи чайничек,
Отпусти до дому.
Знать, наскучилась и возмучилась
Девица за мною». —
«Отпустил бы я тебя, жульмана,
Воровать ты будешь.
Ты напейся воды холодной —
Про любовь забудешь». —
«Пил я воду да пил холодную,
Пил, да не напивался.
Любил жульман одну девчоночку,
Век бы с ней остался.
Умер жульман, умер жульман,
Умерла и слава.
Лишь остались конь буланый
Да сбруя золотая.
Вы коня мово да буланова
В поле расстреляйте.
Ну, а сбрую золотую
Девушке отдайте».

3.7. Вы прощайте, да Сашки-Машки

Старинная рекрутская песня, распространенная на Русском Севере и в Приуралье. Распета в стилистике местных лирических песен позднего пласта. Текст базируется на силлабо-тоническом стихе 8+7; 2—6-я строфы не нормативны.

3.8. Гай, жили-были всё два брата

Рекрутская песня казаков Среднего Дона, распетая в стилистике местных протяжных песен. Мелодико-ритмическая композиция соединяет в себе черты казачьих строевых песен с верхним солирующим подголоском-подводкой и жанрово характерных форм местных «тяглых» песен с характерными для них вставками-междометиями, повторами отдельных слов. Поэтический текст, в основе которого лежит силлабо-тонический стих 8+7, представляет собой, по-видимому, начальный фрагмент поздней баллады.

3.9. Дураки наши начальнички

Южнорусская лирическая песня изначально мужского репертуара. По словам исполнителей, в годы Первой мировой войны распевалась во время проводов рекрутов, также бытовала в среде мужчин, вернувшихся с воинской службы. Варианты песни записаны в Воронежской и Белгородской областях.

3.10. Ой, как у нашего да у белого царя

Трудовая припевка лесосплавщиков на напев «Дубинушки». По сведениям, полученным от исполнителя, бытовала в годы Первой мировой войны в профессиональной среде лесосплавщиков.

3.11. Ой, не в поле ветер повевал

Воинская протяжная песня казаков Верхнего Дона. Широко бытовала в годы Первой мировой войны. Относится к числу песен, составлявших основу репертуара мужских певческих групп. Напев представляет собой образец донской жанрово-характерной формы протяжных песен, обладает всеми специфическими их чертами: масштабностью разделов музыкально-ритмической композиции, широкими внутрислоговыми распевами, вместе с тем — подчёркнутой ритмической пульсацией (йотированием), вызывающей ассоциации с шагом лошади в конном строю. Поэтический текст имеет в основе поздний силлабо-тонический стих 8+7, размытый многочисленными междометиями, словообрывами и повторами, асемантическими вставками.

3.12. Женят, женят нас, ребятушки

Солдатская песня с мотивом рекрутчины, перифраз строевой песни. Перетекстовка неизвестного автора.

3.13. Гриб-боровик

«Шуточная» песня, относится по стилистике к «скоморошинам», перетекстовка неизвестного автора, включившего в текст реалии военного времени.

3.14. Истаскался-измотался младец

Историческая песня, перетекстовка неизвестного автора.

3.15. Заплакала Марусенька свои ясны очи

Историческая песня на сюжет народной игровой песни «Раз полоску Маша жала», перетекстовка неизвестного автора.

3.16. Ночи темны, тучи были грозды

Историческая песня, широко известная в старом солдатском репертуаре. Публиковалась в XIX–XX вв. (Киреевский С. 464; Киреевский. № 2086; Мякушин. С. 101. № 49; Истомин–Ляпунов. С. 251; Мякутин. С. 63–64, 129, 203, 218 — тексты, приуроченные к различным историческим эпохам). В советское время много раз записывалась в различных районах РФ.

Публикации: Померанцева. № 27.

На Средней Печоре известна старикам, бывшим солдатам. Данный текст — фрагмент более длинной песни.

Нижнепечорский вариант см.: ПП. № 314.

Публикации: ПП. № 139.

3.16-а. Ночи темны, тучи грозны

Историческая песня (см.: ПП. № 139). Данный текст длиннее среднепечорского варианта, но со слов «Слава русскому солдату» является контаминацией с ура-потриотической солдатской песней периода 1914–17 гг.

На Нижней Печоре известна отдельным старикам, в основном бывшим солдатам.

Публикации: ПП. № 314.

3.17. Трудно, трудно нам, ребята

Солдатская песня о жизни русских в германском плену. Исполнительница заучила эту песню от шахтеров на Украине: «Жил с нами солдат — большой песенник. Только запоет, а мы подхватываем, ухарская песня».

3.18. Не туман с поля поднялся

Перетекстованный список военной песни «Не туман из-за моря тучей поднялся» — отклика на взятие крепости Эривань 1 октября 1827 г. Песня 13-го гренадерского Эриванского полка. См.: *Потто В.* Кавказ и Кавказская война. [Б. в.].

3.19. Уж ты, речка ли, речка, речка быстрая

Перетекстованный список распространенной песни «Вдоль по речке по Казанке».

3.20. Во время оно

Песня является продолжением более ранней традиции так называемых народных евангелий, принадлежит к числу «кабацких» текстов, народных пародий на жанры церковной книжности. Входит в состав песенника И.Г. Чупрова и помечена датой «29.11.1915».

3.21. Раз турецкая богиня

Эротическая песня антиклерикального характера, содержит грубую пародию на церковных иерархов в стиле многих подражателей И. С. Баркова, в тексте встречаются реалии военных лет.

3.22. Солдатушка, вдовка молодая

Образец крестьянской лирической песни, тематически связанной с ожиданием мужей и сыновей, ушедших на фронт.

Алфавитный указатель песенных сюжетов

Указатель содержит инципит песенного текста с отсылкой на номер публикации в настоящем издании. Инципит выделен полужирным шрифтом, курсивом — отсылка к варианту песенного текста с указанием его номера в скобках. Междометия в началах строк, не несущие структурно-смыслового характера, также заключены в скобки.

А, вот скоро, скоро поезд грянет (1.3)

Ах, зачем молодцов забирают (1.25)

Ах, ты бедный, ты, бедный солдатик (1.27-а)
Вар.: **Эх ты, бедный солдатик** (1.27)

Близ Вислы, на прусской границе (1.34)

Блистали с востока на запад (1.23)
(Ой,) *братцы, при долинушке* (3.2-а)
Вар.: **Все пташки-кенарейки садились по кустам** (3.2)

Был ж нас два товарища (1.11)
(Эх,) в полевом пердвижном лазарете (1.12-а)
Вар.: **Ночь прошла в полевом лазарете** (1.12)

В горах скалистых и обширных (1.4)

В ногу, ребята, идемте (2.24)

В узах тягастного плена (1.31)

Вдруг ударил гром из тучек (2.9)

Вечер вечереет, орудия гремят (1.29)
Вар.: *Вечер свичерелся* (1.29-а)
Вечер вечереет... (1.29-б)

Вздравствуй, душечка моя (2.16)
То же: *Здравствуй, милая красотка* (2.15)

Во время оно (3.22)

Вот же шли два героя с германского фронта (1.9)
Вар.: *Однажды служил я на польской границе* (1.9-а)

Вот ба не в чистом да поле (3.1-б)
Вар.: **Што на наших на полях урожаю нема** (3.1)

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался (1.20, 1.20-а, 1.20-б)

Все пташки-кенарейки садились по кустам (3.2)
Вар.: (Ой,) *братцы, при долинушке* (3.2-а)

(Ой да,) **вспомним, братцы, вы, кубанцы** (2.7)

Вы, отец мои и братья, вы прочтите мое письмо (1.28)

Вы прощайте, да Сашки-Машки» (3.8)

Вытащил жребий недальний (1. 37)

Вьюга, метель на дворе завывают (1.30)

Гай, жили-были всё два брата (3.9)

Горит свеча в вагоне тихо (1.24)
Вар.: *Горит свеча в вагоне тусклом* (24-а)
Версия: *Ходите вы в церковь, молитесь за нас* (1. 24-б)

Гриб-боровик.
Над грибами полковник (3.15)

Да на западе матушки России (1.5)

Дураки наши начальнички (3.10)

Дуют ветры над дубравушкой (3.7)

Довольно, товарищи, спину нам гнуть (1.38)

Жарка битва была, пули в воздухе жужжали (1.22)

Женят, женят нас, ребятушки (3.14)

За лесом солнце звоссияло (1.13)
За Кубаной за рекой, да за Кубаной за рекой (3.1-а)
Вар.: **Што на наших на полях урожаю нема** (3.1)

Закипела вся Россия (1.36)

Заплакала Марусенька свои ясны очи (3.17)

Здравствуй, милая красотка (2.15)
То же.: *Вздравствуй, душечка моя* (2.16)

Истаскался-измотался младец (3.16)

Истерзанный, измученный (1.16)

(Ай,) **казаки в кружок сбирались, ой** (1.8)

Как на главном Варшавском вокзале (1.17)

Когда Варшаву мы сдавали (1.33)

Конь боевой с походным вьюком (2.4)
Вар.: *Конь боевой с походным вьюком* (2.4-а, 2.4-б)

Кто в Варшаве не бывал, тот и горя не видал (1.6)

Летите вы, чаечки, над морем (2.5-а)
Вар.: **Не вейтеся, чайки, над морем** (2.5)
Над озером чаечка вьётся (2.5-б)

Мы в Германии стояли (2.23)

На возморьи мы стояли (1.18, 1.18-а—1.18-г)

На западе с немцем жестоким (1.1)

На заре во поле у кургана (2.8)

На опушке возле леса небольшой был бой (3.13)

Над озером чаечка вьётся (2.5-б)
Вар.: **Не вейтеся, чайки, над морем** (2.5)
Летите вы, чаечки, над морем (2.5-а)

(Ой,) **найди, туча, да вдари, гром** (3.5)

Налей, мама, стакан рому (3.4)

(Ой,) **наш Скобелев генерал, ой** (2.6.)

Не вейтесь, чайки, над морем (2.5)
Вар.: *Летите вы, чаечки, над морем* (2.5-а)
Над озером чаечка вьётся (2.5-б)
Не туман с поля поднялся (3.20)
Ночи темны, тучи были грозды (3.18, 3.18-а)
Ночь прошла в полевом лазарете (1.12).
Вар.: (*Эх,) в полевом пердвижном лазарете* (1.12-а)
Однажды служил я на польской границе (1.9-а)
Вар.: **Вот же шли два героя с германского фронта** (1.9)
Ой, да по ту сторону ды Байкала (2.2-г)
Вар.: **Чёрный ворон, друг залётный** (2.2)
(Ай,) *что ж ты, ворон, чёрный ворон* (2.2-а)
Под зелёною ракитой (2.2-б)
Ой, как у нашего да у белого царя (3.11)
Ой, не в поле ветер повевал (3.12)
Ой, тихай Дунай бережечки сносит (3.6)
Ох, ты, зимонька-зима
То же: **(Ох,) ты, зимонька-зима** (2.17)
Пишет, пишет царь германский (1.19, 1.19-а)
По широким степям Украины (1.10)
Под зелёною ракитой (2.2-б)
См.: **Чёрный ворон, друг залётный** (2.2)
Вар.: (Ай,) *что ж ты, ворон, чёрный ворон*(2.2-а)
Ой, да по ту сторону ды Байкала (2.2-г)
Под ракитою зеленой (2.2-д)
Поехал, поехал казак на чужбину (2.1)
Понапрасну, Ванька, ходим (2.20)
Последний нонешний день-денёчек (3.3)
Версия: *Последний день нам, братцы, миновати* (3.3-а)
Послушайте, друзья мои (1.32)
Приходит время золотое (1.35)
Раз полоску баба жала (2.17)
Раз турецкая богиня (3.23)
«Разгромлю кого угодно» (2.12)
С нами Бог, победу снова (2.14)
(Ай,) **сквозь немой зловещий мрак** (1.14)
Скучно стало, плакать стала (2.18)
Славьтесь, славьтесь, казачки (1.15)
Солдатушка, вдовка молодая (3.24)
Солдаты, вашими руками (1.39)
Сошёлся русский с немцем (1.2)
Трудно, трудно нам, рябяты (3.17)
Туча да с громом прошла-прогремела (2.10)
(Ох,) **ты, зимонька-зима** (2.17)
То же: *Ох, ты, зимонька-зима*
Ты, Россия, матушка-Россия (2.13)
У нас в семье всего три брата (1.26)
Уж ты, речка ли, речка, речка быстрая (3.19)
Умер бедняга в больнице военной (2.19, 2.19-а)
Ходите вы в церковь, молитесь за нас (1.24-б)
Версия: *Горит свеча в вагоне тихо…* (1.24)
Хорошо вам жить на воле, слушать ласковы слова (1.21)
Вар.: *Хорошо тебе на воле* (1.21-а)
Хорошо вам жить на воле (1.21-б, 1.21-в)
Чёрный ворон бьёт крылами (2.3)
Чёрный ворон, друг залётный (2.2)
Вар.: (Ай,) *что ж ты, ворон, чёрный ворон* (2.2-а)
Под зелёною ракитой (2.2-б, 2.2-д)
Ой, да по ту сторону ды Байкала (2.2-г)
(Ай,) *что ж ты, ворон, чёрный ворон да* (2.2-а)
Вар.: **Чёрный ворон, друг залётный** (2.2)
Под зелёною ракитой (2.2-б)
Ой, да по ту сторону ды Байкала (2.2-г)
Под ракитою зеленой (2.2-д)
Что врагов перебывало (2.11)
Што на наших на полях (3.1)
Вар.: *За Кубаной за рекой, да за Кубаной за рекой* (3.1-а)
Вот ба не в чистом да поле (3.1-б)
Эй, вышел старший объяснять, нам задачу задаёт (1.7)
Эх, полным-полна котомочка (2.22)
Эх, в полевом пердвижном лазарете (1.12-а)
См.: **Ночь прошла в полевом лазарете** (1.12)
Эх ты, бедный солдатик (1.27)
Вар.: *Ах ты, бедный, ты, бедный солдатик (1.27-а)*
Юный прапорщик армейский (2.21)

А. Н. Розов
«Лубочные» сборники времен Первой мировой войны
Новѣйшій пѣсенникъ.
Прапорщикъ юный.
Новыя боевыя пѣсни военныхъ героевъ.
"Было дѣло подъ Варшавой"
И другія новыя военныя пѣсни.
Новѣйшій пѣсенникъ.
Реветъ и грохочетъ мартира вдали
Боевыя кавалерій пѣсни.
Новыя казацкія военныя пѣсни.
Кубанскіе казаки.
Новыя военныя пѣсни о кровавомъ Вильгельмѣ
Пѣсни великой всемірной отечественной войны.
Шумѣлъ, гремѣлъ народъ московскій.
Новыя пѣсни о Вильгельмѣ.
Какъ Вильгельмъ шелъ изъ Прилуки, да попалъ онъ въ бабьи руки.
Военныя пѣсни.
Военныя новыя пѣсни донского казака.
1914 годъ.
Пѣсни великой всемірной отечественной войны
Козьмы Крючкова

В библиотеке Отдела фольклора ИРЛИ имеются так называемые лубочные издания времен Первой мировой войны, предназначенные для простого народа. Можно выделить несколько типов подобных книжек (по содержанию).

1) Сообщения о победах русской армии, реже — армий союзников над немцами и австрийцами.[1]

2) О героическом прошлом России и ее союзников, о великих полководцах.[2]

3) Серия рассказов о национальном менталитете союзников.[3]

4) Описания тактики и стратегии отдельных родов войск.[4]

5) Очерки и рассказы о реальных или вымышленных героях войны. — Автором многих книжек данного типа был московский литератор Христофор Шухмин.[5] Некоторые его публикации состояли из описания подвигов солдат и офицеров.[6] В других подобных изданиях автор не указывался.[7] Есть книжки, описывающие мужественное поведение наших воинов в плену, старавшихся при первой возможности бежать к своим.[8] Наряду с прозаическими произведениями выходили в свет и стихотворения, например Р. А. Менделевича, писавшего под псевдонимом Р. Меч.[9] Ряд изданий был посвящен героизму русских воинов в прошлых сражениях.[10]

6) Рассказы о зверствах немцев. — Эти материалы были особенно распространены в начале войны, чтобы вызвать ненависть к врагу.[11]

---

[1] Поражение немецкой армии при Гумбинене в Восточной Пруссии. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914. Славные победы наших доблестных войск под Августовом, на Немане и успешный переход Карпатских высот. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1914; Разбитие германцев под Августовым в Пруссии. М.: Изд. И. А. Морозова; тип. А. А. Стрельцова, 1914; Завоевание Галиции и переход русских войск через Карпаты. М.: Изд. И. А.Морозова; тип. А. А. Стрельцова, 1914; Битва сербов с австрийцами при Цер-Планине. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915; Бой под Праснышем и четвертое поражение немецкой армии генерала Гинденбурга. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915.

[2] *Ермилов В. Е.* К Царьграду!.. Наша вековая война с турками. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915; *Ермилов В. Е.* Фельдмаршал Суворов и его «Наука побеждать». М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915; *Критский П.* Героическая борьба сербов с турками на Косовом поле. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1914.

[3] *Ермилов В. Е.* Герои Англии. М.: Тип.т-ва И. Д. Сытина, 1915.

[4] Битва в воздухе. М.: Изд. и тип. А. А. Стрельцова, 1914.

[5] Славный подвиг донского казака Козьмы Крючкова: Рассказ из русско-германской войны Христофора Шухмина в1914-ю годину. М.: Изд. А. С. Балашова; тип. Ф. И. Филатова, 1914; Герой донской казак Кузьма Крючков: Очерк Христофора Шухмина. М.: Тип. М. П. Шарапова, 1914; Великие подвиги русских героев-воинов и подвиг славного солдата Давида Выжимки: Очерк Христофора Шухмина. М.: Изд. А. С. Балашова; тип. Ф. И. Филатова, 1914; *Христофор Шухмин*. Война. Геройский подвиг Максима Кашеварова: Рассказ из русско-немецкой войны. М.: Изд. А. С. Балашова, [б.г.]; Под разрывами шрапнелей, или Необыкновенный старик: Рассказ Христофора Шухмина. М.: Изд. А. С. Балашова, тип. п/ф «Ломоносов», 1915; Любовь сестры милосердия, или Мать под пулями и бомбами: Рассказ Христофора Шухмина. М.: Изд. А. С. Балашова, тип. п/ф «Ломоносов», 1915.

[6] Наши герои в современной великой войне: Козьма Крючков. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915. Здесь кроме описания подвига К. Крючкова рассказывается о смелости добровольца А. Сосенкова, о геройской смерти полковника Комарова, о корнете Г.Д. Лопухине, о самоотверженности братьев Катковых, о гордости русского воздушного флота штабс-капитане П. Н. Нестерове.

[7] Неустрашимый герой донской казак Кузьма Крючков, и его славные победы над врагами, как он один убил одиннадцать немцев. М.: Книгоизд. А. Д. Сазонова; тип. П. В. Бельцова, [б. г.]; Славный молодец донской казак Кузьма Крючков (Первый Георгиевский кавалер в русско-немецкую войну). Киев: Изд. И. Т. Губанова, 1914; Юный герой Ганька Дармоед: Рассказ из Священной войны. М.: Типолит. М. Н. Шарапова, [б.г.]; Геройский подвиг 3 русских добровольцев, которые взорвали 42-сантиметровую пушку, склады пороха, улетели на неприятельском аэроплане и еще масса приключений. М.: Тип. «Наше Слово», 1914.

[8] *Ульянов А.* В плену: (Из рассказов участников войны 1914 года). Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1915.

[9] *Меч Р.* Женщины-герои: Сестра Татьяна и Катя-доброволец. М.: Типолит. И. М. Машистова, [б.г.]

[10] Геройский подвиг Н. И. Ползункова: Рассказ из русско-турецкой войны Фомы Балагура. М.: Типолит. М. П. Шарапова, 1914.

[11] 2-я Отечественная война. Из ужасов войны. М.: Изд. и тип. А. А. Стрельцова, 1914; *Во-в А.* Люди-звери: (Рассказ о варварстве немцев). Киев: Изд. И. Т. Губанова, 1914; Немецкие зверства. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1914; Страшные и дикие зверства немцев в последнюю войну: Очерк Христофора Шухмина. М.: Изд. А. С. Балашова, 1914.

Неизвестный художник. Открытое письмо. Пг., 1916

7) Анекдоты, сценки, стихи, куплеты, высмеивающие немцев, их императора Вильгельма и австрийского императора Франц-Иосифа.[12]

8) Предсказания будущей страшной судьбы Вильгельма II по гороскопам.[13]

9) Песенники. — В библиотеке имеется 20 сборников.[14]

Поскольку в настоящем издании опубликован песенник В. И. Симакова, следует охарактеризовать другие типы песенных собраний, для того чтобы выяснить, какое место среди них занимает сборник, составленный опытным собирателем и издателем фольклорных текстов.

Прежде всего, следует отметить, что в подавляющем большинстве песенников не указана фамилия составителя.[15] Две книжки принадлежат перу московского литератора Андрея Васильевича Прохоровича. Первая из них, хотя и называется «Песни первого георгиевского кавалера казака Козьмы Крючкова»,[16] на самом деле представляет собой довольно слабые, рассчитанные на непритязательного читателя стихи, которые так и не стали песнями. На фоне других изданий здесь отчетливо ощущается продуманная автором композиция: сначала три текста, посвященных Крючкову, а затем четыре сцены прощания уходящего на войну воина: с невестой, со старушкой-матерью, с братом и сестрой. Вторая книжка — это тоже не ставшие песнями сатирические стихотворения о Вильгельме, о глупых и трусливых немцах.[17]

Можно констатировать, что лубки А. В. Прохоровича полностью отвечали целям той пропагандистско-

[12] Дворец из скелетов, или Архитектура Вильгельма: Рассказ Христофора Шухмина. М.: Изд. А. С. Балашова; тип. п/ф. «Ломоносов», 1914. – В книжке « Будущность Вильгельма и друга Франца» (М.: Изд. А. С. Балашова, [б. г.]), состоящей всего лишь из 16-ти страниц, помещен самый разнообразный материал: сатирические сценки о немецком императоре, зарисовка о героизме роты одного из московских полков, стихотворная сатира на кайзера; о случае заражения немецким крестьянином воды, которую пили русские солдаты; сценка об отношении к немцам простых обывателей; о русском добродушии по отношению к австрийским раненым военнопленным; стихотворение о воздушном бое над Парижем. В книжке «Как Вильгельм черту душу продавал: Юмористические анекдоты» (Соч. и изд. А. В. Прохоровича. М., [б.г.]) кроме сценки, изображающей общение немецкого кайзера с сатаной, опубликованы два стихотворения: «Вот уснул так немец сладко» и «Вильгельм вдруг на войну собрался».

[13] Ужасный рок: Гибель императора Вильгельма II. М.: Тип. М.Н. Шарапова, [б. г.].

[14] 17 песенников обнаружено в Российской национальной библиотеке.

[15] Это всегда было характерно для подобных изданий: Якуб А. Современные народные песенники //Изв. Отделения рус. языка и словесности Имп. Академии наук. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 52.

[16] Песни первого георгиевского кавалера казака Козьмы Крючкова, отважного и неустрашимого героя Великой всемирной отечественной войны 1914 года, который в бою получил 16 ран, остался жив и вновь пошел в бой: Сочинение и издание Александра Васильевича Прохоровича. М., [б. г.].

[17] Новые песни о Вильгельме: Как Вильгельм шел из Прилуки, да попал он в бабьи руки; Как в трех баб он стрелял, да ни в одну он не попал. М., [б. г.] .

агитационной компании, которая возникает в начале любой войны: прославление первого героя, которому надо подражать, и высмеивание неприятеля. Схожее осмеяние кайзера наблюдается и в брошюре без обложки, где помещены куплеты некого одессита А. Б. Холодовского.[18]

Еще одной постоянной составляющей этой компании является использование темы прошлых великих побед. В этом плане отметим сочинение уже упомянутого Р. А. Менделевича, публиковавшегося и под инициалами Н. Р., посвященное в основном подвигам русских воинов в 1812 г.[19]

Для всех остальных песенников характерна публикация песен и романсов русских поэтов, образцов современных популярных песенных жанров; в них почти нет текстов солдатских песен, созданных солдатами и офицерами в ходе Первой мировой войны. На такую особенность военных песенников указывал А. Якуб. Они «представляют собой не солдатские народные песни, а литературные произведения различных писателей из разных эпох».[20] При этом далеко не всегда заглавия соответствовали содержанию лубка; так, в сборнике «Военные песни донского казака»[21] нет ни одной военной казачьей песни. Здесь напечатаны популярное стихотворение А. Дрождина (Дрожжинина?) «Умирающий казак», городские романсы «Забыты нежные лобзанья», «В тени задумчивого сада»,[22] «Ах, да пускай свет осуждает»,[23] «Быстры, как волны», «Из страны, страны далекой»,[24] «Наша жизнь коротка», «Чудный месяц», стилизация под народную песню «Ты послушай, голова», два «жестоких» мещанских романса «Маруся отравилась, в больницу повезли» и «Любила Маруся друга своего» и городская, явно авторская, песня «За выпивкой».

Народные песни в лубке, хранящемся в библиотеке Отдела фольклора ИРЛИ, практически отсутствуют.[25] Здесь наблюдается другая тенденция, которая особенно характерна для сборника В. И. Симакова «Новейший военный песенник»:[26] стихотворения и песни поэтов (например, «Умер бедняга», «Варяг», «На сопках Манчжурии», «Под ракитою зеленой», «Трансвааль», «Шумел, горел пожар московский» и др.) со временем попадают в фольклорную традицию, подвергаясь серьезным изменениям как в тексте, так и в напеве.

Характерным явлением для военных песенников рассматриваемого времени было подражание популярным песням с сохранением напева, но с полным изменением текста, приспособляемого к событиям войны. В результате получалось чаще всего сатирическое, шутливое или пародийное произведение: «По улице мостовой <вар.: мировой> шел австриец молодой», «Было дело под Варшавой» (пародия на песню «Было дело под Полтавой», автор Ф. Т. Яковлев), «Франц-Иосифа отбрили; вся Европа завопила» (на мотив «Ваньку Хренова забрили», автор Эф. Ша), «Что ты, кайзер глядишь на Россию» (на мотив «Что ты жадно глядишь на дорогу», автор Ф. Шкулев), «Скажи-ка, турок, ведь не даром по Феодосии базаром» (на мотив стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино») и т. д. Другие переделки имели серьезный характер: «Горел, шумел пожар Европы, с земли стирались города» (на мотив «Кипел, горел пожар московский»), «Ревет и грохочет мортира вдали» (на мотив «Варяга»), «Из России к австрияку полной храбрости полны» (на мотив «Стенька Разин и княжна», автор Дядя Фиша — псевдоним Ф. Шкулева) и др.

Все песенники имеют почти одинаковый объем — не более 20 страниц. Исключение составляет лишь

[18] Данное издание не имеет ни названия, ни года выхода в свет, лишь место типографии.

[19] Новые боевые песни военных героев: Соч. Н. В. М.: Изд-во А. С. Балашова; тип. Ф. А. Филатова, 1914.

[20] *Якуб А.* Современные народные песенники. С. 81.

[21] Военные новые песни донского казака. М.: Изд. А. С. Балашова; тип. «Ломоносов» Г. В. Васильева, 1915.

[22] Имеется указание: «музыка Балабанова».

[23] Перед текстом пояснение: «Новый модный романс, петый с громадным успехом А. Д. Вяльцевой».

[24] С ремаркой: «Из пьесы Л. Андреева "Дни нашей жизни"». Составитель называет Л. Андреева автором стихотворения, хотя на самом деле автором был Н. М. Языков (1827).

[25] В Российской национальной библиотеке нами выявлены два сборника, в которых напечатаны народные песни: Военные песни разных народов. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915; *Симаков В. И.* Прапорщик: Новейший военный песенник. Пг.: Изд. Н. И. Холмушина, 1916.

[26] Новейший военный песенник, составленный В. И. Симаковым. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, MCMXVI.

сборник «Новейший полный русский песенник. 1 000 песен, или Неиссякаемый фонтан приятных и нежных звуков» (М.: Тип. П. Бельцова, 1916), в котором солдатские и казачьи песни, тексты стихотворений публикуются на страницах 78–142.

На обложке всех лубков, кроме сборника В. И. Симакова, помещены рисунки или фотографии: батальные сцены, фотографии Кузьмы Крючкова (Новые военные казацкие песни «Кузьма Крючков» и «Гей, казаки». М.: Тип. А. Д. Плещеева, 1914), портрет казака в полной амуниции (Новые казацкие военные песни: Кубанские казаки. М.: Изд. А. С. Балашова, 1915), рисунок «Солдатский отдых», фотопортреты глав союзных государств: короля Великобритании и Ирландии, императора Индии Георга V, президента Франции Раймонда Пуанкаре, короля Бельгии Альберта I, короля Сербии Петра I, короля Черногории Николая I, императора Японии Иоши-хито Харуко Мийа (Гимны союзных народов: России, Бельгии, Англии, Франции, Японии, Черногории и Сербии. «Было дело под Варшавой» и другие новые военные песни. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1914), карикатуры на Вильгельма (Новые военные песни о кровавом Вильгельме. М.: Изд. А. С. Балашова; тип. Ф. И. Филатова, 1914; О войне и храбрых русских воинах и о врагах- дураках: Новейшие песенки. Варшава: Краевая тип., 1914).

В ряде песенников назывались фамилии, инициалы или псевдонимы поэтов как современных, так и классиков: А. Андреев («Ночь темна, а ветер сказки…»), Д. Варлыгин («Легкий конь быстрее птицы у лихого казака!»; «Поборники правды и мира, издревле венчанные славой»), А. Дрождин (Дрождинин?) («Умирающий казак»), Е. Кузьмичев («Моя родина-мать, за тебя умирать»), М. Ю. Лермонтов («Много дев у нас в горах; ночь и звезды в их очах»), Е. Наметниченко («Мужайся, родина моя! Великая, святая!»), В. Пуришкевич («Будет время, и уж близок этот час, под Берлином мы очутимся как раз»; «В чистом поле ветер свищет, зги во тьме поймать нельзя»; «Ночью темною, претемною, что нагнать способна страх»), М. Савин («Гей, друзья, скорей в дорогу, время нечего терять»), Ф. Шкулев («Из России к австрияку, дивной храбрости полны»; «Не плачь казачка молодая, Бог даст войне придет конец»; «Уж мы немцев разуважим, по губам их саблей смажем»; «Честь великому народу, грудью вставшему в бою!»; «Что ты, кайзер, глядишь на Россию?»), Н. М. Языков («Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно»), Ф. Т. Яковлев («"Ах, вы сени, мои сени", так солдатик наш поет»; «Безобразить немцы стали, стали русских обижать»; «Вставай, великая Россия, и выступай в священный бой»; «Довольно, брат, печалиться, довольно горевать»; «Если здрав с войны вернуся, фертом в боки подопруся»; «Под Варшавой было дело, дело славное, друзья»; «Франц-Иосиф приуныл, города сдавая»), А. Д. («Гой, ты русский витязь, сила мощь родная»), Р. М. («Каждый день чувством долга пылая»), Эф. Ша («Мы казаки-молодцы ни о чем не тужим»; «Франц-Иосифа отбрили, вся Европа завопила»), А. Донской («Товарищи, вперед! Товарищи, вперед!»), Дядя Фиша[27] («Ехал немец в Радзивиллы, да попал Петру на вилы»).

Можно указать основную (идеологическую) тематику песенников военного времени.

1. Прославление России, которая играет самую важную роль в войне; призыв к русскому народу сплотиться в борьбе с врагом; мечта о грядущей победе и т. д. При этом в песенниках, как отмечает А. Асташов, «нет пацифистских мотивов, поэтизации войны».[28]

2. Особые качества Богом избранного русского народа: он помазанник Божий, силен своей верой и т. д.

3. Прославление особых качеств русского солдата (казака)-патриота: храбрость, честность в бою, готовность умереть за честь и свободу родины, за святую веру, за свободу славян; весь мир восхищается русским воинством и т. д. Казаки — самые бесстрашные воины в русской армии, их больше всего боятся немцы и австрийцы.

4. Военные победы и подвиги русских солдат (например, первого георгиевского кавалера К. Крючкова).

5. Прославление союзников в войне.

6. Ничтожность, слабость и трусость врага; насмешки над немцами и австрийцами (реже над турками).

7. Насмешки над Вильгельмом и Францем-Иосифом.

8. Варварство немцев.

---

[27] Как уже указывалось, псевдоним Ф. Шкулева.

[28] *Асташов А.* Русский фронт в 1914–начале 1917 года: Военный опыт и современность. М., 2014. С. 128.

9. Призывы выслать из России всех немцев.

10. Солдат (казак) и его семья: трогательное прощание уходящего на войну с родителями, женой, невестой, сестрой, братом.

11. Умирающий солдат (казак).

В песенниках Первой мировой войны по сравнению с песенниками второй половины XIX в. не столь часто прославляется русский царь (помазанник Божий), нет фамилий самых известных генералов, ничего не говорится о взаимоотношениях солдат и офицеров.

Популярность тех или иных песен находила свое отражение не только в сборниках песен, но и в лубочных картинках (например, «Варяг», «Пожар московский», «Умер бедняга» и т. д.),[29] на граммофонных пластинках («Спите, орлы боевые», «Что за песни распевает наша Русь», «Кузьма Крючков» и т. д.).[30] Наконец, ряд песен были экранизированы (например, «Умер бедняга», «Последний нынешний денечек»).

Интересна судьба романса «Прапорщик», или «Прапорщик юный». Он был создан в начале войны 1914 г. по образцу стихотворения Е.А. Буланиной (1866–1944<?>) «Чайка», написанного «под впечатлением “Чайки” Чехова» и опубликованного в ее сборнике «Раздумья. Стихотворения» (М., 1901. С. 75):

Заря чуть алеет. Как будто спросонка
Все вздрогнули ивы над светлой водой.
Душистое утро, как сердце ребенка,
Невинно и чисто, омыто росой.
А озеро будто, сияя, проснулось
И струйками будит кувшинки цветы.
Кувшинка, проснувшись, лучам улыбнулась,
Расправила венчик, раскрыла листы…
Вот вспыхнуло утро. Румянятся воды.
Над озером быстрая чайка летит:
Ей много простора, ей много свободы,
Луч солнца у чайки крыло серебрит…
Но что это? Выстрел… Нет чайки прелестной:
Она, трепеща, умерла в камышах.
Шутя её ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах.
…И девушка чудная чайкой прелестной
Над озером светлым спокойно жила.
Но в душу вошел к ней чужой, неизвестный, —
Она ему сердце и жизнь отдала.
Как чайке, охотник, шутя и играя,
Он юное, чистое сердце разбил.
Навеки убита вся жизнь молодая:
Нет веры, нет счастья, нет сил!

Выделенная курсивом часть стихотворения, была положена на музыку Е. Жураковским, М. А. Федоровской, Н. А. Александровым и др. Романс стал популярным, первым его исполнителем была Н. Плевицкая (граммофонная пластинка 1908 г.). С 1910-х гг. текст неоднократно печатался в песенниках.

О популярности романса «Прапорщик» свидетельствует то, что вышло шесть песенников, которые так и назывались,[31] а сборник В. И. Симакова, который

А. Ф. Максимов. Открытое письмо. Пг., 1916

[29] *Клепиков С. А.* Лубок. Ч. I. Русские песни. М., 1935. С. 156.

[30] См. журнал «Грамофонный мир» за 1914–1917 гг.

[31] См. список использованных песенников в комментариях.

публикуется в настоящем издании, открывался этим же текстом.

Под влиянием «Прапорщика» был создан романс «Смерть героя», являющийся как бы продолжением песни и записанный на грампластинку.

Успешно мы кончили жаркое дело;
Пехота два раза бросалась в штыки,
И прапорщик пал. Вот лежит его тело,
И сколько во взоре смертельной тоски!..
Спи с миром, товарищ. Кровавую тризну
На могиле твоей совершит полк родной,
В отважном бою ты погиб за отчизну
Как сын своей родины — серый герой!
Ты, мать, не рыдай! Не оплакивай сына,
Погибло так много в кровавых боях!..
Пусть минет тебя лиходейка-кручина,
Пусть высохнут слезы на старых глазах.
Пойми, он погиб, как все гибнут витии,
В порыве безумном, в экстазе святом,
Пал смертью храбрых во славу России,
Исполнивши долг до конца пред Царем.
Не плачь, а гордись! Пусть рыдает невеста,
Пускай вся покроется черной фатой.
А в сердце твоем для печали нет места:
Он умер — для всех! Для тебя — он живой.[32]

Еще один текст, «Красный прапорщик», отражает события февральской революции.

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался —
Сигналом для трона он был роковым.
И грозным призывом в толпе разорвался:
Долой цепи рабства и старый режим.
На крышах трещали везде пулеметы,
И этим хотели народ усмирять,
А прапорщик юный со взводом пехоты
Вскричал: «Нет, не буду в толпу я стрелять!
Товарищи-братья, промчалися годы,
Мы верили слепо в измену судьбы,
Блеснул перед нами луч яркой свободы,
Венец нашей долгой и славной борьбы!..
Спокойно на фронте мы кровь проливали,
А нас продавал всех министр-подлец.
Когда мы о хлебе одном умоляли,
Нам царские слуги давали свинец».
И вдруг он замолк... Что-то близко сверкнуло —
То с крыши соседней жандарм стрелял,
Не знают разбора ружейные дула:
И прапорщик юный на землю упал.
И снова во гневе толпа заревела:
«Долой цепи рабства и старый режим!..»
А прапорщик мертвый лежал на панели,
И красное знамя склонилось над ним.
«Спи мирно, товарищ. Не надо нам тризны,
Мы век не забудем 17-й год.
Ты пал за свободу любимой отчизны,
За равенство, братство, за русский народ!».[33]

Можно констатировать, что песенники времен Первой мировой войны, судя по количеству вышедших в свет изданий, были весьма востребованы не только в армии, но и среди городского и сельского населения. Благодаря подобным публикациям, многие тексты переходили в устную народную традицию и в течение долгого времени сохранялись в ней.

В годы Первой мировой войны Василий Иванович Симаков (1879–1955), известный собиратель и издатель фольклорных текстов, работал чрезвычайно интенсивно: им было опубликовано 8 частушечных сборников и 6 песенных.[34] Как уже отмечалось, для лубочных изданий не было характерно указывать фамилию издателя. В этом смысле книжки В. И. Симакова представляют собой исключение.

При изучении подобных песенников возникают два вопроса: каков принцип композиции сборника и откуда взяты тексты?

Сборник В. И. Симакова состоит из двух разделов: «Песни» и «Военные стихи». Однако в первом из них помещены, во-первых, песни, созданные во время

[32] Грамофонный мир. 1917. № 2 (15 февр.). С. 18.

[33] Грамофонный мир. 1917. № 8 (20 сент.). С. 3. По сообщению редакции журнала, выход пластинки «Красный прапорщик» вызвал неожиданный ажиотаж.

[34] См. перечень работ фольклориста в книге: В. И. Симаков и народное творчество // Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1987. С. 141–143.

Первой мировой войны в солдатско-офицерской среде (например, «От русско-германской границы», сочиненная во время боев под Варшавой в 1914 г.; «Ну-ка, русские солдаты»; «Как Виля брал Варшаву»); во-вторых, солдатские песни войн XIX в. («Шашка», «Ну, ребята, марш домой», «Слышно, бьют тревогу», «Прощание ратника», «Полночь наступает» и др.); в-третьих, песни из песенников конца XVIII —начала XIX в., вошедшие в устную традицию («Уж ты поле, мое поле», «Вы победные головушки солдатские», «Ты не пой, не пой, соловушка», «Ай, во поле, полюшке», «Эх, скажи, Марусенька», «Дунай», «Ай, Дунюшка, Дуня» и др.); в-четвертых, стихотворения поэтов XIX— начала XX вв. ставшие популярными в городской и сельской среде («Звенит звонок», «Варяг», «Умер бедняга», «Трансвааль», «Плещут холодные волны», «На сопках Манчжурии» и др.). Именно наличие большого количества фольклорных текстов — главное отличие сборника В. И. Симакова от других подобных изданий. Однако определенного композиционного принципа публикации материала в обеих частях песенника у В. И. Симакова нет.

Жанровая пестрота симаковского издания не случайна. «Наши солдаты поют, как известно, — писал автор предисловия к сборнику солдатских песен, — не только солдатские песни, но и народные, и даже романсы. Сперва обыкновенно поется протяжная, широкая песня, а за нею следует тотчас же и веселая, удалая песенка, запеваемая только сначала запевалою и потом исполняемая всем хором без перерыва, все с возрастающей живостью, с различными вскрикиваниями и взвизгиваниями <…>. Такие веселые, живые песенки называются у солдат *припевками*. Припевок большею частью есть чисто народная песня; но иногда содержание припева заимствуется из быта солдатского и очень редко бывает военное».[35]

В первой части составитель не указывает фамилии авторов текстов, не всегда названы авторы стихотворений и во второй части. Все это создавало большие трудности при комментировании песенника. Тем не менее, следует констатировать, что симаковское издание является, пожалуй, наиболее полным из всех подобных песенных собраний. На наш взгляд, публикация в данном сборнике текстов, бытовавших в устной традиции, и стихотворений, часть которых со временем стала народными песнями, позволяет судить об их тесных взаимоотношениях, о тех изменениях, которые претерпевали авторские тексты в народной среде.

Сборник В. И. Симакова, предназначенный для широких народных масс, можно считать образцом песенника, который способствовал развитию эстетического вкуса у читателей.

В. Верещагин. Почтовая карточка. Пг., 1916

[35] Сборник солдатских, казацких и матросских песен / Слова собрал Н. Х. Вессель; С голоса на ноты положил Е. К. Альбрехт. 3-е изд. СПб.: Изд. И. Юргенсона, 1894. С. VIII. Также трудно дать ответ на вопрос, откуда В. И. Симаков брал материал: из устной традиции или из опубликованных источников — собраний сочинений поэтов XIX— начала XX в., периодических изданий (газет и журналов того времени). Скорее всего, он обращался к журналам, тематическим сборникам, которые так же быстро, как песенники, откликнулись на начало военных действий поэтическими произведениями. При этом следует отметить, что В. И. Симаков отбирал лучшие в художественном плане стихотворения. Например, «Песенка о бельгийских солдатиках» Т. Щепкиной-Куперник, «Русь» Е. Наметниченко, «Казацкая» А. Липецкого, «В полевом лазарете» С. Копыткина и др.

Комментарии

Все тексты песен переведены на современную орфографию. Пунктуация приближена к современной.

В комментарии приводятся сведения о публикуемом тексте. Если он является произведением того или иного автора, то этот автор называется и даются сведения о дате первой публикации стихотворения.

В рубрике «Публикации» перечислены те песенники времен Первой мировой войны, где этот текст был напечатан.

В рубрике «Варианты» перечислены те песенные сборники XVIII–XXI вв., где также встречаются подобные тексты. Это позволяет воссоздать историю бытования и территорию распространения песен в устной или письменной традициях. Отдельно дается ссылка на сборник В. Е. Гусева.

Список сокращений
А. Лубочные издания, упоминаемые в рубрике «Публикации»

БКП — Боевые кавалерийские песни. М.: Изд. А. С. Балашова, 1914 (ПД).[36]

БМ — Новый песенник. Боевой марш. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1917 (РНБ).[37]

ВНПДК — Военные новые песни донского казака. М.: Изд. А. С. Балашова, 1915 (ПД).

ВП — Военные песни. М.: Тип. С. Алянчикова, 1914 (ПД).

ВПРН — Военные песни разных народов. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1915 (РНБ).

ВСН — Новый военный песенник. Война с немцами за благо славян. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1914 (РНБ).

Гимны — Гимны союзных народов: России, Бельгии, Англии, Франции, Японии, Черногории и Сербии. «Дело было под Варшавой» и другие новые военные песни. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1914 (ПД).

ДБП — Русский военный песенник: «Довольно, брат, печалиться». «Франц-Иосиф приуныл» и другие военные песни. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1915 (РНБ).

Кашеваров — Песни великой всемирной Отечественной войны 1914 г. пулеметчика Максима Кашеварова. М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1914 (РНБ).

КК — Новые казацкие военные песни. Кубанские казаки. М.: Изд. А. С. Балашова, 1915 (ПД).

Крылов — Солдатские военные песни Великой Отечественной войны 1914–1916 гг. / Собрал В. Крылов. 3-е изд. Харбин: Элек.-тип. Д. А. Джантих-Швиля, 1916 (РНБ).

Малахов — Песни Тихого Дона. Донские казачьи песни, старинные и нынешние, собранные и записанные И. И. Малаховым. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1915 (РНБ).

НВКП — Новые военные песни «Кузьма Крючков» и «Гей, казаки». М.: Изд. П. К. Комисаренко, 1914 (ПД).

НВПоКВ — Новые военные песни о кровавом Вильгельме. М.: Изд. А. С. Балашова, 1914 (ПД).

НПП — Новый полный песенник, или Неиссякаемый фонтан приятных и нежных звуков. М.: Изд. П. В. Бельцова, 1916 (ПД).

Н. Р. — Новые боевые песни военных героев: Сочинение Н. Р. М.: Изд. А. С. Балашова, 1914 (ПД).

О войне — О войне и храбрых русских воинах и о врагах-дураках: Новейшие песенки. Варшава: Краевая типография, 1914 (ПД).

ОнСС — Новый песенник. Оружьем на солнце сверкая. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1917 (РНБ).

ПВВ — Песни Великой войны 1914 года. Военные, народные и юмористические. М.: Тип. С. А. Алянчикова, 1914 (РНБ).

ПоВ — Песни о войне 1914 г. Одесса, 1914 (РНБ).

ПВВОВ — Песни великой всемирной Отечественной войны 1914 г. первого георгиевского кавалера казака Козьмы Крючкова, отважного и неустрашимого героя, который в бою убил 11 пруссаков, а сам получил 16 ран, остался жив и вновь пошел в бой. М.: Тип. М. Н. Шарапова, 1914 (ПД).

Пр. — Новый военный песенник. Прапорщик. М.: Изд. А. Д. Сазонова, 1916 (РНБ).

Пр.-Ю-1 — Новые военные песни русских солдат: «Прапорщик юный» и другие песни. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1915 (РНБ).

Пр.-Ю-2 — Новый военный песенник: «Прапорщик юный» и другие новые военные песни. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1916 (РНБ).

Пр.-Ю-3 — Новый военный песенник: «Прапорщик юный». М.: Тип. П.В. Бельцова, 1916 (РНБ).

Пр.-Ю-4 — Новый песенник: «Прапорщик юный». М.: Тип. П. В. Бельцова, 1916 (ПД).

Прохорович-1 — Новые песни о Вильгельме: «Как Вильгельм шел из Прилуки, да попал он в бабьи руки»; «Как в трех баб он стрелял, да ни в одну он не попал». М.: Соч. и изд. А. В. Прохоровича, [б. г.] (ПД).

Прохорович-2 — Песни первого георгиевского кавалера казака Козьмы Крючкова, отважного и неустрашимого

---

[36] ПД — песенники из Отдела фольклора ИРЛИ.

[37] РНБ — песенники из Российской национальной библиотеки.

героя великой всемирной Отечественной войны 1914 года, который в бою получил 16 ран, остался жив и вновь пошел в бой. М.: Соч. и изд. А. В. Прохоровича, [б. г.] (ПД).

ПСК — Песни сибирских казаков. Вып. 1. Пг.: Тип. П. П. Сойкина, 1916 (РНБ).

РиГ — Новый песенник. «Ревет и грохочет мортира вдали». М.: Тип. П. В. Бельцова, 1917 (ПД).

С.-Пр.-1 — *Симаков В. И.* Прапорщик. Новейший военный песенник. Пг.: Изд. Н. И. Холмушина, 1916 (РНБ).

С.-Пр.-2 — *Симаков В. И.* Прапорщик. Новейший военный песенник. 2-е изд., испр. и доп. Пг.: Изд. Н.И. Холмушина, 1916 (РНБ).

СП — Солдатские песни. Сборник военных песен, составленный В. И. Симаковым. Ярославль: Тип. К. Ф. Некрасова, 1915 (РНБ).

Х — Холодовский А. Б. [Куплеты]. Одесса: Тип. «Издатель» Шермана, [б. г.] (ПД).

ШГНМ — Песни великой всемирной Отечественной войны всех народов. «Шумел, гремел народ московский». М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1914 (ПД).

Яковлев[38] — Русский военный песенник: «Довольно, брат, печалиться», «Франц-Иосиф приуныл» и другие военные песни. М.: Тип. П. В. Бельцова, 1915 (РНБ).

Б. Список сокращений, использованных в рубрике «Варианты»

Акимова — Фольклор Саратовской области. Кн. 1 / Сост. и вступ. ст. Т. М. Акимовой. Саратов, 1946.

Альбрехт-Вессель — Сборник солдатских, казацких и матросских песен / Слова собрал Н. Х. Вессель; С голоса на ноты положил Е. К. Альбрехт. 3-е изд. СПб.: Изд. И. Юргенсона, 1894.

Багизбаева — *Багизбаева М. М.* Фольклор семиреченских казаков. Ч. 2. Алма-Ата: Мектеп, 1979.

Бродяга — «Бродяга». Новый песенник. Сборник русских песен и стихотворений. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1915.

Варавва — Песни казаков Кубани / Зап. текстов и подгот. к печ. И. Ф. Вараввы. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1966.

Витязи — Песенник витязей / Изд. нац. орг. витязей. Association des Vitiaz 12, rue Parent de Rosan. Paris, 1987.

ВП-1896 — Военный песенник. СПб.: Изд. Т.Ф. Кузина, 1896.

ВП-1902 — Военный песенник. Собрание романсов, народных и военных песен. М.: Отд. тип. И. Д. Сытина, 1902.

ВРП — Военные русские песни /Собрал любитель русских песен О. С. Н. М., 1888.

Глинский-1 — Современная война в русской поэзии / Сост. Б. Глинский. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина, 1915.

Глинский-2 — Современная война в русской поэзии. Выпуск второй. На помощь Сербии и Черногории / Сост. Б. Глинский. Пг.: Тип. т-ва А.С. Суворина, 1915.

Гусев — Песни и романсы русских поэтов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. Е. Гусева. М.;Л.: Сов. писатель, 1963.

Калугин — Антология военной песни / Сост., предисл. и коммент. В. Калугина. М.: Изд. Эксмо, 2005.

Калугина-Селиванов — Городские песни, баллады, романсы / Сост., подгот. текста и коммент. А.В. Кулагиной и Ф. М. Селиванова; Вступ. ст. Ф.М. Селиванова. М.: Филолог. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1999.

Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1—10, М., 1860—1874.

Кир.-НС — Песни, собранные П.В. Киреевским / Изд. О-ва любителей российской словесности при Моск. унте под ред. В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского. Вып. 1 (Песни обрядовые). М., 1911; Вып. 2. Песни необрядовые. Ч. 1. М., 1918; Ч. 2. М., 1929 (Нов. сер.).

Кирюхин — Русская песня в Дагестане (В записях 1964—69 гг.) / Публ., вступ. ст. и коммент. В. С. Кирюхина; Отв. ред. д. ф. н. Б. Н. Путилов. Махачкала, 1975.

Клепиков — Бюллетени Государственного литературного музея. № 4. Лубок. Ч. 1. Русская песня /Сост. и коммент. С. А. Клепиков. М., 1939.

Листопадов — *Листопадов А.* Песни донских казаков. Т. 1—4 / Под общ. ред. Г. Сердюченко. М., 1949—1956.

Лопатовский — Сборник гимнов, маршей, русских народных, малорусских и хвалебных песен / Собр. И.И. Лопатовский. Лодзь: Тип. В. Колинского, 1896.

Малышев — Стихотворения Григория Малышева. СПб.: Тип. П. Крашенинникова, 1848.

Могила — Новейший песенник. Могила. Сборник романсов и песен. М.: Тип. П. В. Бельцова. М., 1911.

Молчанов — Собрание песен, изданных И. Молчановым. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1859.

Мякутин — Песни оренбургских казаков. I— III / Собрал сотник А. И. Мякутин. Оренбург: Изд. Оренбургского казачьего войска, 1904—1906.

Мякушин — Сборник уральских казачьих песен / Собр. и изд. Н. Г. Мякушин. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890.

Нагиев — Новейший песенник Задунайской и Кавказской армий. С дополнением «Стрелок». 8-е изд. СПб.: Изд. А. А. Холмушина, 1897 (РНБ).

НВП/СРВ — Новый военный песенник, или Слава русских воинов. М.: Изд. Шарапова, 1878.

Новикова — Русские народные песни / Вступ. ст., сост. и примеч. А. М. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1957.

НПВП — Новый полный военный песенник. Песни сложены из событий последней войны. М.: Изд. П. И. Орехова, 1879 (РНБ).

Овчинников — «Варяг». Новейший русский песенник. Собрал И. Овчинников. Киев: Изд. Т. А. Губанова, 1911.

ОСН — Военные русские песни / Собр. любитель русских песен О. С. Н. М.: Тип. С. Орлова, 1886.

П — Песенник. Собрание романсов, народных и военных песен. М.: Изд. И. Д. Сытина, 1886 (РНБ).

[38] После каждой песни в песеннике фамилия автора: Ф. Т. Яковлев

ПВПНХ — Песни военные, патриотические, народные, хоровые и проч. СПб: Тип. В. Спиридонова, 1864.

ПП — Полный песенник. Сборник новейших 500 песен народных русских: святочных, хороводных, подблюдных, свадебных, плясовых и солдатских; цыганских, черкесских и еврейских; романсов, любовных стихотворений. Сост. из соч. известных русских писателей: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Жуковского, Мерзлякова, Майкова, Плещеева, Мятлева и др. лучших писателей. М.: Изд. С. А. Живарева, 1894.

ПСН — Песни солдатские и народные. 3-е изд., дополн. СПб.: Изд. А. А. Холмушина, 1903.

Песенник — Песенник. Собрание романсов, народных и военных песен. М.: Изд. И. Д. Сытина, 1886.

Путилов — *Путилов Б. Н.* Песни гребенских казаков. Грозный: Госиздат, 1946.

Савков — Пятисотлетний юбилей русской артиллерии 1389–1889 гг. Военный песенник, заключающий в себе триста военных песен / Сост. Г. А. Савков. 2-е изд. М.: Изд. С. А. Живарева,1897.

Самаренко-Этингер — *Самаренко В., Этингер М.* Русские народные песни Астраханской области. М.: Сов. композитор, 1978.

Соболевский — Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. Т. 1–7. СПб.: Гос. тип., 1895–1902.

СП — Солдатские песни. СПб.: Изд. В. Шатаева, 1875.

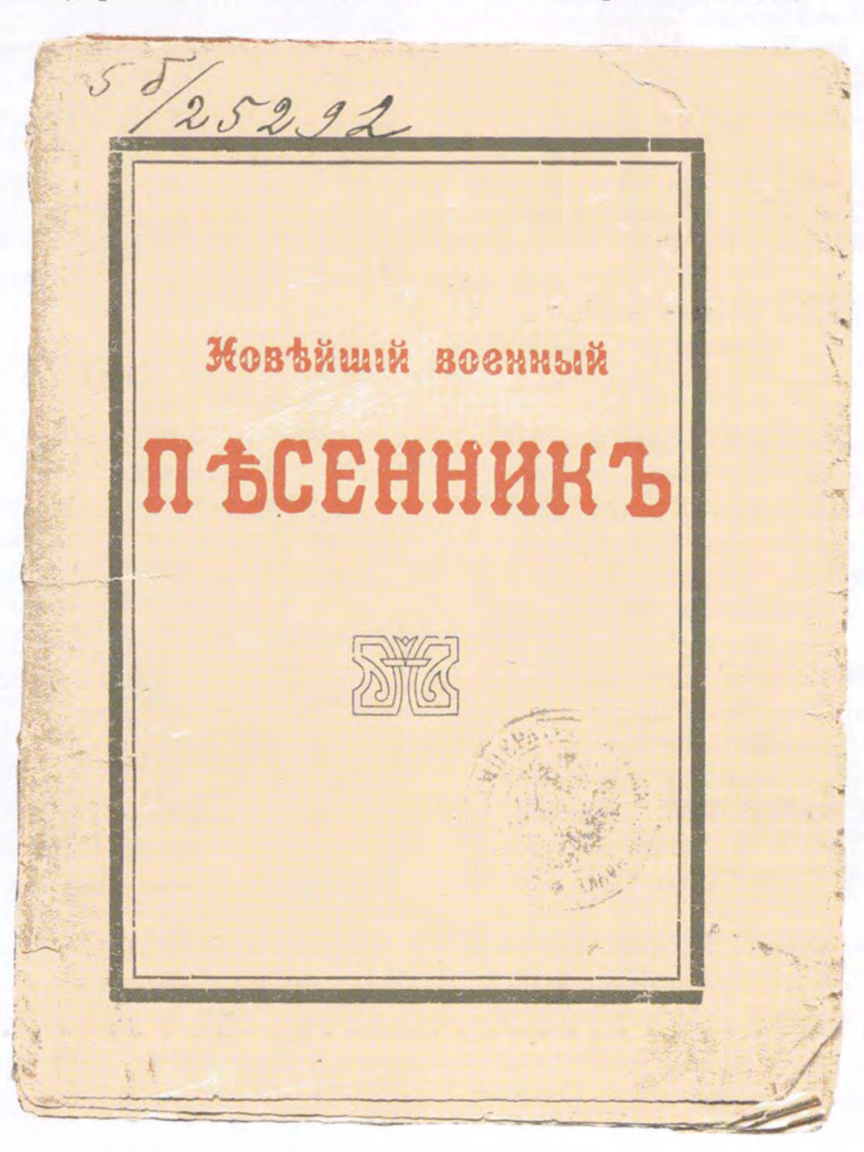
Сучилин — Новый военный песенник / Собрал унтер-офицер Н. Сучилин. М.: Изд. Е. А. Губанова, 1891.

Шейн — Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. 1, вып. 1–2. СПб.: Акад. наук, 1898.

Элиасов — Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский; Под общ. ред. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ. 1963.

Новейший военный песенник, составленный В. И. Симаковым

(Ярославль: Изд. и тип. К. Ф. Некрасова, 1916)



1
Прапорщик

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался,
И грохот безумный пошел канонад,
Над нашим отрядом снаряд разорвался —
И начался ужас и стоны, и ад...
Вот прапорщик юный со взводом пехоты,
Старается знамя полка отстоять...
Остался один он из всей полуроты,
Но нет! Он не будет назад отступать!
«Эй, братцы, В штыки! Здесь пощаде нет места!..
Отрадно за родину всем умирать!..»
А в городе дальнем молилась невеста
И горько рыдала: «Спаси ж Божья Мать!»
Но кончился бой, и земля покраснела,
Врага мы прогнали к далекой реке...
И только наутро нашли его тело,
И знамя сжимал он в застывшей руке!
Когда пред невестой вся правда открылась,
Она в лазарет поступила сестрой
И часто на братской могиле молилась:
«Вечная память! И вечный покой!»

Одна из самых популярных песен времен Первой мировой войны.

Существовали два песенных варианта: один в сборниках В. И. Симакова; другой (см. ниже) во всех других песенниках:

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался,
По нашей половине уж немцы палят,
Над нашим отрядом снаряд разорвался —
И стоны, и крики, и грохот, и ад!..

Вот прапорщик юный со взводом пехоты,
Он знамя родное хотел отстоять...
Один он остался от всей полуроты,
Но нет, он не хочет назад отступать!

Победою нашею бой тот кончался,
Врага отогнали к далекой реке,
А прапорщик юный на месте остался,
И знамя сжимал он в застывшей руке!

В бою штыковом для пощады нет места!
Наш прапорщик юный погиб, как герой!
Вдовой невенчанной осталась невеста...
Она в лазарет поступила сестрой...

Кроме того, в этих песенниках текст назывался «Прапорщик юный», отмечалось, что он поется «на мотив стихотворения "Чайка"», и публиковалась в сокращенном виде фамилия автора: «П. Тронский». Установить фамилию автора полностью не удалось.

Многократно воспроизведенная на грампластинках песня в переработанном виде бытовала в устной форме во время Февральской и Октябрьской революций, в Гражданскую войну у белых и у красных, в годы Великой отечественной войны, неоднократно записывалась в фольклорных экспедициях.

Публикации: Пр. С. 3; Пр.-Ю-1. С. 3; Пр.-Ю-2. С. 3; Пр.-Ю-.3. С. 3; Пр.-Ю-4. С. 3; С.-Пр.-1 и 2. С. 3.
Варианты: Элиасов. № 227; № 504 (раздел «Советский фольклор»).

2
Поехал казак на чужбину

Поехал казак на чужбину
Далеко на борзом коне вороном:
Свою Украйну навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
Напрасно казачка его молодая
И утро, и вечер на север глядит,
Все ждет, поджидает, с полночного края,
Когда-то к ней милый казак прилетит.
Далеко отсюда, где вьются метели,
Где страшно морозы трещат,
Где сдвинулись дружно и сосны и ели,
Казацкие кости под снегом лежат.
Казак и просил и молил, умирая,
Насыпать курган в головах,
И пусть на кургане калина родная,
Качаясь, красуется в ярких цветах.
«Пусть вольная пташка, садясь на калину,
Порой прощебечет тут песнь обо мне,
Что некогда жил здесь казак на чужбине,
Он помнил о милой, родной стороне».

Стихотворение Евгения Павловича Гребёнки (1812—1848), поэта, прозаика. Написано в 1837 г., опубликовано в книге «Альманах на 1838 г.» (С. 311). В конце XIX в. появляется в фольклорных сборниках. Песня особенно распространена среди казаков. При этом каждое войско называло родину казака по-своему: «Свой Урал он навеки покинул»; «Родные он степи надолго покинул» и пр.

В устном бытовании претерпевала изменения, которые имеются и в песеннике В. И. Симакова.

Публикация: С.-Пр.-1 и 2. С. 4—5.

Варианты: Витязи. С. 151; Калугина-Селиванов. № 18 (фольклорная запись 1972 г.); Мякутин-2. С. 81; Мякушин. № 16; Нагиев. № 144. Гусев. № 407.

3

* * *

От русско-германской границы
До Вислы, широкой реки,
Там льются кровавы потоки
С утра до вечерней зари.
Там слышны глухие раскаты,
У пушек всех жерлы горят,
Там рвутся шрапнели, гранаты
И землю взрывает снаряд.
Там бьются за правое дело,
И смерть храбрецов не страшит,
И в битву идут они смело:
Их Божия Матерь хранит.
Отец, удрученный слезою,
И с ним, пригорюнившись, мать
Читают про бой отдаленный:
Про сына им хочется знать.
Из армии им сообщают
(Нахлынули слезы из глаз),
Что сын их убит был врагами,
Об нем по полку был приказ.
Убит он во цвете и силе,
Убит, похоронен вдали…
Никто той могилы не знает
Защитника русской земли.

Популярная авторская солдатская песня, созданная во время боев под Варшавой в 1914 г. Вошла в устную традицию.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2 («Новая песня»). С. 5—6.

4

* * *

Звенит звонок и тройка мчится,
Несется пыль по столбовой,
На крыльях радости стремится
Домой наш воин молодой.
С родными он юношей расстался,
Пятнадцать лет в разлуке был,
В чужих краях с врагами дрался,
Царю, Отечеству служил.
И вот в глазах село родное,
На храме Божьем крест горит;
Его забилось ретивое,
Слеза невольная блестит.

Неизвестный художник. Открытое письмо. Пг., 1916

«Звени, звени, звонок, громчее,
Лихая тройка, вихрем мчись,
Ямщик, пой песни веселее,
Вот отчий дом, — остановись!»
Звенит звонок и пар клубится
С коней ретивых, удалых.
Нежданный гость под кров стучится,
И быстро входит в круг родных.
Его родные не узнали —
В нем изменилися черты,
И все невольно вопрошали:
«Скажи, служивый, кто же ты?» —

«Я вам привез письмо от сына,
Здоров и шлет он вам поклон,
Моя в нем кровь, мое и имя,
Ну, словом, я — как точно он!» —
«Наш сын! наш брат!» — тогда вскричали
Родные кровные его,
В объятьях слезы проливали,
Не отходили от него.
Звенит звонок, ямщик несется
В обратный путь уже один;
И песня громко раздается,
В дали чуть слышно: динь, динь, динь!

Стихотворение «Свидание через пятнадцать лет» Григория Григорьевича Малышева (ок. 1802—1868), поэта-самоучки, музыканта. Впервые опубликовано в сборнике «Стихотворения Г. Малышева» (СПб., 1848. С. 17). Будучи регентом придворной певческой капеллы, Малышев активно внедрял свои песни в репертуар хора. С середины XIX в. текст постоянно появляется в песенниках. Песня распространена в устной традиции, с 1850-х гг. неоднократно публиковалась в лубке (Клепиков. С. 48—49; 62). Последнее четверостишие в сборнике Малышева отсутствует.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 6—7.
Варианты: Альбрехт-Вессель. № 71; Мякутин-II. С. 147—148; Сучилин. С. 40—41.
Гусев. № 484.

5
Военная песня

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга —
За царя, за кровь, за родину.
Ты прости теперь, отец и мать,
Ты прости теперь, мой милый друг,
Ты прости теперь, и степь, и лес!
Дорогая жизнь — весь белый свет.
Гей, товарищ мой, железный штык!
Послужи ж ты мне по-старому:
Как служил ты при Суворове
Силачу-отцу, деду-воину.

Гей, сестра, ты, сабля острая!
Попируем мы у недруга,
Погуляем, с ним потешимся,
Выпьем браги бусурманские!
Уж когда мне, добру молодцу,
Присудил Бог сложить голову, —
Не на землю ж я сложу ее!
А сложить — сложу на груду тел...
Труба бранная, военная!
Что молчишь? Труба, дай волю мне.
В груди сердце богатырское
Закипело, расходилося!

Стихотворение Алексея Васильевича Кольцова (1809—1842). Впервые опубликовано в альманахе «Утренняя заря» (1842. С. 63). Посвящено поэту П. А. Вяземскому. Музыку писали композиторы Феофил Толстой (1840-е гг.) и Ц. Кюи (1911).

Публикации: НПП. С. 102; Пр. С. 72; С.-Пр.-1 и 2. С. 7—8.
Варианты: Калугин. С. 227—228.

6
Уж ты поле, мое поле

Уж ты поле, мое поле чистое,
Свет-раздолье мое, ты широкое!

Чем же, полюшко, приукрашено?
Приукрашено все цветочками,

Все цветочками, василечками,
Посреди-то поля част-ракитов куст,
Под кустом-то лежит тело белое,
Тело белое — молодой казак.
Молодой казак не убит лежит,
Не убит лежит, шибко раненный;
В головах у него бел-горюч камень,
Во руках у него сабля острая,
Во груди у него пуля быстрая.
«Уж ты, конь ли, мой конь, ты товарищ мой,
Ты ступай да беги во Русску землю,
Ты скажи-ка, скажи родному батюшке,
Поклонись-ка ты родной матушке,
Ты скажи-ка, скажи молодой жене,
Как женил-то меня бел-горюч камень,
Обвенчала меня сабля острая,
Молодая жена — пуля быстрая!»

Старинная солдатская (казачья) песня, известная по многим песенникам конца XVIII– начала XIX вв. Существовала в устной традиции до XX в. Текст песенника почти полностью совпадает с песней сборника Мякутин-II (С. 62).

Публикации: ПСК. № 26; С.- Пр.-1 и 2. С. 8

Варианты: Багизбаева. № 7; Варавва. № 80; Витязи. С. 398; Калугин. С. 310–311; Кирюхин. № 130, 131; Мякутин-II. С. 62; Соб.-I. № 381–396; 401, 402; 405–408; Путилов-1946. № 95; Самаренко-Этингер. № 94; Элиасов. № 265.

7

* * *

Вы, победные головушки солдатские!
Как на бой вы да на приступ люди первые,
А на жалованье — люди вы последние...
Как со вечера солдатам поход сказан был;
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко белу свету на приступ они двинулись.
Что не грозна туча подымалася.
Что не черные тут облака сходились, —
Загрела тут пальба орудийная,
Затрещала тут стрельба ружейная,
Подымается выше облака черный дым.
Что не камешки с крутых гор покатилися —
Покатилися с плеч головушки солдатские.
Что не алые ковры тут разостлалися —
Пролилась на землю кровь солдатская;
Что не белые лебедушки воскликнули —
Так воскликнули молоды жены солдатские.

Солдатская песня, известная по песенникам конца XVIII в. (Соб-VI. № 145).

Публикации: ВПРН. С. 22–23; С.-Пр.-1. С. 9; С.-Пр.-2. С. 8.

8

* * *

«Ты не пой, не пой, соловушка,
Ты не пой, сидя на веточке,
Не прельщай удалых молодцов
По ночам своими песнями!
Ах! не пой, не пой, ты, молодец,
Оставляй свои веселости,
Покидай ты платье цветное,
Проливай лишь слезы горькие.
Ты не знаешь и не чувствуешь,
Что назавтра вместе с солнышком
Отдадут тебя, ох! в рекруты.
Что со мною будет бедною,
Твоей матерью несчастною?» —
«Не тужи, моя родимая!
Не печалься так и слез не лей;
Не грусти, моя кормилица!
Не беда еще солдатом быть,
Я иду служить с охотою
И клянусь по доброй совести,
Что царю я православному
Послужу я верой-правдою,
Послужу, покуда будет мочь,

Там опять приду на родину,
Упаду к ногам родительским,
Обниму тебя я в радости
И скажу тогда с веселостью:
Слава Богу, я служил Царю».

Солдатская (рекрутская) песня, возможно, авторская стилизация под фольклорный текст. Близких вариантов в песенниках обнаружить не удалось. Особенность текста: оптимистическая концовка, обычно несвойственная рекрутским песням.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 9—10.

9

Слава вам, герои севера

(О войне 1812 года)

Слава вам, герои севера,
Нашим храбрым солдатушкам!
Подшутили над врагом своим,
Врагом веры православные,
Подшутили и потешились,
Скрепив сердце молодецкое,
Присмирели, приутихли вы,
Будто-будто и не видите
Всех затей его неистовых;
Будто-будто и не слышите
Стуку грозного цепей его,
Кои нес для вашей родины,
Для России и для всех самих.
Вы вступить уже дозволили
В царство русское, в престольный град;
Вы дозволили занять Москву.
Все народы изумилися,
Легковерные подумали:
«Умерла Россия славная»;
Из них добрые поплакали,
Вспомня, сколь для всех добра была!
Начался грабеж неслыханный,
Загорелись кровы мирные,
Запылали храмы Божии,
Полилися слезы горькие
У старушки каменной Москвы.
«Где вы, где, мои родимые? —
Начала так вопить она. —
Куда, други, разлетелися,
Соколы, орлы могучие?
Вы парили выше облака,
А теперь-то и в виду вас нет!
Как цвела я, красовалася,
Вы слеталися со всех сторон;
Вас кормила, вас поила я,
Веселила и покоила;
Было солнце — были вы со мной,
Настал черный день — покинули.
Иль сробели? — за неробким Бог!»

Р. Г. Заринь (Заррин).
Почтовая карточка. Пг., 1916

Соколы, орлы тут воскликнули
Богатырским громким голосом:
«Не тужи ты, мать родимая,
Не печалься, не горюй, Москва!
Скоро славу поновим твою,
Будет время, будешь выше всех,
Позавидуют сынам твоим.
Уж недолго горевать тебе,
А врагу недолго тешиться.
Всех его рабов бесчисленных
Мы отправим во сыру землю
Сказать нашим дедам, прадедам,
Что дела их у нас в памяти…
Что дела их у нас в памяти,
Что мы так же любим родину!»
Как воскликнули, так сделали
Соколы, орлы могучие:
Как снопы, враги попадали,
Побежали неоглядкою…
Слава вам, герои севера,
Нашим храбрым солдатушкам!
Велик Бог российский на небе.

Песня литературного происхождения — часть поэмы, посвященной генералу-фельдмаршалу, князю Петру Христиановичу Витгенштейну (1769–1843), который в 1812 г., командуя 1-м пехотным корпусом, преградил французской армии путь на Петербург. Текст, стилизованный под народную песню, неоднократно печатался в песенниках со второй половины XIX в.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 10–12.
Варианты: Альбрехт-Вессель. № 98 («1812»); ВП-1902. С. 8–10; П. С. 9–11; СП. № 70; СР. С. 9–10.

10
Солдатская песня

Не веселую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.
Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам и нас победили.
А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом:
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.
Я спою, как, покинув и дом и семью,
Шел в дружину помещик богатый,
Как мужик, обнимая бабенку свою,
Выходил ополченцем из хаты.
Я спою, как росла богатырская рать,
Шли бойцы из железа и стали —
И как знали они, что идут умирать,
И как свято они умирали!
Как красавицы наши сиделками шли
К безотрадному их изголовью,
Как за каждый клочок нашей русской земли
Нам платили враги своей кровью!
Как под грохот гранат, как сквозь пламя и дым,
Под немолчные, тяжкие стоны
Выходили редуты один за другим,
Грозной тенью росли бастионы.
И одиннадцать месяцев длилась резня,
И одиннадцать месяцев целых
Чудотворная крепость, Россию храня,
Хоронила сынов ее смелых…
Пусть не радостно, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Стихотворение Алексея Николаевича Апухтина (1840–1893) «Солдатская песня о Севастополе», написанное в 1869 г. как отклик на Крымскую кампанию 1853–56 гг.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 12–13.
Варианты: Соб.-VI. № 151, 193.

11
Варяг

Наверх вы, товарищи, все по местам —
Последний парад наступает,
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.
Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают.
Готовьтеся к бою! Орудья, снаряды
На солнце зловеще сверкают.
И с пристани верной мы в битву пойдем
Навстречу грядущей нам смерти,
За родину в море открытом умрем,
Где ждут желтолицые черти.
Свистит, и гремит, и грохочет кругом
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бесстрашный «Варяг»
Подобен кромешному аду.
В предсмертных мученьях трепещут тела;
Гром пушек, и дым, и стенанья,
И судно охвачено морем огня —
Настала минута прощанья.
Прощайте, товарищи, с Богом, ура!
Кипящее море под нами.
Не думали мы еще с вами вчера,
Что нынче умрем под волнами.
Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флота,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга».

Автор текста Евгения Михайловна Студенская (биографических сведений нет). Впервые текст был опубликован в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» (1904. № 4. С. 2) после стихотворения австрийского поэта и писателя Р. Грейнца (1866–1942) «Auf Deck, Kameraden, all' auf Deck...» под одним заглавием «Памяти "Варяга"». Само же стихотворение поэта, названное «Warjag», было напечатано в газете «Jugend» (1904, 12/25 февраля). Первым положил стихи на музыку музыкант 12-го гренадерского Астраханского полка А. С. Турищев. Первый раз песня прозвучала на приеме, устроенном императором Николаем II в честь офицеров и моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

Считается, что нынешний мотив песни возник в результате взаимодействия мелодий нескольких композиторов. В публикации В. И. Симакова имеются незначительные изменения в тексте по сравнению с оригиналом.

В песенниках текст появился в 1910-х гг. и получил широкое распространение в устной традиции. Песня неоднократно печаталась в лубках (Клепиков. С. 156. № 149), записывалась на граммофонных пластинках.

На мотив «Варяга» было создано несколько текстов: «В схватку товарищи» (Пр. С. 33–34; Пр.-Ю-1. С. 11–12; Пр.-Ю-2. С. 63–64) — автор Дядя Фиша (Ф. Шкулев); «Ревет и грохочет мортира вдали» (НПП. С. 75–76; Пр. С. 46–47; Пр.-Ю-1. С. 4; РиГ. С. 3–4;С.-Пр.-1. С. 5; С.-Пр.-2. С. 4–5); «Эй, дружно, товарищи, в бой со врагом» (Пр.-Ю-3. С. 6).

Публикации: ВПРН. С. 7–8; СП. С. 5 («Новый Варяг»); С.-Пр.-1 и 2. С.13–14.
Варианты: Витязи. С. 235 (ноты); Овчинников. С. 3–4.
Гусев. № 639.

12
Плещут холодные волны

Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской;
Носятся чайки над морем —
Крики их полны тоской.
Мечутся белые чайки,
Что-то встревожило их.
Чу! загремели раскаты
Взрывов далеких, глухих.
Там среди шумного моря
Вьется Андреевский стяг,
Бьется с неравною силой
Гордый красавец «Варяг».
Сбита высокая мачта,
Броня пробита на нем,
Борется стойко команда
С морем, врагом и огнем.

Пенится Желтое море,
Волны сердито шумят;
С вражьих морских великанов
Выстрелы чаще летят.
  Реже с «Варяга» несется
  Ворогу грозный ответ.
  «Чайки, снесите отчизне
  Русских героев привет!
Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть,
Что в битве врагу не сдалися,
Пали за русскую честь.
  Мы пред врагом не спустили
  Славный Андреевский стяг,
  Сами взорвали “Корейца”,
  Нами потоплен “Варяг”!»
Видели белые чайки,
Как скрылся в волнах богатырь,
Смолкли раскаты орудий,
Стихла далекая ширь...
  Плещут холодные волны,
  Бьются о берег морской;
  Чайки несутся в Россию —
  Крики их полны тоской.

Неизвестный художник.
Открытое письмо. Пг., 1916

Автор стихотворения Я. Репнинский (биографических сведений нет). Впервые было опубликовано в газете «Русь» (1904, 17 февраля (1 марта)), через 16 дней после гибели крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». На музыку было положено В. Д. Беневским и Ф. Н. Богородским. В публикации В. И. Симакова имеются незначительные изменения в тексте по сравнению с оригиналом.

Позднее текст неоднократно публиковался в песенниках и бытовал в устной традиции. Печатался в лубке (Клепиков. № 155, № 258).

Публикации: СП. С. 4; С.-Пр.-1 и 2. С. 14–15.
Варианты: Витязи. С. 18–19 (ноты; заглавие: «Отрядная песня отряда “Варяг” 3-й дружины»).
Гусев. № 638.

13
Умер бедняга
(Народная песня)

Умер, бедняга, в больнице военной,
  Долго, родимый, лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
  Тяжкий недуг доканал...
Рано его от семьи оторвали;
  Горько заплакала мать —
Всю глубину материнской печали
  Трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
  Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
  Рано она испила.

И протянул к нему с плачем ручонки
Мальчик, малютка грудной…
… Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш, по долгом пути;
Сдали его в государеву роту
Царскую службу нести.
С виду пригожий он был новобранец:
Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смышленый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным, открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами —
Ну, молодец-молодцом!
Был у ефрейтора он на поруке,
К участи новой привык,
Приноровился к военной науке —
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка:
В этом измайловце щеголеватом
Кто бы узнал мужика!
Он безупречно во всяком наряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.
Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И, подготовленный, он бы весною
В роту вернулся опять!
Славным со временем был бы он взводным…
Но не сбылися мечты!
…Кончились лагери! Ветром холодным
Желтые сдуло листы,
Серый спустился туман на столицу,
Льются дожди без конца…
В осень ненастную сдали в больницу
Нашего мы молодца.
Таял он, словно свеча, понемногу,
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.
Цынгу, все болезни, и холод, и голод
Русский солдат испытал,
Все ж под конец, перед самою смертью
Он Порт-Артур вспоминал:
«Крепость-то, крепость была неприступная,
Но все же пришлось нам отдать,
Долго сидели в засаде голодными,
Нечем нам было стрелять…»
Умер вдали от родного селения,
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословения
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полк о кончине его известили —
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела к военной больнице
Взвод был от нас наряжен…
По небу тучи неслись вереницей
В утро его похорон.
Выла и плакала снежная вьюга,
С жалобным воплем таким
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!
Вынесли гроб, привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтоб до угла хоть дойти:
Взводу до первого лишь поворота
Надо за гробом идти.
Дрогам во след мы глядели, глядели
Долго с печалью немой…
Перекрестились, шапки надели
И воротились домой…
Люди чужие солдата зароют
В мерзлой земле глубоко
Там, за заставой, лишь ветры где воют,
Где-то в глуши далеко.
Спи же, товарищ ты наш, одиноко,
Спи же, покойся себе
В этой могилке, сырой и глубокой…
Вечная память тебе!

К. Р.

Стихотворение К. Р. (великого князя Константина Константиновича Романова; 1858–1915). Впервые было опубликовано в его сборнике «Стихотворения» (1886. С. 175). Начиная с 1890-х гг. текст многократно

публиковался в песенниках. Был положен на ноты композитором Яковом Пригожим. Песня бытовала в народной среде в качестве «старинной рекрутской». Многократно записывалась на грампластинки. Одной из первых исполнительниц была Н. Плевицкая (1909 г.). Печаталась в лубке (Клепиков. № 149). В 1916 г. песня была экранизирована кинорежиссером Д. Сахненко.

По образцу песни был создан новый авторский текст: «Ранен герой наш на поле сраженья» (Пр.-Ю-3. С. 9–10).

Публикации: СП. С. 10–13; С.-Пр.-1 и 2. С. 15–18.
В песенниках после 1905г. добавлены строки:

Цингу, все болезни, и холод, и голод
Русский солдат испытал,
Все ж под конец, перед самою смертью
Он Порт-Артур вспоминал:
«Крепость-то, крепость была неприступная,
Но все же пришлось нам отдать,
Долго сидели в засаде голодными,
Нечем нам было стрелять…».

Варианты: Кулагина-Селиванов. № 22; Овчинников. С. 35–36.
Гусев. № 609.
См. также: *Иванова Т. Г.* Историко-культурный комментарий к стихотворению К. Р. «Умер бедняга в больнице военной…» // Русская литература. 2009. № 2. С. 136–158.

14
Трансвааль

Трансвааль, Трансвааль, звезда моя,
Ты вся горишь в огне.
Под деревцом развесистым
Задумчив бур сидел.
«О чем задумался, детина?
О чем горюешь, седина?» —
«Горюю я по родине,
И жаль мне край родной.
Сынов всех десять у меня,
Троих уж нет в живых,
А за свободу борются
Шесть юных остальных.
А старший сын, старик седой,
Убит уж на войне;
Он без молитвы, без креста
Зарыт в чужой земле.
Младой же сын в двенадцать лет
Просился на войну,
Но я сказал, что нет и нет;
Малютку не возьмут.
Я выслушал малюточку,
Обнял, поцеловал
И в тот же день малюточку
С собой в сраженье взял.
Однажды при сражении
Отбит был наш обоз,
Малютка на позицию
Ползком патрон принес.
Настал, настал тяжелый час
Для родины моей,
Молитесь вы, женщины,
За ваших сыновей.
Трансвааль, Трансвааль, страна моя, —
Бур старый говорит, —
За кривду Бог накажет нас,
За правду наградит».

В основе песни лежит стихотворение «Бур и его сыновья» Глафиры Адольфовны Эйнерлинг, писавшей под псевдонимом Г. Галина (1870–1942?), посвященное событиям англо-бурской войны 1899–1902 гг. Впервые вышло в свет в 1899 г. и сразу же попало в песенники, печаталось в лубке (Клепиков. № 286). В устной традиции стихотворение подверглось серьезной переработке. Текст В. И. Симакова наиболее близок записи В. Е. Гусева в Костромской области в 1959 г. (см.: Гусев. № 707).

Музыка М. Губченко.

Публикации: СП. С. 6–7; С.-Пр.-1 и 2. С. 18–19.
Варианты: Калугин. С. 389–390; Кирюхин. № 128; Овчинников. С. 103–104.
Гусев. № 631.

15
На сопках Манчжурии
(Новая народная песня)

Страшно вокруг, ветер на сопках рыдает,
Порой из-за туч выплывает луна
И могилы бойцов освещает.
Белеют кресты великих героев прекрасных,
Прошлого тени кружатся вокруг
И твердят нам о жертвах родимых.
Средь будничной тьмы, житейской обыденной жизни
До сих пор не можем забыть мы войны,
И льются горючие слезы.
Плачет отец, плачет жена молодая,
Плачут все, как один человек,
Злой рок и судьбу проклиная.
А слезы бегут, как волны далекого моря,
На сердце тоска и печаль и бездна великого горя.
Героев тела давно уж в могилах истлели,
Умершим последний мы отдали долг
И вечную память им пели.
Мир вашей душе!
Вы пали за Русь, за отчизну!
О, верьте, мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну.

Вальс, первоначально называемый «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии», был написан в 1906 г. полковым капельмейстером Ильей Алексеевичем Шатровым, героем боев между Мукденом и Ляояном, на текст поэта и прозаика Степана Гавриловича Скитальца (Петрова) (1869–1941). Ноты вальса стали продаваться с 1907 г., а с 1910 г. вальс многократно тиражировался на граммофонных пластинках. До сих пор бытует в устной традиции, текст песни варьируется.

Публикации: НПП. С. 82; Пр.-Ю-2. С. 70 («Новая народная песня»); Пр.-Ю-4. С. 11.

16
Шумел, горел пожар Московский

Шумел, горел пожар Московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах, вдали, кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди:
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.
И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил
И тихим голосом сознанья
Он сам с собою говорил:
«Зачем я шел к тебе, Россия,
Европу всю держа в руках?
Теперь с поникшей головою
Стою на крепостных стенах.

И. А. Владимиров.
Открытое письмо. Пг., 1916

Войска все, созванные мною,
Погибнут здесь среди снегов,
В полях истлеют наши кости
Без погребения, гробов».

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

В основе песни — стихотворение «Он» малоизвестного поэта и драматурга первой половины XIX в. Н. С. Соколова, опубликованное в книге «Поэтические эскизы» (1850. С. 36). Как народная песня печаталось в лубках с 1880-х гг. (Клепиков. С. 147, 156). Песня тиражировалась на грампластинках. В песенниках, из которых В. И. Симаков заимствовал текст, встречается с начала XX в. (см.: Гусев. № 686). В переработанном виде песня бытовала в устной традиции.

Во время Первой мировой войны текст в песенниках неоднократно перерабатывался применительно к новым условиям и новым врагам: «Шумел, гремел народ московский» (ШГНМ. С. 5); «Шумел, гремел пожар московский» (Кашеваров. С. 12); «Горел-шумел пожар Европы» (НВКП. С. 13–14; НПП. С. 87; ОнСС. С. 12; ПВВ.С. 12; Пр. С. 5; Пр.-Ю-2. С. 44); «Ревел-гудел пожар ужасный» (Пр.-Ю-3. С. 14); «Шумел Вильгельм» (Холодовский. С. 5–6). На тот же мотив Ф. Т. Яковлев сочинил песню «Над Млавой цеппелин несется. (Посвящается разоренному городу Млаве Полоцкой губернии)» (ДБП. С. 9–10; Пр. С. 59–61; Пр.-Ю-2. С. 37–39).

Публикации: СП. С. 13–14; С.-Пр.-1 и 2. С. 19–20; Пр.-Ю-2. С. 69.
Варианты: Калугин. С. 389–390; Элиасов. № 430.
Гусев. № 505.

17
Песня рекрута

Последний нынешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.

Заплачут мать и мои сестры,
Заплачут брат и мой отец.
Идти в солдаты выпал жребий,
И вольным дням пришел конец.

Еще заплачет дорогая,
С которой три года гулял.
Вести к венцу ее сбирался,
Любить до гроба обещал.

Телега быстро подкатила
Около дома моего;
В телеге старшие кричали:
«Готовьте сына своего».

Крестьянский сын, давно готовый, —
Семья вся замертво лежит;
Помчусь теперь я к жизни новой,
Царю, отечеству служить.

Песня неизвестного автора, часто печатавшаяся в песенниках с 1910-х гг. Была экранизирована в 1911 г. кинорежиссером А. Ханжонковым. Особую популярность приобрела в годы Первой мировой войны. Как народная песня печаталась в лубке (Клепиков. № 266) и тиражировалась на грампластинках (в 1910 г. ее записал Л. В. Собинов). Получила широкое распространение и до сих пор бытует в устной традиции. В сильно измененном виде исполнялась в годы Гражданской и Великой отечественной войн.

Существовала пародия на этот текст: «Последний нынешний денечек, страдаю с вами я, друзья (Песня германского солдата)» (О войне. С. 2–3).

Публикации: СП. С. 7 («Народная песня»); С.-Пр.-1 и 2. С. 20–21.
Варианты: Калугин. С. 455–456; Кирюхин. № 126; Кулагина-Селиванов. № 28; Овчинников. С. 82–83 (помета: «Записана со слов народа»).

18
С горем его снаряжали

С горем на службу отца снаряжали,
Горько рыдала семья —
Следа не видели, как провожали
Дряхлая мать и жена.
Милые дети его обнимали,
Жалко им было отца;
Что-то невнятно они лепетали,
С ним распрощались тогда.
Ждала бедняжек несчастная доля —
Ласки отцовской не знать;
Злая судьба посылала им горя —
Долго и тяжко страдать.

Бедная мать их взяла на ручонки,
Скрылся кормилец родной,
Шел по дороге в другие поселки,
Стал он во фронт строевой.
Молнии, гром от гранат и шрапнели,
Падали пули, как град,
Взрывы, в хаосе снаряды летели,
Трупы лежали подряд.
Умер бедняжка в сраженье на поле,
Долго несчастный страдал,
Плакал о детях, о горькой их доле,
Близких родных вспоминал.

Авторский текст, сочиненный в стиле рекрутских песен явно в подражание стихотворению «Умер бедняга...».

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 20–21.

19
Два гренадера

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.
Придется им слышать, увидеть
В позоре родную страну,
Их храброе войско разбито,
И сам император в плену.
Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат,
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят».
Другой отвечает: «Товарищ,
И мне умереть бы пора,
Но дома жена, малолетки,
У них ни кола, ни двора.
Да что мне! — просить Христа ради
Пущу и детей и жену;

Иная на сердце забота:
В плену император, в плену!
Исполни завет мой, коль здесь я
Окончу солдатские дни:
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию, там схорони.
И орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье!
И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу;
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу —
То он над могилою едет,
Знамена победно шумят!
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат».

Текст перевода стихотворения Г. Гейне «Die Grenadiere», сделанный Михаилом Ларионовичем Михайловым (1829–1865), — поэтом, переводчиком, прозаиком, публицистом. Впервые «Два гренадера» были опубликованы в журнале «Иллюстрация» (1846. № 40. С. 641). В песенниках печаталось с начала XX в. В сокращенном виде песня бытовала в устной традиции. Этот романс на музыку Р. Шумана входил в репертуар Ф. И. Шаляпина.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 21–22.
Гусев. № 461.

20
Помню, я еще молодушкой была

Помню, я еще молодушкой была,
Наша армия в поход куда-то шла;
Сумеркалось... я сидела у ворот,
А по улице — все конница идет.
Тут подъехал ко мне барин молодой,
Говорит: «Напой, красавица, водой».
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.
Долго-долго я тогда смотрела ему вслед;
Обернулась — помутился белый свет;
Всю-то ноченьку мне спать было невмочь —
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

А потом, уж как я вдовушкой была,
Пятерых я дочек замуж отдала,
К нам приехал на квартиру генерал,
Весь израненн — и так жалобно стонал.
Пригляделась... встрепенулася душа...
Это тот же прежний барин молодой;
Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его усах.
И опять я молодешенька была...
И опять я целу ночку не спала...
Целу ноченьку мне спать было невмочь —
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

Значительная переработка стихотворения поэта и прозаика Евгения Павловича Гребенки (1812–1848), опубликованного в журнале «Отечественные записки» (1841. Т. 19. С. 65). Музыку сочиняли разные композиторы, но наиболее известна музыка А. М. Ларме (1866). Широко распространена в устной традиции, где существовал особый народный напев. Особой популярностью пользовалась во время Гражданской и Великой отечественной войн. Входила в репертуар известных оперных и эстрадных певцов (Ф. И. Шаляпина, В. Паниной, К. Шульженко, Л. Зыкиной).

Публикации: ВПРН. С. 36–37; С.-Пр.-1 и 2. С. 23.

Варианты: Витязи. С. 191; Калугин. С. 207–208; Калугина-Селиванов. № 16; Мякутин-III. С. 150–152 (раздел «Песни при проводах в армию»); Элиасов. № 485 (раздел «Советский фольклор»).

Гусев. № 409.

21
Сунженец

Что ты, сунженец, не весел,
Беззаботный сорванец?
Что ты буйну голову повесил,
Или пуст твой гаманец?
Аль сердечная кручина
Завелася у тебя,
Аль изменница девица
В час условный не пришла?
Или ты коня лишился
В прошлом жарком ли бою,
Или с братом распростился
В басурманском ты краю?
«Это горе — нам не горе:
Не привыкли мы так жить,
Чтоб по ветреной девчонке
Сокрушаться и тужить!

И. А. Владимиров.
Открытое письмо. Пг., 1916

И потеря близких кровных
Так не тронула бы нас:
В схватках жарких и кровавых
Мы теряли их не раз!
С смертью мы давно сроднились,
Шли на верную не раз;
Пули, шашки и кинжалы
Были шуткою для нас!
И орел наш славный, гордый,
Ты куда не залетал,
Из каких ущелий темных
Ты врага не выгонял?
И какая неприступность
Нас могла остановить,
Когда наш победоносец
Впереди всегда летит!
Он орлом пред нами мчался,
Сам везде он успевал,
С шашкой он в толпы кидался
И дружину поощрял!
Из-за вала поразила
Пуля меткая его,
Наше счастье схоронила,
Жизнь отнявши от него.
Хоть врагам мы отплатили —
Их прогнали далеко,
Но потеря командира
В грудь запала глубоко.
Его друзья несли на бурке,
Он едва уже дышал,
И, собрав последни силы,
Свою волю завещал.
Потом с горестью простился
С полком Сунженским своим,
Душой к Богу обратился,
И расстались мы с ним.
Храбро, весело, отважно
Было с ним всегда служить,
И любовь его к нам, ласку
Нам вовек не позабыть.
Как же, братцы, нам не плакать,
Как нам горько не тужить,
Отца-друга командира
Кто нам может заменить?»

Песня 1-го Сунженского линейного казачьего полка, посвященная ее командиру (с 1845 г.) Николаю Павловичу Слепцову (1815—1851), погибшему в сражении с горцами на берегу реки Геки.

По сравнению с текстом, опубликованном в сборнике Д. Нагиева, имеются серьезные изменения. В частности, отсутствует последнее восьмистишье, в котором упоминаются Слепцов и другие исторические лица.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 23—25.
Варианты: Варавва. № 86; Нагиев. С. 166—168.

22
Тебя мы ждали круглый год

Тебя мы ждали круглый год
И ждали с сильным нетерпеньем —
Так сын отца к себе не ждет *(2 р.)*
С таким восторгом, восхищеньем.
И так невеста не страдает
В разлуке с милым женихом,
Как бедный полк наш унывает *(2 р.)*
И сир в отсутствии твоем.
Тебя не ждут так в целом войске,
И ты никем так не любим,
Тебя мы примем здесь по-свойски *(2 р.)*
И хлебом-солью угостим.
Скажи, бесценный атаман,
Скажи отрадное нам слово,
И мы все вспыхнем, как вулкан, *(2 р.)*
Врагам гостинцы уж готовы.
За веру, честь в бою с врагом
Мы станем грудию своей,
Готовы сделать жен вдовам
И встретить тысячу смертей.

Авторский текст неизвестного автора.

Публикации: ПСК. № 36 (примеч. к тексту: «Этой песней казаки и офицеры 1-го Сибир-ского казачьего полка встречали прежде вновь назначенного командира полка»).

23
Ай, во поле, полюшке

Ай, во поле, полюшке
Елочка стоит. (2 р.)
Елочка стоит
Зелененькая. (2 р.)
Ай, под той ли елочкой
Раненый лежит. (2 р.)
Раненый лежит, лежит,
Конь его стоит. (2 р.)
Конь копытом землю бьет —
Воды не достать. (2 р.)
«Тебе, тебе, конюшко,
Воды не достать, (2 р.)
А мне, добру молодцу,
От земли не встать». — (2р.)
«Вставай, вставай, молодец,
Полковник идет. (2 р.)
Полковник идет,
Армию ведет. (2 р.)
Армию ведет, ведет
Все не русскую, (2 р.)
Все не русскую —
Чужестранную». (2 р.)

Старинная солдатская песня (диалог между конем и раненым воином). Бытовала в устной традиции до середины XX в.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 25–26.

Варианты: Акимова. № 46; Элиасов. № 262, 264.

24
Утром ранней порой

Утром ранней весной
На редут крепостной
Раз поднялся пушкарь поседелый.
Брякнул шашки кольцом,
Повел длинным усом
И раздул свой фитиль нагорелый.
Он у пушки стоит,
Зорко в степь он глядит
Сквозь прозрачные волны тумана.
Пламя брызнуло вдруг,
Дым раздался вокруг,
И по крепости гул прокатился.
Чу! С редута палят,
Знать, идет супостат,
Не пора ли в поход собираться?
Живо шашки на ремень
И папахи набекрень —
Мы на помощь бегом побежали.
Промелькнул белый флаг
У высоких палат
Удальца-молодца атамана.
Наши кони резвы,
Наши шашки остры,
Наши ружья в врага попадают.
Как сибирский буран,
Прискакал атаман,
А за ним есаулы лихие.
Он на сером коне.
Грудь горит в серебре,
В тороках пистолеты двойные.
Он коня осадил,
Черный ус закрутил
И сказал нам: «Здорово, ребята!» —
«Ах, ура, атаман!» —
Разнеслось по рядам,
И казацкие шапки летели!
«Завтра в солнца восход
Собирайтесь в поход
Вы со мной, казаки удалые».
Рад в поход идти всяк.
Зажурился казак:
«Не жениться бы мне, молодому!
Я на Бога роптал,
Я судьбу проклинал,
Оставаться бы мне холостому!
Я бы рад на войну —

Жаль покинуть жену
С голубыми, как небо, очами!
Ну, и быть по тому!..
Я покину жену
И пойду наперед с молодцами!»

Текст приписывается Косьме Николаевичу Калачеву (1830—1915), военному врачу, поэту-любителю. Песня как народная вошла в казачий репертуар.

Публикации: ПСК. № 11 («Сибирский казак»; примечание к тексту: «… из жизни Сибирского казачьего войска времен киргизских набегов, первая четверть XIX столетия»); С.-Пр.-1 и 2. С. 26—27.

Варианты: Варавва. № 26; Листопадов-II. № 214 («Красноармейская песня»); Мякутин-III. С. 197—200 («Песни строевые»); Элиасов. № 309.

25
Трубочка

«Здорово, брат служивый,
Куришь ли табачок?
Трубка, что за диво,
Давай курнем, дружок! *(2 р.)*
Какая позолота
С резьбою по краям,
Чудная работа!..
Продай, брат, трубку нам?» — *(2 р.)*
«Нет, сударь, не промена,
Работа не моя,
Трубочка заветна,
Продать не в силах я. *(2 р.)*
Она у кирасира
Отбита на войне,
И в память командира
Досталась трубка мне. *(2 р.)*
Когда были в походе,
Я трубочку берег,
И месяцы и годы
Я прятал за сапог.
Когда было сраженье
Под Кременчугом,
Трубочки хватился
Я в сапоге потом. *(2 р.)*
Наш полк вперед несется,
Всех рубит наповал;

Неизвестный художник.
Почтовая карточка. Пг., 1916

Вот выстрел раздается:
Наш ротмистр с коня пал. *(2 р.)*
Кровь хлынула из раны,
И я скочил с коня —
Лучше б басурманы
Убили бы меня! *(2 р.)*
На счастье деревушку
Вблизи я увидал;
Я снес его в избушку
И сам остался там. *(2 р.)*
Какую страшну муку
Наш ротмистр претерпел;
Сжал мне крепко руку
И долго жить велел». — *(2 р.)*
«Спасибо, благодетель,
Друг души моей!
Будь же ты владетель
Трубочки моей!» *(2 р.)*

Основа песни — перевод баллады «Tobackspfeife» немецкого поэта Готлиба Конрада Пфеффеля (1736–1809), написанной в 1782 г. и спустя 12 лет положенной на музыку. Текст впервые опубликован в Собрании П. В. Киреевского (Вып. 10. С. 470). С 1880-х гг. встречается в песенниках. Возможно, что перевод принадлежит А. Д. Илличевскому, соученику А. С. Пушкина по лицею. По мнению В. Е. Гусева, песня исполнялась в солдатско-казачьей среде со времен русско-турецкой войны 1828–29 гг. Публиковалась в лубке (Клепиков. № 52) Многократно в течение многих лет записывалась в фольклорных экспедициях. Некоторые записи достигали 300 стихов.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 27–29.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 15; Витязи. С. 140; Калугин. С. 350–351; Калугина-Селиванов № 15 (фольклорная запись 1976 г.); Мякутин-III. С. 206–208 («Песни строевые»).

Гусев. № 674.

26

* * *

За рекой огонь горит,
В чистом поле дымно.
Пошли наши казаченки
Чуть ружьица видно. *(2 р.)*
Идут, идут казаченки —
Назад поглядают,
Тяжелехонько вздыхают,
Домы вспоминают.
Остаются наши домы,
Молодые жены,
Остаются наши семьи,
Маленькие дети.
Наши домы запустеют,
Жены завдовеют,
Завдовеют наши жены,
Дети сиротеют.
Как задумал казаченко
В поле померети,
Положил свою головку
На травку-муравку.
Как на травку, на муравку
Аленький цветочек.
Помер, помер казаченько,
Помер казак бравый.
Тело несут, коня ведут —
Он голову клонит.
Заржи, заржи, коник милый,
В последний разочек,
В последний разочек
Над казаком удалым.

Казачья песня, возможно авторская, с традиционными сюжетными мотивами: проводы казаков в поход и смерть казака в поле. В устной традиции существовала по XX в. включительно.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 29.

Варианты: Варавва. № 91; Кир.-VII. С. 43; Кир.-X. С. 93; Кир.-НС. № 1661; Кирюхин. № 84 («Походная казачья»); Листопадов-II. № 163; Соб.-I. № 429–431; Соб.-VI. № 290.

27
Прощай, любезная станица

Прощай, любезная станица,
Прощай, родная сторона!
Прощай, душа, красна девица,
И вы, предобрые друзья!
Простите, мать-отец родные,
Простите сына своего;
Смотрите все вы остальные
Часы прощанья моего.

Как сяду на коня, прощуся,
Слезами грудь всю омочу:
Бог знает, когда возвращуся
Опять на родину свою.
Теперь же службица невольно
Влечет меня в далекий край!
Кончалось все: любовь и дружба, —
Затмился мой прекрасный рай.

Чуть-чуть заря, заря забрезжит,
Иди на службу, хоть ты плачь,
Чужая маменька не скажет:
Возьми, сыночек, съешь калач!

Казачья песня, распространенная в устной традиции среди казаков разных областей Кубани, Дона, Терека, Оренбурга и т. д. до XX в. включительно. Обычно, как и песни «Последний нынешний денечек», «Прощай, отец и мать родные», «Прощайте, горы и долины», исполнялась при проводах казаков на военную службу.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 30

Варианты: Варрава. № 88; Листопадов-II. № 47, 48; Мякутин III. С. 150–151 (раздел «Песни при проводах казака на службу»); Путилов-1946. № 148; Соб.-VI. № 108.

28
Казаки

За Уралом, за рекой
Казаки гуляют
И стрелою каленой
За реку пущают.
Гей, гей, гей, ну, гуляй,
За реку пущают!
Казаки не простаки —
Вольные ребята,
Все на шашках тумаки,
И живут богато!
Гей, гей, гей, ну, гуляй,
И живут богато.
В темном лесе до полночи,
В поле разъезжают,
Все добычу стерегут,
Свищут, не зевают.
Гей, гей, гей, ну, гуляй,
Свищут, не зевают!
Наш товарищ — острый нож,
Сабля лиходейка;
Пропадем хотя за грош:
Жизнь наша копейка.
Гей, гей, гей, ну, гуляй,
Жизнь наша копейка!
Сладко выпьем, поедим,
Все горе забудем,
И уж больше по лесам
Мы ездить не будем.
Гей, гей, гей, ну, гуляй,
Мы ездить не будем!

Текст приписывается Косьме Николаевичу Калачеву (1830–1915), военному врачу, поэту-любителю. Песня как народная вошла в казачий репертуар, особенно была распространена среди уральских и сибирских казаков до XX в. включительно.

Чаще всего песня называется походной и пропускается куплет, который приведен А. И. Мякутиным, включившим текст в раздел «Песни разбойничьи»:

Вот сибирские купцы едут с соболями,
Налетим, братцы, на них, налетим орлами!
Гей, гей, живо, не робей!
Налетим орлами!

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 30–31

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 23 («Казацкая»); Багизбаева. № 14; Варавва. № 105; Витязи. С. 161; Кирюхин. № 97; Листопадов-III. С. 444–447; № 202–203; Лопатовский. № 72; НВП/СРВ. С. 8–9; НПВП.С. 29; Савков. № 254; Мякутин-II. № 28–29; 29–30; Элиасов. № 267.

29
Наливай чарку полней

Наливай чарку полней,
Бей врага, не жалей;
Против русского бойца
Нет такого удальца — ура!

Барабан, греми звучней,
Звени, песня, удалей;
Мы знамена разовьем,
Да и в бой с врагом пойдем — ура!
Таков Скобелев приказ,
Уж таков его устав:
Иди в ногу, не робей,
На врага при удалей — ура!

Вражей пули не страшись,
Крепче друг к другу держись;
Метче пулю в врага пли,
А штыком сильней коли — ура!
Вот враг близко... Подошли
И в штыки наши пошли.
Ура, ура, ура, ура
Сила русская взяла!

Песня времен русско-турецкой войны 1877—78 гг. В конце 1870-х гг. вошла в песенники под названием «Наказ Скобелева».

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 31—32.

Варианты: ВП-1896. С. 14—15 («Приказ Скобелева»); НПВП. С. 10 («Наказ Скобелева»); Савков. № 55; Сучилин. С. 42.

30
Шашка

Не грусти, моя родная,
В черных траурных ножнах.
Скоро, искрами сверкая,
Загоришься ты в руках.
Там, за темною далью,
Есть старинные враги.
Не скучай же ты печалью,
Жди, надейся и терпи!
И когда мгновенье грянет
Грохот пушки боевой,
Православный Царь восстанет
Гневом праведным, грозой.
Послужи ему, родная,
И по вражьим головам

Ты скачи, крутись, сверкая,
В честь прошедшим временам.
За Царя, за Русь, за веру
Силой верной послужи
И по старому примеру
Дерзких грозно накажи...
Серебром тогда и златом
Я украшу рукоять,
И, красуяся агатом,
Будешь ярко ты сверкать.
А теперь пока, родная,
Спи, покойся, отдыхай
И, о будущем мечтая,
Славной брани ожидай!

Популярная солдатская песня; особенно распространена была в казачьих войсках. В песенниках — с 1870-х гг.

Публикации: ПСК. № 31 (примечание к тексту: «Одна из любимых песен М.Д. Скобелева, когда он в чине штаб-ротмистра командовал 9-й сотней Сибирского казачьего войска, сформированной из казаков Пресновской и Пресногорьковского станиц 1-го военного отдела в <18>60 и <18>70 гг.»); С.-Пр.-1 и 2. С. 32—33.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 22 («Кавказская»); Варавва. № 201; Калугин. С. 354—356 («Стрелковая [«Винтовка»] и кавалерийская [«Шашка»], исполнявшиеся на один мотив»); Лопатовский. № 56; ПСН. № 41; СП. № 52; Мякутин III. С. 180—181 (Отдел X. Песни строевые); Мякушин. С. 131. № 26 (раздел «Военные песни»; комментарий к тексту: «Песня эта, не будучи произведением уральцев, весьма сильно распространена между ними и всегда поется во всякой задушевной компании, а в особенности в строевых частях, вследствие чего и помещается в настоящий “Сборник”»); Нагиев. № 51; ПС-1903. С. 60—61; Савков. № 174.

31
* * *

Где мой конь вороной,
Где булатный мой меч?
Я прощусь с женой
И помчуся на сечь.

За отчизну побьюсь,
Обо мне не тужи:
Я оттуда вернусь
Со крестом на груди.

Не отдамся живой
На добычу врагам
И своею рукой
Кровью выкуп отдам.
Нам Царь белый — отец
А Россия нам — мать
И в родстве, наконец,
Наша храбрая рать.

Так прощай же, жена,
О победе молись,
Будь до гроба верна
И не плачь, не крушись!..
Есль ж в битве паду
Я от вражей руки,
Об одном вспомяни:
Я со славой умру.

Популярная казачья песня неизвестного автора, сложенная, очевидно, в начале второй половины XIX в. В конце 1880-х гг. издавалась в лубке (Клепиков. № 33).

Публикации: Пр. С. 12; Пр.-Ю-2. С. 43; С.-Пр.-1 и 2. С. 33; ПСК. № 32 (примечание к тексту: «Любимая песня командира 1-го полка С. А. Елгаштина, сослуживца М. Д. Скобелева в конце <18>60 и начале <18>70 гг.»); Кашеваров. С. 11; ШГНМ. С. 10. Варианты: Альбрехт-Вессель. № 14; Молчанов. (I. «Песни военные»). С. 30–31; ПВПНХ. № 17.

32

* * *

Ну, ребята, марш домой!
Вольно, врассыпную...
Службу кончили и пой —
Гаркнем удалую!
    Было время — Царь смотрел,
    Молвил вам «спасибо»...
    В битвах полк наш не робел,
    В нуждах — рак был рыба.
Громче, музыка, гуди —
Весело с тобою...

Слышь, ретивое в груди
Словно рвется к бою!
    По пути нам стал народ,
    С окон смотрят лица.
    Воин русский не урод —
    Взгляньте, молодицы!
Ну, ребята, что дремать,
Живо да дружнее;
Время кашу, щи хлебать,
Со дна горячее!

Неизвестный художник.
Почтовая карточка.
Пг., 1916

Популярная солдатская (казачья) походная песня ряда полков. Скорее всего, была создана в период турецких войн.

Публикации: БКП. С. V («Песня после учения»); С.-Пр.-1 и 2. С. 34.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 54 («Припевок»); Витязи. С. 136 («После учения»); Калугин. С. 382—383; Лопатовский. № 69; Мякутин-III. С. 213—214 («Роспуск казаков со службы»); НВП/СРВ. С. 22 («Ребята, домой»); НПВП. С. 14 («Песня после ученья»); ПВ. № 54 («Песня после ученья»); ПВПНХ. № 54 («Песня после учения»); ПСН № 5 («Песня после ученья»); СП. С. 60—61 («Песня после ученья»); Савков. № 262; С. 14; Сучилин. С. 6—7 («Песня после ученья»).

33
Слышно, бьют тревогу

Слышно, бьют тревогу,
Становись в ряды,
Помоляся Богу,
В поле выходи.
Тихо катит волны
Старый друг Дунай,
Ночи сумрак темный…
Ну, брат, не зевай!
Наведем понтоны,
Немец спать не плох,
Двинем мы колонны —
Пронеси нас Бог!
Мешкать нам не время,
Нужно воевать,
Басурманов племя
В полон забирать.
Не давай пощады:
Залп, да и в штыки,
Бросимся мы в шашки,
Счеты коротки.
Но назад не пяться,
Нельзя отступать,
Ради русской чести
Лучше умирать!
Живым в плен сдаваться —
Боже сохрани!
Будут надругаться
Над тобой они.
Смелым Бог владеет,
Нечего робеть;
Если одолеют,
Лучше умереть.

Солдатская песня времен русско-турецкой войны 1877—78 гг. Полковая песня 57-го Модлинского пехотного полка. В сборнике Симакова «турки» заменены на «немцев». Бытовала также в казачьей среде.

Публикации: ПСК. № 43 («Покорение Кокандского царства в 1875—1876 гг.»); С.-Пр.-1 и 2. С. 34—35.

Варианты: Витязи. С. 82; Мякутин-I. С. 118—119; Савков. № 28.

34
Под ракитою зеленой

Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал
И к груди, штыком пронзенной,
Крест свой медный прижимал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Над ним вился черный ворон,
Чуя лакомый кусок.
«Ты напрасно, хищный, вьешься
Над моею головой;
Ты добычи не дождешься —
Я солдат еще живой».
Вдруг раздался крик военный,
Снова грянул жаркий бой,
И, к раките прислоненный,
Услыхал его герой.
Услыхал и приподнялся,
Как мертвец среди могил;
Услыхал, за шашку брался —
И упал, лишенный сил.

«Вы послушайте, ребята,
Посмотрите, егеря,
Что последний долг солдата
Был за Русь и за Царя».

Текст был написан 14 мая 1831 г. после сражения под Остреленкой с польскими повстанцами. Первая публикация в газете «Русский инвалид» (1831. № 227. 8 сентября); в том же году вышло отдельное лубочное издание (Клепиков. № 101). Автором стихотворения, вероятно, был Николай Федорович Веревкин (ок. 1800 — после 1837), унтер-офицер Невского пехотного полка, участник русско-персидской войны 1826—28 гг., русско-турецкой войны 1828—29 гг., польской кампании 1830—31 гг. Со второй половины XIX в. песня в переработанном виде вошла в казачий, солдатский и крестьянский репертуар. Известны переработки в годы Первой мировой, Гражданской и Великой отечественной войн. Многократно записывалась фольклористами и в советское время (см.: Гусев. № 676).

Публикации: Малахов. № 43 («Казачья новая песня»); Пр. С. 21; Пр.-Ю-2. С. 7; РиГ. С. 11.

Варианты: Витязи. С. 141, 410; Кулагина-Селиванов. № 25 (фольклорная запись 1970 г.); Листопадов-II. № 145; Овчинников. С. 4—5; Самаренко-Этингер. № 102.

35

* * *

Уж, как пал туман
На сине море,
А злодей-тоска —
В ретиво сердце.
Не сойдет туман
Со синя моря
И не выйдет грусть
Зла из сердца вновь.
Не звезда блестит
Во чистом поле,
Во чистом поле
Огонек горит.
У огня постлан
Ковер шелковый,
На ковре лежит
Добрый молодец.
Он прижал платком
Рану смертную,
Унимает кровь
Молодецкую.
Подле молодца
Стоит добрый конь,
Он копытом бьет
По сырой земле.
Будто молвить он
Хочет молодцу:
«Ты вставай, вставай,
Добрый молодец!
Ты седлай, седлай
Коня доброго;
Послужу тебе
Верой-правдою».
Отвезу тебя
В нашу сторону,
К отцу-матери,
К роду-племени.
К милым детушкам,
К молодой жене».
Тяжело вздохнул
Добрый молодец;
Его крепка грудь
Подымается,
Руки белые
Опускаются.
Рана смертная
Растворяется,
Кровь горячая
Полилась ручьем.
Тут промолвил он
Своему коню:
«Ох, ты конь, мой конь,
Лошадь добрая!
Ты товарищ всей
Моей участи,
Добрый пайщик ты
Службы княжеской!
Ты ступай один
В нашу сторону,
Ты отдай поклон
Отцу-матери,

С. Я. (И.) Видберг (Витберг). Почтовая карточка. Пг., 1916

Милым детушкам,
Роду-племени.
Ты скажи моей
Молодой вдове,
Что женился я
На другой жене,
Что за ней я взял
Поле чистое;
Нас сосватала
Сабля острая.
Положила спать
Калена стрела.

Старинная песня неизвестного автора, сочиненная в первой половине XVIII в. С конца того же столетия встречается в печатных песенниках. В комментарии к тексту В. Е. Гусев (С. 989) отмечает, что знаменитый представитель русского Просвещения Н. А. Львов (1753—1803) указывал, что, по семейному преданию, песню сочинил его дед — Петр Семенович Львов, когда раненым возвращался из Персидского похода 1722—23 гг. Музыку к этому произведению писали Д. Н. Кашин и А. Л. Гурилев. Песня бытовала и в устной традиции.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 35—37.
Варианты: Соб.-I. № 381—405 (тексты из печатных песенников конца XVIII —начала XIX в. и более поздние публикации). Гусев. № 101.

36
Друзья, под знамя соберемся

Друзья, под знамя соберемся,
Пойдем в далекий трудный путь:
Умрем со славой иль вернемся —
На лаврах дома отдохнуть.
За честь родной земли мы ляжем
Все до единого в бою
Иль чрез тела наши покажем
Им путь на родину свою.
Мы не трусливого десятка,
Не устрашат нас ни враги,
Ни бой, ни смерть, ни просто схватка,
Нам Царь и вера дороги.

Солдатская песня, известная по песенникам со второй половины XIX в.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 37—38.
Варианты: НПВП/ПСПВ. С. 20; ПСП-1903. С. 31. Савков. № 60; СП. № 29; Сучилин. С. 27.

37
Над Дунаем, над рекой

Над Дунаем, над рекою,
В бусурманской стороне,
Умирая после бою,
Воин молвил слово мне:
«Отнеси, брат, в край любимый
После дружных похорон
Челобитьице домой
И родимому поклон!..
А жене? Своя ей воля
Стать другой раз под венец:
Видно, брат, моя недоля
И жене не муж — мертвец!
Весть снеси вдове такую:
Что женат я на другой,
Что с другою век векую
Я под крышей вековой.
Что за нею на погосте
Взял я каменный накат,
Пуля — сватала, а гости
Были пушки, да булат».

Солдатская (казачья) песня, очевидно, созданная в период русско-турецкой войны 1876–77 гг.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 38.
Варианты: Бродяга. С. 7–8; НВП/СРВ. С. 8–9; НПВП. С. 34–35; Сучилин. С. 28–29 («Заветные слова»).

38
Спите, орлы боевые
(Новая песня)

Спите, орлы боевые,
Спите со спокойной душой;
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.
Долго и тяжко страдали
Вы за отчизну свою,
Много вы грома слыхали,
Много и стонов в бою.
Ныне, забывши былое —
Раны, тревоги, труды,
Вы под могильной землею
Тесно сомкнули ряды.
Спите ж, орлы боевые,
Спите со спокойной душой;
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.

Текст К. И. Оленина «На братской могиле» впервые опубликован в его сборнике «Стихотворения» (М., 1906. С. 24). Очевидно, сочинен под впечатлением русско-японской войны 1904–05 гг. В том же 1906 г. московский композитор И. Корнилов сочинил музыку на этот текст. Во время Гражданской войны песня была популярна среди солдат и офицеров белой гвардии.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 39.
Варианты: Калугин. С. 534–535.

39
Взвейтесь, соколы, орлами

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно дома горевать,
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.
Там бел-город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят.
Там едва заря настанет,
Строй пехотный закипит,

Барабаном в небо грянет
И штыками заблестит.
Закипит когда войною
Богатырская рука,
Строй на строй пойдет стеною
И покатится «ура!»
Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно дома горевать,
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Солдатская авторская песня времен кавказских войн. В песенниках со второй половины XIX в.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 39—40.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 12; Витязи. С. 131; НВП/СРВ. С. 12; ПВ-1864. № 61; ПВПНХ. № 61; ПСН. С. 22; Сучилин. С. 45—46.

40
Кончен, кончен дальний путь

«Кончен, кончен дальний путь,
Вижу край родимый!
Сладко будет отдохнуть
Мне с подружкой милой!
Долго в грусти ждет она
Казака младого...
Вот забрезжила луна
С неба голубого,
И веселый Дон течет
Тихою струею;
В нетерпенье конь мой ржет,
Чует пред собою
Он траву родных брегов,
Где в счастливой доле
Средь знакомых табунов
Он гулял по воле.
Верный конь, скачи скорей
И, как вихрь, ты мчися,
Лишь пред хатою моей
Ты остановися!»
Так казак спешил домой,
Понукал гнедого.
Борзый конь летит стрелой
До дому родного...
Вот приблизился донец
К своему селенью...
«Стой, товарищ, стой! конец
Нашему стремленью!»
Видит он невестин дом,
Входит он в светлицу
И, объяту сладким сном,
Будит он девицу:
«Встань, коханочка моя,
Встань-ка, улыбнися,
Поцелуй скорей меня,
И к груди прижмися!
На полях страны чужой
Я дышал тобою, —
Видно, для тебя одной
Сохранен судьбою».
Что же милая его?
Пробудилась, встала
И, взглянувши на него,
В страхе задрожала.
«Наяву или во сне
Зрю тебя, мой милый?
Ах! недаром же во мне
Сердце приуныло.
Долго я ждала тебя
И страдала в скуке,
Сколько слез я пролила
В горестной разлуке!
И, отчаясь зрить тебя,
Быть твоей женою,
Отдалась другому я
С клятвой роковою...» —
«Ну, так Бог с тобой», — сказал
Молодец удалый
И — к воротам, где стоял
Конь его усталый.
«Ну, сопутник верный мой, —
Он сказал уныло, —
Нет травы тебе родной,
Нет мне в свете милой».
Словом, сел он на гнедка,
Шевельнул уздою,
Дал он шпоры под бока —
Борзый конь стрелою
Полетел в обратный путь
От села родного.

Но тоска терзала грудь
Казака младого;
Он последний раз взглянул
На страну родиму
И, невольно воздохнув,
Скрылся в даль незриму.
Что и родина, коль нет
Ни друзей, ни милой!
Ах, тогда нам целый свет
Кажется могилой!

Стихотворение Александра Христиановича Дуропа (1796—после 1847), опубликовано в 1818 г. в журнале «Соревнователь» (Ч. 3. С. 242). В песенниках появляется с 1830-х гг. В устном бытовании стихотворение претерпело значительные изменения и сокращения. В фольклорной традиции неоднократно фиксировалось советскими фольклористами. Наиболее распространена песня, начинающаяся словами «При лужке, лужке, лужке» (см.: Гусев. № 667).

На мотив песни сочинялись новые тексты: «Франц-Иосиф приуныл» Ф.Т. Яковлева (ДБП. С. 5—6; НПП. С. 125—127; Пр. С. 23—25; Пр.-Ю-2. С. 17—19; Пр.-Ю-3. С. 11—12).

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 40—42.

Варианты: Лопатовский. № 70; Мякутин-II. С. 151—152 (раздел «Песни при проводах казака на службу»); Савков. № 209; Сучилин. С. 61—64: Элиасов. № 115, 119.

Гусев. № 205.

41
Наш полк[40]

Наш полк в поход идет; } bis
Прощай, голубушка моя! }
Как нежно соловей поет
У милой под окном!
Дни наслажденья и любви
Прошли блаженным сном!
Прощай, голубушка, прощай, } bis
Расстаться должно нам! }
Прощай, прощай…
Наш полк в поход идет; } bis
Прощай, голубушка моя! }
Свернул я ранец и туда
Вложил письмо твое!
Уйдем, Бог знает, мы куда —
В нем счастье все мое!
Прощай, голубушка, прощай, } bis
Расстаться должно нам! }
Прощай, прощай…
Наш полк в поход идет; } bis
Прощай, голубушка моя! }
Знамена вынесли вперед,
Труба гремит поход.
Так дай же ручку мне свою
В последний, может, раз!
Прощай, голубушка, прощай, } bis
Расстаться должно нам! }
Прощай, прощай…

Неизвестный художник «В».
Почтовая карточка. Пг., 1916

Солдатская авторская песня. Публикаций в других сборниках не обнаружено.

42
* * *

Станем, братцы, собираться,
Весело пришлось гулять!
Станем пить — не напиваться,
Милых нежно забавлять!
На Руси теперь веселье —
Время гроз уже прошло.
Со славой нашей всех спасенье
Красным солнышком взошло.
И в старинушку, бывало,
От Руси не без чудес;
Мало нас всегда пугало,
Кто б себя как ни вознес.
Мы Мамая поразили,
Пал пред нами бурный Швед;
Фридедрикуль уступили
Мы на поприще побед.
И теперь, как ополчился
Против нас Наполеон,
Удалец сей посрамился,
И невесть уже где он.
Видно, небесам угоден
Наш надежда-Государь,
Он у нас на все способен:
Он по сердцу Божий Царь!

Солдатская авторская песня, посвященная войне 1812 г.

Публикации: П.-Ю.-2. С. 28 («Веселие Руси»).

Варианты: Витязи. С. 198; Кир.-Х. № 13. С. 160–161 (с пометой «Появилась прежде в "Сыне Отечества", а с 1814 г. в числе "народных" песней <так!>, повсюду до половины 20-х годов»); Савков. № 247.

43
Друзья, товарищи, простите

Друзья, товарищи, простите,
Лечу в кровавый бой стрелой,
Напрасно удержать хотите:
Мне смерть — отрада и покой.
Живите, счастьем наслаждайтесь,
Коль счастлив в мире человек,
Но если можете, старайтесь
Позолотить железный век.
Поверьте, все на свете ложно,
Мы видим призраки одни,
А если быть счастливым можно,
То верно от одной любви.
И я любил. Но мне судьбою
Присуждено лишь слезы лить.
Война, война, дышу тобою,
Спешу страданья прекратить!

Авторская солдатская песня, возможно, судя по стилю, сочиненная в офицерской среде в первой половине XIX в.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 42–43.

Варианты: Калугин. С. 318–319; СП. № 29; Савков. № 128; Сучилин. С. 27.

44
Прощание ратника

Достался жребий мне святой:
Иду я за Дунай!
Там наши русские полки...
Родимая, прощай!
Ты плачешь, мать моя? О чем?
О чем твоя тоска?
Ужель о том, что сын идет
В могучие войска?
Ах, мать! желаний славных рой
Кипит в моей груди...
За дело родины мы все
Должны быть впереди!
Ужель в тот час, когда вся Русь,
Как человек один,

Встает, — останусь дома я,
Твой честный, бодрый сын!
Не плачь! Утешься! А меня
Достойным назови
И в дальний путь, великий путь,
Скорей благослови!
Благослови и пожелай,
Чтоб сын любимый твой
Был первый воин, первый брат
И первый был герой.
Прощай! На нас, богатырей,
Дивится целый свет.
Прославлен Шипкинский проход!
Прославлен Баязет!
Достался жребий мне святой:
Иду я за Дунай!
Там наши русские полки…
Родимая, прощай!

Стихотворение Ивана Кузьмича Кондратьева (1849–1904) — поэта, прозаика, драматурга, посвященное русско-турецкой войне 1876–77 гг. Публиковалось в лубке (Клепиков. № 205).

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 43–44.
Варианты: ВП. С. 31–32; Савков. № 74; Сучилин. С. 31–32.

45
* * *

Вспомним, братцы, русских славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу,
Лучше смерть, чем в рабстве жить!
Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!
Под Варшавскими стенами,
У российских у дверей,
Будем биться со врагами,
Не пропустим злых зверей.
Враг строптивый мечет громы,
Храмов Божьих не щадит,
Топчет нивы, палит домы,
Змеем лютым в Русь летит.
Русь святую разоряет,
Нет уж сил владеть собой;
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!
Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем.

Произведение поэта, публициста, прозаика Федора Ивановича Глинки (1786–1880), сочиненное в духе народных песен. Примечание к тексту: «Солдатская песнь, сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года. На голос: “Веселяся в чистом поле”»..

В песенниках с начала и до конца XIX в. (Новый всеобщий песенник… СПб., 1814. С. 12–13).
Варианты: Калугин. С. 67–68; Сучилин. С. 49–50.

46
Полночь наступает

Полночь наступает,
Луна горит светло,
Отряд наш выступает
С бивуака своего.
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Германские долины —
Кладбище удальцов.
Идем мы тихо, стройно,
Подходим мы к горам:
Германские долины
Виднеются пред нам.
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;

Германские долины —
Кладбище удальцов.
Полковник Комаровский
По фронту проскакал:
«Ребята, не робейте» —
Он громко нам сказал!
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Германские долины, —
Кладбище удальцов.
Пойдем вперед, ребята,
Помощник с нами Бог,
Собьем мы супостата
И в пух их разобьем.
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Германские долины —
Кладбище удальцов.
Пришли на те поляны,
Где кровь лилась рекой,
Где русские дружины
Дрались за край родной.
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Германские долины —
Кладбище удальцов.
Кукушка вестовая
О смерти говорит,
А пуля роковая
Нас с жизнью примирит.
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Германские долины —
Кладбище удальцов.
Прощай, моя невеста,
Родительский мой дом:
Мне мать-земля постеля
И вечный мне покой.
Горные вершины,
Я вас вижу вновь;
Германские долины —
Кладбище удальцов.

И. А. Владимиров.
Открытое письмо. Пг., 1916

Песня 3-пехотной дивизии, участвовавшей в русско-турецкой войне на Балканах в 1876—77 гг. Полковник, граф Д. Е. Комаровский был тогда командиром 10-го пехотного Новоингерманландского полка и неоднократно назначался начальником отряда. Песня получила распространение в солдатской и казачьей среде. При этом менялось, во-первых, название долин (напр., у оренбургских казаков — турецкие долины; в песеннике В. И. Симакова — германские долины); во-вторых, исчезала или заменялась фамилия командира (напр., у оренбургских казаков — начальника батареи или убитого полковника); в-третьих, текст существенно варьировался. Имеются сведения, что эта песня посвящена событиям русско-турецкой войны, взятию крепости Карс в ноябре 1856 г.

Публикации: ПСК. № 44 (с пометой «Это последняя песня о ряде кокандских боев, составлена в 1876 г.»); С.-Пр.-1 и 2. С. 44—45.
Варианты: ВП-1896. С. 23—24 («Переход через Балканы (переложена из старой кавказской песни)»). С. 24—26; Витязи. С. 240; Калугин. С. 280—281; Мякутин-I. С. 205—206 (В песню вставлено имя командира 8-й оренбургской сотни полковника Есипова, убитого в бою); С. 220; Нагиев. С. 93—95; Савков. № 267, 269; Сучилин. С. 14—16.

47
Новая солдатская песня

Ну-ка, русские солдаты,
Пойдем с немцем воевать,
Чтобы не мог уж боле
Нас немчур обижать!
И за правое мы дело
Скорым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!
Честью их не убедили,
Час от часу немец злей...
Если кашу заварили,
Значит, масла не жалей.
И за правое мы дело
Скорым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!
Долго мы на них смотрели,
Ублажали эдак, так!
Если ж честью не хотели,
Так пожалуйте на штык.
И за правое мы дело
Скорым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!
Ваша хитрость не поможет,
Штык ведь русский — молодец:
Он скорей всего положит
Безобразию конец!
И за правое мы дело
Скорым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!
Немцам спеси поубавим,
Их ведь нужно поучить,
И, наверное, заставим
Посмирней немножко жить
И за правое мы дело
Скорым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!
Мы вас живо урезоним,
Русских знает целый свет:
Беззащитного не тронем,
А врагу пощады нет.
И за правое мы дело
Скорым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!
И с ухваткой молодецкой
Быстро двинемся вперед,
Берегися, царь немецкий,
Русь великая идет!
И за правое мы дело
Быстрым шагом марш вперед!
Будь смелее — цель вернее,
Русский храбростью берет!

Строевая песня Первой мировой войны, представляет собой переделку песни времен русско-турецкой войны 1876—77 гг.: «Ну-ка русские солдаты, пойдем с туркой воевать» (Боевые кавалерийские песни. М., 1914. С. V—VI).

Публикации: Кашеваров. С. 8—10; С.-Пр.-1 и 2. С. 45—47.

48
* * *

Славные ребята, донски казаки,
Смелы и отважны и очень лихи!
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Шашки их и пики — ужас для врагов,
Отдубасят немцев, да и был таков!
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Шапку посодвинув лихо набекрень,
Он на поле брани бьется целый день.
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Расскажу вам, братцы, случай был таков:
На штык десять немцев как поднял Крючков!

Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Послан на разведку был Крючков Кузьма,
С ним еще четыре храбрых казака!
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Не теряя время, только вчетвером
Понеслись казаки весело рядком.
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Выехавши в поле, увидав вдали
Под горою, в поле — немцы залегли.
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Гей, ты гей, ребята, нам ли тут зевать,
И стрелой помчались на немецку рать.
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Струсили тут немцы казаков лихих,
А ведь было с лишком три десятка их!
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!
Плохо стало немцу: прямо и с боков
Так и рубит шашкой наш Кузьма Крючков.
Гай, гай, браво! Казаки
Смелы и отважны и очень лихи!

Казачья строевая песня, посвященная подвигу Козьмы Крючкова в самом начале войны.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 47–48.

49
Как Виля брал Варшаву

(Песня сложена после первого нападения немцев на Варшаву в октябре-ноябре 1914 г.)

Закрутил Виля усы
В виде швабской колбасы.
Это правда, это правда,
В виде швабской колбасы!
Пьет пивишко, улыбается,
Взять Варшаву собирается.
Это правда, это правда,
Взять Варшаву собирается!
Эх, для нас ли, для вояк,
Взять Варшаву же пустяк!
Это правда, это правда,
Взять Варшаву же пустяк!
Шлет гонца Виля с приказом —
Взять Варшаву одним разом!
Это правда, это правда,
Взять Варшаву одним разом
И пошла немецка рать
Русскую Варшаву брать.
Это правда, это правда,
Русскую Варшаву брать!
Бьются день, бьются два —
Все ж Варшава не видна.
Это правда, это правда,
Все ж Варшава не видна!
Но на деле друго вышло:
Стало немцу ух как кисло!
Это правда, это правда,
Стало немцу ух как кисло!
Видит Виля — дела плохи,
Завздыхал он: охи, охи!
Это правда, это правда,
Завздыхал он: охи, охи!
Стал он думать да гадать,
Как назад-то хоть удрать.
Это правда, это правда,
Как назад-то хоть удрать!
Русски бьют без передышки —
Всему войску будет крышка.
Это правда, это правда,
Всему войску будет крышка!
И пустилась прусска рать,
Что есть силы удирать!
Это правда, это правда,
Что есть силы удирать!
От Варшавы без оглядки,
Засверкали только пятки.
Это правда, это правда,
Засверкали только пятки!
Мы же маху не давали,
Сзади жару поддавали.
Это правда, это правда,
Сзади жару поддавали!

Подбодряли, веселили,
В них из пушечек палили.
  Это правда, это правда,
  В них из пушечек палили!
И несметна прусска рать
Улеглась навеки спать!
  Это правда, это правда,
  Улеглась навеки спать!

Из живых кто и ушел,
Без скулы домой пришел!
  Это правда, это правда,
  Без скулы домой пришел!
Долго, долго будешь знать,
Как Варшаву русску брать!
  Это правда, это правда,
  Как Варшаву русску брать!

В сборнике В. И. Симакова «Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т. д.» (Пг., 1915. С. 78—80) к этой шуточной песне имеется примечание: «Доставлена из действующей армии, записанная от солдат прапорщиком А. Рывкиным». В сборнике В. И. Симакова «Новейший военный песенник. Прапорщик» (М., 1916) дается следующее примечание: «Песня сложена после первого нападения немцев на Варшаву в октябре-ноябре 1914 г.» (С. 48). В данной публикации имеются незначительные изменения, в том числе и в припеве. В частушечном сборнике припев: «Ай, да! да! Ай, да! да! / Это правда, господа!».

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 48—50.

50
Солдатики, други дорогие
(Любимая солдатская песенка)

Солдатики, други дорогие,
А кто ваш родимый?
  Наш родимый — Царь непобедимый —
  Вот где наш родимый.
Солдатики, други дорогие,
А есть у вас родня?
  Есть родная — мать нам дорогая —
  Наша Русь свята!
Солдатики, други дорогие,
Где же ваши деды?
  Наши деды — славные победы —
  Вот где наши деды!
Солдатики, други дорогие,
Где же ваши матки?
  Наши матки — белые палатки —
  Вот где наши матки.
Солдатики, други дорогие,
Где же ваши жены?
  Наши жены — ружья заряжены —
  Вот где наши жены!

Солдатики, други дорогие,
Где же ваши тетки?
  Наши тетки — две косушки водки —
  Вот где наши тетки!
Солдатики, други дорогие,
Где же ваши братцы?
  Наши братцы — за спинами ранцы —
  Вот где наши братцы!
Солдатики, други дорогие,
Где же ваши сестры?
  Наши сестры — штыки с нами остры —
  Вот где наши сестры!
Солдатики, други дорогие,
Где же ваши детки?
  Наши детки — пули всегда метки —
  Вот где наши детки!
Солдатики, други дорогие,
А где же ваша хата?
  Наша хата — лагерь супостата —
  Вот где наша хата.

Популярнейшая старинная строевая песня, созданная в начале XIX в. Она построена по принципу «призыв-отклик»; как призыв использованы родственные связи, как отклики — военные, реже идеологические термины. В устной традиции сильно варьировалась.

Публикации: ВПРН. С. 5—6; СП. С. 8; С.-Пр.-1 и 2. С. 50—51.
Варианты: Кир. НС. В. 2, ч. 2. № 24026 2685; Багизбаева. № 17; Витязи. С. 132; Кир.-НС. Вып. 2. Ч. 2. № 90; Соб.-I, № 151.

51
Любим драться со врагами

Любим драться со врагами,
Пуле пулей отвечать.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Пуле пулей отвечать!
И с бутылкой пред огнями
На биваках пировать!
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  На биваках пировать!
Любим шумные веселья,
Нектар в чаше круговой.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Нектар в чаше круговой!
Чаще, верно, в час безделья,
Служит ратник строевой.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Служит ратник строевой!
Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Горе жизни забывай!
Искони у нас ведется:
Пей — ума не пропивай!
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Пей — ума не пропивай!
Завтра, может, в поле чистом
Громы битвы загремят.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Громы битвы загремят!
Ядра с шумом — пули со свистом
К нам в кореи полетят!
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  К нам в кореи полетят!
Завтра ж, может быть, из строя
Нас на ружьях понесут.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Нас на ружьях понесут!
И уж водки после боя
Нам понюхать не дадут.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Нам понюхать не дадут!
Пей, друзья, покуда пьется,
Горе жизни забывай!
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Горе жизни забывай!
Искони у нас ведется:
Пей — ума не пропивай!
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Пей — ума не пропивай!
Может, завтра, павши жертвой,
Кто-нибудь, друзья, из вас.
  Гей, но, браво, гей, но, браво!
  Кто-нибудь, друзья, из вас!
Между мертвых, полумертвый,
Будет ждать последний час!

Строевая солдатская (казачья) авторская песня. В устной традиции сильно варьировалась. Публиковалась в лубке (Клепиков. № 227).

Публикации: СП. С. 14–15; С.-Пр.-1 и 2. С. 53–54.

Варианты: Варавва. № 78; Кирюхин. № 100; Мякутин-III. С. 190–191 («Песни строевые»); Нагиев. № 120; НВП/СРВ. С. 30–32; ПВ-1864. № 60; ПСН. № 21; Савков. № 141; Сучилин. С. 9–10.

Неизвестный художник «М. М...».
Почтовая карточка. Пг., 1916

52
Винтовка

Ты, винтовка, друг мой верный,
Кто служить с тобой не рад.
    Это правда, это правда,
    Кто служить с тобой не рад.
И тобой гордится смело
Царя белого солдат.
    Это правда, это правда,
    Царя белого солдат.
Ты наружностью красива,
Нас прославила собой.
    Это правда, это правда,
    Нас прославила собой.
Ты нам славу подарила
Превосходною стрельбой.
    Это правда, это правда,
    Превосходною стрельбой.
Наведу тебя, красотку,
В дальню круглую мишень.
    Это правда, это правда,
    В дальню круглую мишень.
Пуля с визгом проскочила,
Смотрят — круг уже пробит.
    Это правда, это правда,
    Смотрят — круг уже пробит.
Дал я выстрел другой, третий,
Дело к лучшему идет.
    Это правда, это правда
    Дело к лучшему идет.
Есаул сейчас отметит
И домой меня пошлет.
    Это правда, это правда,
    И домой меня пошлет.
Взял винтовку, шагом мерным
Путь в палатку я держал.
    Это правда, это правда,
    Путь в палатку я держал.
Ус курчавый , глаз чернявый,
Сам собою рассуждал.
    Это правда, это правда,
    Сам с собою рассуждал.
Как приду с тобой на место,
Разберу, мой друг, тебя.
    Это правда, это правда.
    Разберу, мой друг, тебя
И согретою водою
Смою чисто, добела.
    Это правда, это правда,
    Смою чисто добела.
Не грусти, моя родная,
Повиси ты на плече.
    Это правда, это правда,
    Повиси ты на плече.
Завтра ж с утренней зарею
С нами будешь на стрельбе.
    Это правда, это правда,
    С нами будешь на стрельбе.

Строевая солдатская (казачья) песня. В устной традиции сильно варьировалась.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 54–56.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 21 («Стрелковая»); Варавва. № 111; Мякутин-III.С.179–180 (раздел «Песни строевые»); Мякушин. № 27. С. 132 (раздел «Военные песни»; комментарий к песне: «Песня эта <...> не есть произведение уральцев, и если только попала в настоящий "Сборник", так это потому, что уральцы очень ее любят и готовы петь во всякой задушевной компании, а в особенности в строевых своих частях»).

53
Гренадеры молодцы

Гренадеры молодцы,
Други, братцы, удальцы.
    Вот и калина,
    Вот и малина!
Станем, братцы, в круговую,
Грянем песню удалую.
    Вот и калина,
    Вот и малина!
Грянем песню в добрый час,
Благо хлеб-соль есть у нас.
    Вот и калина,
    Вот и малина!
Запоем мы прытко, хватко
Про житье-бытье солдатско.

Вот и калина,
Вот и малина!
Что под дождичком трава,
То солдатска голова.
Вот и калина,
Вот и малина!
Весело цветок не вянет,
Службу царску бойко тянет.
Вот и калина,
Вот и малина!
Жизнь мужицкая, прости,
Рады службу мы нести.
Вот и калина,
Вот и малина!
По призыву иль по воле,
Умереть готовы в поле.
Вот и калина,
Вот и малина!
В ком хоть малость есть ума,
Тому служба не страшна.
Вот и калина,
Вот и малина!
Он ружье, патронник, лямку,
Как ребенок любит матку.
Вот и калина,
Вот и малина!
А бывало, братцы, встарь,
Хоть дубиной приударь.
Вот и калина,
Вот и малина!
Ни из чести, ни из платы
Не пойдет мужик в солдаты.
Вот и калина,
Вот и малина!
Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет!
Вот и калина,
Вот и малина!
А когда служить сберется,
Словно с жизнью расстается.
Вот и калина,
Вот и малина!
Тут жена и брать и сват,
Гришка, Сидор и Кондрат.
Плачут, калина,
Вот и малина!
Как по мертвым, зарыдают,
До кружала провожают.
Вот и калина,
Вот и малина!
Всей деревней заревут:
Ваньку в рекруты ведут.
Вот и калина,
Вот и малина!
Ах, прости навеки, Ваня,
Плачут Тани, плачут Мани.
Вот и калина,
Вот и малина!
А теперь чего тужить,
Как с охотой не служить.
Вот и калина,
Вот и малина!
Слава Богу, есть отставка,
По два рублика прибавка.
Вот и калина,
Вот и малина!
Ах, спасибо, наша мать,
Рады в поле умирать.
Вот и калина,
Вот и малина!
Жизнь солдатска нам забава,
Польза, счастье нам и слава!
Вот и калина,
Вот и малина!

Песня поэта и переводчика Петра Матвеевича Карабанова (1764–1829). Впервые опубликована под названием «Песня гранодерская» без припева в книге «Стихотворения Петра Карабанова» (СПб., 1795. С. 10). Автор музыки Иван Евстафьевич Хандошкин, о чем сообщается в примечании к песне. В песенниках многократно печаталась с конца XVIII до начала XX в. (см., напр.: Новейший всеобщий песенник… СПб., 1915. С. 62–64: «Два гренадера»).

Публикация В. И. Симакова с незначительными изменениями повторяет текст из поэтического сборника, вышедшего в свет в 1812 г. По мнению В. Е. Гусева, существует множество подражаний этой песне, самое популярное — текст неизвестного автора «Ванька Хренов» (см. № 55). Печаталась в лубке (Клепиков. № 202).

Публикации: ВПРН. С. 34–36; С.-Пр.-1 и 2. С. 56–58.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 28 («Припевок»); Соб.-VI. 152; ВРП. С. 100; Элиасов. № 243.

Гусев. № 54.

54
Ты, Россия, ты, Россия

Г. Семёнов.
Открытое письмо. Пг., 1916

Ты, Россия, ты, Россия,
Мать — российская земля.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Мать — российская земля.
Про тебя ли, мать-Россия,
Далеко слава прошла.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Далеко слава прошла.
Что далеко слава прошла
Про Белого про Царя,
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Про Белого про Царя!
Про Белого про Царя,
Про Платова казака.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Про Платова казака!
У Платова ль казака
Не стрижены волоса.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Не стрижены волоса!
Не стрижены волоса
И не брита борода.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
И не брита борода!
Через закон Платов вступил,
Себе бороду обрил.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Себе бороду обрил!
Себе ль бороду обрил,
У француза в гостях был!
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
У француза в гостях был!
Француз-то его не признал,
За купчика принимал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
За купчика принимал!
За купчика принимал,
За белые руки брал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
За белые руки брал!
За белые руки брал,
За убранный стол сажал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
За убранный стол сажал!
За убранный ли стол сажал,
Рюмку водки наливал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Рюмку водки наливал!
Рюмку водки наливал,
Его выпить приглашал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Его выпить приглашал!
Уж ты, купчик, мой голубчик,
Ты, проезжий молодец.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Ты, проезжий молодец!
Выпей рюмку, выпей две,
Расскажи всю правду мне.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Расскажи всю правду мне!
Я у вас в Москве бывал,
Генералов много знал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Генералов много знал!
Я одного только не знал,

Что Платова-казака.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Что Платова казака!
Кто б мне Платова показал,
Тому бы много казны дал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Тому бы много казны дал!
Ему Платов тут отвечал,
Чтоб казны он не терял.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Чтоб казны он не терял.
Вам на что казну терять,
Можно так его видать.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Можно так его видать!
Он ведь ростом недоросток,
Ровно братец мне родной.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Ровно братец мне родной!
Ровно братец мой родной,
Отца-матери одной!
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Отца-матери одной!
У француза ль дочь Арина
С купцом речи говорила.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
С купцом речи говорила!
Уж ты, купчик, мой голубчик,
Покажи мне свой портрет.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Покажи мне свой портрет!
Платов портрет ей показал,
Из палаты вон бежал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Из палаты вон бежал!
Он на крылечко прибежал,
Громким голосом вскричал.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Громким голосом вскричал:
«Уж вы, слуги, мои слуги,
Вы, донские казаки!
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Вы, донские казаки!
Вы, донские казаки,
Вы, товарищи мои.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Вы, товарищи мои!
Вы подайте мне коня,
Коня быстрого мово.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Коня быстрого мово!»
На коня Платов садился,
Сам с насмешкой говорил.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Сам с насмешкой говорил:
«Ты ворона, ты ворона,
Ты, французский Бонапарт.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Ты, французский Бонапарт!
Не умела ты, ворона,
Сокола в когтях держать.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Сокола в когтях держать!»
Выезжай-ка ты, ворона,
Во чисто поле гулять.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
Во чисто поле гулять!
Во чисто поле гулять
И с Платовым воевать.
Ле-ли, ле-ли, ле-ли,
И с Платовым воевать».

Чрезвычайно популярная песня об атамане Платове, в которой используется более ранний сюжет военных песен XVIII в. Подробно о песне с перечнем вариантов см.: ИП. XIX в. № 131—170, а также комментарии: С. 228—229.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 59—62.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 64 («Песня про Платова»); Мякутин-I. С. 85—88; 88—90; 90—92 (раздел «Исторические песни»); Самаренко-Этингер. № 90.

55
Ванька Хренов

Деревенски мужики —
Они просто дураки,
Невежи, калина,
Невежи, малина!

Ваньку в рекруты ведут,
Всей деревенкой ревут.
    Плачут, калина,
    Плачут, малина!
Все прощайте, брат и сват,
Гришка, Мишка и Кондрат.
    Родные, калина,
    Родные, малина!
Полно плакать и тужить,
Не один буду служить.
    С народом, калина,
    С народом, малина!
Служит Фомка, служит Влас
Наберется много нас,
    Солдат, калина,
    Солдат, малина!
Как на горке на крутой
Постоялый двор худой.
    Некрытый, калина,
    Некрытый, малина!
Постоялый двор худой,
Постоялец молодой —
    Наш Ванька, калина,
    Наш Ванька, малина!
Лежит Ванька на боку,
Курит трубку табаку,
    Махорки, калина,
    Махорки, малина!
А старуха-лепетуха
Невзлюбила того духу —
    Дыму, калина,
    Дыму, малина!
Вот старуха собралась,
К капитану поплелась —
    С просьбой, калина.
    С просьбой, малина!
Ты поручик, наш голубчик,
Разбери наши дела
    Неважные, калина,
    Неважные, малина!
Капитан-то рассудил,
На конюшню проводил
    Старуху, калина,
    Старуху, малина!
На конюшню проводил,
Да двести розог закатил
    Горячих, калина,
    Горячих, малина!
Стой, старуха, не сердись,
С постояльцем помирись
    Ты с Ванькой, калина,
    Ты с Ванькой, малина!
Ты напой и накорми —
Гулять с дочкой отпусти
    Их вместе, калина,
    Их вместе, малина!
Твоей дочке не убудет,
А солдату любо будет,
    Словно калина,
    Словно малина!

См. примечания к песне № 53. Бытовала в устной традиции. В 1900-х вышло несколько песенников, названных «Ванька Хренов». Песня стала исполняться в качестве плясовой на молодежных собраниях, посвященных проводам парней в солдаты.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 63–64.
Варианты: Кир. НС. В. 2, ч. 2. № 2942; ПП. № 2; Соб.-VI. № 314.

56
Курка

Как жила-была курка,
Черный хохолок…
    Ах, а-ха-ха!
    Черный хохолок.
Как повадилася курка
К коменданту в огород.
    Ах, а-ха-ха!
    К коменданту в огород.
Комендантовы ребята
Злы, догадливые…
    Ах, а-ха-ха!
    Злы догадливые.
Взяли курку да поймали,
С крыльев перья ощипали…

Ах, а-ха-ха!
С крыльев перья ощипали,
Хохол выдергали…
Ах, а-ха-ха!
Хохол выдергали.
На улице две курицы
С петухом дерутся…
Ах, а-ха-ха!
С петухом дерутся…
Из окошка две барышни
Смотрят да смеются.
Ах, а-ха-ха!
Смотрят да смеются:
«А-ха-ха, а-ха-ха
Как нам жалко петуха!
Ах, а-ха-ха!
Как нам жалко петуха!»

Скоморошья прибаутка. В 1850-х гг. публиковалась в лубке (Клепиков. № 80).

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 96 («Казацкий припевок»); Молчанов. С. 144–146 (раздел IV: «Песни веселые плясовые»); Шейн.Т. 1, вып. 1. № 1027–1029; Соб.-VI, № 319; Кирюхин. № 135.

Р. Г. Заринь (Заррин).
Почтовая карточка. Пг., 1916

57

* * *

«Эй, скажи, Марусенька, эх, скажи мне, дусенька,
Кто у тебя гостями были без меня?» —
«Генерал был в пятницу, а майор был в субботу,
А поручик, мой голубчик, в воскресеньице». —
«Эй, скажи, Марусенька, эх, покайся, дусенька,
Что у тебя пили гости без меня?» —
«Генерал пил белое, а майор пил красное,
А поручик, мой голубчик, пил наливочку со мной». —
«Ну, скажи, Марусенька, ну скажи-ка, дусенька,
Что у тебя ели гости без меня?» —
«Генерал ел курочку, а майор ел уточку,
А поручик, мой голубчик, со мной лебединочку». —
«Эй, скажи, Марусенька, расскажи-ка, дусенька,
Ну, а где же спали гости у тебя?» —
«Генерал спал в горенке, а майор спал в комнатке,
А поручик, мой голубчик, в моей спаленке». —
«Эй, скажи, Марусенька, эх, скажи-ка, дусенька,
Ну, а на чем спали гости у тебя?» —
«Генерал спал на войлочке, а майор на ковричке,
А поручик, мой голубчик, на перинушке». —
«Эй, скажи, Марусенька, не утай-ка, дусенька,
С кем спали гости у тебя?» —
«Генерал спал с Марьею, а майор спал с Дарьею,
А поручик, мой голубчик, со мной рядом, молодой».

Шуточная песня, часто встречающаяся в песенниках с конца XVIII в. Бытовала в устной традиции в XIX в.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 66–67.

Варианты: Альбрехт-Вессель. № 58 («Припевок») ; Витязи. С. 59 (ноты; «Песня лейб-гвардии Московского полка»); Соб.-VII. № 472.

58
Дунай

Из боярских-то ворот
Выходил один холоп.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Выходил один холоп.
Как навстречу-то холопу
Сама барыня идет.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Сама барыня идет.
«Ах, ты, шельма, плут-холоп,
Где ж ты был, пропадал?
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Где ж ты был, пропадал?» —
«Сударыня, боярыня,
В вашей горенке я был...
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  В вашей горенке я был.
В вашей горенке я был,
С вашей дочерью играл.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  С вашей дочерью играл». —
«Ах, ты, чудище-холоп,
Зачем сказываещь?
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Зачем сказываешь?» —
«Сударыня, боярыня,
Зачем спрашиваешь?
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Зачем спрашиваешь?
Если б вы-то не спросили,
Я б вам вечно не сказал.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Я б вам вечно не сказал.
Я б вам вечно не сказал,
На своем сердце сдержал.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  На своем сердце сдержал». —
«Ах, ты, плут, шельма-холоп,
Со двора тебя сгоню!
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Со двора тебя сгоню!» —
«Сударыня, боярыня,
Не согнавши, сам уйду.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Не согнавши, сам уйду.
Не согнавши, сам уйду,
Три беды вам сотворю!
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Три беды вам сотворю.
Уж я первую беду —
Пару коней заложу.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Пару коней заложу.
А вторую-то беду —
Все ворота отопру.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Все ворота отопру.
А как третью-то беду —
Вашу дочку увезу.
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Вашу дочку увезу». —
«Ах, голубчик мой, холоп,
Поживи один годок!
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Поживи один годок!
Поживи хотя годок,
Потрудися для себя!
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Потрудися для себя!
Потрудися для себя:
Выдам дочку за тебя!
  Ах, Дунай, мой Дунай!
  Выдам дочку за тебя!»

Шуточная песня, встречающаяся в печатных песенниках с конца XVIII в. В XIX в. бытовала в устной традиции.

Варианты: Соб.-I. № 52–59.

59
Ай, Дунюшка, Дуня, милая Авдотья

Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Как у нашей Дуни,
Что было скотинки.

Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Каждой-то скотинке
Дано все по имю.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Кобыла Ненила,
Жеребец Гаврило.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Корова Олена,
А бык-то Ерема.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Бяшка-то Парашка,
А баран-то Сашка.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Телка-то Молодка,
А бычок Володька.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Гусиха Наталка,
А гусь-то Макарка.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Утка-то Агаха,
Селезень Игнаха.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Свинья-то Аксинья,
Боров-то Василий.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Сучка-то Васюшка,
А кобель-то Мартюшка.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Курица Варноха,
А петух Тимоха.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.
Кошка-то Солошка,
А кот Алешка.
Ай, Дунюшка, Дуня,
Милая Авдотья.

Шуточная песня.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 67–68.
Варианты: Кирюхин. № 135.

60
Что за песни распевает наша Русь

Что за песни, что за песни
Распевает наш русак!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, пруссак!
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!
Как затянет, как зальется
Православный наш народ,
Ведь откуда что берется:
Прямо к сердцу так и льнет!
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!
Запоет про темну ночку
Иль про белые снега,
Про купеческую дочку,
Про шелковые луга.
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!
Запоет про сине море
Иль про матушку-Москву,
Про кручинушку, про горе,
Про сердечную тоску!
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!

Да как гаркнет: эй, малина!
Не шуми, дремучий бор!
Чуешь Руси исполина
И раздолье и простор!
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!
Русь и в песне-то могуча,
Широка и глубока,
И свободна, и гремуча,
И привольна, и звонка!
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!
Что за песни, что за песни
Распевает наш русак!
Уж как хочешь, брат, хоть тресни,
Так не спеть тебе, пруссак!
Золотые, удалые,
Не немецкие!
Песни русские живые,
Молодецкие!

Стихотворение Василия Степановича Межевича (1814–1849), литературного и театрального критика, журналиста, переводчика, поэта. Текст опубликован в сборнике «Колосья. Сноп первый» (СПб., 1842). В песенниках встречается с 1850-х гг. В песеннике В. И. Симакова во фразе: «Так не спеть тебе, француз» слово «француз» заменено на «пруссак».

Публикации: НПП. С. 120–121; ОнСС. С. 10–11; Пр. С. 13–14; СП. С. 16; С.-Пр.-1 и 2. С. 69–70; Пр.-Ю-2. С. 11–12.
Варианты: Альбрехт-Вессель. № 68; Витязи. С. 412; ПВПНХ. № 65; ПСН. № 42; СП. № 69.
Гусев. № 416.

Военные стихи

61
Песенка бельгийских солдатиков

Мы, дети Бельгии несчастной!
Мы от земли видны едва.
Но захватил нас враг всевластный…
Раз-два, раз-два!
У нас от родины осталась
Морской полоски синева:
Вся Бельгия — врагу досталась…
Раз-два, раз-два!
Гроза прошла над нашим краем,
Но в детстве радость все жива,
И мы по-прежнему играем…
Раз-два, раз-два!
Пугают немцы нас расстрелом,
Они не терпят баловства…
Но мы храбры в упорстве смелом:
Раз-два, раз-два!
Мы собираемся гурьбою
Тайком у городского рва
И так играем меж собою;
Раз-два, раз-два!
Разорены у нас избушки,
И кровью залита трава…
Куски шрапнели — нам игрушки…
Раз-два, раз-два!
Отцы ушли: мы без защиты.
Уже давно идет молва,
Что очень многие убиты…
Раз-два, раз-два!
И наши матери в печали
Плести забыли кружева,
И в доме песни замолчали…
Раз-два, раз-два!
Но по ночам, уже в постели,
Мы слышим матерей слова:
«Живите для великой цели!»
Раз-два, раз-два!

«О, сыновья, скорей растите
И за поруганного льва
Врагу надменному отмстите»!
Раз-два, раз-два!

И говорим мы с поцелуем:
«Дай, мама, вырасти сперва —
И край родной мы отвоюем!»
Раз-два, раз-два!

Т. Щепкина-Куперник

Стихотворение Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874—1952) — поэта, прозаика, драматурга, переводчика. Опубликовано в ее книге «Отзвуки войны. Стихотворения». (М., 1915. С. 11—12).

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 83—84.

62
* * *

Из-за леса, леса, сосен и дубов
Идет рота гренадеров-молодцов!
Пей, веселей, веселей!
Идет рота гренадеров-молодцов!
Впереди идет начальник молодой,
Ведет роту гренадеров за собой.
Пей, веселей, веселей!
Ведет роту гренадеров за собой.
Вы, ребята, не зевай, не зевай,
Ружья в руки да на фланги выступай.
Пей, веселей, веселей!
Ружья в руки да на фланги выступай!

Вы, ребята, не робей, не робей,
На завалы поспешай поскорей.
Пей, веселей, веселей!
На завалы поспешай поскорей.
На завалах мы стояли, как стена;
Пули сыпались, жужжали, как пчела.
Пей, веселей, веселей!
Пули сыпались, жужжали, как пчела.
Выпьем, братцы, за Родину, Царя,
Прокричимте все: «Ура! ура! ура!»
Пей, веселей, веселей!
Прокричимте все: «Ура! ура! ура!»

Возможно, стилизация под старую солдатскую песню.

Варианты: Крылов. С. 24—25.

63
Безумно грохочут мортиры вдали
(Поется на мотив «Варяга»)

Безумно грохочут мортиры вдали,
Снаряды оглушительно рвутся.
Вас много тут, братьев, в бою полегли…
И стон и проклятья несутся.
Чудовища мчатся один за другим,
Людей, словно мусор, сметая,
Взлетает земля и клубится, как дым,
А грохот звучит, не смолкая.
Но молча герои пред смертью стоят,
Их знамя победное вьется,
Не дрогнет наш русский великий солдат,
На натиск врага не сдается.
Кровь льется потоком и рвутся тела
На мелкие части снарядом.
Смерть косит и косит людей без числа —
Земля словно сделалась адом!
Но слышна команда солдатам: «Вперед!»
И двинулось стройно рядами
Российское войско в тяжелый поход
И в бой беспощадный с врагами.
А враг не жалеет снарядов для нас —
Ружейных он пуль не жалеет.
Летят за фугасом на воздух фугас,
И небо от гнева краснеет!
Настала последняя наша пора,
Сдаваться мы в плен не желаем!
Вперед же, товарищи… С Богом, ура!
За родину мы погибаем.

За правое дело мы в битву пошли,
Нам жеребий пал неминучий…
Пусть знает весь свет, что мы с честью легли
За славу России могучей.

Типичная для Первой мировой войны переделка известной песни с сохранением ее напева. В данном случае указано: «поется на мотив “Варяга”». Текст несколько варьируется по сравнению с другими песенниками, что, возможно, свидетельствует о том, что он вошел в устную традицию.

Публикации: НВППр. С. 46–47; НВПРС. С. 4; НПП. С. 75–76; Пр.-Ю-1. С. 4; РиГ. С. 3–4; С.-Пр.-1. С. 5 («Защитники родины»); С.-Пр.-2. С. 4–5 («Защитники родины»).

64
Вы послушайте, стрелочки

Вы послушайте, стрелочки,
Я вам песенку спою.
Эх-ма, эх-ма!
Я вам песенку спою.
Я вам песенку спою
Да про службицу, про свою.
Эх-ма, эх-ма!
Да про службицу, про свою.
Мы три года прослужили,
Ни о чем не потужили.
Эх-ма, эх-ма!
Ни о чем не потужили.
Стал четвертый наступать.
Стали думать и гадать.
Эх-ма, эх-ма!
Стали думать и гадать!
Стали думать и гадать,
Как бы дома побывать!
Эх-ма, эх-ма!
Как бы дома побывать!
Как бы дома побывать,
Отца с маткой увидать.
Эх-ма, эх-ма!
Отца с маткой увидать.
Вот приходит к нам приказ:
Отправляться нам в запас.
Эх-ма, эх-ма!
Отправляться нам в запас.
Вот приходит нам другой:
Нашему полку домой.
Эх-ма, эх-ма!
Нашему полку домой.
Нашему полку домой
Вдоль дорожки столбовой!
Эх-ма, эх-ма!
Вдоль дорожки столбовой.
Вдоль дорожки столбовой,
Да к отцу, к матери родной!
Эх-ма, эх-ма!
Да к отцу, к матери родной.
К отцу, к матери родной,
Да еще к женке молодой.

Неизвестный художник.
Почтовая карточка. Пг., 1916

Эх-ма, эх-ма!
Да еще к женке молодой.
Подъезжаю ко двору,
Женка ходит по двору.
Эх-ма, эх-ма!
Женка ходит по двору.
Женка ходит по двору,
Водит сына за руку.
Эх-ма, эх-ма!
Водит сына за руку.

Возможно, стилизация под старую строевую солдатскую (казачью) песню с мотивом «Солдат возвращается домой».

Вариантов не обнаружено.

65
За родину

Каждый день, чувством долга пылая,
В героизме своем велики,
Из родимого русского края
За полками уходят полки...
Наша рать средь упорного боя
Подвигается смело вперед!
Каждый день порождает героя,
И венок ему славы плетет!
А за ними от края до края
Рвется Русь этой грозной порой...
Бог на помощь, о, рать удалая!
Бог на помощь, о, русский герой!
Миру целому громко поведай
Про гигантскую силу свою,
Пусть победа тебя за победой
Провожает в кровавом бою!
Ты вернешься из битвы кровавой,
И тебе мы навстречу пойдем —
И тебе, озаренному славой,
Низко, низко ударим челом.

Р. М.

Стихотворение о Первой мировой войне Родиона Абрамовича Менделевича (1867–1927); псевдонимы: Р. Меч и Р. М.

Публикации: НВППр. С. 55; НПП. С. 80; С-Пр.-1. С. 74; С.-Пр.-2. С. 73.

66
Вперед

Товарищи, вперед!
Товарищи, вперед!
На дерзкого врага —
Нас родина зовет.
Оставим мы поля,
Оставим мы луга.
Товарищи, вперед!
На дерзкого врага!
Товарищи вперед!
И дрогнет жалкий враг.
Мы с честью отстоим
Великий русский флаг.
Прощай, родимый дом,
Прощай, небесный свод!
Мы смело все пойдем.
Нас родина зовет!
Прощай, отец и мать,
Прощай, моя семья!..
Хотя иду на бой,
Но весел, счастлив я!
Быть может, скоро я
С победою вернусь...
Иль жизнь свою отдам
За мать родную — Русь.
Товарищи, вперед!
Товарищи, вперед!
На дерзкого врага —
Нас родина зовет.

В других песенниках указана фамилия автора: А. Донской. Установить биографические сведения об авторе не удалось; возможно, что фамилия Донской — это псевдоним.

Публикации: НПП. С. 90–91 (А. Донской); Пр. С. 18–19 (А. Донской); Пр.-Ю-2. С. 30–31 (А. Донской); Пр.-Ю. 4. С. 12–13 (А. Донской); С-Пр.-1. С. 74–75; С-Пр.-2. С. 73–74.

67
Вперед за родину

Ура, вперед, за Русь родную
Сражаться мы идем с врагом,
В том клятву мы даем святую,
Что победим или умрем.
Ура, вперед, смелее, братья,
Нам пули, ядра нипочем.
Сомкнем ряды и храброй ратью
Мы на врага в штыки пойдем.

Ура, вперед, близка победа,
Живее в бой, трубят рога,
Сомнем надменного соседа,
Раздавим общего врага.
Смелее в бой, там вместе с нами
Идут союзники-друзья.
Ура, вперед, полки под знамя,
За Русь святую, все — ура!

Установить фамилию поэта не удалось.

Публикации: С.-Пр.-1. С. 75; С.-Пр.-2. С. 74—75.

68
Русь

Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горит во тьме заря твоя,
Горит, не угасая!
С тобою Бог... С тобою Царь...
С тобою правда Божья...
Не ты ли в мире, как алтарь,
Алтарь средь бездорожья?
Не по тебе ль прошел Христос
От края и до края,
Алмазы чистых светлых слез
На грудь твою роняя?
Не ты ли, мудрая, как змий,
И кроткая, как голубь,
Пробьешь во мраке злых стихий
Таинственную прорубь?
И брызнет светлая струя,
Вещая правду Божью,
Во мрак земного бытия,
Измученного ложью!
Мужайся, Русь! Велик твой стяг,
Стяг правды и свободы,
И пред тобою дрогнет враг,
И ниц падут народы...
Мужайся, родина моя,
Великая, святая!..
Горит во тьме заря твоя,
Горит, не угасая!

Е. Наметниченко

Стихотворение Евгении Наметниченко (биографических данных установить не удалось).

Публикации: БМ. С. 10; Пр. С. 65; НП. С. 5; С-Пр.-1 и 2. С. 75.
Варианты: Глинский-1. С. 94—95 («Родина»).

69
Песня терских казаков

Из-под кочек, из-под пней
Лезет враг оравой.
Гей, казаки! на коней —
И айда за славой.
Мать, не хмурь седую бровь,
Провожая сына!

Ты не плачь, моя любовь,
Зоренька-девчина!
Ты судьбине не перечь,
Не кручинься слезно —
Всем придется в землю лечь
Рано или поздно.

Помни: срока своего
Смерть не проворонит,
А кому не срок — того
И в бою не тронет.
На врагов чертям на зло
Налетим мы бурей!
Это наше ремесло —
Целоваться с пулей!
Эх, зудит моя рука,
Будет с немцем рубка!
Помолись за казака,
Белая голубка!
Тает, тает сизый дым,
Ты прощай, станица!
Мы тебя не постыдим —
Будем лихо биться.
Отшвырнем с родной земли
Немцев в их берлогу,
Хоть бы даже к ним пришли
Черти на подмогу.
Пусть придут! Среди гостей
Будет больше крику,
Потому что… и чертей
Мы возьмем на пику.
Эх, зудит моя рука —
Будет немцам рубка!
Помолись за казака,
Белая голубка!

Н. Агнивцев

Стихотворение Николая Яковлевича Агнивцева (1888–1932), поэта, драматурга, детского писателя. Написано в стиле казацких песен. Опубликовано отдельным изданием (Пг., 1915) в сборнике «Под звон мечей» (Пг., 1915. С. 19–20).

Публикации: С-Пр.-1 и 2. С. 76–77.
Варианты: Глинский-1. С. 108–109 («Казаки»).

70

* * *

Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки
Молчаливой, темной тучей
Шли на бой сибиряки.
С ними шла былая слава
Беззаветна и грозна,
Через Вислу переправа
Забайкальцам не страшна.
Ни усталости, ни страха —
Бьются ночь и бьются день.
Порыжелые папахи
Лихо сбиты набекрень.
Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя мы постоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой поклон передадим.
Нас сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозного Байкала,
Ширь могучего Урала
И сибирские снега.
Дружно в бой на вражьи станы
Всем идти пришла пора,
С нами слиты атаманы
Волги, Дона и Днепра.

В. Гиляровский

Стихотворение Владимира Алексеевича Гиляровского (1853–1935), опубликовано в сборнике «Год войны. Думы и песни»(М., 1915. С. 12).

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 77–78.
Варианты: Крылов. С. 74–75 («Казаки»).

71

Казацкая

Ну-ка, братцы, в стремя ногу,
За плечо винтовку!
Вспомним бранную тревогу,
Буйную сноровку!

Ты, румяная казачка,
Цвет родимых криниц,
Не горюй по мне, не плачь-ка —
Привезу гостинец!
Набекрень огонь-фуражки,
Пики тут, при седлах,
Серебром сверкают шашки —
Ужас немцев подлых.
Скакунок смиренной стати,
Уши на затылке;
Гикни, крикни — так подхватит,
Задрожат поджилки.
Едут, свищут удалые,
Бравые ребята,
Вдруг навстречу — кто такие?
В пики супостата!
Заклубилась пыль степная,
Ретивое сжалось...
Сотни трупов, пленных стая
От врага осталась...
Шевелись-ка, красноухий!
Это, брат, не пиво!
Ну-ка русского понюхай;
Не табак, а диво!
Рады мы военным людям...
Саблю, милый, брось-ка!
Мы рубить теперь не будем...
Связывай, Савоська!..

А. Липецкий

Стихотворение Алексея Владимировича Липецкого (настоящая фамилия Каменский) (1887–1942), поэта, прозаика и художника. Написано в стиле казацких песен; очевидно, опубликовано в периодической печати. Критик Н. Колоколов писал об этом произведении: «Мне пришлось встретить несколько стихотворений, написанных в подражание тем песням, которые являются продуктом коллективного солдатского творчества. "Писать под солдат" — задача трудная. Наиболее удачной попыткой такого рода мне кажется "Казацкая" А. Липецкого» (*Колоколов Н*. Мировая война и русская поэзия//Свободный журнал. 1914. Ноябрь. С. 126).

Варианты: Крылов. С. 11–12.

72
Лихой казак

Легкий конь быстрее птицы
У лихого казака!
Горяча стальная шашка;
Пика длинная метка!
Смел и ловок молодчина:
Спать не любит — не зевай.
Шевельнись — и темной ночью
Влепит пулю и — прощай!..
Гордый немец! не подумай
Спорить удалью с донцом:
Наш казак тебя отучит
Драться с пламенным бойцом!
Налетишь с ковшом на брагу,
Цел с пирушки не уйдешь:
О казацкую отвагу
Лоб железный разобьешь!
Не послушал — и наткнулся:
Сам одиннадцать лежи!..
По делам злодею мука,
Ниже голову держи!
Слава русскому герою,
Разудалому гонцу!
Он не дал себя в обиду
Супостату-наглецу!
Враг! Страшись казацкой силы,
Помни Кузю-казака:
Он тебе за честь России
Даст пожарче «трепака»!

Д. Варлыгин

Стихотворение Дмитрия Порфирьевича Варлыгина (1863–1937), очевидно, опубликованное в периодической печати. Посвящено Кузьме Крючкову.

Публикации: НП. С. 14; НПП.С. 81; Пр. С. 10, 92; Пр.-Ю-2. С. 5; П.-Ю-4. С. 14; С.-Пр-1 и 2. С. 80.

Р. Г. Заринь (Заррин).
Почтовая карточка. Пг., 1916

73
В полевом лазарете

Ночь прорвет наболевшие нити...
Вряд ли их дотянуть до утра...
Я прошу об одном — напишите,
Напишите три строчки, сестра.
Вот вам адрес жены моей бедной,
Напишите ей несколько слов,
Что я в руку контужен безвредно,
Поправляюсь и буду здоров.
Напишите, что мальчика Вову
Я целую, как только могу,
И австрийскую каску из Львова
Я в подарок ему берегу.
А отцу напишите отдельно,
Как прославлен наш доблестный полк,
И что в грудь я был ранен смертельно,
Исполняя свой воинский долг.

С. Копыткин

Стихотворение Сергей Александровича Копыткина (1882–1920), опубликовано в его сборнике «Песни о войне. Стихотворения» (Пг., 1915). На обложке указано, что эти песни были «исполнены в историческом цикле патриотических концертов солистки Его Величества Марии Ивановны Долиной в Петрограде». Именно это стихотворение сразу стало популярным, известны фамилии трех композиторов, написавших музыку на этот текст: В. И. Ребриков, Н. И. Казанли и М. П. Речкунов. Неоднократно воспроизводилась на пластинках. Песня исполнялась во время Гражданской войны белыми и красными, а также в Великую отечественную войну. Бытовала в устной традиции, вошла в репертуар современной группы «Любэ».

Публикации: С-Пр.-1 и 2. С. 81.
Варианты: Глинский-1. С. 66; Самаренко-Этингер. № 114.

74
Умирающий казак

«Подойди к окну, сестрица,
Посмотри: в мерцаньи звезд, —
Вижу я, — родные лица
Собираются окрест.
Конь копытом землю роет,
Плачет мать — зовет к себе». —
«Спи голубчик: это воет
Ветер жалобно в трубе». —
«Посмотри: мой брат покойный, —
Знать, прислал его отец;
Посмотри, какой он стройный
И бесстрашный удалец.
Он — краса родного стана...
Ах, сестрица подойди,
Посмотри, какая рана
У красавца на груди!
Весь камзол в крови на брате,
Манит он меня к себе...» —

«Никого здесь нет в палате,
Брат мерещится тебе!» —
«Он подходит. Он все слышит.
Как жалеет он меня…
Посмотри-ко, мне подводит
Он любимого коня.
Едем, едем — прочь кручина;
Знаю, брат пришел за мной!
Черноокая Галина
Ждет давно меня домой.
Видишь, конь стрелой помчался —
Ближе, ближе, отчий дом...»
И казак лихой скончался
В светлых грезах о былом.

В песеннике «Казак», изданном в 1912 г., указана фамилия автора стихотворения: А. Дрождин. Возможно, здесь опечатка и автор — Алексей Александрович Дрождинин (1870–1927), поэт, драматург, журналист.

Публикации: ВНПДК. С. II–IV; БКП. С. XV; С.-Пр.-1 и 2. С. 81–82.
Варианты: Казак. С. III–IV. Здесь также фамилия автора — А. Дрождин.

75
* * *

Я помню ночь: мы шестеро сидели
В густом лесу, в избушке лесника,
Кругом рвались австрийские шрапнели,
И пулеметов треск звучал издалека.
Нам было холодно… фонарь, шинелью скрытый,
Бросал на нас багровый луч порой,
Был темен небосвод, покровом туч закрытый,
И сыч встревоженный кричал во тьме лесной.
Бой делался сильней… Все ближе пролетая,
Снаряды падали, сверкая в тьме небес,
Короткой молнией окрестность озаряя,
Рвались… и вторил им, гудя, безмолвный лес.
Склонясь в пустом углу над трубкой телефона,
Мы жадно слушали далекие слова:
«Отбили… Отошли.. еще идет колонна…
— Патронов дайте… держимся едва…»
То были жуткие мгновенья в доме этом,
А ночь была темна… минут тянулся ряд.
Вдруг в поздний час… за миг перед рассветом
У дома самого разорвался снаряд.
На миг прервались провода ответы,
Связь порвалась… А где-то впереди
Усилилась стрельба… Раздались крики где-то,
И сердце замерло мучительно в груди…
Я помню эту ночь… Кошмар больного бреда…
Рассвет… Туманный дождь… Избушка лесника.
Вновь телефонный гул… И тихий звук: «Победа» —
То голос нам сказал едва, издалека!

Князь Ф. Касаткин-Ростовский

Стихотворение поэта, боевого офицера Федора Николаевича Касаткина-Ростовского (1875–1940). Было опубликовано в его книге «“С войны” (Листки походной тетради)» (Пг., 1915. Тетр. 1. С. 15–16). В сборнике В. И. Симакова имеются некоторые разночтения с оригиналом.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 82–83.
Варианты: Глинский-1. С. 63–64.

76
Обручальное кольцо

Время шло… С надеждой тайной
В глушь родимого села
Тщетно весточки случайной
Каждый день ждала она.
«Друг мой милый, друг сердечный,
Воротись ко мне, любя:
Тускнет перстень обручальный
С каждым часом без тебя.
Без тебя мне дни постылы,
Плакать более невмочь…
Пусть кругом шумят березы,
Пусть рокочут соловьи;
Умирают в сердце грезы
Неизведанной любви…
Воротись, мой друг усталый!
Посмотри, весь сад в цветах,

Без тебя румянец алый
Увядает на щеках...» —
Так она с тоской во взоре
Друга милого звала
И слезами злого горя
Пересилить не могла...
Ночь. Луна с небес глядела,
Тут забылася она.
Дева спит, и бедной снится
Разоренная страна.
Грозно смотрят гор уступы,
Даль горящая светла,
И лежат повсюду трупы,
Трупы, трупы — без числа.
Злобно ветер в поле свищет,
Грозной песни нет конца;
А она меж трупов ищет
Ненаглядного лица.
К ней мертвец один подходит,
С золотым в руке кольцом,
И такую речь заводит,
Обернясь к деве лицом:
«Друга ты не жди напрасно,
Не кручинь тоской лица...
Друг твой милый, долгожданный
Здесь пробудет много лет,
И лежит он, бездыханный,
Не зарыт и не отпет.
В битве страшной и кровавой
Отдал жизнь он тут свою,
И вчерась мой штык холодный
Отыскал его в бою.
Смерть взяла его обманом;
Друг твой милый оплошал
И обычную молитву
На заре не прочитал.
Горе близ него ходило,
Но дохнула смерть в лицо,
Вот вам, дева, возвращаю
Обручальное кольцо...»
Было утро. Злая драма
Деву юную ждала:
Получилась телеграмма
От вчерашнего числа.
Друг убит. Былое счастье
Унеслось в тумане грез,
Но тяжелое несчастье
Дева встретила без слез.
В первый праздник в церковь Божью
Шла она на зов Христа
И склонилася к подножью
Лучезарного креста.
Яркий свет свечи горящей
Освещал ее лицо,
И она рукой дрожащей
Сняла дивное кольцо.
И невидимая сила
Мысль шепнула ей без слов,
И она свой дар вручила
В пользу раненых бойцов.

Стихотворение неустановленного автора.

77

* * *

Ночь темна, а ветер сказки
Шепчет, шепчет под окном.
Спи, не жди излишней ласки,
Спи, сынок, спокойным сном.
    Ты в стенах родимой хаты,
    А вот там сейчас вдали...
    Храбры русские солдаты
    Бой кровавый завели.
И идет со святою верой
Твой отец в первых рядах
Со штыком, в шинели серой —
Трепещи надменный враг.
    Время нет там править тризну
    Павшим храбрыми в бою,
    Каждый сын своей отчизны
    Жизнь готов отдать свою.
Дрогнет враг, и кровь прольется,
Спи же, спи, сынок родной,
На груди с крестом вернется
К нам отец наш дорогой.

В ряде песенников названа фамилия автора: А. Андреев. Биографических данных установить не удалось.

Публикации: НПП. С. 83; ОнСС. С. 7; Пр. С. 9; Пр.-Ю-2. С. 32

78
Бородино

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые!
Да, говорят, еще какие?
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!» —
«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля…
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!
Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали;
Ворчали старики:
"Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?"
И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут!
Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат-мусью!
Что ж тут хитрить, пожалуй к бою,
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!
Два дня мы были в перестрелке,
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
"Пора добраться до картечи!"
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.
Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.
И только небо засветилось —
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга Царю, отец солдатам…
Да жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.
И молвил он, сверкнув очами:
"Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!"
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.
Ну ж, был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами —
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.
Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блистал,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой…
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять…
Вот затрещали барабаны —

И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать....
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Когда б на то не Божья воля —
Не отдали б Москвы!»

М. Ю. Лермонтов

Стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841), впервые опубликованное в 1837 г. в журнале «Современник» (Т. 6. С. 207–211). Публиковалось в лубке (Клепиков. С. 189). Текст напечатан практически без изменений, не считая расстановки знаков препинания.

Варианты: Витязи. С. 193–194; ПСН. С. 79–82; Сучилин. С. 64–70.
Гусев. № 365.

79

* * *

Нет, не рыдайте на этих могилах,
Слезы нарушат их чуткий покой...
В грезах победных, огненнокрылых
Дремлет здесь каждый герой.
Золотом осень в лесу заблистала,
Дочиста сжата последняя рожь.
Сердце, ты биться в груди перестало
Замерло — ждешь!
Гулко бежит по полям опустелым
Эхо шагов из родимой земли —
Эта на помощь тем славным и смелым
Новые рати пошли.
Дышит весельем улыбка солдата,
К русским победам проложен тут след.
Ветер доносит: «Здорово, ребята, —
«Рады стараться!» — ответ.
Смотрят — кругом никого. Лишь зарею,
Словно сиянием святых залиты,
Стражами встали над взятой землею
Наши кресты.
Небу навстречу открыли объятья...
Плакать, рыдать здесь нельзя,
Грезят победами павшие братья —
К славе ведет их стезя!

Стихотворение Марии Григорьевны Веселковой-Кильштет (1861–1931) — поэта, прозаика, опубликованное, очевидно, в периодической печати.

Варианты: Глинский-1. С. 67–68.

80

Арина, мать солдатская

Там и там — могилы братские,
Там и там — печали жгучие!
Вновь Арина, мать солдатская,
Слезы льет свои горючие.
Черной ночкой неприветною
Смотрят будни деревенские,
И печалью беспросветною
Истомились души женские.
С поля жаркого сражения
Не приходит весть желанная...
Что ей речи утешения —
Если в сердце мгла туманная?
Злые думушки — расходятся,
Не уймутся, окаянные!
Где-то, где теперь находятся
Наши соколы желанные?
Прежней лаской не согретые,
Где кормильцы тратят силушки?
Может, даже не отпетые,
Спят они на дне могилушки?
И предчувствия тяжелые
Давят грудь без сожаления,
Сны проходят невеселые
Про кипучие сражения.

Вот — лежит сынок в полянушке,
Пораскинув руки в стороны,
Русокудрому Иванушке
Очи выклевали вороны.
Над сынком шумит-качается
Пожелтевшая рябинушка,
И средь ночи просыпается
Неутешная Аринушка...
Снова бедной представляется
Голос Вани... Поступь смелая...
От рыданий колыхается
На груди рубашка белая...
Там, где в сердце боль всечастная,
Сон не служит обороною...
И рыдает мать несчастная
До утра перед иконою.
Ум, печалью затуманенный,
За соломинку цепляется:
Может, жив Ванюша раненый,
Может, даже — поправляется?
Может, выйдя из сражения,
Спит сыночек от усталости?
Разве бедным нет спасения?
Разве нет у Бога жалости?
Я ль пред Господом преступница
За печаль свою постылую?
Охрани его, Заступница,
Защити своею силою!
Ведь в любой известна местности
Тяжесть горя исполинского! —
Хуже горькой неизвестности
Нет для сердца материнского!
Сила тает, словно свеченька,
Льется песня похоронная...
. . . .
Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!

Ал. Дрождинин

Неизвестный художник (фамилия не прочитывается). Почтовая карточка. Пг., 1916

Текст Алексея Александровича Дрождинина (1870–1927) представляет собой подражание стихотворению Н. А. Некрасова «Арина, мать солдатская». Более ранняя публикация: Глинский-1. С. 133–135 («Орина, мать солдатская»).

81

* * *

Унеси ты, ветер буйный,
На родимый тихий Дон,
Где грустят седые волны
И мечей не слышен звон.
Расскажи родному краю,
Милым детям и жене,
Как сражаюсь я с врагами
В чужедальной стороне.
Что здоров мой конь и весел
Здесь под бурей пулевой,
Что не трусит он в набегах
И в атаке штыковой...
Мчись же, буйный, с вестью бодрой,
Мчись быстрее вольных птиц!
Поклонись седому Дону
И степям родных станиц.

Стихотворение поэта Якова Павловича Бердникова (1889–1940).

Варианты: Глинский-2. С. 73.

82
* * *

Защита России,
Сыны-храбрецы,
Сыны удалые,
За правду борцы!
Идите вы смело
На страшный на бой
За правое дело
Отчизны родной.
За честь и свободу
Обиженных стран,
За славу народа,
За братьев-славян!
И бейтесь геройски,
Как бились и встарь;
Да здравствует войско!
Да здравствует царь!
Мы, женщины, будем
Молиться за вас,
Мы вас не забудем
В ужасный тот час.
Когда вы пойдете
На смертную брань,
У нас вы найдете
Посильную дань.
Не слезы в несчастье,
Не вздохи вас ждут,
А наше участье,
Наш радостный труд.
Идите же смело
На страшный на бой,
За правое дело
Отчизны родной.
За честь и свободу
Обиженных стран,
За славу народа,
За братьев-славян!

Установить фамилию автора не удалось. В сборнике Глинский-2 поэт обозначен: «М. С.» (С. 74–75).

83
Богатыри

Время старое, далекое
Удалых богатырей;
Много витязей трудилося
В пользу родины своей.
Да уж, верно, притомилися,
Спать надолго улеглись,
И пошла молва, что витязи
На Руси перевелись.
Время тихое и мирное,
Дела нет богатырям;
Нет простору разгулятися
Их отточенным мечам.
Спит Илья наш, спит Добрынюшка
Под узорчатым шатром,
Спит Микула Селянинович,
Спит Алеша крепким сном…
Но настало время страшное:
Стоном полнится земля;
Стонут темные дубравушки,
Стонут горы и поля…
Прерван сон могучих витязей,
Разбудил их шум и гром;
Открывают очи ясные,
Озираются кругом.
Что? Идолище ль поганое?
Иль Тугарин это змей,
Налетев на Русь родимую,
Будят сон богатырей?
Нет, то враг еще невиданный,
Враг ужасный, враг лихой…
Но уж витязи могучие
Собираются на бой.
Гой вы, братцы, просыпайтеся,
Посчитаемся с врагом,
Поработать есть где силушке,
Поработаем мечом.
По Руси тот клич разносится,
И со всех концов земли
На врага того нежданного
Смело витязи пошли.
Страшен враг, да ты не радуйся,
Русь тебе не победить,

Есть кому ее, родимую,
От напасти защитить.
Русь великая, могучая,
Созывай своих детей;
Много их, твоих защитников,
Удалых богатырей.

В сборнике Глинский-2 приведены инициалы автора: М. Н.
Глинский-2. С. 30–32

84
После боя

Пять суток, кровью облитые,
В теснине сумрачных Карпат
С врагом мы бились. На шестые
Жестокий дрогнул супостат!
Пальба умолкла... Над горами
Всплывал двурогий серп Луны,
И было тихо, как во храме,
Во мгле вечерней тишины.
И неба звездного моленье
Звуча лилось над синевой,
И мрак ложился в отдаленьи
Над нивой смерти роковой.
И вздохи павших, замирая,
В рубинах крови пролитой
К вратам таинственного рая
Неслись тропою золотой.

Установить фамилию автора не удалось.

85
Боевой марш

В русском строе
Все герои,
Вечно страшные врагам!
Наши деды —
Гром победы
Завещали крепко нам.
В каждом месте
Русской чести
Наши памятники есть.
Что ни город, —
Враг поборот,
Храбрецам хвала и честь!
Австриякам-
Забиякам
Братьев-сербов не дадим!
Злому немцу
Скоро перцу,
Очень скоро зададим!
Шельме прусской
Битвы русской
Захотелось удалой.
Если нужно,
Разом дружно
К черту Пруссию! Долой!..

Установить фамилию автора не удалось.

Публикации: БМ. С. 3; НПП. С. 98; Пр. С. 84; Пр.-Ю-4. С. 7; С.-Пр.-1 и 2. С. 90–91.

86
Герой Крючков

Вы слыхали про Крючкова?
Разогнав коня лихого,
Поскакал он с громким криком
Напролом к немецким пикам.
Не болтал он по-немецки,
Только крикнул молодецки
Да махнул своею шашкой —
Немец разом вверх тормашкой ...
Остальные в злобе дикой —
На него с колючей пикой;
Но Крючков проворен, хваток,
Зарубил еще десяток!
Ай, да ловко! Это дело!
Немцам здорово влетело!
Вся Германия в конфузе
От геройской битвы Кузи.

Слышно не было в Берлине
О Кузьме лихом доныне.
Будут знать теперь наверно,
Что с Кузьмой тягаться скверно...
Будут помнить трепку нашу,
Ведать Кузькину мамашу!

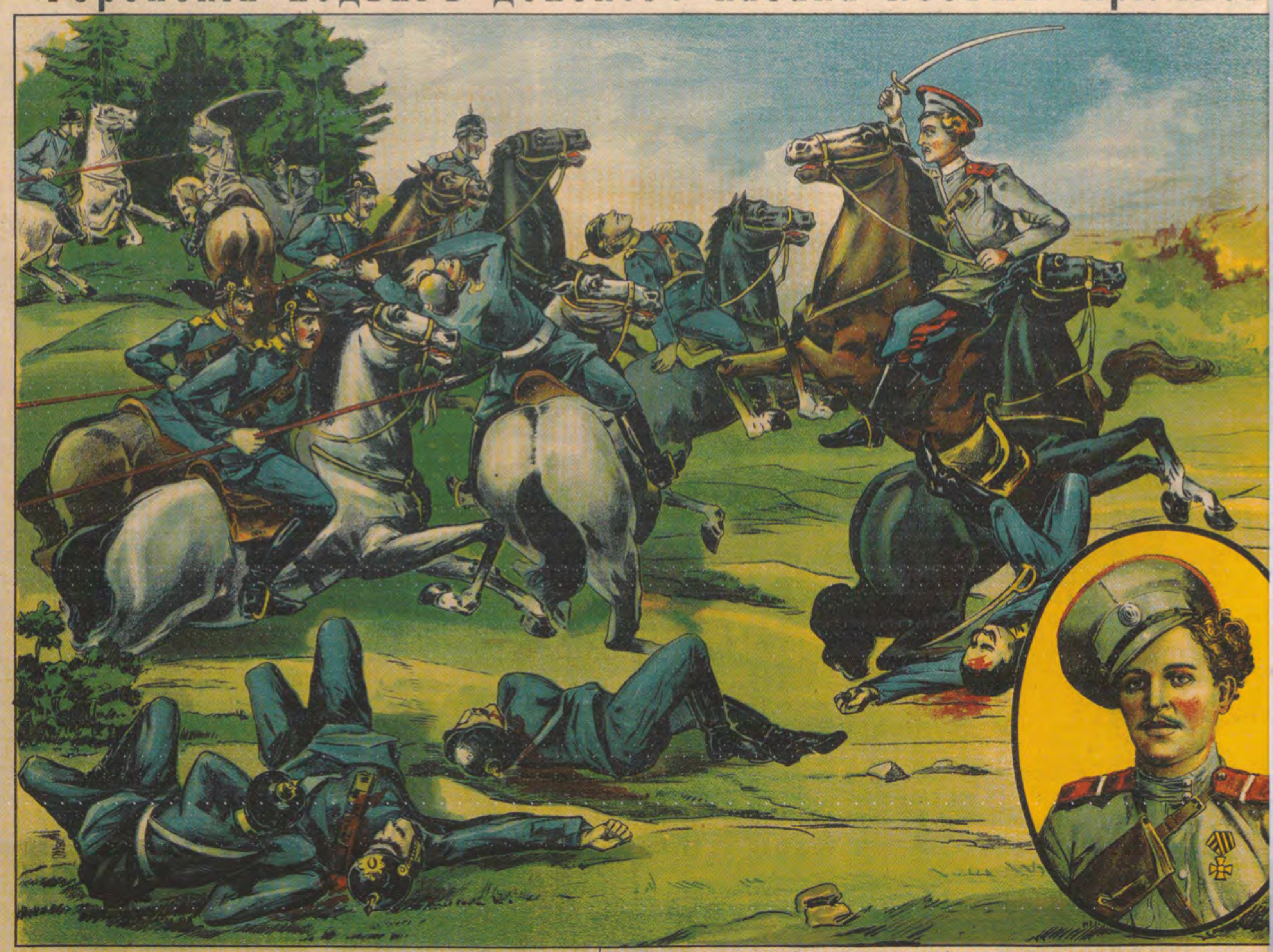
Установить фамилию автора не удалось.

Публикации: НПП. С. 99; Пр.83; Пр.-Ю-4. С. 4; С.-Пр.-1 и 2. С. 91–92.

87
Метелица
(Солдатская песня)

Как по улице метелица метет,
Хитрый немец за метелицей идет,
Здравствуй, аховый молодчик немчура!
Познакомились с тобой мы не вчера.

Неизвестный художник. Геройский подвиг донского казака Козьмы Крючкова. М., 1914. Хромолитография



При царице Лизавете в твой Берлин
Забивали мы на совесть русский клин.
Память, стало быть, немецкая слаба:
Позабыл ты наших прадедов хлеба!
Расползясь от русской ласки вширь и вдоль,
Чем надумал нам платить за хлеб и соль?
Разговор с тобою, немец, поведем
Из окопов пулеметом да ружьем.
А коль часом расходится рука,
Ты отведаешь, приятель, и штыка!
Штык наш дедушке Суворову был мил,
Через Альпы с ним в Италию ходил,
Измаил ему и Прагу и Рымник
Брал товарищ неизменный, русский штык.
Ах, соседушка, поверь — в недобрый час
Ты пошел войною разбойною на нас!
За гордыню да за алчность за свою
Жди в Берлин к себе ты грозного судью.

Стихотворение поэта, переводчика Николая Борисовича Хвостова (1849–1924), написано в жанре пародии на популярную песню «Вдоль по улице метелица метет», сочиненную Д. П. Глебовым (1789–1843) и положенную на музыку А. Е. Варламовым. Опубликовано в 1915 г. в журнале «Лукоморье».

Публикации: НПП. С. 103, 13 («Оружьем на солнце сверкая»); Пр. С. 71; С.-Пр.-1 и 2. С. 92–93.
Варианты: Глинский-2. С. 67; Крылов. С. 40–41.

88
Война и голуби

Не кори меня, голубка,
За воинственный мой пыл!
Я купил два полушубка,
Шарф и варежки купил.
На тебя, мою голубку,
Я затратил сердца жар,
А на теплую покупку —
Стихотворный гонорар.
Я послал мой дар в окопы
Для бойцов родной земли,
Чтоб немецкие холопы
Застудить их не могли.
Дух бодрей, коль плоть согрета...
Как охотно, бросив все,
Я и сам перо поэта
Променял бы на ружье,
Сам забрался бы в траншеи,
Сам пошел бы в смертный бой
И лупил врага по шее
Поэтической рукой!
Будем биться, если надо,
Если родина зовет;
За поход живым — награда,
Мертвым — память и почет.
Коль вернусь живым из боя
К обожаемой моей,
Верю, милого героя
Ты обнимешь горячей;
Если ж мне дано судьбою
Быть убитым на войне,
Светлой, чистой и святою
Будет память обо мне.
Не грусти ж! Грусть — отрава...
Лучше в путь меня готовь!
Прежде — родина и слава,
А потом уже любовь!

В. Мазуркевич

Стихотворение Владимира Александровича Мазуркевича (1871–1942), поэта, прозаика, драматурга.

Публикации: С.-Пр.-1 и 2. С. 93–94.

89
Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилася моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,

И солнце жгло их желтые вершины,
И жгло меня — но спал я мертвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне;
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.
Но, в разговор веселый не вступая,

Сидела там задумчиво она,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.
И снилась ей долина Дагестана...
Знакомый труп лежал в долине той,
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей...

М. Ю. Лермонтов

Стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841), впервые опубликованное в 1843 г. в журнале «Отечественные записки» (Т. 27. № 4. Отд. 1. С. 182). В песенниках публиковалась с 1860-х гг.

О песне см.: *Симаков В. И.* Народные песни, их составители и их варианты. М., 1929. С. 107.
Гусев. № 375.

Неизвестный художник. Подвиг казака Филиппа Приданникова. М., 1914. Хромолитография

Оглавление

Песни

1. Прапорщик 205
2. Поехал казак на чужбину 205
3. От русско-германской границы 206
4. Звенит звонок 206
5. Военная песня 207
6. Уж ты поле, мое поле 207
7. Вы победные головушки солдатские 208
8. Ты не пой, не пой, соловушка 208
9. Слава вам, герои севера 209
10. Солдатская песня 210
11. Варяг 211
12. Плещут холодные волны 211
13. Умер бедняга 212
14. Трансвааль 214
15. На сопках Манчжурии 215
16. Шумел, горел пожар Московский 215
17. Песня рекрута 216
18. С горем его провожали 217
19. Два гренадера 217
20. Помню, я еще молодушкой была 218
21. Сунженец 218
22. Тебя мы ждали круглый год 219
23. Ай, во поле, полюшке 220
24. Утром ранней весной 220
25. Трубочка 221
26. За рекой огонь горит 222
27. Прощай, любезная станица 222
28. Казаки 223
29. Наливай чарку полней 223
30. Шашка 224
31. Где мой конь вороной 224
32. Ну, ребята, марш домой 225
33. Слышно, бьют тревогу 226
34. Под ракитою зеленой 226
35. Уж как пал туман 227
36. Друзья, под знамя соберемся 228
37. Над Дунаем, над рекой 229
38. Спите, орлы боевые 229
39. Взвейтесь, соколы, орлами 229
40. Кончен, кончен дальний путь 230
41. Наш полк 231
42. Станем, братцы, собираться 232
43. Друзья, товарищи, простите 232
44. Прощание ратника 232
45. Вспомним, братцы, русских славу 233
46. Полночь наступает 233
47. Новая солдатская песня 235
48. Славные ребята, донски казаки 235
49. Как Виля брал Варшаву 236
50. Солдатики, други дорогие 237
51. Любим драться со врагами 238
52. Винтовка 239
53. Гренадеры молодцы 239
54. Ты, Россия, ты, Россия 241
55. Ванька Хренов 242
56. Курка 243
57. Эх, скажи, Марусенька 244
58. Дунай 245
59. Ай, Дунюшка, Дуня 245
60. Что за песни, что за песни 246

Военные стихи

61. Песенка бельгийских солдатиков 247
62. Из-за леса, леса 248
63. Безумно грохочут мортиры вдали 248
64. Вы послушайте, стрелочки 249
65. За родину 250
66. Вперед 250
67. Вперед, за родину 251
68. Русь 251
69. Песня терских казаков 251
70. Из тайги, тайги дремучей 252
71. Казацкая 252
72. Лихой казак 253
73. В полевом лазарете 254
74. Умирающий казак 254
75. Я помню ночь 255
76. Обручальное кольцо 255
77. Ночь темна 256
78. Бородино 257
79. Нет, не рыдайте на этих могилах 258
80. Арина, мать солдатская 258
81. Унеси ты, ветер буйный 259
82. Защита России, сыны-храбрецы 260
83. Богатыри 260
84. После боя 261
85. Боевой марш 261
86. Герой Крючков 261
87. Метелица 262
88. Война и любовь 263
89. Сон 263

А. Г. Бобров
Солдатские магические тексты

Из неопубликованных крестьянских рукописей Древлехранилища им. В. И. Малышева

Солдаты, уходившие из дома на Первую мировую войну, как и много веков назад, брали с собой «заветные слова», направленные на защиту от поражения и ранения противником во время боевых действий. Такой случай ярко и выразительно описан в шестой главе третьей части первой книги «Тихого Дона». Здесь подробно говорится о том, как казаки, отправляющиеся на поля сражений Первой мировой войны, переписывали для себя магические тексты:

«— А молитва, какая она? <...>

Дед сурово насталил глаза, ответил всем сразу:

— <...> Молитву скажу. Всю турецкую войну пробыл, смерть за плечьми, как переметная сума, висела, и жив остался через этую молитву.

Он пошел в горницу, порылся под божницей и принес клеклый, побуревший от старости лист бумаги.

— Вот. Вставайте, поспишите. <...>

— Молитва при набеге — это ишо не в наши времена сложенная. Деду моему покойнику от его деда досталась. А там, может, ишо раньше была она. В старину-то с рогатинами воевать шли да с сагайдаками.

Списывали молитвы на выбор, кому какая приглянется».

Далее приведен полный текст переписываемых казаками трёх заговорных текстов, озаглавленных соответственно как «Молитва от ружья», «Молитва от боя» и «Молитва при набеге». В романе этот эпизод завершается авторской ремаркой: «Увезли казаки под нательными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родимой земли, но смерть пятнила и тех, кто возил с собою молитвы. Трупами истлевали на полях Галиции и Восточной Пруссии, в Карпатах и Румынии — всюду, где полыхали зарева войны и ложился копытный след казачьих коней».[1]

Традиции солдатской магии восходят к глубокой древности. Заговорные тексты, названные в «Тихом Доне» «молитвами», были широко распространены и в Древней Руси, и в более позднее время. Е. Н. Елеонская писала, что «поводом к сложению и распространению подобных заговоров является страх перед опасностями войны и желание найти более надежную защиту, нежели обычное вооружение».[2]

Эти произведения могли представлять собой как весьма краткие заклинания, так и обширные тексты, являвшиеся результатом «своеобразного синтеза христианских молитв и фольклорных заговоров».[3] Иногда в рукописях авторство заговоров от вражеского оружия приписывалось пророку Илье или Александру Македонскому.

Наиболее ранние сохранившиеся до наших дней списки русских заговоров от вражеского оружия относятся к XVII в.[4] Магические тексты были направлены

[1] *Шолохов М. А.* Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1956. Т. 2. Тихий Дон: Книга первая. С. 276–279.

[2] *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994. С. 127.

[3] Сборник заговоров XVII в. от оружия / Предисл. и публ. Л. И. Сазоновой, А. Л. Топоркова //Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 226.

[4] Предварительный перечень списков заговоров от вражеского оружия приведен в книге: *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005. С. 403-405 (указано 20 сборников, содержащих такого рода заговоры, в том числе пять – XVII в.); современные издания текстов воинских заговоров по рукописям XVII–XIX вв. см.: Великоустюжский сборник XVII в. /Предисл. и публ. А. А. Турилова, А. В. Чернецова //Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 180–181, 184–215; Сибирский сборник XVIII в. /Предисл. и публ. А. А. Турилова //Там же. С. 259–265; Сборник заговоров XVII в. от оружия /Предисл. и публ. Л. И. Сазоновой, А. Л. Топоркова //Там же. С. 225–232; Заговоры от вражеского оружия в сборнике XVIII в. /Публ. Л. И. Сазоновой, А. Л. Топоркова //Там же. С. 268–290; Русские заговоры из рукописных источников XVII–первой половины XIX в. /Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. То-

на то, чтобы оружие противника становилось неэффективным, разрушалось, промахивалось мимо цели или не могло нанести урон и, наоборот, чтобы свое оружие действовало безотказно и метко, а сам солдат был неуязвим и невредим.

Так, например, в Лечебнике XVII в. находится следующий весьма архаичный заговор: «Кован еси брат, сам еси оловян, а сердце твое вощано, ноги твои камены от земля до небес, не укуси мене, аки пес оттай, оба есмя от земля, коли усмотрю тя очима, своего брата, тогда убоится твое сердце моих очей усмотрения, ты вощан».[5] Здесь меч противника осмысляется как «человек, имеющий собственное тело, сердце и ноги, подверженный испугу и способный укусить, как собака <…> Мечу предписывается быть не из стали, а из олова или из воска; он наделяется также сердцем из воска, которое должно испытывать страх».[6]

Существовали и заговоры, предназначенные для защиты от огнестрельного оружия. Они также сохранились в списках начиная с XVII в. Так, например, в рукописи 1688–89 гг. находится заговор от пуль: «Мать Божья, Пресветая Богородица, раба своего Якова от скорьби и недугов нетленною своею пеленою, Пятница Просковея, Варвара мученица, Котерина мученица, Настасея мученица, нетленною своею ризою защити и закрой раба своего Якова от пищаль и от свинъцу, железа, от земли и свинъцу. Мать Божия, Пресветая Богородица, как ветер кругом ходит круг древа, и так бы ходила свинцовая пуля круг моей шапки».[7]

В более поздних заговорах перечень вредоносного оружия часто становится предельно подробным, как бы гарантирующим защиту от всех возможных его разновидностей. В рукописи 1810–20-х гг. читается такой текст, названный публикатором (А. Л. Топорковым) «неканонической молитвой»: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Благослови, Господи, сию молитву говорить от воинскаго оружия, и от воинскаго бою, и от стрел летящих. Есть море океан, на том море океане есть мост железной, на том мосту стоит столп железной, на том столпе сидит царь железной, подпершись своим посохом железным. Заповедывает своим детям железным, всякому железу кованому и некованому, и простому, и булатному, синему и красному, и стале, и меде, и олову, и проволоке. Святый великий Михаил архангел, небесных сил воевода, и собор архангела Гавриила и протчих безплотных небесных сил воинств, закривает и защищает своимы златыми скипетры, и защити меня, раба Божиего имрек, от земли и до небеси, от востака и запада святых месть, возвратитися въспять, закрывает и защищает своимы златыми скипетры, и защити меня, раба Божия имрек, от моих супостатов и недругов, и от их оружия, от пушек, и от супостатов, и от пистолет, и от синапалов, и от ядр железных, и от камени, и от пуль свинцовых, и от оловянных, и от мечов, и от сабель, от бердашев, и от топоров, от ножа и от копей, и от рогатин, от шил, и от кистенев, и шатоперов, от стали, от булату, от уклату, и от стрел летящих…».[8]

Другую группу заговоров от вражеского оружия, согласно Е. Н. Елеонской, составляют «короткие словосочетания, не имеющие определенного плана и лишенные законченных картин и образов»[9] (пример: «Ты не стрелец, ты чернец, у тебя не ружье, у тебя кочерга; у тебя не порох, а сенная труха, забита палкою»[10]). «То, что объединяет все эти разнообразные заговорные формулы, — утверждает Е. Н. Елеонская, — это определенная мысль о слабости вражеского оружия и невозможности для него повредить лицу, произносящему заговор».[11]

поркова. М., 2010. С. 333–334, 336–337, 339–341, 353–356, 435–441, 448, 451, 456–460, 463–470, 494-498, 518–523, 667–673, 701–707, 728–732. Дополнительно, помимо публикуемых в настоящем издании магических текстов времени Первой мировой войны, отметим также список XIX века апокрифической «Молитвы на рать идущим» (ИРЛИ, Древлехранилище им.В. И. Малышева, Латгальское собр., № 219).

[5] *Топорков А. Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв. С. 301 (по рукописи ГИМ, собр. Московской Синодальной библиотеки, № 481).

[6] Там же. С. 302.

[7] Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. С. 333 (по рукописи РГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Приказной стол, № 1133).

[8] Там же. С. 701 (по рукописи РНБ, ОСРК, Q.XVII.218).

[9] *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. С. 135–136.

[10] *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб., 1909. Вып. 2. С. 71 (№ 93).

[11] *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. С. 137.

Ловис (?). Под гром орудий. Набросок с натуры. Рис. из журнала «Лукоморье». 1915. № 1. С. 9

Особой разновидностью текстов, предназначенных для защиты от вражеского оружия, были так называемые «святые» или «небесные» письма. Традиция распространения разнообразных по содержанию и назначению писем, обеспечивающих переписчикам различные блага и (или) неуязвимость, дожила, как известно, до наших дней.[12] А. А. Панченко, наиболее подробно исследовавший эти произведения и предложивший для них общее название «магические письма», пишет, что они «могут представлять собой и молитву, и проповедь, и абракадабру, и ускользающий текст». Они наследуют и русской, и западноевропейской традиции. Если в связи с этим задуматься о жанровой специфике магических писем, то окажется, что здесь довольно трудно найти сколько-нибудь отчетливое определение. С одной стороны, они, вне сомнения, имеют признаки заговора и магического оберега. Это видно и из функционального сходства писем с текстами,

[12] См.: *Лурье В. Ф.* «Святые письма» как явление традиционного фольклора // Русская литература. 1993. № 1. С. 142–149; *Панченко А. А.* 1) Ускользающий текст: Пророчество и магическое письмо // *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 341–353; 2) Магические письма // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 620–633 (статья); 634–642 (публикация текстов); *Радченко Д.* Одно абсолютно счастливое письмо: К вопросу о распространении фольклора в Интернете // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 163–187 и др.

употребляющимися в ритуально-магическом обиходе, и из совпадения некоторых морфологических особенностей такого письма и заговора. С другой стороны, нельзя отрицать и влияния средневековой апокрифической молитвенной традиции».[13] В такого рода сочинениях часто встречается «произвольный набор знаков, буквенно-цифровая абракадабра, служащая магической квинтэссенцией письма».[14]

История одного из текстов такого рода прослеживается довольно отчетливо. Речь идет о немецком «Бракском небесном письме» (der Braker Himmelsbrief), которое А. Н. Веселовский возводил к средневековому апокрифу «Епистолия о неделе» (известному в разных странах, в том числе и на Руси в рукописях начиная с XV в.). Сюжет «Бракского небесного письма» в изложении А. Н. Веселовского таков: оно «начинается рассказом, как один граф хотел казнить своего служителя, и казнь не могла быть исполнена, потому что меч не тронул осужденного. На вопрос графа служитель показывает ему рукописание, которое носил при себе и на котором стояли буквы: B. I. H. B. K. S. K. K. Когда граф прочел его, велел, чтобы всякий имел его при себе, потому что сила его велика».[15]

В 1900 г. был опубликован довольно близкий к немецкому оригиналу русский перевод Бракского письма по рукописи, происходящей с Кубани,[16] а спустя полтора десятилетия, зимой 1915 г., похожий текст был прислан в Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Он был получен в Оренбурге от солдата, участника Первой мировой войны, который считал его «очень пользительным». Е. Н. Елеонская, опубликовавшая это произведение, определила его как «заговор на оружие» и отметила, что «ни одна русская рукопись не сохранила подобного текста», поэтому «появление такого заговора от оружия в русском народе может быть объяснено тем, что печатные произведения из Западной Европы свободно проникают в русские пограничные местности и что появившийся печатный текст мог быть переведен и распространен; да и при личных сношениях с иноземцами русские могли воспользоваться их знанием заговора».[17]

Аналогичные тексты, которые следует относить не к жанру заговоров, а к жанру «магических писем», сохранились и в публикуемых ниже рукописях Древлехранилища из Карельского и Северодвинского собраний. Несмотря на свое происхождение с Русского Севера, они не восходят к севернорусской литературной и фольклорной традиции, что доказывается их широким распространением по всей России. Достаточно упомянуть не только существование схожих версий, зафиксированных на Кубани и в Оренбурге, но и бытование близкого варианта в православной гагаузской рукописи (недавно найденный Е. Н. Квилинковой сборник из села Бешгёз на юге Молдавии).[18] Скорее всего, именно во время воинской службы, особенно в период Первой мировой войны, могли получать распространение магические сочинения, которые списывались солдатами друг у друга и отвозились потом в родные деревни и села по всей территории Российской империи.

Судя по разночтениям версий магического письма, переписчики довольно свободно обращались с его текстом, а возможно, записывали его по памяти. В «Оренбургской» версии письмо начинается так: «Имел граф слугу, которому велел за проступок отрубить голову. Полач, которому поручил принимать сие, не мог ему никакого вреда. На вопрос графа он показал письмо...». «Карельский» вариант передает этот эпизод следующим образом: «У одного графа был слуга, отца которого хотел он погубить, но как могло случится, что палач ему не мог ничего зделать. Когда граф его увидал, то он спросил, как это могло случиться, что его меч не мог убить. Тогда слуга ему это письмо показал...». В «Северодвинской» версии нет графа, вместо слуги фигурирует солдат, появляется название города, где происходят описываемые события: «<Во> Франции в городе Шинвири солдату какого

---

[13] *Панченко А. А.* Ускользающий текст: Пророчество и магическое письмо. С. 352.

[14] Там же. С. 344.

[15] *Веселовский А. Н.* Опыты по истории развития христианской легенды. II. Эпистолия о неделе // Журнал Министерства народного просвещения. 1876, март. С. 106.

[16] *Дикарев М. А.* Апокрифы, собранные в Кубанской области // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 89–90.

[17] *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. С. 138–140.

[18] *Квилинкова Е.* «Святые письма» в гагаузской религиозной рукописной традиции // Revista de Etnologie Şi Culturologie. Chişinău (Кишинев), 2011. Vol. 9–10. S. 46–48.

полка хотели снять голову и нечего сделать не могли, все удивились. Тогда салдат показал это письмо им...». В «Гагаузском» варианте есть граф, но вместо слуги присутствует солдат, которого пытаются расстрелять (а не отрубить ему голову): «Одного солдата присудили разстрелят и ничего не могли с ним сделать. Граф удивился, когда солдат показал это письмо...». Дальнейшие существенные различия между текстами в сохранившихся рукописях в большей степени характерны не для письменной, а для устной традиции.

Судя по указаниям в «Тихом Доне» («Увезли казаки под нательными рубахами списанные молитвы. Крепили их к гайтанам, к материнским благословениям, к узелкам со щепотью родимой земли») и в публикуемых ниже текстах («Кто это письмо при себе носит, тот не может быть повредим, и его враги его телу вреда не зделают»; «Кто это благословение при себе имеет против врагов, тому никакого зла не будет от неприятельскаго оружия»; «Кто это письмо имеет на войне, то не один враг не повредит его»), сами рукописи с магическими произведениями могли использоваться в качестве оберегов и амулетов. Они постоянно носились солдатами при себе во время военных действий. Об этом же свидетельствует и внешний вид сохранившихся списков воинских заговоров и магических писем: зачастую это потрепанные и потертые тетради карманного формата. Е. Н. Елеонская отмечала, что «написанный на листке бумаги или в небольшой тетрадке и носимый на себе во время военных действий заговор считался, считается и до сих пор <написано в 1917 г., — *А. Б.*>, способным отвратить всякое оружие и защитить от нападения и хитрости врага. <...> многие безграмотные также пользуются написанными заговорами». Далее исследовательница привела конкретное наставление, помещенное в конце одного заговора от оружия: «...а хто умеет в грамоте, или не умеет, и сия молитвы возит или носит с собою в чистоте».[19]

Образцы произведений такого рода (краткие заговоры от вражеского оружия и магические письма) находятся в рукописях, относящихся к эпохе Первой мировой войны, — в двух сборниках Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: Карельское собр., № 527 и Северодвинское собр., № 223.

Судя по содержанию, сборник из Карельского собрания[20] в целом был предназначен для магической защиты своего владельца. В этой рукописи содержатся весьма популярные в крестьянской среде апокрифы («Сон Богородицы», «Иерусалимский свиток», «Сказание о 12 пятницах», «Хождение Богородицы по мукам»), но особый интерес вызывают два заключительных произведения сборника: «Небесное письмо» (л. 17–18 об.), о котором речь шла выше, и весьма краткий текст, находящийся на последнем, выпадающем из переплета листе рукописи (л. 20), представляющий собой своеобразное соединение апокрифической христианской молитвы и фольклорного заговора. Судя по заглавию («Оружие») и по содержанию, он был предназначен для защиты от ранения на войне.

Еще один образец солдатского рукописного оберега-амулета представлен северодвинским по происхождению сборником карманного формата,[21] принадлежавшим Самсону Ивановичу Хапнову. Об этом свидетельствует сделанная печатными буквами запись на бумажной обложке рукописи.[22] Наряду с каноническими церковными молитвами и псалмами этот сборник содержит апокрифические произведения, в том числе несколько вариантов «Святых писем», а также заговоры. Рукопись по почерку датируется приблизительно временем Первой мировой войны; во всяком случае, она была переписана при императоре Николае II, который упоминается на л. 6. Можно с уверенностью полагать, что данная рукопись представляет собой «солдатский» сборник, поскольку она содержит «заговор от пуль» (л. 17 об.–18), а также пожелание «нижних награждайте» (л. 3 об.; явно имеются в виду нижние чины), упоминание «поля брани» (л. 24). Кроме того, в рукописи говорится: «Кто это письмо имеет на войне, то не один враг не повредит его» (л. 5). В комментарии к Шестой заповеди («Не убий») утверждается, что «не грешит тот, кто

[19] *Елеонская Е. Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. С. 127 (из рукописи 1733 г.: ГИМ, Музейское собр., № 2275). Цитата исправлена по современной публикации: Сибирский сборник XVIII в. С. 261.

[20] ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Карельское собр., № 527. Начало XX в. Скоропись. 20 л.

[21] Там же, Северодвинское собр., № 223. Начало XX в. Подражание печатному шрифту и скоропись. 34 л,

[22] «Сия кн(и)жка пренадлежт крестьянину Самсону Ивановичу Хапнову. Куплена <...> ние 30 янва<...> Цена 1 <...>» (л. 1).

убивает неприятеля на войне, потому что войною мы защищаем веру, Государя и отечество наше» (л. 32 об.). Очевидно, рукопись была предназначена не только для чтения, но и сама по себе являлась своего рода оберегом, который солдаты всегда носили при себе.

Обе эти севернорусские рукописи, представляющие собой сборники различных молитв, апокрифов и магических писем, публикуются не полностью, а лишь в тех частях, которые непосредственно посвящены солдатской магии. Разночтения из других рукописей приводятся выборочно: представляющие историко-филологический интерес или способствующие прояснению смысла публикуемого текста. При передаче текста рукописей «ъ» на конце слов опускается; вышедшие из употребления буквы заменяются на буквы современного алфавита; пунктуация приводится в соответствие с современными правилами, но авторская орфография, отражающая не только диалектные черты, но и уровень грамотности переписчиков, сохраняется даже в случаях явных ошибок и описок.

Неизвестный художник. На войне.
Почтовая карточка. Пг., 1916

«Заветные слова»

1. Сборник из Карельского собрания

. 17 // **Небесное письмо**

У одного графа был слуга, отца которого хотел он погубить, но как могло случится, что палач ему не мог ничего зделать. Когда граф его увидал, то он спросил, как это могло случиться, что его меч не мог убить. Тогда слуга ему это письмо показал со следующими буквами: «В. Ч. Н. В. Н. Г. К. К».[23] Когда граф это письмо прочел, то он объяснил, что это письмо каждый с собой носить должен. Если у кого-нибудь из носу кровь течет или другая кровавая рана, то нужно брать это письмо и класть на нее, и кровь сейчас остановится. Кто этому не верит, тот пусть пишет эти буквы на одном листе или старом //
об. оружие,[24] и воткнет на одной площади, тогда его не ранят. Кто это письмо при себе носит, тот не может быть повредим, и его враги его телу вреда не зделают. Это суть пять ран Христа: «К, Н, Г, Ч, К».[25] Тогда я нанадежен, что я не потерплю несправедливаго наказания. И кто это письмо при себе имеет, тому ни молния, гром, вода не повредят.

Домашнее или спасительное письмо. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Настолько правда, как Господь на Елеонской горе[26] тихо стоял, так должны все выстрелы и оружие врагов, убийц и воров. Это самое <нрзб.> укрепил, что все видные и невидные пистолеты и оружия, направленные на меня, должны будут замолкнуть // из-за смерти Иисуса и по приказанию ангела Михаила. л. 18

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Господь, будь с нами. Кто это благословение при себе имеет против врагов, тому никакого зла не будет от неприятельскаго оружия. Аминь. Аминь.

Если кто этому не верит, тот пусть спишет это, привесит собаке на шею и выстрелит в нее. Тогда увидит, что это правда,[27] что Христос умер, родился, взошел на небо и странствовал по земле. Меня нельзя заколоть, застрелить, отравить моего тела, ни внутренности не вредить.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа я молю во имя Господне Иисуса Христа, чтобы ни одна пуля в меня не попала, будь она из серебра, золота или свинца. //Отец Небесный хранит меня своею невидимою л. 18 об. силою свободным.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Это письмо от неба послано и в Галитынии найдено, оно носилось на племенами Иуды еще в 1742-м году.[28] Каждый с благодарностью старался списать и миру сообщать, к чему наставляю письмо, и что дальше стояло в нем.

Кто в воскресенье работает, тот от Бога отъвержден.[29]

<…> //Чтите и исполняйте мои заповеди, дан- л. 19 об. ные вам через моего ангела Михаила. Аминь. Аминь. Аминь».[30]

---

[23] В «Оренбургской» версии: «В. И. К. Н. В. К. В. К.», а в западном оригинале («Бракском небесном письме») — латинские литеры «B. I. H. B. K. S. K. K.».

[24] В «Оренбургской» версии: «на сабли или на ружье львом».

[25] В «Оренбургской» версии: «К. Н. И. Е. К.». Очевидно, пять букв каким-то образом соответствуют пяти ранам Иисуса Христа на кресте.

[26] В «Оренбургской» версии: «на горе такой».

[27] В «Оренбургской» версии вся эта часть фразы и предыдущая фраза читаются иначе: «Какой животный на шею пусть снимит и повесит, стрелять в него, тогда увидим и уверит».

[28] В «Оренбургской» версии вся эта фраза читается иначе: «Письмо сие прислана с неба замечаю буквами гомиткою <так!>. В том году 1724».

[29] В «Оренбургской» версии: «Кто не празднует по воскресеньям, тот проклят будет много, как скот неразумный. Повелеваю вам шесть дней работать, день седмый Господу своему служить». Здесь нашел отражение текст апокрифической «Епистолии о неделе», посвященной почитанию воскресного дня (см.: *Ткаченко А. А., Турилов А. А.* «Епистолия о неделе» // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 18. С. 530–533).

[30] В «Оренбургской» версии окончание текста другое: «Светите и проповедовайте. Дано мною через Архангела Михаила во имя Отца. Благослови меня, отдаюся Богу и Сыну и Святому Духу. И то три раза. Буду держать, пока меня Бог милостивый жив оставит. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. 3 х 3. Пресвятая Троица, спаси нас».

л. 20 ## //Оружие

С Богом я выхожу. Боже, мой отец, будь надо мной! Дух Святой, будь возле меня! Духъ Святой, будь передо мной! Сильнея кто, чем эти три слова. Пусть режет, жизнь в тело мне.[31] Иисусе, Иисусе, Иисусе! Аминь.

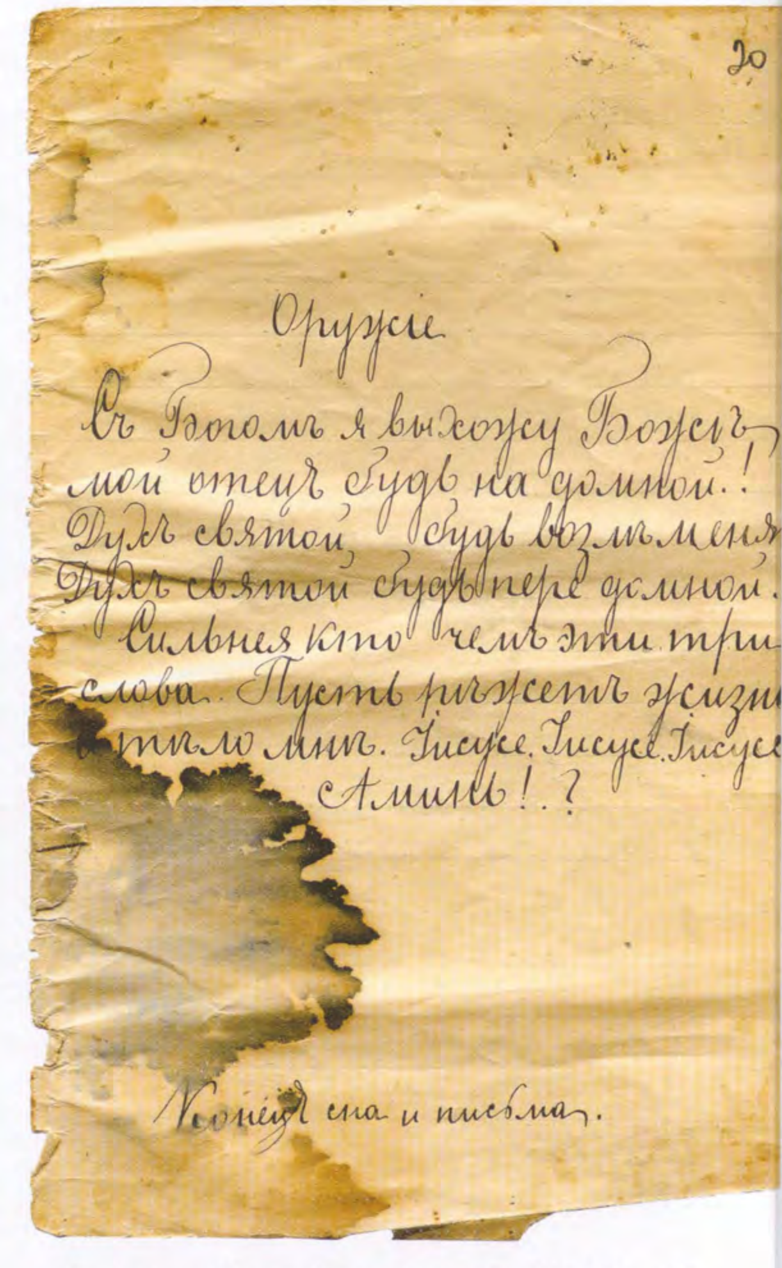
Конец сна и письма.[32]

2. Сборник из Северодвинского собрания

л. 2 ## //Святая молитва[33]

Господи, Иисусе Христе, Тебе молимся, святый Боже, святый креки, святый бессмертный, помилуй нас и спаси вся люди Твоя ради пречистой крови Твоея, святый Боже, святый креки, святый бессмерт-
л. 2 об. ный, помилуй нас, и избави // нас от скуки[34] ради пречистой крови Твоей и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Из Ерусалима был слышен голос: « Кто будет читать эту молитву, то Бог избавит от всяких бедствий!» Эта молитва была прислана епископом, чтобы он разослал эту молитву лицим.[35] Кто не захочет это сделать, того постигнет большое несчастие. И действительно, в г. Харкове[36] один учитель[37] не обратил внимания, когда получил эту молитву, и его постигло большое несчастие на третий день: его любящая дочь была убита громом.[38] Вы разошлите эту молитву,[39] и на девятый день[40] по получению этого письма прошу вас душевно это напомнить православным христианам.


20

Оружие

Съ Богомъ я выхожу Боже

мой отецъ будь на домной!

Духъ святой будь возлъ меня

Духъ святой будь пере домной.

Сильнея кто чемъ эти три

слова. Пусть рѣжетъ жизнь

в тѣло мнѣ. Iисусе. Iисусе. Iисусе

Аминь!.?

Конецъ сна и письма.

Заговор на оружие. Карельское собр., № 527, л. 20

[31] Фраза «Пусть режет, жизнь в тело мне», вероятно, имеет заклинательный характер: «...пусть <вражеское оружие меня> режет, <но> жизнь <сохранится> в тело мне <в теле моем>». В этой формуле явно выражена мысль о невозможности для вражеского оружия лишить жизни того, кто произносит заговор.

[32] Завершающая рукопись фраза «Конец сна и письма», очевидно, относится к двум входящим в состав сборника произведениям — «Сну Богородицы» и «Небесному письму».

[33] Текст близок к опубликованному варианту: *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 2. С. 85 (№ 94 (228), Кострома, конец 1900-х гг.). Переизд.: *Панченко А. А.* Магические письма. С. 634 (№ 2).

[34] В издании Н. Виноградова: «помилуй нас и всех от всяких мук».

[35] В издании Н. Виноградова: «девяти лицам».

[36] Имеется в виду город Харьков (Украина).

[37] В издании Н. Виноградова: «обыватель».

[38] В издании Н. Виноградова вся эта фраза со слова «обыватель» читается иначе: «...получив эту молитву, не обратил на нее внимания и сжег ее, и был наказан — он лишился единственной дочери».

[39] В издании Н. Виноградова: «По получении этой молитвы и вы разошлите ее девяти знакомым».

[40] В издании Н. Виноградова далее другой текст: «Вас постигнет большая радость».

л. 3 //Святое письмо

В Печерской Лавре[41] найдено письмо за иконой
Божьей Матери. Письмо это писано золотыми бук-
вами самим Иисусом Христом. Кто это письмо хочет
прочитать, то оно само раскрывается, потом опять
закрывается. Такое в старом времени писано: возвра-
3 об. щусь в Печерс // ком соборе за образом святаго Ми-
хаила. Я, Иисус Христос, Сын Божий, и матери моим
божеством повелено, чтобы во дни Воскресения почи-
тать как на всякое дело, так и на служение. Бедных не
забывайте и нижних награждайте, чтобы в этом свете
исповедывать хрехи, а если вы не будете исполнять
л. 4 то, что я вам прика // зываю, то буду вас наказывать
градом и ветром и огнем, и спущу царств на царство,
и бояр на бояр, и зделаю кровопролитие между вами,
чтобы вы остерегались земных заблуждений. В суб-
боту вечером нельзя работать. В воскресение и
праздныя дни ходить в церковь и молится Богу, пото-
му что вы много прегрешили передо мною. Не матери
4 об. бы моя, которая // молится за вас, я бы давно наказал
вас. Имени моего напрасно не произносите и не оби-
жайте отца, и матерь почитайте. Кто не будет верить
этому письму, тот будет проклят за ваше отношение.
Кто будет носить это письмо и давать другому читать,
то хоть бы имел столько грехов, сколько на небе звезд
или в море песку и на земе травы, то будет прощен. //А л. 5
кто это письмо при себе имеет
и не дает другому переписывать, то будет изгнан из
моего Царствия Божия. Кто это письмо имеет на
войне, то не один враг не повредит его. Кто это пись-
мо при себе носит, тот человек везде будет счастлив
и получит от Господа Бога Царствия Божия.

Аминь.

<...>

//Заговор от пуль л. 17 об.

Читать 3 раза

Господи, благослови, Отче! Есть на море Окияне,
на том море Океяне стоит //столб каменный. На том л. 18
столбе стоит муж каменный, надевает рубашку камен-
ную на грудь раба Божия (имя), от земли и до неба,

Заговор от пуль. Северодвинское собр., № 223, л. 17 об.–18

[41] Имеется в виду Киево-Печерский монастырь.

от востока до запада, (имя) от ручных стрел, от ружейных пуль, от черных ядер от чугунных, на 3 547 пудов[42] свинца, стали.

<...>

л. 23 //<Небесное письмо>

<Во> Франции в городе Шинвири[43] солдату какого полка хотели снять голову, и нечего сделать не могли, все удивились. Тогда салдат показал это письмо им, письмо с теми буквами, которыя писал Бог Господь: Б. д. н. к. б. д. ю. и.[44] И тогда граф то письмо переписал себе. л. 23 об. //У кого из носа кровь течет, то нужно письмо положить на руку, и кровь не пойдет. Христос это сам для всех людей святое письмо от милость, Иисус Христос, который от иудеев был распят на Кресте. Если женщина будет держать письмо, то всякий благий наследует. Где это письмо в доме лежит, то дом не загорится. Кто не верить будет этому письму, тот увидит л. 24 // перевидение перед смертию. Аминь.

К. д. в, л, п. г, л, н, м, и, в, т, с, в, я, т, м, в, а, р, а, т, п.[45]

Как Иисус стоял во Иордане, крестился, на поле брани и быть. Кто имеет это письмо, будет извесно, как Иисус Христос был распят смертию за грешных отцов наших, и как вера наша святая, потому что Господь Бог внушил Сыну Богу. //Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. л. 24

<...>

//6 заповедь л. 32

Не убий.

Шестою заповедью Бог запрещает отнимает у людей жизнь насилием или хитростию и всяким образом нарушать безопасность и спокоствия ближнаго, //и потому этой заповедью запрещается также ссоры, гнев, ненависть, зависть, жестокость. Напротив шестой заповеди, не грешит тот, кто убивает неприятеля на войне, потому что войною мы защищаем веру, Государя и отечество наше. л. 32

---

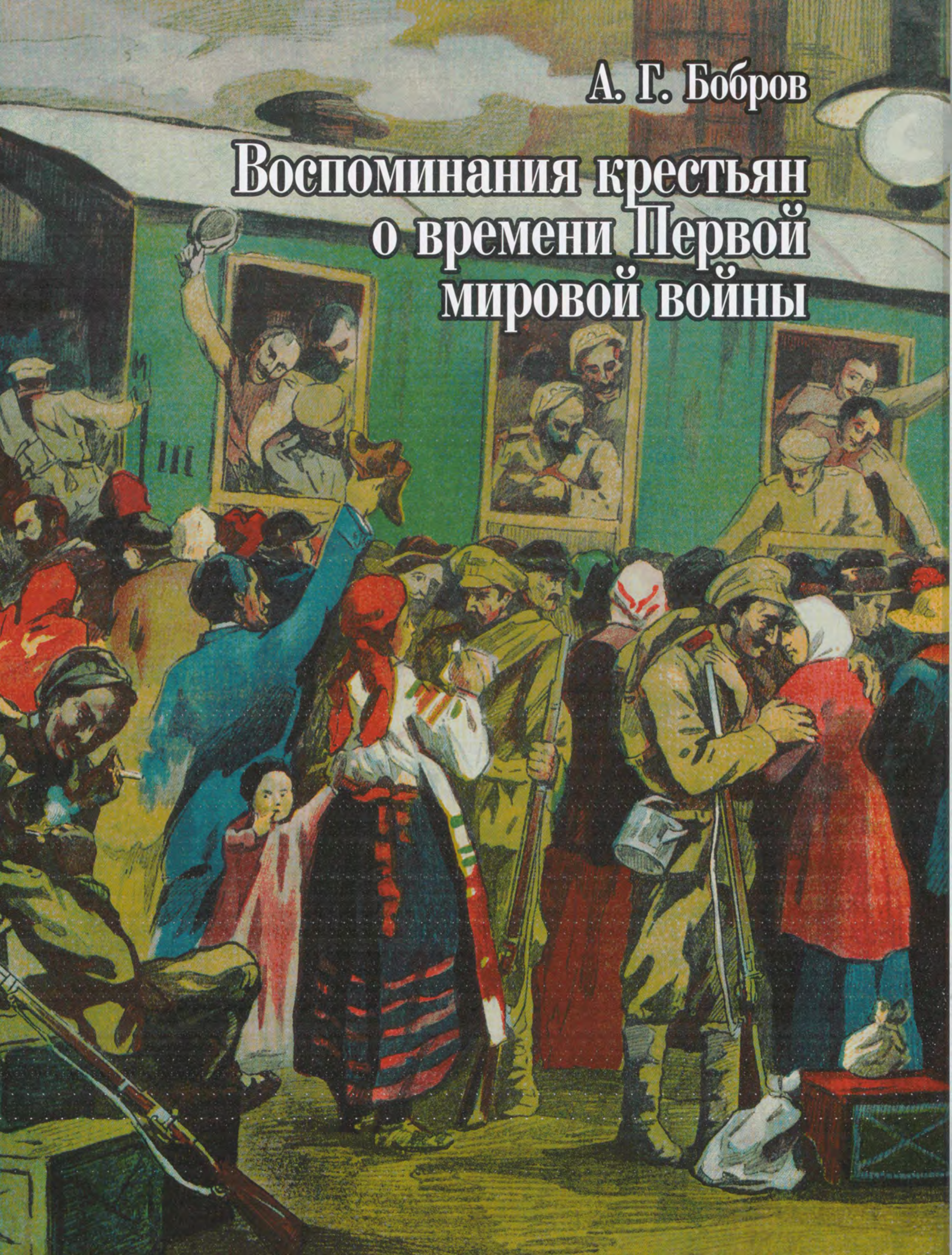
[42] 3 547 пудов = 58 099,86 кг.

[43] Вероятно, имеется в виду главный город департамента Савойи в Южных Альпах — Шамбери.

[44] Ср.: в западном оригинале («Бракском небесном письме») читаются латинские литеры: «B. I. H. B. K. S. K. K.», в «Карельской» версии: «В. Ч. Н. В. Н. Г. К. К», в «Оренбургской» версии: «В. И. К. Н. В. К. В. К.».

[45] Этот набор букв не имеет аналогов в других версиях текста.

Часть 2
СОЛДАТСКИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ


А. Г. Бобров
Воспоминания крестьян о времени Первой мировой войны

По рукописям Древлехранилища им. В. И. Малышева

Мемуарная литература о Первой мировой войне состоит по преимуществу из воспоминаний политических деятелей, генералов, офицеров, унтер-офицеров, прапорщиков, военных врачей, журналистов. Записки «нижних чинов» составляют незначительную часть мемуарного наследия,[1] поэтому крестьянские воспоминания о событиях столетней давности представляют собой особую ценность. Публикуемые в данном разделе воспоминания о времени Первой мировой войны объединяет несколько важных обстоятельств. Оба их автора, Иван Степанович Карпов и Степан Артамонович Ступин, жили на берегах больших севернорусских рек и занимались в основном крестьянским трудом. Оба текста были написаны примерно в одно и то же время — в 1970-х гг. Работавшие тогда на Русском Севере археографические экспедиции Древлехранилища ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН главным образом собирали и изучали древнерусские и старообрядческие рукописи, но их участники не могли пройти мимо такого интересного явления письменной культуры, как крестьянские воспоминания. Оба автора описали в мемуарах всю свою жизнь — не только эпизоды, связанные с Первой мировой войной. Но события 1914–18 гг. оставили особенно глубокий след в их памяти.

При передаче текстов воспоминаний пунктуация приведена в соответствие с современными правилами, но орфография, отражающая диалектные черты, «фонетическое письмо» и уровень грамотности авторов, сохранена даже в случаях явных ошибок и описок.

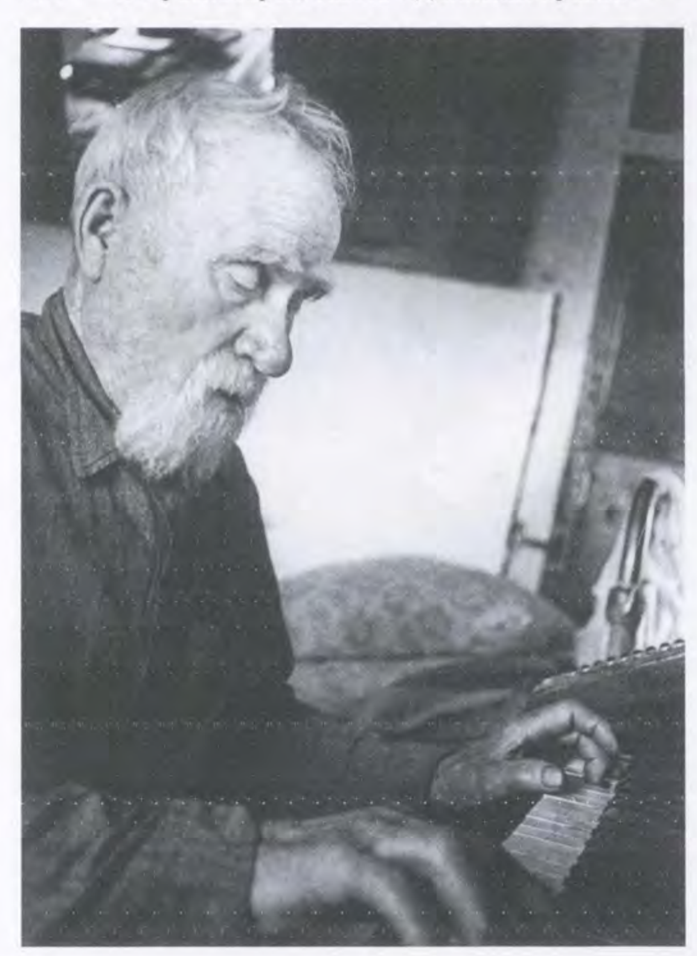
[1] Великая война: Сто лет / Под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. М.; СПб, 2014. С. 206–236 (с перечнем 77-ми исследованных мемуарных текстов о Первой мировой войне). Солдатские воспоминания см., например: *Вавилов А.* Записки солдата. М.; Л., 1927; *Новиков В. Н.* Мытарства русских солдат: Воспоминания русского солдата о пребывании во французских лагерях. М.; Л., 1929; *Карев П. Ф.* Экспедиционный корпус: (Воспоминания о русском экспедиционном корпусе во Франции во время Первой мировой войны). Куйбышев, 1957; *Лезин М.* Воспоминания рядового. Горький, 1958; *Шаевский Д. А.* Русские солдаты на Балканах (Воспоминания участника Первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74 и др.

Воспоминания Ивана Степановича Карпова

Иван Степанович Карпов родился 8 февраля 1888 г. в деревне Звягинской Ляховской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в бедняцкой крестьянской семье. В 1899 г. он окончил начальную четырехклассную школу. В 1902 г. по обету матери был отправлен в Соловецкий монастырь, где обучался в соборном хоре музыке и пению. В 1904 г. вернулся домой. В 1910 г. поступил в Архиерейский хор в Великом Устюге, а в 1911 г. стал псаломщиком Лябельской церкви Красноборской волости Сольвычегодского уезда. В 1912 г. Иван Степанович женился, а в 1914 г. вместе с женой совершил поездку в Соловецкий монастырь, которую подробно описал в своих воспоминаниях. Позже, в 1916 г., он был мобилизован в армию; в 1918 г. демобилизован и далее находился при Лябельской церкви до ее закрытия в 1928 г. 12 декабря 1936 г. И. С. Карпов был арестован как служитель церкви и направлен на лесозаготовку в Онеголаг; освобожден 3 мая 1939 г., после чего работал в Черевковском совхозе пчеловодом и столяром. В 1948 г. Иван Степанович вышел на пенсию и переехал в село Пермогорье Красноборского района Архангельской области, где провел оставшуюся часть жизни и умер в 1986 г. в возрасте девяноста восьми лет. Здесь же он был похоронен.

Воспоминания «По волнам житейского моря» были написаны Иваном Степановичем Карповым на склоне лет, в 1970–72 гг. Текст его воспоминаний (вторая машинописная копия) был прислан самим автором из села Пермогорье в Древлехранилище Пушкинского Дома в конце 1972 г.[2] Поскольку в воспоминаниях И. С. Карпова речь шла о репрессиях советской власти против верующих, основатель Древлехранилища В. И. Малышев вложил в папку лист бумаги с рукописной пометой: «Внимание! Рукопись читателям не выдавать! В. Малышев. 23/I/73 г.».

Только в годы перестройки появилась возможность опубликовать это сочинение. Впервые фрагмент воспоминаний Ивана Степановича был издан в июле 1990 г.,[3] тогда же научным сотрудником Древлехранилища Пушкинского Дома Г. В. Маркеловым была подготовлена первая статья об авторе воспоминаний.[4] Позднее, в 1992 г., сочинение Карпова с незначительными сокращениями было опубликовано Г. В. Маркеловым и С. С. Гречишкиным с предисловием Г. В. Маркелова в журнале «Новый мир».[5] Вскоре после появления первой публикации текста в «Огоньке», в августе 1990 г., дочь Ивана Степановича Галина Ивановна Карпова прислала по почте в Древлехранилище им. В. И. Малышева рукописный оригинал воспоминаний.[6] В разные годы в местной районной печати (газета «Знамя» — г. Красноборск, газета «Двинская правда» —



[2] ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Красноборское собр., № 162. Машинопись. 130 л.

[3] «По волнам житейского моря». И. С. Карпов (1888–1986): Записки лишенца / Публ. текста С. С. Гречишкина и Г. В. Маркелова//Огонек. 1990. № 29 (3287), 14–21 июля. С. 12–15, 28–29.

[4] *Маркелов Г. В.* Жизнеописание пермогорского крестьянина И. С. Карпова//Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 47. С. 423–429.

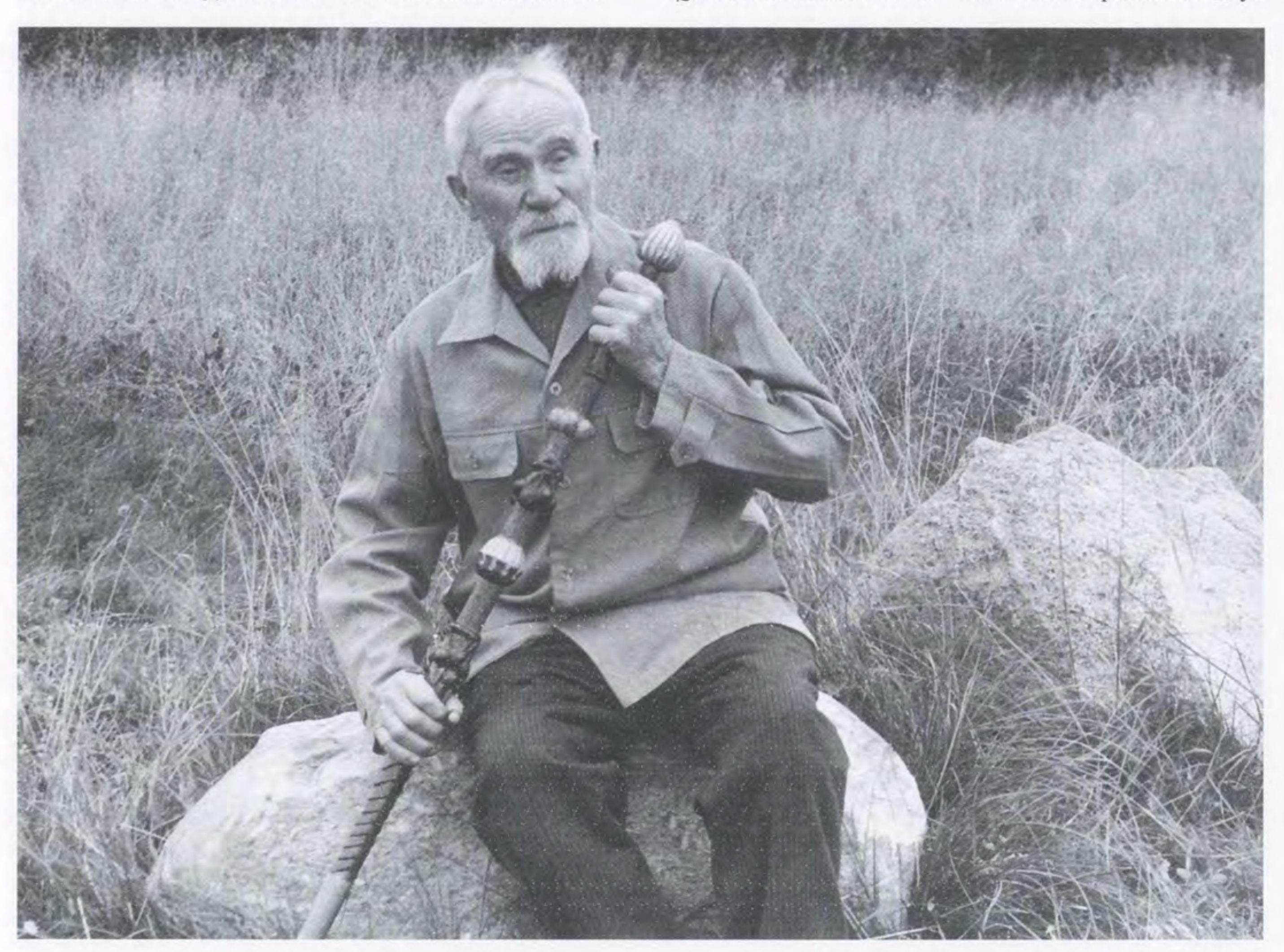
[5] *Карпов И. С.* «По волнам житейского моря»: Воспоминания//Новый мир. 1992. № 1. С. 7–76.

[6] ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Красноборское собр., № 401. В 4-ку. 1970-е гг. Тетрадь в картонном переплете, обтянутом зеленой тканью. Бумага в линейку. Скоропись. 152 л. (л. 2, 150–152 без текста).

г. Котлас и др.) появлялись публикации отрывков из воспоминаний Карпова, статьи о нем и его творчестве.

В 2014 г. появилось новое издание сочинений И. С. Карпова, подготовленное В. И. Щипиным.[7] Здесь впервые был опубликован раздел воспоминаний, посвященный солдатской жизни Карпова (издан по рукописи из Дома культуры с. Пермогорье),[8] введены в научный оборот переписка Ивана Степановича с С. З. Трубачевым[9] и его воспоминания о беседе со старообрядцами в 1910 г.[10] Все тексты подробно прокомментированы. К сожалению, публикатор ошибочно указал шифр рукописи Древлехранилища, по которой им были изданы воспоминания Ивана Степановича,[11] и полностью обошел молчанием все предшествующие публикации и статьи о Карпове.

В конце 1970-х гг. Иван Степанович Карпов написал дополнительный раздел воспоминаний, посвященный событиям 1916—18 гг. Он сохранился в двух



[7] *Карпов И. С.* «По волнам житейского моря»: История моей жизни /Сост., вступ. ст. В. И. Щипина. М., 2014. — 403 с. См. также: Пасека: Труды и дни пчеловода Карпова при новом режиме /Подгот. текста и публ. В. Щипина//Русская жизнь. 2009. № 8. С. 66—70; Документы о лишении избирательных прав сольвычегодского крестьянина Ивана Степановича Карпова. 1931—1934 гг. / Публ. и коммент. В. И. Щипина //Поморский летописец. Архангельск, 2011. Вып. 4. С. 270—281; И. Карпов. Исповедь грешника (Автобиография) / Публ. и коммент. В. И. Щипина //Архангельская старина. 2011. № 1—2. С. 50—57; *Щипин В. И.* Будни солдата запасного полка в годы Первой мировой войны (На основе воспоминаний рядового И. С. Карпова) //Проблемы изучения военной истории. Мат-лы Второй всерос. науч. конф. Самара, 15—16 апреля 2010 г. Самара, 2012. Т. 2. С. 230—233.

[8] *Карпов И. С.* «По волнам житейского моря». С. 104—147.

[9] Там же. С. 229—377.

[10] Там же. С. 381—391.

[11] Там же. С. 33 (Красноборское собрание, № 146). Под этим номером в Древлехранилище находится совершенно другая рукопись (Помянник). Судя по характерным чтениям текста, В. Н. Щипин использовал машинописный вариант воспоминаний (Древлехранилище, Красноборское собр., № 162), а не рукопись из Красноборского собрания, № 401 (см. ниже примеч. к тексту).

вариантах. Первый вариант, известный по рукописи, находящейся в музее Дома культуры с. Пермогорье, был опубликован В. И. Щипиным.[12] Он имеет заглавие «Моя солдатская жизнь в пехотном и пулеметном полках во время Первой мировой войны с Германией с 1916 по 1919 год». Другой вариант называется «Из воспоминаний пережитого». Он представляет собой второй экземпляр машинописи, который в 1990 г. также был прислан дочерью И. С. Карпова по почте в Древлехранилище Пушкинского Дома. В предисловии к сочинению «Из воспоминаний пережитого» автор говорит, что окончил начальную школу «79 лет назад» (Красноборское собр., № 402, л. 1), в 1899 г., что позволяет датировать начало работы над воспоминаниями о военном времени 1978 г. В послесловии «К читателю» И. С. Карпов пишет: «...возраст мой 91 год» (Красноборское собр., № 402, л. 23), из чего следует, что он завершил свой труд в 1979 г. Оба дошедших до нас варианта текста не являются первоначальными; они датированы 1980 г.[13] Первый вариант, сохранившийся в рукописи из Пермогорского музея, представляется более ранним: в нем еще нет разделения повествования на главы, а многие глаголы даны в форме настоящего времени. Во втором варианте (машинопись из Пушкинского Дома) помимо разделения текста на пять глав и последовательного исправления глагольных форм отдельные несущественные чтения сокращены, но при этом несколько фрагментов добавлено. В машинописи имеется правка шариковой ручкой (на л. 13, 16, 18, 22), вероятно, авторская. Версия текста из Древлехранилища Пушкинского Дома в большей степени, чем Пермогорская версия, отражает последнюю авторскую волю.

Для настоящего издания взяты тексты как из более ранних воспоминаний И. С. Карпова («По волнам житейского моря» — отрывки из 4-й и 5-й глав, в которых повествуется о военном периоде, о событиях 1914–19 гг.), так и из более поздних («Из воспоминаний пережитого»).

Фрагменты произведения «По волнам житейского моря» подготовлены к печати не по машинописи, как в предыдущих публикациях, а по рукописному оригиналу (Красноборское собр., № 401, л. 47 об.–50 об.; 53–55 об.).

Отсутствующий в рукописной версии текст воспоминаний, посвященный солдатской службе в 1916–18 гг. («Из воспоминаний пережитого»), воспроизводится по машинописной копии 1980 г. из Древлехранилища ИРЛИ (Красноборское собр., № 402, л. 2–23) со смысловыми разночтениями и некоторыми комментариями по изданию В. И. Щипина.

Воспоминания И. С. Карпова написаны ярко и образно, хорошим литературным языком. В первоначальной версии воспоминаний автор не упоминал о своей службе в армии в 1916–18 гг., поскольку цель его записок была другой. В предисловии к воспоминаниям «По волнам житейского моря» И. С. Карпов написал: «Исполняя задачу, столь для меня трудную как описание своей жизни, считаю обязанным объяснить причину, побудившую меня на этот труд. Будучи слу-

[12] *Карпов И. С.* «По волнам житейского моря». С. 104–128.

[13] На бумажной обложке варианта из Древлехранилища написано от руки: «Карпов Иван Степанович. Из воспоминаний пережитого», а внизу читается почти полностью выцветший машинописный текст: «Пермогорье. 1980».

жителем церкви со дня революции во время ломки старого быта и построения нового советского общества, пришлось пережить все гонения на церковнослужителей и на себе лично испытать вплоть до ужасов тюрьмы. И последующая жизнь моя в новом советском обществе выделяла меня как бывшего служителя церкви, отставшего от современной культуры. Вот это и навело меня на мысль оставить после смерти свое писание для любознательных, может, и прочитают и вынесут свой суд обо мне, грешном» (Красноборское собр., № 401, л. 3). Поездка на Соловки в 1914 г. и начало гонений на христиан в 1918—19 гг. показались автору в наибольшей степени достойными описания, а сама служба в армии первоначально осталась «за кадром» — она была описана И. С. Карповым позже. За два года, проведенные автором воспоминаний в пехотном и пулеметном полках, ему не пришлось принимать участие в боевых действиях и даже брать в руки оружие. Тем не менее, в памяти И. С. Карпова сохранилось много интересных подробностей солдатской службы во время Первой мировой войны и революции 1917 г. (возможно, в основе воспоминаний лежат какие-то записи дневникового характера).

В публикации воспроизводятся любительские фотографии И. С. Карпова 1970-х гг.

Иван Степанович
Карпов
Воспоминания

«По волнам житейского моря»

Отрывки

об. // **<Глава 4-я>**

<…> В 1914 году решили мы с супругой съездить в Соловецкий монастырь поклониться преподобным Зосиме, Савватию, Герману. Как люди не-
48 большого достатка сели в Красноборске //на пароход с билетом 4-го класса — палубным. Время летнее, с ребенком на руках — дочкой, 5 месяцев. Приютились около машины на нижней палубе. Возле нас за столиком четверо: двое мужчин и двое женщин занялись картами. По их речи нам показалось, что люди не очень нравственного общества. Принесли газету и громогласно читают: в Соловецком монастыре вспыхнула забастовка, монахи учинили бунт, требуют смены настоятеля, улучшить трапезу и изменить устав.[14] Нас такие вести почти разубедили ехать в Соловки, но желание повидать дядю в Соловках и родственников в Архангельске склонило ехать.

Приехав в Архангельск, узнали, что в действительности уже в Соловках это произошло и пароходы в Соловки не ходят, а стоит специально подготовленный пароход в ожидании уполномоченного св. Синода — следователя по этому печальному событию.[15] Но из Синода получено сообщение, что уполномоченный представитель не приедет, и через сутки из
об. Соловок[16] пришел в Ар//ангельск пароход, и мы решили ехать. С нами поехали монашки — весь хор Велико-Устюжского женского монастыря. Оне[17] ехали по-палубному и, вероятно, бесплатно. Мы тоже по-палубному. Погода благоприятствовала, одна рябь на воде, чуть-чуть движется воздух. Монашки пели самые простые мелодии самых простых стихотворений:[18] «Слава, слава в вышних Богу, дух мой радостно воспой»,[19] «Дай, добрый товарищ, мне руку твою»[20] — это незамысловатые мелодии. А вот когда запели «В<с>кую» мя отринул Еси от лица Твоего, свете незаходимый»[21] под управлением дирижера, то я думаю, что каждый, не чуждый понятия о музыке, должен был обратить внимание и прослезиться.[22]

Приехав в монастырь, сразу заметили, что что-то изменилось. Паломников не видно. На приехавших паломников не обращают внимания, никто не встречает, как было ранее. Пошли в собор к литургии. Великолепный хор поет уми//лительно. Вышли из собора, л. 49
а тут тревога — объявлена война России с Германией. Объявлено на плакатах, чтобы никому не отлучаться из пределов монастыря: прибыл военный пароход и идет проверка документов военнообязанных,[23] подлежащих мобилизации. Из военнообязанных было много послушников монастыря, которые не исключены из общества и не приняли монашества. Поднялась паника среди приехавших богомольцев и среди монахов. Видимо, было дано приказание Синода убрать из монастыря ризницу — самую главную ценность

---

[14] Соловецкий настоятель отец Иоанникий имел властолюбивый и деспотичный характер, что встречало неоднозначный прием в среде братии. Образовалась «партия» недовольных во главе с казначеем Анатолием и келарем Аверкием; противники архимандрита Иоанникия стали писать в Синод жалобы с просьбой удалить его с настоятельства. Борьба двух «партий» в монастыре вылилась на страницы архангельских газет и продолжалась несколько лет вплоть до отставки Иоанникия в 1917 г. (см. подробнее: *Лаушкин А. В., Столяров В. П.* Несколько слов об этой книге и о Соловецкой истории после 1899 года //История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. 4-е изд., репринтное. Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2010. С. 5–6 (3-я паг.)).

[15] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «по этому печальному делу».

[16] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «из Соловков».

[17] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «они».

[18] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «и самые простые стихотворения».

[19] Примеч. В. И. Щипина: «Текст послушницы Кылтовского Крестовоздвиженского монастыря Таисии Малаховой».

[20] Примеч. В. И. Щипина: «Автор стихотворения “Море житейское” Гермоген (Долганев (Долганов) Георгий Ефремович; 1858–1918), епископ Тобольский и Сибирский, священномученик.

[21] Примеч. В. И. Щипина: «Канон 8-го гласа, ирмос 5-й песни».

[22] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «прислушаться».

[23] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина слова «Из военнообязанных» пропущены.

монастыря. Началась погрузка ценностей в ящики,[24] заколачивание и перевозка на пристань и погрузка на пароходы. Пароходов у монастыря три: «Зосима и Савватий», «Михаил Архангел» и «Вера». Погрузка и подготовка шла в большой поспешности. Кажется, вся братия занята была этим тревожным делом. Не удалось повидаться со своим дорогим дядей Прокопием
л. 49 об. Петровичем. Не больше полутора[25]//суток пришлось побыть в монастыре.

Пришлось сподобиться поклониться раке Преподобных один раз, и то самым последним и при очень знаменательном случае. Перед нами шел тот самый человек, который при нашей посадке на пароход в Красноборске сидел за карточным столом и игрой и читал газету «Север» о бунте монахов, вступил на ступеньку, чтобы подняться и приложиться к раке. Стоящий тут схимник быстро сошол со своего места и преградил ему путь и жестами приказал ему отойти. Но человек снова пытался подняться и приложиться, и снова был отстранен. Тогда человек стал на колени, сложил, но неправильно, руки для благословения, но схимник не благословил, а быстрым жестом указал уйти и указал на дверь. Человек, видимо, озлобился и, не оглянувшись[26] ни разу назад, вышел из храма.

Мы ужаснулись, думая, и нас не допустит,[27] но мы беспрепятственно приложились и приблизились
л. 50 к схим//нику, сложив для благословения руки. Я подошол первый с младенцем-дочькой[28] на руках, благословил[29] меня и сказал: «Дьяконом будешь — неверных в дом не пускай». Я не понял и сказал: «Я не дьякон, а псаломщик». Посмотрев на дочьку-младенца, сделал дуновение два раза и сурово сказал: «Вот ты ее на руках носишь, а вырастет она — какая-то будет», — и не благословил ее. Дал нам с супругой по небольшой свечке, по огарку свечи, а жене почерпнул ложечкой масла из лампады от раки и велел выпить.

Перед ракой на полу покрытый золоченой пеленой с изображением преподобных лежит человек и ненормально стонет. Схимник подошел к нему с книгой и начал читать длинные молитвы, а потом громко произнес: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе, нечистый демоне, изыди из него!». Человек громко презрительно говорит: «Не изыду, не изыду!». Схимник снова повторил: «Нет, изыдешь! Христос повелевает тебе изыти!». //Мы со л. 5
страхом вышли, не дождавшись конца этого события, но с камнем на сердце, что схимник, вероятно прозорливый, не удостоил нашего младенца благословения. И вспоминаю это событие с нами и не забуду до смерти. И не знаю, случайное ли совпадение, но слова схимника сбылись в абсолютной точности.[30]

Только что спустились со ступеней церкви, а там уже всем сообщают, что посадка на пароход объявлена и что в монастыре никого не оставят из богомольцев. //

<…>

Прибыв в Архангельск, мы узнали, что путь в Соловки открыт. Погостив у шурина, мы отправились домой. На каждой пристани происходит посадка на пароход мобилизованных. Рыдания жен и обмороки. Нас потеряли, предполагая, что по случаю войны завезли нас в другие края. Брат Вася замещал меня во время поездки. Во время нашей отлучки умерла старушка-дьяконница, истопила баню и угорела в ней до смерти. //

Глава 5-я л. 5

С приходом войны пришли все горести и невзгоды. Взяли на войну самых сильных работников в хозяйствах. Начались бесконечные мобилизации в армию. Уже приходили извещения об убитых и раненых. Наступила для всех нерадостная жизнь, кажется, и воздух-то переменился — пахнет войной. Взяли для армии лучших лошадей, пахать землю стало недостаточно лошадей, и мне пришлось идти в батраки к одному воднику-капитану, пахать его землю и мою на его лошади, и так шло время три года подряд. Жизнь стала сильно дорожать. Мобилизации продолжались регулярно.

[24] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «ящик».

[25] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «полутора».

[26] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «не оглянулся».

[27] В машинописном тексте и в публикации В. Н. Щипина: «допустят».

[28] В машинописном тексте и в публикации В. Н. Щипина пропущено слово «дочькой».

[29] В машинописном тексте и в публикации В. Н. Щипина: «схимник благословил».

[30] В воспоминаниях не говорится, каким именно образом сбылось пророчество схимника в отношении дочери И. С. Карпова, но в соответствии с предсказанием 6 декабря 1922 г. он действительно стал дьяконом.

Двое из моих певчих ушли на фронт, остался я без хора, да и сам работал в батраках. Едва находил время для церкви, пахать приходилось во время ночи. Повторилась мобилизация и на лошадей — угнали еще годных для армии лошадей. И так тянулось тяжелое грозное время ... //

<...>[31]

л. 54 Время грозное и для церкви самое печальное. Со дня революции 1917 года в правление Керенского уже была борьба за землю между крестьянами, но не все крестьяне согласны были на новые реформы, борьба только начиналась. Появилась партия большевиков и меньшевиков. Шли непрерывные собрания под

4 об. руководством большевиков о создании // коммуны в Красноборске, об отобрании церковных земель.

Появились новые деньги: червонцы, тысячи, миллионы. Деньги совсем потеряли ценность. Взамен отобранной у священника и меня,[32] псаломщика, земли назначили от прихода годовое жалованье: священнику 6 миллионов, а мне, псаломщику, — 2 миллиона. Получив в конце года два миллиона, я мог купить на них две коробки спичек.

В церковь стало ходить людей мало. Дров для отопления почти не привозили, служили в холодной церкви иногда при 5 градусах холода. Появилось столько бумажных денег Керенского, грубой копюры[33] на простой бумаге, что ими плотили государственные учреждения за выполненные работы трехметровыми отрезами с копюрой[34] 40 и 20 рублей. Но в обращении между населением деньги мало входили — уж слишком они были дешевы. Пуд хлеба на деньги стоил много миллионов, пуд картошки и за 10 миллионов не купишь.

Нас со священником, согласно закона, лишили избирательных прав, и мы были свободны от всех собраний, беспокоясь за // свою будущую участь и за участь св. церкви. Органами власти была произведена инвентаризация церковного имущества и отобраны церковные богослужебные сосуды, имеющие большую ценность. Оставлены самые простые — не имеющие ценности, и то по одному экземпляру: один Крест, один потир, один дискос, одно кадило. Не забуду того дня, когда представитель райисполкома зашел в храм Божий с грязным мешком, не снимая головного убора, своими руками с престола и жертвенника поклал священные сосуды в грязный мешок. Закурить в храме постеснялся — закурил в паперти, а мы, провожая глазами мешок со св. сосудами, чувствовали сожаление до слез. л. 55

98

Глава 5-я

С приходом войны пришли все горести и невзгоды. Взяли на войну самых сильных работников в хозяйствах. Начались бесконечные мобилизации в армию. Уже приходили извещения об убитых и раненых. Наступила для всех нерадостная жизнь, кажется и воздух-то переменился — пахнет войной. Взяли для армии лучших лошадей, пахать землю стало недостаточно лошадей, и мне пришлось идти в батраки к одному вдовнику-капитану, пахать его землю и мою на его лошади и так шло время три года подряд. Жизнь стала сильно дорожать. Мобилизации продолжались регулярно. Двое из моих певчих ушли на фронт, остался я без хора, да и сам работал в батраках. Едва находил время для церкви, пахать приходилось во время ночи. Повторилась мобилизация и на лошадей — угнали еще годных для армии лошадей. И так тянулось тяжелое-грозное время. В 1922 году вышел указ св. Синода искать лиц достойных свя-

И. С. Карпов. По волнам житейского моря. Автограф, л. 53 об.

[31] Воспоминания, посвященные службе И. С. Карпова в армии, отсутствуют в воспоминаниях «По волнам житейского моря», поскольку они были написаны позже основной части. См. ниже этот текст под названием «Из воспоминаний пережитого» (с. 288–299).

[32] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина пропущено слово «меня».

[33] В. И. Щипин читает это слово иначе: «колюры» и поясняет в примечании: «То есть: раскраски».

[34] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина: «купюрой».

Вполне естественно возникал у меня вопрос, а как же далее существовать будет Церковь и как существовать нам дальше? Вручили нам анкеты (опросные листы) с содержанием множества вопросов: первый вопрос — отношение к религии, лойяльность к советской власти, классовая принадлежность, происхождение,
л. 55 об. был ли судим, имущественное положение. //Заполняешь в рубриках эти ответы на вопросы и подозреваешь, что этот учет требуется власти для какого-то над нами насилия, а тут еще по Двине от Архангельска до Котласа регулярно через три дня[35] рейсирует броненосец «Светлана»[36] с Чрезвычайной комиссией, забирают уже известных лиц на пароход, и в первую очередь священников.

Немногие из священников отсиделись, но большинство из них съездили на крейсере «Светлана» до Архангельска и обратно. Какой там гостеприимный прием оказала Ч.К., сразу можно было определить по наружности ездивших на «Светлане». Протоиерей Красноборской церкви с рыжей бородой вышел с «Светланы» совершенно белый, а другие долго не забудут синяков на своем теле.

«Из воспоминаний пережитого»[37]

л. 2
//<Глава 1-я>

Война с Германией началась 19 июля 1914 года.[38] В первую мобилизацию потребовали воинов запаса, отслуживших в армии 3 1/2 года и зачисленных в запас. А потом регулярно пошли мобилизации по годам рождения, начиная с младшего возраста. Началась мобилизация на лучших лошадей.

Жизнь наполнилась паническим страхом. Все понимали, что Германия по военной и культурной технике несравненно выше России. Отправление мобилизованных сопровождалось ужасом и рыданиями жен, детей и стариков-родителей, и такая картина продолжалась до конца войны. Все это отразилось на сельском хозяйстве, не хватает рабочей силы и лошадей, и пришлось женщинам браться за соху и всякую мужску работу.

Меня, родившегося в 1888 году, мобилизовали в 1916 году, 16 февраля, и всех мобилизованных обязали явиться в г<ород>. Сольвычегодск на освидетельствование. Со всех районов явилось мобилизованных не менее 1 000 человек, и комиссия врачей внимательно всех прослушивала, меряли рост и взвешивали на весах. Я оказался годным, хотя было у меня ходатайство прихожан Лябельской церкви об освобождении как псаломщика, но меня не освободили, т<ак> к<ак> я крестьянин, не духовного звания (освобождали псаломщиков только духовного звания).

В г<ороде> Котласе нас посадили в грязные вагоны-теплушки и через двое суток привезли в г<ород> Рыбинск на самом берегу Волги. Разместили в пустые казармы по 250 человек (по военному времени в роте 250 человек).

До нашего приезда здесь стоял 87-й запасный полк, и после шестимесячного обучения отправили на фронт. В первый же день нас, пятую роту, привели в полковую церковь и после общей исповеди причастили св<ятых> Таин. Не нашлось из всех мобилизованных ни одного псаломщика и пришлось на следующий день мне одному петь литургию. Расположились

[35] В машинописном тексте и в публикации В. И. Щипина слова «через три дня» пропущены.

[36] В конце 1917 г. флотилия Северного ледовитого океана состояла из 89-ти судов, однако сведения о броненосце или крейсере «Светлана» в ее составе не обнаружены. В составе «Морских сил Северного моря» на 26 июня 1920 г. числилась моторная яхта «Светлана» (см.: *Залесский Н. А.* Флотилия Северного ледовитого океана в гражданскую войну//Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 251–258). Ср. примеч. В. И. Щипина: «Неточность: "Светлана" — не броненосец и не крейсер (см. ниже по тексту). «Светлана» была двухпалубным пассажирским пароходом с пятнадцатью каютами. В каютах жили сотрудники ЧК, а салон и ресторан были превращены в общежитие для бойцов охраны… Чекистов было всего пятнадцать человек» (см.: *Шебунин А. И.* Сколько нами пройдено… М.: Воениздат, 1971. С. 39-40)».

[37] *Карпов И. С.* Из воспоминаний пережитого. 1980 г. Машинопись, второй экземпляр. Бумага формата А-4, сшита в тетрадь белой нитью. 25 л. (ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Красноборское собр., № 402). Существенные смысловые разночтения из Пермогорского варианта текста и некоторые комментарии приводятся по изданию: *Карпов И. С.* «По волнам житейского моря»: История моей жизни / Сост., вступ. ст. В. И. Щипина. М., 2014. С. 104–128.

[38] В Пермогорском варианте ошибка: «28 июля».

Война с Германией началась 19 июля 1914 года. В первую мобилизацию потребовали воинов запаса отслуживших в армии $3^1/2$ года и зачисленных в запас. А потом регулярно пошли мобилизации по годам рождения, начиная с младшего возраста. Началась мобилизация на лучших лошадей.

Жизнь наполнилась паническим страхом. Все понимали, что Германия по военной и культурной технике несравненно выше Росси Отправление мобилизованных сопровождалось ужасом, и рыданиями жен, детей и стариков - родителей и такая картина продолжалась до конца войны. Все это отразилось на сельском хозяйстве, не хватает рабочей силы и лошадей, и пришлось женьщинам браться за соху и всякую мужску работу.

Меня, родившегося в 1888 году мобилизовали в 1916 году 16 февраля и всех мобилизованных обязали явиться в г.Сольвычегодск на освидетельствование. Со всех районов явилось мобилизованных не менее 1000 человек, и комиссия врачей внимательно всех прослушивала, меряли рост и взвешивали на весах. Я оказался годным, хотя было у меня ходатайство прихожан Лябельской церкви об освобождении, как псаломщика, но меня не освободили т.к.я крестьянин, не духовного звания /освобождали псаломщиков только духовного звания/.

В г.Котласе нас посадили в грязные вагоны - теплушки,и через двое суток привезли в г.Рыбинск на самом берегу Волги. Разместили в пустые казармы по 250 человек /по военному времени в роте 250 человек/.

До нашего приезда здесь стоял 87-й запасной полк, и после шестимесячного обучения отправили на фронт. В первый же день нас - пятую роту привели в полковую церковь и после общей исповеди причастили св.Таин. Не нашлось из всех мобилизованных ни одного Псаломщика и пришлось на следующий день мне одному петь литургию. Расположились мы на голых нарах, проведя ночь почти без сна, а на следующий день приказано было каждому для себя плести из соломы мату, вместо постели. Солдатская шинель заменила постель и одеяло. На третий день выдали обмундирование с

И. С. Карпов.
Из воспоминаний пережитого.
Авторизованная машинопись, л. 2

мы на голых нарах, проведя ночь почти без сна, а на следующий день приказано было каждому для себя плести из соломы мату вместо постели. Солдатская шинель заменяла постель и одеяло. На третий день
л. 3 выдали обмундирование с //солдатскими погонами, видимо с фронта, — старые сапоги, старые шинели, френчи с гнидами от вшей и след<а>ми крови, видимо, снятых с убитых воинов. Всем обрили головы и бороду, но староверы-раскольники не желали бриться и просили поместиться на нарах вместе и обедать всем из одного бачка, т<ак> к<ак> староверы ни в коем случае не согласны есть вместе с еретиками-православными. Евреи, хотя обрились, но просили поместиться на нарах вместе. Потом повели в баню.

У полка была своя свиноферма, поэтому все время варили свиной суп, и гречневая каша с жареным на свином сале луком. Имелся свой огород, на котором выращивались картофель, морковь и свекла.

В семь часов ужин — идти с большим бачком на кухню за свиным супом, бачок назначен на четверых. В восемь часов перекличка и молитва с чтением Евангелия, положенного на день.

От ушедшего на фронт 87 пехотного полка в наследство нам остались в казармах плотоядные насекомые — блохи и клопы. Клопов выжигали паяльными лампами, а блох развелось так много, что невозможно было уснуть. Залезали в мешки, но холщевый мешок не защищал, нужен мешок из клеенки. Мне из дому прислали мешок из детской клеенки, и то с трудом спасался. Ночью все не один раз вытрясали в окно из мешка блох, но не надолго, через несколько минут опять те же укусы, все белье усеют кровавыми точками. Сижу за списыванием с партитуры нот, но и днем допекают, не дают покоя. Да как и не быть клопам и блохам при такой скученности людей, столько пыли и грязи приносится в казарму ежедневно. Хотя каждую субботу мыли пол, разбрасывая мокрые опилки, протирали пол с опилками швабрами, грязный опилок убирали, второй раз та же операция, третий раз кидали сухой чистый опилок и после протирки пола убирали. Под нарами всю пыль начисто выметали, но это не влияло на блох.

Баня в полку была хорошая. В 8 часов перекличка, мол<и>тву приходилось петь одному. Видимо, священник о<тец> Александр Колосов и полковое начальство заботились иметь в полку хор, как и ранее было, и вижу на клиросе нотные партитуры. Вызывает меня командир полка и спрашивает: «Можеш ли создать хор, и сколько человек нужно //для создания хора?» Я сказал, что л. 4
могу создать хор только из певчих, прошедших сольфеджио, и нужно, по крайней мере, 8–12 человек. «Но ведь это трудно найти людей, но ты создай свой хор из трех-четырех человек, и это будет достижением». И стали являться ко мне назначенные из рот певчие. Я показывал им ноты и просил пропеть простую мажорную гамму, но они не знали даже, что такое гамма и ноты. Я с сожалением отсылал их. Но пришли два человека, Пархоменко и Диденко, хористы, с сольфеджио, солидные басы, это для меня клад: теперь есть кому всенощную и литургию петь и Апостол прочитать.

Служба была поскору. Утром в 7 часов перекличка, молитва и чтение Евангелия. По мирному времени военной боевой практике обучают один год, а во время войны положение заставляет провести в шесть месяцев. В 9 часов, если позволяет погода, роты идут на стадион на тактические занятия, а если дождь или снег, в казарме на словестных занятиях по воинскому дисциплинарному уставу.

Певчие приходили, но принять их нет расчета, они будут только мешать. Но вот является ко мне молодой, лет 16 солдат, он доброволец, с солидным тенором и сольфеджио, и это меня радовало. Теперь мой хор из четырех человек: два солидных баса и два солидных тенора.

На перекличке вечером объявили, что в воскресенье будет выступление на сцене полковых артистов и выступит церковный хор. Это очень огорчило меня. Хотел, но не осмелился возражать, да и немыслимо — воля начальства. Собралась наша «четверка» на спевку, но никто ничего для сцены не знаем и нот никаких нет. Что делать? Я вспомнил, как нас в детстве в школе учили гимн Глинки «Коль славен наш Господь в Сионе»,[39] и оказалось, что этому гимну все мы в школе научены. Далее, я знал национальный английский гимн «Господь, твори добро народу»[40] и французскую

[39] Ошибка: Михаилу Ивановичу Глинке (1804–1857) принадлежит «Патриотическая песня». Гимн «Коль славен...» написан Д. С. Бортнянским на стихи одного из известнейших поэтов своего времени Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807). — *Примеч. В. И. Щипина.*

[40] Приведенный текст — первая строка стихотворения «Гимн» Николая Алексеевича.Некрасова (1821–1877), положенного на музыку М. А. Гольтинсоном и С. А. Гилевым. Национальный гимн Англии начинается словами «Боже, храни Короля (Королеву)». — *Примеч. В. И. Щипина.*

Марсельезу — «Вперед! без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья!»[41] С моего голоса пропели много раз, и, хотя получалось неуверенно и неточно, но, рассчитывая, что публика в музыке и пении не очень разбирается, решили, что сойдет и это. Первым номером пропели: «Привет гостям всем дорого-
л. 5 гим, //привет вам всем на много лет, ура, ура, ура!». Вторым номером был национальный гимн Англии, третьим — французская Марсельеза, четвертым номером — гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». Хорошо исполнили, нам даже аплодировали.

После выступления на следующий день взял я увольнительную записку с пропуском и пошел повидаться со своим знакомым. На дворе казармы попадает навстречу солидная по виду и одежде женщина и обращается с вопросом: «Какой роты, служивый?» — «Пятой роты», — говорю. — «Скажите своему регенту, чтобы молитв на сцене больше не пели!» — Я говорю, что у нас нет регента, и вот я вместо регента, и у нас нет для сцены никаких нот, и не по чему петь. — «Честь имею спросить, с кем говорю?» — «Я — жена командира полка». Между тем, прибыл еще певчий с хорошим тембром тенора. На утренней и вечерней перекличке молитву пели в четыре голоса. Евангелие читать много желающих.

л. 6 //Глава 2-я

И вдруг приносят мне большую партии<т>уру солдатских песен. Песни очень хорошие, но не знаю без указания, которые списывать. За указанием обратился к командиру роты, но он унес партитуру к другому офицеру или, возможно, к командиру полка. Принесли партитуру, вижу, песни подчеркнуты красным карандашом. Подчеркнуты песни:

1. «Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов».
2. «Под ракитою зеленой русский раненый лежал».
3. «Из-за леса, леса копий и мечей».
4. «Оружьем на солнце сверкая».
5. «Поехал казак на чужбину далеку».
6. Романс «В тени задумчивого сада».

Переписывал на 4 голоса: <бас октава>,[42] бас первый, тенор второй, тенор первый. Одна переписка заняла целый месяц. Каждую нужно разучить и учить роту после переклички и молитвы. Заедает забота, да к тому еще беспокоят ночью и днем кровожадные блохи. Хор постепенно увеличивается. Прибыл знаменитый бас-контроктава, украсил весь хор, пение такого баса слышно по всему городу, т<ак> к<ак> приделаны на сцене сильные рупора. Спевки два раза в неделю, и певчие два дня освобождались от строевых занятий, и каждый раз после спевки идем в баню, приятно смыть блошьи кровавые укусы. Своя церковная служба в казарменной церкви отходит быстро, идем слушать образцовый хор в Крестовоздвиженский кафедральный собор (с<о>бор рядом с площадью 87-го полка). С увлечением слушаеш архиерейский знаменитый хор, иногда знакомое песнопение или концерт, и дорого для меня то, что я вижу свою недоучку и замечаю свои ошибки, и сознаю, что в соблюдении динамики вся красота и сила эффекта. На спевках разучиваем Херувимские и «Милость мира», а в царские дни концерт «Господи, силою Твоею возвеселится царь».

Так прошли февраль, март, апрель и до сентября.

Рыбинск — город грязный. Одна только улица Крестовая асфальтирована, а другие улицы и переулки неизменные.[43] Особенно грязен[44] весенний ледоход. Большая река Шексна впадает в Волгу с другой стороны против Рыбинска, и во время ледохода
сталкиваются две //реки, какие ужасные громады л. 7
льда поднимаются. В 1916 году вода поднялась так высоко, что затопила наши казармы, и мы были трое суток в изоляции, но вода быстро ушла, только грязи стало больше.

Откуда столько хлеба поступает в Рыбинск? Сколько грузится барж мешками с мукой, нагруженные направляются, вместо их грузятся другие, и так все лето. А сколько тут грузчиков разных национальностей —

[41] Приведенный текст — первая строка стихотворения «Вперед! Без страха и сомненья...» (так называемый Гимн петрашевцев, или «Русская Марсельеза»), исполнялся на мотив «Коль славен...» Бортнянского; кроме того, был положен на музыку Гроздовым и Николаевым. Автором стихотворения является русский поэт и литературный критик, участник кружка петрашевцев Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893) <...>. – *Примеч. В. И. Щипина.*

[42] В ркп. нет; дополнено по Пермогорскому варианту.

[43] В Пермогорском варианте: «низменные».

[44] В Пермогорском варианте: «грозен».

узбеки, сарты, татары, армяне, китайцы, но китайцы не работают, а занимаются разными фокусами и этим зарабатывают себе на содержание. Один такой фокусник ходил с попугаем и змеей. За показание своих фокусов требовал по 5 коп<еек> с человека. Попугай грубым голосом кричал: «Ты, мужик, дур-р-р-рак» и нецензурно ругался. Потом вынимал из кармана[45] круглую коробку с дырками на крышке, в коробке змея. Смазывал змею водой или какой-то жидкостью, потом пускал змею в рот, и она выходила ноздрей, показывая треть тела, виляя. Потом зап<у>скал змею в ноздрю носа, и она выходила ртом. Потом брал змею, и она сама колечком ложилась в коробку. Мне казались все эти национальности — грузчики — не культурнее нас, северян.

Водки и вина тогда не было, пили политуру, одеколон и денатурат, которым заливали ночные фонари на столбах, но и этот денатурат ночью доставали и выпивали.

Утром, когда рота построится, я должен быть тут при ней, чтобы задать тон для песни. Раздавалась команда: «Запевалы, выходи!» Выходили мои певчие, запевали песню, подхватывала вся рота, команда: «Шагом марш!» Били в металлические тарелки, в барабан, играла гармонь. Но бить в барабан и тарелки нужно, согласуясь с темпом песни.[46] В казарму рота возвращалась также с песнями.

С возвращение<м> роты в казарму, сразу забирают бачки и идут на кухню за супом и кашей из гречневой крупы со свиным салом. Кипяток всегда готов.

Несмотря уже на наступивший голод, в полковой лавке имелись все продукты питания — ржаной и белый хлеб, селедка, сахар, но денег-то не у каждого, да и жалованье солдату 50 копеек и три осьмушки табаку-махорки в месяц. На родине голодают, но из-
л. 8 редка шлют посылки домашнего печенья. //

15 июля[47] на вечерней перекличке объявили, что через 5 дней прибудет показательное трофейное судно со взятыми в плен у немцев трофеями. На судне флаги всех наших союзников, и нужно разучить национальные гимны каждой союзной державы. Но у нас имеются ноты только своего национального гимна «Боже, царя храни», английский — «Господь, твори добро народу» и французский, «Марсельеза», — «Вперед! Без страха и сомненья». Начальство, видимо, заботилось об этом, и мне передали ноты на сербский и черногорский гимны, больше ничего не нашлось.

Пришвартовалось судно к пристани, грянул залп из ружей, грянули и мы своим хором, особенно наш знаменитый Дюба своей контроктавой, получилось очень торжественно, и стали впускать на судно по 5 человек. Какие у немцев ужасающие орудия! Пушки, пулеметы, ружья разных калибров. Самое страшное оружие — снаряд в виде обыкновенной пули полтора метра вышины, две тонны весом. Бьет за 60 километров, падая на землю, разрываясь, делает яму-воронку, в которой может поместиться небольшая деревянная постройка.

Наши роты прошли всю военную боевую науку и были годны для отправки на фронт. Из моего хора взяли двух человек в учебную команду, потому что они имели учительское образование, и через двухмесячное обучение произвели в офицерье в чине прапорщика. Вернувшись, они стали посещать наш хор и пели в церкви, и я был очень доволен тем, что у меня поют два офицера.

По воскресеньям было обязательно выступление хора с солдатскими песнями.

Слышно из писем и видно, что везде наступает голод, и напрашивается какое-то уныние и ожидание каких-то грозных событий. Письма принимать стали незапечатанными, ревизоры проверяли, недозволенное зачеркивали, прикладывали печать: «Проверено». С фронта бойцам не разрешено писать, кроме «остаемся живы», «вернемся с победой», также бойцы из дома с родины получали, что «остаемся живы и здоровы».

В половине сентября объявили, что с фронта на отдых идет в Рыбинск полк, а наш 87-й запасной батальон отправляется на фронт. Выставили все роты
на плац, привели к присяге пред //Крестом и Еван- л. 9
гелием. Совершили водосвятный молебен с многолетием царю, христолюбивому всероссийскому воинству, освятили знамя и окропили святой водой.

[45] В Пермогорском варианте: «чемодана».

[46] В Пермогорском варианте далее: «Если темп песни в три удара, то барабанщик считает: раз, два — в третий ударяет, а если размер темпа в четыре четверти, тогда барабанщик считает: раз, два, три — в четвертый ударяет; так же, с таким счетом, бьют в тарелки».

[47] 1916 года.

Очень трудно было расставаться со своим хором, особенно со знаменитой контроктавой Федором Гавриловичем Дюбой. Но чего поделаешь, видимо, так нужно Провидению.

Через день полк начал грузиться в вагоны-теплушки.

л. 10 //**Глава 3-я**

Остались в казарме кроме меня 15 человек, которые назначены дляобучения в пулеметчики во второй пулеметный полк, который расквартировывался в приго<ро>де Ленинграда[48] Стрельна, по дороге Новый и Старый Петергоф, Ораниенбаум. При отправке нас обмундировали, начиная с белья. Выдали новые шинели, френчи, ремни, котелки, лап<а>тки, вещевые мешки — полное обмундирование пехотинца. Наблюдаем из окон вагона, видим, на плацу обучают почти босых солдат в рваных шинелях, некоторые в своей одежде.

По прибытии во второй пулеметный полк с нас сняли чистую обмундировку и взамен одели в грязную, вшивую фронтовую обмундировку. Через день меня направили в мастерскую столяров и резьбы по дереву, это воодушевляло меня, потому что эти специальности были самым любимым моим делом. Бытовые условия в пулеметном полку несравненно хуже — те же нары с соломенными матами и блохами. Кормили фасолью и чечевицей, и 0,5 кг хлеба — больше ничего.[49] В казарме имелась церковь, и из армии направляют специалистов создавать иконостас. Четыре столяра уже заканчивают свою работу, также и токари, а резьба по дереву только начинается. Художники-иконописцы в отдельном помещении спешат кончить свою работу к назначенному сроку. Резчики с удовольствием пригласили меня на свою работу, поручая мне не очень сложные рисунки, но, видя мое увлечение, стали давать более сложные рисунки.

По чьему распоряжению приказано воздвигнуть иконостас в стиле модэрн? Хотя этот стиль в резьбе по дереву считается самым изящным, но требует большой напряженности и внимания. Требует слишком много инструментов: стамесок, начиная почти с иглы, косых под углом 45 гр<адусов> напильников всякого образца, начиная с чайной ложки, пунтиров. Этот стиль взят из растительности природы. Нам руководством служил альбом стилей резьбы по дереву. В альбоме четыре стиля: готический, рококо, декадентский и модэрн. Из модерн мы брали листья и плоды винограда, листья клена[50] и желуди, цветы и листья розы, цветы, листья и головки мака, листья и цветы озерной лилии.[51] Для резьбы пригодна более //всего де- л. 11
рев береза, и весь иконостас по резьбе создали из березы. Царские врата художники украсили иконой Благовещения Пресвятой Богородицы, а мы обложили икону резьбой из листьев клена. Царские врата украсили резьбой виноградных кистей и листьев. Осталось сделать голубя над Царскими дверями. Каждому хотелось вырезать голубя и, чтобы не было недовольства, кинули жребий, и мне не повезло: на мою долю выпало только сделать лучи вокруг голубя, и это меня удовлетворило. Очень бы хотелось хотя взглянуть на художественный иконостас в стиле модэрн,[52] уцелела ли до сего времени такая великолепная ценность? Неужели нашлась такая безумно дерзкая рука кощунственно разрушить такую святую ценность? А ведь были такие безумно злые люди, дерзко непростительно делали такое преступление.

На моей родине в Ляхове Черевковского района расстреляли икону Богородицы над дверями при входе в церковь и за престолом — икону Воскресения Христова с предстоящими Марией Магдалиной и Марией другой. Стреляли из дробового охотничьего ружья, и вся дробь кучами влипла в иконы. Где был разум у молодежи в то время?

Золото в стиле модэрн не применяется — испортит пунктировку и резьбу.[53] В предверии церкви

[48] В Пермогорском варианте: «Петрограда».

[49] В Пермогорском варианте вместо этой фразы: «В 87-м баталионе свой свинарник, свой огород, полковой магазин имеет продукты, а здесь, в пулеметном, кроме фасоли и чечевицы и полкило ржаного хлеба — ничего».

[50] В Пермогорском варианте далее: «листья дуба».

[51] В Пермогорском варианте далее: «Золото в стиле модерн не применяется — испортит пунктировку и резьбу».

[52] В Пермогорском варианте далее: «созданный специалистами — солдатами-пулеметчиками 2-го пулеметного полка».

[53] В Пермогорском варианте этой фразы нет (ср. сноску 51).

художники[54] написали[55] с правой стороны[56] пулемет, а пулеметчик в наклонном положении, воин вправляет ленту с патронами, а сверху запись из текста Евангелия: «Больше сея любви никто же иметь, а еще, кто душу свою положит за други своя».[57]

Еще не был сделан престол и жертвенник. Наступил день освящения церкви. Два священника из приготовленного материала сколотили на гвозди форму престола и жертвенника и стали наколачивать щит, сделанный столярами, чтобы получилась форма престола. Такой же щит наколотили и на форму жертвенника. Хор в это время пел положенные псалмы. Щит этот при пении хора псалмов обмывали каким-то особым веществом.[58] Потом одели на престол одежду под названием «срачица», а сверху на нее надели еще позолоченную одежду под названием «индития» при пении положенных[59] псалмов. Также и на жертвенник одевали одежды. Сразу же после одевания престола началось служение всенощного ведения,[60] а после всенощной — Литургия. Пели два хора — полковой солдатский хор и стрельнинский дворцовой церкви хор, торжественно, точно на конкурсе. Меня определили псаломщиком и на помощь мне выделили из хора двоих — тенора и баса. Священник, по на-
л. 12 циональности финн,[61] //протоиерей Николай Окунев. Меня еще назначили к священнику деньщиком. Обязанность моя была приводить в порядок квартиру и ходить на офицерскую кухню за пищей, вымыть посуду. Это для меня клад. Солдатский стол — вобла и чечевица, голодное питание. Священник половины не скушает супа и котлет, а оставшееся отдает мне, а часто и совсем не дотронется, придет поздно вечером, с офицерством играет в карты и там пообедает, и весь свой обед отдает мне, хотя уже остывший, и я кушаю офицерский обед — значит, не голодаю.

В мастерскую к нам во время резьбы по дереву зашел командир полка полковник Шереметьев, с любопытством смотрел на нашу работу. «Всем ли довольны?» — спросил нас. Один из нас, как полагается отвечать начальнику, точно и энергично ответил: «Так точно, ваше превосходительство, всем довольны, но недовольны тем, что очень плохо кормят». Командир положил ему руку на плечо и спросил: «Сколько ты получаеш жалованья?» — «Так точно, ваше превосходительство, 50 копеек!» — «А я, – говорит, — получаю 500 рублей, да и мяса-то не вижу».

Церковная служба шла своим порядком. Полковой хор прилично пел, посещали храм и горожане.

Моя обязанность была каждую субботу ездить в Александро-Невскую лавру за просфорами, и я каждый раз стремился выслушать монашеский солидный хор. Хотя у нас в полку церковная служба шла, но не все работы закончены — начали делать гробницу. Мое помещение было в сторожке церкви. Хор делал спевки в церкви, и я в свободное время списывал для себя с партитур песнопения.

У меня появилась мысль: если судит Бог вернуться домой, то буду стараться создать обстановку[62] в стиле модэрн.

Вся наша команда художников и специалистов вполне сосредоточена и увлечена в свою работу, и никто не знал, какие грозные события висят над нашей головой. Знало об этом фронтовое начальство, но старалось держать в строгом секрете.[63]

Письма принимались незапечатанными, запреща-
лось //писать о положении дела на фронте, но и без л. 13
этого напрашивался солдату вопрос, доколе может продолжать такое невыносимое положение.

В наш пулеметный полк прибыл командующий всеми военными силами Лев Троцкий,[64] наехали на

---

[54] В Пермогорском варианте: «художники-иконописцы».

[55] В Пермогорском варианте далее: «икону».

[56] В Пермогорском варианте нет слов «с правой стороны».

[57] Ин. 15: 13.

[58] В Пермогорском варианте далее: «в виде мыла».

[59] В Пермогорском варианте этого слова нет.

[60] В Пермогорском варианте: «бдения».

[61] В Пермогорском варианте далее: «(финляндец)».

[62] В Пермогорском варианте далее: «своей квартиры».

[63] В Пермогорском варианте далее: «Создан почтой контроль над письмами».

[64] Лев Давыдович Троцкий (1879–1940) прибыл в Петроград из эмиграции только 4 мая 1917 г., а руководить вооруженными силами России стал в марте 1918 г., поэтому описанный эпизод мог происходить только в 1918 г.

больших рысаках офицерство, оставили лошадей, привязав к жердям коновязи, и пока шел в казарме митинг, лошади успели съесть жерди коновязи. Трудно поверить, но я был свидетелем этой ужасной картины, с каким треском лошади рвали дерево, и от коновязи остались одни полуобглоданные столбы.[65]

С фронта в полк приезжали делегации просить помощи и объявляли, что на фронте так мало бойцов, что на километре находится 4–5 человек. Хотя и засекречено у начальства положение на фронте, но подлинные сведения просачивались, что на фронте идет братание — немцы идут в наши окопы, а наши бойцы идут к немцам, появляются листовки с возванием бросить войну и оставить фронт. Видимо, и немцам надоела война. Да к тому же у немцев произошол государственный переворот — кайзер Вильгельм отказался от престола.[66] Все такие чрезвычайные события знало офицерство и не допускало сведений для рядовых солдат и в тылу.

Священник ежедневно общался с офицерством, знал приближающуюся катастрофу; не предупреждая никого, даже из начальства, скрылся. Пришел к нему на квартиру и вижу на полу большой сундук с металлическими ручками, попробовал поднять и сдвинуть — не поддается, какая-то в нем тяжесть. Заглянул в гардероб — все пусто, одни старые шлепанцы и дырявые сапоги. Пришел священник с двумя солдатами, они взяли сундук и куда унесли — не знаю. На следующий день пошел к священнику, но его нет, и квартира заперта. Куда скрылся, и что угрожало священнику — неизвестно. Сам собой напрашивается вопрос, что надвигается что-то чрезвычайное.

16 февраля[67] полку был дан приказ вынуть затыльники из пулеметов (без затыльника пулемет не стреляет). Для какой цели дано такое распоряжение, армейцам было неизвестно.

Утром[68] 17 февраля из Кронштадта по льду Невы
л. 14 пришел первый //пулеметный полк,[69] чтобы соединиться и вместе идти в Петроград для поддержания революции, но во втором полку был дан приказ солдатам-пулеметчикам о том, чтобы никому не выходить из казарм. Начальством первого полка был дан приказ обстрелять казармы второго полка, при этом 5 человек было убито. В полку произошло восстание — бунт. Армейцы обезоружили офицеров, открыли склад с обмундированием, и все присоединились к первому полку и пошли торжественным маршем по 45-верстной шоссейной дороге, потому что железнодорожное движение за двое суток ранее было закрыто и прекращена телеграфная и телефонная связь.

Полк ушел, осталось два[70] человека в роте, прекратилось всякое довольствие — ни пекарня, ни столовая не работали. Куда же нам, специалистам, деваться? Один выход — идти в Петроград по шоссе, отшагать 45 километров почти голодом: ведь ни у кого ни крошки продуктов не было. Пошли. Смотрим — летит аэроплан (я в первый раз увидел аэроплан), который сбрасывал листовки; они на высоте кажутся блестящими снежинками, падают на дома, на воду (в каналах вода не замерзла, зима была теплая), падают на шоссе с извещением, что царь арестован, власть принадлежит Временному правительству.

Пришли в Петроград, идем по улице Садовой, видим сгоревшие небольшие здания, вероятно бывших торговцев, а на снегу кровь.

Скрытый отряд царских войск стрелял из пулемета и ружей с колокольни церкви.

Ввиду голода в Петрограде открыты были питательные пункты. Видим вывеску, заходим в дом, на столах приготовлена закуска из порции ржаного хлеба и одной селедки. Голод на время утолен. А где же ночевать — не знаем. К нашему сча<с>тью, открылось железнодорожное движение, и мы немедленно успели уехать в Стрельну, в полк, а части полка стали возвращаться одна за другой.

Предстояло немедленно восстановить разрушенное хозяйство полка, его нормальную жизнь. Офи-
церство потеряло силу, управ//лять частями некому. л. 15

[65] В Пермогорском варианте всего этого абзаца нет.

[66] В Пермогорском варианте этой фразы нет. Кайзер (германский император) Вильгельм II (1859–1941) отрекся от престола 9 ноября 1918 г., так что эта фраза хронологически находится не на своем месте.

[67] 1917 года.

[68] В Пермогорском варианте этого слова нет.

[69] Ошибка памяти автора. Солдаты 1-го пулеметного полка прибыли на поезде из Ораниенбаума утром 27 февраля 1917 года. См.: http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=memory.vorob. – *Примеч. В. И. Щипина.*

[70] В Пермогорском варианте: «один-два».

В первую очередь армейцы решили избрать полковой комитет и принудить офицеров безоговорочно отказаться от сложенного поневоле оружия — саблей, наганов, пистолетов. Сопротивляющихся жестоко избивали. Погоны сняли со всех воинских чинов. Некоторые офицеры добровольно сами сдали оружие, а которые грубостью сильно насолили солдатам, тех избивали или убивали.

Приказано было частям полка самим выбирать кандидатов в офицеры посредством голосов, а комитет полка утверждал выбранных. Невыбранных бывших офицеров отправляли в какой-то штаб забаллотированных, а куда их назначали в дальнейшем — нам неизвестно.

Все титулы офицерских воинских чинов отменены и заменены словом «товарищ», например: «товарищ генерал», «товарищ капитан», «товарищ майор»; исключено слово «господин». Как теперь стало все просто, без всяких «превосходительств» и «светлейших». Упростились взаимоотношения между начальством и рядовыми солдатами, и установилось взаимное содружество. Ранее начальство считало рядового солдата таким низким, что не разрешалось рядовому солдату посещать чайные и столовые, которые посещали офицеры, висела вывеска: «Нижним чинам вход воспрещен».

При обращении рядового солдата к офицеру или офицера к рядовому солдату последний имеет ответить коротко и энергично: «Так точно», «Никак нет, ваше превосходительство».

л. 16

//Глава 4-я

Управление в полку восстановлено. Избран комитет полка. Теперь решается трудный вопрос с питанием. В полку нет никаких продуктов кроме ржаного хлеба, которого норма 500 грамм на человека, супа из фасоли и чечевицы, и сахару.

Комитетом полка были направлены отряды армейцев в ближайшие сельские местности реквизировать[71] продукты питания у жителей — скота, овец, яйца, хлеб — и направлять в полк. Приходилось армейцу пользоваться порцией хлеба и одним яйцом.

С фронта непрерывно шли делегации просить помощи фронту, но получали ответ: нужно защищать революцию, а войну кончить. Да и сам главнокомандующий всеми военными силами Лев Троцкий заявлял, что сейчас такое состояние, что в России не война, не мир.[72]

Припоминаю собрание духовенства в довоенные годы, когда священники заявляли недовольство тем, что Прокурор Святейшего Синода Саблер, чистокровный еврей, а при царском дворе неизвестный проходимец Григорий Распутин. Чем он заслужил такое благоволение царя? Ходили слухи, что он святой и лечит болезни, а может быть, гипнотизер.

Наследник Алексий был больной, и у царя и царицы было больше доверия Распутину, чем опытным ученым врачам.

По истории революции, Распутина застрелил князь Юсупов. И когда следствием было выяснено, кто такой был Распутин, оказалось, что он был авантюрист, конюх, сибирский конокрад. Нашлись такие остроумные карикатуристы-[73]писатели, которые сочинили Акафист[74] святому Григорию Распутину, царицину утешителю. После каждого тропаря припев: «Радуйся Григорие, сибирский конокраде». Напечатано было тысячи экземпляров, и в нем половина недопустимых нецензурных слов. Помню, идешь по Невскому проспекту или по Садовой улице, почтальоны-письмоносцы и разносчики газет звонко кричали: «Купите акафист Григорию Распутину, царицыну угоднику», а у почтальона их целая кипа. И столько распространялось этих акафистов, и, где бы ни остановился, тут и читают. Едешь в вагоне, акафист читают,[75] //и больше всего нецензурщиной оскорбляют л.
женщин благородных, и некоторые, не выдержав оскорбления, уходили из вагона.

Правительством Керенского решено было вести войну до победного конца. Создавались женские роты под названием «батальоны смерти».

---

[71] В Пермогорском варианте далее: «последние».

[72] В Пермогорском варианте этой фразы нет. Позиция Л. Д. Троцкого: «...ни мира, ни войны: договора не подписываем, войну прекращаем, а армию демобилизуем», получившая поддержку Центрального комитета партии большевиков, относится к более позднему времени, к январю–февралю 1918 г.

[73] В Пермогорском варианте: «карикатурщики».

[74] В ркп. нет, доб. по Пермогорскому варианту.

[75] В Пермогорском варианте нет слов «едешь в вагоне, акафист читают».

Идешь и видишь — марширует такая рота по Невскому, на древке знамени череп головы, а на флаге лозунг: «Мужчины, устыдитесь! Мы, женщины, идем воевать до победного конца».[76]

У нас в полку занятия прекратились, т<ак> к<ак> вновь мобилизованных в полк не прибывало. Из нашей артели в числе 16 человек создали столярную мастерскую с вывеской «Столя<р>но-мебельная мастерская второго пулеметного полка».[77] Поступали заказы командиров полка с расчетом на бесплатную работу армейцев, но нам теперь на голодный желудок работа не очень интересна.[78]

Комитет полка ничего лучшего предпринять не смог. Одним словом, получился такой у всех вопрос в мыслях, что надвигается какая-то другая цепь событий.

Не запомнил, которого числа в августе днем пролетел медленно аэростат[79] (это длинный, как колбаса, снаряд) и наделал он такой паники и страху жителям — боялись бомбежки. Появился аэростат на Финском заливе, недалеко от Кронштадта, поднялся с острова Эзеля (вероятно, теперь переименован).[80] Хотя остров русский, но немцы создали аэродром.

Кто мог, жители бросились из Петрограда, спасая себя и имущество. Заполнили все вокзалы и станции в паническом страхе. В течение пяти дней немыслимо было куда-либо отлучиться из полка из-за такой тревоги и паники.

Разрешены были отпуска на родину на один месяц. Я получил отпуск, пробыл дома месяц, дома тот же кошмар войны.

Землю обрабатывать и сенокос убирать некому, пришлось за обработку земли отдать половину урожая и сенокоса поло//вину урожая. л. 18

Жене с тремя детьми с хозяйством не справиться.

Вернулся через месяц в полк, и тут та же картина голода. На железнодорожных станциях и в Петрограде нигде не увидишь хлебного съестного, кроме ягод земляники или малины в корзинках, насыпанных в один слой, но солдату не по карману такая роскошь.

По прибытии в полк из отпуска, через неделю мой год совсем увольняется домой.[81] Получив увольнительный билет, доехал до Петрограда, иду по Невскому проспекту, вижу огромный длинный плакат красного цвета во всю ширину улицы, и на нем лозунг яркими белыми буквами: «Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание». Далее, через несколько шагов такой же длины плакат с лозунгом: «Глас народа — глас Божий».[82] Пришел на Северный вокзал,[83] на платформе тысячи армейцев ждут вагонов. Подали вагоны-теплушки, переполненные до отказа, уцепившись за трубы на крышах едут сотни армейцев (вероятно, вагоны были заняты, когда были в парке). В вагон не проникнешь, не внимают никакой просьбе, хотя можно было бы стиснуться. На крыше крайне опасно, да и можно замерзнуть, т<ак> к<ак> февраль месяц.[84] Пришлось на перроне толкаться в морозную ночь.

На следующий день та же картина. Все крыши заняты армейцами. Почти на слезные наши просьбы с товарищами наблюдатель вагонов приказал открыть

---

[76] В Пермогорском варианте далее: «Я подумал: “Сейчас вы в гимнастерках, а как вы будете осенью и зимой в окопах?”».

[77] В Пермогорском варианте: «Мастерская выделки простой и стильной мебели 2-го пулеметного полка».

[78] В Пермогорском варианте вместо этой фразы: «Командиры полка, пользуясь бесплатной работой артели, наделали столько заказов мебели, что их в течение года не выполнишь, да еще и мебели стильной. А питание-то полкило хлеба да суп из чечевицы. Как работать на голодный желудок?».

[79] В Пермогорском варианте далее: «цеппелин».

[80] Эзель – немецкое название острова Сааремаа (Моонзундский архипелаг, Эстония). Был важным местом боевых сражений во время Первой и Второй мировых войн. – *Примеч. В. И. Щипина.*

[81] И. С. Карпов был уволен в запас и получил удостоверение демобилизованного 22.12.1918 г. См.: ГААО. Ф. 615. Оп. 3. Д. 137. Списки лишенных избирательных прав, заявления, жалобы. Л. 2. – *Примеч. В. И. Щипина.*

[82] В Пермогорском варианте далее: «Хотя декабрь месяц, но погода в 1918 году в Петрограде была теплая: днем дождь, ночью заморозок. На трамвайной линии лужи. Берегись трамвая — окатит водой. По улице везут солому, и даже конский навоз не убирается. Вижу: стоит очередь за получением продовольственного пайка. Выдают вместо хлеба зерно овса, не знаю, по какой норме на человека. Далее иду и вижу очередь людей с салазками за получением дров. Поленья дров весят на весах, не знаю, по какой норме, а может быть, какой богатей из деревни привез продавать дрова в городе по высокой цене».

[83] Ныне – Финляндский вокзал.

[84] В Пермогорском варианте нет слов «т<ак> к<ак> февраль месяц». Указание на февраль ошибочно, поскольку речь идет о конце декабря 1918 г.

дверь вагона и втиснуть нас. При такой тесноте, как селедок в бочке, доехали до Котласа.

Как доехали армейцы на крышах — не знаю.

При высадке из вагонов строго, внимательно проверяли чемоданы и коробья, ощупывали карманы шинелей и брюк. Видимо, правительством был дан приказ, чтобы демобилизованные армейцы не провезли домой никакого боевого оружия.

И действительно, у многих отобрали наганы, револьверы и американские винтовки, «Винчестера». Эта винтовка в разобранном виде помещалась в небольшой чемодан.

Вернувшись домой, вижу тот же кошмар войны. Уже вернулись некоторые мобилизованные инвалидами, есть убитые и находящиеся в плену, получены из полков похоронные.

л. 19 //Глава 5-я

Церковная служба шла обычно, и я вступил в свои псаломщикские обязанности. Теперь я дома. Никак не забываются грозные картины голода в Петрограде, когда люди стоят в очередь с салазками и весят на весах поленья дров, да, вероятно, и по норме, и очереди людей, получающих овес вместо хлеба.

Но ведь деревня — не город, у каждого урожай хлеба, свой огород, почти у всех своя корова, овцы, все не так голодно в самое суровое время войны. И хотя дорого, но каким-то способом можно достать хлеба.

Мое сельское хозяйство было в самом плачевном виде.

Мои предшественники, два псаломщика, не занимались сельским хозяйством, землю и сенокос обрабатывали за половину урожая. Земля, когда-то плодородная, но не удобряемая навозом и плохо паханая, стала совсем бесплодной, не оправдывала расходов на семена и обработку. Поэтому, в отсутствии моем в полку, пришлось отдать обработку земли из-за двух третей урожая, чтобы земля вовсе не запустела, а сенокос за уборку — из половины урожая. Другого выхода не было.

Одна супруга с тремя детьми, с матерью, 70-летней старухой, безсильны были что-нибудь лучшее предпринять по хозяйству, а главное — не было лошадей. Лучших лошадей мобилизовали на фронт, а оставшихся загоняли на разных подводах, требуемых для войны. Не стали подвозить дров для отопления церкви.

Кроме овса, ничего не сеяли, т<ак> к<ак> земля задернела, и овес не давал урожая.

Я решился на такой шаг, за который меня прихожане сосчитали лишившимся рассудка, — оставить землю совсем незасеянной хотя бы на один год. Четыре раза за лето вспахать и хорошо пробо<ро>новать железной бороной, выбрать корни сорняков. // л. 20

В конце июня, около Петрова дня, половину земли засеял репой, вторую половину — викой с горохом. Вика в конце августа зацвела. Я прикатал вику к земле бороной вверх зубьями, а потом запах<а>л вику и репу, не воспользовавшись никаким урожаем. Осенью, в конце сентября, 4-й раз вспахал, и чудо, столько расплодилось под викой дождевых червей, а во время вспашки на добычу слетелись чайки и галки со всего района. Под запаханной репой червей не было.

На следующий год засеял землю ячменем. Урожай превзошел все ожидания. Земля у церкви и у большой дороги, и каждый остановится посмотреть на невиданный урожай ячменя.

С лихвой окупила земля все расходы, затраченные за два года обработки, и обеспечила на два года хлебо<м>, хотя ячменем, но и то вполне удовлетворительно в такое тяжелое время хозяйственной разрухи.

Супруга не сообщала мне в полк о событиях, какие произошли в деревне за эти три года пребывания моем в полку, т<ак> к<ак> знала, что запрещено сообщать в армию солдатам о каких-либо чрезвычайных событиях. А события происходили чрезвычайные.

Правительством решено было для нужд войны и в помощь голодающим южных областей реквизировать у крестьян излишки хлеба и оставить установленную норму по наличию членов семьи. Сдавать для армии овечью шерсть, телячьи опойки[85] и скотские кожи. Уполномоченные для этой работы пересчитали в каждом хозяйстве число суслонов ржи, ячменя и овса на полях и на гумнах в скирдах и по ним делали предположительно наличие в скирдах хлеба.

По ок<о>нчании молотьбы комиссии пошли проверять наличие хлеба по закромам, меряя хлеб мерой, назначая определенную норму по числу членов семьи, а оставшиеся излишки потребовали безоговорочно сдать в Красноборский ссыпной хлебоприемный пункт.

Поднялась страшная тревога и паника. Кому не больно остаться на голодном пайке, отдав свой тру-

---

[85] Опоек — один из сортов мягкого кожевенного (сапожного) товара, идущего главным образом на легкую обувь. — *Примеч. В. И. Щипина.*

дом тяжким добытый хлеб. Было в школе общее собрание по этому вопросу, и крестьяне решили просить
л. 21 отменить это постановление власти, а //обязались внести добровольную сдачу хлеба, но это предложение было безусловно отменено.

Скрывали хлеб в лесу, в земле, зимой в снегу, в стогах сена. Такая мера давала обильный корм мышам и крысам.

Мельницы были загружены размолом реквизированного зерна, а крестьянину было разрешено смолоть не более двух пудов на месяц с объявлением квитанции о сдаче на склад хлеба, что заставило делать из камня мельницы и ступы, толочь сушеный овес, а по истолчении просевать овсяную муку.

Шпионы за всеми следили и у подозреваемых делали обыск. Все эти меры привели к тому, что никто некому ни по какой нужде не решался продать хотя малось хлеба из боязни доноса.

Все друг друга подозревали в скрытии хлеба.

При таком стечении обстоятельств прихожане реже стали посещать церковь. Дров для церкви не заготовили, и кто желает заказать обедню или при похоронах умершего, должен принести охапку или две сухих дров. В алтаре поставили железную печку, из нее провели железные трубы в большую церковную печь. Стены мокрые, с потолка каплет. Что сулило нам дальнейшее время?

Война не кончена, а уже два старшего возраста армейцев демобилизованы. Когда и кем заключен был мир с Германией, я в этом буквально не осведомлен.[86]

Из лозунгов в Петрограде на Невском проспекте: «Да здравствует Всероссийское Учредительное Собрание!» и на втором плакате: «Глас народа — глас Божий». Разумеется, делегаты, избранные народом, съедутся на Учредительное собрание, выберут из себя членов Государственной Думы, Дума выберет регентом Керенского, и установится мирная жизнь в государстве.

Так думали несведущие в текущих исторических делах простые деревенские люди. Я убедился в этом, бывши на общем собрании в Лябельской начальной школе в 1918 году, в феврале[87] месяце. //

Собрание было по вопросу «За какую партию бу- л. 22
дут собравшиеся отдавать свои голоса?» Только за партию, а не за кандидатов. Это только выяснить мнение населения о настоящем положении России. Вопрос для всех был сугубо важным. В большинстве явились женщины, да несколько демобилизованных армейцев, да человек пять среднего возраста и стариков.

Уполномоченный из райисполкома раздал маленькие листочки с напечатанными на них названиями партий: эсеров, большевиков, меньшевиков и объяснил, что каждый должен подписать свою фамилию под партией, какую желаешь, и опустить листок в стоящий тут ящик. Одна бойкая женщина Анфиса говорит: «Я неграмотная, не умею писать». Один мужчина говорит: «Ставь крест за крестьян». Анфиса говорит: «Я и креста не умею ставить». Мужчина говорит: «Давай я за тебя поставлю». И поставил за партию эсеров. — «Пойди, опусти в дырочку ящика». Женщины говорят: «Не знаем, за какую партию подписываться», и говорят: «Нам все равно лучше не будет, за кого ни голосуй. Да что же это за эсеры, да большевики, да еще какие меньшевики, что за начальство? Все равно немец всех заберет».

Тогда выступил волостной писарь Якутов: «Голосуйте за меньшевиков, эти за крестьян, и за Учредительное Собрание, и за Государственную Думу. Россия мирно благоденствовала в правление Николая десятки лет, и Дума поставит правителем Михаила, брата бывшего Николая».

Но тут раздался громкий крик: «Уходи проч, а то акт составим, виш какой нашелся наглец, думаеш опять быть хозяином волости? Нет, ушло твое время». Якутов от стыда скрылся в толпе и ушел с собрания.

Тут выступил старик, бывший водник, капитан парохода Василий Федорович: «Все голосуют за большевиков, а того не подумают, как потом начнут по заднице хлестать: отдай! отдай! отдай!» Бабы спрашивают: «Да скажите, как<и>е эти большеви<ки>, богачи разве какие?» — «Нет, это партия, в Москве на выборах больше всех партий получила голосов»,[88] — пояснил уполномоченный. На этом собрание закончилось.

[86] В Пермогорском варианте далее: «нужно спросить историков, находившихся на фронте». Мирный договор с Германией был подписан 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске.

[87] В Пермогорском варианте: «январе».

[88] На самом деле всего 25 %. — *Примеч. В. И. Щипина.*

Степан Артамонович Ступин
Поход на 1-ю Империалистическую войну в 1914 году

Воспоминания, написанные собственноручно крестьянином деревни Лохново Пинежского района Архангельской области Степаном Артамоновичем Ступиным, посвящены в своей начальной части событиям военного времени, поэтому они озаглавлены так: «Поход на 1-ю Империалистическую войну в 1914 году».[89] *С. А. Ступин писал свои мемуары в самом начале 1970-х гг.; закончены они 7 июля 1971 г., когда ему было 79 лет.*

Большую часть жизни он работал в колхозе, ко времени написания воспоминаний был уже пенсионером. Спустя многие десятилетия после окончания Первой мировой войны автор сохранил в памяти интересные подробности проводов в армию, солдатского быта, боевых действий, жизни в германском плену. В то же время, многое С. А. Ступин уже подзабыл и путался в деталях; заметна в его тексте и некоторая легко объяснимая модернизация описываемых фактов и событий (например, «Карпогоры» вместо «Карповой горы»; «Ленинград» вместо «Петрограда»; упоминание «политзанятий» и т. д.).

Воспоминания С. А. Ступина публикуются впервые. Они заслуживают внимания не столько как исторический источник, сколько как своеобразное литературное произведение. Автор постоянно использует фольклорные обороты и выражения, передает устные по своему происхождению рассказы: об утонувшем обручальном кольце, о военачальниках и т. д. Мемуары двух севернорусских крестьян удивительным образом пересекаются при описании посадки на пароход мобилизованных в армию. Если И. С. Карпов упоминает об этом кратко, буквально двумя фразами («На каждой пристани происходит посадка на пароход мобилизованных. Рыдания жен и обмороки»), то С. А. Ступин уделяет этому событию пристальное внимание и дает его подробное описание (л. 1–2). Степан Артамонович довел свое повествование до 1970 г., но при подготовке к публикации все фрагменты текста, относящиеся к более позднему времени, чем Первая мировая война и возвращение из плена, были нами сокращены.

«Поход на 1-ю Империалистическую войну в 1914 году»

л. 1 //Отправлялся от родной семьи на Русско-Германскую войну в 1914 году 18 августа с/стиля. Военное звание — рядовой ополченец. Была издана царским самодержавием военная мобилизация. Сначала забрали в армию запасных солдат, которые были отпущены с военной службы 28 июля 1914 года. А нас, ополчение, как указано выше, после 18 августа. Мы с родными, с семьей погоревали и поплакали, с отцом-матерью, с братом и сестрами. Попили чаю и пообедали. Родители меня благословили ехать на поле битвы с врагом-немцом. Дальше ждать было некогда, стали запрягать лошадь и распростились с братом и сестрами. Нужно выходить. Вот тут-то и пошел рев, плач, слезы. У меня остался отец больной, мать, один брат и 4 сестры. Брат Александр Артамонович тоже был взят на войну в 1916 году, каковой заболел дорогой и в Новгородской губерни в Старой Руссы[90] помер, где его и схоронили односельчане, ехавшие с ним в друг на войну.

Запрягли лошадь, и родители повезли на лошади в Карпогоры[91] на пароход. Приехали, но парохода еще сверху не было. Из ополчения товарищей часть уже было на пристани. С Мариной горы[92] привезли т. Федорова Степана А. на тройки, он был мне друг и товарищ. Он привез с дому вина четверть, и мы уселись в тарантас в ожидание парахода. Поехали гулять по лугу и немного выпивать вотки. Парахода сверху не было. Пришлось ждать 2-е суток на пристани, //после чево параход пришол сверху, бывшаго л. 1 об.
купца из города Пинеги Володиных[93] братьев Егора и Алексея Ивановичей. По прибытии на пристань

[89] ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Пинежское собр., № 518. В лист. Скоропись, синие чернила.

[90] *Старая Русса* — уездный город в Новгородской губернии, центр Старорусского уезда. Ныне — районный центр в Новгородской области.

[91] *Карпогоры* — село Карпова гора, центр Никитинской волости Пинежского уезда Архангельской губернии. Ныне с. Карпогоры — административный центр Пинежского района Архангельской области.

[92] *Марьина гора* — деревня Марьина в Никитинской волости Пинежского уезда Архангельской губернии.

[93] *Володины* — купеческая пинежская династия. Основатель династии Иван Афанасьевич Володин происходил из крестьян, стал купцом второй гильдии. Его сыновья в 1899 г. основали Торговый дом «Братья Володины», в который входило речное пароходство на Пинеге.

парахода была подана команда «посадка на параход». Мы попрощались с родными, поревели, поплакали и стали садится на параход. Родные кто с нами поехали на пароходе с Карпогор до Усть-Покшеньги,[94] а кто домой. А у меня отец и мать поехали до Усть-Покшеньги. Все посадились на пароход. Тогда параход дал 1 свисток, немного дал 2 свисток, а 3 свисток был дан прощальный и печальный, жалобный, долгий с воем. Вот тут-то и было родных плаканье, рев, некоторые матери падали без памяти на землю. После чего капитан дал команду «чалку». Во время отчалки парахода жена Евдокия Ивановна Минина Степана Степановича забрела в воду до пояса. И стали один другому передавать обручальное золотое кольцо. При ростройстве обеих уронили кольцо в Пинегу, в воду, каковое и сейчас лежит на дне в песку. Тогда народ заговорил, что не вернется с войны Степан, так и вышло.

На Усть-Покшени параход делал остановку малинькую, только окончательно простит<ь>ся нам с родными, поревели, поплакали. До свидания, родные! Параход дал 1-2-3 свистки, стал отчаливать, пошол вниз по Пинеги. Ехали по пристаням, к нам на
л. 2 пароход все прибывало ополчение. //К устью реки Пинеги параход был полный наполнен ополченцами. На устье Пинеги остановка была малинькая. С устья реки Пинеги параход пошол без остановок до Архангельска. В Архангельски нас высадили с парахода и стали размещать по квартирам, ково куда, и в школу. В Архангельске нас держали 1 неделю. Сделали дизинфекцию, вымыли в бане и немного обмундировали без подбора роста шинелями и мундирами гвардейского роста, старые, кому какие достались. На занятие военное не гоняли. Спустя неделю времени была дана штабс-капитаном Ревутовым команда «строит<ь>ся» на вокзал за Двину. Придя на вокзал, паровоз уже стоит на вокзале с телячьими вагонами. Когда все разместились по вагонам, команда «не выходить из вагонов». Свисток 2-3 был дан. Поезд тронулся.

За время езды до Вологды один сур<с>кой[95] парень во время хода поезда на полустанке, поезд еще остановки не сделал, он скочил за кипятком, притяжения воздухом попал под вагоны. Ему отрезало руки, поехал обратно домой. Во время езды до Вологды поезд делал остановки на станциях маленькие. В Вологде нам сделали пересадку в посажирские вагоны. Весь поезд состоял из 70 вагонов, все полные. С Вологды повезли на Петроград тогда.

Привезли на Николаевский вокзал.[96] Нас высадили и строем повели на Васильевский остров и Голодай остров[97] на устье Невы. Разместили нас на Голодае в английских казармах. Всего было собрано около 3 тысяч человек в дружинах 56 стрелкового полка, где и находились 1 месяц, где нас обучали к военной службе. Ходили в караул в Петропавловскую
крепость, //Зимний дворец, в Экспедицию приго- л. 2
товление государственных бумаг и бумажных денег,[98] к пороховым погребам и т. д. Во время караула в крепости пришлось видеть 2 дочери государя Николая 2, Ольгу[99] и Татьяну.[100] Таня — необыкновенной красоты красавица, а Оля — так сибе. При поезде их на машине с комендантом в крепость был выстроен нами почетный караул. Они с нами поздоровались, а мы им в ответ: «Здравия желаем, Ваше императорское высочество!» После чего машина в<ъ>ехала в крепость.

На учении гоняли крепко, но и кормил нас старичек-генерал его высокопревосходительство, в масле и сале купались, так нас жалел. Он часто посещал на кухне и спрашивал: «Как вас кормят?» И наговаривал командирам: «Кормите их лучше, чтобы они не боялись врага-немца и чтобы, когда пойдут в атаку, на «ура» кидали немца на штыках через себя и кололи их насмерть».

Ходили мы всегда на стрельбище и прогулку, всегда с песнями. Штабс-капитану Ревутову нравилась песня:

Вдоль да по речьки,
Вдоль по Казанки

---

[94] *Усть-Покшеньга* — пристань и деревня у впадения р. Покшеньга (Пошенга) в р. Пинега.

[95] *сур<с>кой* — родом из села Сура Пинежского уезда. Также из Суры родом был св. Иоанн Кронштадский, в миру Иван Ильич Сергиев (1829–1909).

[96] С 1924 г. Николаевский вокзал в Санкт-Петербурге называется Московским вокзалом.

[97] *Остров Голодай* — один из островов в дельте Невы; ныне (с 1926 г.) — остров Декабристов, входящий в состав Василеостровского района Санкт-Петербурга.

[98] Экспедиция заготовления государственных бумаг — правительственное учреждение, находившееся в ведении Министерства финансов (с 1919 г. — «Гознак»).

[99] *Ольга* — старшая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны Ольга Николаевна Романова (1895–1918).

[100] *Татьяна* — вторая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны Татьяна Николаевна (1897–1918). Современники отмечали красоту и царственность Татьяны.

Неизвестный художник «З.П.». Бой у города Чорткова. М., 1915. Хромолитография

Серый селезень плывет.
Вдоль да по бережку,
Бережку крутому,
Добрый молодец идет.[101]

«Ай да ополченцы, ай да ребята, одним словом — молодцы!»

Прошол месяц, нас переомундировали полностью, все выдали новое обмундирование к походу на фронт. Но было еще что-то предусмотрено начальством — перевести нас на другой край Петрограда, в Новочеркаские казармы, где стоял полк Александра Невскаго.[102] Кормить стали еще лучше. И продержали нас // тут около 2 недель, после чего зарасформировывали л. 3
по дивизиям, полкам и ротам. Я попал к сибирякам в 53 Сибирский полк, где и воевал до конца в этом полку, пока не попал в плен к заклятому врагу-немцу.

Из Ленинграда нас направили на Варшавский фронт. Привезли нас в Прагу,[103] где мы стояли в вагонах 8 суток. Ездили в Варшаву смотреть город. Варшава нам очень понравилась, чистый город. Нам паны поляки надарили папирос, сигарет, сигар, яблок,

[101] Русская народная песня; исполнялась Ф. И. Шаляпиным.

[102] В Новочеркасских казармах на Малой Охте (Новочеркасский проспект, 4) был расквартирован не «полк Александра Невского», а Новочеркасский императора Александра III пехотный полк.

[103] *Прага* — имеется в виду расположенный на правом берегу Вислы исторический район столицы Польши Варшавы.

А. Варфоломеев. Разгром германцев под Прасныщем. М., 1915. Хромолитография

груш, винограда и арбузов. За время 8 суток с Сибири на фронт приехало 2 корпуса войска. Нас распределили на пополнение. Мы попали — я, Земцовский И. Евс., Чуркин А. Л.

После пополнения пошли мы на Варшавский фронт под Сухачево, местечько Сковорода, какая была занята немцем. В один прекрасный вечер мы пошли в наступление.[104] Мы немца выгнали, он стал отступать. Мы из груп<п>ы потеряли тов. Чуркина А. Л. После наступления мы погнали немца и гнали его до Восточной Пруссии. Там он очень крепко укрепился, а наши ряды устали, он нас остановил, наше наступление. Тут пока мы держали фронт до тех пор, немец пок<а> привез с француз<с>кого фронта целую армию войска и много военного снаряжения и начал на нас наступать. Нам трудно стало его держать, потому что ряды нашей армии поредели, а со стороны из Рос<с>ии на пополнение армии не было. Пришлос<ь> о<т>ступить опять на старую позицию, где и пошли мы на отдых и на <по>полнение. А наш пост заняли//тов. желтые погоны, но не знаем, какой л. 3
армии и каких дивизий и полков, которые говорили, что «мы немца переб<ь>ем, а остаток потопим в реки Висле». Но им пришлось только держать немца 10 дней, он всех разбил до основания. Нас за 10 дней пополнили, и мы опять пошли в наступление и дого-

---

[104] *пошли в наступление* — события Первой мировой войны, описанные С. А. Ступиным, относятся к 1914 г. Несмотря на то, что сведения, приведенные С. А. Ступиным, лишь приблизительно отражают исторические события, можно понять, что в целом речь идет о Восточно-Прусской, Варшавско-Ивангородской и Лодзинской операциях (август—ноябрь 1914 г.).

нили его до Барановичей, где и держался фронт около месяца. Боев больших не было, но перестрелки были, потому что ему потребовались солдаты на франц<з>ский фронт. Французы его в Эльзас Лоторинги крепко побили.[105]

Во время отдыха близ Варшавы наш корпусной командир генерал Рединкав[106] в одно прекрасное утро выгонил половины разбитые полки и роты на прогулку. После прогулки — политзанятия по боевой подготовки. А потом нас стал увещевать генерал Рединкав, немец высокаго роста, в генеральской шинели, золотые погоны, прошва на брюках, красная лента широкая, положа руки в карман шинели, начал говорить с нами: «Ну, братцы, солдаты-сибиряки, мы пополним наши ряды армии, отдохнем, а потом пойдем гонить немца обратно в Берлин, а германок любить в плоть до того, что германку фикен.[107] А противников-немцев остальных затопим в реке Висле».

Немец стоял от гор. Варшавы недалеко, к<ило>метров в 130, но не наступал, потому что его французы били во Франции, и Россия на Сибири тоже его гнала, потому что в это время на Сибирском фронте был наш хороший главнокоманд<у>ющий князь Романов л. 4 //Николай Николаевич[108] всей нашей Русской армии. Но у Николая Николаевича не хватало сил, чтобы успеть на все фронта России. Без него на фронте везде были измены, потому что было допущено царским самодержавием высоких генералов-немцов много.

Пополнено было нашу армию, нас генерал Рединкаф повел в наступление. А в это время немец был от Варшавы километров в 25 примерно. Пошли в наступлени<е> под Сухачево, деревня Сковорода. Мы его выбили из Сковороды, он отступил, оставил снаряжение военное и много раненых. А нам приходилось сидеть в окопах. Были такие случаи: у ково винтовка есть — нет патронов, у ково патроны есть — винтовки нет. Пулемет был только один на наш 53 Сибирский полк. После чего приказ был издан Рединкафа наступать дальше, были очень большие бои. Не немцы, не русские войска не могли сбить на отступление фронта. Стояли около двух недель при малых наступлениях. Из рук в руки переходили местечька и селения. После чего немец скопил большое количество войск, пошол в наступление. Мы стали понемногу отступать.

За это время Николай Ник<олаевич> с Сибири приехал на Варшавский фронт. Немец уже был от Варшавы за 12 км. А все вы<с>шее командование генералов сидело в ресторанах, может, и были пьяные. Он кое-каких разжаловал своей храбростью и направил прямо на позицию. А после этого нам было неизвестно, куда они девались. А хорошим командирам от прапорщика до генералам был издан приказ благодарности главнокомандующим Н<иколаем> Н<иколаевичем> и всем рядовым армии солдатам за задержку немца //и недопуска его к Варшаве. л. 4 об. Приказ Н<иколая> Н<иколаевича> пополнить ряды войск, силы и боевого вооружения и в дальнейшем идти в наступление. Было сделано все, пошли в наступление. Первый бой был в каком-то городе крепко жестокий. Но все же немца выгнали из города, и он стал оступать. Мы его отогнали от Варшавы километров 300. Потом остановился в городе Восточной Прусии и там нас разбил, потому что не было ни подкрепления и не военного вооружения, где и нас немец окружил и, сколько нас осталось в полку, собрал и забрал в плен, где и пробыл я около 4,5 годов.[109]

После чего, жалея русского солдата в окопах войны, грязи и вшей, наш милый и многооцененый друг и учитель начал совет с немцом. В 16—18 годах заключил

[105] Успешное наступление русских армий вынудило германское командование снять с Западного фронта два корпуса и кавалерийскую дивизию и направить их в Восточную Пруссию, что облегчило положение французских войск.

[106] *генерал Рединкав* — видимо, командующий 1-й Армией генерал Павел Карлович фон Ренненкампф (1854—1918). Воспоминания о нем его супруги, оправдывавшей действия мужа, см.: *Вера фон Ренненкампф*. Из воспоминаний о Первой мировой войне // Звезда. 2013. № 8. Поражение в Восточной Пруссии для многих современников было связано с именем фон Ренненкампфа (см.: *Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1925. С. 172; *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М., 1991. С. 252—253; *Андоленко С. П.* Восточно-Прусская операция 1914 г. //Возрождение. 1964. № 153. С. 79—86 и др.).

[107] В ркп. это слово зачеркнуто. Ср. нем. Ficken *груб.* ‘трахать, заниматься сексом’.

[108] *Николай Николаевич* — великий князь Николай Николаевич (Младший) (1856—1929), внук императора Николая I, Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи в начале Первой мировой войны (1914—1915).

[109] *около 4,5 годов* — пленение С. А. Ступина в Восточной Пруссии не может датироваться концом 1915 г. Скорее всего, С. А. Ступин на самом деле попал в плен в конце 1914 г. Тогда справедливым оказывается его указание на то, что он провел в плену более четырех лет — с конца 1914 г. по начало 1919 г.

Неизвестный художник. Битва за Вислой. М., 1914. Хромолитография

мир с немцом. Владимир Ильич видел впереди, что наша царская рус<с>кая военная армия изнурена войной, голодом и холодом. После чего наш вождь и учитель Ленин Владимир Ильич и немец подошли к соглашению — размен пленными, так что русских солдат в плену было много, и немцов у нас было не менее. При размене пленными нас привезли из Восточной Пруссии в город-матушку Москву в январе 1919 году. Нас приняли с честью как пленных, угостили-накормили. Мы жили в Москве одну неделю, ходили по матушке-Москве всех областей пленные. И нас, архангельцев, собрали, собрали нас на обед, накормили-напоили, потом сделали некуда не разхо- л. 5
дится, некуда: будет вам поставлен спектакль «Видение Иоанна Грознаго».[110] И будет вам посвящен // митинг Лениным Владимиром Ильичем по части положения в России.[111]

Часа через 2 постановки спетакля «Иоанна Грознаго» Владимир Ильич стал говорить. Мы все с вниманием стали слушать его. Он говорил не менее часа 4,5, говорил много, всего не упомнишь. Но главное, он нам говорил, что наше советское правительство слово «пленные» не считает нужным: мы вас встречаем с честью, а также и наши труженики России считают

---

[110] Сведения о спектакле «Видение Иоанна Грозного» не обнаружены. В Москве в 1919 г. существовало множество небольших театров, поставивших за год около 3 000 спектаклей.

[111] Вероятно, здесь говорится о выступлении В. И. Ленина 19 января 1919 г. с балкона здания Московского Совета на Советской площади в Москве с речью перед рабочими предприятий Москвы и красноармейцами на митинге протеста против убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта. О других публичных выступлениях В. И. Ленина в январе 1919 г. сведений нет.

также советскими тружениками. Говорил Владимир Ильич очень долго. При окончании речи Владимир Ильич сказал, что наше Советское правительство и лично я даем вам для отдыха у родных своих полгода отдых, а потом вы нам потребуитесь, у нас революция в России. Потом призовем вас на помощь в ряды Красной Армии. После митинга нас на обед, накормили, и команда: можно всех областей товарищей отпускать по родным. А нас, архангельцев, еще 6 дней держали, потому что у нас Карпогоры были задержаны белой бандой.

<...>

После чего нас стали из Москвы на родину отправлять. Кто поехал через Ярославль, Вологду и Котлас, тот попал в Красную Армию, а кто через Архангельск, тот попал в Белую Армию. Я поехал через
об. Котлас, попал в Красную Армию. //А т. Земцовский И. Ев. после меня из Германии, с которым мы были в плену вместе, поехал через Архангельск, попал в Белую Армию, с каковым нам пришлось друг против друга воевать: я в Красной, а он — в Белой.

Я еще упустил. За время в плену мы были сданы императором Вильгельмом. Он имел заводы, фабрики и угольные копи на 70 километрах в диаметре, каковой был самый богатый кровопивец по всей Германии, купец в Восточной Пруссии Круппе,[112] каковой говорил Вильгельму, что еще воевать год, я тебе всю твою армию прокормлю год. Но Владимир Ильич видел впереди, что такое положение для России будет тяжело, заключил мир с Германией. После заключения мира мы еще работали у заклятого немца до 1919 г. в шахте, а в 1919 году был размен военнопленными.

<...>

л. 6 //Работали мы в угольной шахте. Нас спускали на работу в шахту, как в колодец 389 метров, и на работу ходили по-под землей более 1 километра. Время отрабатывали с начала плена 12 часов шахта. Получишь хлеба на сутки от 100—200 грам. Суп кушали от тюленя, кита, и варил коварный враг лягушки. Слабы от пищи стали, после работали 10 часов смену. Сначала, как попали в плен, нас привели в город Тухель.[113] На ночь повали<ли> в яму спать, нечего тут не было — ни построек, не дров, и не соломы. А чесовые были кругом разоставлены по угорам, чтобы
нас всех видно чесовым. //Кое-как ночь проночевали л. 6 об.
благополучно, не замерзли. Назавтра немец привез нам копали и керки, тогда мы начали копать, себе укрытие от холода рыть, могилы: кто на одного, кто и на 5 человек. Мы вырыли на 5 человек вместе: 1. Я. 2. Земцовский И. Ев. 3. Федоров С. А. 4. Смоленский Е. М. и <5. > Богданов С. Е. Все же спаслись от гибели, закрыли могилу соломой. А кто рыл на 1 и на 2 челов<ек>, могилы заваливало, и люди погибали. Было нас собирано у немца тысяч 10 000 чел<овек>, из них за 8 месяцев жизни в г. Тухеле погибло тысяч 7 000 чел<овек>. Нас 3 человека — Ступин, Богданов и Земцовский — отправили на шахту, а остальные тов<арищи> остались в гор. Тухеле слабосильны, тут мы с ними и рас<с>тались.

Немец нам некоторым за какую-нибудь провинку распинали на стене, как Исуса Христа, в кольца руки и ноги. А мне пришлось нести одно наказание от фердфебеля-немца: держать кряжь, 3 чурки,[114] толщиной примерно 16 см, стоять смирно. Но, по счастию моему, сбытило, чесовой попал хороший. Он по сторонам посмотрит, не едут ли унтеро-офицер, фердфебель и генерал, то кряжь поставить, о себя стоя.

<...>

//Я от родных отца, матери и сестер получил в Германии посылок 20 ш<тук>. л. 7

<...>

А домой пришол 2 февраля 1919 года.

<...>

А в плен попал 2 декабря 15 г.

[112] *Круппе* — представитель эссенской династии промышленников Круппов. Фирма Friedrich Krupp AG Hoesch-Krupp стала крупнейшим предприятием Европы при «пушечном короле» Альфреде Круппе (1812—1887), после смерти которого руководителем концерна стал его сын Фридрих Альфред Крупп (1854—1902). Его наследницей стала дочь Берта, чьим мужем в 1906 г. стал Густав Георг Фридрих Мария фон Болен унд Гальбах, после женитьбы носивший фамилию Крупп фон Болен унд Гальбах (1870—1950).

[113] *Тухель* — город Тухоля (польск. Tuchola), Тухел (нем. Tuchel), ныне находящийся на территории Польши, в Куявско-Поморском воеводстве. Здесь немцами в 1914 г. был построен лагерь для военнопленных, в котором содержались русские, румынские, французские, английские и итальянские солдаты. Позже, во время польско-советской войны 1919—1921 гг. лагерь использовался для пленных красноармейцев, тысячи из которых погибли.

[114] *Кряж* — нижняя, комлевая часть ствола дерева. Отрезок кряжа называется «чурак, чурка».

Семен Никифорович
Томилов
Записки

Крестьянские воспоминания, дневники и письма в собрании Древлехранилища Пушкинского Дома весьма многообразны по своей хронологии и содержанию.[115]

Публикуемые ниже «Записки С. Н. Томилова»[116] *поступили в Древлехранилище Пушкинского Дома в 1985 г. в числе находок очередной археографической экспедиции на Пинегу*[117] *и сразу привлекли к себе внимание подробным повествованием о начале войны 1914 г., о вполне конкретных перемещениях пулеметной роты, в составе которой находился автор, реальных сражениях и солдатских буднях. К собственно дневниковым записям отнести их трудно, хотя точные даты представлены в большом количестве и строгой последовательности. Это свидетельствует о том, что писались они по достаточно свежим еще воспоминаниям автора и тем самым представляют собой ценный фактологический документ весьма сложного периода нашей истории.*

Записки об участии в Первой мировой войне

июль—ноябрь 1914 г.[118]

Действительную военную службу я служил в 1 Финлянск<ой> стрелковой бригаде в 1 Финлянск<ом> стр<елковом> полку в пулем<етной> команде. На лето каждый раз мы ездили в лагери в г. Вильмонстранер, а наши зимние квар<тиры> — в гор<оде> Або Финляндии. Мы выехали в мае месяце и провели все лето. Дожили мы до июля 10, в газетах уже начали писать: попытки к войне, а уже в то время в Петрограде была забастовка рабочих. //

об. 11 июля, в воскресенье, утр<ом> в 7 часов получили телеграм<м>у из Петерб<урга> от команд<ующего> войск<ами> и воен<ного> министра, чтобы все войска возвращались на зимние квар<тиры>.

По получению телегр<аммы> нам было приказано убирать полатки и т. п. Нас стояло 6 полк<ов>. Мы сразу приступили к работе и к уборке лагиря. Назначен <нрзб.> эшелона в 11 часов дня. Мне пришлось ехать в 1-м эшелоне: ехал 1 баталион и нашей команды 1 взв<од>. Работа китела <sic!>, уже к //

л. 2 11 час <ам> дня мы поехали. Но дорогой нам н<ачальни>к к<оман>ды приказал набить патр<оны> в ленты. Куда мы едем, но сами не знали, но все-таки намекали, что на кв<артиры> зим<ние>. С нами ехал нашей команды пору<чик> Мат. 1 п<олка>, но за начальника эшелона был команд<ир> 1-го батальона подпол<ковник> Ян-ий. Дорогой набили мы по

С. Н. Томилов. Записки об участии в Первой мировой войне, л. 1. Автограф

[115] Подробный обзор этих материалов см.: *Маркелов Г. В.* Крестьянские архивы в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 495–502. Значительная их часть учтена также в исследовании: *Herzberg J.* Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion //Bielefeld, 2013.

[116] ИРЛИ, Древлехранилище им. В. И. Малышева, Пинежское собр., № 614.

[117] См.: *Бобров А. Г. Шухтина Н. В.* Пинежская экспедиция 1985 г. //ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 439–447.

[118] Текст воспоминаний подготовлен В. П. Бударагиным.

4 тыс<ячи> на пул<емет> патрон. Дорогой едем и сами не з<н>ам.

Но на некоторых ст<анциях> везде была публика, нас взт<речала> с криком «ура». Также при отправки нам крич<али> в Вильмонс<транере> как
л. 2 об. мы уесж<али> на зим<ние> кв<артиры>//Вывезли нас на путь, котор<ый> идет из Петербурга на Гельсинфорс. Нас тут повезли на г. Або, но еще хорошо не знали. Когда доехали до ст. Рихимяки, тут мы уз<нали> хорошо, что на г. Або ети. Поез<д> стоял недолго, мы получили обет, а на ужин нам дали консерв по од<н>ой банке. Поез<д> стоял около 1/2 час<а>.

Потом двигались дальше, поез<д> шол очень ходко. А осталь<ные> эшелон<ы> нашего полка выход<или> из Вильмонст<ере>: 2-й в 1 ч<ас> дня,
л. 3 3-й—4 часа дня того же числа. //Ехать было нужно одни сутки до г. Або.

Ехали в вагоне, было очень тесно. На некоторых ст<анциях> ж. д. видали мы лагери, но тоже шла уборка, и солдат<ы> нас спраш<ивали>: «Куда вы едете?» Но мы сами не знали. На зимние кв<артиры> приехали в г. Або в 11 часов дня 12 июля. Мы только прибыли и стали разгружаться, но разгрузка шла недолго. Только разгрузились — пришол уже следующ<ий> эшелон нашево полка. А в Або жила одна коман<да>, караул занимала.

л. 3 об. 13 июля была нам //назначили баню первого эшелона, а после 3 эшелон пришол 13 июля утр<ом> и нашой команд<ы> 2 взвод приехал после бани и было назначено <с>троичная 14 июля.

С 14 до 18 июля мы жили спокойно, но занятия нам не производили. 19 июля в 12 час<ов> дня у нас в Финляндии была об<ъ>явлена мибилизацыя: привести все части армии и флота на военное положение.

Командир полка приказал построить весь полк на
л. 4 большом плацу и нам об<ъ>явил, чтоб через //шесть дней полк был готов к выступлению. При объявлении мы кричали «ура» и пели гимн. В стороне стояли некоторые женщины и плакали. А у нас у всех какая-то появилась радость. После объявления нас стал<и> распус<кать> по казармам, и сказал, что «рибята, сейчас нуж<но> робить», после чево мы дружно сказали: «Постараем<ся>, ваше высокобл<агородие>» — и распус<тили> по<лк> до казар<м>.

20 июля мы уже приступили к работе вовсю. Через несколько дней к нам стали //прибывать запасные л.
на пополнение полка и также были привезены лошади. Всех лошадей было привез<ено> около 300, нам в команду было назначено 45 лошадей. Запасными был пополнен пол<к> весь, к нам в к<оман>ду было дадено около 30 человек — команда была полной штат. Но лошадей еще не хватило, была назначена мибилизацыя в г. Або лошадей, и нам оттуда взяли 12 лошад<ей> у чухон. Мибилизация была 23 июл<я> лошад<ей> на кон<н>ом рынки, приезжали артилерис<ты> //за лошадьми из Таворуса и Гельсин- л.
фор<са>. Пять дней работа кипела: была перековка лошад<ей> и привид<ено> все в порядок, что нужно. К 25 июля были готовы к выступлению, но нам после работы 5 дней начальник бригады сделал смотр. Но уже у нас было все в порядки, и нас поблагодарил за работу и т.п., но еще о выступлении нечево было не известно. После чево мы стояли до разпорежения и нам все время с запасн<ыми> производ<или> занятия. Но уже на границых были стычки //немцам и ав- л.
стр<ийцам>.

Во время занятий производили стрел<ьбы>. На стрельбище с запасными у нас было набито патр<онов> на все 8 пулеметов, 72 тысячи, по 9 т<ысяч> на 1 пул<емет>. С 25 июля прожили до р.<?> до 15 авгус<та>. В 1 числах авгус<та> немецкой аэроплан уже показыв<ался> над г. Або и в окресностях Невы и по берегам Финсков<а> залива. Вечером 6 рота была назначена на охрану на заливе, около город<а>. Относ<ительно> пьянств<а>: не было в России, казен<ные> винн<ые> лавки закр<ыты> были, и <в> Финляндии не было водки: право свое. //
Публика жила спокойно. л.

Первая и пятая роты были назначены 28 июля на охрану ст<анции> ж<елезной> д<ороги> «Тоялой» <?>, линия шла из Гельсинфор<са> на Петроград, и нашей команд<е> было назначено 2 взвод<ных>, с нима и младший оф<ицер> подп<оручик> Ле-чь. Они жили до 10 августа, них сменили следующих полков фин<ских>. А нашево же полка 7 и 3 рота были тоже на охране ж.д. на Гельсинф<орс> — Або с 1 авгус<та>, а 8 рота была все время на охране на ст<анции> ж.д. Або. 12 августа нам на смену при-
ехал запасной полк //266-й, они пока поселились на л.
вольных кв<артирах>. Но к 14 авгу<ста> наши все, которые раз<ъ>ехались и были на охране, все

скопились в отправку, был назначен машлут <sic!>. 16 ав<густа> получили приказ: 16 авг<уста> первый ешелон долж<ен> отпр<авиться> в 6 часов утр<а>. Перед отправкой нас всех командир полка пост<роил> на плацу и отслужили молебен в полной похо<д>ной ам<униции и> снаряжении с коленопреклонением. Публ<ика> гор<ода> Або нас несколььк<о> р<аз> на карт<очки> снимала построенных с пожеланием счастья. //

. 7 Мы двинулись с хором музыки на вокзал, нам кричали «ура». Шли мы на с<танцию> ж.д. Або, проводили первой эшелон с музыкой, кр<иками> «ура», посли мы пошли с 2 батали<оном> и музык<ой> на ст<анцию> Або Восточную, на другу<ю>, которая была около наших каз<арм>. Мы прошли по всему городу, публика нам дарила папир<осы>, цве<ты> и т.п. 2 эшелон в 8 час<ов> того же дня, 2-й баталион. А мы ехали с командами не вместе и ком<андир> пол<ка> с нами в эшел<оне>. Мы уезж<али> уже последн<ими> из город<а>.//Наш эшелон отправл<ялся> 12 час<ов> дня, при отправки нам публика дарила кто что мог, поез<д> был 43 вагон<а>. л. 7 об.

К 12 час<ам> д<ня> мы погрузил<ись>, и подали первый звонок без 15 мин<ут> 12, после чево мы уселись по вагонам. Горнист играл «збор», и был уже 2 звонок и сигнал. Ровно в 12 час<ов> мы услышили 3 звонок, и горнист играл «збор». Наш эшелон двинил<ся> в дорогу, публика кричала «ура» и кидали шап<ки>, и вслед нам махали пладками, а некоторые плакали. Мы ехали на //главную гор. л. 8

Неизвестный художник. Первая схватка казаков с прусскими драгунами 20 июля 1914 г. М., 1914. Хромолитография

Або и с<танцию> ж.д. Под<ъ>ех<али> к гл<авной> ст<анции> Або, где очень много собралось нас провожать: некоторые чухны плакали и кричали «ура». На ст<анции> Або поезд стоял 20 минут, нам по всем вагонам разносила публика подарки. 20 минут 1 часу мы поехали на Петербур<г>: горнист сыграл «збор» и посл<едний> звонок. Музик<а> заиграла, и поезд стал двигаться, публика заглушала свис<ток> криками «ура». Нам долго вслед кричал<и> «ура»,
л. 8 об. скучно было уез<жать>//от финн: мы к ним очень привыкли.

Поез<д> двигался сначала медлен<но>, мы смотр<ели> издали на располож<ение> г.Або — и наконец стало совсем не видно. На каждой станции ж.д. мы останавливались ненадолго, в вагонах была все слышно песни и музыка. На обет нам были выданы консервы и на ужин на одне сут<ки>, до Петербург<а> нужно ехать одне сутки. Но мы приехали в Пет<ербург> 17 авгус<та>, но не доезж<ая> до Петербург<а> на 3 ст<анции>. Мы уже на них
л. 9 стояли//долго, публики везде было очень много, и нас встр<ечали> с крик<ами> «ура» и пением гимна. При остановке нам дарили раз<ные> под<арки>, но ст<анции> все были загромозжены поезд<ами>. На пос<ледней> ст<анции> ж.д. к Петербургу, на Финл<яндском> вокз<але>, нас встретили также с приветами «ура» и т.д., но публики было очень много, игр<ала> муз<ыка>, и около ст<анции> ж.д. находилась «корусель» и мы были на ней почти до утра. Но наш поезд стоял до самого утра, до 6 час<ов>, а в 6 часов нам при отправке на Николаев<ский>
л. 9 об. вокзал публика нам //подарила икону Бож<ью> Матерь Казанскую, и нас св<ященник> благословил этой в дол<гий> путь, а отправка была через 5 мин<ут>. Но из Фин<ляндии> мы выехали <нрзб.>, так что день нам 17 авгус<та> пришлось жить.

18 ав<густа> в 6 час<ов> ут<ра> нас от<правили> на Николаев<ский> вокзал, а оттуда на Варшав<ский> по Варшавск<ой> ж.д. На Николаевс<ком> вокзале мы стояли всего около 3 часов. В 10 час<ов> гор<н>ист сыграл «збор» по вагонам, посл<едние> звонки — и поезд стал отходить.
л. 10 Когд<а> стояли //в Петербург<е>, то некоторые ездили к сродствен<никам> в гор<од>. При отходе поезда нам кричали «ура» и пели гимны, и мах<али> пладк<ами> вслед нам. Ехали мы по Царскосельской ж.д., на станцыи Цар<ское> С<ело> мы стояли около 30 мин<ут>. Публика нас встретила тоже с криками «ура» и так далее с подар<ками>. После стоянки мы опять поехали на гор<од> следующий Лугу. В Луге публика тоже встрет<ила> с такой же радостью. Поезд стоял, и нам был дан
обет, который готовили в своих походных кухнях, //до- л. 1
рогой готовлен в вагонах. На с<танции> прод<авали> телеграмму о нашей удаче по Авст<рийскому> фр<онту> и о нашем наступ<лении>. На с<танции> ж.д. я видел своих некоторых землеков, но разгов<аривать> было некогда — поезд стал отходить. При отправ<ке> нам публика крич<ала> «ура» с муз<ыкой>, горнис<т> игр<ал> «збор», но време уже был вечер наст<ал>, сонцо уже садилось за мес<то>. Двигались уже на Псков, дорогой было видно местораспол<ожение>: было песок или песчаное. На полустанках останав<ливались> ненад<олго>, где 5 мин<ут>, где больше.

Прибыли в Псков //19 авгус<та> мы уже по л. 1
утр<у>, ок<оло> 11 дня, и стояли мы до 1 ч<аса> дня. Публики везд<е> на с<танциях> ж.д. много, и нам при при встрече кричали «ура» и гимн пели. И был обет дан нам, до 1 часу дня достояли, но нас в то время не отправ<ляли>, а отправ<или> вечером уже, <в> 9 час<ов>. Ночь ехали и на некотор<ых> полустанках останавливались на неопредел<енное> время, но ехали мы уже на Двинск, проезжали через Запад<ную> Двину и на Вильно. 20 авг<уста> утр<ом> мы приехали <в> Вильно
в 8 час<ов> утр<а>. Публика //встре<тила> нас л. 1
также крикам<и> «ура». Мы стояли на запасном пути, пропускали курьер<ский> и почтов<ый> поезд. Около 12 час<ов> дня пришол поезд из Белостоку с пленными немцами, где мне пришлось них видеть в военной форме первый раз. Мы при остановке нихного поезда ходили смотреть них: на них были надеты мундиры защит<ного> цвету, узкие рукава и премой частой ряд пуговиц, и воротн<ик> стоячей, а на го-
лове были надеты каски и //фуражки без козырьков л. 1
с двумя кокардами. Из них несколько было санитаро<в> с крестом красн<ым> на левой руке. И некоторые разговаривали из наших, кто мог по-немецки, и дарили ним яблоки и т.п., папиросы. Них поезд стоял 15 минут, после чево они отправились на Псков.

По ст<анции> ж.д. я ходил очень долго, на ст<анции> везде кипела работа нагрузить военных груз<ов> интенданства. Нагоняли нас следую<щие> эшелоны.

Я также ездил в город за накуп<ом> с<ъ>есным //
об. и с товарищами заходил в некоторые гостиницы. При
возвращении из гор<ода> был выдан нам обет около
2 час<ов> дн<я>, а после обеда мы нагружали сено
в вагоны, куплено в город<е> для лошадей нашей
к<оман>ды. После чево была назначена отправка
<в> 7 часов вечера, но не отправили, дождали ужина.
Ужин был в городе, в казармах, куда мы ходили очень
далеко. А после ужина мы еще стояли до 10 час<ов>.
. 13 Вечером публики скопилось очень много. //10 часов
вечера мы стали отправлятся на Гродно и Белосток.
При отправленье публика кричала «ура» и пели гимн.

Дорогой к Белостоку мы на каждой с<танции>
ж.д. стояли не менее, как 10 мин<ут>: были не сво-
бодные пути. 21 авг<уста> прибыли мы в город Бе-
лосток в 9 час<ов> утра. Встречали с криками «ура»,
публики было много, дарили некоторы подарки нам.
На <станции> ж.д. Белосток стояли долго. На-
значение нам было ехать под Варшаву, но в Белосто-
об. ке получили телегр //аму от вы<с>шего началства:
«1-й роте на Граево». Но в Белостоке стояли долго,
и при нас пришол из-под Варшавы <эшелон> с не-
приятельск<ими> забраными орудиями, и пулемета-
ми, и аэроплан<ами>, где мне пришлось видеть пу-
леметы новой изоб<ретенности> нихны и аэропланы.
Наши первые эшелоны стояли туту ж, на с<танции>
ж.д. и вскоре стали них отправлять: пер<выми>
эшелоны — наши. А нас отправили уже в 5 час<ов>
вечера того же дня. При отправ<ке> нас кружился
. 14 аэроплан для разведке. //Дорогой мы ехали доволно
медленно, двигались мы на Осовец.

Приехали мы в Осовец 22 авг<уста> утр<ом>,
но погода была очень сырая и шол дождь. В Осовце
стояли мы недолго, с Осовца мы ехали на г. Граево.
На пути к Граеву мы видели, как немцы заходили, и буд-
ки желизнодорож<ные> разбиты были. Прибыли
в Граево мы уже около 10 час<ов> утра, но время
стояло очень сырое и дождь шол очень сильный. По
прибытию поезда народу на с<танции> ж.д. было
об. очень мало, //но немцы были выгнаны. На с<танции>
ж.д. Граево мы стояли мало, после чево нас отправи-
ли на самую немецкую границу Проскино, из Граева
до Проскино 5 верст. Прибыли в Проскино, но жи-
телей немецких никово не было — все убежали, а на
станцыи было все разрушено. По прибытию мы сра-
зу приступили к разгрузки эшелона. Первые эшело-
ны уже выгрузились: впереди нас они ехали. Раз-
грузка шла недолго — дож<д>ь сильной шол очень.

//После разгрузки мы помещались <в> месте л. 15
Проскино на квар<тирах> биваком, но дома были
уже пустые, двери и окна разбиты, из имущества все
оставлено. Некоторые магазины разкрыты и окна
разбиты и двери, товар оставлен в безпорядке. Теле-
граф<но> и телефонно было прервано, пограничной
стражи будки были разбиты и опрокинуты — одним
словом был разбой и разгром. Пиваком мы стояли
недолго, до 5 вечера. <В> 5 часов нас к<оманди>р
полка весь полк построил, а в то время //немецкие л. 15 об.
2 эроплана показывались, но не долетали до нас.
Полковой св<ященник> служил молебен водосвят-
ный и осенил нас всех крестом и пели тропарь Кресту
«Спаси, Господи». И коман<дир> полка после мо-
лебна нам пожелал всего хорош<его> и т.д.

Выступать мы стали уже впотьмах <в> 9 час<ов>
вечера, но у меня перед выступлением страшно голо-
ва заболела, и даже не мок ходить — и сам не знаю,
с чево. Выступили: мы поехали с 1 баталион<ом> и дви-
гались на город Бялой по шос<с>е //самой левой. л. 16
А так как в Проскине было 3 шисейны<х> дор<оги>,
2 баталион шол позади нас немного. Но я сидел на
двухколки больной. По бокам у нас шли дозоры и раз-
ведчики и впереди нас тоже. Двигались мы ночью,
дорога была очень хороша. Проходили мы через не-
мецкие дер<евни>, но немцы уже убежали некото-
рые. По улицам дерев<ень> везде ходили гуси и ку-
ры, утки, а собаки лаяли на нас из дворов закрытых.
По деревням шол осмотр разведчиками. //В некото- л. 16 об.
рых деревнях немецких немцы оставались и поджи-
гали стоги сена и скирды хлеба нового урожаю. На-
ши 4-го Финлянсков<а> полка по той же дороге, них
забирали мы. Ночь была лунная.

Право по дороге были-виднелись пожары: то уже
наши войска были по направлению к г. Кенизбергу
и в Мазурск<их> озерах 2 корп<ус>. Шли мы до-
вольно медленно, по 4 версты в час, и через каждые
50 минут делали привал на 10 мин<ут>. //Постройка л. 17
была домов хорошая, вся каменная, месность была ров-
ная, но довольно хорошая земля. Ночью мы прошли
около 50 вер<ст>, на рассвете мы были уже и в окрес-
ностях города Бяло. Наши войска 4-го Финл<янд-
ского> ст<релкового> п<олка> уже производили
небольшие перестрелки с неприятел<скими> частями.

23 авг<уста> день был уже холодной по утру. Око-
ло гор<ода> Бяло была фабрика, и труба была сби-
та, и все сожгано. Утром мы зделали разведку и всту-

Неизвестный художник. Поражение германских войск у Гумбинена. М., 1914. Хромолитография

л. 17 об. пили в город Бяло. //В городе было пусто, некоторые старые немцы были — стояли на улицах. Магазины были: некотор<ые> двери и окна разбиты, внутри лежало все в безпорядке. Мы остановились, но ненадолго, и был нам выдан обет, как кухни приехали. Во время обеда вели пленных несколько человек, взятых 4-м полк<ом>. При вступлени<и> нами в г. Бяло нас некоторые мирные жители из домов нас начинали стрелять, но убитых не было, а раненых немного бы-
л. 18 ло. //После обеда мы двигались вперед, за город, в деревню 2 вер<сты> от города назв<анием> П-нь <?>. Разместились мы по кв<артирам>и лошад<ей> разм<естили> по сараям, а 4-й полк только до нас из деревни выступил вперед, в бой. За неимением кв<артир> мы помещались в скотном сарае, лошади были разомуничены, и мы сами страшно устали: ложились скорей отдыхать, а кто не устал — грели чай и варили картошку. Мы отдыхали на соломе, у меня головная боль прошла, сильная-то. //Отдыхали мы до л. 18
5 час<ов> вечера, в 5 часов мы уже были готовы к выступл<ению> по приказу. Перед выступлениями в бой нам полков<ой> св<ященник> служ<ил> молебен и всен<ощную> кр<естным> знамением. После чево к<оманди>р полка нас благословил, как детей — и с Божией милостию двинулись в поход и бой. Впереди было слышно кононады. 4 Ф<инляндский> с<трелковый> п<олк> на позицыи под гор<одом>. Впереди Ионизбург, 10 верст от Бяло. По дороги к Ионизбургу нечево было не розбито. Переход<ные> через ж.д. сторошки были сожганы…

(следующая тетрадь предполагает утрату в тексте повествования)

л. 19 //... командная собака Жук. Он во время разрыва снарядов сердечно прижимался к нам, и что-то рот<ный> сказ<ал> жалостливо. Некоторые роты входили в город, в первые дома с краю, а из чердаков домов у них трещали пулем<еты>.

Время было уже сумерки, бой вести нельзя. Но бой для нас был не удачен: убитых не было, но раненые были нескол<ько> человек с полка. По приказу начальника отряда мы отошли назат, но уже совсем
об. стало темно. //По ошибки несколько человек попало в плен из начальст<ва>. В право и лево дерев<ни> гор<ели>. Мы отходили по старой дороге и на старой бивак, около г. Бяло. 12-й полк остался в сторожевке, 4-й п<олк> шол на бив<ак> тоже по дор<оге>. Фронту у нас не было почти, связь держать было не с кем во время отступл<ения>. На бивак мы пришли уже в 1 час ночи и остановились около г. Бяло, на поле раскинули поладки. Во время наступления работать из пуле<мета> //не пришлось. Конные л. 20
разведчики пострадали немнога в ночной разведке. На биваке шла перевязка раненым, и стало совершенно светло. Улеглись на отдых на несколько времени, к<оманди>р полка был тоже на биваке, спал с нами. Отдыхали до 5 час<ов> утра 25 авг<уста>.

Неизвестный художник. Захват австрийского дирижабля. М., 1914. Хромолитография

Остальные полки тоже на биваках: 4-й и 2-й по<л>к
он в бою не участвовал. Сторожов<ку>, 10 вер<ст>
от нас, занимал 12-й полк.

Проснулись мы — и над нами уже кружились 2 аэро-
л. 20 об. плана. Было уже //свет денной, немецкие аропланы
они выпускали знаки своим. Мы них обстреливали
и один поубили. Они вернулись назад. Наш обоз по-
мещался в г. Бяло, а 4-й Ф<инляндский> с<трел-
ковый> п<олк> на биваке был в дерев<не> на квар-
тирах, правее нас. Наши кухни под<ъ>ехали и нам
хотели раздавать по приказанию ротных обет, а не-
которые солдаты варили картошку. Из офицер<ов>
убитых один 1-й роты, и то ранен и от раны жил до
л. 21 утра. //Во время раздачи обеда начались ружейные
выстрелы, и пули визжали через нас, выстрелы не-
приятельские. Обет бросили, ротные к<омандир>ы
строили роты по приказу к<омандир>а полка. На би-
ваке шла паника, и вскоре мы выбрали позицыю около
шосейной дороге. И полетели немец<кие> снаряды
на г. Бяло, и вскоре перенесли на нас. Из г<орода>
обоз отходил назат, наша батарея только приехала на
л. 21 об. позицыю и установи<ла> //орудии. Бой кипил ужас-
ный. 4-й Ф<инляндский> полк уже них обстрели-
вали из пулеметов. Немцы нам зашли в тыл почти,
обстреливали с 3-х сторон перекрес<тным> огнем.
Вскоре к<омандир>а полка ранило и контужило в го-
лову. На позиции у нас, около дороге, 4 пул<емета>,
немцы на нас лезли колонами, но мы них обстре-
лив<али> из пулем<етов>, очень хорошо поража-
ли. Но них очень было много, 2 корпуса, и разбило один
л. 22 пулем<ет> //снарядом неприят<ельским> у нас, и по-
били прислугу несколько человек. Немцов лежали
груды тел, обоз отходил назат по приказу, держаться
не в силах. Города Бяло горело уже несколько домов,
все полки отступали, все.

25 ав<густа> день был солнечный, бой был для
нас неуспешный, раненых и убитых неск<олько> чело-
век было. Мы из команды с позиции и с пулем<ета-
ми> уходили последнима. По городу я шол, но неприя-
л. 22 об. тель обстрел<ивал> //нево. По ул<ицам> гор<ода>
и на крыльцах домов несколько мирных жителей,
убитых стариков, лежало. Убитых зарывали до отхо-
ду, а раненых увозили, а кто мог — уходили. Нас по
дороге он обстреливал из орудий, по дороге с 3-х сто-
рон визжали снаряды. Нам с товарищами пришлось
пул<еметы> на сибе тащить несколько верст. Пу-
лем<етные> двухколки отошли с обозом назад по
приказ<у> н<ачальни>ка к<оман>ды. //Отсту- л. 23
пали по той же дороге, по которой ехали вперед. Мы
шли, уже по сторон<ам> везде рвались снаряды. На
дороге мы нашли с товар<ищами> команды ране-
ную лошад<ь> с седлом и пул<еметы> привязали
за лямки к седлу и везли — сил не было на сибе та-
щить. Ехали по полевым дорог<ам>, около одной не-
мецкой дерев<ни> мы скоплялись вместе. Мы шли
под команд<ой> 4-го Ф<инляндского> с<трелко-
вого> п<олка> подпор<учика> С-чь. Жители де-
ревень на нас смотрели с //любопытством. Некото- л. 23
рые просили из наших у них пить, но они по-своему
ругались на нас.

А в одной деревне один наш оф<ицер> попросил
пить — она нево во время питья из револьвера за-
стрелила, и мы ней уложили и нисколько не щадили,
казаки наши работали по деревням вовсю. Отходили
мы на свою границу, Граево и Проскино. По тьмах
ночью нам пришлось идти далеко, но перед дере //
внями и когда вступали в дерев<ни> делали развед- л. 24
ку. Ночью деревни горели некоторые. Нас уже всех
собралось, разных полков, порядочно, за к<оманди>ра
был 2-го Финл<яндского> с<трелкового> п<ол-
ка> подпол<ковник> и наш баталионый. Команда
всех 250 чел<овек>. По праву сторону шоссе немцы
на автомоб<иле> с пул<еметом> нас хотели окру-
жить, но казаки подстр<елили> автом<обиля> и пу-
л<емета> шофера. Мы уже все уморились и устали,
а идти нужно еще далеко, и голодные. Приходилось
нам //утолять жажду немецкой брюквой и репой — л. 24
на полях рвали.

Пришли в Проскино мы — еще темно, а некото-
рые пришли днем и вечером, а некоторы<е> с доро-
ги сбились и убежали в немецкий гор<од> Лык, но
он был пустой, войско не было. <В> Проскине и Грае-
ве мы собирались и дожидались распоряжения. И про-
верка в ротах: из к<оман>ды 6 чел<овек> пропало
и несколько лошадей у нас. <В> Граеве стояли мы
2 дня, и в то время прибывали на с<танцию> ж.д.
войска сибиряк<ов>, //2 вз<вода> к<оман>ды л. 25
с двухколками тоже в Лык уехали, сбились <в> дороге.

26 день авгус<та> провели в Граеве, в дороге
уморились. 27 авг<уста> мы получили ра<с>поре-
жение, стояли в казармах драгунск<о>ва полка.
Вечером, по розпорежению, мы пошли в поход по
шос<с>е к г. Райград. Ночь была и лун<н>ая, дви-
гались мы ночью осторожно от неприятеля — он шол

на гр<ад> Райг<рад>. По дороге делали мы привалы, пришли в Райград ночь<ю>. Все полки нашей //
об. бригады сошлись и батареи. В городе очень помещались тесно, живут почти одни евреи, и по квар<тирам> мы проходили — и страшное неряшество м<е>ня привело в удивление. Мы оставались на целый день 28 авг<уста>.

28 авгу<ста> вечером мы по приказанию выступали на г. Августова. Ночь мы ехали, но ночь была очень темная. Но не доезжая до Августова, мы свернули влево, на полевые дороге, и приехали в деревню Жерново, под Августов<ым>. //
. 26 <В> Жерново приехали ночью и стояли весь день 29 авг<уста>. 2 взв<ода> были в Лыках нашой к<оманды>, мы соединились с нима тут. 29 авг<уста> вечером из деревни мы выступили на германску<ю> границу и в Германию. Ехали ночь все мы, ехали — и все время шол дож<д>ь, и темень страшная. Приехали в немецкую деревню, жители жили все; кроме помеще<ний> стояли биваком. По прибытию в нее нам роздали обет, когда кухни подошли. Биваком весь день в ней стояли //
об. 30 авг<уста>. Вечером 30 ав<густа> мы по приказанию выступали после ужины. Немецки<е> деревни и дороги шосейные. Прошли около 40 верст ночью и шол дож<д>ь, остановились утром 31 ав<густа> в одной деревне, где съехались все 4-е пол<ка> и батареи, в деревни очень темно и тесно, некуда скрытся от дождя.

31 авг<уста> утром тут же, в дер<евне>, получили приказ ехать назад, по той же дороге. Мы все перемокли, дорога шла лесом <нрзб.>. По одной
. 27 дор<оге> было тесно //ехать, мы раз<ъ>езжались. Днем проехали очень много вер<ст>, дошли до границы и остановились в деревне Пеля. 31 авг<уста> ночевали в ней и жили, до 1 ч<аса> дня отдыхали 1 сентяб<ря>. 1 ч<ас> д<ня> 1 сент<ября> по приказу выступали, время пасмурно ст<ояло>, мимо пограничных кардонов проезжали и около них всё розбросано, окна, двери выбиты. Под<ъ>езжали к г. Августу, дождь сильный запал, дорога — песок. Вступили в г<ород>, некоторые полки стояли в нем, а мы прошли через город и не остановились в нем. //
об. Время уже вечер был. Шли за город по шос<с>е к Сувалкам, дорога шла лесом сосновым. От гор<ода> 5 верст остановились биваком у одново озера, к озеру подходили уже очень темно и дож<д>ь. Дорога страшн<ая> — песок, лошади и сами уморились. На биваке, по прибытию, разводили огни и грели чай и ужин, ночью дож<д>ь шол. Ночевали под палатками, очень уморились переход<ом> около 4 вер<ст>.

2 сентеб<ря> утром, <в> 8 часов уже мы снова выступали по направ<лению> Сувалки. //Утром л. 28
дож<д>ь перестал, но туман. Дорога, как скатерть. Мы остан<овились> на дор<оге> — привал. Проходили некоторые дер<евни>, переход был около 30 вер<ст>. По одной дор<оге> шли и ехали батареи и полки друг<ие>. <В>12 ч<асов> дн<я>, посреди дороги, нам был розд<ан> обет. После тово мы по шос<с>е шли немного ко Гродну и свернули по направл<ению> в Липск и Сапацкино, с раста<я>ний подошли вер<ст> 5-ть. Остановились биваком в дерев<не> и по хуторам, живут на хут<орах>. Стояли мы 2 дня — 3 и 4 сент<ября>. 3 сент<ября> ходили, рыли окопы по приказу к<оманди>ра полка. //
Я был посыльным при штабе полка. 3 сен<тября> л. 28 об.
днем показыв<ался> аэроплан над нами. Покупали мы у жителей картошку и молоко, ночь спали в сараях, на сол<оме>. 4 сент<ября> получили радосную весть: 17 тысячь было захвачено авст<рияков>.

По приказу начальника бригады в полках служ<или> молебен о дар<овании> побед. После молебна мы стали выступать в поход к дер<евне> и местечку Сапоцкино. Не доезж<ая> до Сапоцкина, остановились в одно<й> дерев<не>, ночевали в ней, нозавтра, 5 сент<ября>, утром мы пошли рыть окопы //в полях выбранной позицыи. Дождь шол с утра л. 29
и весь день. Окопы рыли и мирные жители, саперы делали траншеи. После работы нам роздали обет, а после обеда стали выступать на направ<ление> и наз<наченное> место. Вечером того же дня мы прибыли на местечко Сапочкино, дож<д>ь сильной шол, и перед местечком мы встретили кавказких войск. По улицам была страшная грязь, дож<д>ь сильной шол. Мы остановились биваком в нем, но кв<артирами> стояли мы до 4 сен<тября>, до разпорежения. Нам несколько дней производили //занятие.
<В> наш полк прислали пополнение. л. 29 об.

Помещались мы по сараям. 7 сент<ября> вечером я ходил в монастырь к службы, монастырь находился недалеко, женской. А полковой св<ященник> 7 сент<ября> совершал утреню на чистом поле, а тут же и делал исповедь, приобщал в церкве, в местечке. И я исповед<ался>. 10 сент<ября> нам была баня еврейская назначена, первая баня из г. Або.

Неизвестный художник. Бой под Мариамполем. М., 1914. Хромолитография

По ночам уже было холодно спать в сараях. 3-й Фин-
л<яндский> ст<релковый> пол<к> занимал сто-
л. 30 рожовку, за местеч<ком>. //По наслышкам неприя-
те<ль> шол на Гродно, но мы от Гродно ст<ояли>
25 вер<ст>. Жители неопрятны и кв<артирируют>
ниже. Остальные полки стояли по прав<ую> и ле-
вую стороны.

12 сен<тября> пришла 4 бригада к нам, 13
<нрзб.> — 6 полк. 13 сен<тября> стало слышно
орудийные выстрелы вдали, жители начали покид<ать>
места. Наши двухколки были замаскир<ованы>,
аропл<аны> кружились неприятель<ские>, в мо-
настыре службу совершали без звону. 14 сент<яб-
ря> с полдня послышались выстрелы уже ближе и да-
л. 30 об. же снаряды подлетали к крайным домам. //Получили
приказ к выступлению, начинал пасть дождь. 3 Ф<ин-
ляндский> с<трелковый> п<олк> уже вовсю сражал-
ся с ними. Мы выступили, шли по дороге, телеграв и те-
леф<он> порваны были. После обстрела из орудий
горели деревни и через речку Бобр. Неприятель вер-
нул<ся> назад, 3-й полк гнался за ним. К подходу
речки, по дороге, лежали несколько лошадей убитых,
казаки них гнали вовсю, некоторыя деревни уже были
совсем развалены. Пришли мы к речке, тут же в де-
рев<не> наши саперы работали мост. В деревне немцы
оста<вили> //раненых, и захватили казаки пленных. л. 3
Мост вскоре был готов, наша пехота и батареи пере-
шли. Жители дер<евни> скрывались в погребах
и т.д. 4-я бригада шла левее, по полевым дор<огам>,
правее — сибиряки. Шли мы на Сувалки. По переходу

речки мы остановились на ночлег в именьи одново помещика, время — вечер, дождь, по улице дома валялись казки и были убитые. Помещались по сараям. Около именья нарыты окопы неприятельские, в них было сено натаск<ано>.

1 об. 15 с<ентября> утр<ом> рано мы пошли //опять в наступление. По шос<с>е шли 3, 2-й полки, а мы с 4-м держали связь <с> 4-й бригадой. Шли по полевым дорогам, дор<ога> песчана, а дож<д>ь не утыхал. Ночь сторож<ил> дер<евню> 3 пол<к>. Через ночь неприятель ушол очень далеко. Проходили лесом, и на дороге были накиданы неприятельс<кие> мешки и т.п. К вечеру мы них настигли около места Капцыоле. Дождь не утыхал, слы<ш>но было гром кононады. Вправо сибиряки них оче<нь> жали и 3, 2 полк<и>. Тот день нам в бой вступать не пришлось, нашей к<оманд>ы, роты ходили на подкрепление //к 3, 2-му пол<кам>, каж<д>ый л. 32 шаг мы добывали из-под огня неприя<теля>. Перед вступл<ением> в Капцоле на полях лежало несколько нем<цев>. В Капцыоле вступили мы уже впотьмах, дож<д>ь лил. В дерев<не> Капцыоле было захвачено несколько пленных и один автомобиль с орудией, на дороги оставлен в гряз<и>. Съехались мы все Ф<инляндского> пол<ка> в ней, но нам помещения всем не хватало. Я был назначен посыльным

Неизвестный художник. Поражение немцев на реке Неман. М., 1914. Хромолитография

в штаб полка, квар<тиры> искали до полночи, я но-
чевал в сенях при штабе. //
л. 32 об. 16 сент<ября> выступили мы в 8 часов. Погода
стала солнечная, мы двигались по полевым дор<огам>,
выбивали из каждой дер<евни>. На дороге мы встре-
тили военноплен<ных>, вели сибир<яки>. Дошли
мы до одной деревни, ночью сторож<евую> зани-
мал 2 Ф<инляндский> с<трелковый> п<олк>, в де-
ревне все пусто, жители скр<ылись> в лесу. Мы оста-
новились на обет, в деревни варили картош<ку>:
покупали у стариков, скрывав<шихся> в погребах.
Артирелия влево наша нево выбивала из другой де-
ревни. После обеда мы пошли на другую дерев<ню> —
л. 33 //уже неприятель утек. Казаки и конные развед<чи-
ки> рыскали по сторонам дер<евни> и лесу.

При вступлении в следующую дер<евню> на до-
роге валялись убитые нем<це>м лошади. Впереди шол
2-й полк, за дерев<ней> в котловине немцы вырыли
окопы, засели, но наши мартиры скоро них выбили.
Был уже вечер, на сумерках вправо сибир<яки> у них
отрезали обоз под 30 санитар<ных> повозки. Всту-
пили мы в деревню по тьмах, в дер<евне> кр<естьяне>
литовцы. Посреди дерев<ни> много остав<лено>
л. 33 об. //повозок в грязи. Ночевали в ней, жители очень
нам рады, нек<оторые> даже плакали от радости.
17 сен<тября> утром мы стали двигаться через леса
по полевым дорогам и встречали мирных жителей —
возили при отступлении немецких офиц<еров>. Они
отсту<пали> в страшном безпорядке, двигались мед-
ленно, были горы. И на одной горы выбрали позицыю
и рыли окопы, но вскоре получили донесен<ие>: не-
приятель в д<еревне>. Мы выехали на шос<с>ей-
ную дор<огу> на Сувалки. По шос<с>е мы шли не
л. 34 много, //свернули по левую сторону на полевую, она
шла лесом. По дороге накид<аны> нем<ецкие>
меш<ки> и убиты лошади леж<али>. В то время
неприятель был у нас на носу, по стор<онам> ору-
дии гремели.

Пришли мы к дерев<не>, но деревня была за не-
боль<шой> речкой. Артилерия переезжала в брот
и пехота. Немец только ушол из дер<евни>, по сло-
в<ам> жителей они беж<али> в безпорядке. Оста-
нов<ились> мы биваком по кв<артирам>, вечером
опять дож<д>ь пошол, все мы перемок<ли>. В де-
рев<не> мы нашли одну баню и в ней мы мылись.
л. 34 об. //Ноч<ь>ю мы получили разпорежение к выступ-
лению на Р. Двигались по лесной дор<оге>, дор<ога>
худая, темно и дождь. Кой-как добрались до дороги
шосейн<ой>, перешли дор<огу> через и останови-
лись в ней. В ней находил<ся> штаб. <нрзб.> ... не-
ту и обоза, и получили обет. Дали разпор<яжение>
двигаться на г.Августов обр<атно>, нем<цы> в Су-
в<алках> наход<ились> тот день. 18 сен<тября>
переход д<елали> очень большой. Дождь перестал.
По шос<с>е к Авгус<тову> по дороги, через речки
мосты сожганы и наделаны проволочные загражде-
ния. //Из гор<ода> выбивали, было слышно, коно- л. 3
нада не утихала. По дороге в лесу везде наделаны
окопы неприятельск<ие> и маскир<овка>.

Пришли в Августов, но немец только ушол. Сна-
ряды немного не долетают еще до города, в г<оро-
де> некот<орые> д<ома> сожг<аны>. День весь
мы шли голодом, в городе остановились ненад<ол-
го>, нам роздали ужин, но без хлеба — и скорей на
позицыю. Позицыя была за город<ом>, немного на-
чало смеркать<ся>. Оруд<ия> и пул<еметы> (нрзб.)
И горела деревня Жарновая. //<В> сумерках мы л. 3
подошли к выбраной позицыи и всю ночь мы рыли
окопы, но ночью уже неприятель ушол. А мы выбрали
позиц<ию> около озера, ночь была очень холод<ная>.
19 сен<тября> до полдня — на позицыи, а с полдня
получили приказ снятся, и ехали в гор<од> на кв<ар-
тиры> биваком. В городе было приведено через ночь
много пленных. 19, 20, 21, 22 провели все дни на от-
дыхе. 23 сен<тября> получили приказ к выступлению.
Вечером мы выступили очень темно, за гор<одом>
поли<ло>сь. Около дороги и по стор<онам> //вез- л. 3
де горели огни обозов. Шли мы на м<естечко> Рач-
ки, но все шли. Перед утром мы остановились в од-
ной деревни — бивак. Утром же шли наши раненые
с позицыи. Переходили ж<елезнодорожную> л<и-
нию> и поезд из гор<ода> Авг<устова> на С<увал-
ки>, и они поправляли дор<огу>.

24 сен<тября> день провели на биваке, вечером
опять пошли. Шли всю ночь, но дорога была худая
и темная, перед утром остановились в розваленой и соз-
ганой деревни. 25 день простояли, и к вечеру в лесу
тут собирали венков, наши //и неприятельские, на- л.
брано них около 300-сод венков. 26, 27 мы стояли
в ней, но помещались по сараям. По сторонам орудия
везде гремели. 28 сен<тября> утром рано получили
приказ на Большие Рачки вступать, но утром луна
светила, по полям везде нарыты окопы. Переезжали,
на рассвете мы вступили в окопы наши. Артилерия

уже наход<илась> <нрзб.>. Солнце всходило, но утро было очень холодное. Мы остановились в лесу ненадолго и вскоре поехали…

<Следующая тетрадь предполагает утрату в текс-
. 37 те повествования>.

//… видно нам. Окопы шли наши по граничной конаве. Ночь страшно темная и дождьливая, а к утру сильный ветер задул и стало очень холодно. Из штаба полка меня н<ачальни>к к<оман>ды послал к двухъколке в дер<евню> Василевку. Шол ночью, и страшная темень, и один, но прик<аз> исп<олнил> и вернул<ся> обр<атно>.

30 день мы провели в окопах, и днем шол дож<д>ь весь день. Немцы начали поутру из орудий дерев<ню> и окопы, но пехоты не видать нигде было. Далеко
об. весь день они обстр<еливали>, но безрезультатно. Дерев<ня> почти вся вы //горела. Штаб полка находился в дерев<не>, полевее деревни находился лес, в лесу весь день шол обстр<ел>. Вечером мы отошли по приказу опять в дер<евню> Войнасу, 4, 8 роты занимали сторожу. В Войнасы мы пришли ночь<ю> и опять разместились по кв<артирам>, а утром рано, до свету, пошли выбирать позицыю и рыть окопы. День дож<д>ь шол, к полудню готовы были, немец не стрил<ял> днем.

1 окт<ября> день провели в деревни и ночевали на друг<ой> день. 2 октября мы вечером пошли вы-
. 38 бирать позицыю //за дер<евней> и левее Риклен <?> в опушку леса. Снаряды перелетали через д. Войнасы с визгом. Позицыю выбрали по месту в окопе роты <нрзб.> и нашой к<оман>ды. 2 взвод лежали в окопах, окопы мелкие и сыро, но неприятельские окопы находились очень близко от наших. Пули рвались в воздухе и мимо нас, и шарапнели весь день по окопам. Ночь просидели к 3 окт<ября> и день весь, вечером нас смени<ли> друг<ие> роты, и нас н<ачальник> к<оман>ды <нрзб.> Мы ночь<ю> ушли на дер<евню> Войнасы в резерв. 4 окт<ября> мы находил<ись>
об. в дер<евне> Войнасы, а вечером нас //менял 3 Ф<инляндский> с<трелковый> п<олк>. Мы ушли на отдых в Рачки. Меня послали квартиры иск<ать> с одн<им> оф<ицером> на<шего> полка. Полк после смены пришол на кв<артиры> в Рачки уже утром 5 октября <в ркп. цифра 3>.

На отдыхе мы были всего 4 сут<ок>, во время отдыха приводили мы все в порядок. По ночам было все слышно кононаду и оружейние выст<релы>. Во время отдыху нам была баня. 7 ок<тября> мы опять пошли по приказу сменять 3 Ф<инляндский> с<трелковый> полк. Обоз стоял на ст<аром> месте Рачки, позицыя была немного изменена. Во время сме //ны л. 39
не в<се> зашли почти в окопы немцов, но них было мало. Мы них захв<атили> в плен: сначало они открыли ружей<ный> огонь. День 8 окт<ября> сидели под обст<релом> орудей и ружейным огнем. Как только начнется свет — и весь день там орудия и руж<ейный> огонь, снаряды рвали<сь> под окопами самыми, несколь<ких> ранило. Вечером т<ого же> дня мы перешли на другую позицыю, ближе к неприятелю. Только успели мы вырыть окопы, неприятель на нас шол в атаку — 4 роты, а нас один взвод да пулемет и взвод роты. Но мы сеяли из пулем<ета>, а немцев поутус<или> до 50 чел<овек>
около. //Весь участок был засеян трупами мертвых, л. 39 об.
они валялись несколь<ко> дней, у нас потерь не было.

9 окт<ября> день сидели в тех <же> окопах, под огнем орудий, ураганный огонь шол. Дож<д>ь лил всю ночь, все перемокли; нет спасенья в окопах. 10 ок<тября> тоже обстр<ельный о>гонь, нашой батареи 3 <нрзб.> не достадли, мартир<ам> работа. 10 ок<тября> ночью нас сменил опять 3 Ф<инляндский> с<трелковый> п<олк>, мы уходили в резерв. Во время смены — ночь темная — мы с дор<оги> лесной сбились, я проходил целую ночь по лесу с 6-ю
товар<ищами> и рот<ой> 6 роты. //Стр<ашная> л. 40
темень и дрож<но> идти, что немецкие окопы во фланг. Ночевали под деревом ели, дож<д>ь, ветер, пули визж<ат> из лесу через нас. 11 ок<тября> утр<ом> мы пришли опять в Рачки в резерв и стояли в резерве до 13 ок<тября>. На отдыхе мы получили первые подарки наших фино<в>: теплое белье и т.п. В местечке Рачки недор<огой> табак по 30 к<опеек> 1/8, бел<ый> хлеб — 1 ф<унт> 20 к<опеек>, сах<ар> — 60 к<опеек> и т. п. По ночам все было слышно оруд<ия> и руж<ейный> огонь не перест<авал>, из резер<ва> также трещали пул<еметы>. 12 ок<тября> в прав<ославной> церк<ви> и костеле пол<к> совер<шал> службу, мы ходили с товар<ищами>. //

С 13 на 14 ок<тября> мы по приказу сменяли л. 40 об.
опять 3 Ф<инляндский> с<трелковый> п<олк>. В коман<де> у нас на позицыю шли 3, 4 взв<ода>, мы остал<ись> в дер<евне> Василевке и в резер<ве> полка. На 3 д<ня> помещались мы в одном сарае. Неприя<тель> д<еревню> Васил<евку> обстр<ели-

вал> кожды день, дер<евни> все разбил. Время хо-
лод<ное>, в дер<евне> и за д<еревней> везде мы
приготовляли окопы и за д<еревней> в лесу землян-
ки для зимы работали саперы с ротами. 17 ок<тяб-
ря> мы с 1 баталион<ом> пошли и на к<оман>ды
1, 2 взвода на смену 2-го баталиона. Позиция на
<но>вом месте, мы всю ночь ходили и намокли без
л. 41 проводников. Всю ночь //шол дож<д>ь, все пере-
зябли и обходили вер<ст> 30 по лесу и полям. Грязь
по дор<оге> везде, ничево не видать, только было
видно за дер<евней> Войнасами пожар — немцы
поджигали. Мы на розсвете вернул<ись> обратно
в Василевку, и из Василевки опять обрат<но> нас
вернули на позицыю, но позиция была уже недалеко,
в лесу, около кардону и границ.

Не успели мы зайти в опушку, неприятель начал
нас обстреливать. Мы в опушки вырыли окопы живо
и день просидели в них под огнем. Неприятель<ская>
позицыя была уже по эту сторону д<еревни> Вой-
насы. //Потерь у нас еще не было, благодаря недолету л. 4
и перелету. Наш пул<еметный> взвод был с 1 ротой.
Ночью на 18 ок<тября> мы вырыли в 3-х местах око-
пы, и всю ночь неприятель освещал прожект<ора-
ми> и зажигал отдельные дома и сараи, но мы в 3-х
окопах поместились позицыей. Как только росветало,
неприятель начал обстрел<ивать> окопы из орудий,
нихны окопы находились 600 шагов по дальномеру,
несколо человек ране<ных> и убитых. К вечеру
они пошли на нас в наступ<ление>, но мы них об-
стрелив<али> //очень хорошо, наносили ним удар. л. 4

И. Лебедев. Битва с немцами у реки Неман. М., 1914. Хромолитография

У нас в к<оман>ды 2 челов<ека> из строя выбыло. Ночью они на 19 ок<тября> пошли на нас в атаку. Ночь была очень лунная, и нам из окопов было хорошо видать нихно передвижение. Но из окопов было нельзя показать головы — пули визжали и рвались. Нас одна рота и 1 взв<од> пулем<етный>. Мы открыли пулеметный огонь очень меткий, и вскоре атака была отбита. У немцов послышалась паника, крики, поутру мы видели, валялись мер<твые> немцы.

20 ок<тября> с раннего утра они начали нас об-
2 об. стреливать //из орудий легких и тяжелых весь день, и все поле изрыл фугасами. Снаряд<ы> рвались то 1 ар<шин> перелет, то недолет, но позицыю удержали. По ночам везде горели отдельн<ые> здания. В тех окопах сидели до 23 ок<тября>, 7 суток. Пищу нам приносили по ночам, но всю как холодную. Ночи холодные и ясные, а днем шли дожди, и каждый день неприятель делал наступление на нас, мы отражали все. 24 ок<тября> нас уже сменял опять 3-й Финляндский с<трелковый> полк. Мы отошли в дер<евню> Рачки, но неприятель уже каж<дый>
. 43 день них обстреливал. //Мы ночевали, одне сут<ки> жили в ней. 25 ок<тября> утром получили приказ о наступлении, но вправо от нас шли очень сильные бои. И на Немане замечательной бой был — неприятель бросил свои позицы<и>. 26 ок<тября> у нас в полку выдавали награды, крес<ты> и мед<али> некот<орым> во время молебна за подвиги — и вслед пошли за неприятелем. Шли все полки 1 бригады и батареи по одной дороге. Вступили в дер<евню> Войнасы, в ней лежали убитые немцы, не похоронены, по улицам. Ночью прошли мы около 10 вер<ст> в Германию, дороги хор<ошие>, шоссе. Остановились
об. в одной дерев<не>, //деревня пуст<ая>, жители ушли. Ночью же мы ходили выбирать позицыю и рыли окопы для всяк<ого> случаю. К утру окопы вырыли и пришли в деревню, в ней был бивак. По деревни ходил скот нем<ецкий>: свиньи и гуси, утки.

В деревни мы отдыхали до 1 часу дня, в 2 часа пошли в поход на г<ород> Марграбово, до нево 5 верс<т>. Двигались с разведкой и ночью подошли к деревни перед Марграбы и за дер<евней> вырыли окопы ночью. А в деревни все пусто, скот ходил по улиц<ам> г. Марграбово, нам очень хорошо видно. 27 ок<тября> день
. 44 мы провели перед г<ородом> в окопах, //наша батарея нево бамбандир<овала>, изредка неприят<ель> отвечал. На 28 ок<тября> ночь<ю> наши роты, 2 батареи и 2-м полком пошли в город атакой. Ночьми на 27 ок<тября> слышали, как жители уезжали: стук телег и ржанье лошадей. 12 ч<асов> ночи наши войска вступили в город. 29 ок<тября> мы утром пошли с остальными полк<ами>. На дороге перед г<ородом> были у немцов заложены мины, одна мина взорвалась — и лошадь, и казака ранило: казак переезжал через ней, насту<пила> лошадь. Мы в г<ород> вступили уже вечером. В городе все пусто, жителей нет, а имущество все брошено, магазины и окна-двери — все выбито. Наши солдаты находили вино, пи-
во — пить не //разрешали. Г<ород> небольшой, но л. 44 об.
чистой, по кров<ле> здания высокие. Мы ночевали на квартирах в городе.

30 ок<тября> утром мы пошли по приказу в наступление в Германию по дор<оге> на Лецынг. Неприятель был далеко тот день, перехот мы делали более 40 верст. Дор<ога> хорошая, мосты за речки взорваны, дерев<енских> ж<ителей> не было. Мосты наши саперы работ<али> быстро. Мы зашли в Мазурски<е> озера и поместились в одной деревни бивак<ом>. Неприятель далеко, по всей дер<евне> ходил скот и куры, утки, поросята безо вним<ания>. Коньщики них уганивали в тыл. 31 ок<тября> утром выступили еще темно. День солнечный, двигались
по шос<с>е, к 10 час<ам> мы прош<ли> //около л. 45
15 верс<т>. Дорога шла перешейками озер. Не доходя до деревни Н-н, неприятель начал обстреливать разъезды из орудий. Наша батарея сразу с дороги около дор<оги> выбрала удобную позицыю и начала работать. Но неприятель уже заранее укрупился на позицыи. Мы наступали вправо и во фланг на дер<евню> Г-ну, весь день наступали под огнем неприятеля. Наступали весь день и к вечеру 31 ок<тября> вступили в ней и остановились в ней до разпоряжения. В деревни никово не было из жителей. Неприятель находил<ся> на 1 вер<сту> от нас, сторожовку занимал 2-й полк. //

Вправо озеро порядочно, ночью шол дож<д>ь л. 45 об.
очень сильной. Нас помещался один баталион. Дали разпоряжение в 1 час ночи на 1 нояб<ря> обойти это вправо озеро. Выступали ночью только на дорогу. Неприятель ночью, во время выступления, открыл ураганный огонь. Снаряды рвались около дор<оги> по сторон<ам>: через каждые 5 минут выстрел из <нрзб.>. Нам приходилось идти по фронт<у>, обстреливаноми в тыл. Дорогу всю обстрелив<али>.

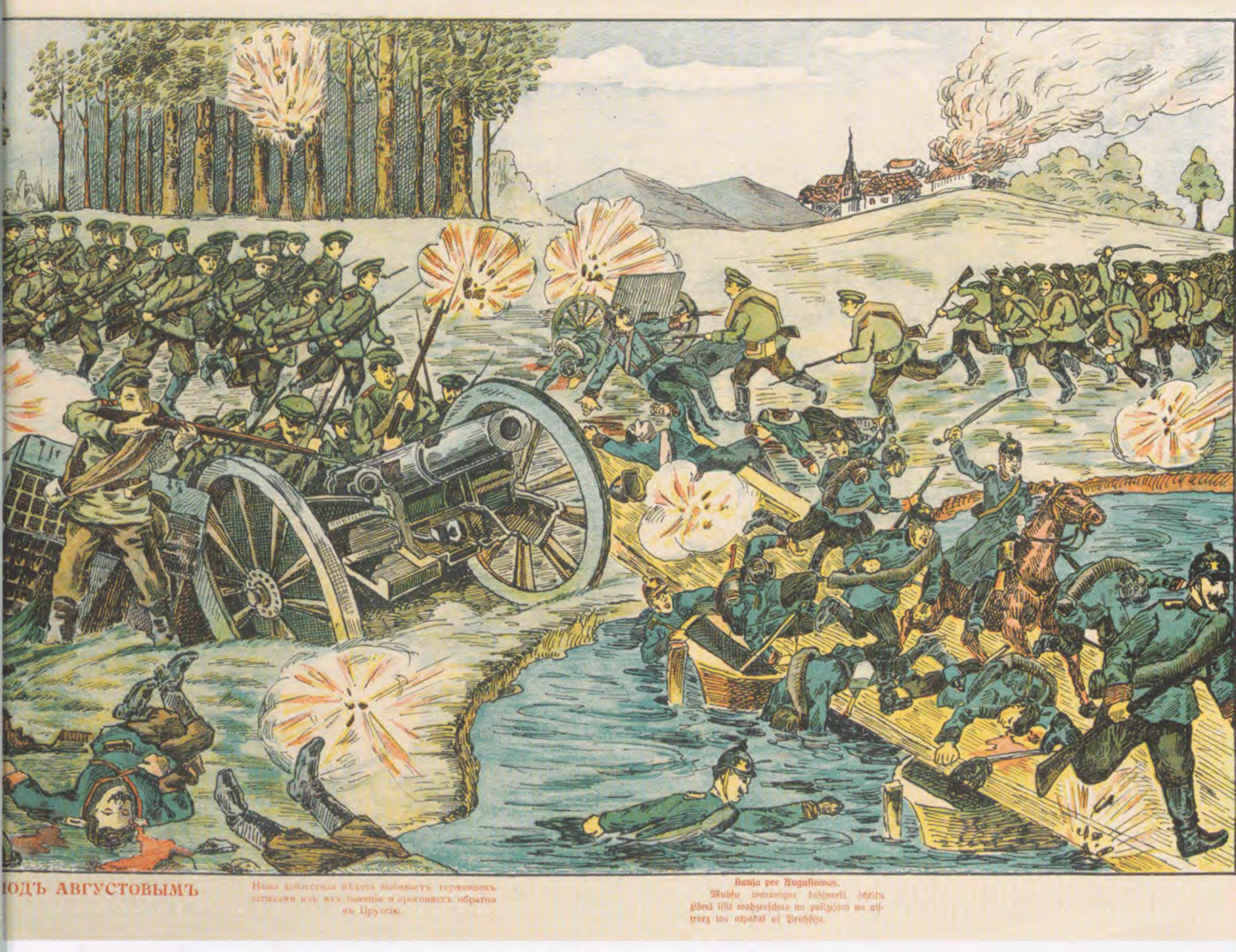
Мы перешли 10 верст и останов<ились> за озером в деревни. 2 нояб<ря> день стояли в дер<евне> Р-ве, л. 46 но неприятель //нас и тут нашол и обстреливал из орудий весь день. В дер<евне> жителей нет, но все брошено имущество и скот ходил по ул<ицам> и полям. Дож<д>ь не переставал. Мы ночевали в ней на 3 нояб<ря>, ночью за озер<ом> неприят<ельские> огни горели видно.

3 нояб<ря> утром получили приказ в наступление опять. Пошли по полевым дорогам на дорогу шос<с>е на Анизбург-город. По сторонам дор<оги> везде озера, дорога шла по перешейкам. Около одной дер<евни> остановились привалом и получили обет л. 46 об. и грели чай. Ночь <и> день холодной очень. //С привалу, с шосейной дор<оги> мы свернули на полевую д<орогу>, полев<ая> песчано: итти очень тяжело. Прошли пять вер<ст> по полевой и остановились в одной деревне привалом, а впереди деревни рвались неприятель<ские> снаряды по дер<евне> — и ж<д>али распоряжения. Получили вскоре прик<аз>, пошли вперед на деревню Голь-штр, а впереди шли 2, 3 полк и 1 баталион нашево полка шли занимать сторожевку. В деревне помещались: дивизия 333, 4,6,5 полки. По деревне мы ехали уже темно. Квартир<ь>еры были высланы искать кв<артиры> л. 47 для биваку. //Нашли кв<артиры> в дерев<не> Г-нь и в имен<ь>ях помещались. Мы поместились в заводе винокурном и в сараях. Жители ушли и скот ходил везде. Вечером мы, когда поселились по квар<тирам>, закололи поросен<ка> и гуся и варили из них ужин — кухни не подошли. И жарили жарко<е>. Провели ночь спокойно и хор<ошо>.

4 нояб<ря> мы поутру получили приказания сменять 1 баталион. Днеме весь день обстрел<ивал> неприятель деревню: он наход<ился> в 5 вер<стах>. У нас с к<оман>ды 2 взв<ода> были в сторожов<ой> л<инии> 2 батал<иона>. Очередь выпадывала идти нам: л. 47 об. 1 и 2 взв<одам> с 1-м баталион<ом> //в сторожовку. Вечером мы пошли на 5-го нояб<ря>, ночью сменили. После смены мы ночью же выбрали другую позицыю, к противн<ику> ближе. К утру вырыли окопы и поместились в них. Ночь очень холодн<ая>. Неприятельска<я> позицыя была за озером и на высотах, ночь<ю> всю ночь огоньки у них горели видно. 5-г<о> нояб<ря> наша батарея тяжел<ая> начала обстреливать нихна окопы и деревню Грожин. Поражения очень хороша была: пошла у них в деревне паника: //все жители уезжали и убегали. л. 48 Правее нас стояли полки 3 бригады фин<ляндской>, влево — 4, 3 ф<инляндские> полки. Мы получили приказ 5 нояб<ря> идти в наступление на деревню Г-н, но день весь мы просидели хорошо: неприят<ель> обстреливал линию окопов вправо и лево — и вскоре замолчала. В сумерках наши 10-ть батарей открыли ураганий огонь по деревни: деревня вся загорела. Работа батарей была очень замечательная — мы них работу такую первый раз видели.

День 6 нояб<ря>. В сумерках мы пошли в наступление, один наш полк. Находились мы от них за 1000 шагов окопы от окопа. Неприятель нас вскоре заметил //и начал бросать ракеты. Мы залегли и на- л. 48 об. чали окапываться. У них было загражение праволочное устроено очень широкое и во всю линию. При освещении ракеты они открыли ружейный огонь, но мы в то время уже окопались немного — пули через визжали. Время, дож<д>ь, снег шол, мокрой и холодной ветер. Окопы мелкие, и вода в них стояла. Нам спасенья не было, в окопах мы сидели почти до утра. Наши разведчики и дозоры проползали через проволочное заграждение, шли во фланг с озера: около самой заграждении нихны окопы. Разведчики достигли своей //цели вскоре, выбили них из первых л. 49 окопов и захватили несколь<ко> пленных, 55 человек. К утру мы пошли в наступлен<ие>, но непогода не переставала: кой-как к разсвету вступили в деревню Г-н, д<еревня> горела. Во время захода в дерев<ню> мы опять захватили пленн<ых>. Неприятеля главные окопы за дерев<ней>, на высотах. При вступлении в дерев<ню> нас они начали обстреливать из пулемет<а>, но был перелет. Мы в деревне и за дерев<ней> вырыли опять окопы под ружейным и пулеметным огнем, во время работы несколько ранило.

День 6 нояб<ря> ненаст<ный>: снег и дож<д>ь. Мы все перезябли, снегу напало бело. Мы только окопы окончили, засели в них //нашой пулеметн<ой> л. 49 об. к<оман>ды взвод с 7 рот<ой> и 3-й рот<ой> около одного дома крайново, у самого озера. Нам ни обед, ни ужин не привозили, и хлеба нет. По ул<ице> д<еревни> поросята бегали — мы несколько закололи и жарили, и грели чай. Под огнем неприятель<ской> артиллерии и ружейным жарили на развалинах горевшего одново дома. Во время закуски и чаепитья снаряды рвались шагов 50 от нас и одново у нас в кругу ранило: пуля прошла сквозь стену дерев<енского>



Неизвестный художник. Бой под Августовом. Рига, 1914. Хромолитография

дома. Мы помещались в халупе, в окнах стекла от
взрыва снарядов вылопались — очень урага<нный>
л. 50 огонь они открыли по нам. Наша //батарея изредка
отвечала. Наблюдать нельзя: не видно от непогоды,
и снегу, и туману. Мы отвечали на ружейные выстре-
лы. Неприятель с полдня на нас пошол колонами со
всех сторон. Мы из пул<еметов> 2-х них обстрели-
вали очень хорошо и роты обстрелив<али> замеча-
тельно. Мы навалили груды трупов неприятеля, но
и у нас потерь несколько было. Неприятель обстре-
л<ивал> подходы к позицыи: он нам ни давал под-
носить патроны и подходить подкреп<лению> из ре-
зерву. Но кой-как я с товарища<ми> 3-ма ползком
поднесьли патр<оны> для пулемет<ов>. Бой шол
очень сильной второй день. Раненых некоторых //
0 об. санитары уносили, но дорогой неприятельс<кой>
артилерии огнем почти добивал.

6 нояб<ря> уже день шол к вечеру, неприятель
еще сильнее на нас пошол. Отражали мы до крайно-
сти и бились до послед<ней> капли крови. Патронов
по 11 тыс<яч> на пулемет выпустили — и подносу
нет. Сколько было у нас, пулемечик<ов>, патронов
в подсумм<ках> и патронташах, мы набивали в лен-
ты в окопах и стрел<яли>. На передовой позицыи
не хватало патронов давно, и у нас: делать нечево —
нуж<но> принимать штыковой бой. Сошлись в атаку,
но неприятеля мы поразили хорошо: кололи //и за- л. 51
хватили пленных 350 чел<овек>. Артилерий<ский>
огонь перестал, повели плен<ных> в тыл, неприяте-
ля они сказывают. Тот день 5 полков разбили мы,
один полк нам. В самые сумерки неприятель опять
пошол в атаку, но у нас уже не много стало силы —
атаки уже не выдержали. Мы по приказу отошли
200 шагов назад, на ст<арые> окопы, забрали мы

всех своих раненых. Неприятель опять зашол в деревню, наша батарея начала обстреливать дерев<ню> опять. Неприятеля навалено груды тел, крик<и>, охань<е>, стонои слышно было. Мы все уморились
л. 51 об. и устали очень. Нам пришол 4-го полка //один батальон, и стали на передовою линию. Время уже темно было. А мы отошли немн<ого> назад, в стары окопы. Но неприятель все ночь стрелял по нашим окопам.

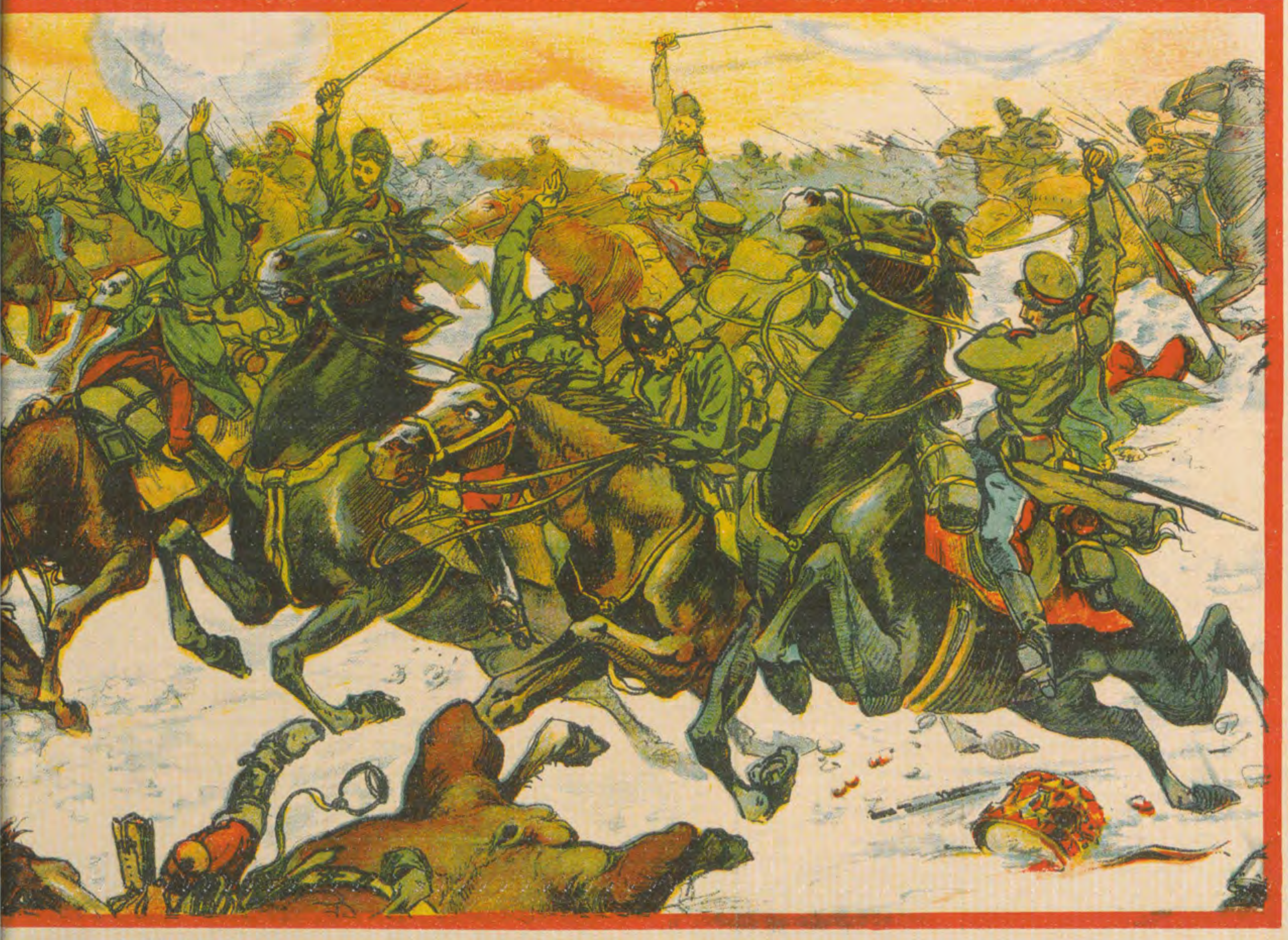
По утру 7 ноября мы опять пошли в бой, в наступление. Шли мы уже, <но> мы не дошли до нихного заграждения. Они открыли усиленной огонь. Мы бились до 12 час<ов> 7 нояб<ря>, но больше мы не могли выдержать удару и по приказу отошли назад, в стары окопы, и засели в окопах — все утомились. С 1 часу дня неприятель открыл очень-очень сильной огонь: снаряды рвались над самыми окопами у нас
л. 52 или на <нрзб.> — //не долетит или перелетит? Обстреливал он 1 час нас. День очень холодной стоял, все мокрые, перемерзли. К вечеру нас и 4-й полк сменили 303-й полк и мы отошли назад, в старые окопы, по приказу. Ночью мы вырыли 3-и окопы впереди резерва, всю ночь мы работали под неприятельским огнем, артилерийск<им> и ружейным. Хлеба, и ужина, и обеда мы не получали 3 дня, сухарями питались, у кого были — нельзя получить и подвести. Неприятель обстреливал всю площадь за нашими окопами. Стояла ночь очень холодная.

8 нояб<ря> 303 полк пошол в наступление опять утром, в потьмах еще. До заграждения дошли и стали
л. 52 об. резать нево //во время работы их. Неприятель открыл огонь из пулеметов и ружей, они пошли же на нас в атаку. 303 полк не выдержал и мы пошли на подержу к ним с 4-м Ф<инляндским> с<трелковым> полком — не выдержали тоже. Бой кипел горячей: поле усеяно было неприятельскими трупами, артиллерийский огонь не переставал. К 8 часам утра мы отошли на линию резерва, в старые окопы, и сидели в них до самого вечера того же дня. И 4-й полк остался на передовой позицы<и>, а 303-й уже пострадал порядком, отошол совсем в резерв. С 5 часа
л. 53 вечера того же дня неприятель открыл очень //сильной огонь по нашим окопам, а окопы как раз у нас находились около одновоименья. Он и именье, и окопы обстреливал. Вскоре именье загорел<ось>, но мы сидели в окопах и у нас потерь в окопе не было от неприятельской артилерии. В том же именьи шла перевязка раненым, в сарае. Обстреливал он 1/2 часа. В 8 часов вечера нас сменил 2-й баталион 4-го полка, мы пошли совсем на отдых, в деревню Г-ну. До деревни с позицыи всего вер<ст> 5-ть. Нам, в пулеметную команду, во взвод, для пулеметов вьюки передавали
по теле //фону, но мы очень уморились и идти нисколько не могли почти, о<т>дыхали мы на каждые л. 53
сто сажень. И еще холодно<е> время стояла и грязь по дороге в деревню.

Мы пришли уже утром в 4 часа 9 нояб<ря> на отдых. День от<д>ыхали и к вечеру стали приводить в порядок пулеметы и набивали патроны, израсходованы из лент. Потери из строя у нас из команды: 5 человек раненых и один убит в наступлении 5, 6, 7, 8 дней
ноября. Мы отдыхали до 15 ноября, // и неприятель л. 54
каждый день обстреливал из тяжелой. Снаряды рвались иногда у самого дома, где мы помещались. И наша батарея тоже вела обстрел по неприятелю ежедневно. Во время отдыха мы жили по-домашнему: всего получали много, стали нам присылать подарки в полк и т.п. Около 10 ноября нам пришло пополнение из запаснова баталиона. Мирные жители все ушли, но в нашей дер<евне>, где мы на отдыхе жили, остался один немец, старик со старухой. И нево нашли казаки в погребе, у телефона: передает ко своим
войскам про наше //расположение. Провод телефона л. 54
у них за деревней через нашу на неприятельскую линию. Старика и обеих отправили в штаб бригады в <...>тово. Неприятель каждый день нас обстреливал <...> уже снаряды <...> не долетали. <нрзб. несколько строк по причине затертости текста>.

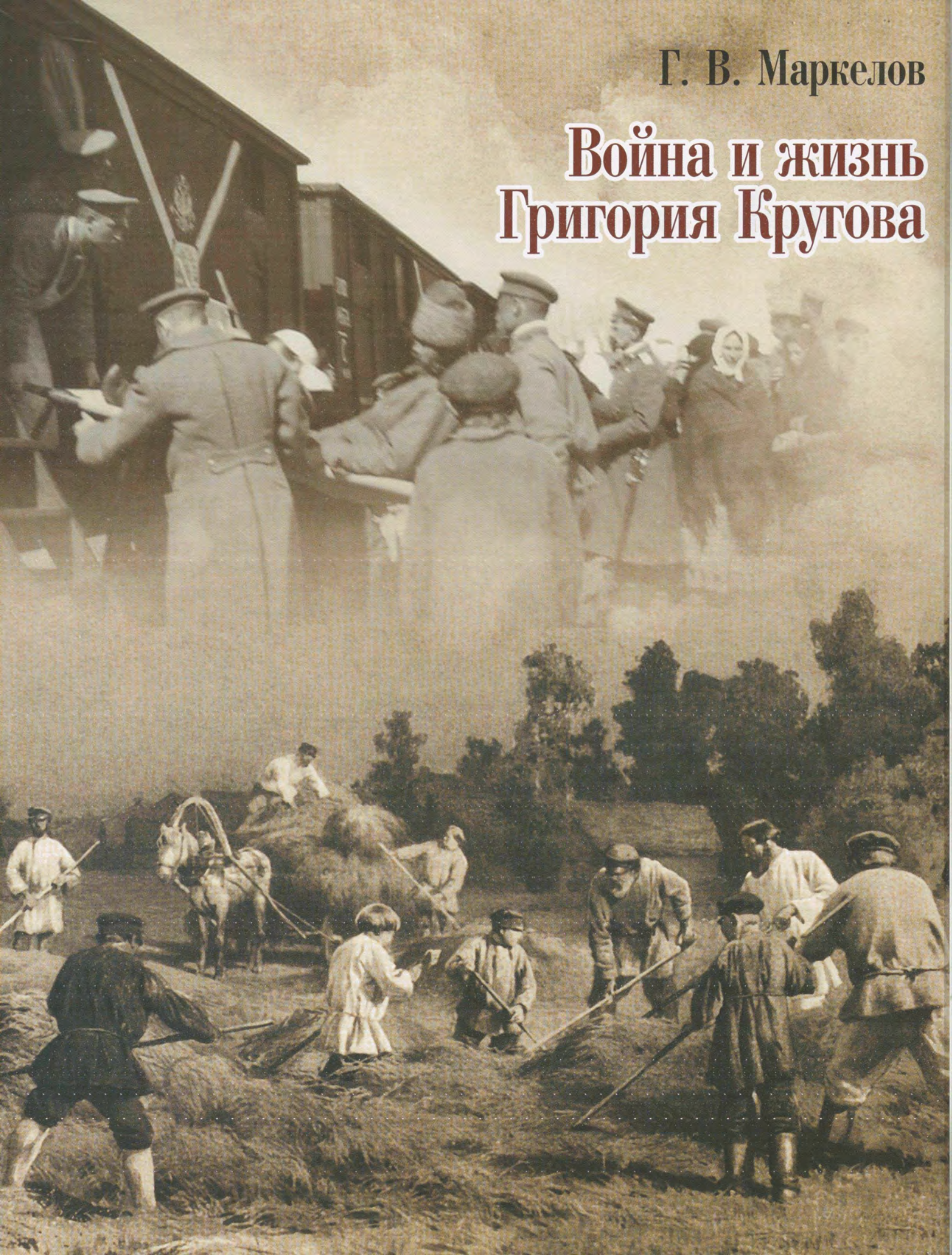
15 ноября мы получили приказ итти опять в старые окопы сменять 4-й полк. Вечером мы выступили в 9 часов. Погода ненасная: шол снег и ветер. К утру мы их сменили, них окопы старые, мы занимали место <нрзб.>... одным баталионом.

На этом записки обрываются — мы не знаем, где обретаются утраченные тетради, но последний лист рукописи по своей сохранности свидетельствует о том, что окончание записок было утрачено уже давно, и можно только предполагать, о каких событиях повествовал автор. То же относится и к предыдущей тетради (л.19–36 об.) — она существовала сама по себе. Скрепки всех тетрадей к настоящему времени проржавели и частич-



Неизвестный художник. Казацкая атака. Лихое дело казаков. М., 1914. Хромолитография

но утратились, с л. 44 несколько меняется почерк автора Записок, но все равно остается узнаваемым. Кое-где в рукописи встречаются элементы позднейшей правки (чернилами или химическим карандашом), чаще всего в датах описываемых событий. Иногда это и приписки над строкой, что отдельно в примечаниях не оговаривается. Относительно времени написания Записок есть только косвенные палеографические свидетельства: писаны они на линованной бумаге дореволюционного производства, хотя без штемпелей или других признаков своего времени, всё еще по старой орфографии, без оглядок в повествовании на возможно существующую уже «новую власть». Маршрут перемещений автора Записок, начиная с г. Або (ныне Турку) — второго по величине города Финляндии — и далее через Петербург—Лугу—Псков—Двинск—Вильно—Гродно, свидетельствует о его участии в наступлении российской армии в Восточной Пруссии в составе Первой армии под командованием генерала П. К. Ренненкампфа. Сейчас большая часть упоминаемых в записках населенных пунктов (Осовец, Граево, Проскино, Августов, Сувалки, Липск и др.) находятся на территории Польши.



Г. В. Маркелов

Война и жизнь Григория Кругова

Среди множества известных литературных произведений о Первой мировой войне, созданных в том числе и непосредственными участниками и очевидцами военных событий, уникальными остаются тексты русских солдат, окопных обитателей рядового состава. От солдата-фронтовика, принявшего на себя в первую очередь все тяготы войны, бои и отступления, артобстрелы и газовые атаки, зверство одних и милосердие других, трудно ожидать законченных повествований. К тому же, русское крестьянство, спокон веку поставлявшее по преимуществу рядовой состав российской армии, не было склонно к литературным упражнениям. Тем более важными для истории отечественной литературы представляются написанные в стихах(!) воспоминания ярославского крестьянина, бывшего солдата русской армии, фронтового санитара Григория Кругова, содержащие главы о Первой мировой войне.

Произведение Г. Кругова, не известное ранее, было обнаружено автором этих строк и приобретено в 2009 г. в одном из букинистических магазинов Петербурга.[1] Рукописная книга закономерно пополнила фонды Древлехранилища Пушкинского Дома,[2] которое, по словам В. И. Малышева — основателя Древлехранилища, представляет собой огромную крестьянскую библиотеку. Здесь среди тысяч древнерусских и старинных старообрядческих рукописных книг и документов находится немало крестьянских рукописей XVIII–XX вв.: деловых бумаг, писем, автобиографических записок, собственноручных воспоминаний, дневников и других материалов, сохранявшихся в семейных архивах русских крестьян,[3] собранных в археографических экспедициях или приобретенных у частных лиц.

Рукопись сочинения Г. Кругова представляет собой переплетенный фолиант размером 33,8 х 21,5 см, содержащий ровно 500 листов, заполненных стихотворными строками с обеих сторон. Аккуратный скорописный почерк с писарскими завитками выдает профессиональный навык автора. Бумага гладкая нелинованная со штемпелями: «Фабрики наследников /Сумкина/ № 5» и «Товарищество /№ 6/ Кувшинова». Датировки фабричных штемпелей — начало XX в. — не противоречат датам рукописи. Листы прошиты суровыми нитками, собраны в тетрадях по восемь листов. Ряд листов в начале и конце выпадает из блока, края этих листов повреждены и потерты. Углы листов замусолены. Переплет выполнен из толстого плотного картона с матерчатыми уголками и корешком.

На л. 2 и на форзацах имеется экслибрис — овальная печать с надписью: «Домашняя библиотека (№ 258) Г. Ф. Кругова. Д<еревня> Я<мышовка>».

На л. 2 об. помещен адресованный «Читателю» призыв в стихах обращаться с книгой аккуратно.

На л. 1 сделана титульная надпись:

«Самоуч<ка> кр<естьянин> Г. Ф. Кругов.

Горькая доля, или Песни о моей жизни от рождения до 45 лет.

«Век пережить не поле перейти» — рус<ская> пословица.

Начата 1918 года, кончена 1923 года.

Деревня Ямышовка Углич<ского> уезда Яросл<авской> губ<ернии>».

Л. 1 об. — без текста.

На л. 2 помещено второе обращение автора, «малограмотного несведущего мужика», к читателю с просьбой не судить строго его песни.

Л. 2 об. — без текста.

На л. 3 повторено заглавие книги: «Горькая доля, или Песни о моей жизни от рождения до 45 лет», с эпиграфом: «Жизнь прожить — не поле перейти

---

[1] См.: *Маркелов Г.* Неизвестный поэт Григорий Кругов //Текст и традиция: Альманах 1/Под ред. Е. Г. Водолазкина. СПб., 2013. Ч.1 .С. 354–380; Текст и традиция: Альманах 2 / Под ред. Е. Г. Водолазкина. СПб., 2014. С. 305–321.

[2] Древлехранилище ИРЛИ. Оп. 23. № 323.

[3] См.: *Маркелов Г. В.* Крестьянские архивы в Доевлехранилище Пушкинского Дома//Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 495–502.

Г. Ф. Кругов. «Горькая доля, или Песни о моей жизни». Общий вид рукописи и титульный лист. Автограф

Самоуч. Кр. Г. Ф. Круговъ.

Горькая Доля.

или.

Пѣсни о моей жизни.

отъ рожденія до 45-ти лѣтъ.

(Автобіографія въ подлинной рукописи).

Вѣкъ пережить не поле перейти (рус. пословица).

Начата 1918 года кончена 1923 года.

Деревня Ямышовка. углич. уѣзда. яросл. гу.

(русская пословица)». Здесь же начальные строки первой песни книги: [4]

Ты слети, родная муза, сядь со мной, и мы вдвоем
О печальной моей жизни, что припомним —
пропоем.
Я возьму перо, бумагу, ты на лире заиграй
Про судьбину мою злую, как умеешь, передай...

Итак, согласно дате, проставленной на титульном листе, книга переписывалась в 1918–23 гг. Тысяча страниц книги содержит цельное поэтическое повествование в 97-ми главах, обозначенных автором как «песни». В них подробно описана жизнь автора — уроженца деревни Ямышовка Угличского уезда Ярославской губернии.[5]

Надо сказать, что ярославская земля в XIX в. подарила России несколько замечательных крестьянских авторов. Среди земляков Григория Кругова находим известного стихотворца Ивана Сурикова (1841–1880), книжника-сочинителя и краеведа А. Я. Артынова[6] (1813–1896) и др. Но ни сам Григорий Кругов, ни его книга до сих пор не были отмечены в отечественных исследованиях. А между тем, перед нами предстает несомненно одаренный человек, знакомый поверхностно с русской поэзией и профессиональной литературой, не получивший в свое время даже школьного образования. И хотя в песнях Кругова его знакомство с русской литературой отдельно не отражено, но то, что был он человеком книжным, вытекает из особенностей его профессиональных занятий: немало лет он проработал переплетчиком в одной из петербургских мастерских.

Судя по всему, уже в зрелых летах Григорий Кругов начинает сочинять стихи, пытается даже пристроить их издателям, но безуспешно. Впоследствии, уже в послереволюционные времена, Кругов продолжает опыты сочинительства. Об этом свидетельствуют публикации его стихов и рассказов в ленинградской периодике 1920-х гг., в которой он выступает как рабочий типографии, автор-производственник. Изданные тогда произведения Кругова[7] оказались весьма посредственны. Представляется, что его неопубликованный труд — поэтическая автобиография «Горькая доля, или Песни о моей жизни» — оказался самым значительным произведением. В послесловии к своей книге Кругов сообщает, что «Горькую долю...» он создавал уже и как итог своего творчества, и как напутствие-назидание детям.

«Песни» Григория Кругова созданы в общем для всех 97-ми глав стиле, и это единство формы свидетельствует о четко продуманном стройном первоначальном замысле. Конструкцию своей стихотворной строки Кругов заимствовал в наиболее близком себе народном жанре — частушке. Причем краткий подвижной четырехдольник деревенской частушки Кругов использовал в эпическом стихотворном повествовании. Поэтому его стихотворные строки легко читаются, даже поются, несмотря на многочисленные просторечные и диалектные включения. В «песнях» Кругова событийная часть повествования соседствует с лирическими отступлениями, в которых автор размышляет по разным поводам. Отличительной особенностью книги Кругова является полное отсутствие вымысла — единственной творческой вольностью автора являются вставные «народные» песни, полностью переделанные автором под свой стиль.

Обратимся же к рукописи крестьянского поэта, в которой старательно описаны все события его частной жизни. Начальные главы естественно посвящены первым годам жизни. В них Григорий Кругов вспоминает родителей, родню, родную деревню:

Моя родина деревня Ямышовка, ей давно
Это странное названье неизвестно кем дано...
...Хорошо у нас весною! К нам в лиственные леса
Прилетает много птичек, и на разны голоса
Целый день они щебечут, целый день они поют,
На деревьях и под крышей из соломы гнезда вьют.

[4] Здесь и далее нумерация «песен» проставлена автором римскими цифрами. Текст передается по правилам современной орфографии.

[5] Ныне д. Ямышовка Клементьевского сельского округа Большесельского района Ярославской обл.

[6] *Лобакова И. А.* Принципы создания легендарного сказания в творчестве А. Я. Артынова //Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 58. СПб., 2007. С. 655– 668.

[7] См. рассказ Г. Кругова «Растратчик» (Рабочий бумажник. 1925. № 10) и стихотворение «Стопорезка» (Рабочий бумажник. 1925. № 12. 30 июня). Детские книжки Г. Кругова: 1) Коса. М.; Л., 1929; 2) Топор. М.; Л., 1929.

...От уезда верст мы тридцать, от села — не будет пять.
Как на блюде, из деревни церковь сельскую видать.
Наш уездный город Углич, а Клементьево — село,
Наш приход, а в нем кладбище все древами уросло.
Там могилы моих предков все поросшие травой.
От села лежит дорога до деревни мне родной,
Точно лента протянулась средь засеянных полей, —
Вот и вся пока картина милой родины моей...
...В Ямышовке нет богатых мироедов-мужиков,
А все более из средних и немало бедняков.
Все виной малоземелье, из среды таких и я,
Ведь родителям достался тоже клок, а не земля,
Душевой надел с четверкой — так немного наживешь,
Не насыплешь житниц хлебом, не посеешь, не пожнешь.
(л. 1–12)[8]

Григорий родился в семье малоземельного крестьянина Филата Андреевича Кругова около 1878 г. Его мать Матрена Петровна была из крепостных графов Шереметевых. С особой теплотой Григорий вспоминает деда Андрея и бабушку, которая знала множество народных сказок и рассказов о барщине, о мироустройстве, о приметах, знакомила детей с полем и лесом. Семья Григория жила бедно:

Тяжело родимым было нас кормить и поднимать.
Мы просили только хлеба, ну а где его достать?
То оброки, то налоги, их нельзя не отдавать,
А земли у нас немного, негде больше распахать.
Бились, мучились бедняги, опостыл им белый свет,
Потому в чужие люди и пошел я с детских лет.
(л. 13)

Мальчиком Григорий трудился подпаском. Из-за дальности дороги (12 верст) ему не пришлось ходить в сельскую школу. По необходимости, родители пристраивают Григория через земляков в Петербург — в подмастерья к переплетному мастеру. Именно здесь в подмастерьях проходит отрочество мальчика, Григорий самоучкой осваивает грамоту по букварю и начинает запоем читать книги, принесенные для починки переплета. Спустя многие годы Кругов вспоминает тяжкое ученье у мастера, пьянство и побои хозяина, отчаянные письма домой, страдания от ревматизма. Наконец Григорий становится подмастерьем и начинает присылать часть заработка (по 12 рублей ежемесячно) домой в деревню.

Описывая редкие наезды в отпуск домой из Питера, Кругов вспоминает:

В это времечко на славу я в деревне погулял,
Красных девушек в беседах каждый вечер целовал,
Поплясал на вечеринках, попроказил, пошутил,
Анекдотами своими всю компанию смешил.
Но зато проказы эти мне задаром не прошли,
Сна спокойного лишили и с ума чуть не свели.
(л. 40)

Далее автор подробно, в лучших традициях ходульного сентиментализма, описывает историю своей первой несчастной любви к Мане — девушке из соседней деревни. Попутно Кругов описывает вечеринки деревенской молодежи в исходе XIX в., так называемые беседы, хороводы, игру в горелки, дает умилительные описания нежных свиданий:

Мы вставали и ходили, и срывали васильки,
И опять садились рядом и плели из них венки,
Друг на друга надевали, клали руки на плечо,
И, стократно обнимаясь, целовались горячо.
А над нами с неба солнце улыбалось и пекло,
И от ласк и поцелуев на душе было легко.
(л. 47 об.)

Однако наступает банальная развязка романтических отношений, и счастье влюбленных рушится по воле родственников: старший брат и опекун девушки насильно выдает ее замуж за сына деревенского богача Кутьина:

Сын его давно за Маней увивался, но она
Сторонилась, не любила богатея Кутьина.
Но Кутьин повел интригу не с невестой молодой,
А с пьянчугой ея братом за веселой четвертной.

[8] Цифра в скобках обозначает номер листа в рукописи

А где водочка-царица, сделки все выходят там,
Водкой девок пропивали в наши дни по деревням,
С водкой свадьбы пировали, хоронили мертвецов,
На лугах покос делили, нанимали пастухов.
Водка — гибель человека, ядовитый корень зла!
Из-за водки через брата Маня горе приняла,
Из-за водки я, несчастный, искалечил жизнь свою,
Но об этом я вам после кое-что проговорю.
(л. 52)

Итак, Маню сватают за другого, нелюбимого, и Кругов сопровождает воспоминания следующей безыскусной ламентацией:

Слезы горькие народа, где предел бывает вам?
Льетесь вы рекой повсюду, по селам и городам,
В рудниках далекой ссылки, за решетками в тюрьмах,
В белокаменных палатах и в бревенчатых избах.
Льетесь вы из-за обиды, льетесь вы из-за нужды,
Льетесь с радости и с горя, и при случае беды,
Льетесь раннею весною, льетесь летом и зимой,
Льетесь в старости глубокой, льетесь в юности златой,
Льетесь дождиком осенним, льетесь каплями росы
При разлуке и потере милой девицы-красы.
Знаю я разлуку эту, слезы горя знаю я.
Их изведала и Маня ненаглядная моя.
(л. 48–48 об.)

В «песне» XII Кругов приводит текст, как он сам замечает, деревенской песни, представляющей собой вариации городского романса, переделанного Круговым:

Не сплетайся, не свивайся клевер с сорною травой,
Не свыкайся, не слюбляйся с девкой парень молодой.
Хорошо любить-свыкаться и друг друга целовать,
Да трудненько расставаться, отвыкать и забывать.
Не своя у девки воля! К девке свататься придут,
Про любовь ее не спросят, за другого отдадут.
Девка плакала, просила, что без милого дружка
Ей не жить на белом свете, сгубит лютая тоска.

Н. Самокиш. Ярослав. Взятый форт.
Рис из журнала «Лукоморье». 1914. № 23. С. 13

«Не отдайте, не отдайте за немилого меня,
А отдайте за любова, с ним счастлива буду я.
Не сушите, не крушите моего бела лица,
Пожалейте, не губите вы меня и молодца!»
Но родные отвечали: «Ты глупа и молода,
Замуж выйдешь и забудешь про милого навсегда!»
Не послушали девицу, снарядили под венец.
Долго плакал неутешно, сокрушался молодец.
Муж немилый и постылый в гроб красавицу вогнал,
А молодчик на чужбине с горя без вести пропал.
Эту песню я в деревне слышал много-много раз,
И казалось мне, что пелась она именно про нас.
(л. 70 об.)

Переживания парня, вызванные разлукой с милой, между тем послужили юному Григорию поводом к стихотворству. Он вспоминает:

У меня тогда наклонность появилась сочинять,
И я начал на досуге песни грустные слагать.
Все, о чем болело сердце, воспевалось мною в них.
Это первый еще опыт сочинений был моих.
В этих песнях я о горе пережитом говорил.
К ним я чувствовал призванье, в них отраду находил.
(л. 82)

Минуты грустные сменялись нехитрыми сельскими развлечениями. В книге Кругова приводится немало описаний деревенских гуляний, в которых он был непременным участником:

Я умылся, нарядился и отправился гулять,
Взял гармонью-итальянку и начал на ней играть
Деревенские частушки, что пришли на разум мой,
А товарищи с присвистом повторяли их за мной.
(л. 54)

И далее в рукописи приведены частушки, исполнявшиеся от лица парней:

Я приеду на вербовку
В первых числах октября.
Коль в солдаты не забреют,
Возьму замуж за себя.
(л. 55)

Или:

Сиди, женка, не работай,
Не паши и не коси,
Только пей да ешь в охоту,
Еще детушек носи.
Носи детушек пригожих,
Молодых моих ребят.
Я полдюжины поставлю
Для отечества солдат.
(там же)

Кругов приводит в частушках и игровые диалоги между девушками и парнями на деревенской улице. Девушки поют:

Приходите, кавалеры!
Мы ужо-тка будем ждать,
Уж избу у тетки Веры
Подыскали вечерять.

А парни отвечают:

Ладно, девушки, не плачьте!
Никуда не пропадем:
Живы будем — все обратно
Из Катунина придем.
(л. 55 об.)

Григорий славит гармонь-итальянку, занимающую первейшее место в сельских праздниках, «беседах»:

Словом мне из-за тальянки всем на зависть и назло
От красавиц деревенских завсегда в любви везло.
Про гармошку-итальянку прибауток много есть.
Не мешает для примера мне их несколько привесть.
(л. 56)

И крестьянский поэт приводит на память некоторые частушки, вроде двух последних:

Поразсохлося ведерце,
Вся повытекла вода.
Полюбила гармониста
И погибла навсегда.

Гармонист мальчишка хйтер,
Девку за нос поводил,
Обманул и мигом в Питер
На машине укатил.
(л.57об.)

Далее в рукописи следует подробное описание вечеринки на лугу, где играли в «чижа» (*л.58*), девушки под песни водили хоровод, взрослые мужики рядом играли в «стуколку» и домино, а когда приходил Григорий с парнями, под «гармонию» танцевали «кадрель».

В самом начале 1920-х гг., когда Кругов составлял свои «песни», подобные описания деревенского времяпровождения, оснащенные этнографическими подробностями, едва ли могли кого-нибудь заинтересовать. Не может не удивить поэтому настойчивое стремление автора не упускать деталей и составить исчерпывающе полную картину эпизода, сценки, диалогов персонажей, оживляемую цепкой памятью стихотворца. Безыскусные повествования Кругова вызывают ассоциации с картинами художественного наива, с произведениями деревенской тематики И. Генералича, М. Примаченко, Пиросмани и даже Ефима Честнякова.

Описывая в незамысловатых стихах деревенский быт или природу, Кругов пользуется самым простым набором глагольных, как правило, или местоименных рифм. Лишь иногда ему удаются аллитерации типа:

Наступил сентябрь угрюмый, принялись сушить снопы,
Затопились печи в ригах и застукали цепы.
Молотили рожь соседи, молотили рожь и мы,
От цепов летели звуки: «То-то мы, да то-то мы».
(л. 71об.)

Кругов еще много раз возвращается к эпизодам и картинам деревенской жизни. Отрадные воспоминания приходят к нему на фоне жизни городской. Работая переплетчиком в Питере, несколько глав он посвящает описанию жизни ремесленника в большом городе, полном искушений и соблазнов. И здесь мы встречаем множество подробностей и верных наблюдений.

В сочинении Кругова есть две истории, описанные с наибольшим вниманием и достоверностью. Это описание его срочной службы в армии в начале 1900-х гг. и участие в Первой мировой войне 1914–18 гг. Десять глав («песни» XVII–XXVII) посвящает он своей службе по рекрутскому набору. И здесь мы находим массу подробностей, описаний деталей, увиденных изнутри глазами очевидца и участника событий.

Приведем, к примеру, описание Круговым медицинского осмотра на призывном пункте:

Вот поставили под меру: два аршина, пять вершков.
Осмотрел военный доктор и нашел, что я здоров.
Грудь мою в объеме смерил, приказал мне просчитать,
Подняв на голову руки: «Раз, два, три, четыре, пять».
Осмотрел во рту: исправно ль, все ли зубы у меня,
Как на ярмарке барышник, покупаючи коня,
И сказал: «Готово, годен! Распишись, к столу иди!»
Словно что оборвалóся в этот миг в моей груди.
(л. 98)

Перед отправкой в часть рекрута отпустили домой проститься с родными, и здесь Кругов вспоминает, как пел хмельную прощальную песню новобранца:

Взял я водки четвертную и порядком захмелел,
Сел в телегу и уныло пьяным голосом запел:
Не калинушка лесная рано-рано расцвела,
Это матушка родная меня сына родила,
Возлелеяла, вскормила, на ноженьки подняла
И в расцвете юной силы во солдаты отдала.
Полюбуйся же, родная, ты на сына своего,
Уж известны и сочтены дни гулянья моего.
Я теперь уж расстаюся не на месяц, не на год,
А тогда домой вернуся, когда Бог мне приведет.
В нежеланную дорогу еду, еду скоро я,
Не поехал бы вовеки, только воля не своя.
(л. 99)

Кругову повезло: за хороший почерк его оставляют служить в Угличе полковым письмоводителем. Целых пять лет Григорий проводит на службе — без винтовки, но с пером! В Ярославле Кругов сдает экзамен на писаря (*л.109*), ему удается дослужиться до звания фельдфебеля при полковой канцелярии. Вот откуда завитушки и росчерки в его рукописи — очевидный и многолетний навык писания. Конечно, солдатская служба, даже при штабе, насыщена муштрой, зубрежкой устава, прочей учебой. Изредка удается солдату вырваться на волю, загулять с товарищами в кабаке, отсидев потом за это по доносу в карцере. Далее Кругов попадает на три месяца в больницу, после чего получает отпуск домой. Но дома в деревне его встречает неустройство: ссоры с братом и требования последнего разделить хозяйство.

Полк, где служил Григорий, располагается в городе Угличе, и Кругов старательно описывает этот древний уездный русский городок:

Кто не знает город Углич, тот, в котором я служу?
Так извольте, как умею, про него я расскажу.
Углич Волги есть питомец, урожденец старины,
О былом его преданья и до сей поры полны.
Получил свое названье от «угла» и от «углян».
Основал его когда-то некий древний княжич Ян.
По преданью летописца, он не малым прежде был
И за благо Руси древней чашу горькую испил.
...Был царевич в нем зарезан, много казнено людей,
Плетьми колокол наказан, в Сибирь сослан без ушей,
Но то время миновало, не вернется уже вспять.
Ожил город разоренный, тихо, мирно все опять.
Только Волга, протекая, завернувшись здесь углом,
Шепчет берегу крутому свою повесть о былом
И холодными слезами плачет, древность возлюбя.
Ныне Углич внешним видом представляет из себя
Небольшой уездный город с двум десятками церквей,
С казначейством и управой и с пятком монастырей.
Есть дворец, где жил царевич Дмитрей в отрочестве, он
Сохранился и доныне, но в музей уж превращен.
Много лавок и трактиров, городской бульвар и сад.
Въ обще не очень дурен Углич выглядит на взгляд.
(л. 127)

Отслужив положенный срок и уволившись со службы накануне войны с Японией, Григорий Кругов возвращается домой. Ему уже 27 лет, и пора подумать о женитьбе:

Ну, ей-богу, мне жениться не мешает, господа.
Эй вы, свахи-неудахи, собирайтеся сюда,
Говорите мне, сороки, да, пожалуйста, не врать,
Где есть девки чернооки и какую замуж брать.
(л. 143)

И далее Григорий подробно описывает весь комплекс обычаев и церемоний, включенных в деревенскую свадьбу. Здесь и сватовство, и сговор, и смотр имущества с подробным перечнем приданого, обмен кольцами, приметы *(л.146 об.)* и так называемое богомолье:

Все примечено в деревне, ничего нет без примет,
Только все их перечислить невозможно, время нет.
И до сей поры в народе еще верят в колдовство.
Этим самым богомольем и кончалось сватовство.
С той поры у нас невеста уж просватана слывет,
Носит званье «сговоренки», жениха на «ты» зовет.
С того времени подруги ставят елку у крыльца,
Красят лентами, и елка здесь пестреет до венца
(л. 147)

Описанные Круговым в «песнях» XXVIII–XXXI книги церемонии и обычаи, кушанья и питье, причитания невесты *(л.149 об.)*, песня девушек на расплетении косы *(л.151)*, венчание, пир, песня свадебная *(л.154)* и многие другие представляют собой ценнейший этнографический и фольклорный материал по деревенской свадьбе средней полосы России, записанный не со слов, но непосредственным участником событий. Каждое звено описания Кругова заслуживает отдельной публикации и исследования.

В 1905 г. Григорий вновь вынужден податься на заработки в Питер. В столице он застает рабочие забастовки, сталкивается с людской злобой и ложью, находит и теряет работу, бедствует, впадает в запой, опускается на дно. В нескольких строках Кругов дает портрет своего брата-переплетчика:

Вот он перед вами с бледным испитым лицом:
С полупьяными глазами, волос, стриженный ершом.
Блуза серой коломянки не застегнута на нем,
Из сапог торчат портянки, ни обут, ни босиком.
Крашениновый передник, нож и косточка в руке,
Никогда пальто не носит, ходит вечно налегке.
По-немецки носит брюки и фуражку набекрень,
Клеем выпачканы руки, расторопная ступень.
Никогда не унывает и любитель ссор и драк,
Курит, в карточки играет на последний четвертак.
(л. 225)

В Петербурге Кругов впервые пытается издать свои стихи *(л.177 об.)*. Он даже сопоставляет себя со своим земляком — крестьянским поэтом Суриковым *(л.183 об.)*. Издатели как будто благосклонно относятся к его опытам, но издавать стихи отказываются.

Время шло и, наконец, зимой 1906 г., окончательно опустившись и обнищав, Григорий решает двинуться пешком в родную деревню. Его странствия по России («песни» XXXVII–XLII), описания попут-

чиков и встреч с разными людьми составляют цельную картину деревенской «низовой» России, внутри которой уживаются и злоба и доброта:

С той поры уж миновало время, целые года,
Но Петра и тетку Марью вспоминаю я всегда,
Что за люди, что за люди, как душевны и просты!
Никогда я не забуду их сердечной доброты.
Точно сына обласкали, как родного в дом ввели
И обшили и обмыли, угостили, чем могли,
Ради праздника Христова наварили, напекли
И три рюмочки «простова» мне, пришельцу,
поднесли.
(л. 207)

Однако и дома в деревне Григорий не смог прижиться. Тяжкие оброки, недоимки, угрозы старосты и упреки жены и матери заставляют его вновь вернуться в переплетную мастерскую на Казанской улице, где его ждет запойное пьянство, потеря паспорта, арест, пересыльные тюрьмы, босяки и каторжане, наконец, этап к месту жительства («песни» XLV–LIV). Вновь Кругова постигают тяготы бедной деревенской жизни, а между тем наступило лето 1914 г.:

...Поздно вечером усталый воротился я домой
С окончанием покоса с дальней пустоши лесной.
Только ужинать собрали и уселись за столом,
Как десятский появился пред растворенным окном:
«Хлеб да соль, сосед!» — «Спасибо! Далеко ли
Бог несет?» —
«Да к тебе иду и к прочим, что-то староста зовет.
Дело важно и серьезно, относительно солдат.
Торопися поскорее с своим ужином-то, брат;
Приходи ко мне сейчас же, весть не очень есть
важна:
Есть у старосты бумага, что как будто бы война
Начинается! Да я-то, знаешь сам, не грамотей.
Так чего не наплести бы, сам узнаешь там верней».
Как услышал я те вести от соседа-мужика,
С ложкой, ко рту поднесенной, затряслась моя рука.
Сердце словно обварило, оно замерло в груди,
Что-то страшное почуяв и дурное впереди.
Не докончив ужин, ложку бросил я свою на стол
И с поникшей головою в дом десятского пошел.
(л.288 об.)

Кругова призывают в действующую армию и помещают в сборный учебный лагерь под Которослью, где он был назначен в орудийную прислугу и где:

...Учат русского солдата все сносить и все терпеть,
На ученье и с ученья заставляют песни петь,
Уж ты хочешь иль не хочешь, все равно иди и пой,
Свою голову не вешай, если хочешь быть герой.
(л. 300)

Наконец, после подготовительных сборов круговскую часть отправляют на фронт, в Брест-Литовск:

В шесть часов утра бригада уж была вся на конях,
И орудия готовы были все на передках.
Вот скомандовали: «Трогай!» Тронул первый
ездовой,
А за ним другой и третий, гром пошел по мостовой.
Понеслась лихая песня: «Прочь! Сворачивай, народ,
Путь-дорогу очищайте, артиллерия идет.
Девки, бабы, выходите во поход нас провожать,
Поцелуемся, простимся, да смотрите — не скучать.
Помолитесь за нас Богу, если немца разобьем,
То обратною дорогой к вам опять домой придем.
Постараемся медали да кресты мы заслужить,
А за это наши жены будут крепче нас любить.
Марш вперед, вперед на немца, сторонись,
честной народ,
Очищайте путь-дорогу, артиллерия идет».
(л. 301 об.–302)

После скорой доставки части Кругова в Брест-Литовск, судьба его резко меняется: вместо артиллерии его назначают санитаром, и уже все остальные фронтовые годы он служит на передовой в полковом околотке.

Для Кругова начались фронтовые пути-дороги вслед за передовыми российскими частями, рвавшимися к австрийской крепости Перемышль. Григорий старается не упустить ничего значимого в описании деталей солдатской жизни. Ему удается даже передать живую речь, солдатские разговоры. Например:

По разбитому проселку за повозками идем,
Про деревню вспоминаем, про жену детей и дом.
Повстречалися казаки, человек, должно быть,
пять:
— Далеко ли, братцы, были, там германца не видать?

И. Симаков. Сбор после боя. Рис. из журнала «Лукоморье». 1915. № 3. С. 9

«Никого, хоть бы жукленок,[9] улетучился злодей,
Знать, досталось на орехи, ну, и тягу дал скорей».
— Так ли, братцы? — говорю я. Не хитрит ли он, подлец?
Не сидит ли где в засаде, вот тогда и нам конец.
Окружит да в плен, и баста, всех, как зайцев, заберет
Немец, хитрая лисица, не разинет, шельма, рот.
«Никакого немца нету, — отвечал другой казак, —
Верст на сорок!» — Ну и ладно, слава Богу, если так!»

(л. 318)

Перед каждой повествовательной главой-«песней» Кругов в меру своего стихотворного таланта вставляет лирические отступления, иногда вместо размышлений он просто пишет о природе:

Наступил ноябрь, природа к человеку стала злей.
Слякоть, сырость, непогода, что ни день — то холодней.
Здесь не как у нас в России, в редкий год, когда земля
От мороза замерзает до начала декабря.
Да и вся зима проходит не холодная, а так,
Как в народе говорится, ни домой и ни в кабак.
Не поймешь, чего творится, — ни зима и ни весна,
Дождик льет и снег валится, грязь и грязь везде одна.

(л. 332 об.)

Однажды, отстав от своих повозок, Кругов остается один. Оробев, он рискнул идти напрямик:

У российского народа поговорка одна есть:
«Если три версты обходом — прямиками будет шесть».
То же вышло и со мною, я спешил догнать своих,
Но тропинка версты на три увела левее них.

(л. 337 об.)

[9] *Жукленок* — малый ребенок (по Далю).

И здесь он попадает под тяжелейший артобстрел:

Вот упал один тяжелый недалеко от меня,
Поднял столб густого дыма, залепил землей меня,
Но не ранил. Еще, видно, не моя была судьба,
Или чья-нибудь до Бога за меня дошла мольба.
Я пришел на это место, где снаряд сейчас упал,
Обошел вокруг воронку и шагами сосчитал.
Сорок два шага большие насчиталися кругом,
В яму можно бы поставить всю избу мою с двором.
«Боже, Боже, — я подумал, — человек насколько зол,
Что придумал друг на друга? Что для смерти изобрел?
Никакого в мире зверя так не травят и не бьют,
И оружия такого ни на что не создают,
Кроме как на человека, потому что сам он зол,
Хуже зверя, хуже тигра, лютый хищник!» И пошел
Я от вырытой воронки, как от страшного пруда,
Где сочилась ключевая серо-мутная вода.
(л. 338–339)

Не только страшные картины мировой бойни описывает Григорий Кругов. Война сводила солдата с разными людьми, о которых он сохранял яркие воспоминания, подававшие повод к серьезным заключениям или назиданиям. Например, в бесхитростный рассказ о прохудившихся сапогах Кругов включает мысль о непритязательности и долготерпении русского солдата, привыкшего по-крестьянски сносить всяческую нужду:

Был февраль на половине, таял снег, ручьи текли,
Подобрав полы шинелей, за повозками мы шли.
У меня на это время отпоролись у сапог
Голеница и подошвы, и они сползали с ног.
Я упутал их веревкой наподобие лаптей,
И товарищи смеялись все над выдумкой моей.
(л. 347 об.)

...У нас в России в половине февраля
Вьюги снежные, метели, и под снегом вся земля,
А вот здесь везде буквально только слякоть лишь одна,
Тут живому человеку обувь прочная нужна.
Сапоги совсем сопрели, невозможно и чинить,
Как приедем, так и буду себе новые просить,
А то так близка могила, думал я: «Казну храним,
Сапоги просить не смеем и собой не дорожим,
А зачем, не знаем сами. Нет, сейчас же, как приду
В Фалькенберг, и к адъютанту сапоги просить пойду».
(л. 350 об.)

В повествованиях о войне Григория Кругова важное место занимают песни. Так, его патриотическая песнь о двуглавом российском имперском орле («Ты куда, орел двуглавый, в свою жизнь не залетал...» — л. 355 об.) вскоре, по его словам, разошлась по полкам, стала фронтовой:

Я составил эту песню в Фалькенберге, и не раз
Мы ее, бывало, пели, собравшись в свободный час.
А от нас она к пехоте очень скоро перешла,
Там мотив переменила и припев подобрала.
(л. 356)

В марте 1915 г. Кругову довелось стать свидетелем осады и падения австрийской крепости Перемышль — одного из крупнейших сражений Второй мировой войны, когда в плен сдался весь гарнизон, изнуренный за время осады голодом. И вспоминая, как стоял в строю ликующих победителей, Кругов свидетельствовал о милосердии русских солдат в отношении пленных австрийцев:

Все они ужасно были изнурены, голодны,
Проходили и просили: «Хлеба, хлеба, пане брат», —
И куском своим делился с ними русский наш солдат.
(Для российского солдата жизнь в бою не дорога,
Но щадит он и жалеет безоружного врага).
Они с жадностью хватали хлеб из рук, благодаря,
И не чисто, но по-русски им с улыбкой говоря:
«Слава Богу, слава Богу, паны, в Россию пойдем,
Будем сыты и до війны николы ни попадем».
(л. 359–359 об.)

После взятия австрийской твердыни в рядах русских войск пошел слух о скором окончании войны, но:

...напрасно ожидали мы конца лихой войны,
И на родину возврата из далекой стороны.
Ах, не та совсем дорога приготавливалась нам,
Вместо родины в Карпаты, вглубь страны идти к врагам.
(л. 360)

На молодого русского крестьянина в солдатской шинели галицийская природа производила памятное впечатление:

Уж вы, горные вершины, я увижу ли вас вновь?
О, карпатские долины, место битвы удальцов!
Вы осталися навеки в твердой памяти моей,
Я до гроба не забуду среди вас прожитых дней.
Точно въявь перед собою вижу я и посейчас,
Где товарищи сражались, и ручьями кровь лилась.
Вижу я кресты, могилы павших братьев и отцов
И виды природы горной с массой речек и ручьев.
Вьются змейками дорожки и тропинки по горам,
И убогие деревни прилепились здесь и там,
Словно дряхлые старушки по уступам гор стоят
И невесело, угрюмо на лощины с гор глядят.

(л. 360 об.)

Марш по горной местности становился тяжким испытанием не только для солдат, уроженцев среднерусской равнины. Кругов с крестьянской бережливостью примечает и как надрывались под «дубинушку» обозные лошадки (л. 361 об.–362, 364 об.) и как отдыхали войска на привале в карпатской деревне. Особенно удалась Кругову сцена с деревенскими плясками, когда русские солдаты на привале танцуют под балалайку, вызывая острой частушкой на круг местных девушек и молодух:

Перед нашим околодком собралась толпа людей,
Баб и девок деревенских и мальчишек-ротозей!
А в средине мелким бесом, приседая и кружась,
Дробь разделывал солдатик, что летела даже грязь.
А другой на балалайке жарил, струны теребя:
«Я не сяду с тобой рядом, я сердита на тебя...»
Вдруг, откуда ни возьмися, подпершись рукою в бок,
Вышла баба молодая и пошла... В руке платок
Белый с красною каймою, и сама, как жар, горит
И к солдатику все ближе боком, боком норовит.
А солдатик так и ходит, как индейский петух,
Манит под полу шинели чернобровых молодух:
«Эй вы, бабы молодые, не тужите как прожить,
Разве люди мы худые, и не можем угодить?
Эй вы, душки-молодушки, разве хуже мы людей?
Мы полюбим, приголубим и заменим вам мужей.
Уж вы, девушки красотки, посидите с нам рядком,
Погуляйте с нами ночку, мы в Россию вас возьмем!»
А девицы все хохочут, отвечая: «С москалем
Никаких делов не робим, и в Россию не пойдем.
Москали худые люди, они сробят лихо с нам,
Из лица румянец вынут, с ними горе будет нам.
Мы москаликам не верим ни на шутку, ни на грош!
Любят, любят, да и кинут, ветра в поле не найдешь».
Я в халупе в это время у окна один стоял
И, смотря на эту сцену, до упаду хохотал.

(л. 369 об.–370 об.)

Схожие интонации мы легко обнаружим в знаменитой «Книге про бойца» Александра Твардовского. И хотя образ Василия Теркина создавался Твардовским спустя двадцать с лишним лет после песен Григория Кругова, ни о какой текстуальной зависимости речи здесь быть не может. Скорее всего, можно говорить об угаданной обоими авторами общей частушечной форме стиха, внятной русскому читателю, легко усвояемой и ментально близкой.

Однако, на войне как на войне, и после передышки снова тяготы переходов и боев. В минуты отчаянья православный крестьянин Григорий Кругов молитвенно обращается к всемилостивому Христу:

«О, всемилостивый Боже, — думал я, — не допусти
Мне погибнуть на чужбине, помоги сей крест снести.
Если есть хоть капля правды на земле, Владыка мой,
То молю тебя, всю правду ты слепым вождям открой.
Да прозрят они и узрят все посеянное зло,
Сколько слез оно и горя в жизни людям принесло.
Вонми, Господи, моленью и не дай погибнуть в зле,
Прекрати вражду и битвы, и вражду на всей земле.
Дай людям любовь святую, дай прожить лихие дни,
И в семью меня родную, горемычного, верни.
Обезумели все люди, не оглянутся назад,
Не раскаются в поступках и не знают, что творят».

(л. 372 об.–373)

Религиозная тематика вообще довольно редка в песнях Кругова, поэтому особенно остро вспоминает он Пасху 1915 г., когда стал свидетелем страшного кровавого боя у деревни Чипахадзе[10], описанного в «песне» LXXVI (л. 378):

---

[10] Населенный пункт с этим названием идентифицировать не удалось. Скорее всего, это венгерское наименование, сходное с такими, как Орошхаза, Ниредьхаза и др.

… Если вам когда, читатель, доведется в жизни быть
У деревни Чипахадзе, я прошу вас не забыть
Подойти к могиле братской, осенить себя крестом,
Помянуть героев павших и припомнить о былом,
И сказать, сказать их праху вековечное: «Прости».
Ведь за нас они сражались там, один против шести.
В Светлый праздник Воскресенья их лилась
ручьями кровь,
Когда быть должно прощенье, мир и братская любовь!
(л. 380)

Здесь Кругов пытается подняться до общечеловеческого осмысления причин войны и прямо обращается к сильным мира сего, возмущающим народы друг против друга. Не следует забывать, что свою книгу он писал уже после октябрьского переворота 1917 г. и, находясь под влиянием классовой революционной пропаганды большевиков, именно в вельможах видел средоточие зла (л. 380 об.—381).

Во впечатляющем по своему объему стихотворном повествовании Григория Кругова Первая мировая война заняла важнейшее место. Неполным трем годам своей жизни, проведенным на германском фронте, автор посвящает более трети своей книги: «песни» LIX—XCII из девяноста семи. И хотя Кругов постоянно пишет о своей жизни как о цепочке прискорбных и неудачных поступков, он при этом мало сетует на злую судьбу и винит в несчастиях прежде всего самого себя, непутевого. Иное дело, когда автор оказывается мобилизованным на фронт и попадает в полную зависимость от внешних факторов войны. В главах, посвященных фронту, Кругов обращает пафос своего повествования на эти внешние обстоятельства, и его строки преисполняются антивоенными обличениями, претендуют на общественное звучание.

В книге Григория Кругова мы увидим окопную жизнь Первой мировой войны не глазами образованного горожанина, но крестьянина-солдата, поэта-самоучки. Цепкая память автора сохранила массу подробностей фронтового быта, деталей, реплик, высказываний и впечатлений. Кругов ничего не придумывает, он сухо и дотошно описывает виденное и пережитое, и его строки приобретают силу и ценность важнейшего документа, составленного наблюдательным свидетелем.

В череде военных событий солдат Григорий Кругов стал невольным участником таких важнейших сражений 1914—16 гг., как Ивангородская битва, осада австрийского Перемышля, карпатский поход, газовая атака под Сморгонью, отступление русских армий к Бресту. Взяв на себя обязанность беспристрастного летописца, Кругов не стремится к обобщениям и всеохватности описаний, его взгляд остается в самом низу событий, что дает ему возможность близко, как в увеличительном стекле, увидеть детали, которые составляют мозаику частной жизни солдат, ежесекундно подвергаемых смертельному риску. Таковы, например, описания немецкой газовой атаки 21 апреля 1915 г. (л. 381 об.—л. 382) и эпизод, когда Григория завалило взрывом снаряда в хате и он, обездвиженный, потерял сознание. Придавленный развалинами дома, он вспоминает в отчаянии родных детей, которых оставляет сиротами, молится о спасении, зовет товарищей, которые, как и верил Григорий, все-таки возвращаются за ним (л. 387).

Однополчане, такие же крестьяне-солдаты, как и сам Кругов, нечасто становятся персонажами его повествования. И все же автору удается запечатлеть их достоверные образы через разговоры и скупые реплики. Вот Кругов описывает своего земляка — солдата Александра Балдина, которого томят тягостные предчувствия (л.389—390). Предчувствия солдата сбываются — он тяжело ранен шрапнелью, и Кругов вспоминает:

Принесли еще носилки, на которых он лежал
Неподвижно, но спокойно, не кричал и не стонал.
Лишь уста его шептали непонятные слова,
И беспомощно лежала на подушке голова.
Вероятно, он молился горячо, в последний раз,
Что заметно выдавало выраженье его глаз.
Мы раздели, осмотрели, оказалось, впрямь и вкось,
Точно острыми гвоздями, он пронизан был насквозь.
Руки, ноги, грудь и шея, все изранено. Я стал
Подводить итоги ранам и семнадцать насчитал.
(л. 392)

С некоторым отстранением Кругов продолжает описание кончины своего земляка. И, пытаясь в точности воспроизвести последние слова солдата, он достигает в этом эпизоде высокой драматической выразительности:

Он заплакал… «Больно, что ли? Что?» —
спросил я у него.

«Нет, нисколько, я спокоен, мне не больно ничего.
Только вот в груди засела и сосет она, змея...
Ах, цветы, цветы какие!.. Точно в бархате поля...
Вот и детки, слава Богу, дорогие, с вами я
И умру!.. Ах, Женя, Женя! Что ж ты долго так не шла?..
Не пугайся, не пугайся, это гостюшка пришла...
Красоты-то всюду сколько, все сияет, всюду свет...
Где же смерть, куда девалась?.. Все солгали, смерти нет...»
(л. 393 об.)

Следуя классическим образцам, Кругов перемежает нарративные строки поэтическими отступлениями, содержащими авторские раздумья и нередко высокие философские размышления. Сквозь подчас наивный пафос суждений деревенского автора проглядывает здравый крестьянский рассудок, изо всех сил протестующий против бессмысленных жестокостей войны, смерти и разрушений. Обращаясь к неведомому читателю, Григорий ведет с ним доверительный разговор, в котором он то сетует на свое по чину недомыслие о происходящем, то сокрушается о своей судьбе поэта, стихи которого останутся безвестны, то предается наивным мечтаниям.

Нередко отступления от хронологического повествования Кругов облекает в особую поэтическую форму, в основе которой ставится известный (часто фольклорный) текст, существенно переработанный автором, но так, что оригинал легко узнается.

То не ветер буйный воет, не дремучий бор шумит,
Не земля сырая стонет, не синё морё бурлит,
То не демон злой хохочет и не ведьма-егоза,
Не на тучах гром грохочет, не небесная гроза.
То грохочет гром военный, то орудия гремят,
Города, деревни, села и имения горят.
Льются слез народных реки, крови целые моря,
Гибнут русские солдаты за Россию и царя.
(л. 395)

В приведенном отрывке Кругов использует зачин популярного старинного романса на слова Семена Стромилова «То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит — То мое сердечко стонет, Как осенний лист дрожит». Подобным приемом Кругов нередко пользуется. Например, в «песне» XC: возвращаясь с фронта домой, Григорий вспоминает в пути бравую старинную солдатскую песню, из которой он берет первые две строки, но остальные лихо переделывает на свой лад:

Взвейтесь соколы орлами —
Полно горе горевать,
То ли дело со врагами
В чистом поле воевать
(л. 449)

Авторскими обработками народных песен являются не только солдатские (фронтовые) песни Кругова, как, например, песня артиллеристов (см. *л. 301 об.–302)*.

Таким же образом он преобразует известные тексты и в первой части своего повествования, где рассказывает о молодых своих годах, проведенных в деревне. Это песня ямщика «Ненаглядная Дуняша, белый свет моих очей...» *(л. 35)*, причитания невесты «Уж вы милые подружки, дорогие вы мои, Пролетели миновали золотые мои дни...» *(149 об.)*, песня девушек на расплетание косы невесты «Что не в трубоньку трубили рано, рано поутру, Это Машу сговорили поздно, поздно ввечеру...» *(л. 151)*, песня на свадьбе:

Н. Самокиш. . Взятие горной позиции. Рис. из журнала «Лукоморье». 1915. № 6. С. 11

Что не голубь сизокрылый по поднебесью летал
И не сизую голубку для сожительства искал,
То искал себе невесту наш Григорий-господин,
Свет по отчеству Филатьич, молодой пригожий
сын...»
(л. 154)

Вспоминает Григорий и песни непутевой своей питерской юности: арестантскую песню в вагоне «Скука, скука жить в разлуке мне, любезная моя. Сколько горя, сколько муки перенес на сердце я...» *(л. 256 об.)*, песню заключенного на этапе «Загубил свою свободу я, мальчишка молодой, И сосватал злую долю своей собственной рукой...» *(л. 257)*. Переделывает Кругов и народные поговорки и пословицы, которые тут же подгоняет под размер своей стихотворной строки. Столь же безапелляционно смещает он ударения в словах, иногда избавляется от «лишних» гласных, чтобы сохранить в строке собственный ритм. Эти нехитрые авторские приемы составляют одну из характерных особенностей художественного стиля Григория Кругова.

Если принять на веру, что Кругов сочинил свою стихотворную летопись в период между 1918 и 1923 гг., как он сообщает об этом на л. 1 своей рукописи, не может не удивить то, насколько точен и памятлив автор на детали. А ведь он не был профессиональным литератором. Особенно удивляют строки, посвященные фронтовой обстановке. Здесь встречаются множество местных географических названий (иногда в авторской огласовке), множество дат, имен военачальников, офицеров и прочих фактов, легко проверяемых по фактографии всей войны и удостоверяемых по документам. Кругов и в этом вопросе объективен и честен: сочиняя свою книгу, он пользовался фронтовым «альбомиком»:

Впрочем, я имел альбомик вроде книжки записной,
Небольшой карманный томик, и писал в него порой
Впечатления событий, излагал их, как умел,
На различные мотивы, и не раз в походах пел.
(л. 397)

Здесь важно отметить, что автор записывал *впечатления*, а не факты, ибо именно впечатления, т. е. эмоциональная память, помогали ему впоследствии восстановить детали событий.

В череде фронтовых событий, описаний вражеских артобстрелов, санитарной заботы о раненых, минут затишья и изнурительных переходов, окопных тягот и прочих ужасов войны вспоминает Кругов и встречи с разными соотечественниками, составлявшими огромную русскую армию. Среди них военный врач доктор Полюхов, оказавшийся находчивым и храбрым офицером, и добрый фельдшер Савинов, под началом которых служил санитаром Григорий. Выделен автором генерал-майор Николай Васильевич Коханов:

...Наш бригадный командир
Генерал-майор Коханов, обожаемый кумир
Для меньшого офицерства, по стратегии делец,
По находчивости гений, для солдат родной отец.
(л. 330)

В контрасте с ними описаны поручик Вышибалов, грубостью и высокомерием которого был глубоко уязвлен солдат Кругов, вечно пьяный адъютант полка — самодур, отказавший выдать сапоги санитару. Запоминаются в книге Кругова офицерский денщик Иван, обличавший барина, некий казак, покончивший жизнь самоубийством, будучи под арестом за изнасилование еврейской девушки. Упомянуты нелицеприятно великий князь Николай Николаевич, граф С. Ю. Витте, генерал П. К. Ренненкампф, генерал Чистяков. Встречал Кругов на фронте лазаретные повозки санитарного поезда В. М. Пуришкевича.

Как редкие веселые минуты вспоминает Григорий солдатскую пляску с девушками в карпатской деревне или анекдот о близоруком подполковнике, пригрозившем арестом поварскому черпаку, которого он принял за невежу-рядового.

Некоторые встречи на фронтовых дорогах остались наиболее памятны. Такой оказалась встреча с солдатом-возчиком, подхватившим к себе на повозку отставшего от своих и изнуренного плутаниями по горам Кругова. В пути у них завязалась беседа о вере, в ходе которой возчик, старовер самарский, излагает Кругову мысли о расколе и никонианах:

Я смекнул, что мой возница был природный старовер,
И поэтому не принял никаких для спора мер,
А решил совсем о Боге ничего не рассуждать,
Уклониться этой темы, больше слушать и молчать.

...После нашего привала и ночлега под кустом
Я достиг до Перемышля и простился с возчиком.

Дай тебе здоровья, Боже, добрый русский человек,
Твоего ко мне участья не забуду я вовек.
(л. 411)

Солдат Григорий Кругов был, несомненно, глубоко верующим православным крестьянином. К Богу он обращается, как и все солдаты, в страшные минуты, когда кажется, что смерти не миновать и единственное спасение в Нем. Григорию с детства были хорошо знакомы церковные правила, псалмы и молитвы, которые он неоднократно цитирует и *преображает* в своих стихах (Псалом 90-й «Живый в помощи Вышняго...», Псалом 50-й «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей», Трисвятое «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас» и др.). Слова традиционных молитв Кругов переделывает так же, как слова народных песен, подстраивая их к ритму строки.

Война шла, месяц за месяцем испытывал на себе Кругов все ее тяготы, среди которых самыми удручающими были тяготы отступлений, бездарность командования, отсутствие боеприпасов, слухи о предателях. Вместе с отступающими русскими полками шли на восток в Россию и беженцы, эпизоды встреч с которыми описаны Круговым с особой щемящей жалостью:

Вот еврейка молодая, лет семнадцати на вид,
Подошла ко мне и плачет, а сама, как жар, горит.
Стыдно ей меня, солдата, но решилась подойти,
Голод совести не знает и на все велит идти.
«Добрый пане, — она шепчет, — я ужасно есть хочу,
Денег <нет> при мне ни гроша, но я... телом заплачу...
Только с голода не дайте жизнь навеки погубить,
Умереть ужасно, страшно, в мои годы надо жить...
Накормите, добрый пане, и я вся отдамся вам,
Свою девичью стыдливость за насущный хлеб продам.
Вот уйдем сюда, в овражек, чтоб не видно было нас!»
Прошептала она тихо, и из карих ее глаз
Градом слезы покатились... Я не знал, на что пойти,
Чем помочь и от паденья как несчастную спасти?
Больше хлеба в моей сумке не осталось ни куска,
Да и денег не имелось у меня ни пятака.
Как тут быть? Но в это время доктор Полюхов догнал,
И ему я все подробно о несчастной рассказал.
Он достал тотчас бумажник, вынул двадцать пять рублей,
Подал плачущей еврейке и сказал, давая ей:
«На, купи, голубка, хлеба: у солдат у многих есть.
И не плачь, не падай духом, береги девичью честь...»
(л. 429 об.)

Кроме сочувствия к беженцам, безвинно попавшим под кровавые жернова войны, Кругов с благодарностью и уважением вспоминает добрых местных жителей. Среди них русин пан Ян, евреи из Перемышля, русинка Катря, белорусы Ян и Гануся, дававшие русским солдатам кров и ночлег.

Судьба солдата приводит Григория Кругова в белорусскую деревню Залесье, что в окрестностях Сморгони. Здесь после страшных боев лета 1915 г., также описанных Круговым, немцы применили новое средство ведения войны: отравляющие газы. Кругов подробно описывает памятную газовую атаку (л. 444—445). В те дни свидетелями этой же атаки немцев под Сморгонью, описанной деревенским поэтом-самоучкой, оказались два других русских литератора: начальник пулемётной команды подпоручик Михаил Зощенко и старшеклассник-гимназист вольноопределяющийся 1-го разряда канонир Валентин Катаев, дважды раненный и отравленный газами. Причем Зощенко также был отравлен газами, но, несмотря на боли в сердце и сильнейшие приступы кашля, он продолжал оставаться в строю. За мужество и отвагу, «проявленные в делах против неприятеля» в этом бою, он был удостоен ордена св. Станислава 2-й степени с мечами. Там же, в деревне Залесье был расположен фронтовой госпиталь, в котором руководила оказанием медицинской помощи пораженным и раненым графиня Александра Львовна Толстая, дочь Льва Толстого. Едва ли упомянутые господа обратили внимание на рядового санитара Кругова, но как причудливо пересеклись ветви древа русской литературы под белорусской Сморгонью![11]

Навсегда потрясенный увиденным Кругов напишет позднее:

[11] Уместно вспомнить, что другой поэт из крестьян, Сергей Есенин, также служил в 1916 г. в русской армии санитаром в царскосельском военно-санитарном поезде.

Слишком памятен остался мне один кровавый бой
Под деревнею Залесье полуночною порой.
И удушливые газы не забыть мне никогда,
Сколько жизней они взяли, сколько сделали вреда,
Что подробно эти жертвы описать я не могу,
Лишь скажу сто раз: проклятье зверю-кайзеру, врагу.
Предо мной проходят тени всех отравленных людей,
Вижу я у рта их пену и агонии смертей.
Слышу стоны и проклятья умирающих солдат
Тем злодеям бессердечным, что придумали сей яд.
И невольно мне приходят мысли в голову о них,
Отчего не покарает Бог мучителей таких?
О, великие тираны, поднимите к небу взор
И покайтесь в злодеяньях, вам уж пишет приговор
Та могучая десница, что из бездны бытия
Извлекла для блага жизни вас. И праведный Судья
Не простит вам злодеяний, и замученный народ
Сам придумает вам кару, час возмездия придет.
Кайтесь, лютые вампиры, пока время не ушло,
А то близок день расплаты за содеянное зло.

(л. 439–439 об.)

Еще не одну газовую атаку придется пережить Кругову, не раз смертным ужасом займется крестьянское сердце. Размышления о солдатской доле выливаются у Кругова в такие строки:

Е. Визирь. На перевязочном пункте.
Рис. из журнала «Лукоморье». 1915. № 22. С. 7

На войне из лыка счастье: все берешь и сразу стоп,
Нынче крест на грудь повесил, а наутро пуля в лоб!
Без огня и солнца сушит чужа дальня сторона,
Без печали сердце крушит у солдатика она.
Дождь осенний его мочит, снег лицо ему сечет,
Тело бело ветер знобит, солнце красное печет.
Рвутся с грохотом снаряды, пули, как пчелиный рой,
Свищут жалобно и плачут, смерть неся над головой.
Муки, стоны, кровь и раны православный воин зрит,
Только Бог один от смерти горемычного хранит.

(л. 435об.)

Между тем наступил судьбоносный 1917 год. Кругов скупо констатирует падение самодержавного строя и, кажется, с иронией сообщает: «Занялась святой свободы долгожданная заря. Все темницы растворились. Пожилые и юнцы, Из застенков на свободу вышли прежние борцы» (л. 445 об.–446) Весной Григория выбирают в солдатский комитет, и он на себе в полной мере испытывает, что значат «агитации мерзавцев и отечества позор». В армии отменялось единоначалие и все оружие передавалось в распоряжение и под контроль солдатских комитетов. В результате на фронте началась анархия, массовое дезертирство, солдаты отказывались идти в наступление и устраивали самосуд над офицерами. В этих условиях Кругову удается добиться направления на медкомиссию, которая по возрасту и болезни демобилизовала солдата. Уже летом 1917 г. Григорий спешит в родную деревню. То, о чем мечтал он все фронтовые годы, сбывалось. Он возвращается домой, к жене и детям, в родную деревню Ямышовку, о которой он слагает трогательные признательные строки (л. 455). Искренним умилением проникнуты стихи, описывающие сцены возвращения солдата в родную избу, первую встречу с родными (л. 456 об.).

«Песней» XCI заканчиваются главы книги Григория Кругова, посвященные войне. Счастье солдата, вернувшегося целым с кровавых полей Первой мировой войны, длилось недолго. Кругову пришлось вновь окунуться в крестьянский быт, но ему было трудно поднять свое бедное хозяйство. Он пытается найти дополнительный заработок. Как бывшего фронтовика крестьянский сход выбирает Григория в местную милицию. Однако, несмотря на умение написать протокол или провести дознание по происшествию, дело это — разбирать дрязги, наживать врагов — оказалось

не в характере Кругова. Эту свою деятельность, начатую еще при Керенском, Григорий невзлюбил:

А когда Советы взяли власть верховную над всем,
То уж делать нужно стало против совести совсем:
То обыскивать квартиры, то товар конфисковать,
То крестьянские пожитки и скотину отбирать,
То гоняться, как собаке, дезертиров забирать,
Не щадя родного брата, и на службу отправлять,
То по новому закону с многих требовать налог,
Обирать капиталистов. Но я этого не мог!

(л. 461)

В заключительных «песнях» книги размышления Кругова приводят его к грустным выводам о том, как жестоко ошибся народ, поверивший посулам демагогов о свободе:

Говорят давно, что воля до неволи доведет
И не радости, а горе человечеству несет.
Как размыслить хорошенько, так, пожалуй, что и так.
Русский вечно с простотою попадается впросак.

(л. 463 об.)

Вместе с кровавыми междоусобицами в привычный крестьянский мир приходит новое горе — страшный голод, тиф, произвол властей, спекулянты, разруха:

Заперлись повсюду лавки, прекратился весь товар,
Ни иголки, ни булавки, все рассеялось, как пар.
Ни угля, ни керосина и ни ложки, ни горшка,
Задымилася лучина снова в хате мужика!

(л. 465 об.)

Чтобы прокормить семью, Кругову приходится прибегнуть к примитивному товарообмену, но, и променяв солдатское белье на картошку, ему не удается вылезти из нужды. Он обращается к местному традиционному промыслу: режет деревянные ложки, точит веретена, мучительно ищет выхода из беспросветного существования.

Подробности революционных перемен почти не запечатлены в его стихах и, кажется, неслучайно: ведь он пишет последние главы своей книги уже в период всевластвования советской цензуры — после 1918 г. Крестьянская осторожность оберегает обычно объективного автора от излишней откровенности.

Неизбывная бедность, неудачи в предпринимательстве заставляют Григория Филатовича вновь обратиться к знакомому ремеслу, — он уезжает в Петроград, где устраивается на работу в переплетную мастерскую. В то же время он постоянно пишет стихи, в его тетрадке набралась уже сотня текстов. Кругова не покидает надежда опубликовать их, он мечтает о продаже своей собственной книжки. Григорий отдает рукопись со стихами в петроградское Бюро печати, и через десять дней получает отрицательный отзыв с назидательными рекомендациями чиновника:

Темы слишком устарели, веет горем и тоской,
Вы пишите веселее, что-нибудь про новый строй,
Власть советскую хвалите, обличайте кулаков,
Буржуазию срамите, обличайте и попов.

(л. 476 об.)

В горьком разочаровании Кругов рвет тетрадь на набережной Невы. Чтобы расстаться с иллюзиями, он пытается забыть о стихах и изнуряет себя работой. И опять на него сыплются несчастья: то на Малой Морской он падает в голодный обморок и оказывается в больнице, то сосед по комнате некий Иван Мамаев, весельчак, плут и балагур, выманивает у него деньги в долг, крадет последние скудные сбережения, накопленные для детей, и бесследно исчезает.

В последней «песне» удрученный мрачными предчувствиями Кругов рассуждает о неосуществленных мечтах, итожит прожитую жизнь. Обращаясь в заключительных строках к своей грустной музе, он заканчивает книгу ироничными строками:

Вот и все повествованье жизни горестной моей
Вплоть от самого начала и до ныне сущих дней,
Все здесь мелочи, отрывки незаконченных речей,
Да и вся-то жизнь, читатель, состоит из мелочей,
Все пробелы, сокращенья, да нельзя иначе быть, —
Коль писать о всем подробно, так и в книге
не вместить...
Вся воспетая стихами жизнь несчастная моя
Есть не вымысел, не сказка, не фантазия своя,
А все истина святая и не шутка, не игра
И не брызги на бумаге своевольного пера.

(л. 501 об.)

В последнем своем обращении к детям от 1923 г. автор завещает не только прочитать в «научение», но и издать книгу своих «песен». В советское время это едва ли было возможно. В «песне» LXVI Кругов со свойственной ему наивной прямотой сокрушенно признавал:

Недоступно, невозможно в жизни счастье бедняку,
А тем более простому из деревни мужику.
Много в мире самородков по таланту и уму,
Только люди их не ценят и не верят никому.
Есть дельцы, творцы искусства, есть работнички земли,
Есть певцы народных песен у сохи и в наши дни.
Только выбиться из мрака удается им не всем,
Поживут и умирают, не замечены никем.
Вот и я на белом свете для поэзии рожден,
Но, к великому несчастью, даже в школе не учен.
(л. 323 об.)

Стихотворное повествование о горькой жизни Григория Филатовича Кругова почти столетие оставалось неизданным и неизвестным русскому читателю, и лишь теперь, когда Россия отмечает столетие Первой мировой войны, автор может, наконец, уповать на справедливость.

Григорий Филатович Кругов
Горькая доля,
или Песни
о моей жизни

«Горькая доля, или Песни о моей жизни от рождения до 45 лет»

Песни LIX—XCI

Песня LIX

Был июль на половине, деревенская страда
Шла во всем своем разгаре, как и в прежние года.
Сенокос уже кончался в пустошах и по лугам,
Рожь на солнце созревала и готовилась к серпам.
Бабы в поле выходили, поверяли то и знай:
Не белеет ли солома и хорош ли урожай.
Рвали колос и руками начинали растирать,
Не поспела ли, родная? Не пора ли ее жать?

Был июльский чудный вечер, солнце село за рекой, //
И покрылися поляны серебристою росой.
Пыль оселась на дорогах, ниоткуда ветерка.
Все как замерло, не слышно даже трепета листка.
Полосой заря алела в небосклоне голубом,
Кое-где зажглися звезды, месяц выглянул серпом.
Упоителен был вечер, несмотря на труд дневной
И немалую усталость, — не тянуло на спокой,
А хотелось всею грудью чистым воздухом дышать,
И дела Творца вселенной признавать и прославлять.

Поздно вечером усталый воротился я домой
С окончанием покоса с дальней пустоши лесной.
Только ужинать собрали и уселись за столом,
Как десятский появился пред растворенным окном:
«Хлеб да соль, сосед!» — «Спасибо! Далеко ли Бог несет?» //
«Да к тебе иду и к прочим, что-то староста зовет.

Что повсюду кровь польётся,
На земли и въ облакахъ,
Миру бодрому на диво
Поколѣніямъ на страхъ.

Пѣсня LIX-я.

Былъ Іюль на половинѣ
Деревенская страда
Шла во всёмъ своёмъ разгарѣ
Какъ и въ прежнія года
Сѣнокосъ уже кончался
Въ пустошахъ и по лугамъ;
Рожь на солнцѣ созрѣвала
И готовилась къ серпамъ.
Бабы въ поле выходили
Повѣряли что узнай
Не бѣлѣетъ ли солома
И хорошъ ли урожай.
Рвали колосъ и руками
Начинали растирать,
Не поспѣла ли родная?
Не пора ли её жать?

Былъ Іюльскій чудный вечеръ,
Солнце село за рѣкой,

Дело важно и серьезно относительно солдат...
Торопися поскорее с своим ужином-то, брат;
Приходи ко мне сейчас же, весть не очень есть важна.
Есть у старосты бумага, что как будто бы война
Начинается! Да я-то, знаешь сам, не грамотей.
Так чего не наплести бы, сам узнаешь там верней...»

Ф. Кругов. «Горькая доля, или Песни о моей жизни». Песнь LIX, л. 287 об. Автограф

Как услышал я те вести от соседа мужика,
С ложкой, ко рту поднесенной, затряслась моя рука.
Сердце, словно обварило, оно замерло в груди,
Что-то страшное почуяв и дурное впереди.
Не докончив ужин, ложку бросил я свою на стол
И с поникшей головою в дом десятского пошел.
Прихожу, народу много, //все о чем-то говорят. л. 289
Австрияка вспоминают, немца хитрого бранят.
«В чем, Иван Иваныч, дело?» — я у старосты спросил.
«Да запасных призывают, — он в ответ проговорил, —
Вот бери, читай бумагу, ты сам писарь,[1] разберешь
И, пожалуй, пояснее и получше нас поймешь.
Взял я в руки ту бумагу и прочел её тогда
И увидел, что приходит людям горё и беда...
В той бумаге говорилось, что «все нижние чины
Русской армии и флота воедино стать должны,
Что тотчас же из запаса всех к оружию призвать
За отчизну дорогую каждый должен постоять:
До последней капли крови бить обязаны врага
Все, кому Руси великой честь и слава дорога».[2]

«Одновременно с людьми//(говорил другой приказ) л. 289 об.
Взять немедленно из тыла конно-воинский запас».[3]

---

[1] Писарем при штабе Григорий Кругов служил с 1899 по 1904 г., будучи призванным на службу в первый раз — по рекрутскому набору.

[2] Указ о всеобщей мобилизации был подписан императором Николаем II 16 июля (ст. ст.) 1914 г. Ее первым днем назначалось 17 июля. При мобилизации постоянная российская армия, насчитывавшая в 1914 г. 1 300 000 человек, получила пополнение в 3 500 000 человек пятнадцати призывных возрастов — с 1897 по 1911 г. 18 июля началась мобилизация в Австрии и Германии, которые объявили России войну 19 июля. 20 июля в Зимнем дворце государем был оглашен Манифест об объявлении войны Германии и Австрии. Мобилизованные составляли в России всего 39% всех мужчин в возрасте от 15 до 49 лет. В Германии та же доля составляла 81%, в Австро-Венгрии — 74%, во Франции — 79%, в Англии — 50%, в Италии — 72%. В Первую мировую войну на каждую тысячу мобилизованных в России приходилось 115 погибших, в Германии — 154, в Австро-Венгрии — 122, во Франции — 168, в Англии — 125 (см. http://swolkov.narod.ru/publ/27.htm).

[3] Учреждения конского запаса в российской армии предназначались для пополнения убыли лошадей в военное время и находились в ведении Управления по ремонтированию армии. К учреждениям конского запаса относились также сборные пункты лошадей.

Прочитал я эти строки, и все ясно стало мне,
Что затеялась не шутка, что готовятся к войне
На германца и австрийца, что австриец перешел
Нашу русскую границу и уж бой произошел.[4]

Боже! Думал ли когда я, что угонят на войну,
Как нежданно все случилось, сколько слез-то будет... ну,
На все воля есть Господня, чему быть, не миновать.
Приведет ли Бог обратно воротиться мне опять,
Или, может, на чужбине от родной семьи вдали
Мои косточки истлеют на поверхности земли?
Умереть на раз не страшно, а вот страшно, как навек
л. 290 Изуродует снарядом, и причтут к числу калек, — //

Не житье тогда, а мука, не живой и не мертвец.
Да, война плохая штука, уж один бы пусть конец,
Чем страдать и быть калекой, кому нужен буду я?
И жена тогда покинет горемычного меня.

Так я думал, возвращаясь от десятского домой...
Громким плачем огласился в тот же вечер дом родной.
И жена мое бельишко стала, плача, собирать,
Да в походную котомку аккуратно укладать.

Той же ночью запасные[5] тихо в волость побрели
И лошадок за собою для осмотра повели.
А поутру рано-рано потянулись все гужом
В свой уездный город Углич, покидая грустно дом.
Все с сумами, с котомами, положив в них кое-что.
л. 290 об. Коих жены провожали, // а которых и никто.
На телеге деревянной вместе с прочими и я
Покатил в уездный город от родимого жилья.
Провожатых было трое, двое деток и жена.
Всю дорогу ни слезинки не потратила она, —
Все сидела и молчала до казармы от крыльца,
Не промолвила со мною ни единого словца.
Сердце, что ль, окаменело от печали у нея?
Иль нисколько не жалела она в ту пору меня?

---

[4] Первое столкновение на Восточном фронте произошло 4 (17) августа при проведении Восточно-Прусской операции. Наступление русских армий первоначально было успешным, и немцы, численно уступавшие российским войскам, постепенно отступили. 7 (20) августа в пользу русской армии закончилось Гумбиненское сражение, однако русское командование воспользоваться плодами победы не смогло.

[5] Запасные — т. е. солдаты, уволенные в запас, но годные к службе по мобилизации.

Как узнать чужие мысли? Здесь разгадка мудрена,
Ведь чужие мысли темны, и душа, как ночь, темна.
Я не спрашивал об этом и ничуть не докучал,
Чтоб бедняжку не расстроить и, подобно ей, молчал.

Я явился в город Углич, в те казармы, где служил,
В канцелярии военной // свой документ предъявил. л. 291
Освидетельствовал доктор[6] и промолвил мне: «Здоров!»
Заявлял я о болезни, но не принял он и слов,
Лишь ответил: «Все пустое. Ноги, руки не больны,
Ну, и годен… Всяких надо, все сойдут для сей войны.
И в обоз, и в кашевары люди надобны всегда,
В лазареты, в санитары, да и мало ли куда.
А тем более ты писарь, тебе не о чем тужить,
В канцелярии не худо, отчего и не служить?..
Вот в пехотные окопы кто несчастный попадет,
Тот не каждый уцелеет, и назад домой придет».

Вышел я из помещенья, вместе с принятыми стал.
Вышел воинский начальник и отметки делать стал.
Я назначен был по списку в алтилерию[7] идти,
В Ярославль, и за собою //трех лошадушок вести. л. 291 об.
Там составится бригада артиллерии, потом
Всех отправят на границу для сражения с врагом.

Пообедали в казарме, распростился я с женой,
И уехала с детями в тот же день она домой.
А я в городе остался для отправки дожидать,
Через двои еще сутки, говорили, наступать:
Два дня целых проживайся и домой уидти не смей.
О, какой на сердце камень тяготел в груди моей.
На глаза просились слезы, и туманился мой взгляд,
Но крепился я, не плакал, стыдно плакать, я солдат.
Никогда солдат не плачет, я слыхал от стариков,

---

[6] Врачебное освидетельствование новобранца на призывном пункте описано Г. Круговым в первой части книги — с. 98, «песня» XVII:

Вот поставили под меру: два аршина, пять вершков.
Осмотрел военный доктор и нашел, что я здоров.
Грудь мою в объеме смерил, приказал мне просчитать,
Подняв на голову руки: «Раз, два, три, четыре, пять».
Осмотрел во рту: исправно ль, все ли зубы у меня,
Как на ярмарке барышник, покупаючи коня,
И сказал: «Готово, годен! Распишись, к столу иди!»
Словно что оборвало́сь в этот миг в моей груди.

[7] Так в рукописи.

Трус презрения достоин и отточенных штыков.
Плакать — это бабье дело, а солдацка голова
л. 292 Забубенная на свете, //для нее все трын-трава.

Поздно вечером собрались все в казарму ночевать,
Не особенно удобно и тесненько было спать.
Впрочем, что тут за удобство, не в своем родном дому,
Впереди еще придется привыкать и не к тому.
Я к открытому окошку примостился на досках,
Отыскал два старых мата, положил их в головах.
Но до самого рассвета не пришлось забыться мне,
Я вертелся с боку на бок, все равно что на огне, —
Так кусали меня блохи, да не меньше и других,
Всюду слышалися вздохи и проклятия на них.
«Просто, дьяволы, заели, — говорил один усач, —
Хуже немца надоели, ну, ей-богу, хоть ты плачь...»
«Пообтерпимся, привыкнем, — отвечал другой солдат, —
л. 292 об. На войне не это будет, //вши не эдак поедят.
Как с японцем воевали, вот поели вши-то, страх,
Так что даже сожигали мы рубахи на кострах».
«На войне всёго потерпишь, что об этом толковать, —
Молвил третий. — Эх, ребята, не пора ли уж вставать,
Вон на улице светает, надо в город уходить,
Занимать места в трактире да чаишко с горя пить».
И все стали друг за другом оставлять свои места,
Через полчаса казарма вся была уже пуста.

На другую ночь в казарму мы решили не ходить,
Не хотелось понапрасну миллионы блох кормить.
Мы ушли и ночевали все в гимназии мужской,
Там нас блохи не кусали, ночевать было спокой.
Наносили мы соломы и устроили постель,
л. 293 Улеглися беззаботно, //точно дети в колыбель,
И заснули крепко-крепко. И не жарко было нам,
До рассвета без просыпу эту ночь проспали там.

Песня LX

«В путь-дорогу, запасные, жребий выпал нам опять
Послужить родной России и за правду постоять.
Гонят, братцы, нас далеко от родимой стороны,
За австрийскую границу, на театр лихой войны.
Станут дома наши жены, < *пропущена строка в рукописи, — Г. М.*>
А мы будем под землею, как кроты, в окопах жить,

Все терпеть — нужду и голод, зимний холод, летний зной, —
И, быть может, не придется возвратиться нам домой.
Уж как грянет гром орудий, пулеметы затрещат,//
Пули в воздухе засвищут, и снаряды зажужжат. л. 293 об.
Не один костями ляжет православный человек,
Потекут потоки крови, будет множество калек.
До последнего мы станем биться с ворогом лихим
За Россию, мать родную, все себя не пощадим.
О товарищах погибших память вечно не умрет,
Добрым словом их вспомянет православный наш народ».

С этой песнёй в путь-дорогу мы из Углича пошли
И по троечке лошадок за собою повели.
С голубой лазури неба солнце жгло как никогда,
В знойном воздухе спиралось испаренье, духота.
На востоке, будто горы, громоздились облака,
И едва заметно было дуновенье ветерка.
Низко ласточки кружились то и дело над землей,//
Это, люди примечают, завсегда перед грозой! л. 294

И действительно, на небе уж синелась полоса,
Подымаясь выше, выше, — собиралася гроза.
Я в одной рубашке тонкой шагом выступил в поход,
Не предвидя, что из тучи меня дождиком зальет.
Был пиджак, но показался он мне тяжестью большой,
И я тут же со знакомым отослал его домой.
Так жара меня томила, что казалась мне тогда
Вся одежда вовсё лишней и не нужной никуда.

Вот по Рыбинскому тракту подвигаемся, идем
И лошадок за собою завербованных ведем.
Потянул сильнее ветер, прогремел далеко гром,
И все небо обложилось вскоре тучами кругом.
Посвежее стало: спала//нестерпимая жара,
Повторился гром сильнее, полил дождь, как из ведра. л. 294 об.
Постоять бы, но дорога пролегла среди полей,
Было некуда деваться, мы промокли до костей.

Дождик лил и лил сильнее, как назло, не отставал.
Ветер резко изменился, тучи с севера погнал.
Свечерело, на дороге стало сыро и темно.
От ходьбы устали ноги, неприятно, холодно.
Всюду стала грязь и лужи, потекли ручьи везде,
Мы все ёжимся от ветра, но защиты нет нигде.

Слава Богу, деревенька. «Стой, ребята, отдохнем,
Отогреемся, ночуем, да уж утром и пойдем».
Подошли, остановились, привязали лошадей,
По избенкам разместились отогреться поскорей. //
л. 295 Попросили самовара, скипятили кипятку
И хозяйке уплатили за него по пятаку.
Сели, чаю заварили, отогрелись, напились!
И на печку, и на лавки, и под лавки улеглись,
Но ни часу не заснули, то и дело из дверей
Поминутно выбегали посмотреть на лошадей.

Ночью так накрыли тучи, что на шаг перед собой
Ничего не видно стало за великой темнотой.
Я два раз споткнулся в лужу, выбегая к лошадям,
Но они спокойны были и стояли по местам
У деревьев и дрожали: дождик лил, не отставал,
Все сильнее и сильнее буйный ветер бушевал.
Вскоре в бурю превратился, гнул деревья и ломал,
Гнал на юг седые тучи и солому с кровли рвал. //
л. 295 об. Рассветало. Из деревни снова тронулись толпой.
Ветер воет, дождик моет, нету ниточки сухой.
Кто закутался рогожей, кто каким-нибудь мешком,
Кто рубахой завязался или ситцевым платком.
Ветер встречу так и режет, неудобен, скользок путь,
Ноги будто бы чужие, шагу твердо не шагнуть.
У меня кредитных денег размочило рублей с пять,
Все истерлись от кармана, так что их пришлось бросать.
А иные побросали папиросы все тогда,
Спички сделалися тоже непригодны никуда.
Обмочило все в котомках, хлеб дорожный, булки, чай,
Соль и сахар — все размокло, вынимай и все кидай.

Перемокшие, как куры, мы до Рыбинска дошли.
Посинели, передрогли, еле ноги волокли. //
л. 296 На дороге потеряли двух казенных жеребцов,
Сорвались и убежали и исчезли без следов.
На товарную платформу привели мы лошадей,
Погрузили их в вагоны, дали сена поскорей.
Наш начальник эшалона всю дорогу вина пил,
А лошадок горемычных накормить в пути забыл.
(Что ж? Животные не скажут, а в наживе вся корысть.)
Как поставили в вагоны, так и стали доски грызть.
Защемило, на них глядя, в груди сердце у меня:
«Эх, несчастные лошадки, и вам плохо!» — думал я.

Всех коснется и затронет эта подлая война —
Человека и животных, вот так стали времена.
Где ни взглянь, повсюду горё и сердечная тоска —
И в купеческих хоромах, и в лачуге мужика…
И какой в войне есть смысел? //Невозможно и понять, л 296 об.
Что веками воздвигалось жечь, губить и разрушать?
И людей, и скот тиранить за какую же вину?
Будь анафема и проклят тот, кто выдумал войну!
Что за смысел сотни тысяч ни за что людей губить,
До уродства их калечить, а потом опять лечить?
Бесполезная работа, и кому она нужна?
Ни богатым и ни бедным, а для всех людей вредна.
Говорят, война от Бога. Но нужна ли Богу кровь!
Нет, ему она противна, он есть правда и любовь!
Ведь Христос принес на землю мир; но где же этот мир?
Люди истину попрали и вновь создали кумир.
И кричат: «Святое дело — кровь на брани проливать!»
Но все ложь… Господь за ближних повелел нам умирать
Без меча, а лишь спасая от опасности других, //
И молился, умирая, за мучителей своих. л. 297
Он врагов для нас не сеял, только ближних указал.
Так откуда же, откуда человек врага создал?
Это все обман народа, на котором крепнет гнет
И которым каждый сильный, век блаженствуя, живет.

Были в Рыбинске недолго, не прошло и трех часов,
Как к отходу уже поезд с эшелоном был готов!
В тот же день до Ярославля добрался наш эшелон,
Против Котросли на рельсах поезд был заторможен.
Еще издали заметил я за Котраслью-рекой
Ряд белеющих палаток и табун коней большой.
А вокруг сновали люди. Сколько? Издали не счесть,
Сотни три или четыре, мнилось мне, пожалуй, есть.
Эта самая бригада и была, в какую я//
Был из Углича отправлен в Управленье в писаря. л. 297 об.

С половины дня погода изменилась, и опять
В голубой лазури солнце стало землю припекать.
Как над печью тараканы выползают из щелей,
Так <и> мы все из вагонов вышли к солнцу поскорей.
Вынес я свою котомку и на солнце из нее
Просушить скорей развесил перемокшее белье.

Ночь в вагонах ночевали, а поутру эшелон
Ближе двинули к вокзалу, где и был он разгружен.

Развели по назначеньям всех прибывших лошадей
И отправили команду в парк, тотчас же и людей.
Вслед за ними в две ширинги всех построили и нас,
И отправили за Котросль в свою часть. Пришли как раз
л. 298 Мы в обеденное время.//Кто поопытнее был,
Тот немедленно на кухне кашевара навестил.
Сунул в лапу и остался сыт по горло, а иной
В день прибытия покушал хлебца черного с водой,
Потому что без смекалки и не знал он ничего,
Что подачки кашевары любят более всего.

Так из Углича до части войск окончился мой путь,
Я измучился в дороге и был рад поотдохнуть.
Эта трудная дорога долго памятна была,
Я истер до крови ноги, и пять суток протрясла
Меня злая лихорадка, и помог мне здесь один
Фельдшер, Савинов запасный, выдавая мне хинин.//

л. 298 об. Песня LXI

О, Божественная муза, где мы ни были с тобой?
В Петрограде, и в деревне, и в тюрьме, и за тюрьмой.
А теперь, моя подруга, пропоем о том с тобой,
Как стояли в Ярославле мы за Котрослью рекой.
Ели щи, варили кашу, нередили[8] то и знай,
Кипяточек кипятили и заваривали чай.
В нем сухарики мочили, привыкая, как вперед
Жить солдатику придется, когда выступим в поход.
Словом, жили-поживали, не тужили ни о чем,
Хлебец черненький жевали, привыкали с каждым днем.

В первый день, когда я прибыл, нас поручик принимал
И по разным батареям назначал и отсылал.
Я был в первую назначен, но ничуть не в писаря,//
л. 299 А к орудию в прислугу в ней зачислили меня.
Я из писаря штабного стал солдатом строевым,
Полевым артиллеристом к пушке, номером шестым.[9]
Чтобы быть мне у орудий, я и в жизни не мечтал
И нисколько этой службе не учился и не знал.

---

[8] Нередили — ловили рыбу с помощью особого устройства, сплетенного из лозы.

[9] В состав орудийного расчёта военнослужащие входили под особыми номерами, каждый из которых выполнял определенную обязанность по обслуживанию артиллерийского орудия, подготовке и ведению стрельбы.

Надо было вновь учиться, чтобы службу эту знать,
Это как переродиться, снова юношею стать.
Уж насмешка это, что ли, злого рока надо мной?
Или просто выпал случай неожиданный такой?
Нет, не то и не другое, а случилось это так,
Что по случаю ненастья я попал в такой просак:
По случаю ливня с бурей эшелон наш запоздал,
Сутки целые в дороге, и вовремя не попал
В свою часть. Пока дорогой мы месили грязь и ил, //
Штат писак во всей бригаде переполнен уже был. л. 299 об.
Втерлись противозаконно два отпетые жида,[10]
Им бы быть не полагалось, но все взятки, господа.
Было горько и обидно, но кого в том обвинять?
Видно, доля мне такая, что все в жизни испытать.

Что такое это<т> лагерь? Как его обрисовать?
С чем сравнить его наглядно? Как красивее назвать?
Это город полотняный, где все улицы шумят,
И румяной позолотой медны маковки горят.
Только утро наступает, барабаны зорю бьют,
Просыпаются солдаты, от сырой земли встают.
Умываются водою, скоро чай горячий пьют,
После чаю на ученье с командирами идут.
Учат русского солдата все сносить и все терпеть, //
На ученьё и с ученья заставляют песни петь. л. 300
Уж ты хочешь иль не хочешь, все равно иди и пой,[11]
Свою голову не вешай, если хочешь быть герой.

В эти белые палатки я нечаянно попал,
Мыкать в песнях свое горё вместе с прочими я стал,
С головы до ног оделся в цвет зеленый травяной,
Прицепил стальную шашку и револьвер с кобурой,
Как заправский русский воин, хоть ни капельки стрелять
Не умел из револьвера и ни шашкой фиктовать.
Словом, точно для модели нарядился, будто шут,
Чтобы люди поглядели, что и я солдат не худ,

---

[10] К началу Первой мировой войны в русской армии насчитывалось до четырехсот тысяч евреев, к концу 1916 г. их число возросло до пятисот тысяч. В императорской российской армии лицам иудейского вероисповедания было запрещено поступать на службу в гвардию, флот, команды интендантского ведомства, в писари, в конвойные команды, в пограничную и карантинную стражу, в крепостную артиллерию и миномётные роты.

[11] С 1857 г. в русской армии предписывалось каждому полку иметь собственный полковой марш и свою полковую песню.

Что такой же буду воин, если только подучусь,
И не хуже, чем другие, умирать пойду за Русь.

л. 300 об. Помещались мы в палатках//человек по шесть, по семь,
С непривычки мне казалось неудобно в них совсем.
Они слишком были низки — ни пройти, ни постоять,
А возможно было только посидеть и полежать.
Разостлали мы соломы под себя, а в головах
Положили свои вещи, что хранились в котомах.
Одеялом мне служила моя серая шинель,
А земля вместо кровати, вот и вся была постель.
Если ночью из палатки выходил кто за нуждой,
То всегда на четвереньках иль, согнувшись весь дугой.
Поутру рано вставали, умывалися водой,
Пили чай, потом водили лошадей на водопой.
После строились в шеренги, и фельдфебель[12] в тот же час
На занятия к орудьям уводил поспешно нас.
До двенадцати учились у орудий, а потом//
л. 301 Приходили все обедать за устроенным столом,
Где давалась ежедневно мяса порция и щи,
Каша гречневая с салом, хлеб, а больше не взыщи.
После сытного обеда кипятился кипяток,
Пили чай и отдыхали приблизительно с часок.
А потом опять водили лошадей на водопой
И ходили, занимались из револьверов стрельбой.

Так у Котросли мы жили, но пришел такой приказ,
В Брест-Литовск из Ярославля ближе к фронту двинуть нас.
Прочитали... и все стали собираться поскорей,
Получили на дорогу сахар, чай и сухарей
По три фунта[13] на солдата да консервы и галет
Фунта по два или по три, что-то памяти уж нет.

л. 301 об. На другой день утром рано//командир нам приказал
Выступать спокойно, стройно всем за Котросль на вокзал.
В шесть часов утра бригада уж была вся на конях,
И орудия готовы были все на передках.
Вот скомандовали: «Трогай!» Тронул первый ездовой,
А за ним другой и третий, гром пошел по мостовой.

---

[12] Фельдфебель — помощник ротного командира из нижних чинов царской армии (подпрапорщиков или старших унтер-офицеров) в пехоте, артиллерии, инженерных войсках.

[13] Фунт — старинная русская мера веса, равная 409,5 г.

Понеслась лихая песня: «Прочь! Сворачивай, народ,
Путь-дорогу очищайте, артиллерия идет.
Девки, бабы, выходите во поход нас провожать,
Поцелуемся, простимся, да смотрите — не скучать.
Помолитесь за нас Богу, если немца разобьем,
То обратною дорогой к вам опять домой придем.
Постараемся медали да кресты мы заслужить,
А за это наши жены будут крепче нас любить.
Марш вперед, вперед на немца, сторонись, честной народ, //
Очищайте путь-дорогу, артиллерия идет».[14] л. 302

Я на ящике зарядном с грустной думою сидел
И на все, что совершалось, без пристрастия глядел.
А вокруг толпы народа, увлеченные войной,
С головы снимали шапки и бросали меж собой,
Воздух криком оглашая несмолкаем<ым>: «Ура!..»
И повсюду пелись гимны до полудня от утра,
Точно нас не в бой погнали, а как будто бы на пир,
Где участниками будем не одни мы, а весь мир.

М. Ольконе. Почтовая карточка.
Пг., 1916

Песня LXII

Едем в Брест,[15] в вагоне тесно, кто сидит, а кто лежит,
Кто читает телеграмму, а кто трубочку курит. //
Я на доску примостился против двери и сижу, л. 302 об.
Отодвинув половину, в даль туманную гляжу.
Предо мной мелькают пашни, деревеньки и леса,
Солнце красное сияет, и синеют небеса.
Живописные картины проносились предо мной,
И я мысленно прощался со своею стороной.
«Прощай, матушка Россия, прощай, родина моя,
Храмы божии святые, сердцу милая земля,
Ручейки, поля и нивы и шелковые луга,
Волга-реченька глубока и крутые берега.
Может быть, я не увижу никогда уж больше вас.
Может быть, моей кончины недалек урочный час!
И куда, куда нас гонят? Как скотину убивать!..

---

[14] Песня артиллеристов в авторском изложении Г. Кругова, возможно, опирается на слова реальной полковой песни.

[15] К началу Первой мировой войны строительство и реконструкция Брестской крепости — одного из главных опорных пунктов русской армии на западе — все еще продолжалось, и крепость получила законченный вид лишь к весне 1915 г. При этом, будучи тыловой базой армии и одной из наиболее подготовленных к войне русских крепостей, Брестская цитадель не имела достаточного гарнизона.

Неужели невозможно никогда не воевать?
л. 303 И чего это все делят? //Или мало всем земли,
Что такую мировую люди бойню завели?
Помоги, Великий Боже, мне опять домой прибыть,
На своей родной сторонке свою голову сложить».

Едем быстро. Показалась наша матушка Москва,
Древнерусская столица, золотая голова.
Сколько храмов, сколько башен, сколько каменных домов!
Все как будто утонули в чудной зелени садов.
Эшелон остановился, окружили москвичи
И давали нам в вагоны папиросы, калачи,
Груши, дули,[16] апельсины, пирожки, столовый квас!
Словом, все, что было можно, и напутствовали нас:
«Ну, солдатики, прощайте, — доносились нам слова, —
Лихом нас не вспоминайте, не забудет вас Москва.
л. 303 об. Дай вам Бог в делах успеха //и победы над врагом,
Невредимыми вернуться поскорей в родимый дом».

Простояли с час, не боле. Снова тронулися прочь…
От Москвы на юго-запад мчится поезд. Вот и ночь,
Как волшебница, подкралась в тишине со всех сторон,
Всех людей очаровала, погрузила в крепкий сон.
Только мне, в вагоне сидя, почему-то не спалось.
Все былое предо мною вереницею неслось.
И одно все горё только в прошлом было у меня,
Нету радости нисколько, нету счастливого дня.
И теперь плохая радость, если гонят на войну
Под снаряды и под пули, за какую же вину?
Впрочем, тут вины не надо, а всем очень ясно то,
Что солдата не считают властелины ни за что:
л. 304 Сам я слышал раз на службе, //как однажды генерал
Мясом пушечным солдата, не стесняясь, называл.
И, пожалуй, это правда, ведь солдат повсюду бьют
И все доблести и славу на их трупах создают.
Да, быть может, уж сочтены дни печальные мои,
И зароют мое тело там от родины вдали.

Много станций миновали, всех теперь не рассказать,
Потому что я в то время позабыл их записать.
Чуть не целую неделю был в пути наш эшелон,
Уж в шестые сутки прибыл в Брест-Литовск поутру он.

[16] Дуля — сорт груши.

В слободе остановились до приказа постоять,
По квартирам разместились, стали жить да поживать.
Здесь случилася по службе перемена у меня:
Фельдшер Савинов случайно как-то раз спросил меня:
«Хочешь, Кругов, в околодок[17] //санитаром запишу, л. 304 об.
А приедет старший доктор, за тебя я попрошу,
Чтобы он о переводе отношеньем попросил
Командира батареи за тебя. Я говорил
О тебе еще в дороге дважды младшему врачу,
И он тоже мне ответил: "Хорошо, похлопочу".
Вот подумай и решайся, а уж мы переведем,
Все получше батареи, не раскаешься потом».
Я с восторгом согласился, и как раз через три дня
Утром вызвал в околодок доктор Полюхов меня.
Это был прекрасный барин, предушевный человек,
Дай, Господь, ему здоровья и прожить бы долгий век.
Он спросил, какой губерни и уезда, а потом
Званье, волость и деревню записал карандашом
В свою книжку записную и промолвил: «В добрый час!//
Оставайся в околодке, послужи, дружок, у нас! л. 305
Я вчера уж с командиром батареи говорил,
Чтобы он тебя из списков батареи исключил.
Принимайся за работу: в помещении мети,
Кипяток больным два раза ежедневно кипяти.
Привыкай массажи делать и в клубки бинты катать,
Порошки вертеть в бумагу и бутылки полоскать.
Будь поласковей с больными и старшим не прекословь!
Вот тогда-то и заслужишь ото всех себе любовь!»

И остался я на службе в околодке с того дня,
И опять нестроевая стала служба для меня.
В шесть часов утра вставал я, подметал метлою пол,
Грел походный кипяточник, приводил в порядок стол.
Приносил луженый чайник, в кружки чаю наливал,//
А окончив чаепитье, стол мочалкой вытирал. л. 305 об.
После с фельдшером садился порошки вертеть вдвоем.
С десяти часов до часу шел больных солдат прием.
Всех осматривал их доктор и лекарства назначал,

---

[17] Околоток (*устар.* околодок) — в императорской русской армии медицинский пункт при войсковой части, во время войны располагавшийся вблизи передовой линии фронта. В околотке оказывалась первичная медицинская помощь раненым перед отправкой в лазарет. В пехотном полку русской армии в военное время полагалось 5 врачей, 22 фельдшера, 7 служителей, 128 носильщиков, не менее 32 носилок, 4 лазаретные линейки и 5 повозок с аптечными, перевязочными и санитарными материалами.

Неизвестный художник.
Бой у Городка.
М., 1914. Хромолитография

Фельдшер Савинов по книге приходящих отмечал
И в расход медикаменты, выдавая, выводил.
А я делал перевязки и за правилом следил,
Чтоб больные не шумели, говорили шепотком,
Чтоб цигарки не вертели, не дымили табаком.

Так стояли мы во Бресте на квартирах в слободе,
На прекрасном, чудном месте, где в окрестностях везде
Пашни лентами чернеют, зеленеют дерева,
Груши, дули всюду зреют, спеет слива медова.

л. 306 Хорошо было, привольно //в Бресте нам квартировать,
Только, жаль, не очень долго там случилось постоять.

Получилось предписанье снова вещи укладать,
Эшелону погружаться, в Ивангород[18] выступать.
Там, прибыв, остановиться для защиты городка,
Где шумит и катит волны Висла, быстрая река.
Слух прошел, что хитрый немец занял город Ченстохов,[19]
Между тем как наши взяли у австрийцев город Львов,[20]
Немец двинулся к Варшаве, сильный делает напор,
Обошел и Раненкампфа[21] у Мазурских[22] у озер.
И уж близко, очень близко к Ивангороду идет,
Где на днях же непременно страшный бой произойдет.
В это время Хиров,[23] Самбор[24] тоже в наших был руках,
И от Кракова стояли наши в нескольких верстах.
А другие части войск<а> уже были под Санком,[25]//
Обложив первоначально Перемышль[26] со всех сторон. л. 306 об.

---

[18] Ивангородская крепость расположена рядом с польским городом Демблин на правом берегу Вислы, в 70 км от Люблина. Строилась с 1832 по 1882 г. русскими фортификаторами. В начале 1900-х гг. Ивангород приобрел большое значение, став центром железных и шоссейных дорог. В 1913 г. крепость, находившуюся в плохом состоянии, восстановили. В начале Первой мировой войны в районе крепости шли упорные бои между русскими и немецкими войсками. Во время Варшавско-Ивангородской операции крепость была опорным пунктом русских войск.

[19] Ченстохов — город в Верхней Силезии, на юге Польши, на реке Варта. Основан в XI в., в 1370—77 гг. получил статус города. Знаменит чудотворной Ченстоховской иконой Божией Матери, хранящейся в Ясногорском монастыре.

[20] Львов, четвертый по величине город Австро-Венгрии, был взят русскими войсками под командованием генерала Рузского 9 августа 1914 г.

[21] Ренненкампф Павел Карлович (1854—1918) — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В начале Первой мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. Во время Восточно-Прусской операции, допустив нерешительность и преступное бездействие, стал виновником поражения армии в сентябре 1914 г. В Лодзинской операции 1914 г. в результате неудачных действий генерала большой группе немецких войск удалось выйти из окружения, после чего Ренненкампф был отстранён от командования и отправлен в отставку. Проведенное расследование вскрыло его преступные действия в начале войны и злоупотребления по службе. После Октябрьского переворота был арестован и расстрелян большевиками в Таганроге.

[22] Мазурские озера — группа озер в Восточной Пруссии, где в Первую мировую войну проходили кровопролитные сражения: 26—28 августа 1914 г. разгромлена армия генерала А. В. Самсонова, 9—15 сентября русские армии отброшены и вынуждены вернуться в границы России, но при этом было ослаблено давление германских войск на Францию. В сражении на Мазурах 25 января—13 февраля 1915 г. русские войска были окружены и вынуждены начать отступление.

[23] Хиров (Хыров) — город районного значения в Старосамборском районе Львовской области Украины, известен с XIV в.

[24] Самбор — город областного значения в Львовской области Украины, центр Самборского района, известен с XIII в.

[25] Санок — польский город на реке Сан, входит в Подкарпатское воеводство, Санокский повят.

[26] Перемышль — австрийская крепость на территории Польши, самая крупная и наиболее оснащенная крепость в Европе в 1914 г.

И. Лебедев.
Разгром австрийской армии
под Львовом.
М., 1914. Хромолитография

Все сильнее и сильнее разгоралася война,
Поднялася на защиту вся родимая страна.
Начались бои повсюду, полилася кровь рекой,
Потянулись эшелоны тяжко раненных домой.
Понеслись молитвы к Богу за сложивших свой живот,
И осталось уже много вдов несчастных и сирот.
Не одна уже кончину мать оплакала сынка,
Пролилась на белом свете слез великая река.

Поздно вечером из Бреста отошел наш эшелон
И прибыл благополучно в Ивангродский гарнизон.
Здесь ходили уже слухи, что верстах уж в двадцати
К Ивангороду германец скоро должен подойти.
л. 307 И, действительно, гремели//глухо выстрелы вдали,

Будто звуки те неслися из глубоких недр земли.
Нашей части батареи, чтобы дать отпор врагам,
На позициях укрылись по вислянским берегам.
Околодок поместился в полверсте от батарей
При селении Колумба,[27] в доме, где торгаш еврей
Прежде жил с своей семьею, но когда военный гром
Разразился над страною, он покинул старый дом.

Мы устроились в Колумбе, стали жить да поживать,
Да проклятого немчуру к себе в гости поджидать.
И, действительно, недолго ждать заставил басурман.
Вскоре в воздухе немецкий пролетел аэроплан.
Пожужжал и покружился над фортами высоко
И на юго-запад скрылся в синем небе далеко.
Значит, ухо держи востро, //не зевай, вперед гляди л. 307 об.
И непрошеного гостя, как снег на голову, жди.

Что ни день, то все яснее гром орудий долетал,
И все ближе и быстрее хитрый немец наступал,
Словно там, в дали туманной, где синелись небеса,
Издалека заходила небывалая гроза.
«Что-то будет, что-то будет? — в это время думал я.
Уцелеет ли на плечах здесь головушка моя?
Святый Боже, Святый Крепкий![28] Помоги нам, помоги!
С твоей помощью не страшны никакие нам враги.
О, Возбранный Воеводе,[29] победительная Мать!
Помоги врага успешно нам осилить и прогнать!» //

Песня LXIII
л. 308

Ивангород, Ивангород,[30] мне тебя не позабыть
Никогда, пока на свете я, скиталец, буду жить.
Твердо врезалися в память мне окрестные поля,

---

[27] Топоним не определен. Кругов передает в собственной огласовке географические названия и имена, поэтому некоторые реалии идентифицировать не удалось.

[28] «Свя́тый Бо́же, Свя́тый Крепкий, Свя́тый Безсмертный, помилуй нас» — Трисвято́е, или Трисвята́я песнь — молитва, читаемая трижды в начале церковных служб.

[29] Кругов использует зачин кондака Пресвятой Богородице «Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице, но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная». Кондак исполняется, в частности, во время пения канона «На рать идущим».

[30] Ивангородская крепость в настоящее время не используется. Во время Второй мировой войны в крепости располагался немецкий концлагерь для советских военнопленных, в котором было убито около 80 000 человек.

Геройскій подвигъ пол

№7

28-го іюля австрійскій драгунскій патруль выѣхалъ на рынокъ городка
бросились съ косами, топорами и вилами на драгунъ

Неизвестный художник.
Геройский подвиг
польских крестьян.
М., 1914.
Хромолитография

Разрушенные костелы и изрытая земля.
Рвы, воронки от снарядов двухаршинной глубины,
Все следы войны кровавой, разрушительной войны.
Окаймленная лесами Висла, быстрая река,
Опустелые селенья и халупы поляка.
Дерном крытые окопы, загражденья у фортов,
И шоссейные дороги меж насаженных лесов.
И шиповник, и орешник, и ракитовы кусты,
И в полях на перекрестках деревянные кресты.
Две-три мельницы-ветрянки, как чудовища, стоят, //
л.308 об. И вокруг везде землянки для убежища солдат.
А вблизи одна дорога пролегла между болот
Немощеная, в ненастье не пройдет и пешеход.

Все я, все подробно помню, и из памяти моей
Не изгладятся картины пережитых мною дней.
Там я первое крещенье боевое получил,
Испытал немало страха, под угрозой смерти был.
Слышал грохот «чемоданов»,[31] их полет над головой,
Стон товарищей-героев и осколков свист и вой.
Своей собственной рукою много ран перевязал,
И проклятия убийцам про себя не раз сказал.

Сентября двадцать шестого утром, раннею порой
Батареи наши стали все в порядок боевой.
л. 309 В три часа после обеда // вражий выстрел прогремел,
И снаряд шестидюймовый к нам в Колумбу прилетел.
Разорвался у кладбища на дороге столбовой,
И все стихло на минуту, вдруг последовал другой.
Грянул третий и четвертый, вскоре пятый и шестой,
Вся окрестность загудела, закипел горячий бой.
Наши тоже не дремали, состязались со врагом,
Через Вислу из орудий беглым жарили огнем.

Село солнце... Затрещали пулеметы: тра-та-та...
То атаки отбивали у четвертого форта.
Немцы шли густой колонной, сильный делая напор,
Но терпели неудачу, всюду чувствуя отпор.

---

[31] Термин «чемодан» связан с появлением в конце XIX в. от мортирных снарядов крупного калибра, которые можно было увидеть в полете. С началом Первой мировой войны «чемоданом» стали называть крупный артиллерийский снаряд огромной разрушительной силы. В начале XX в. слово «чемодан» означало не только дорожную сумку, но и чехол для оружия, и цилиндрический тубус для хранения личных вещей, входивший в амуницию кавалеристов.

Семь атак отбито было Солигаличским полком,[32]
Поработали на славу и прикладом и штыком.
Много трупов навалили, // но не отдали форта. л. 309 об.
Ночью немцы отступили на свои опять места,
Но гремела канонада вплоть до утренней зари,
И, как молнии, блистали орудийные огни.

В это время были ночи непроглядны до того,
Что на шаг перед собою не рассмотришь ничего.
Как в народе говорится, просто глаз коли рукой
Или нос отрежь любому, не узнает, кто такой.
В небе звезд было не видно, не светила и луна,
Как нарочно, скрыла мраком землю грешную она.
Вереницею неслися в синем небе облака,
Ветер выл и волновалась Висла, шумная река,
Свои волны рассекая о крутые берега, —
Неизменная преграда для коварного врага. //

Нас в то время в околодке было девять человек, л. 310
Доктор, фельдшер, надзиратель и денщик, природный грек,
Ездовых по штату двое, оба кровные братья,
Да служитель околодка, санитар еще и я.
В эту ночь кровавой бойни я дежурил и не спал
В околодке, предо мною слабый свет свечи мерцал,
Все товарищи дремали, прикурнувшись на полу.
Доктор Полюхов пристроил для себя кровать в углу
И заснул на ней спокойно богатырским крепким сном,
Ничего во сне не слыша, что творилося кругом.
А снаряды то и дело с ревом в воздухе неслись
И багровыми огнями с адским грохотом рвались...
Вдруг упал среди Колумбы тот немецкий великан,
Что по-своему солдаты называли «чемодан»,
И, ударясь, разорвался, // что не дай, Господь, слыхать. л. 310 об.
Вырыл страшную воронку шириною сажень в пять.
С непривычки не на шутку перетрусил было я,
Мне казалось, что разверзлась подо мной сыра земля
И в расщелину с халупой я лечу, лечу ничком,
Но опомнился, однако ж, и все понял, дело в чем.

---

[32] Солигаличский 322-й пехотный полк 81-й пехотной дивизии образован 8 июля 1914 г. от 182-го пехотного Гроховского полка, расквартированного в Костроме. Полк в составе дивизии оборонял крепость Ивангород, а затем участвовал в осаде австрийской крепости Перемышль и других сражениях. Далее до окончания боевых действий полк участвовал в обороне Сморгони. Согласно косвенным данным, Григорий Кругов в 1914— 17 гг. служил в этом полку в околотке артиллерийского дивизиона.

Неизвестный художник.
Поражение и бегство германских войск за Вислой 11 ноября 1914 г. <М.>, 1914.
Хромолитография

У меня в ушах звенело, будто эхо от звонка,
И валилась штукатурка на пол с шумом с потолка,
Стекла вылетели, ветер дунул с улицы в окно,
Свет погас, и, как в могиле, сразу сделалось темно.
Все товарищи вскочили и зажгли опять огонь,
Встал и Полюхов, проснувшись, приказал взглянуть, где конь.
Но все было слава Богу, конь по-прежнему стоял
У халупы под навесом и сенцо во тьме жевал.

л. 311 На рассвете гром орудий // затихать немного стал,
Но когда поднялось солнце, враг опять стрелять начал.
Нам в Колумбе становилось невозможно больше быть,
Враг обстреливал селенье и всех мог нас перебить.

Ввиду этого обстрела получили мы приказ
Выбираться околодку из селенья. Мы тотчас
Уложили на повозки медикаменты и в путь,
Друг за дружкой вперегонку, чтоб скорее улизнуть.
Бесполезно не хотелось свою голову сложить
Иль остаток своей жизни искалеченным прожить.

Вскоре выехали в поле, притаились под кустом
Близ разрушенной часовни, за накопанным валом.
Стали рыть себе землянку, кто лопатой, кто киркой,
Поработали до пота топорами и пилой.
Сверху доски положили//и засыпали землей, л. 311 об.
Вниз соломы притащили из сарая сноп большой.
К ночи кончили работу, разместились на земле
На разостланной соломе, как кроты в своей норе.

Ночь вторично наступила, беспросветна, как тюрьма,
На поля и на дороги ниспустилась снова тьма.
Грянет выстрел и осветит, и опять темно-темно,
В нашей крошечной землянке и мокрó и холоднó.
Я от холода прижался в угол, темный и сырой,
Всю шинель свою измазал отсыревшую землей.
Но куда, куда деваться? Ни уйти, ни убежать,
До рассвета непременно что ни будет, надо ждать.
На гнилом обрубке сидя, доктор Полюхов дремал
И во сне о чем-то бредил, всех я слов не разобрал,
Только понял лишь отрывки: //«О, родная сторона… л. 312
Кострома… родимый город… Кровь везде… Война, война…
Мать, отец… простите сына… Так… ну, больше ничего…
Посмотрите в остальные вы на сына своего…
Где ты, ангел мой любимый?.. Ах, не плачь, не плачь, молю…
Подойди ко мне поближе… Я люблю тебя, люблю…»
Бредил он, и жутко было мне от бреда, я не спал.
А вокруг земля тряслася, гром орудий не смолкал:
То гостинцы посылали наши дерзкому врагу,
Не давая укрепиться на вислянском берегу.

Ночью полил дождь обильный, через крышу стало течь,
Налилось воды в землянку, что ни сесть нельзя, ни лечь.
До рассвета буря выла, слышен был снарядов треск,
Висла в берег волны била, издавая шум и плеск.
Немец вновь пошел в атаку//на окопы у форта, л. 312 об.

Но вторично не сбылася его дерзкая мечта.
Он опять с большим уроном задал подлого стречка,
Не заняв земли желанной ни единого клочка.

До рассвета не дождались, из землянки вышли вон,
Всю дождем ее размыло, течь была со всех сторон.
Наконец, на пол-аршина яму налило дождем.
Мы продрогли и прижались у повозок под кустом.

Дождь шумел, ревела буря, длился бой, был сущий ад.
Вдруг над нами прогудело, и ударился снаряд
Недалеко от часовни, издавая страшный треск
И багрово-красноватый неприятный взору блеск.
На мгновенье осветилась непроглядной ночи мгла,
И послышалися звуки как разбитого стекла. //
л. 313 То осколки от снаряда воздух резали ночной,
И чего-то просвистело у меня над головой.

Вдруг донесся из завала еле слышный слабый стон,
Мнилось, будто из могилы долетел до слуха он.
Доктор Полюхов поспешно потайной фонарь открыл,
Захватил меня с собою и к часовне поспешил.
Через пять минут, не боле я при свете фонаря
Еле-еле не споткнулся на убитого коня.
Рядом с ним лежал солдатик, он уж больше не стонал,
Истекая алой кровью, тихо-тихо умирал.
Это был лихой разведчик, мой ближайший земляк,
Батареи номер третий человек, душа-простяк.
У него жена в деревне есть и четверо детей,
Все теперь они остались дома с матерью своей. //
л. 313 об. Никогда теперь уж боле не увидеть им отца,
Он погиб на бранном поле от немецкого свинца.

Он лишился от снаряда по колена своих ног,
И текла из них струями кровь на смоченный песок.
Ни бинтов, ни перевязок он, страдалец, не спросил,
Но, простившись с белым светом, вздох последний испустил.
Пал за милую отчизну в незнакомой стороне...
Я склонился и заплакал, стало грустно-грустно мне.
Мне представилися слезы там, в родимой стороне,
Как придет о нем известье к молодой его жене,
Как малютки его дети спросят плачущую мать:
«Что нейдет домой их тятя? Долго будет воевать?»

А она в ответ им скажет: «Детки, тятя ваш убит,
Не вернется к вам голубчик, он в сырой земле лежит...» //

Мы вернулися обратно, снова сели под кустом, л. 314
Накрыв головы и плечи все палаточным холстом.
Надо было бы палатку от дождя устроить тут,
Но в такую тьму и бурю был напрасен всякий труд.
Так, промокшие до нитки, мы сидели до утра
Без огня во мраке ночи. Наконец, пришла пора,
Когда стали понемногу дождь и ветер затихать,
Где-то звездочка блеснула, стало медленно светать.
На востоке показалась зорьки алой полоса,
Унеслись далеко тучи, прояснились небеса. //

Песня LXIV

л. 314 об.

Снова утро наступило, снова солнышко взошло,
Только радости немного нам, скитальцам, принесло.
Хотя дождика не стало, призатих и ветра вой,
Но орудия гремели, и кипел горячий бой.
День был солнечный и ясный, развели мы огонек,
Отогрелись, обсушились, скипятили кипяток.
Напились чайку, поели размоченных сухарей.
Трое раненых явилось из различных батарей,
Раны им перевязали, но по случаю, что нет
Помещенья, проводили их тотчас же в лазарет.

Ровно в полдень из бригады к нам явился вестовой
С запечатанным пакетом и принес приказ такой:
«Переехать околодку//на селенье Черный Ляс, л. 315
Там занять именье пана под названием "Парнас"».
Путь лежал нам через Вислу к Горчаковскому форту,[33]
Мимо вала крепостного по железному мосту,
Сзади нас кавалерийский шел какой-то эскадрон.
Хитрый немец нас заметил и открыл тотчас огонь
Из тяжелой батареи, чтобы мóсту повредить,
Но обстрел был неудачен, в цель не мог он угодить.
То снаряды упадали в Вислу, сделав недолет,
То рвались позáди моста, совершая перелет.
Впереди нас ехал доктор на буланом скакуне.
Я бежал, шепча молитвы, что пришли на разум мне:
«Боже праведный, помилуй, дай прожить лихие дни,

[33] Горчаковский форт как часть сооружений Ивангородской крепости расположен против главной цитадели на противоположном берегу Вислы.

Ради деточек-малюток заступи и сохрани».[34]
л. 315 об. Вот снаряд передо мною // разорвался на мосту
И осколками поранил часового на посту,
Поразил кавалериста и насмерть его коня,
Но, по чудной воле Божьей, не затронул он меня.

Вскоре грохот орудийный с Горчаковского форта
Загремел, и неприятель прекратил обстрел моста,
Перенес огонь правее, на деревню Черный Поп,
Где работала пехота, загражденья и окоп.
Но и здесь, как очевидно, неудачен был обстрел,
Потому что пехотинцы не прервали своих дел,
А работали спокойно, точно немец не стрелял,
А шутил над ними шутку и снаряды зря кидал.

Поместились мы в именье от обстрела в стороне,
Как богатые на даче, — в целом флигере одне. //
л. 316 Я сварил на ужин кашу в <о>цинкованном ведре,
Все мы досыта наелись, отыскали на дворе
Три мочальные рогожи и устроили постель,
Изголовьем было сено, а покрышкою шинель.
Растянувшись на рогоже и заснув, не слышал я,
Как дрожали в рамах стекла от орудий, и земля
Содрогалась от ударов, но я спал, мертвецки спал,
Если б немцы подстрелили, я б и то не услыхал.
Так устал и истомился за прошедшую я ночь,
Что забыл о всем на свете я на время в эту ночь.

Утром стали к нам больные в околодок прибывать,
Мы открыли околодок и нача́ли принимать.
Вскоре раненые стали в околодок приходить,
Самых слабых отправляли в лазареты мы лечить, //
л. 316 об. А не слабых оставляли в околодке мы тогда
Или на руки давали медика́менты, когда
Был больной еще пригоден свою службу исполнять,
Таковой не принимался, отправлялся в часть опять.

Так мы прожили пять суток в том имении пустом,
В эти дни нас хитрый немец обошел полукольцом.
На шестые сутки стали ночью наши наступать.
Было сыро и туманно, зги во мраке не видать.
Затрещали пулеметы, грянул снова гром побед,
И на воздух полетели кверху тысячи ракет.

---

[34] Кругов использует слова из Великой ектеньи, исполняемой на литургии «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию».

Много крови неповинной этой ночью пролилось,[35]
Много раненых героев перевязывать пришлось.
Видел много я страдальцев — то с простреленной рукой,
То с пораненною грудью, //то с оторванной ногой, л. 317
То с пробитой головою, то лишенных навек глаз,
То простреленные пулёй обе челюсти зараз...
И у всех у них, наверно, так же как и у меня,
Были дома жены, дети и другая им родня.

Неизвестный художник. Санитар на поле боя. Фрагмент хромолитографии «Взятие Галича». 1914

Только утро наступило, стали павших подбирать
И глубокую могилу в поле братскую копать.
Положили всех рядами, друг на дружку, без гробов,
И никто их не оплакал, не сказал прощальных слов.

Я стоял и думал думу, вниз с поникшей головой:
«Для чего это враждуют в мире люди меж собой?
И чего им только надо? Что купаются в крови?
Нет на грешном мире правды, нет божественной любви.
Если б люди жили в мире, перестали б воевать, //
То сокровищ и богатства было б некуда девать. л. 317 об.
Если б в воздух не бросали все нажитое добро,
То, наверно б, одевались все в атлас и серебро.
Вместо хат убогих, тесных жили б в мраморных дворцах
С золочеными дверями, в бриллиантах и цветах
И не знали бы, наверно, что такое нищета.
Ах! Все подло, подло в мире, все обман и суета!..»
Я три раз перекрестился, у могилы постоял,
С павшим братьями простился и в раздумье прошептал:
«Спите, русские герои, храбро павшие в борьбе.

---

[35] Из записей современников сражения: «Вспоминается, с каким напряжением вся Россия следила за маленькой героической крепостью Ивангород, мужественно отбивавшейся от наседавших на нее германских корпусов, форсировавших Вислу и охвативших крепость с обоих флангов. Драматические дни переживались защитниками. Помощи ждать было неоткуда. Под Варшавой шли страшные бои, приковавшие к себе все силы и все внимание. Только одну ничтожную часть могла выделить Ставка в помощь геройскому гарнизону: отдельный морской батальон особого назначения. Он поспел вовремя. В самые критические дни, пережитые крепостью, батальон был уже на месте, сея смерть из своих морских скорострельных батарей, вкопанных в землю. Тут-то <...> и произошел знаменитый предмостный рукопашный бой, решивший участь крепости. Моряки-артиллеристы, свидетели этого боя, рассказывали потом, что это был за ужас! После ураганного огня с той и другой стороны, всю ночь сотрясавшего землю и к рассвету достигшего апогея, вдруг наступила тишина. Но ненадолго: рев орудий сменил поднявшийся со всех сторон дикий вой. То началась атака, перешедшая в рукопашную. Страшную, глухую, звериную. Ни криков, ни выстрелов. Стенания, хрип, стон, скрежет. "Нет, — говорили моряки, — лучше пережить сколько угодно минных атак или наших артиллерийских морских боев, чем одну такую рукопашную!"». — См. http://fortification.ru/forum/index.php?topic=3580.0

Вы стяжали от народа память вечную себе.
Минут годы испытаний, станет снова мир царить,
Но о вас, страдальцах, память бесконечно будет жить». //

л. 318

Песня LXV

Две недели враг лукавый Ивангород осаждал,
Делал частые атаки, отступал и наступал.
Вдруг орудий канонада стала с вечера стихать,
А к полуночи ни звука нигде стало не слыхать.[36]
На рассвете возвратились из разведки казаки,
В штаб поспешно известили, что германские полки
Сняли с города осаду неизвестно отчего,
Верст на сорок или больше нет врага ни одного...
В силу этого известья наши двинулись вперед,
Мы за ними с околодком тоже тронулись в поход.

По разбитому проселку за повозками идем,
Про деревню вспоминаем, про жену, детей и дом.
Повстречалися казаки, человек, должно быть, пять: //
л. 318 об. «Далеко ли, братцы были? Там германцев не видать?» —
«Никого, хоть бы жуклёнок, улетучился злодей.
Знать, досталось на орехи, ну и тягу дал скорей». —
«Так ли, братцы — говорю я, — не хитрит ли он, подлец?
Не сидит ли где в засаде, вот тогда нам и конец.
Окружит да в плен, и баста — всех, как зайцев, заберет.
Немец — хитрая лисица, не разинет, шельма, рот». —
«Никакого немца нету, — отвечал другой казак, —
Верст на сорок». — «Ну и ладно, слава Богу, если так».

Постояли с две минуты и опять вперед пошли.
Вот немецкие окопы на дороге перешли,
Забежали, поглядели с любопытством в блиндажи,
Там валялись две бутылки да немецкие ножи
л. 319 И игральные три карты // да обертки с папирос,
Банок семь из-под консервов и рассыпанный овес.
И еще кой-что валялось, что не нужно никуда,
Только их, немчуров, нету, улизнули, но куда?

---

[36] Кругов описывает свое участие в боях Ивангородской операции, которая явилась одной из самых крупномасштабных операций войны. В ней принимала участие почти половина всех русских сил, действовавших против Германии и Австро-Венгрии. В результате операции русские войска остановили наступление германской и австро-венгерской армий на Ивангород, а затем и на Варшаву и отбросили их на исходные позиции. Несмотря на ограниченный результат, операция представляет собой один из немногих успешных примеров контрнаступления русских войск против германской армии.

**Неизвестный художник.
Бой под Ивангородом.
М., 1914. Хромолитография**

Отступили ли и вправду или спрятались где?
Если спрятались, то скверно, быть не шутке, а беде.
Близ окопов три халупы по бревну растащены:
Вероятно, на постройку блиндажей утащены.
Больше я вблизи окопов не заметил ничего.
Да, признаться, в это время было мне не до того,
Чтоб рассматривать окопы, ведь обоз не дожидал,
Шел вперед, и я к повозке моментально побежал.

Верст тринадцать отшагали, вот селенье и костел,
На привал остановились, здесь и житель не ушел.
Снова спрашиваем: //«Немца не видали ли?» — «Ни-ни, — л. 319 об.
Нам поляки отвечают, — здесь никого, мы одни».

Развели огонь в селенье, заварили чай и пьем,
Ничего не замечаем, что нос к носу со врагом.
Вдруг как будто донеслося мне до слуха: тра-та-та…
Что такое это значит? Неужели то мечта?

Нет, вторично повторилось! Не обманывает слух.
Вдруг далеко за селеньем где-то грянуло: бух! бух!
И над нами разорвались две шрапнели высоко,
Значит, снова кровью пахнет, хитрый враг недалеко,
Отодвинулся до леса и засаду учинил.
Как я думал, так и вышло: нас злодей перехитрил.
И, пожалуй что, в ловушку мы попались бы как раз,
Если б немцы только знали точно, сколько было нас. //
л. 320 Но они того не знали и ошиблись много в том,
Что не близко допустили нас и встретили огнем.
Не случись такой ошибки, нам бы[37] всем несдобровать:
Или в плен бы мы попали, или б мертвыми лежать.
Но Господь от лютой смерти сохранил незримо нас,
Видно, время не настало, не пришел урочный час.

Через пять минут, не боле, у костела под горой
На открытом чистом поле завязался снова бой.
Немцы слева наступали на пехотный наш отряд,
Всех шрапнелью закидали, пули сыпались, как град.
Пулеметы затрещали, точно хохот завели,
Полетели, зажужжали пули роем, как шмели.
Обошлось не без потери с их и с нашей стороны,
Но без крови быть не может ни сраженья, ни войны. //
л. 320 об. Солнце село. День осенний стал, как свечка, угасать,
Околодки и обозы наши стали отступать.

Мы отправились обратно, по тому ж опять пути.
Нам приказано скорее, но нельзя было идти:
По дороге шли обозы в беспорядке, в три ряда,
По краям с водой канавы, не объедешь никуда.
Воробьиными шагами приходилось отступать,
Дернут лошади и станут, то подвинутся опять
Не скорее черепахи. Сзади слышится: «Но, но...
Что стоишь, живее трогай! Дожидаются давно!» —
«Да куда же я поеду, — раздавалося в ответ, —
Впереди меня повозки, что ж ты, видишь или нет?
Не ослеп ли, в самом деле? Так возьми, очки надень». —
«Что ж, не диво и не видеть, ведь сейчас не белый день». //
л. 321 Размесили на дороге грязь — не вытащить и ног,
Что, того гляди, оставишь с ног какой-либо сапог.
Крики, шлепанье по грязи, скрип повозок, стук колес,
Все слилося в общем гуле в беспорядочный хаос.

[37] «Бы» приписано поверх строки.

Ночь настала, как в могиле, зги не видно пред собой!
А вблизи земля тряслася и гремел жестокий бой.
На дороге нам попались пять иль шесть гвардейских рот,
Шли они правее к флангу, неприятелю в обход.
Весь обоз остановили, пропустили их вперед,
А потом по-черепашьи все опять пустились в ход.
Доктор Полюхов, в канаву сбитый, с насыпи слетел
На коне, но, слава Богу, не ушибся, усидел.
У меня сапог свалился, в глину я попал ногой,
Коль фонарь бы не случился, то остался бы босой. //
В час полуночи глубокой возвратились мы опять л. 321 об.
В то же панское именье и рассвета стали ждать.

Неизвестный художник. На берегах Вислы. М., 1914. Хромолитография

К утру бой переменился, наши хитрого врага
Обошли весьма удачно ночью с правого фланга
И прижали в реке Висле в перелеске у болот,
Так что дело обещало нам счастливейший исход.
Немцы храбро отбивались, не хотели уступать,
Но не выдержали натиск, скоро стали отступать.
Пробил час лихой работы нашим русским казакам,
Покололи они немца и погнали по пятам.
Много в плен врагов попало и легло вблизи болот,
Взяты ружья, пулеметы и немецкий бомбомет.

Так закончилась осада Ивангорода. Дней пять
л. 322 Мы на отдыхе стояли, // но пришел приказ опять
Командиру нашей части и другим офицерам,
Стало доктору известно, а от доктора и нам:
За австрийскую границу всей бригаде выступать,
Неприступную твердыню — Перемышль австрийский брать.[38]

Снова сели на машину и отправилися в путь,
С австрияками подраться и на Австрию взглянуть.
Едем снова под снаряды, но не тужим ни о чем,
Для российского солдата смерть и горе нипочем.
Знают русских за границей турок, немец и поляк,
Пусть померяется силой и узнает австрияк.
Через горы путь проложим, через реки перейдем,
Шпалы с рельсами положим и понтоны наведем.
Мирных жителей не тронем и ничем не оскорбим, //
л. 322 об. А с оружием восставших никого не пощадим.

Песня LXVI

Ах ты, лютая неволя, ты куда не занесла?
Ах, железная дорога, ты куда не завезла?
Покатался на машине я по разным городам,

[38] Перемышль ныне находится на территории Польши. До XII в. входил в состав Киевской Руси, потом в состав Польского королевства и Речи Посполитой. С 1772 г. — в составе Австрийской Галиции. В конце XIX в. Перемышль был превращен в первоклассную крепость с сорока четырьмя пушечно-пулеметными фортами и с периметром обороны 45 км. «В то время Перемышль являлся крупнейшей крепостью Европы, укрепленной в соответствии с новейшими достижениями инженерно-технической мысли, и обладал: электроснабжением, радиосвязью, прожекторами, вентиляцией, лифтами, помпами и прочим. Кроме того, в крепости располагалось свыше 60-ти артиллерийских фортов и батарей, оснащенных современными артиллерийскими орудиями большого калибра. Гарнизон крепости составлял 130 тысяч австро-венгерских солдат, в городе проживало около 18 тысяч жителей». — См: http://www.diletant.ru/excursions/19894953.

Неизвестный художник.
Бой на австрийской границе.
М., 1914. Хромолитография

Но себе я в жизни счастья не сыскал ни здесь, ни там.
Недоступно, невозможно в жизни счастье бедняку,
А тем более простому из деревни мужику.
Много в мире самородков по таланту и уму,
Только люди их не ценят и не верят никому.
Есть дельцы, творцы искусства, есть работнички земли, //
Есть певцы народных песен у сохи и в наши дни. л. 323
Только выбиться из мрака удается им не всем,
Поживут и умирают, не замечены никем.

Вот и я на белом свете для поэзии рожден,
Но, к великому несчастью, даже в школе не учен.

И воспитывался тоже посреди таких людей,
Где не верили в призванье и не ведали идей.
Во мне рано пробудилась о поэзии мечта,
Но нужда ее забила, затоптала нищета.

Уж вы, ноги мои, ноги, для чего даны вы мне?
Потоптали вы дороги в чужой дальней стороне.
Много я по белу свету в жизни места обошел,
Но прямой пути-дороги для таланта не нашел.
л. 323 об. Горё, труд, печаль, невзгоды — //просто некогда вздохнуть,
Так уж мне ль без гроша денег отыскать желанный путь...
Бури, вьюги, непогоды взяли силу у меня,
Кровь повыпили походы, — вот она, судьба моя.
И теперь я снова еду, только счастье ль добывать?
Нет, на это время нету, смерти гонят нас искать.
Впрочем, русские не тухнут, умирать идут, смеясь,
Пляшут, скачут под обстрелом, умирают, веселясь.

Разместились мы в вагоне, на вещах своих сидим,
О событиях последних меж собою говорим.
Фельдшер Савинов газету только-только прочитал,
Положил перед собою и рассказывать нам стал:
«Ну, ребята, дело плохо, миру долго не бывать,
Вот еще неверный турок начинает воевать,
л. 324 Уже стычки, пишут, были, //а на этих днях напал
На один приморский город, с броненосцев обстрелял».[39]

«Не мала и штука турок, — проворчал суровый грек, —
Все равно что слон на моську, а не то что человек...
Ни снарядов, ни орудий, до сих пор клиновики,[40]
Ему с русскими бороться, шаровары широки.
Заплетется в шароварах и споткнется, — ха, ха, ха!
Это все равно медведя укусила бы блоха,
И то было бы больнее, чем от турка будет нам,
Как разок-другой намылим, не полезет он и сам».

«Ну, не смейся прежде время, — молвил старший ездовой, —
Немец все ему доставит да и сунет с нами в бой,
А в тылу своих поставит, — и не хочет, да пойдет,
Если некуда деваться, ни назад, ни наперед! //

[39] 27 октября 1914 г. турецкие корабли обстреляли Одессу и Севастополь. 2 ноября Россия объявила Турции войну.

[40] Т. е. воюющие саблями — клинками.

Неизвестный художник.
Взятие Львова.
М., 1914. Хромолитография

Как ни кинь, поддержка немцу, новый фронт теперь держи. л. 324 об.
Тянем, тянем, да, пожалуй, не порвались бы гужи!
Турок это не китаец, азиат, головорез,
Ему мирно не сидится, вот он в драку и полез».

«Экий враг неугомонный, — снова Савинов сказал, —
Надоел уж он России, сколько раз уж воевал.
Наши счет-то потеряли, сколько били его раз.
Слава Богу, обнищал уж — от кого как не от нас?
Нет, поди ж ты, вот неймется, снова начал воевать,
Австрияку и германцу захотелось помогать».
«Ну и пусть! Не наше дело, есть правительство на то», —
Перебил я. — «Это правда, — молвил грек, — и я за то! л. 325
Прежде Турция-то, братцы, очень сильная была, //

Да и то Россия драться, не робея, с нею шла.
Интересную легенду от казаков я слыхал,
Как один салтан турецкий царю русскому прислал
Ядовитую насмешку и угрозу прежде, встарь,
И чего на то ответил басурману государь!»
«Расскажи-ка, расскажи-ка», — попросили все мы враз. —
«Отчего же, это можно, так и быть, скажу для вас».
Он откашлянулся сперва, с табаком кисет достал,
Закурил большую трубку и рассказывать начал:
«Рассерчал салтан турецкий на российского царя
И прислал ему в насмешку меру маку, говоря:
"Вот, займись-ка, сосчитай-ка: сколько будет здесь семян,
Столько войска я имею для гяуров-христиан.
л. 325 об. Мы пойдем на вас войною, //всю Россию разобьем,
Уничтожим ваши храмы, в плен семейства уведем.
Уши, пальцы им отрежем, чтобы злато не снимать,
И с ушами на базарах будем серьги продавать.
Дочерей запрем в гаремы, а на ваших сыновьях
Станем ездить за водою и работать на полях.
Если вы не покоритесь, не заплатите нам дань,
То готовьтесь на защиту, выходите все на брань.
Я салтан, сын Магомета, дядя солнца, брат луны,
Все российские гяуры поклоняться мне должны".
Усмехнулся на угрозу православный государь
И послал ему стрюк перцу, говоря: "Смотри, свинарь,
Ета штучка невелика, в ней немного и семян,
А попробуй, раскуси-ка, вкусно ль будет, басурман.
л. 326 С русских взятки очень гладки, ну-ка, вздумай, их спроси, //
Так турнем мы — без оглядки, только ноги унеси.
Видно, нехристи забыли, что стальной российский штык
По десятку вас да больше на себя сажать привык.
По-суворовски уважим, не ударим в грязь лицом,
Не гордися, полумесяц, не хвались перед крестом.
Он есть сила и победа, и защита нам в бедах,
Он исламу, Магомету и другим врагам на страх.
Есть у нас для вас орехи, попытайся, раскуси,
Выходи на бой, собака, да пощады не проси"».[41]

Так мы ехали в теплушке, кое-чем развлечены,
И все дальше удалялись от родимой стороны.
Стали люди нам встречаться в разноцветных кожуках,

---

[41] В основе пересказанной Круговым казачьей легенды лежит сильно переработанная легендарная переписка запорожских казаков с турецким султаном.

Неизвестный художник.
Генерал-адъютант
Н. В. Рузский, герой
Львова.
М., 1914.
Хромолитография

В длинных вышитых рубахах, в неуклюжих чеботах.
Это беженцы, русины, разоренные войной,[42] //
Приютились на окрайне под крыло Руси родной. л. 326 об.
Они русских не боялись, а считали за своих,
Да и наши не чуждались и не злобились на них.
Они жили русской жизнью завсегда, и до сих пор
Не совсем еще забыли наш российский разговор.

---

[42] Русины («угроруссы», «карпатороссы», «рутены») — группа восточнославянского населения Карпат, проживающая в Закарпатской области Украины и на востоке Словакии. Русинов относят как к украинцам, так и к отдельной этнической группе. Часть самих русинов и русинских организаций считают себя отдельным народом, часть — украинцами. С 1914 г. австро-венгерские власти осуществляли жесточайшие репрессии против русинского населения в Карпатах. Не менее 20-ти тысяч русинов были заключены австрийскими властями в концентрационные лагеря Талергоф и Терезин. По некоторым оценкам, австро-венгерские власти уничтожили во время Первой мировой войны не менее 60-ти тысяч русинов, подданных Австро-Венгрии: стариков, мужчин, женщин, детей. Массовые преследования вызвали рост антиавстрийских и антивенгерских настроений среди карпатских русинов, возлагавших надежды на русскую армию.

Ведь по племени русинов, по их вере и церквам
Вся Галиция издревле есть сестра меньшая нам.

Вот австрийская граница, остановка. Отдохнуть
На часок остановились и опять в далекий путь.
Все поля да плоскогорья, и куда ни кинешь взгляд —
Всюду белые халупки невысокие стоят.
Вот на станции столпилось много хлопцев и дивчат,
С любопытством на проезжих русских воинов глядят.
Все дивчата в сарафанах, шали красные на них, //
л. 327 Улыбаются солдатам, а солдаты манят их.
Как знакомых нас встречают, точно жили с нами век,
Значит, знают за границей, что за русский человек.

Плоскогорья стали выше, паровоз, спеша, пыхтит,
Прямо к городу ко Львову артиллерию катит.
Будет выгрузка во Львове, там немного отдохнем,

Неизвестный художник.
Взятие русскими войсками Львова.
М., 1914. Литография

Разгромъ австрійской арміи подъ Львовомъ.

Неизвестный художник.
Разгром австрийской армии
под Львовом.
М., 1914. Хромолитография

А потом до Перемышля по проселочной пойдем.
Что за чудная погода, здесь теплее в много раз,
Чем у нас в родной России, а тем более сейчас:
Осень хмурая, ненастье, снег валится на поля,
Замерзают уже реки, и белеется земля.
Да, у нас после Покрова уже близко холода,
И зимой повсюду пахнет почитай что завсегда.

Уже солнце закатилось, //ночь раскинула покров, л. 327 об.
Когда прибыли к вокзалу мы в австрийский город Львов,
Где назад всего лишь месяц восемь суток длился бой,
И австрийцы не сдержали, сдали русским город свой.
На вокзале было тихо, лишь ходили патрули
Да, как звездочки, мерцали кой-где тусклые огни.
Вот вагоны растворились, и мы начали опять
Медикаменты и вещи постепенно выгружать.

Песня LXVII

Древний город князя Львова, как ты мил и как хорош!
По красе своей нарядной ты на Киев много схож.
Электричество, трамваи, магазины, чистота,
л. 328 И театры и бульвары, //шик и блеск и красота,
Есть на что полюбоваться, есть, где время провести,
Приобресть, чего угодно, и копейку извести.
Правда, с деньгами на свете где угодно проживешь,
Но ведь есть места такие, и с деньгами пропадешь.

Поместили нас во Львове всю бригаду в частный дом,
Как дворец пятиэтажный, с белым чистеньким двором.
Разместились мы удобно, отыскал я даже спать
Себе старую на кухне деревянную кровать,
Но до самого рассвета не сомкнул своих очей
От того, что от походов развелось немало вшей.
Утром чаю мы согрели и сварили себе суп
Из консервов и картофля с прибавленьем разных круп.
Чаю попили, поели, стал фельдфебель вызывать:
л. 328 об. «Кто идти желает в баню? //Собираться, не зевать!»
Собралися под команду, в баню париться пошли,
Там белье перестирали и сушить развесили.
Славно я тогда помылся и попарился в пару,
Без пощады пережарил вшей-мучительниц в жару.

Возвратились в помещенье, начался прием больных.
Всех в порядке осмотрели, отпустили снова их.
После этого спросились мы с Савиновым сходить
Посмотреть порядком город и кой-что себе купить.
Походили, погуляли, где успели и могли,
На базаре побывали и в магазины зашли.
Я купил себе папаху, сапоги да из белья,
Одну теплую рубаху — все за двадцать два рубля.[43]

В это время австрияков пленных городом вели, //
л. 329 Человек побольше сотни, посмотреть и мы пошли.
Все легко они одеты, но смеются, не грустят,
Видно, плена не боятся. Меж собою говорят
Что-то вроде тары-бары, ничего не разобрать.
Это, верно, не русины, тех возможно бы понять.
«Кто ж они, поляки, что ли?» — думал я. Но нет, не то,

---

[43] В период войны в связи с ростом инфляции жалованье нижних чинов российской армии в 1917 г. было доведено до 17 руб. — при этом в 1914 г. сапоги стоили примерно 6–10 руб., говядина (1 кг) — 24 коп., масло коровье (1 кг) — 58 коп., папиросы (10 шт.) — 3 коп.

От поляков я бы понял хоть немного, кое-что.
«Кто же эти люди будут? — я спросил о них солдат. —
Чехи, что ли, иль словаки?» — «Нет, венгерцы! — говорят. —
Взяли их у Перемышля в плен при вылазке ночной,
Вот и гоним, как баранов, вглубь России на спокой».
Посмотрели мы на пленных, и пошли к своим опять,
Время к вечеру склонялось, скоро ужин, да и спать.

Октября двадцать второго, только начало светать, //
Мы с бригадой изо Львова стали шагом выступать л. 329 об.
Направлением на запад вдоль по улице большой,
И стуча и громыхая по булыжной мостовой.

Вышли за город, вступили в лес сосновый, а потом
Перешли через окопы прежней битвы со врагом.
Шли деревнями, полями, по буграм и по холмам,
Проходили вброд реками по желтым мелким пескам.

**Неизвестный художник.
Бой под Сандомиром.
М., 1914. Хромолитография**

Попадалися деревни, разоренные дотла,
Где, подобно урагану, сила русская прошла.
Австрияки, отступая, чтобы русских задержать,
Иногда свои деревни начинали сожигать.
Много по миру пустили и детей и матерей,
Наши русские солдаты им давали сухарей,
Чаем с сахаром поили, помогали, кто чем мог, //
л. 330 Но ведь это капля в море, всем не дашь один кусок,
А и дашь, его не хватит, всех несчастных не спасешь,
Не накормишь, не оденешь, слез горючих не утрешь.

Стали в горы подниматься и опять спускаться с гор.
Как их много, много стало, не окинет их и взор.
Вон они в дали туманной, точно призраки, стоят —
Это отпрыски предгорья, дети будущих Карпат.
Может быть, и на Карпатах побываем, — думал я, —
Где прикажут, там и станем, теперь воля не своя.[44]
Говорят, в Карпатах плохо, а особенно зимой:
Бури, вьюги, непогоды, воздух вредный и сырой.
А весною там привольно — хорошо, тепло, кругом
Все цветет и зеленеет, словно как в раю земном.
С гор, на солнышке сверкая, быстро катятся ручьи, //
л. 330 об. И все ночи, не смолкая, распевают соловьи.
Правда ль это, я не знаю, впрочем, там такой климáт,
И вполне поверить можно, что солдаты говорят.

Вот река и деревенька. «Стой! Бригада, отдыхать,
Лошадей разамуничить, здесь придется ночевать.
Кашевары, дров тащите, ужин чтоб живой рукой
Был готов, а ездовые лошадей на водопой.
Знай обязанности каждый, здесь не дома на печи,
Всякий сам о себе думай и как лучше хлопочи!»

Так сказал, остановляясь, наш бригадный командир
Генерал-майор Коханов,[45] обожаемый кумир
Для меньшого офицерства, по стратегии делец,
По находчивости гений, для солдат родной отец.

---

[44] Русские войска перешли Карпаты и вошли в Венгрию 27 сентября 1914 г.

[45] Коханов Николай Васильевич (?—1931) — генерал—майор с 1908 г., окончил Кадетский корпус (1895), Николаевское инженерное училище (1898), Николаевскую инженерную академию (1904). Ординарный профессор Академии Генерального штаба и экстраординарный профессор Николаевской инженерной академии. Был командиром 43-й артиллерийской бригады 6-го армейского корпуса во время Первой мировой войны. Служил у Колчака. В 1922 г. взят в плен большевиками во Владивостоке. Служил в РККА, будучи профессором военной академии в Ленинграде. Репрессирован в 1931 г.

Мигом все зашевелились, //заблистали огоньки, л. 331
Озарился, оживился берег зеркальной реки.
Застучали топорами, только дела подавай,
Через полчаса, не боле, у костров все пили чай,
Говоря между собою о деревнях, о семьях,
О женах, что там остались, и о добрых матерях.

Под открытым синим небом эту ночь мы провели,
Всю деревню исходили, но ночлега не нашли.
Уж она была занята Богодуховским[46] полком,
И везде, везде набита вся солдатами битком.
И в халупах, и в сараях, и вверху на чердаках
Было много пехотинцев, точно зерен в огурцах.

Ночью холодно, продрогли… Утром тронулись опять,
День прошли, вторично вечер, снова надо ночевать, //
Но на этот раз в халупе молодого поляка́ л. 331 об.
Ночевали на соломе, а поутру молока
Нам дала хозяйка к чаю, угощая, как гостей,
И в дорогу надавала доморощенных сластей,
Груши, яблоков и сливы, мы ж за это дали ей
Каравай ржаного хлеба и солдатских сухарей.

Всех стоянок и ночлегов невозможно описать,
Их в походах было столько, что не в силах сосчитать.
Ночевали в чистом поле, ночевали и в лесах,
Ночевали, где придется, в городах и деревнях.
Впрочем, в этих всех привалах сходство есть между собой,
И читать неинтересно, вам, читатель дорогой,
А поэтому я стану свои песни сокращать
В тех местах, где не припомню, и пробелы позволять. //

Шли на Самбор и на Хиров[47] по местечкам, хуторам, л. 332
С криком в горы подымались, помогая лошадям.
Шли местами даже ночью — тихо-тихо, ни гугу —
И все ближе подвигались к Перемышлю и врагу.
Вот какое-то местечко, все буквально сожжено,
А за ним на чистом поле много тел погребено.
Здесь недавно десять суток беспрерывно бой кипел,

---

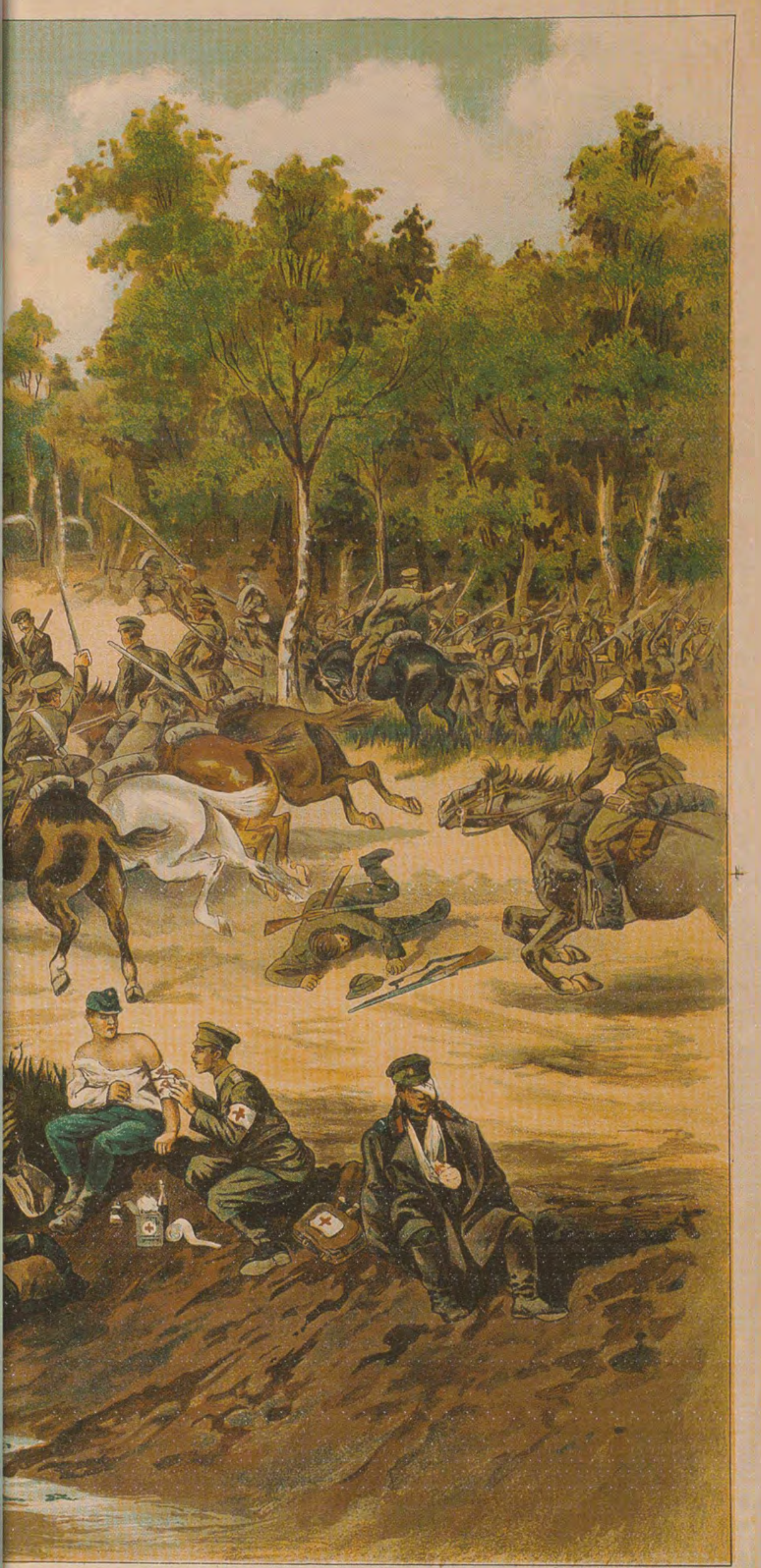
[46] Богодуховский полк входил в состав 69-й пехотной дивизии, сформированной в июле 1914 г. из кадров 31-й пехотной дивизии, входившей в состав 3-й армии Юго-Западного фронта. Участвовал во многих сражениях 1914—17 гг. (Львов, Перемышль, Карпаты, отход из Галиции, окопная война Северного фронта).

[47] Хиров, Самбор — см. примеч. 23 и 24.

ВЗЯТІЕ ГАЛ

№54

Въ то время, когда армія ген. Рузскаго наступала на Львовъ, находящаяся на ея лѣвомъ флангѣ армія ген. Брусилова наступала на Галичъ. Галичъ сильное укрѣпленіе. Природныя условія, кромѣ того, представляли прекрасную позицію не менѣе армія ген. Брусилова, преодолѣла гром дныя труднос



Неизвестный художник.
Взятие Галича.
М., 1914. Хромолитография

„Не пугайтесь милые... Мы не нѣмцы...“

Не пугайтесь насъ казаки мы съ Дона,
Всюду весело живемъ—что въ гостяхъ, что дома.

Трогать Васъ не станемъ—что намъ за охота,
Такъ что ни къ чему—вся ваша ревота!

Соб. изд. Типо-лит. ЧЕЛНОКОВА Москва. Мясницкая, Б. Златоустовский п., д. 6. Тел. 5-14-28.

Нѣтъ больше резни между братьями!!!

Литвинъ, по[illegible] еврей и малороссъ,
Протянимт[illegible] другу руки.

Забудемъ прошлую вражду и муки—
Сомкнемся на врага въ въ одинъ коллосъ!

Соб. изд. Типо-лит. ЧЕЛНОКОВА Москва. Мясницкая, Б. Златоустовский п., д. 6. Тел. 5-14-28.

А вблизи гора чернеет, австрияк за ней сидел,
Но не выдержал атаки и поспешно убрался,
Бросив пушки и обозы, в Перемышле заперся.

Все яснее и яснее стало выстрелы слыхать.
Вскоре станем на стоянку и приказа будем ждать.
В Нижинковичи[48] в местечко нам приказано идти,
Здесь и будет по маршруту окончание пути. //
Разместимся в нем на время, постоим денек-другой, л. 332 об.
А уж там куда прикажут — на позицию и в бой.

А. П. Апсит (Апситис).
1. «Не пугайтесь, милые... Мы не немцы...».
2 . Нет больше розни между братьями!!!
М., 1914. Хромолитография

Песня LXVIII

Наступил ноябрь, природа к человеку стала злей,
Слякоть, сырость, непогода, что ни день, то холодней.
Здесь не как у нас в России, в редкий год, когда земля
От морозов замерзает до начала декабря.
Да и вся зима проходит не холодная, а так,
Как в народе говорится, ни домой, и ни в кабак.
Не поймешь, чего творится, — ни зима и ни весна,
Дождик льет, и снег валится, грязь и грязь везде одна.

Нижинковичи местечко — нечто вроде городка: //
Две-три улицы кривые, площадь, церковь и река, л. 333
Восемь лавок, две часовни, много каменных домов
И не менее полсотни есть еврейских ларьков.
Всякой всячиной торгуют в них евреи-торгаши
И умело наживают ото всех себе гроши.
Население местечка из различных наций смесь,
Есть поляки меж евреев, и русины тут же есть.[49]

Когда прибыли в местечко мы, оно уже давно
Казаками и пехотой было все запружено.
Среди площади горели небольшие костерки,
И на палочках висели небольшие котелки.
Всюду жарили, варили и у этого ж огня
Занималися просушкой перемытого белья.

---

[48] Нижинковичи (Нижанковичи) — посёлок городского типа в Старосамборском районе Львовской области Украины. Известен с XIII в.

[49] Во время Первой мировой войны в городах на территории оккупированной российскими войсками Галиции были расклеены приказы, в которых сообщалось о «явно враждебном отношении евреев» к русской армии. После того как в мае 1915 г. австро-венгерские и немецкие войска начали наступление в Галиции, российское военное командование депортировало десятки тысяч евреев из прифронтовой полосы во внутренние районы страны.

Вдоль по улице обозы за реку по броду шли, //
л. 333 об. Где-то за лесом гремели чьи-то выстрелы вдали.

Я пошел для околодка помещение искать,
Обошел халуп немало, счетом ровно двадцать пять,
И едва-едва свободный уголок нашел один
Недалеко от часовни, где с семьею жил русин.
Когда я в его халупу дверь тихонько отворил,
Он сидел на табурете и тютюн, дымя, курил.
У стола в углу сидела молодая его дочь,
Круглолица, черноброва, очи темные, как ночь.
Она плакала о чем-то, наклонившись над столом,
Утирая свои слезы тонким белым рукавом.
Поздоровавшись по-русски, я хозяина спросил:
«Не стоят у вас солдаты?» — «Нет, — русин проговорил, —
Человек пятнадцать было, да сегодня все от нас //
л. 334 За реку ушли с обозом только-только что сейчас».
«Ну и ладно, слава Богу, никого же, пан, в свой дом
Не пускай солдат, мы живо к тебе с фельдшером придем.
Подведем сюда повозки, — я скажу там ездовым, —
Околодок здесь устроим, если долго простоим.
Заболеешь, так полечим, с нами доктор завсегда,
Есть повязки и лекарства. Понял, пан, меня?» — «Да, да,
Понял пана!» — «Ну, а это кто? — спросил русина я,
Показав рукою в угол. — Дочка, что ль, она твоя?»
«Дочь!» — «О чем же она плачет? Иль случилося чего?» —
«Горё, ой, лихое горё, не дай, Боже, пан, его.
Все спалили, разорили, негде голову склонить,
Мужа в крепости убили, как теперь ей будет жить? //
л. 334 об. Вот пришла ко мне и плачет, чем помочь? У самого
Только вот халупа эта есть, а больше ничего.
Все мадьяры позабрали, в Перемышль когда прошли:
Хлеб, и сено, и солому, и корову увели.
А семья четыре сына, самый старший десять лет,
Да она, вот эта дочка, да старуха дряхлых лет,
Да жена еще калека, пулей в ногу ранена.
Вот и думай, что тут делать? А все сделала война,
Всех буквально разорила. Вот хотя бы моя дочь —
Прямо голая осталась, и не в силах я помочь.
Нет ни денег и ни хлеба, а ведь жаль, свое дитя!
Эх, уж, верно, прогневили люди Бога, не шутя!
Коль не русские б солдаты, так бы умерли совсем,
Только вот они и кормят все семейство кое-чем.
л. 335 То дадут буханку хлеба, //а то щей из котелка

Или супу, или каши, так и кормимся пока.
А вперед, вперед что будет, знает только один Бог,
Ой, ты, лихо, ой, ты, горё! Тяжко стало жити, ох!»
И русин, вздохнув, заплакал, с грустью глядя на нее…
«Да, на свете много горя, много слез, — подумал я, —
И никто их не осушит, ни в какие времена,
Только смерть успокоенье человеку даст одна».

Возвратился я к повозкам, чтоб товарищам сказать
О найденном помещенье и скорей его занять.
Переехали к русину, поместились в его дом —
Хоть тесненько, да тепленько, все не в поле под кустом.
Трое суток простояли, а потом опять пошли,
Батареи еще прежде на позиции ушли. //
Нам приказано за ними с околодком выступать л. 335 об.
И в деревне Дроздовицах[50] близ позиции вставать.

Песня LXIX

Все три дня, пока стояли в Нижинковичах мы, лил
Дождь и глинистую почву чрезвычайно растворил.
С шумом мутные потоки с гор в лощины понеслись,
Распустилися дороги, реки шире разлились.
Надо было ехать бродом на ту сторону реки.
Мы повисли на повозках, ухватившись за задки.
Та повозка, на которой, ухватившись, я висел,
Наскочила вдруг на камень и крючок не уцелел.
Посреди реки широкой // оторвался вдруг задок, л. 336
И я более держаться за него уже не мог.
Сорвался и накупался чуть не по уши в воде
И едва не захлебнулся, налилась вода везде —
В сапоги и в шаровары, даже в сумку на боку,
Унесло осьмушку чаю и полфунта табаку.
Но, однако ж, слава Богу, обошлося без беды,
И я выбрался на берег, как мочалка из воды.
Сел на камень и разулся, стал шинель с себя снимать
И штаны да поскорее из них воду выжимать.

Я продрог и от повозок с лишком на версту отстал,
Наконец, опять оделся и в погоню побежал,
Чтоб догнать скорей повозки и товарищей своих.

---

[50] Дроздовицы (Дроздовичи) — село в Старосамборском районе Львовской области Украины.

Но устал, убавил шагу, не догнав далеко их,
л. 336 об. Ноги мокрые скользили, //липла грязь на сапоги,
И чрез это замедлялись мои скорые шаги.

Чтоб настигнуть поскорее мне товарищей своих,
Я надумал перерезать поперек дорогу их
И пошел одной тропинкой через гору прямиком,
Всю поросшую лиственным, молодым еще леском.
Мне попались на тропинке деревянные кресты
И наложенные в кучи облетевшие листы.
Из-под них торчали руки мертвецов, и я ногой
Развалил сухие листья и увидел пред собой
Неприятную картину: с разорванным животом
На земле лежал австриец вверх искаженным лицом,
Руки в стороны раскинув, а раскрытые глаза,
Мне казалось, устремлены были прямо в небеса.
л. 337 Может быть, он, умирая, //муки страшные терпел
И того, кто там, на небе, умолить в скорбях хотел,
Чтоб пришел к нему скорее ангел смерти дать конец
И чтоб душу упокоил его праведный Творец.

Вот другой еще убитый с раздробленной головой,
Знать, осколками снаряда, и с оторванной рукой,
Третий в грудь пробит навылет, без шинели и сапог,
Вероятно, австрияки сняли их с холодных ног.
Рядом с ним валялись ранцы, две лопатки и кинжал,
Голова, нога и челюсть... Я взглянул и побежал
Поперек горы тропинкой, что хватило моих сил, —
Мне казалось, что за мною кто-то гнался и ловил,
И шептали под ногами пожелтевшие листы:
«Уходи скорей, безумец, не тревожь усопших ты».
л. 337 об. Но на самом деле сзади//не бежало никого,
Лишь одно воображенье было, больше ничего.

Здесь недавно у местечка, дней до нас всего за пять,
Дрались с нашими австрийцы, замышляя фронт прорвать
И уйти из Перемышля, но мечты их не сбылись,
И они, терпя потери, снова в крепость убрались.

Вероятно, австрияки так спешили отступать,
Что товарищей убитых не успели закопать,
А засыпали листами павших братьев своих прах
Незаботливо, небрежно, как попало впопыхах.

У российского народа поговорка одна есть,
Если три версты обходом — прямиками будет шесть.
Тоже вышло и со мною: я спешил догнать своих,
Но тропинка версты на три//увела левей от них. л. 338
Я товарищей буквально всех из вида потерял,
К заграждениям пехотным, к золотой горе попал.
Мне пришлось идти не близко до деревни Дроздовиц,
И <я> спрашивал дорогу у солдат и вольных лиц.

Шел я полём, полосами, по окопам и по рвам,
Шел по вырубленной роще, перепрыгивал по пням.
Здесь обстреливалась местность, и снаряды надо мной
То и дело пролетали, издавая свист и вой,
Разрывались то высоко, то далеко впереди,
То правее, то левее, то в окопах позади.
Вот упал один тяжелый недалеко от меня,
Поднял столб густого дыма, залепил землей меня,
Но не ранил, еще, видно, не моя была судьба,
Или чья-нибудь до Бога//за меня дошла мольба. л. 338 об.

Я пришел на это место, где снаряд сейчас упал,
Обошел вокруг воронку и шагами сосчитал.
Сорок два шага большие насчиталися кругом,
В яму можно бы поставить всю избу мою с двором.
«Боже, Боже, — я подумал, — человек насколько зол.
Что придумал друг на друга? Что для смерти изобрел?
Никакого в мире зверя так не травят и не бьют
И оружия такого ни на что не создают,
Кроме как на человека, потому что сам он зол,
Хуже зверя, хуже тигра лютый хищник!» — и пошел
Я от вырытой воронки, как от страшного пруда,
Где сочилась ключевая серо-мутная вода.

Вот какое-то именье//на пути передо мной, л. 339
А вблизи его деревня блещет яркой белизной.
Словно барыни, халупки набеленые стоят,
Крыши, крытые железом, об избытке говорят.
Видно, жители исправно, не по-нищенски живут,
Но туда летят снаряды, разоряют их и бьют.
Не виновен мирный житель, но страдает здесь и он —
И обманут, и обобран, и расстрелян, и спален.
И за что, за что, скажите? Что ж, он грешен, а мы нет?
Люди, люди, осмотритесь! Кем устроен белый свет?

Неизвестный художник.
Зверство немцев над мирными жителями при отступлении от станции Колюшки.
М., 1914. Хромолитография

л. 339 об.

Сотворивший и создавший небо, солнце и луну
Неужели не накажет вас за кровь и за войну?
Нет, Владыка вездесущий, Благость, Истина, Любовь,
В день суда ответа спросит всех, кто пролил эту кровь!
Все убитые предстанут пред всеведущим Творцом, //
И виновников укажут обличительным перстом.
Поравнялся я с именьем и направился тропой
Через панское владенье. Дом стоял совсем пустой,
Стекла выбиты. Воронка в трех шагах передо мной
От тяжелого снаряда в три аршина глубиной.
Через самое именье протекает ручеек,
Я поспешными шагами перешел через мосток
И пошел фруктовым садом, по тропиночке одной
И опять увидел жертвы, принесенные войной.

Мать, русинка по одежде, лет не больше тридцати,
Распростертая лежала на моем как раз пути.
Груди вырваны осколком, рана пулей на виске
И следы запекшей крови на одежде и песке,
Рядом с ней малютка дочерь//вся белее полотна л. 340
Неподвижная лежала, будто в сон погружена.
Рядом дерево упало, точно срублено, на взгляд,
И опять воронкой яма, знать, и здесь упал снаряд.

Вышел я из сада в поле и прибавил шаг быстрей,
И увидел на лощине много павших лошадей.
Они пали не от боя, а порезаны ножом,
Для чего и кем, не знаю, но, как видно, с умыслом.
Животы их были вздуты, и зловоние кругом
Разлагающимся мясом разносило ветерком.
Я взглянул и отвернулся и, зажав рукою нос,
Побежал к большой дороге меж картофельных полос.

На дороге мне встречалось много женщин и девиц,
И я спрашивал дорогу до деревни Дроздовиц.//
Кто ответит: «Четверть мили», кто: «Полмили», — даст ответ; л. 340 об.
А иные говорили, что такой деревни нет,
Где-нибудь она далеко, а не в этой стороне.
Как узнать, кому поверить и куда держаться мне,
Или вправо, или влево, или просто прямиком?
Но, по-счастью, повстречался я с каким-то казаком.
Он прямую мне дорогу в Дроздовицы указал,
И я, шлепая по грязи, торопливо пошагал.

Уже начало смеркаться, когда я туда пришел
И насилу околодок и товарищей нашел.
Они в чистенькой халупке пана Яна, торгаша,
Поместилися уютно, так что радуйся, душа:
Все солдатские удобства налицо имелись здесь,
И солома для подстилки, и колодец рядом есть.//
В доме лавка мелочная, всем торгуют во все дни, л. 341
Да хозяйка молодая: только глазом подмигни,
На все шалости готова — муж далеко на войне,
Свекор Ян делами занят, как же быть одной жене?
Свекор ездит по базарам, чтоб товар найти, привезть,
А сноха своим товаром без него торгует здесь
И солдатам угождает, всем потрафить норовит —
То бельишко постирает, то чаишко заварит.
А российскому солдату это на руку всегда,

За добро и он заплатит, не скупяся никогда,
Он обнимет, приголубит и коханой назовет,
И под кровом темной ночи с милой душу отведет.
Не дивитесь, австрияки, что ни в мать и ни в отца
Уродились ваши дети, а в прохожего хлопца. //

л. 341 об.

Песня LXX

В том году, когда солдаты наши в Австрию пришли,
С ноября уже морозы в десять градусов пошли,
Снегу выпало довольно, на две четверти земля
Белым саваном покрылась, забелелися поля.
«Дюже зимно, — говорили нам русины иногда, —
Это русские солдаты принесли нам холода.
Сколько лет уж мы не помним, чтобы был теперь мороз,
Ой, как зимно, дюже зимно, все померзли аж до слез.
Прежде это не бывало, а и было, так тогда,
Когда минет уж Никола, и приходит коляда...»
«Так и надо, чтобы зимно, пусть еще мороз бы злей,
Это ваших в Перемышле мы морозим, как мышей, —
Отвечали мы русинам, над их оханьем смеясь //
л. 342 И геройством солдата иногда шутя хвалясь, —
Всех мы ваших поморозим и собьем мадьярам спесь».
«Дай Бог, паны, дай Бог, паны, чтоб теляти волка съесть», —
В свою очередь шутили и русины. Между тем
День за днем и ночь за ночью время шло своим путем.
О падении твердыни нас не покидала мысль,
Но все так же, как и прежде, не сдавался Перемышль.[51]
Канонада не смолкала, поминутно слышал слух
Свист летающих снарядов и все то же — бух! да бух!
Говорили, что мадьяры в Пермышле падаль жрут
И что скоро, очень скоро крепость с голода сдадут.
Но, однако, этим слухам доверялись мы с трудом...
Но иные уверяли, что к весне его возьмем.

л. 342 об. Мы стояли в Дроздовицах // у хозяйки молодой,
У русинки черноокой, как у матери родной.

[51] Русские войска под командой генерала Селиванова вели осаду Перемышля шесть месяцев. Первые попытки взять штурмом сильно укрепленную крепость не увенчались успехом, и тогда город было решено взять измором. Осадная армия не располагала численным превосходством над гарнизоном крепости и фактически не имела осадной артиллерии, поэтому русское командование не предпринимало бессмысленных попыток штурма. Русские войска окружили крепость широким кольцом, ожидая прибытия дополнительных войск и артиллерии, которые присоединились к осаждающим в феврале 1915 г.

Неизвестный художник.
Осада Перемышля.
М., 1914. Хромолитография

Что за женщина — услуга для солдатиков была:
Всем уважит, не откажет и ни гроша не брала.
И обед, бывало, сварит, и для каши сала даст,
И картофелю поджарит, и вареников подаст,
И на ласки не спесива, и на просьбы не скупа,
Для амура прихотлива и смекалкой не глупа.
Словом, женщина-малина, звать по имени Катря
Или просто Катерина, коль по-русски говоря.
Круглолица и румяна, и стройна и хороша,
Все солдаты так и звали ее: Катринька-душа.

Где ты, где теперь, Катруся? Я хотел бы это знать…
Как нам было на квартире у тебя добро стоять,
И теперь воспоминанья // живы в памяти моей, л. 343
И вписал я твое имя в биографии своей.

Но довольно поиграл я взмахом быстрого пера,
И к рассказу возвратиться мне, я думаю, пора.

Что б там ни было у Катри, что о ней ни говори,
Но война войной и будет, во все стороны смотри.
Говори, не ошибайся, много рот не разевай,
Если смерть над головою, так амуром не играй.
И не место, и не время там разыгрывать любовь,
Где в окопах гибнут люди и рекою льется кровь.
Лично я такого мненья всю войну как раз и был,
Не амурничал с другими и жене не изменил.
Перед Богом всемогущим невиновен в этом я,
И чиста перед людями совесть чуткая моя. //
л. 343 об. Я, насколько было можно, целомудрие хранил,
И, быть может, мне за это жизнь Господь и сохранил.
Как узнать? Пути Господни сокровенны все от нас!
Я об этом много думал и молился много раз.

А опасности бывали очень часто надо мной,
И носилась смерть, как вихорь, над моею головой.
То летят аэропланы и вверху гудят-гудят,
А оттуда вниз снаряды воздух режут и свистят,
То обстреливают наши их шрапнелью невпопад,
И осколки вниз на землю сверху сыплются, как град,
То летят из Перемышля чемоданы и шрапнель,
И беда, беда лихая, попадают если в цель.

В Дроздовицах было место не в укромном уголке,
л. 344 Наша жизнь всегда висела, //как на тонком волоске.
Батарея была близко у деревни, за холмом,
И нередко мы бывали под обстрелом и огнем.
Околодок ежедневно был для раненых открыт,
И о времени приема на двери плакат прибит.

Раз снаряд в одну халупу в Дроздовицах угодил
И немало слез и горя и ущерба натворил.
Выбил рамы, выбил стену, вырыл яму в пять аршин.
Восемь душ ушло на небо, уцелел в живых один.
Это был прелестный мальчик, малыш лет около двух,
Он был ранен в бок и руку и стонал, и плакал вслух.
Принесли его, малютку, в околодок на руках,
И <я> делал перевязку со слезами на глазах.
Чтоб утешить сиротинку, в руки сахару я дал —
л. 344 об. Два пиленые кусочка, //и малютка замолчал,
Посмотрел и улыбнулся, тяжелехонько вздохнул
И здоровенькой ручонкой в рот кусочек потянул.

Мы отправили бедняжку в то же утро в лазарет,
И я более не знаю, жив теперь он или нет.
Отвезли, поговорили... и забыли навсегда.
Да и трудно было помнить, мало ль было что тогда:
Гибло множество малюток, стариков и молодых,
Сколько всех — не сосчитаешь, и не в силах вспомнить их.

Вот теперь, когда я в руку взял перо и стал писать,
То как будто понемногу начинаю вспоминать
Кое-что из тех событий, но как прежде и сейчас
Не могу всего припомнить, и не полон мой рассказ.

Был у нас в халупе случай//удивительный такой, л. 345
О котором и доныне вспоминаю я порой
И рассказываю многим. Как-то зимним вечерком
Мы с Савиновым сидели за работою вдвоем.

Неизвестный художник.
Падение Перемышля.
М., 1915. Хромолитография

Он какие-то микстуры по бутылкам разливал,
Я бумагу для обертки порошков приготовлял.
В это время канонада не смолкала: австрияк
Сделать вылазку надумал и ударить наверняк
Всеми силами в атаку, чтобы нашу цепь прорвать.
Знать, без хлеба надоело в Перемышле горевать.
Эти вылазки, конечно, не впервые были, но
Точно знать чужие силы было очень мудрено,
Потому-то наготове наши были в эти дни
И на случай из резерва полк пехоты подвели.

л. 345 об. Враг, готовясь к наступленью, //делал местности обстрел,
И нечаянно гостинец в околодок к нам влетел.
Трех дюймов снаряд шрапнели, две стены пробив зараз,
Пролетел, свистя, навылет чрез халупу мимо нас,
Разорвался за стеною — только в двух шагах всего —
И не ранил, и не тронул в околодке никого.
Этот случай очень редкий, все дивились на него,
И я более ни разу не слыхал ни от кого,
Чтобы где еще подобный хоть однажды случай был,
Потому о нем и вспомнил и в историю включил
Невеселой своей жизни. Может <быть>, хотя детям
Он расскажет о минувшем, как мы бились со врагам.

Австрияк пошел в атаку,[52] закипел жестокий бой,
Но стояли наши твердо неколеблемой стеной.
л. 346 Батареи грохотали, //и во всю ночь напролет
Залпы ружей не смолкали, и резвился пулемет.
Наконец, заметно стало приближение утра,
И далеко огласился воздух криками «ура».
Это наши австрияка обхитрили, обошли
И в лихую контратаку во мгновение пошли,
Завязался рукопашный бой. Российского штыка
Австрияки испугались, и сдалися два полка.
Много ружей, пулеметов нашим взять Господь помог,
План австрийцев не удался на прорыв и наутек.
И уж больше не пытались делать вылазки они,
Все затихло, лишь гремели кой-где выстрелы одни.

---

[52] Попытку прорыва из Перемышля генерал фон Кусманек, командовавший гарнизоном, предпринял 5 (18) марта 1915 г. после продолжительной осады и истощения запасов продовольствия в крепости. Попытка была успешно отбита. В бою 5 марта русская осадная армия нанесла полное поражение войскам Перемышля, взяв в плен 107 офицеров, до 4 000 нижних чинов, захватив 16 пулемётов, много стрелкового и холодного оружия.

Эта, впрочем, канонада орудийная всегда
Была слышна в дни осады и не молкла никогда. //

Песня LXXI

л. 346 об.

«До свиданья, Дроздовицы! Перемена снова мест,
Насиделись, нагостились, и назначен переезд!
Вот, укладываем вещи и поедем в Киненберг!
Тьфу! Ошибся, перепутал, вру — в деревню Фалькенберг,
Верст не более пятнадцать, только в сторону, левей.
Ох, как эти переезды надоели мне, ей-ей!
То завязывай повозки, то развязывай опять,
То ли дело в одном месте на квартире бы стоять.
А то только канителься, запрягай да распрягай,
Да соколиков-лошадок по Галиции гоняй.
И зачем это гоняют и туда нас и сюда?
Езди, путайся по фронту, нет спокою никогда.
Точно картами играют, — мы уходим, те идут, //
Те уходят, мы приходим, — иль стратегию ведут? л. 347
Ничего не понимаю, ни стратегий, ни идей,
Просто мучат понапрасну всех людей и лошадей.
Эх, когда это случится, неужель не доживешь,
Когда слово "мир" услышишь и на родину пойдешь!» —

Так ворчал солдат плечистый, фейерверкер[53] запасной,
От повозки лазаретной наш всегдашний ездовой.[54]
«Верно, правильно, товарищ, — я сказал ему, шутя, —
Ты, ей-богу, рассуждаешь, точно малое дитя.
Мало ль мы чего не знаем и не можем понимать,
Значит, мало каши ели, надо больше налегать.
Мы серы с тобой немножко, кто учил-то нас и где,
Тебя за четверть картошки, а меня и так нигде.
Самоучкой аз да буки в переплетной мастерской,[55] //
Вот и все мои науки, так уж где же нам с тобой л. 347 об.
О стратегии военной, как и дельным, говорить,
Если черного мы с белым не умеем различить.

---

[53] Фейерверкер — унтер-офицерское воинское звание и должность в артиллерийских частях российской армии. Фейерверкер исполнял обязанности непосредственного начальника орудия и замещал взводных командиров в случае необходимости.

[54] Ездовой — солдат, правивший лошадьми, запряжёнными в артиллерийскую, санитарную и т.п. повозки.

[55] Григорий Кругов действительно самоучкой в юном возрасте выучился грамоте, когда был послан родителями из деревни в Петербург учиться ремеслу переплетчика. Об этом Кругов писал в предыдущих главах своей книги, посвященных отрочеству и юности.

Приказали, ну, и надо собираться поживей,
Запрягай-ка свою тройку темно-карих лошадей».

Через полчаса, не боле, все повозки нагрузив,
Мы отправились в дорогу, кружки, сумки захватив.
Был февраль наполовине, таял снег, ручьи текли,
Подобрав полы шинелей, за повозками мы шли.
У меня на это время отпоролись у сапог
Голенища и подошвы, и они сползали с ног.
Я упутал их веревкой наподобие лаптей,
И товарищи смеялись все над выдумкой моей.

л. 348 Уж весна с зимой боролась, //с неба солнышко пекло,
По дороге были лужи, в сапоги мои текло
И воды, и жидкой грязи, и я шлепал прямиком:
Все равно сырые ноги — ни обут, ни босиком,
Так чего уж опасаться, да и негде обойти,
Значит, шлепай без разбору, если лучше нет пути.

Поднялися полём в гору, подвигаемся вперед.
Где-то справа недалеко барабанит пулемет —
То ученье происходит новобранцев каждый день,
Вероятно, под горою где-нибудь стоит мишень.
За повозкой лазаретной я в дырявых сапогах
Тихо по грязи шагаю, у дороги в двух шагах
В обе стороны канавы переполнены водой,
А за ними рядом пашни, сеян хлеб озимовой.
л. 348 об. Неглубокий снег от солнца //уж растаял на полях,
Только кое-где белеет по оврагам на горах.
Вся дорога грязь сплошная, как размешанный кисель,
Чисто в поле, ни березка не растет нигде, ни ель…

Тра-та-та, — трещит вторично за горою пулемет, —
Интересно знать, куда-то пули делают полет,
Не на нас ли направленье? Нет, не может это быть,
Так иная с рикошета может насмерть уложить.
По дороге то и дело здесь назад и наперед
Едут разные повозки, и проходит пешеход.
Всех увидишь, как на блюде, разве только попадет
Обучающий неважен, близорук иль зеворот.
Впрочем, нечего дивиться, на Руси не перечесть
И солдат и офицеров всевозможных ныне есть.
л. 349 Есть — извозчиками были //и в лачугах рождены,
Но на фронте получили и медали и чины.

Есть такие, что учились, но не знают ничего,
Кроме только как по рылу бить солдата своего.
Близоруких тоже видел, они были в наши дни,
Батареями стреляли вместо немца в лес и пни.
Приходилось, принимали за австрийцев и своих
И пощады не давали, не стесняясь, били их.
Я привел бы те примеры и назвал бы имена,
Но, читатели, не может без ошибок быть война.

Чу! Одна шальная пуля пролетела надо мной.
Так и есть, сюда стреляют, вот еще полет другой!
Вот и третья пропищала тонким нежным голоском
И далеко понеслася, «в Глесинфорс за молоком», —
Говорят солдаты наши //о полетах о таких, л. 349 об.
И никто из офицеров никогда не любит их.

Пиу! Пиу! — повторились звуки снова надо мной.
Пиу, пиу, пиу, пиу! Что же это, Боже мой!
Ведь подстрелят, как собаку, долго ль, право, до беды, —
Хоть бы спрятаться в канаву, но в ней по уши воды.
На дороге киселюха, ведь утонешь и не встать, —
Только выдумай, попробуй, растянися. Чу, опять
Затрещали, зачастили в стороне пониже нас,
Снова режут воздух пули, и все прямо через нас.
Я иду, нагнувшись низко, побежать бы, да нельзя,
Грязь, вода и лед под грязью, ноги шлепают, скользя.
Пиу, пиу, пиу, пиу!.. Доктор Полюхов смекнул,
Шашку выхватил из ножен, крепко повод натянул.
Прикрепив на кончик шашки //свой декосовый[56] платок, л. 350
Поскакал направо полём, скакуна пришпорив в бок.
«Что вы, дьяволы, ослепли и не видите вперед? —
Крикнул он, махая шашкой. — Вниз держите пулемет:
Пули свищут через гору... Можно всех перестрелять,
Стойте! Или вы оглохли, что не можете понять?..»

Услыхали его голос, перестала трескотня,
Повернул опять обратно доктор Полюхов коня
И поехал снова с нами тихим шагом впереди,
А за ним команда наша, и повозки позади.

Через час еще, не боле, я увидел вдалеке
Окаймленную садами деревеньку при реке.

---

[56] Фильдекос — хлопковая ткань, тонкий английский бумажный батист.

Поскорее бы добраться до нее Господь помог,
А то ноги перезябли, дело плохо без сапог. //
л. 350 об. Хотя солнышко и греет, да водица холодна,
Можно живо простудиться — ведь покамест не весна,
А февраль. У нас в России в половине февраля
Вьюги снежные, метели, и под снегом вся земля,
А вот здесь везде буквально только слякоть лишь одна,
Тут живому человеку обувь прочная нужна…
Сапоги совсем сопрели, невозможно и чинить,
Как приедем, так и буду себе новые просить,
А то так близка могила, — думал я, — казну храним,
Сапоги просить не смеем и собой не дорожим,
А зачем — не знаем сами. Нет, сейчас же, как приду
В Фалькенберг — и к адъютанту[57] сапоги просить пойду. //

л. 351

Песня LXXII

Я в квартиру адъютанта дверь тихонько отворил.
«Дома барин или нету?» — денщика его спросил.
«Дома, кофе распивает, — он негромко отвечал, —
Все в постели еще дрыхнул, с полчаса, не больше, встал». —
«Доложи ему, приятель, когда кофе отопьет,
Что пришел из околодка санитар к нему и ждет». —
«Доложу, а ты покуда здесь, на кухне обожди,
Вон у стенки табуретка, пододвинь да посиди.
Как отлопает и крикнет мне посуду убирать,
И скажу, а, если спросит, как фамилию сказать?» —
«Говори: Григорий Кругов, а как спросит, что, зачем —
Отвечай: за сапогами, изорвались, мол, совсем». —
«Ладно, ладно, не забуду, все упомню и скажу. //
л. 351 об. А, однако ж, ты упутал сапоги-то, я гляжу». —
«Все придумаешь, приятель, если холод проберет,
Ведь теперь не лето красно, от воды нога-то мрет.
Простудиться живо можно, заболеть и умереть,
Так зачем же рисковать-то жизнью. Надо пожалеть
Дома деток-малолетков и жену свою, и дом.
Помереть всегда успеем, двух веков не проживем». —
«Это правда, только жить-то не весьма завидно нам,
Что мы видели на свете? Что завидного есть нам?
То у барина в неволе, то слугой у кулака,
Бьемся, треплемся без толку из-за хлебушка куска.

[57] Дивизионный адъютант в русской армии — должность офицера, заведующего делопроизводством в штабах и управлениях.

Не живем, а воздух портим, так чего жалеть уж нам,
Если б так вот нам жилось бы, как вот этим господам, —
Показал он пальцем на дверь, где поручик кофе пил, —
Хоть бы капельку на свете, //как они живут, пожил, л. 352
Вот тогда бы еще можно свою жизнь и поберечь,
И, пожалуй бы, не сразу захотел в могилу лечь.
Ни о чем они не тужат, жизнь на радость им дана,
Вечно сыты и довольны и всегда пьяней вина.
Не война им, а потеха, не работают, а жрут,
Точно трутни-лежебоки, на чужих хлебах живут.
Все-то, все им в руки да́но — наказать, арестовать
И для блага их работать могут даром приказать.
Ты ж за семьдесят копеек холуем живи, служи,
Делай, что прикажет барин, ухо навостро держи,
Сапоги ему почисти и умыться ему дай,
Приготовь ему жранину, убери и все подай.
Прогуляет ночь с сестрами, на рассвете в кухню прет,
Раздевай его, что куклу, он и лыком не везет. //
Не похож на дворянина, до чего бывает пьян, л. 352 об.
Как безумная скотина, басурманом басурман.
"Эй, — кричит, — подай мне ужин! Эй, болван, помой собак!"
Или скажет: "Ты не нужен, убирайся вон, дурак!
Надоел ты мне, мерзавец, скоро я тебя сменю,
В батарею негодяя, в батарею прогоню".
И кричит, пока не ткнется на постель и не заснет…
А поутру лишь проснется, завсегда меня зовет.
"Я вчера, — грит, — побуянил, ты не сказывай, Иван!
Был того, с изрядной мухой… и ошибся… сильно пьян
Был. Башку, ей-богу, щемит, запоролся, что в капкан,
Пять рублей не пожалею для похмелья за стакан"».

И, быть может, очень долго пел бы жалобы денщик,
Да услышал из-за двери повелительный он крик: //

«Эй, Иван! Иди посуду поскорее убирай! л. 353
Да шинель мою и шашку поживей сюда подай!»
Он ушел, а я остался снова в кухне дожидать,
Не прошло и две минуты, как вернулся он опять
И сказал: «Иди скорее, доложил… велел войти,
Одевается, — должно быть, собирается уйти».
Я вошел и стал у двери, он взглянул и молвил мне:
«Ну, что новенького скажешь? Для чего пришел ко мне?
Говори, пока я дома, ну, чего, как пень, стоишь?
Будь солдатом, а не бабой, чего струсил и молчишь?

Я не зверь, меня бояться, не палач, не удавлю,
Стань прямее, будь смелее, я трусливых не люблю».
Я шагнул вперед два шага, в струнку вытянувшись стал,
Руки вниз по швам отмерил и язык свой развязал: //
л. 353 об. «К вам я, ваше благородье, с важной просьбою пришел,
Сапожонки развалились, что едва сюда дошел,
Все веревками упутал». — «Покажи-ка, где оне?» —
«Вот, извольте, ваше бро-дье, посмотрите их на мне». —
«Вот так ловко! Вижу, вижу, до чего ты доносил.
Отчего же ты об этом раньше мне не доложил?
Раньше было бы возможно починить хотя бы их,
А теперь они негодны и на смену нет других
Сапогов: из интендантства двадцать пар прислали нам,
Но тотчас же их и взяли все немедля по рукам.
Пар двенадцать в батарею, в канцелярию пар шесть,
Да две пары кашеварам, ну, чего ж у меня есть?
Жди, когда пришлют вторично, а теперь ни пары нет,
Лучше будешь поумнее, не разиней наперед.
л. 354 Я уж в этом невиновен, //что ты раньше не пришел
Или времени на это, бестолковый, не нашел». —
«Невозможно, ваше бро-дье, было раньше мне прийти,
Околодок находился на пятнадцать верст пути...
Ежедневно в околодок визитация больных,
Перевязка и отправка в лазареты таковых». —
«Никакого оправданья, понимаешь, не приму,
Я сказал, что нет ни пары, где же я тебе возьму?
Побывай поди, на счастье, к каптенармусу[58] в обоз,
Не найдет ли он какие, там старья-то целый воз.
Подходящие найдутся, так возьми да почини,
И носи пока до новых, а уж нет, так извини». —
«Ваше бро-дие...» — «Довольно! Ни полслова, замолчать!
Вон пошел! Кругом! Направо! Здесь не место рассуждать!» //
л.354 об. Он вспылил и, повернувшись, хлопнув дверью, вышел вон.
«Вот, видал, — сказал на кухне мне денщик, — каков есть он?
Заорет, как сумасшедший, неизвестно для чего,
А уж толку никакого не добьешься от него.
Белены объелся, что ли? Вот возьми с него пример,
Поучись, как надо лаять, а ведь тоже офицер.
Дворянин, не наш крестьянин, а не лучше, как мужик:
Сер и глуп, как волк в овчарне, неуклюж, как точно бык...»

[58] Каптенармус — унтер-офицерское воинское звание и должность в подразделениях. Ведал учётом и хранением имущества, оружия, снаряжения, одежды, а также выдачей провианта.

И так далее и боле принялся денщик опять
Господину адъютанту кости все перемывать.
И такой-то, и сякой-то, и криклив, и груб-то он...
Но я более не слушал, а, простившись, вышел вон.

Как мне сказано, на счастье, я отправился в обоз,
Развязали с сапогами//с каптенармусом мы воз. л. 355
Рылись, рылись, и насилу удалося нам отрыть
Одну пару, что возможно починить и поносить.
Что ж, и это слава Богу, пока можно, поношу,
А пришлют из интендантства, снова новых попрошу, —
Порешил я, — и тотчас же прямо в швальную пошел
И за собственный рублевик там сапожника нашел.
Он мне так уконопатил крепко эти сапоги,
Что иди смело по лужам и пляши хоть в три ноги.
Хоть заплата на заплате, ну, да это наплевать,
Ведь носить, а не жениться, не невесту в них искать.
Только было бы маленько хоть похоже на сапог,
Не мокро бы да тепленько, да не терло б только ног,
Да свободны бы, не тесны, что важнее есть всего,
А уж более солдату и не надо ничего.[59]//

Песня LXXIII

л. 355 об.

Ты куда, орел двуглавый,[60] в свою жизнь не залетал
И кого из угнетенных под крыло не укрывал?
Запорожца и грузина под свою защиту взял
И болгарина, и серба от ислама защищал.
Перед кем ты прежде струсил, исполинский великан,
И кого не встретил в гости из далеких чужих стран,
Где и с кем ты не сражался, не разил мечом врага?
Через Альпы и Балканы перешла твоя нога.
Ты татарскую неволю отряхнул с себя, как прах,
Мятежи, бунты и споры твердо вынес на плечах.

---

[59] В истории с сапогами Кругова отразилось удручающее положение со снабжением в русской армии, когда в разгар Галицийского сражения обнаружилась постыдная нехватка всего — винтовок, чтобы вооружить пополнение, сапог, чтобы обуть солдат, снарядов для русской артиллерии. Техническое превосходство врага подавляло. Русские армии откатывались к границам России. 3 июня 1915 г. был оставлен Перемышль, 22 июня — Львов.

[60] Двуглавый орел перешел в национальную символику России в конце XV в. из Византии, евроазиатской державы. В ее гербе орел с головами, смотрящими на Запад и на Восток, символизировал в том числе и единство этих двух начал. Державный орел многонациональной России, объединяющей под одним гербом народы и Европы и Азии, в глазах солдата Григория Кругова являлся также символом могучего государства, заступника угнетенных народов.

Правда, были дни лихие, что и ты изнемогал,
Но, собравшись с новой силой, крепким, стойким восставал.
Мы с тобою били турок, от тебя француз бежал, //
л. 356 Про российского солдата за морями всяк узнал.
И давно ли на востоке разошелся тучи мрак,
Как опять потоки крови льет другой коварный враг!
Объявил немецкий кайзер нам кровавую войну,
Но умрем мы все в окопах за родимую страну,
Только дайте нам снарядов да начальников лихих,
Не изменников, не трусов, сохрани, Господь, от них!
При изменниках и трусах до победы не дойти
И Отечество родное от позора не спасти.

Я составил эту песню в Фалькенберге, и не раз
Мы ее, бывало, пели, собравшись в свободный час.
А от нас она к пехоте очень скоро перешла,
Там мотив переменила и припев подобрала.
Обошла по всем окопам эта песня на листках //
л. 356 об. И у каждого солдата побывала на устах.
Даже слышал я однажды — юный прапор запевал:
«Ты куда, орел двуглавый, в свою жизнь не залетал?»
А солдаты повторяли свой припев: «Ура! Ура!
Собирайтеся, орлята, на кровавый пир пора».

Так не шатко и не валко время шло без перемен:
Мы стояли в Фалькенберге у еврея Робинштейн,
Как и прежде, занимались визитацией больных
И леченьем в околодке, и отправкой дальше их.
Перемышль все, как и прежде, под осадою стоял,
И что в нем происходило, ничего никто не знал.
Ждали все его паденья или штурма, но пока
Ничего не замечалось, только были изредка
Слышны выстрелы орудий, как бывало и всегда, //
л. 357 Да, гудя, аэропланы пролетали иногда.
Покружатся, точно птицы, бросят бомбы и айда,
Улетят опять обратно, мало сделав нам вреда.

Вот последний зимний месяц понемногу миновал,
Март пятнадцатого года заместителем настал.
Как-то раз, числа шестого или пятого, забыл...
Но прекрасно очень помню, что денек чудесный был,
Солнце красное кидало луч по скатам и горам,
И откуда-то неслася песня жаворонка к нам.

звестный художник.
рытое письмо. Пг., 1914

Кстати, здесь скажу, читатель, галицийская весна
Наступает очень рано, но зато в горах она
Продолжительна бывает, иногда снега лежат
Вплоть до самого апреля и на солнышке блестят,
Как алмазы. Ветер дует//не по-вешнему, порой л. 357 об.
По ночам стоит погода не теплее, чем зимой.

Но скорее ближе к делу, продолжаю свой рассказ,
Извиняюся, что прервал не у места. Как-то раз
Мы сидели в околодке за работою своей,
Вдруг приходит наш хозяин дома, опытный еврей.
Сел на ящике с бинтами, пальцы к пейсам приложил
И, призвав Егову в помощь, чуть дыша, проговорил:
«Я шкажу вам по шикрету, тильки ви малшите... тши...
Австрияки в Пержемышли жвут пашледнива чаши,
Шкоро вилький бой наштанет, он нашнет штрилять, штрилять
И на вождухи вишоко вши фарты шваи вжрывать». —
«От кого ты, пан хороший, эту новость услыхал?» —
«Виткаво? Мово вузь дело, — он мне тихо отвечал, —//
Любопытний шиловик ти, но нельзя зь тоби жнавать, л. 358
Много вжнаизь, штарым будизь, шкоро этанезь помирать...
Язь не лгу зе ни палшлова, правда вше, обманов нет,
Я вше жнаю, вирна жнаю, а где вжнал, бальшой шекрет».

Как сказал он, так и вышло: только вечер наступил,
Загремела канонада, австрияк огонь открыл,
Заблистали всюду вспышки, затряслась сыра земля,
Я не видывал такого бестолкового огня.
Да и в будущем увидеть не придется никогда,
Неприятель обезумел и стрелял бог весть куда,
Безо всякого прицела, как в копейку, в белый свет,
Где совсем ни заграждений, ни окопов наших нет.

«Помешался враг-то, что ли? Или хочет раскидать
Все снаряды свои в воздух, //чтобы русским не отдать? — л.358 об.
Говорили меж собою два солдата. — Эва, глянь!
Высоту какую рвутся, не наводчики, а дрянь».

К полуночи все затихло, стало звука не слыхать,
А поутру снова рано наши начали стрелять
По фортам, а ровно в полдень я услышал взрыв глухой,
Вслед за ним через мгновенье повторился и другой!
Австрияки в самом деле начинали рвать форты
И на Сане в Перемышле превосходные мосты.

Неизвестный художник.
Взятие австрийской крепости
Перемышль.
М., 1915. Хромолитография

Я стоял у околодка и смотрел издалека,
Как от взрывов поднимались к небу дыма облака.
Бой сильнее разгорался, на мгновенье не смолкал…
Солнце село. Свечерело, ночью сущий ад настал.
Пулеметы и винтовки затрещали за горой, //

л. 359 И с орудиями вместе все слилось в протяжный вой.
Две халупы запылали от обстрела на горе,
И светло далеко стало от пожара в темной мгле.

К утру все затихло снова, пулеметы и пальба.
Этим боем и решилась славной крепости судьба.
Еще солнце не всходило, еще я в постели спал,
Как пришли из штаба вести: «Перемышль, твердыня, пал!»[61]

---

[61] По приказу австрийского коменданта генерала Кусманека, 22 марта 1915 г. после продолжительной осады были взорваны крепостные укрепления Перемышля и гарнизон сдался русским войскам. Впрочем, уже в июне того же года крепость Перемышль была вновь отвоевана австрийскими войсками.

Облетела весть повсюду, стали все ура кричать
Да с победою друг друга, торжествуя, поздравлять.
Много в крепости трофеев было взято у врагов,
Пленных более ста тысяч, не включа офицеров.[62]

Я смотрел, когда погнали их нестройною толпой
Близ деревни Фалькенберга Львовской каменной шоссой
В плен, в великую Россию из родной им стороны. //
Все они ужасно были изнурены, голодны, л. 359 об.
Проходили и просили: «Хлеба, хлеба, пане брат», —
И куском своим делился с ними русский наш солдат.
(Для российского солдата жизнь в бою не дорога,
Но щадит он и жалеет безоружного врага).

Они с жадностью хватали хлеб из рук, благодаря,
И не чисто, но по-русски им с улыбкой говоря:
«Слава Богу, слава Богу, паны, в Руссию пойдем,
Будем сыты и до вийны николы не попадем».

Видел я и коменданта, генерала Куманька,[63]
В плен его препровождали два седые старика,
Генералы с орденами. По фамилиям назвать
Не могу, тогда, ей-богу, не пришлось о них узнать.

После взятия твердыни, //откровенно вам сказать, л. 360
Мы серьезно начинали было мира дожидать.
Разнеслись повсюду слухи, что как будто Витте граф
С кем-то выбыл заграницу, на прощанье речь сказав,
Что без мира не вернется он в Россию никогда,[64]
Что пора уже покончить эту бойню навсегда.

---

[62] В Перемышле оружие сложили 130 тысяч австрийцев, было захвачено более 900 орудий. В связи с выдающейся победой по всей России прошел двухдневный праздник с победным колокольным звоном и патриотическими манифестациями.

[63] Генерал Герман Кусманек фон Бургнойштэдтен (Hermann Kusmanek von Burgneustädten) (1860–1934), прозванный газетчиками «Львом Перемышля», долго и успешно противостоял попыткам русских войск захватить осажденную крепость. Однако, после того как в крепости закончились все продукты, а попытка прорыва не удалась, он подписал 22 марта 1915 г. документ о капитуляции. С этого момента Кусманек пребывал в русском плену и вернулся в Австрию только после подписания Брестского мира. На родине был отдан под суд, но оправдан.

[64] Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — русский государственный деятель. За успешное выполнение поручения Николая II по заключению мирного договора с Японией в Портсмуте в 1905 г. был возведен в звание графа. Он являлся одним из авторов Манифеста 17 октября. В начале Первой мировой войны, предсказывая, что она закончится крахом для самодержавия, С. Ю. Витте заявлял о готовности взять на себя миротворческую миссию и попытаться вступить в переговоры с немцами, но смертельная болезнь помешала миссии графа.

ВЗЯТІЕ ПЕРЕМЫ

Первоклассная австрійская крѣпость, Перемышль, окруженная со всѣхъ сторонъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ нашими доблестными войсками. отрѣзанная отъ всего мі
1915 г. Гарнизонъ Перемышля много разъ дѣлалъ отчаянныя вылазки, чтобы прорвать цѣпь нашихъ войскъ, но каждый разъ принужденъ былъ опять возвращаться
плѣнъ и наконецъ, видя, что помощи ждать не откуда, комендантъ Перемышля генералъ Кусманекъ согласился на наше требованіе о безусловной сдачѣ крѣ
93 штабъ-офицеровъ, 2,500 оберъ-офицеровъ и чиновниковъ и 117,000 нижнихъ чиновъ. Наши войска введены въ крѣпость и заняли укрѣпленія.

Неизвестный художник.
Взятие Перемышля.
М., 1915. Хромолитография

Но все это были речи и игра досужих слов,
Никаких не выезжало из России вон графов.
И совсем не собиралось ни в какой другой стране
Конференции для мира. Склонны были все к войне.
И напрасно ожидали мы конца лихой войны
И на родину возврата из далекой стороны.
Ах, не та совсем дорога приготавливалась нам,
Вместо родины в Карпаты, вглубь страны идти к врагам. //

л. 360 об.

Песня LXXIV

Уж вы, горные вершины, я увижу ли вас вновь?
О, карпатские долины, место битвы удальцов!
Вы осталися навеки в твердой памяти моей.
Я до гроба не забуду среди вас прожитых дней.
Точно въявь перед собою вижу я и посейчас,
Где товарищи сражались и ручьями кровь лилась.
Вижу я кресты, могилы павших братьев и отцов
И виды природы горной с массой речек и ручьев.
Вьются змейками дорожки и тропинки по горам,
И убогие деревни прилепились здесь и там.
Словно дряхлые старушки, по уступам гор стоят
И невесело, угрюмо на лощины с гор глядят.

Мы тринадцатого марта приготовились в поход, //
л. 361 Все повозки нагрузили и отправились вперед.
Впереди шли батареи, а за ними шел обоз,
Канцелярия и кухни, семь коров и сена воз.
После всех шли околодки, на покрышку позади, —
Впрочем, нечего и делать нам в походе впереди.
Околодки и обозы никогда нейдут вперед,
Они только помешают и другим замедлят ход.

Шли полями, было сухо, повернули в темный бор,
Стало глинисто и сыро и свежее между гор.
И чем дальше подвигались, шла дорога все грязней,
Горы шли все выше, выше, становилось холодней.
На вершинах много снега, не теплее, чем зимой,
А внизу природа дышит неподдельною весной.
На деревьях вскрылись почки в чуть заметные листки, //
л. 361 об. И кой-где уже пестрели первовешние цветки.

Целый день плелись по грязи — и далек, и труден путь,
Вот гора, на ней деревня, хорошо бы отдохнуть.

В ней назначена ночевка, только можно ли сыскать
Где-нибудь себе приюта, не вместишь такую рать:
Артиллерии бригада на деревню… Боже мой,
Где ж тут думать о ночлеге и какой уж тут спокой.

Стали в гору подниматься, крут и труден был подъем,
Лошаденки истомились, пар валил от них столбом.
Мы лошадкам помогали, за постромки ухватясь,
В липкой глине утопая и ругаясь и смеясь…
То и дело были слышны крики: «Но!.. Берем!.. Вперед!..
Ой, дубинушка родная! Ой, зеленая, идет!..
Ухнем, ухнем да потянем, //все дружнее, братцы, враз, л. 362
Да родителей вспомянем, для чего родили нас?»
Кто-то спел про мать родную: «На что глядя родила
Сына Нику-горемыку и в солдаты отдала?»

Не прошло без приключенья. Я споткнулся и упал
И ступнею под копыто одной лошади попал.
Придавило больно ногу, но счастливо обошлось:
По случаю мягкой почвы без вреда осталась кость.
У повозки лазаретной поломался задний ход,
И она застряла в глине — ни назад и ни вперед!
Сколько маяты с ней было, бились, бились и едва
Отодвинули с дороги прочь шага на двадцать два,
Чтобы не было в дороге загражденных ломом мест,
Чтобы прочим без задержки был очищен весь проезд. //

Ногу мне забинтовали, смазав йодом по ступне, л. 362 об.
И я сел вблизи повозки на дубовом старом пне.
Остальные разбрелися — кто дровишек собирать,
Кто халупы по деревне хоть погреться отыскать.
Но в халупах было тесно так, что даже негде стать,
А не только что присесть бы или лечь и подремать.
Так всю ночь <и> провели мы, пролежав до бела дня
Под открытым синим небом, растянувшись у огня.

Ночью с севера холодный горный ветер потянул,
И никто из нас до утра глаз усталых не сомкнул;
Да и было невозможно, холод знать себя давал,
<… >[65] до костей нас пробирал.
Мы все кутались в шинели и дрожали от него,
Но шинели были плохи и не грели ничего.

[65] Здесь в рукописи пропущена строка.

л. 363 Утром тронулась бригада//из деревни в путь опять,
А мы начали повозку разбирать и починять.
Доктор Полюхов уехал за покупками во Львов
Для себя и околодка, сделав нам приказ таков:
Как починим мы повозку, то не медлить, выступать
До деревни Старый Чашин, где его и дожидать.
По прибытии на место ездовому выезжать
К станции Дорогобужу,[66] с багажом его встречать.
Чтоб не сделать где ошибки и не сбиться нам с пути,
Дал он карту и маршрутик, как до Чашина дойти.

Мы осталися в деревне исключительно одне,
Поместилися в халупке от дороги в стороне.
Смастетерили повозку и в халупку убрались,
Чаю попили, поели и на печке улеглись.
л. 363 об. Я заснул, согревшись, крепко//так, что где ни ночевал
Во все время перехода, никогда не засыпал.
На другой день утром рано мы, с хозяином простясь,
Снова тронулись в дорогу по горам колесить грязь.

Песня LXXV

«Что такое это значит?» — думал я, вокруг глядя
И неспешными шагами за повозками идя.
Что ни шаг, то вижу диво, изменился весь климат:
Снег и холод, и деревья всюду голые стоят.
Когда в путь из Фалькенберга всей бригадою пошли,
Слышал жаворонка пенье и цветы кой-где цвели.
Там весна идет в разгаре, веет в воздухе теплом,
л. 364 Здесь ни зелени, ни травки,//грязь, и снег лежит кругом.
Ветер тоже не весенний, вот и снег пошел сырой,
Время клонится за полдень, мы идем большой горой.
Далеко ли этот Чашин? Из маршрутика видать,
Что не очень будет близко, верст не меньше сорок пять.
Ночь в дороге нас застанет, нам никак не миновать,
Где-то будем мы сегодня, горемыки, ночевать...

Снег навстречу так и лепит, прямо хлопьями с дождем,
Мочит грудь и очи слепит, я закрылся башлыком.

---

[66] Дорогобуж (Дрогобыч) — город областного значения в Львовской области Украины, административный центр Дрогобычского района, второй по населению и экономическому развитию город Львовской области. С 1772 г., после первого раздела Польши, город отошел к Австро-Венгерской империи. С середины XIX в. стал центром нефтеперерабатывающей промышленности. Благодаря Дрогобычу Австро-Венгрия занимала третье место в мире по количеству добычи нефти.

Вот опять с горы спустились, и опять наверх подъем,
Ни деревни, ни лесочка не видать, идем... идем...
Хоть придавленную ногу мне больненько, но креплюсь,
Как быть следует солдату; пустяку не поддаюсь,
А иду смело и бодро, хоть, признаться, и устал.
Ну, да это не впервые, //и не эдак уставал. л. 364 об.
Не мешало бы, конечно, на повозку мне присесть,
Да измучились лошадки, без меня им трудно везть.
Фура<жа> для них нехватка, животы им подвело,
А повозки нагружены не под силу тяжело.
Так уж надо хоть немножко человеку совесть знать
И по Божьему веленью грех животных обижать.

Уже солнышко садится, а деревни никакой,
Не в пустыню ли попали, что же это, Боже мой?
Подымаемся все выше, верст прошли горою с пять,
Но все то же и все то же, перевала не видать.
Наконец, и к перевалу понемногу добрались,
Все до ниточки промокли, еле-еле доплелись.

Перестал со снегом дождик, на горе шумит метель, //
Знобит тело и морозит мою мокрую шинель. л. 365
Белый снег передувает, кони стали... тяжело.
Ночь... Ни звездочки на небе и дорогу занесло.
Ни следа и ни просвета, ни вперед и ни назад.
На колеса навертелось, кони сдвинуть не хотят.

Но! Родные, трогай, трогай! Вон какое-то пятно
Разглядели, чуть заметно. Что-нибудь да быть должно —
Или лес или деревня. Но! Лошадушки, вперед!..
Ну-ка, братцы, за постромки, коренная не берет.
Эй, сонули! Что заснули? Ездовой, вперед гляди!
Вот канава и мосточек, дом, как видно, впереди,
Вот железная ограда, подворачивай-ка к ней —
Это панская усадьба, побываем-ка мы в ней.
Нет ли места отогреться, больше некуда идти, //
Разыскать бы где дровишек да огонь бы развести л. 365 об.
Хорошо бы очень было, чай бы можно заварить,
У огня бы отогреться и сухарик проглотить.

Мы вошли в усадьбу пана, в ней царила тишина,
Все поломано, побито, нет здорового окна,
Все повыломаны рамы, двери сорваны с петлей,
Точно как после пожара и отсутствия людей.
Все невольно наводило страх и трепет на меня,

Но я шел по коридору всех вперед и без огня.
Чтоб впотьмах не оступиться, не споткнуться, не упасть,
В западне не очутиться или под пол не попасть,
Я зажег огарок свечки, но она погасла вдруг,
И опять не стало видно ничего вблизи вокруг.
Я нагнулся и нащупал пук соломы и зажег, //
л. 366 Пламя вспыхнуло, и ветер погасить его не мог,
И мы ясно пред собою осмотрели все теперь:
Под ногами были щепки и расколотая дверь,
На полу валялись ранцы и патронов пачек сто,
Все разбросаны, в обоймах, сразу видно было, что
Отступившие австрийцы обитали прежде здесь
И патроны побросали, утомясь в походе несть.

Пол был каменный и своды, ветер в здании гулял
И зажженную солому постепенно раздувал.
Мы набрали мелких щепок, раскололи топором
Дверь на мелкие кусочки и уселись пред огнем.
Принесли ведра три снегу и натаяли огнем,
После долгого старанья раздобылись кипятком.
Но как следует напиться чаю нам не удалось, //
л. 366 об . Много вылить понапрасну ни за что его пришлось.
Дверь и щепки догорели, стало нечего ломать,
Свечка гасла поминутно, наступила тьма опять.
Снова стало, как в могиле, я от холода дрожал,
Руки, ноги цепенели, зуб на зуб не попадал.
Чтобы чем-нибудь согреться, жечь я порох было стал,
Но он вспыхивал мгновенно и тотчас же погасал.
Делать нечего, я бросил сей невыгодный прием,
Стал проделывать на месте шаг учебный и кругом.
Наконец, и это кинул, сел, прижавшись, в уголок,
В три погибели согнувшись, но согреться все ж не мог...
Так прозяб я, что не стало мне терпенья моего,
И <я> проклял поневоле день рожденья своего.

Ночь прошла в пустой усадьбе, утром снова в путь пошли, //
л. 367 Восемь верст с горы спускались, к реке Сану подошли.
Перебрались тихим шагом по понтонному мосту
И опять взбираться стали по горам на высоту.
На горах гуляет ветер и мятелица метет,
А в лощинах грязь и слякоть и весна красна идет.
Но недолго уж осталось снегу быть и на горах,
До апреля весь растает, и потонет все в цветах.

Подвигаемся и слышим: где-то влево за горой
Артиллерия грохочет, — знать, идет в Карпатах бой!

Двое раненых попались. «Что, ребята, — я спросил, —
До позиции далеко?» — «Да, — один проговорил, —
Не особенно, чтоб близко, приблизительно сказать,
Прямиком-то верст семнадцать, а дорогой двадцать пять». —
«Ну, а как успехи наши?» — «Хорошо пока идут, //
Уж сегодня третью гору наши приступом берут. л. 367 об.
Вот сегодня утром рано как схватились горячо...
Меня ранили вот в руку, а товарища в плечо,
Значит, стали не вояки, вот тихонько и бредем
На железную дорогу да и в госпиталь махнем». —
«Австрияка всюду гоним, прямо в Венгрию идем,
Вскоре выйдем на равнину... Пленных тысячи берем.
Так ли дальше дело будет, уж не знаю, слух идет,
Будто немец на подмогу австрияку силу прет.
Ну, да черт с ним, не боимся мы ни немцев, ни венгер,
Только были бы снаряды, так покажем всем пример,
А то, вот какое дело: говорят, снарядов нет,
А начальники-то немцы, вот как раз и выйдет вред.
Чует сердце, что в ловушку нас немчуры заведут,
Подведут под пули швабов, //а снарядов не дадут. л. 368
Вот тогда гляди да охай, ведь не редькой нам стрелять,
Посидишь да погорюешь, да и будешь отступать».
«Ну, закаркала ворона что-то очень с ранних пор, —
Молвил Савинов, вмешавшись в наш случайный разговор, —
Нам об этом, брат-товарищ, еще рано говорить,
Что б вельможи ни творили, их не нам с тобой судить,
А пускай их судят черти, нам нет дела до того,
Сохранил бы Бог от смерти нас, а больше ничего».
«Это правда», — мы сказали все, буквально согласясь,
И пошли своей дорогой, с повстречавшимся простясь.

Вот деревня Старый Чашин показалась, наконец.
Слава Богу, доберемся, здесь маршрутику конец.
Сутки двое или трое будем в Чашине стоять,
Пока доктор не прибудет //изо Львова, будем ждать. л. 368 об.
А потом опять скитаться по лощинам да горам,
Ближе к смерти подвигаться да к воюющим врагам.

Песня LXXVI

Чашин — грязная деревня на распутье трех дорог:
Одна тянется на Галич,[67] а другая на Санок,[68]

[67] Галич — город в Ивано-Франковской области Украины на обоих берегах реки Днестр.

[68] Санок — город в Польше на реке Сан, входит в Подкарпатское воеводство, Санокский повят.

Неизвестный художник.
Поражение австро-германских войск
у реки Сан.
М., 1914. Хромолитография

-германскихъ войскъ у рѣки Санъ.

города Люблинъ и нашими зойсками. ть по всему фронту

и безпорядочно отступилъ къ рѣкѣ Санъ. Русскія войска преслѣдовали ихъ съ неудержимою стремительностью. На правомъ берегу рѣки Санъ произошла горячая схватка. Русскія войска на плечахъ бѣгущаго непріятеля по его мостамъ перекинулись за рѣку Санъ и продолжали дальнѣйшее преслѣдованіе, захватывая громадную военную добычу.

Третья в Венгрию дорога через горы пролегла,
Много божьего простора, изгибаясь, заняла —
И налево, и направо, между гор и по горам,
Через буйные потоки, по деревням и лесам.
Много войска через Чашин той дорогою прошло
И грозой военной бури людям горе принесло.
Все поломано, разбито, и затоптаны поля,
л. 369 И окопами изрыта//вся пригодная земля.
Тяжело живется людям, где, как бич, прошла война,
Не осталось там в запасе ни единого зерна.
Все растащено войсками — и картофель, и зерно,
Даже сена и солома из стогов увезено.

Когда прибыли мы в Чашин, то, на счастье, в нем тогда
Войска было очень мало и нашли мы без труда
На краю одну халупку, подходящую как раз
Для команды околодка, и принялися тотчас
Лазаретные повозки от вещей освобождать,
И послали ездового, чтобы доктора встречать.

Ночь прошла благополучно, а поутру прибывать
Начала пехота в Чашин и квартиры занимать.
Точно сельди лезли в бочку или в вершу караси,//
л. 369 об. Через полчаса халупы переполнилися все.
Все вокруг зашевелилось, загремели котелки,
И на улице деревни запылали огоньки…
Шум и говор, песни, пляска и рассказы о боях
И о подвигах героев не смолкали на устах.

Перед нашим околодком собралась толпа людей —
Баб и девок деревенских, и мальчишек ротозей!
А в средине мелким бесом, приседая и кружась,
Дробь разделывал солдатик, что летела даже грязь.
А другой на балалайке жарил, струны теребя:
«Я не сяду с тобой рядом, я сердита на тебя…»
Вдруг откуда ни возьмися, подпершись рукою в бок,
Вышла баба молодая и пошла… В руке платок
Белый с красною каймою, и сама как жар горит,//
л. 370 И к солдатику все ближе боком, боком норовит.
А солдатик так и ходит, как индейский петух,
Манит под полу шинели чернобровых молодух:
«Эй вы, бабы молодые, не тужите, как прожить,
Разве люди мы худые, и не можем угодить?
Эй вы, душки-молодушки, разве хуже мы людей?

Мы полюбим, приголубим и заменим вам мужей…
Уж вы, девушки-красотки, посидите с нам рядком,
Погуляйте с нами ночку, мы в Россию вас возьмем».

А девицы все хохочут, отвечая: «С москалем
Никаких делов не робим и в Россию не пойдем.
Москали худые люди, они сробят лихо с нам,
Из лица румянец вынут, с ними горе будет нам.
Мы москаликам не верим ни шутку, ни на грош,
Любят, любят, да и кинут, //ветра в поле не найдешь…» л. 370 об.

Я в халупе в это время у окна один стоял
И, смотря на эту сцену, до упаду хохотал.
Я дежурил в околодке, а товарищи мои
По деревне прогуляться вместе с фельдшером ушли.
Вдруг в халупу отворяет дверь какой-то офицер,
А за ним денщик с корзиной, по погонам гренадер,
Еле-еле ее тащит, отдувается, пыхтит
И с холуйским униженьем перед барином дрожит.
Офицер по виду молод — ни усов, ни бороды,
И дурного воспитанья сохранились в нем следы.
«Кто халупу занимает здесь?» — спросил он у меня.
«Околодок, ваше бро-дье, стал вчера», — ответил я.
«Все сейчас же убирайтесь к черту! Вон! Целы пока.
Я, поручик Вышибалов//Самогитского полка,[69] л. 371
Вам приказываю, слышишь?..» — «Слышу!.. только не уйдем
Мы отсюда, ваше бро-дье, нам приказано, мы ждем
Здесь приезда изо Львова господина доктора.
Он, наверное, прибудет нынче ночью близ утра…» —
«Как ты смеешь так, мерзавец, разговаривать со мной?
Здесь квартира офицерам!.. Ни при чем мне доктор твой…
Выноси сейчас же вещи все на улицу, болван!
Сволочь подлая… живее! Помогай ему, Иван,
Вот бери-ка этот ящик, — приказал он денщику, —
Что стоишь? Али не слышишь, что сказал я дураку?» —
«Ваше бро-дие, позвольте, — начал было я опять, —
Хотя ящики на время здесь оставить постоять,
В них лежат медикаменты…» — «Вон! Приказано убрать,
И тащи, а после может доктор жалобу подать, //
Если я не по закону поступаю с вами, но! л. 371 об.

М. В. Нестеров.
Почтовая карточка. Пг., 1916

[69] Самогитский 7-й гренадерский генерал-адъютанта графа Тотлебена полк. Создан в 1797 г., расформирован в 1918 г. Гренадерские полки принадлежали к элитным частям российской армии. Самогиты — одно из названий литовского племени жмудь.

Вышибалова все знают, с ним бороться мудрено...»
Только тут лишь я заметил, что поручик с мухарем,
Что воняет, как из бочки, изо рта его вином.
«Да, — подумал я, — солдату нигде водки не дают,
Все казеночки закрыты, а дворяне всюду пьют.
Им доступны все забавы: танцы, карты и вино
И с сестрами шуры-муры — все им, все разрешено.
При подобных развлеченьях отчего не воевать!
Сыт и пьян, а остальное как-нибудь да наплевать.
Оттого-то и бывает дело плохо иногда,
И висит над головами над солдатскими беда».

В это время возвратились и товарищи мои
И на улицу все вещи потащили мы свои. //
л.372 Уложили на повозки медика́менты, опять
Развели огонь и стали кипяток приготовлять.
А в халупу в это время собрались офицера
И какая-то девица, милосердия сестра,
К ним в компанью затесалась: ха-ха-ха да хи-хи-хи,
Вздохи, охи, глазки, ласки... О, война, грехи, грехи...
Началась у них пирушка, и попойка, и еда,
И мы слышали до утра, как гуляли господа.
А вдали все, как и прежде, гром раскатами гремел,
Где-то там, на юго-запад, орудийный бой кипел.
Ночь пришла, и как нарочно стало холодно опять,
И нигде себе ночлега не могли мы отыскать.
Наконец, на ту ж халупу мы взобрались на чердак,
Сели рядом и до утра просидели всю ночь так. //
л. 372 об. Зябли руки, зябли ноги, лихорадка всех трясла,
И горячая молитва мне тогда на ум пришла:
И я мысленно молился о себе и о семье,
Вспоминая от начала свое горькое житье.

«О, всемилостивый Боже, — думал я, — не допусти
Мне погибнуть на чужбине, помоги сей крест снести.
Если есть хоть капля правды на земле, Владыка мой,
То молю тебя: всю правду ты слепым вождям открой.
Да прозрят они и узрят все посеянное зло,
Сколько слез оно и горя в жизни людям принесло.
Вонми, Господи, моленью и не дай погибнуть в зле,
Прекрати вражду и битвы и вражду на всей земле.
Дай людям любовь святую, дай прожить лихие дни,
И в семью меня родную, горемычного, верни. //
л. 373 Обезумели все люди, не оглянутся назад,
Не раскаются в поступках, и не знают, что творят».

Песня LXXV*[70]

Прибыл доктор. В путь-дорогу мы отправились опять,
Впереди все те же горы, и конца им не видать.
Перешли крутую гору, на вершине снег лежит,
А за сам<ым> перевалом у дороги столб стоит.
Весь из серого гранита, сверху с надписью доска,
И указывает пальцем путь чугунная рука.
Доктор Полюхов подъехал к тому месту и сказал:
«Здесь венгерская граница, гор минули перевал.
Дальше будут они ниже, и климат пойдет теплей —
Недалеко… Завтра будем//к полудню в части своей». — л. 373 об.
«А куда теперь мы едем?» — фельдшер Савинов спросил.
«Да туда, где смерть поближе, — с грустью он проговорил. —
Слышишь, как из пушек жарят? Вот туда мы и идем,
Там в деревне Чипахадзе[71] околодок развернем.
Да, признаться откровенно, забрались мы далеко,
Доставлять сюда запасы будет очень нелегко.
Через горы — не равниной — затруднительны пути,
И распутица, а надо и фураж и хлеб везти».

И действительно, чем дальше шли мы в Венгрию, опять
Стал климат переменяться, стало солнце припекать.
Вскоре снова я увидел зелень, травку, и листы
Распустились на деревьях, и цвели везде цветы.
Хотя горы еще были перед нами и вдали,
Но значительно стал ниже//всюду уровень земли. л. 374
«Далеко ли до равнины?» — доктор Полюхов спросил
У какого-то поляка. — «Нет, — поляк проговорил, —
Недалеко, добрый пане, верст не больше двадцать пять,
А то может быть и меньше, где совсем их не видать.
Там цветущая равнина, пан хороший, и народ
Не по-нашему, исправно, в удовольствии живет.
Хлеб родится в изобилье, там хорошая земля,
Наши бабы туда ходят обрабатывать поля.
В первых числах марта сеют, а в июне уже жнут
И с полей под молотилки золоты снопы везут.

[70] В рукописи здесь произошел сбой в нумерации глав. Песни, озаглавленные Круговым повторно как «LXXV» и «LXXVI», на самом деле являются «LXXVII» и «LXXVIII»: т. е. в рукописи оказалось две LXXV и две LXXVI главы. При издании текста эти две главы обозначены дополнительным значком «*».

[71] Населенный пункт с этим названием идентифицировать не удалось. Скорее всего, это венгерское наименование, сходное с такими, как Орошхаза, Ниредьхаза и тому подобные.

Там тепло бывает долго, нет совсем почти снегов,
Наши горы защищают их от северных ветров, —
Словом, в Венгрии раздолье против нашей стороны.
Впрочем, пан, и мы недурно жили прежде, до войны, //
л. 374 об. И в горах не голодали, сыты были завсегда,
Когда пули не летали. А теперь совсем беда!
Все буквально обнищали, у иных и крова нет,
Деток по миру послали; и мадьяр, и русский бьет...
О, Пан Езус, Матка Боска, поскорее пронеси
Эту лютую невзгоду и от бед людей спаси».

Вот слободка Мезалаборч[72] на дороге, и опять
Под открытым синим небом нам пришлось заночевать.
Только здесь другое дело: было сухо и тепло,
Мы легли и крепко спали, пока утро не пришло.

В Мезалаборче пехота помещалася везде,
Как и в Чашине, и тесно было очень в слободе.
Рядом с нами под древами разместился батальон, — //
л. 375 Позабыл, полка какого и дивизии был он.
Только помню, что кадровый этот полк из молодых,
И в нем очень было мало запасных и пожилых.
Я спокойно под шинелью спал, скурнувшись (*так!*) у огня, —
Вдруг один ружейный выстрел разбудил от сна меня.
Я проснулся во мгновенье, поднялся и увидал
Невеселую картину: на земле солдат лежал —
Весь в крови, обезображен, пулей в голову пробит,
Подбородок был раздроблен, оба глаза из орбит
Были выбиты. Несчастный сам себя не пощадил,
Верным выстрелом навеки жизнь младую загубил.
В один миг самоубийцу окружили все толпой,
Осмотрели все карманы, и по книжке записной
И по письмам все узнали: он был истый малоросс
Из-под города Полтавы. Там родился и возрос. //
л. 375 об. Незаконный сын пригульный неизвестного отца —
Жизни ухарской, разгульной, недурен собой с лица.

Появился врач какой-то и, качая головой,
Молвил: «Экий парень глупый, что наделал над собой!»

---

[72] Мезалаборч (Медзилаборце) — город в северо-восточной Словакии недалеко от границы с Польшей, от города Санок. Во время Первой мировой войны русские войска вошли в город в феврале 1915 г. и оставались там до мая 1915 г.

Доложили офицеру, посмотрел он и сказал:
«Ну, собаке смерть собачья, получил, чего желал.
По разбойничьей дорожке негодяй было пошел
Не за добрыми делами, ну, что надо и нашел.
Все равно б ему расстрела, подлецу, не миновать,
Негодяя для примера надо было б расстрелять». —
«Разве он большой преступник?» — офицера врач спросил. —
«Да порядочное дело здесь вчера он совершил:
Дочерь местного еврея изнасиловал, подлец,
И попался. Вот и выбрал для себя такой конец. //
Положил свою головку не за честь, не от врага, л. 376
Ну и стал ни Богу свечка и ни черту кочерга».

Через два часа, не боле, мы опять пошли в поход,
Но уж это был последний к месту боя переход.
До деревни Чипахадзе было десять верст пути
Вдоль по фронту. Все полями приходилось нам идти:
Неприятель нас заметил и начáл по нам стрелять,
Нужно было укрываться всем, а то несдобровать.
Мы свернули круто влево и укрылись за горой,
И добрались до деревни незаметною тропой.

Шла страстная уж неделя. Пасха в том году была
В марте месяце и рано — двадцать третьего числа,
Что весьма бывает редко. Помню, деды иногда
Говорили, что не может//быть так рано никогда л. 376 об.
Светлый праздник Воскресенья; и в науке нет о том:
Как бы рано ни случился он, но все же позже днем.[73]

Мы пришли, и помещенье доктор живо отыскал —
На опасном только месте: враг туда не раз стрелял.
И, наверное, давно бы Чипахадзе он спалил,
Но не требовалось, видно, и поэтому щадил.
Но к опасностям уж было нам теперь не привыкать,
Их нередко приходилось всем и каждому видать.

---

[73] В 1915 г. действительно имело место редкое календарное событие: очень ранняя православная Пасха (22 марта/4 апреля) совпала с Пасхой западного церковного календаря. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы (25 марта/7 апреля) пришелся на Светлую пасхальную седмицу, а не на Великий пост, как обычно. Великий пост начался 2(15) февраля, и из-за раннего начала поста неподвижный праздник Сретения сдвинулся на день раньше — на 1(14) февраля. В австрийской историографии тяжелые бои на Восточном фронте, пришедшиеся на 4 апреля 1915 г., получили название «Пасхальное сражение».

БОЙ ВЪ КАРПАТ

ОТЪ ШТАБА ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО. 18 и 19 января наши войска успѣшно продвинулись съ боемъ на широкомъ фронтѣ отъ Дуклинскихъ перевалов до верхняго Сана, перевалив на путяхъ отъ Ясиска къ Мезолаборчу черезъ главный хребетъ, при чемъ нами захвачены 6-орудійная батарея въ полномъ составѣ, 2 мортиры для метанія бомбъ, пулеметы и значительное количество плѣнныхъ.

Наступленіе непріятеля въ районѣ Высоцко, къ юго-востоку отъ перев
Ужокъ, отражено съ огромными для него потерями.

Давно уже доходившія до войскъ свѣдѣнія о перевозкѣ германцевъ на к
патскій фронтъ подтвердились. 19 января къ юго-востоку отъ переваловъ

Неизвестный художник.
Бой в Карпатах. М., 1915.
Хромолитография

Что ни будет, дело Божье, двух смертей уж не бывать,
А одной как ни храниться, никогда не миновать.

Так мы, значит, поместились в Чипахадзе, сзади нас
Были наши батареи и стреляли через нас.
Впереди была пехота в расстоянии версты, //
л. 377 Вправо кладбище и речка, влево пашня и кусты
И дорога по лощине между двух высоких гор,
Сзади дальше лес дубовый, как раскинутый шатер.
Вот картина той стоянки, где пришлось нам испытать
Голод, страх и неудачу, и отсюда отступать
После нескольких сражений и больших для нас потерь,
Но об этом расскажу я после вам, а не теперь.
В нижеследующих песнях воспою о всем, друзья,
Но теперь устал, нет мочи, извините вы меня. //

л. 377 об.

Песня LXXVI*

Вы, зеленые листочки, не шумите на древах
И защитников отчизны не будите хладный прах,
Не мешайте, не мешайте крепко спать в земле сырой,
Их покой не нарушайте, вековечный и немой.
За венгерскою границей, на вершинах гор Карпат
Они головы сложили и в сырой земле лежат.
Обагрили своей кровью они вражии места
И расстались с белым светом в Воскресение Христа —
В день, когда по всей России колокольный звон гудит
И нестройными толпами в Божий храм народ валит,
Когда все везде ликует, и поля, и темный лес,
И, приветствуя друг друга, говорят: «Христос воскрес!»
л. 378 Они пали за отчизну // на высотах им чужих,
И Господь в надзвездном мире упокоит души их.
Не пришлось им возвратиться вновь на родину свою,
Матерей и жен увидеть и родимую семью.

Мне деревни Чипахадзе во всю жизнь не позабыть,
Много ужасов кровавых довелось в ней пережить.
В первый день Великой Пасхи с часу утрени святой
У деревни Чипахадзе завязался страшный бой.
Вместо красного яичка приказали гору взять
И железную дорогу перерезать и занять.
Где бы надо разговляться, светлый праздничек встречать,
Поздравлять и целоваться, и друг друга угощать,
А тут выпало на долю кому кровью истекать,
Кому делать перевязки, кому раны промывать. //

В это время командиром над дивизией над всей л. 378 об.
Генерал был Чистяковский[74] и по тупости своей
Провалил большое дело: накормить солдат забыл,
В бой послал совсем голодных и дивизию сгубил.
Изнуренные солдаты шли с оружием в руках
На врага в шесть раз сильнее, чуть держася на ногах.
Чистяковский похвалиться их геройством <за>хотел,
Повышения добиться и нисколько не жалел
Горемычного солдата, в положение его
Не входил — и все погибло, и не вышло ничего.
Бой кипел, снаряды рвались, и не раз уже в штыки
На врага, как львы, кидались наши храбрые полки.
Кровь лилась, ряды редели, наши брали каждый шаг
С боем, кровью поливая, но силен был хитрый враг. //
На подмогу австрияку живо немцы подошли, л. 379
И немедля в контратаку всеми силами пошли.

Все сильнее и сильнее немцы стали напирать,
Наши выбились из силы, начали изнемогать.
Вдруг промчался пред полками Чистяковский генерал
И, ободрив всех словами, в бой кровавый направлял.
Вновь воспрянули герои и ударили в штыки,
Но австрийцам на подмогу шли все новые полки.
Словно львы, боролись наши, но германцы шли и шли,
За колонною колонна, как росли из-под земли.
Приходилось отбиваться и прикладом и штыком,
И валили их, валили, как дубовый лес, рядком.

Как рассказывали после, впереди с одним полком
Шел священник[75] в камилавке // кверху с поднятым крестом, л. 379 об.

---

[74] В списках русских генералов фамилии «Чистяковский» нет, но упоминается генерал-лейтенант Чистяков Сергей Дмитриевич, который командовал 81-й пехотной дивизией, выдвинутой из-под Перемышля в Карпаты. Дивизия под его командой понесла в апреле 1915 г. полное поражение; 20 апреля 1915 г. Чистяков был отрешен от должности «по несоответствию» и назначен в резерв при штабе Киевского ВО. Уволен от службы с мундиром и пенсией в 1916 г.

[75] В каждом полку российской армии по штату находилось по одному православному священнику и церковнику, которые обязаны были проводить богослужения, исповедовать и причащать раненых, хоронить и отпевать погибших, а также извещать родственников о гибели воинов. Священники также находились при штабах корпусов, армий и фронтов. За годы Первой мировой войны сорок священников были убиты или умерли от ран, более двухсот были ранены и контужены, свыше ста находились в плену. Военное духовенство российской армии достойно несло тяготы войны и выполняло возложенные на него обязанности. Генерал А. А. Брусилов, вспоминая бои 1915 г. в Галиции, писал: «В тех жутких контратаках среди солдатских гимнастёрок мелькали чёрные фигуры — полковые батюшки, подоткнув рясы, в грубых сапогах шли с воинами, ободряя робких простым евангельским словом и поведением… Они навсегда остались там, на полях Галиции, не разлучившись с паствой». — Цит. по: http://vmeste-front.ru/svyaschenniki_-_georgievskie_kavale.

Павших духом ободряя, громко слово говоря:
«Умрем, братия, за веру, прольем кровь мы за царя».
Но австрийцы и германцы лезли, точно саранча,
И опять на них кидались наши вмиг, «ура!» крича.
Но где силы не хватает, не поможет и «ура!» —
Восемь раз переходила в руки вражии гора.
Восемь раз опять обратно удавалось нам отнять,
Но впоследствии не в силах наши были удержать.
Сила ломит и солому, слабым сильных не сломить,
Наши вынуждены были все обратно отступить
И засесть в свои окопы да атаки отбивать,
И прихода подкреплений или смены дожидать.
Чистяковский на подмогу всех обозных им послал,
л. 380 Но и здесь плодов победы//неудачник не пожал.

В том бою потери наши были слишком велики,
Поредели батальоны, обессилели полки.
От дивизии осталось человек не больше ста,
И невесело был встречен Светлый праздничек Христа.

Если вам когда, читатель, доведется в жизни быть
У деревни Чипахадзе, я прошу вас не забыть
Подойти к могиле братской, осенить себя крестом,
Помянуть героев павших и припомнить о былом,
И сказать, сказать их праху вековечное: «Прости».
Ведь за нас они сражались там один против шести.
В Светлый Праздник Воскресенья их лилась ручьями кровь,
Когда быть должно прощенье, мир и братская любовь!

л. 380 об. Люди сильные, вельможи!//Дайте мне ответ на то,
Для чего вы друг на друга озлобили нас, за что?
Неужели не могли вы сделать так, что в день Христов
Не лилась на поле брани из-за вас людская кровь?
Или вы не сознаете, что ведь люди все равны?
Что их головы кладете за медали и чины?
Так поймите и сознайте, что не золото блестит
На груди добыто вами, а людская кровь горит.
То висят на вас не звезды, не кресты, не ордена,
А куски людского мяса, кои вам дала война,
То горят не бриллианты, не алмазы, не кристалл,
А народные слезинки тех, кто сына потерял.
Не страшит вас гром небесный, не страшит и смерти тень,
Крепко в вас уснула совесть, но проснется в черный день!

С болью тяжкою на сердце//светлый праздник встретил я л. 381
Под напев гранат и грохот орудийного огня.
Перевязывая раны у товарищей своих,
Думал я тогда о доме и о детях, мне родных.
Там на родине, в России разговляются сейчас,
Здесь не только разговеться, а и хлеба нет у нас.
Как нарочно, провианта ниоткуда не везли,
Вместо пасок с куличами даже вышли сухари.
Если б хлеба нам венгерцы захотели бы не дать,
То пришлось бы в околодке всем буквально голодать.
Но хозяйка, где стояли, была добрая душа,
Восемь суток нас кормила и не взяла ни гроша.//

Песня LXXVII

л. 381 об.

Двадцать первого апреля не успели утром встать
Мы, как немец по деревне стал гранатами стрелять
С ядовитым дымом газа, от которого все мрет,
Если в легкие, вдыхая, яд случайно попадет.
Во мгновение в деревне суматоха поднялась,
В горы жители бежали с криком, плача и молясь.
Мы в халупе находились и не знали, что начать —
Уезжать ли околодку, приказанья ль дожидать.
Доктор Полюхов уехал к командиру по делам,
Никаких распоряжений на случа́й не сделав нам.
Мы решили на повозки все имущество собрать,
Лошадей обамуничить, заложить и дожидать.

Неприятель поначалу//редко выстрелы давал, л. 382
А потом побатарейно делать очереди стал.
Чтоб от газа уберечься, не вдохнуть его в себя,
Мы достали и надели маски живо на себя.[76]

---

[76] Противогазные маски вошли в экипировку русской армии в 1915 г., после газовых атак немцев. В России первый противогаз с фильтром из активированного угля и резиновой маски изобрел в 1915 г. русский ученый-химик Н. Д. Зелинский. О первом появлении противогазов в русской армии вспоминает офицер, участник Первой мировой войны: «...Обучались и пользованию противогазом — были первые противогазы — марлевые маски, смачиваемые раствором гипосульфита из носимого в чехле через плечо шкалика, и очки <...> часть людей имела новые противогазы Кумманта—Зелинского. Стрелки не очень верили в смертоносное действие газов (хлор и фосген), пренебрегали противогазами, и в бою многие их сразу же побросали как помеху действиям... Хотя русская армия в апреле 1915 года понесла большие потери от первой на нашем фронте газобаллонной атаки под Боржимовым и Болимовым, на других фронтах и австрийском в частности газовые атаки не применялись, и солдаты, их не испытавшие, не особенно боялись этого нового оружия противника». — Цит. по: http://lepassemilitaire.ru/front-k-r-t/. Российская армия впервые применила газы 24 и 25 октября 1915 г., осуществив большое газобаллонное нападение на германцев в районе станции Барановичи.

Уезжать мы не решились без приказа и опять
Возвратились все в халупу и тревожно стали ждать,
Пока доктор не приедет, не изволит приказать
Куда-либо от обстрела нам на время уезжать.

Но халупа не спасенье — вот ударился снаряд,
Разорвался и из окон выбил рамы все подряд.
Прилетел второй и третий, и все бросились бежать,
А я, глупый, растерявшись, притаился под кровать.
Впрочем, нечего дивиться: утопающий готов
За соломинку схватиться, если нет вблизи шестов.
л. 382 об. На минуту все затихло, //я хотел было бежать,
Но в то самое мгновенье треск послышался опять,
И халупа пошатнулась, повалилась на меня
С потолка сухая глина, штукатурка и земля...
Снова взрыв, еще сильнее, и халупа от него
С шумом рухнула... и больше я не помню ничего...
Пред глазами заходили разноцветные шары,
Мне казалось, что куда-то я упал с крутой горы —
Не то в пропасть, не то в яму, где разрывов не слыхать,
И просвета, как из гроба, на свет Божий не видать.

Долго ль пробыл я в забвеньи, не могу сказать о том,
Но когда совсем очнулся, тишина была кругом.
Я лежал, как будто в склепе, растянувшись, вниз лицом,
Голова отяжелела, как налитая свинцом.
л. 383 Ни стрельбы, ни разговора//ниоткуда не слыхать,
Точно вымерли все люди. Не от газов ли, как знать?
Это может все случиться, потому что немец здесь!
Он ужасно зол и хитер, у него все яды есть...
Но, однако ж, удивляюсь, как же жив остался я,
Ведь халупа-то, я помню, повалилась на меня.
Неужели в самом деле под халупой я лежу
Не раздавленный, как мошка, и ума не приложу,
Как могло случиться это. Нет, тут что-нибудь не так,
Надо вспомнить хорошенько, что со мной, и где, и как.

Я привстал, облокотился, лежа, левою рукой
И принялся правой шарить ложемент ужасный свой.
Так и есть, я под кроватью нахожусь, но дело в том,
Что кровать-то завалило всю упавшим потолком.
л. 383 об. Голова болит ужасно://вероятно, ранен я?..
Нет, не ранен, так, ушибло чем-то в голову меня.
Чудеса... Великий Боже, как тебя благодарить

И не знаю. Но, однако, надо думать, как мне быть.
Ведь не выбраться отсюда. Если люди не придут
И не выручат сегодня, то моя могила тут.
А ведь страшно, ох, как страшно! Быть зарытому живым!
Неужели нет спасенья? Но каким путем, каким?
Я пополз из-под кровати, но тотчас же головой
Вдруг ударился о что-то, без того уже больной.
Это были доски теса, потолочины, но их
Сдвинуть с места не хватало ослабевших сил моих.

И, объятый страхом смерти, я что мочи закричал:
«Братцы, выручьте! Спасите!» — Но мой голос замирал,
Как в могиле. Где же наши? //Вероятно, все ушли, л.384
Про меня они забыли иль за мертвого сочли?
Больше не на что подумать. Я вторично закричал,
Но ответа ниоткуда и опять не услыхал.
Боже, Боже, неужели умереть придется мне
Под обломками халупы в этой страшной западне?

Интересно мне узнать бы, сколько времени я здесь,
Уж, наверное, не рано, вероятно, полночь есть!
Все уснули и не слышат, потому-то и нейдут,
Вот ужо проснутся утром и спасти меня придут, —
Утешал себя я мыслью. Ведь тому же не бывать,
Чтоб товарища оставить как собаку издыхать.
А, однако, есть охота, хоть бы крошку проглотить,
И во рту все пересохло, не мешало бы попить.
Это было бы, пожалуй, //пополезнее еды л. 384 об.
Промочить во рту и в горле хоть бы каплею воды.
Шля тяжелые мгновенья, точно вечность. Я лежал
На земле и избавленья поминутно дожидал,
Но на выручку, однако, мне никто не приходил.
Я рвал волосы от горя, в грудь рукою колотил,
Упирался что есть мочи, чтоб разрушить весь обвал,
Но все тщетно и напрасно: он по-прежнему лежал
Надо мною очень плотно, только в щели на меня
Сверху сыпалася с шумом потолочная земля.
Я в отчаяньи руками и ногами колотил,
Как безумный, выбиваясь из последних своих сил,
Но, увы, без результата и последний был прием.
Тут я вспомнил край родимый и покинутый мной дом,

И как будто чем кольнуло //больно сердце у меня: л. 385
Я погибну, а в деревне умрет с голода семья.

Тяжело и трудно будет поднимать жене сирот,
Горемычная свалится от нужды и от забот.

Мне пришли на память дети, там, в родимой стороне,
Ненаглядные малютки, где-то, где теперь оне?
И представилась картина — девять месяцев назад
Вот они, со мной прощаясь, горько плача, говорят:
«Не ходи, наш милый тятя, там убьют, родной, тебя». —
«Не печальтесь, мои детки, — утешал малюток я, —
Не убьют они, злодеи, испугаются, а я
Принесу для вас от немца два хорошие ружья». —
«А какие?» — «Вот такие, — показал я им рукой, —
На ремешках, расписные и в оправе золотой //
л. 385 об. Да патронов много-много, и вы станете стрелять».
И утешились малютки, перестали горевать.
Ждут они моих игрушек и не знают ничего,
Где скитается их тятя и спасет ли Бог его.
Ах, ужели их, несчастных, не увижу больше я?
И под этими досками смерть настанет для меня?

Ради их, моих малюток, мне хотелось жить и жить —
Я заплакал горько-горько и стал Господа просить,
Чтобы он, Творец небесный, моему моленью внял
И в опасную минуту избавление послал.
Я читал псалом Давида «Живый в помощи»[77] и сам
Составлял свою молитву, взор возведши к небесам.
Я молился: «Боже, Отче, ты царишь на небесах,
Вездесущий, всемогущий, пред тобой я тлен и прах. //
л. 386 Но молю тебя, Владыка, не отринь мою мольбу,
От голодной лютой смерти умереть не дай рабу.
Надо мною, недостойным, свое чудо сотвори,
Избавление, Владыко, мне от гибели пошли...»[78]

Я не выдержал и начал истерически рыдать
И опять из-под развалин к себе помощь призывать:
«Помогите! Помогите!» — Вдруг донес<ся> до меня

---

[77] Молитву «Живый в помощи Вышняго...» (90-й псалом царя Давида) православные русские солдаты носили в кармане на груди или на поясе как имеющий великую силу оберег, ограждающий от любого зла, от недобрых людей, от бесов, защищающий от вражеских пуль.

[78] Кругов использует начальные строки популярного старинного духовного стиха Иоасафа, царевича индийского: «Боже, Отче, всемогущий! Боже, Сыне присносущный...». — См.: *Симеон Полоцкий*. Повесть о Варлааме и Иоасафе. М., 1680. Л. 114.

Стук колес неподалеку и рысистый бег коня.
Я прислушался: все ближе приближался этот стук,
Наконец, остановился, точно замер где-то вдруг.
И чрез несколько мгновений кто-то вслух проговорил:
«Больше некуда деваться, сам я видел, здесь он был...
Как снаряд-от разорвался, мы и бросились бежать,
Ну а он-то растерялся, шмыг, как заяц, под кровать. //
Тут второй снаряд тяжелый прямо в угол угодил, л.386 об.
И, как видите, халупу всю буквально уронил.
Уверяю, ваше в-с-к-бродье, вас, что, верно, он убит
Не снарядом, так халупой и под ней сейчас лежит». —
«Жалко, жалко, принимайтесь поскорее разбирать:
Пока немцы не стреляют надо нам его убрать.
Здесь же, братцы, и схороним, вон под этим хоть дубком», —
Молвил кто-то. — «Нет, не надо, на повозку мы возьмем, —
Отвечали еще трое, — там на кладбище есть мест,
Мы сколотим гроб тесовый и поставим ему крест».

Я узнал из разговора, что спасать меня пришли
Не враги и не чужие, а товарищи мои,
Санитары околодка и один из ездовых,
С ними доктор — все считали, //что уж нет меня в живых. л. 387

«Помогите, помогите! — снова подал голос я, —
Жив я, братцы, поспешите поскорей извлечь меня!
Душно здесь, изнемогаю, голова моя болит,
Дайте капельку водицы, жажда страшная томит». —
«Здесь он, жив! За дело, братцы», — повторился разговор,
И тотчас же заработал лом железный и топор.
Как ни спешно шла работа, но не меньше с полчаса
Наконец-то я увидел голубые небеса.
Мириады звезд горели, была полночь. В тишине
Где-то грянул глухо выстрел, и далеко в стороне
Луч прожектора, играя, освещал вершины гор,
Неусыпно наблюдая неприятельский дозор.

Ночь была тепла и ясна //и чудесно хороша, л. 387 об.
Я умылся, освежился, чистым воздухом дыша.
Из ключа воды холодной мне напиться принесли,
На повозку посадили и тихонько повезли
За деревню. Проезжая, я смотрел по сторонам
И печальная картина представлялася очам:
Вся деревня опустела, и халуп не меньше семь
С инвентарем и постройкой сожжены были совсем.

В. А. Табурин.
Открытое письмо.
Пг., 1916

Остальные же стояли, но заметно было мне,
Что порядком пострадали от обстрела и оне.
У которых были крыши не похожи ни на что,
У иных избиты стены, как худое решето.
Где побиты были стекла, где поломан был забор
И стоял опустошенный без скотины панский двор.
л.388 Как порой из-под карниза//птицы, спугнутые с гнезд,
Прочь летят с тревожным криком с насиженных ими мест,
Так и здесь бежали люди из-под крова своего,
Что веками наживалось, не осталось ничего.

Околодок при обозах от деревни в двух верстах
С лошадями стал у леса под прикрытием, в горах.
Впереди была лощина до деревни, а за ней
Было кладбище и церковь и катился с гор ручей,
В речку быструю впадая и в одну сливаясь с ней,
Как дитя резвясь, играя с милой матерью своей.
За деревнею стояли батареи у реки,
А за церковью скрывались от орудий передки.
Околодок помещался под палаткой. Я прилег,
Положив под головою пару собственных сапог,
л. 388 об. И заснул, как на перине, //крепким сном богатыря
После страшных потрясений мною прожитого дня.

Песня LXXVIII

Здесь позвольте мне немного с этой строки отступить,
Для того чтобы, читатель, кое-что вам пояснить,

А то будет от пробела недостаток у меня,
И как будто бы неполна повесть горькая моя.
Вам покажется, наверно, этот самый эпизод
Совершенно посторонним и как будто в слог нейдет,
Но он близок мне для сердца и касается меня,
А поэтому на пропуск не решаюсь я, друзья.//

В батарее номер третий был мне родственник один, л. 389
Его звали Александром, по фамилии Балдин.
Он считался в родословной брат двоюродный, и мне
Приходилось с ним встречаться очень часто на войне.
У него остались дома дети малые с женой,
И о них он, сокрушаясь, говорил не раз со мной:
«Что-то делает, братушка, дома с детками жена?
Эх, скорее бы кончалась эта подлая война…
Хоть одним глазком увидеть милых крошек бы теперь,
Но едва ли уж придется их увидеть мне, поверь,
Иногда тоска такая нападает на меня,
Что, как маленький ребенок, прямо вслух рыдаю я.
А товарищи смеются: "Эх ты, баба, — говорят, —
Как не стыдно…" — Но, ей-богу, я и сам себе не рад.
Видно, это перед смертью…//Ах, как деток, братик, жаль,
Хоть бы выплакать все горе, облегчить бы всю печаль, л. 389 об.
Так ведь нет же, вот и слезы мое горе не берут,
И какие-то дурные мысли в голову бредут.
Так бы взял да вот бы руки на себя и наложил —
Только грех, да жаль малюток выше меры, выше сил.
Нет, неспроста это, братик, верь-не верь, а быть беде.
От раздумья грудь изныла, и покою нет нигде.
Если было бы возможно вынуть сердце из меня,
То, наверно б, испугался его, мученика, я,
Как от горя изболело и изныло все оно,
Онемело, помертвело, как чугун, черно, темно». —
«Полно, братик, все пустое, — я говаривал ему, —
Ты в приметы-то не веруй, веруй Богу одному:
Он в печали поскорее утешение пошлет,//
И без Божьей воли волос с головы не упадет». — л. 390
«Так-то так, — бывало, скажет он в раздумьи мне в ответ, —
Рад бы всей душой молиться, да усердия-то нет.
Прогневили мы, брат, Бога, перед ним во всем грешны
И окованы цепями лиходея сатаны.
Вот лукавый-то и мутит, не дает покоя мне
И видения мне кажет нехорошие во сне.
Вот недавно спал я, братик, и во сне часы видал:

Стрелка бегала мгновенно, я смотрел и все считал,
Сколько раз по циферблату обойдет кругом она.
Насчитал двенадцать ровно и проснулся ото сна...
Нехороший сон, братушка, ей-богу, не к добру,
Я предчувствую несчастье... Дни сочтены... Я умру
От немецкого снаряда иль от пули — все равно,
л. 390 об. Но уж родину мне видеть//на роду не суждено...
Передай жене, братушка, коль останешься в живых,
Что любил ее до гроба и малюток дорогих,
Что все время о них думал, никогда не забывал,
И, предчувствуя кончину, горевал и тосковал...»

И предчувствие сбылося, час ударил роковой —
Двадцать третьего апреля завязался снова бой,
Загремели вновь орудья, немец начал осыпать,
Но стояли наши грудью, не хотели уступать
Ни единого окопа, все решились умирать
На позициях и шагу никуда не отступать.
Но пришел приказ печальный, что снаряды поберечь!
А германец все сильнее продолжал и бить, и жечь,
Обстрелял опять деревню и дожег ее дотла,
л. 391 Превратил ее в пустыню, //точно вымела метла;
А потом на батареи канонаду перенес,
Закидал буквально наших, что не высунешь и нос.
Обстрелял и всю лощину, ничего не пропустил,
И на кладбище разрушил много склепов и могил.
Нас прижал между горами, что ни взад и ни вперед, —
Счастье наше, что к нам в горы был немного недолет.
Чемоданы разрывались в ста, не более, шагах,
Издавая страшный грохот, наводя на робких страх.
Но мы были от осколков защищены двум горам,
И вреда не причиняли никакого они нам.

В околодок то и дело перевязки шли да шли,
С батареи на носилках двух безногих принесли,
Раны им перевязали, но тотчас же отправлять
л. 391 об. В лазарет их не решились, //надо было ночи ждать:
Вся лощина и кладбище и все нужные пути
Осыпались шарапнелью — ни проехать, ни пройти.
Мы страдальцев положили под кудрявый дуб в тени;
Как кричали и стонали в нетерпении они,
На бумаге невозможно это выразить вполне...
Эти горестные стоны надрывали сердце мне,
Били больно мои нервы, по-за коже шел мороз,
И я с силою великой удержал себя от слез.

Будни медицинской службы.
Фотографии. 1914–1915

Близ полудня разорвался на позиции снаряд,
От которого был ранен тяжело, опасно брат.
Принесли еще носилки, на которых он лежал
Неподвижно, но спокойно, не кричал и не стонал.
Лишь уста его шептали непонятные слова,

л. 392 И беспомощно лежала//на подушке голова.
Вероятно, он молился горячо в последний раз,
Что заметно выдавало выраженье его глаз.
Мы раздели, осмотрели: оказалось, впрямь и вкось,
Точно острыми гвоздями, он пронизан был насквозь.
Руки, ноги, грудь и шея — все изранено. Я стал
Подводить итоги ранам и семнадцать насчитал.
Отжил горькую годину, — про себя подумал я, —
Как узнать вперед, быть может, скоро очередь моя...
Все равно — теперь иль после — неизбежен смерти час,
Только, только бы без муки, убивало бы нараз,
Не калечило бы только, что без рук или без ног.
Это худшее несчастье, сохрани, помилуй, Бог!
Эх ты, долюшка солдата, правду люди говорят,
Что солдат живое мясо и худой собаке брат.//

л. 392 об. Мы опутали бинтами с головы до ног его,
Но и здесь ни разу стона не слыхал я от него,
Только шепотом скорее он просил перевязать
И воды себе холодной проглотить хоть каплю дать.
Подал я воды в стакане, он губами в ней припал,
Проглотил и потянулся и всем телом задрожал.
«Разве холодно?», — спросил я. — «Нет, — ответил он, — я так...
Мне тепло...» — и поперхнулся, и закашлялся, бедняк.
Я пощупал его руку, она стала холодать.
Смерть, как видимо, уж стала налагать свою печать.
«Брат, — промолвил он чуть слышно, — я умру... Голубчик мой,
Наклонись ко мне пониже, попрощаемся с тобой.
Может быть, Господь поможет, ты, мой брат, и доживешь
До конца войны кровавой и на родину придешь,
л. 393 Побывай, не поленися//в моем доме лично сам,
Передай благословенье моим деткам-сиротам.
Вот, сними скорее с шеи этот крестик небольшой
На серебряной цепочке и снеси его домой.
А жене моей любимой ты скажи, что умер я
Безболезненно, спокойно и в присутствии тебя». —
Он заплакал... — «Больно, что ли? Что?» — спросил я у него.

«Нет, нисколько, я спокоен, мне не больно ничего.
Только вот в груди засела и сосет она, змея…
Ах, цветы, цветы какие!.. Точно в бархате поля…
Вот и детки, слава Богу, дорогие, с вами я
И умру!.. Ах, Женя, Женя! Что ж ты долго так не шла?..
Не пугайся, не пугайся, это гостюшка пришла…
Красоты-то всюду сколько, все сияет, всюду свет…
Где же смерть, куда девалась?.. Все солгали, смерти нет…» —//
«Бредит, — молвил тихо доктор, — отойдите от него, л. 393 об.
Спета песня его жизни и не надо ничего».

Через два часа он умер — терпеливо, как герой,
За отечество родное в стороне ему чужой.
Сколотили мы гвоздями гроб дубовый для него
И, дождавшись полуночи, хоронить пошли его.
Днем же было невозможно, немец нас бы обстрелял,
А в полуночь незаметно, да и враг всегда молчал.
У него была такая больше тактика везде,
День без умолку стреляет, ночью ж редко выстрел где.
Батареи свои, что ли, не хотел он оказать,
Или что-нибудь другое заставляло не стрелять,
Объяснить об этом трудно: я стратегией чужой
Не знаток и не ценитель, и не критик никакой.//

У деревни Чипахадзе на кладбище между гор л. 394
Он, герой, забытый всеми, почивает до сих пор.
Крест стоит на той могиле, на нем надпись говорит
О его происхожденьи и в каком бою убит.
Рядом с ним могилы венгров, он меж них один чужой,
И ничьей его могила не оплачется слезой.
Не придут жена и дети, не придет родная мать,
Не посмотрят, где, страдальцу, суждено ему лежать.
Хоть описано им место, о пути объяснено,
Но ни разу на могиле побывать не суждено.
Далека туда дорога, незнакома сторона,
А нужды-то в доме много, не допустит их она.
До дорог ли бедной бабе, если дети просят есть,
Их осталося немало без кормильца, ровно шесть,
Так уж впору, горемычной,//их кормить и поднимать, л. 394 об.
А поездкой из могилы к жизни мужа не поднять.

Спи спокойно, храбрый воин! Спи, мой брат, в земле чужой
Павший храбро, защищая честь Отчизны дорогой.

Песня LXXIX

То не ветер буйный воет, не дремучий бор шумит,
Не земля сырая стонет, не синё морё бурлит,[79]
То не демон злой хохочет и не ведьма-егоза,
Не на тучах гром грохочет, не небесная гроза.
То грохочет гром военный, то орудия гремят,
Города, деревни, села и имения горят.
л. 395 Льются слез народных реки, //крови целые моря,
Гибнут русские солдаты за Россию и царя.
Гибнут, гибнут бесполезно, наступают и опять
По приказу командиров начинают отступать.

Всем и каждому известно, что в России сотни лет
Немец полный был хозяин, то не тайна, не секрет.[80]
Прижился он, вкоренился по селам и городам,
По заводам поселился, по коммерческим делам.
Вплоть от царского вельможи до простого торгаша,
До врача и музыканта — все немецкая душа.
Он вошел в России в моду, русский исстари привык
К Карлам Карлычам, к Адамам и смешал родной язык.
Словно пьявки, присосались Карлы Эверты[81] кругом
И везде распоряжались над российским простаком.
л. 395 об. Кто помещик? Хитрый немец. //Кто издатель? Кто барон?
Губернатор? Управитель? И профессор? Всюду он.
Как же тут не быть измены? Каждый умный это знал,
И на то свои надежды хитрый кайзер возлагал.
Как <же> с немцами бороться, если немец за спиной
И командует рядами нашей армии лихой.
Если дать баранье стадо под начало злым волкам
Или белую капусту на хранение козлам,
То от этого, конечно, трудно пользы ожидать,
Кроме горя и убытка, ничего не увидать.

---

[79] Кругов использует зачин популярного старинного романса на слова Семена Стромилова: «То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит — То мое сердечко стонет, Как осенний лист дрожит».

[80] Накануне Первой мировой войны в Российской империи проживали более 2 млн немцев, что составляло около 1,2 % населения. Доля немцев в российском генералитете составляла тогда около 20 %. С началом Первой мировой войны русские немцы стали вызывать подозрения в нелояльности и шпионаже в пользу Германии.

[81] Возможно, Кругов подразумевает здесь генерал-лейтенаната Эверта Алексея Ермолаевича (1857–1926<?>), который в 1914 г. командовал 10-й и 4-й армиями Западного фронта и с августа 1915 г. был главнокомандующим армиями Западного фронта. Он характеризовался как осторожный и педантичный военачальник. Вместе с тем, его крайняя нерешительность сказалась на неудачах русской армии в 1916 г., в марте 1917 г. генерал Эверт был уволен в отставку.

Ворон ворону не будет никогда глаза клевать,
Немец немца бить не станет — это надо полагать.
Он всю хитрость и сноровки, где возможно, пустит в ход,
И легонько, незаметно вред повсюду нанесет.

И с такими-то людьми мы затеяли войну, //
Что командовали нами и заполнили страну. л. 396
Под командованьем немцев назначались иногда
В строй такие офицеры, что негодны никуда.
А хороших очень много находилось по тылам,
Благоденствовали мирно по хорошеньким местам.

У деревни Чипахадзе девять суток длился бой,
Ежедневно на окопы немцы шли живой стеной,
Но напором им аршина не пришлось у нас занять,
Ни единого окопа, ни одной горы отнять.
Все атаки отбивались пулеметною стрельбой,
И лилася девять суток кровь защитников рекой.

На десятый день под вечер приказали отступать —
Для чего и далеко ли, не могли мы это знать. //
Не спеша с позиций снялись и пошли... Пошли назад л. 396 об.
Той же самою дорогой в сердце пройденных Карпат.
Но теперь не то, что прежде, — было сухо и тепло,
Вся природа зеленела, без пощады солнце жгло.
А под вечер все свежело, оживал дубовый лист,
И до утра раздавался соловьев залетных свист.
Правду раньше говорили, что привольно здесь весной,
Не ушел бы век отсюда, отдохнул бы здесь душой,
Сел бы где-нибудь под дубом и в наплыве разных дум
Позабылся бы и слушал горных речек плеск и шум,
Описал бы все на память, срисовал бы виды гор
И воспел бы в песнях грустных, что вокруг увидел взор.
Только время не такое, не до песен на войне,
Кровь и выстрелы орудий расшатали нервы мне.
Впрочем, я имел альбомик // вроде книжки записной — л. 397
Небольшой карманный томик — и писал в него порой
Впечатления событий, излагал их, как умел,
На различные мотивы и не раз в походах пел.

Отступили верст двенадцать, раздалась команда «Стой!» —
Батареи развернулись вновь в порядок боевой.
Стали ждать подхода ближе наступавшего врага

В лазарете.
Почтовые открытки и фотографии
1914–1917

В госпитале.
Почтовые открытки и фотографии
1914–1917

Под прикрытием пехоты Солигальчского полка.[82]
Но германцы и австрийцы не показывались нам,
И спокойно простояли сутки четверы мы там.

Мы в селении Видраны,[83] отыскав сарай пустой,
С околодком поместились на соломе яровой.
Разостлали холст с палатки и устроились кой-как,
Пока немец не прогонит иль мадьяр и австрияк. //
л. 397 об. Рядом с нами стали кухни двух каких-то батарей
И какие-то повозки не известных нам частей.

День прошел спокойно, тихо, жар полуденный свалил,
И прекрасный тихий вечер незаметно наступил.
Я стоял вблизи сарая и спокойно наблюдал,
Что вблизи происходило, и досыта хохотал.
Да нельзя и не смеяться мне на то, что пред собой
Я увидел в этот вечер. Случай вышел вот какой:

Кашевар походной кухни роздал ужин черпаком
И, промыв его, поставил для просушки стояком
И ушел, обыкновенно, поскорей в халупу спать,
Потому что ему было нужно утром рано встать.
Проезжает подполковник на пролетке с денщиком,
л. 398 Не спеша, почти что шагом, //поравнялся с черпаком
И, приняв за кашевара в кухню воткнутый черпак,
Закричал, остановляясь: «Ты чего стоишь, дурак,
Словно пень, и должной чести мне не хочешь отдавать?
Иль не видишь офицера? Рот не надо разевать,
Загляделся, как ворона, неизвестно на чего…
Где твой старший, поскорее позови сюда его.
Марш! Чего не шевелишься иль оглох? Чего молчишь?
На начальника не смотришь, как дурак! Или ты спишь?..
Говори скорей, скотина!» — но черпак не отвечал,
Свою лысину уставив, был недвижим и молчал. —
«Ты какой, мерзавец, части? — но ответа снова нет. —
Говори скорей, бродяга, иль не хочешь дать ответ?
Так молись живее Богу, изрублю в куски всего». —
Но опять в ответ не слышно ни словечка одного. — //

---

[82] Солигаличский 322-й пехотный полк 81-й пехотной дивизии был сформирован 8 июля 1914 г. от 182-го пехотного Гроховского полка, расквартированного в Костроме. Сначала полк в составе дивизии оборонял крепость Ивангород, затем участвовал в осаде крепости Перемышль и других фронтовых операциях Западного фронта.

[83] Видраны (Vydraň) — селение рядом со словацким городом Медзилаборце.

«Изрублю!» — вскричал он снова и уж шашку обнажил, л. 398 об.
Но порыв его безумный вдруг денщик остановил:
«Не извольте, ваше вскродье, вы расстраиваться так,
Здесь солдата вовсё нету, а стоит один черпак...» —
«Как черпак?» — «Ей-богу, правда», — уверял денщик его. —
«Гм... черпак... а я ведь думал, что солдат, а ты чего
Мне, подлец, об этом сразу ни полслова не сказал?» —
Снова вскрикнул подполковник и глазами засверкал. —
Заморю, подлец, под ранцем! Ты не знать о том не мог,
Что я вечером не вижу, что, буквально, близорок...» —
«Виноват...» — «Молчи, скотина, недогадливый осел!
А ты что развесил уши, трогай живо, ну, пошел!» —
Крикнул кучеру он снова. Кучер вожжи натянул,
Шевельнул коня лихого, //тонкой плёточкой стегнул л. 399
И помчался легкой рысью, подымая пыль столбом.
Близорукий барин скрылся, и затихло все кругом.
Только где-то свою песню соловейка напевал,
Точно плакался на долю, точно душу изливал.
И неслася песня эта далеко в ночной тиши,
И, как искра, западала в глубину моей души.
В ту минуту жить хотелось и любить, любить людей,
О детях хотелось думать и о родине своей.
И о чем так пел соловка, о далеких ли краях,
О подруге ли любимой, о родимых ли птенцах?

**К. Н. Подушкин.
У полевой кухни.
1916.
Репродукция акварели**

Угадать ужасно трудно смысел песни соловья,
И на сердце грустно-грустно что-то стало у меня.
Настроенье изменилось после смеха моего,
Словно камень лег на сердце, сам не знаю, отчего. //
л. 399 об. Что прошло и что забылось в жизни горестной моей,
Пробудил своею песней этот чудный соловей.
Я пошел в сарай и, молча, на солому тихо лег,
Но под трели дивной песни долго глаз сомкнуть не мог.

Песня LXXX

Если б не было измены, нас не сдвинуть бы врагу,
Но она была на каждом стратегическом шагу.
Разносились всюду слухи, что какой-то генерал
На участке у Тарнова фронт нарочно ослаблял.[84]
В силу этого германцы быстро двинулись вперед
От Тарнова к Ярославу[85] и спешили нам в обход.
л. 400 Говорили, что цепями // был закован генерал
И отправлен вглубь России, но а кто его видал?
Я не видел и другие, как тут хочешь, так и верь,
И налгут как раз немало, а тем более теперь,
Когда наши отступали, в самый раз солгать пора,
Живо сделают, пожалуй, и слона из комара.
Говорили, что измена еще кроется и там,
Далеко внутри России, что сочувствует врагам
И сама императрица, ну, и портит дела ход.
Император же, все видя, ежедневно с горя пьет.
Говорили, уверяя, что давно российский скот
И пшеница, и крупчатка — все в Германию идет.
Что уж дважды задержали англичане скот в пути,
Что везде одна измена и нельзя войну вести,
Что умышленно снаряды нам приказано беречь, //
л. 400 об. Чтобы немцу доставались, а деревни все прижечь,
Чтобы более голодных вглубь России набрело,

[84] Тарнов (Тарнув) — город в Польше, входит в Малопольское воеводство. Кругов описывает здесь и далее тяжелое положение нашей армии в Галиции, возникшее в результате Горлицкого прорыва австро-германских войск, возвращения ими Перемышля и Львова. К середине июня русские войска оставили Галицию. В результате были сведены на нет успехи русских войск в кампании 1914 г. и в Карпатской операции, возникла угроза оставления Польши.

[85] Ярослав — город в Польше на реке Сан к западу от Львова и к юго-западу от Перемышля, входит в Подкарпатское воеводство. Основан в 1031 г. киевским князем Ярославом Владимировичем. Известен очерк военного корреспондента Валерия Брюсова о пребывании в Ярославе: «Галиция, город Ярослав, середина августа 1914 года». — См.: Русские ведомости. № 223. 1914, 28.09. С. 3.

Чтоб запасы истощались, чтобы хлеба больше шло.
Говорили, что и в Бресте кем-то взорваны склады
И что дело наше плохо, недалеко до беды.
Точны ль были эти слухи,[86] не могу я уверять,
Но на деле вышло схоже, и нельзя опровергать.

Дня четыре простояли мы в Видранах, как опять
Показался неприятель и начал по нам стрелять.
Наши редко отвечали, все снаряды берегли,
На ответ врагу трещали пулеметы лишь одни
Да винтовки то и дело беглым сыпали огнем,
А орудия устали в состязании с врагом.
Пустят очередь, другую //и опять стоят, молчат, л. 401
А германцы то и дело за снарядом шлют снаряд,
За колонною колонну австрияков и своих,
Напоив до полупьяна предварительно всех их.
Разгоряченные водкой, дрались немцы жестоко,
И держаться без снарядов нашим было нелегко.

Продержались сутки-двои, и пришел приказ опять,
Как удар небесный грома, отступать и отступать
По возможности скорее, с фланга враг обходит нас,
Всем опасность угрожает, а снарядов нет у нас.[87]
Призадумались герои, кто отечество любил,
Каждый думал: «Для чего же и за что я кровь-то лил?
Для чего в сырых окопах я томился и страдал?
Под дождем и под метелью голодал и холодал?
За клочок земли сражался, //шел открыто умирать л. 401 об.
Для того ли, что<б> обратно эту пядь земли отдать?» —
«Нет, никто того не думал, — говорили меж собой

---

[86] С 1915 г. в России циркулируют разнообразные слухи о немецком «заговоре», о предательстве «немки-царицы» — императрицы Александры Фёдоровны, урождённой принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. Между тем, императрица своей настоящей родиной считала Англию, а родным языком — английский. Алису упорно честили «немкой», продающей Россию через Распутина. Появлялись слухи, что она даже арестована за шпионаж и что в Царском Селе якобы находится прямой провод для связи с Берлином. После Февральской революции был проведён тщательный обыск царскосельского дворца, однако никаких «прямых проводов» и «радиотелеграфных станций» обнаружено не было. — См.: *Колоницкий Б. И.* Слухи об императрице Александре Федоровне и массовая культура (1914—1917) // Вестник истории, литературы, искусства. Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005.. С. 362—378.

[87] В этот момент русские войска уступали германским по численности в 2 раза и были полностью лишены тяжёлой артиллерии. Плохое маневрирование, нарастающая нехватка снарядов и полное преобладание германской артиллерии привели к тому, что фронт был прорван и началось отступление русских армий в сторону России, сопровождавшееся потерей русской армией боевого духа и массовыми сдачами в плен.

Неизвестный художник.
Взятие Ярослава.
М., 1914. Хромолитография

Отступавшие солдаты, — что пойдем ни с чем домой.
Если б было это знато, так зачем бы нам и брать
Эти чертовы Карпаты, а дойти бы да и стать
У реки широкой Сана, окопаться бы и ждать.
Пусть бы немец лез в атаку, а мы стали бы встречать.
Вот тогда бы и утерли хорошо немецкий нос,
И австрийцу бы досталось, что башки бы не унес.
А теперь уж после драки, брат, не машут кулаком,
А приказано, так живо улепетывай бегом.
Если б были бы снаряды, ни за что не сбить бы нас,
А теперь необходимо отступать, когда на нас

Неприятель с большой силой наседает по пятам. //
Кто виновен больше в этом и кто прав, судить не нам». л. 402

Началося отступленье, стали станции сжигать
И запасы провианта с фуражом уничтожать.
Отступали очень спешно, неприятель наседал
И стоянки на привалах долго делать не давал.
Не успеем стать на месте, себе чаю заварить,
Как опять идет известье поскорее уходить.
На реках мосты взрывали, чтобы немцев задержать,
И железные дороги торопились разрушать.
Той же самою дорогой по горам и между гор
На повозках и верхами мчались все во весь опор.

У деревни Чашин стали снова немца задержать,
Две-три очереди дали и пошли, пошли опять.
Повернули круто влево, //по компасу на восток, л. 402 об.
После ряда переходов на ночь прибыли в Санок.
За рекою Саном в поле стали все на бивуак,
На земле, не раздеваясь, улеглися спать кто как.
Кто прилег вблизи лафета, кто под ящиком лежал,
Кто открыто на лужайке, растянувшись, крепко спал,
Кто, опершись в подбородок, у огня сидел, дремал
Или, сняв с себя рубашку, насекомых истреблял.

Я, забравшись под повозку, лег и сразу задремал,
Но, однако же, недолго там спокойно пролежал.
Я почувствовал, что стало что-то сыро подо мной
И шинель моя промокла, словно облил кто водой.
Повернулся и проснулся, огляделся все кругом:
Небо тучами покрылось и гремел на небе гром.
От земли шло испаренье, //как из бани, дождь хлестал, л. 403
Но товарищи все спали, он им, верно, не мешал.
Отовсюду доносился носовой здоровый сап,
Вздохи ровного дыханья, сонный бред и сильный храп.
После трудных переходов, после дальнего пути
Все буквально были рады где-нибудь спокой найти.

На дубовое полено под повозкою я сел
И, как сторож полуночный, не сомкнув очей, сидел.
Тихо туча дождевая над биваком проплыла,
Плодотворные потоки на поляны пролила.
На рассвете показался серебристый серп луны,
Перестал весенний дождик. Средь царившей тишины

Где-то грянул глухо выстрел, разорвался чемодан —
Это шли австро-германцы всеми силами на Сан.
л. 403 об. Под Саноком ждали боя//и хотели постоять,
Чтоб порыв австро-германцев по возможности сдержать.

На востоке показался свет пурпуровой зари,
Весь бивак зашевелился, загорелися огни,
Загремели котелками, стали чай приготовлять.
Командиры приказали наготове всем стоять
И, пришпорив своих коней, поскакали между гор
Осмотреть холмы, лощину и вдали лесной простор,
Где окажется удобней на позиции вставать
И немецкие полчища из орудий угощать.

В то же утро над биваком пролетел аэроплан,
Сбросил в нас четыре бомбы и отправился за Сан.
Одна бомба разорвалась от меня в пяти шагах
И осколками пробила мне шинель в семи местах.//
л. 404 Но Господне провиденье и на этот раз меня
Сохранило невредимым до сегодняшнего дня.

Говорят, в судьбу не верьте, говорят, что Бога нет...
Люди, жалкие безумцы, дайте мне сейчас ответ:
Отчего не восходило солнце с запада вовек?
Отчего не прибавит себе роста человек?
Отчего не могут люди в жизни средства отыскать,
Чтобы жить и не стареться, не болеть, не умирать?
Отчего никто не может тайну будущего знать?
Высоту небес измерить, на светилах побывать?
Из какого материала звезды, солнце и луна?
Почему неизмерима океанов глубина?
Отчего же это дома люди смерть себе нашли,
А с войны из-под обстрела невредимыми пришли?//
л. 404 об. Отчего один младенцем умирает, а другой
Даже жизнью тяготится и живет уж век не свой?
Отчего, скажите, это? Мне желательно бы знать!
Что молчите, отвечайте, или нечего сказать?
Знаю я, что на вопросы вам ответов не найти,
Если нет живого Бога, кто <же> жизнь земную дал?
Знаю, скажете: «Природа!», но природу кто создал?
О, ничтожные, слепые, прах земной и тлен телес,
Вы не видите очами вечных Божиих чудес!
Вы не слышите ушами слова истины Христа,
Ваш язык змеи шипучей, ваша совесть нечиста.
Бестолковые болтушки, кто постигнуть тайны мог

Вездесущего от века? Есть и жив на свете Бог!
Кто же, кто меня от смерти//в жизни много раз хранил л. 405
Как не он, Творец небесный, как не он, Владыка сил.
Случай что ли? Нет, не случай, случай жизнь спасти не мог
Ту, которую на свете даровал предвечный Бог.
Слава Богу Жизнедавцу, Вседержителю, Творцу,
Слава Троичному в лицах безначальному Отцу!
Кто не верит в сущность Бога, для того вся жизнь пуста,
И глупа, и безнадежна, как у зверя и скота.
Для такого человека и просвета в жизни нет,
Он во тьме, и лучше б было не родиться бы на свет.//

Е. М. Чепцов.
Открытое письмо.
Пг., 1916

Песня LXXXI

л. 405 об.

Было дело под Саноком[88] незавидное, друзья,
Мы дрались с австро-германцем за Россию и царя.
Немцы сильно налегали на пехотные полки,
Чемоданами кидали и в атаку шли в штыки.
Все деревни превратили в морё бурного огня,
Солнце красное затмили посреди белого дня.
Побагровело, родное, от пожаров во дыму,
Словно кровью залитое, схоронилось в дыма тьму.
Места не было такого, где снаряд бы ни упал,
Где бы полё ни изрыто, где огонь бы ни пылал.
Все трещало и горело, с треском, грохотом рвались
Чемоданы и, как шмели, пули в воздухе неслись.
Пулеметики трещали//поминутно: тра-та-та, л. 406
Стойко наши защищали раньше взятые места.
И уж даже начинали пожинать плоды побед,
Как из парков известили, что опять снарядов нет.
И тогда случилось дело, что уж лучше б не слыхать:
Наши начали поспешно под обстрелом отступать.
Два пехотных батальона пострадали под огнем,
А вторая батарея в плен попала целиком.
Лазареты и обозы заградили все пути,
В кучу общую смешались — ни проехать, ни пройти.
Наконец, пришли в порядок, Сан обратно перешли
И дорогой к Перемышлю отступаючи пошли…

В этой страшной суматохе я отбился от своих
И, к великому несчастью, потерял из вида их.

---

[88] Во время прорыва немецких армий в апреле 1915 г., в результате которого русские войска вынуждены были оставить Западную Галицию, одним из главных было направление на город Санок.

л. 406 об. Где они? Куда девались? //Впереди иль позади?
Дожидать ли их на месте? Иль вперед скорей идти?
Я не знал, на что решиться, но, однако ж, было ждать
В крайнем случае опасней, чем с другими удирать.
Немцы были недалеко: просидишь да проглядишь,
Так живехонько, пожалуй, в плен германский угодишь.
Говорят, в плену несладко у германца побывать,
Так уж лучше поскорее восвояси удирать.

И не только околодок я из виду потерял,
Но и всю свою бригаду в суматохе прозевал.
Да свободно и отбиться было пешему тогда,
Если мчались все повозки по дороге в три ряда
Безо всякого порядка с шумом, громом на рысях,
А я с сумкою тащился и с шинелью на плечах,
л. 407 Да и время вечерело, //солнце за горы зашло,
И порядком потемнело, небо тучей облегло.
Ожидался ночью дождик, и уж молния вдали
Изредка крестила небо с высоты и до земли.

Ну, ушла бригада наша, что ж об этом горевать,
Ночь пойду пока с другими, завтра легче отыскать, —
Думал я, идя дорогой, а за мной и впереди
Мчались пушки и повозки, — не зевай: того гляди
С ног сшибут и вмиг раздавят, ночью все возможно ждать,
Под колесами как будешь, так уж некогда кричать.
Ввиду этого случая подвигался я вперед
Все сторонкой, близ дороги, где и каждый пешеход.
Вот прошла пехоты рота и один дивизион
Артиллерии мортирной, и драгунов эскадрон. //
л. 407 об. Лазаретные повозки, штук не меньше тридцать в ряд, —
Это был известный многим Пуришкевича[89] отряд.
Вот прошел еще какой-то неизвестный лазарет,
Только восемьдесят первой всей бригады[90] нет и нет.
Не видать и околодка, как же это я отстал!
Хорошо еще, что в сумку я, на случай, хлеба взял,

[89] Пуришке́вич Владимир Митрофанович (1870–1920) — российский политический деятель ультраправого толка, один из создателей монархической организации «Союз Русского Народа», затем — «Союза Михаила Архангела». Один из лидеров крайне правых в Думе. В начале Первой мировой войны Пуришкевич выехал на фронт в составе санитарного отряда А. И. Гучкова. Вскоре он организовал собственный санитарный отряд, который возглавлял до конца войны, нередко был в гуще боев. Его санитарный поезд считался одним из лучших в армии.

[90] 81-я артиллерийская бригада, в околотке которой служил Г. Кругов, была сформирована в июле 1914 г. по мобилизации в г. Ярославле. Входила в состав 4-й армии (Юго-Западный фронт).

А то было бы неважно, уж сейчас охота есть,
Да и ноги-то устали, не мешало бы присесть.
Да нельзя, все так и гонят, как совсем бы не отстать —
Станут без вести пропавшим во своей части считать.
Чего доброго, пожалуй, дезертиром станут звать,
Эх, скорее бы, скорее околодок отыскать.

Вот еще темнее стало, начал дождик накрапать…
Раскатал свою шинельку я и начал одевать//
В рукава, чтобы немножко от дождя себя спасти, л. 408
А то в легонькой рубашке неприятно в дождь идти.
Но, однако, слава Богу, дождик был не так большой,
Туча с громом пронеслася вся на запад, стороной.

Я достал из сумки хлеба и на камешке присел,
Зачерпнул воды в канаве и с водой кусочек съел.
Убрал снова кружку в сумку и опять шинель скатал,
И надел, как хомутину, чрез плечо, и побежал.

Рассветало. День чудесный был от самого утра,
В самый полдень наступила нестерпимая жара,
Я измучился в дороге, хлеб доел и отощал,
И огромные мозоли на ногах себе намял.
От жары томила жажда и катился градом пот,
И я еле подвигался, //весь расслабленный, вперед. л. 408 об.

«Эй, земляк! Ты болен, что ли? Аль измучился уж так,
Что едва волочишь ноги? Так нельзя идти, чудак.
Под повозку попадешься, разомнут все потроха:
Ви<ди>шь, гонят как вприскочку, тут недолго до греха.
Искалечат, как собаку, и виновных не найдешь,
На войне всего бывает и нередко в ряд и сплошь».
Я на оклик оглянулся и увидел пред собой
Добродушного солдата на повозке и пустой.
«Что глядишь? Садись скорее, подвезу, коль по пути, —
Продолжал он, — а то, право, ты ослабнешь, не дойти
Нипочем тебе до места, ведь, голубчик, далеко
Отступать-то еще надо, а пешком-то нелегко
По горам в жару такую. Вишь, как солнце-то печет,
Что дышать-то даже нечем, //а с белья-то уж течет, л. 409
Да и немец не зевает, по пятам почти идет,
Это тоже под лопатки жару с паром поддает».

Я присел, и мы дорогой разболтались кой о чем,
Он узнал, что было надо обо мне, а я о нем.

Он самарский уроженец, как и я, запасным был,
А теперь в мортирном пятом[91] каптенармусом служил.

«Так ты в восемьдесят первой, в околодке служишь, брат?
Видел я бригаду вашу два часа тому назад:
На рысях промчалась мимо этим самым же путем,
Не заботься понапрасну, в Перемышле всех найдем.
А в дороге хлеба хватит, у меня и сало есть,
Вот ужо заварим чаю, вместе будем пить и есть.
Батарея наша станет недалеко на привал, //
л. 409 об. Мы сейчас ее догоним, — он уверенно сказал. —
Уж взялся, так не оставлю, накормлю и напою,
В Перемышль тебя доставлю, и отыщешь часть свою». —

«Ну, спасибо, — я ответил, — чем тебя благодарить
Мне за это?» — «Э! пустое, что об этом говорить!
Не велику добродетель сотворил, дружище, я,
Что везу тебя, — не с возом, не измучу тем коня.
Надо жить-то, брат, по-Божьи и друг другу помогать,
На войне всю злобу бросить: ведь пришли все умирать,
А не к матушке родимой, стукнут раз, — и нет в живых,
Так какие уж расчеты, позабыть всем надо их». —
«Так-то так, дружок любезный, это правда, но, поверь,
Много ль есть сейчас на фронте добряков таких теперь?
Раз, два, три да и довольно, каждый думает все жить, //
л. 410 А о смерти забывает, хоть она и может быть». —
«Оттого-то вот и скверно все живут, — сказал он мне, —
Что забыли веру в Бога и предались сатане.
Все озлобились на свете, стали лживы и льстецы,
И двуличные людишки, скряги, плуты, наглецы,
Антихристову ученью все последовали — ну,
Во грехах и утонули, как попрали старину.
И зачем коверкать было веру старую, она
Ведь была не человеком, а самим Христом дана.
Появились лжепророки, и за ними все пошли
И от веры христианской далеко теперь ушли.
Из учения Христова натворили много вер,
Только верен и остался и не сдался старовер!

---

[91] К началу Первой мировой войны в Российской армии в составе полевой артиллерии находилась специальная тяжелая артиллерия, которая была оснащена 152-мя гаубицами, обладающими большой дальностью, и предназначалась для ведения навесного огня и разрушения фортификационных сооружений противника. Пятый мортирный (гаубичный) артиллерийский дивизион был сформирован в 1910 г., в 1914—16 гг. участвовал в сражениях Юго-Западного и Северо-Западного фронтов.

Он не как никонианец:[92] еще Бога не забыл
И учения Христова//до сих пор не изменил. л. 410 об.
Все по старому, как было, даже крест слагает свой,
Как слагал Христос Спаситель, в жизни будучи земной.
И душа добрее много, чем у никоновцев. Эх!
Говорю не в осужденье, не поставь, Господь, во грех,
А затем, что люди стали все святое забывать,
Даже многие не стали вовсё Бога признавать».
И он, сняв с себя фуражку, двуеперстный[93] крест сложил,
Поднял очи свои к небу и, крестясь, проговорил:
«Посему сие глаголю, Всемогущий Боже, я,
Что по доме твоем ревность снела, грешного, меня».[94]

Я смекнул, что мой возница был природный старовер,
А поэтому не принял никаких для спора мер,
А решил совсем о Боге ничего не рассуждать,
Уклониться этой темы, //больше слушать и молчать. л. 411

Вскоре мы остановились у лесочка на привал,
Отдохнули, закусили, и я даже подремал,
Что немного мои силы для дальнейшего пути
Подкрепило, и я снова мог на розыски идти.

После нашего привала и ночлега под кустом
Я достиг до Перемышля и простился с возчиком.
Дай тебе здоровья Боже, добрый русский человек,
Твоего ко мне участья не забуду я весь век.//

Песня LXXXII

л. 411 об.

Что начать? Куда деваться? Вправо ль, влево ли идти?
К коменданту ль отправляться, чтобы часть свою найти?
Или так, без коменданта, мне поспрашивать кого:
Может быть, видали люди и расскажут кой-чего?
Нет, пожалуй, коменданта мне никак не миновать,
Он верней и больше знает, надо лучше побывать.
Но уж поздно, свечерело, к коменданту не пойдешь,

[92] Никонианцами русские старообрядцы называли представителей господствующей православной церкви, сторонников богослужебной реформы в Русской церкви XVII в., инициированной патриархом Никоном.

[93] В результате реформ патриарха Никона произошла замена древнего двуперстного крестного знамения трёхперстным.

[94] Кругов почти дословно воспроизводит библейские слова в речи возницы-старовера: «При сем ученики его вспомнили, что написано: ревность по доме Твоем снедает Меня» (цитируется Псалом 68, стих 10). — См.: Евангелие от Иоанна, гл. 2, ст. 17.

Да и сходишь, так напрасно, ночью части не найдешь.
Что уж будет, завтра утром нужно поиски начать,
А теперь ночлега надо где-нибудь себе искать.

С этой думой в Перемышле я на улице стоял
Против булочной австрийской и куда идти, не знал.
л. 412 Шла по улице пехота, //шли обозы, но кого
Я ни спрашивал о наших, все не знали ничего.
«Не видалы, кто их знае, — отвечал солдат-хохол, —
Я и сам вчира отбивси и едва свиих нашел».

Но не время было думать и не место, здесь стоять
Среди улицы, а надо что-нибудь предпринимать.
Я отправился за город, но намятая мозоль
На ноге идти мешала, сильно чувствовалась боль.
Я хотел прибавить шагу, но ввиду ее не мог
И едва-едва тащился, если б можно, то бы лег
Среди улицы, казалось, и заснул бы крепким сном,
Позабыл бы все на время — и войну, и отчий дом.
Но на улицах ложиться было спать запрещено,
Да оно и неудобно — на камнях-то все равно
л. 412 об. Сон плохой, и я тихонько //брел по улице как мог.
Вдруг в одном подвале дома я заметил огонек.
Подошел и наклонился, вниз в окошко поглядел:
У стола на венском стуле молодой еврей сидел,
А напротив старушонка — вероятно его мать —
Продолжала вслух газету о событиях читать.

Я спустился по ступенькам, постучался у дверей,
И не больше, чрез минуту мне открыл ее еврей.
«Вам кого?» — спросил он громко чисто русским языком.
Сразу можно было думать, что он с русскими знаком
Или жил в России долго, или в школе обучен
Говорить. «Кого вам надо?» — повторил мне снова он.

«К вам, почтенный, — отвечаю, — с важной просьбой я пришел.
От своих солдат отбился, день искал и не нашел. //
л. 413 Так нельзя ли, пан хороший, мне у вас заночевать?
Завтра рано утром встану и пойду опять искать». —
«Что ж, ночуй, не жалко места, днем разыщешь поскорей,
Проходи сюда за мною, что стоять тут у дверей!»
Я вошел... Он, оказалось, человек хороший был,
Словно гостя, меня принял, напоил и накормил,
И устроил на лежанке он постелю для меня.
Лежа, мы разговорились кой о чем на злобу дня.

«Я симпатию имею больше к русским, — молвил он, —
Потому что жил в России до войны и там рожден,
Но война меня застигла здесь нечаянно, врасплох,
Я опять туда уеду, только Бог бы вот помог
По возможности скорее развязаться всем с войной.
Удивляюсь я на русских командиров, ой-ой-ой!
Всё какие злые люди, //трудно даже и понять. л. 413 об.
Воевали, брали, брали и все отдали опять.
А чтоб вылезти из грязи, всю вину теперь валят
На несчастного солдата, а солдат чем виноват?
Что приказывали — делал, наступал и умирал,
А бежать приказ издали, так, конечно, побежал.
Рад, радехонек. Своя-то шкура ближе… Да, дела
Не особенно из важных. Русь победу отдала
Добровольно, а не силой города берут назад:
Разве это не позорно?.. тут солдат не виноват.
Николай-то Николаич[95] просто сбился, бедный, с ног,
С неприятностей в постелю, говорят, родимый слег.
Но чего он может сделать, он один везде, как перст,
На таком обширном фронте — фронт на тысячу ведь верст.
Так везде и усмотри-ка — как ни зри, а проглядишь, //
А ему все козни строят, чтобы пал его престиж». — л. 414
«Что же делать, пан хороший, если немец так силен?» —
«Вы не знаете, солдатик, ничего, — ответил он, —
Здесь не сила, а измена погубила. Я не лгу
И виновников всех знаю, но назвать вам не могу,
Помолчу пока, в секрете надо это подержать,
А то, знаете, за слово можно жизнью рисковать.
Край хороший и привольный уступили вы, ей-ей,
Ведь Галицию в России все считали уж своей.
Но теперь проститесь с нею, и уж нечего мечтать,
Что обратно возвратиться, как ушей вам не видать».

Я проснулся утром рано, но еврей не отпустил,
А развел огонь и живо мне какао заварил
И отрезал ломоть хлеба. Я напился, закусил//
И за все добро еврея от души благодарил. л. 414 об.
Расспросил до коменданта я дорогу и пошел

---

[95] Николай Николаевич Романов (1856–1929) — великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. С началом войны был назначен Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами Российской империи. После нескольких первоначальных побед русским командованием под руководством великого князя были совершены непоправимые ошибки, в его штабе царили неурядицы, растерянность и уныние, русские силы несли тяжелейшие потери. В этих обстоятельствах Николай II в августе 1915 г. отстранил Николая Николаевича и сам встал во главе Русской армии.

Его Императорское Высочество, Великій Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Верховный Главнокомандующій,
на боевыхъ позиціяхъ.

еизвестный художник.
еликий Князь Николай Николаевич,
ерховный Главнокомандующий,
боевых позициях.
., 1914. Хромолитография

Той же улицей обратно, но лишь только подошел
Снова к булочной, как встретил вдруг одну из батарей
Своей части и душевно тут обрадовался ей.

Я спросил, где околодок, но никто о нем не знал.
«Он уехал к Ярославу, — канонир один сказал. —
Вот и мы идем туда же, офицеры-господа
Говорили, что бригада наша вся пойдет туда.
Только верно ли, не знаю и не буду уверять,
Но что слышал, не скрываю, а чтоб в точности узнать,
Ты спроси у командира. Вон он едет впереди
И про все тебе расскажет, не зевай — иди, иди...»

Побежал я к командиру, //но он быстро от меня л. 415
Повернулся и уехал, тронув шпорами коня:
Вероятно, не заметил он, что я бежал к нему, —
До солдата ль офицеру, и без них есть дел ему.
Вслед за ним и батарея, громыхая, понеслась
По дороге к Ярославу, только пыль столбом взвилась.

Постоял на этом месте я минут, должно быть, с пять
И пошел до коменданта, чтобы лучше все узнать,
Но и там я точной справки не узнал ни от кого.
Думал, думал я и лучше не придумал ничего,
Как идти до Ярослава — больше было некуда.
Вышел вон от коменданта и отправился туда.
И как раз бы понапрасну верст с полсотни отшагал,
Да нечаянно знакомый флаг на счастье увидал.
Он свободно развевался //на заборе, а за ним л. 415 об.
Дом громадный возвышался, весь с карнизом вырезным.
«Управление бригады, — тут же надпись я прочел, —
номер восемьдесят первый». Ну, теперь-то я нашел
Всех своих, сейчас узнаю, обо всем расскажут здесь,
Где стоит наш околодок, здесь все сведения есть.

В Управлении бригады я подробно все узнал:
Околодок в Перемышле на восьмом форту стоял
Вместе с первой батареей. Я немедленно пошел
По указанной дороге и товарищей нашел.
У форта в казармах «Липы» поместилися они,
Окруженные садами, в ароматной зелени.
Вместе с ними в околодке я и доктора застал,
Он какого-то больного в это время принимал.
«Честь имею к вам явиться», — //объясняться начал я, л. 416

Но он в это же мгновенье перебил, шутя, меня:
«А, шатающие мощи, — улыбаясь, он сказал, —
Я уж думал, что ты в гости к немцу где-нибудь попал.
Уж сегодня командиру было рапорт написал
Как о без вести пропавшем. Где ты это пропадал?»
Я сказал о всем подробно, где отстал и как искал,
Кто подвез и как в подвале у еврея ночевал.
«Ну, пришел и слава Богу, наперед не отставай,
А то может очень плохо осложниться дело, знай!
Попадешь германцу в лапы, а уж там не сладко быть,
Будет локоть-то и близок, да его не укусить». —
«Вы смотрите, братцы, в оба, — обратился он ко всем, —
Неприятель недалеко, навредить нам может всем.
л. 416 об. Не раскидывайте вещи, все излишнее прибрать, //
Никуда не расходиться и порядок соблюдать!
В Управление бригады я уеду через час,
Так для всякого случая не забудьте мой наказ».

Он, действительно, уехал, мы осталися одни
И спокойно завалились отдохнуть в лесной тени.
Было тихо, хоть бы выстрел грянул где-нибудь вдали —
Ничего нигде не слышно, словно все враги ушли.
Ни германцев, ни австрийцев не видать и не слыхать,
Солнце жжет, томит истома, так и хочется поспать.
Я под липой растянулся, гимнастерку расстегнул,
Руки за голову вскинул и с усталости уснул. //

л. 417

Песня LXXXIII

«Эй, проснись, сонуля Кругов! Чай, уж выспался, гляди —
Ведь уж вечер наступает, а ты спишь. Вставай, сходи
Поищи в лесу дровишек, кипяточку скипятим
Да присядем на прохладе и чаишку заварим —
Сядем где-нибудь под липкой слушать песни соловья:
Хорошо, сидя за чаем, их любитель слушать я.
Да и немца-то не слышно, тихо, пушки не гремят,
А уж там и не до чаю, как снаряды полетят.
Ну, вставай, вставай скорее!» — фельдшер Савинов будил.
Я проснулся, потянулся, мигом на ноги вскочил
И пошел искать по лесу щепок, палочек сухих,
Наклонился и сбираю да кладу в корзинку их.
Ничего не замечая, удаляюсь не спеша //
л. 417 об. Прочь от каменной казармы, чистым воздухом дыша.

Скрылось солнышко за горы, майский вечер наступал,
Соловей в тени деревьев вновь защелкал, засвистал
На различные мотивы, я заслушался его…
Вдруг ружейный грянул выстрел, и близ уха моего
Пронеслась со свистом пуля и, ударясь о сучок,
Разорвалась, издавая с блеском огненным хлопок.
Эти пули разрывные я не раз уже видал,
Они строго воспрещались,[96] но австриец не взирал
Ни на что, а часто ими бил и в цель, и наобум;
Они были всем известны, называли их «дум-дум».[97]
Разрываясь от удара, при пораненьи всегда
Они слишком человеку много делали вреда. //

Я взглянул и за кустами двух австрийцев увидал, л. 418
Бросил с палками корзинку и обратно побежал.
«Австрияки, австрияки!» — закричал я, что есть сил. —
«Где? Какие австрияки? — кто-то громко возгласил
И пред мною, точно вырос, офицер-кавалерист. —
Где они?» — «Здесь, ваше бродье!» — «Врешь?» —
но в это время свист
Пули снова повторился… И всё понял он без слов.
«Гей, сюда! За мной, ребята!» — крикнул он, — и из кустов
Небольшой кавалерийский появился вмиг отряд —
Человек около сотни приблизительно на взгляд.
Грянул залп, и огласился эхом липовый лесок,
Я вбежал в тот миг в казарму, под собой не слыша ног,
И прилег мгновенно на пол за кирпичною стеной,
Слыша, как свистали пули близ меня и надо мной. //
Если б дали мне винтовку, я бы тоже стал стрелять, л. 418 об.
Но я был обезоружен и был вынужден бежать.
Без оружия не воин — должен каждый это знать,
А без пользы своей шкурой слишком глупо рисковать.

Бой недолго продолжался, наши взяли перевес,
Оцепив вблизи казармы весь кольцом зеленый лес.
Восемь конных австрияков удалося в плен забрать
Да двенадцать уложили, остальным пришлось удрать.
Это конная разведка была немцем послана —

---

[96] Применение разрывных пуль, приносящих тяжелейшие страдания раненым, находилось под международным запретом уже с Санкт-Петербургской декларации 1868 г. Запрет на применение разрывных и зажигательных пуль был подтвержден позже, в Гаагских конвенциях и декларациях 1899 и 1907 гг.

[97] Пули «дум-дум» получили название по месту их разработки и производства. В начале 1890-х гг. они изготавливались на британской королевской оружейной фабрике в предместье г. Калькутты — рабочем пригороде Дум-Дум.

Неизвестный художник.
Лихая атака казаков.
М., 1915. Хромолитография

Человек из полусотни состояла вся она.
Не по<й>ди я за дровами, не вскричи, не побеги,
Нас, наверно б, окружили в роще липовой враги.
Не случись кавалеристов, мне бы прочь не убежать:
Или б быть в плену австрийском, или мертвым бы лежать. //
л. 419 Да едва ли б сдобровали и товарищи мои,
Все беды б не миновали — как бы я, так и они.

Когда все затихло снова, отыскал корзинку я,
Но уж чай мы пили ночью — не под трели соловья,
Не под липою зеленой, а в казарме на полу,
Свечку тусклую поставя на подсвечнике в углу.
И завесили все окна мы палаточным холстом,
Чтобы было незаметно, где находимся с огнем.
Вне казармы приказали тоже все костры гасить:
Неприятель недалеко, осторожным надо быть.

Лишь вдали восток туманный рано утром забелел,
Как начался Перемышля оглушительный обстрел.
Разрывалися снаряды на окопах и фортах,
На проложенных дорогах, //на накинутых мостах. л. 419 об.
Но, увы, позор и горё: нашим нечем отвечать,
Немцы бьют без перерыва, нам приходится молчать.
«Нет снарядов! Нет снарядов!» — то и дело слышал я,
И снаряды наши стали всероссийской злобой дня.
Говорили и писали все газеты нам о том,
И виновников искали; только мало пользы в том,
Что писали очень много, — это нам не помогло,
А по-прежнему все дело кувырком под гору шло…

Нет и нет опять снарядов, ведь не редькой же стрелять?
Да и той не насадили, значит, тоже негде взять.
В силу этого случая приходилось отступать
И всю тяжесть обвинений от народа принимать.
Каждый встречный-поперечный говорил солдату: «Эх!
До чего довоевались, //только стыд один и смех!» л. 420
Как обидно было слышать незаслуженный упрек!..
Но солдат исправить дело был бессилен и не мог.

И теперь винят солдата за весь проигрыш войны,
От невежд полубезумных все виновны без вины.
Разве это не прискорбно и сейчас тому терпеть,
Кто за родину с сознаньем шел без страха умереть?
Нет, невежды, не кидайте грязью вы в лицо солдат,
Сотни раз скажу вам, знайте, что солдат не виноват.
Это мученики-люди, терпеливцы, храбрецы,
Им не ком за это грязи, а лавровые венцы.
Я скажу без превышений, что солдаты сей войны
Все есть истинно герои и защитники страны.
Если б сами побывали вы, безумцы, там хоть раз,
Так, наверно б, не болтали //то, что слышал я от вас. л. 420 об.
Хорошо, сидя с газетой за столом, судить, рядить
Да по писаной бумаге глупо пальцем разводить,
Да судить, что то-то сдали, и что там-то отошли,
Что вот тут-то прозевали… а что ж сами вы не шли?
Шли да нас бы и сменили, посмотрели бы тогда
Мы на вас, что за герои, и годитесь ли куда.
Нет, вам это не по рылу, вы засели все в тылах,
Да и хрюкаете, свиньи, о успехах и делах.

Две недели канонада не смолкала ни на час,
Две недели из казармы выживал немчура нас,

Все обстреливал шрапнелью, но без всякого вреда.
Мы стояли и ни шагу не сходили никуда.
Наконец, невыносимо стало более стоять:
л. 421 Немец начал то и дело//чемоданы присылать.
Два снаряда разорвались в двадцати шагах от нас,
Но и здесь каким-то чудом нас Господь от смерти спас.
Видя крайнюю опасность, я вскочил и побежал
Вон из каменной казармы, но куда — и сам не знал.
Засмеялися сначала все товарищи мои,
Но, однако ж, все за мною побежали и они.
Пробежали шагов двести, притаились все в овраг,
Слышим — снова стонет-воет, шлет еще гостинец враг.
Так и кажется, что прямо чемодан летит на нас!..
Разнесет или зароет всех в овраге, вот сейчас!

Неизвестный художник.
Подвиг казака Лавина.
М., 1914. Хромолитография

Вдруг раздался треск ужасный, и посыпались кругом
Кирпичи, осколки, камни… и багровый дым столбом,
Словно облако, поднялся, что казармы не видать.
Не беги мы из казармы, всем в живых бы не бывать. //
Хоть не миловал нас немец и обстреливал всегда, л. 421 об.
Но стояли же до время, не бежали никуда;
Но на этот раз как будто кто незримо мне сказал,
Чтоб скорее из казармы я куда-нибудь бежал.
Знать, не мне еще судьбина умереть, — подумал я, —
И Господь не отступился от несчастного меня.
И я, сняв свою фуражку, осенил себя крестом,
То же сделали за мною и товарищи потом.

Когда ветер дым развеял, я взглянул и увидал
Разрушения картину там, куда снаряд упал.
Вся казарма превратилась в груду битых кирпичей,
Уцелел один фундамент да углы у двух печей.
Хорошо, что в околодке еще не было больных:
Точно знали, накануне отвезли мы таковых //

В лазарет, что в Перемышле находился в эти дни, л. 422
И, наверное, уж были все отправлены они
Для лечения в Россию — под уход и под призор
И под строгое вниманье милосердия сестер.

В этот день австро-германцы наступленье повели,
На форты и на окопы всеми силами пошли.
И дрались, как не бывало, через меру жестоку;
Словно черти, лезли в гору и взобрались высоко
На форту шестом и пятом к заграждениям. Была
Безысходная минута, в ней решались все дела
О защите Перемышля: победить или отдать
Снова крепость австрияку[98] и опять, опять бежать
Вглубь России восвояси? Иль с оружием в руках
Умереть за честь отчизны // на разрушенных фортах? л. 422 об.
Эти жгучие вопросы зарождались у солдат,

[98] Первоначальное взятие Перемышля 22 марта стало последним крупным успехом русской армии в 1915 г. К середине весны ситуация в Галиции изменилась. Русские войска уступали германским по численности в два раза и были полностью лишены тяжёлой артиллерии. 19 апреля (2 мая) германские войска начали наступление на Львов. Численное преобладание германцев, неудачное маневрирование и использование резервов, нарастающая нехватка снарядов и полное преобладание германской тяжёлой артиллерии привели к тому, что к 22 апреля (5 мая) фронт в районе Горлиц был прорван и началось отступление русских армий. В Польше были оставлены ряд губерний, большая часть Галиции, крепость Перемышль, город Львов.

Каждый думал: «Что-то будет? Устоим ли мы? Навряд...»
Немец много был сильнее и привык уж побеждать,
А у наших дух геройский стал слабеть и упадать,
Потому что подвигались мы назад, а не вперед.
Дух тогда велик у войска, когда все его берет,
А когда назад отходят пораженные войска,
В них уж нет того геройства, лишь в душе одна тоска...

Храбро наши защищались, но возможно ль устоять,
Если нечем защищаться? Снова стали отступать.
Шли сначала по равнине посреди белого дня,
Под опасностью смертельной, в средоточии огня.
Хитрый немец нас заметил и далеко провожал,
л. 423 Трехдюймовою шрапнелью//в тыл из фланга закидал.
Трехдюймовые снаряды то и дело надо мной
С треском, визгом разрывались, издавая свист и вой.
Я прижался на повозке, низко голову склоня,
И шептал: «Помилуй, Боже, окаянного меня
Твоей милостью великой и, по множеству щедрот,
Беззакония очисти и грехов тяжелый гнет.
Во гресех роди мя, мати, но ты, Боже, мя прости,
Беззащитному погибнуть от врагов не допусти...».[99]

Как проехали равнину, и сказать я не могу,
Наконец, не видно стало нас надменному врагу.
Мы укрылись за горою, став в ракитовы кусты,
И стояли в них до ночи. С наступленьем темноты
Снова тронулись в дорогу, добралися до шоссе,
л. 423 об. По которой отступали//и другие части все.
Вплоть до самого рассвета гнали взмыленных коней,
Наконец, остановились на привал в деревне Мей.
Доктор снял свою фуражку, вытер пыль и пот с лица
И сказал: «Ну, слава Богу, из немецкого кольца
Вышли все благополучно. Здесь немного отдохнем,
Лошадей своих покормим, а потом опять пойдем». —
«Разве мы в кольце уж были?» — фельдшер Савинов сказал.
«Не в кольце, а уж в капкане, — доктор тихо отвечал, —

[99] Кругов собственными стихами излагает первые строки покаянного Псалма 50-го, читаемого среди утренних молитв: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя; яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих; яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти. Се бо, в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя».

Сорок две версты бежали, окруженные врагом,
Вся шоссейная дорога шла немецким рукавом.
И направо и налево были немцы, но сейчас
Позади они остались и догнать не смогут нас». //

Песня LXXXIV

л. 424

Говорят, что скоро люди все в сознание придут
И на бороны и плуги все мечи перекуют,
Что везде на белом свете перестанет литься кровь
И повсюду воцарится мир и братская любовь!
Трудно этому поверить ни сначала, ни теперь:
Не питался и не будет есть траву свирепый зверь.
Так и люди, не враждуя, на земле не могут жить,
Потому что от природы в них есть зависть и корысть.
Дайте горы золотые человеку, он и то
Не останется доволен и спокоен ни за что.
Человек хитрее зверя, не уступит и во зле,
И чего он не придумал для убийства на земле?..
Все полезное на свете для убийства применил: //
Сталь, огонь, чугун, железо — все во вред употребил. л. 424 об.
Изобрел автомобили для езды без лошадей
И тотчас же приспособил для военных их целей.
Изобрел аэропланы, чтоб по воздуху летать,
И тотчас же с них придумал вниз снарядами кидать.
Много эти люди-птицы всюду сделали вреда:
Налетали на селенья и большие города,
Наводили страх и ужас по селам и деревням,
Доставалось на стоянках иногда от них и нам.

Когда мы остановились в деревеньке отдыхать,
Мне ужасно захотелось хоть немножечко поспать.
На разостланной шинели я наскоро прикорнул
И, пригретый красным солнцем, через пять минут уснул.
И приснилось мне, что будто затряслась сыра земля //
От какого-то удара, и проснулся мигом я. л. 425
Оказалось, что не ложный я во сне удар слыхал,
А действительность на деле, пробудившись, увидал:
Пять больших аэропланов, над деревнею кружась,
С высоты бросали бомбы, приноравливаясь в нас[100].
Два орудия стреляли, чтоб непрошенных гостей

[100] Бомбометание с самолетов было впервые применено уже в 1911 г. Однако отдельного типа самолётов для бомбометания ещё не было. Специальная бомбардировочная авиация появилась после Первой мировой войны.

От деревни восвояси проводить назад скорей.
Но снаряды разрывались неудачно, высоко,
Без вреда и пораженья и от цели далеко.
Покружились люди-птицы, наведя на многих страх,
Повернули круто к югу и исчезли в облаках.
Одна бомба разорвалась недалеко от меня
И осыпала землею и осколками меня.
Два осколка угодили мне в каблук у сапога, //
л. 425 об. Но осталась, слава Богу, невредимою нога.
А другая бомба прямо угодила в лошадей,
Пару насмерть уложила и поранила людей —
Ездового канонира да мужчину-поляка,
Проходившего случайно, но на счастие слегка.
Третья бомба у халупы разорвалась, близ ворот,
И оставила на свете двух без матери сирот.
Бедной женщине на части раздробило голову,
И она навзничь упала на зеленую траву.
Дети плакали над трупом милой матери своей,
Я смотрел, и сердце ныло, видя плачущих детей.
Эти горестные сцены, кровь и слезы видеть мне
Очень часто приходилось при скитанье на войне.
Дни пройдут, сиротки-дети, вспоминая свою мать,
л. 426 Неизвестного убийцу // станут вечно проклинать.

Плачьте, бедные малютки, по убитым матерям!
Плачьте, матери, рыдайте по загубленным детям!
Плачьте, плачьте, горемыки, проклинайте целый век
Авиаторов безбожных, у которых сердца нет.

Мы оставили деревню на другой день поутру
И пошли, пошли полями в полудневную жару.
Ни ключа, ни ручеечка, ни колодца, ни реки,
Ни лесочка, ни кусточка — все сыпучие пески.
Жар стоял невыносимый, по дороге пыль столбом,
Словно туча, поднималась, мы едва брели пешком.
Нам движенье затрудняли раскаленные пески,
Заслепляли пылью очи, пересохли языки.
л. 426 об. Хотя б лужинка водицы, // хоть бы ямочка с глоток —
Ничего нигде не видно, только небо да песок.
Мне хотелось пить ужасно, жажда мучила, беда!
Я пощупал свою фляжку, где носилася вода,
Но она была пустая — хоть бы капля, как назло,
А безжалостное солнце с высоты небесной жгло.

Чтобы чем-нибудь немного свою жажду утолить
И запекшееся горло на минутку освежить,
Я достал из своей сумки свой походный узелок,
Развязал его и вынул себе сахару кусок
И, как дети свою соску, начал медленно сосать,
И от этого немного стала жажда утихать.
Пот с лица катился градом, и белье хоть выжимай,
Вшей напарили все столько, что хоть веником сметай.
Эти недруги лихие, обитатели белья, //
Беспокоили ужасно всех буквально и меня: л. 427
То и дело под рубахой я рукою их искал,
Тело до крови царапал, день рожденья проклинал.

Неизвестный художник.
Фронтовой санитар.
Фрагмент плаката «Поражение немцев на реке Неман».
1914. Хромолитография

Да, читатель мой любезный, кто в походах не бывал,
Тот, могу я вас уверить, в жизни горя не видал.
Кого вши совсем не ели, кто без хлеба и воды
Не сидел по трое суток, тот не видывал нужды.
А вот я-то, горемыка, все на свете испытал,
Покормил и вшей досыта, и без хлеба голодал,
Но все вынес, слава Богу, и всю пережил войну,
И доныне понемногу лямку горькую тяну.
Впрочем, так уж, видно, надо, в жизни Бог один волён:
И несчастие и счастье посылает людям Он.
А мы, жалкие букашки, все бессильны без Него —
Как ни бьемся, но не можем // в жизни сделать ничего. л. 427 об.
Ищем радости и счастья, счастье прочь от нас бежит;
Жить желали бы два века, а пред нами смерть стоит.
Не сбываются желанья — ни надежды, ни мечты,
Если Он нам не поможет и не призрит с высоты.
Бог везде, на каждом месте все живит и все Его,
Без Него на белом свете мы не значим ничего.

Песня LXXXV

Польша русская пылала, словно мученик в огне,
Обреченная на жертву не былой еще войне.
Жгли фольварки[101] и деревни, жгли фруктовые сады, //
И на месте прежней жизни оставались лишь следы. л. 428
С плачем жители прощались с дорогими им местам,
Скарб домашний зарывали и скрывались по лесам.
Большинство же уезжало из родной своей страны
Вглубь России православной до конца лихой войны…

[101] Фольварк — в западных и прибалтийских областях России отдельно стоящая усадьба с хозяйством.

Мы шоссейною дорогой, направляясь на восток,
Под палящим зноем солнца отступали в Брест-Литовск.
Массы беженцев толпились по обеим сторонам,
Дав свободу по дороге отступающим войскам.
Много горести народной по дороге видел я,
Сердце кровью обливалось на них глядя у меня.[102]
Вот какие-то малютки босоногие стоят,
Тянут руки Христа ради и сквозь слезы говорят:
л. 428 об. «Добрый пане, дайте хлеба, //сильно хочется поесть,
Умерла в дороге мама, хлебца некому принесть.
Тата болен, кони — клячи, не везут ничо́го нас,
Помогите, добрый пане, не оставит Боже вас...»

Я достал из сумки хлеба, начал детям раздавать,
Они взяли хлеб и стали мою руку целовать.
«Дай вам Боже в жизни счастья и остаться всем в живых,
Возвратиться в край родимый и узреть своих родных», —
Лепетали дети-крошки, за кусок благодаря,
И, глядя на них, несчастных, покоробило меня.
Вот еврейка молодая, лет семнадцати на вид,
Подошла ко мне и плачет, а сама как жар горит.
Стыдно ей меня, солдата, но решилась подойти,
Голод совести не знает и на все велит идти. //
л. 429 «Добрый пане, — она шепчет, — я ужасно есть хочу,
Денег <нет> при мне ни гроша, но я... телом заплачу...
Только с голода не дайте жизнь навеки погубить,
Умереть ужасно, страшно, в мои годы надо жить...
Накормите, добрый пане, и я вся отдамся вам,
Свою девичью стыдливость за насущный хлеб продам.

---

[102] Тяжелая обстановка на фронте усугубилась непродуманным вывозом из прифронтовой полосы беженцев, большинство которых были жителями западных национальных окраин Российской империи: поляков, евреев, немецких колонистов, латышей и др. Число насильственно изгоняемых людей в 1915 г. доходило до 2 200 000 человек, основная их масса направлялась в центральные районы России. Только немногим из них удалось попасть на поезда. «Среди беженцев свирепствовали дизентерия и тиф. Голодные, измученные, оборванные, больные беженцы медленно тянулись по дорогам, хороня у дороги на обочинах детей и стариков, не выдержавших трудностей пути. Двигаясь к местам назначения, беженцы сеяли панику и деморализовали тыл, разносили болезни. Однако шоссейных и грунтовых дорог в конце концов тоже не хватило. В ряде районов беженцы шли сплошной стеной, вытаптывали хлеб, портили луга и леса, оставляя за собой пустыню. Не только ближние, но и глубокие тылы русской армии были опустошены, разорены, лишены последних запасов...Опустошение губерний запада России, изгнание их населения в глубь страны привели к деморализации населения внутренних губерний, дезорганизации транспорта и хозяйства, к росту недовольства и недоверия к власти в стране, которые в 1917 г. вылились в революцию» (*Полетика Н.* Воспоминания. — Цит по: http://www.erlib.com/.

Вот уйдем сюда, в овражек, чтоб не видно было нас!» —
Прошептала она тихо, и из карих ее глаз
Градом слезы покатались. Я не знал, на что пойти,
Чем помочь и от паденья как несчастную спасти?
Больше хлеба в моей сумке не осталось ни куска
Да и денег не имелось у меня ни пятака.
Как тут быть? Но в это время доктор Полюхов догнал,
И ему я все подробно о несчастной рассказал.
Он достал тотчас бумажник, //вынул двадцать пять рублей, л. 429 об.
Подал плачущей еврейке и сказал, давая ей:
«На, купи, голубка, хлеба: у солдат у многих есть.
И не плачь, не падай духом, береги девичью честь.
По закону Моисея, в годы древние блудниц
Побивали всех камнями — и замужних, и девиц.[103]
Да <и> наш Христос Спаситель запрещает всем блудить,
Целомудренно и честно, непорочно учит жить».

Долог путь, проходим дале. У дороги, в стороне —
Вижу — женщина больная умирает на земле.
Рядом с ней малютки-дети, окружив родную мать,
Плачут горькими слезами, сиротами страшно стать.

Вот какой-то у дороги бугорочек мне попал,
А под ним лежит чего-то, снял я дерн и увидал//
В белой ситцевой рубашке мальчугана лет пяти. л. 430
Видно, помер от болезни в продолжение пути…

Много скорби и печали, много горя, много слез
Среди беженцев дорогой мне увидеть удалось!
Ни один писатель точно не опишет никогда,
Что творилось на дорогах среди беженцев тогда.
Как бы много и подробно ни писал кто-либо нам,
Это только капля в море из того, что было там.

Где ни взглянь, вблизи дороги все костры везде горят,
И убогие повозки с разной рухлядью стоят.
Вот летят аэропланы, бомбы в воздухе свистят,
Бросят изверги с десяток и обратно улетят.

---

[103] Побиение камнями — вид всенародной казни, применявшейся на Востоке. В древнейшем иудейском праве было определено 18 видов преступлений, предусматривающих эту казнь, во время которой толпа граждан убивала виновного, забрасывая его тяжелыми камнями.

Человек с пяток отправят в лазареты и туда,
л. 430 об. Где нет горя и откуда // не приходят никогда.

В довершение картины страшных бедствий на земле
Шли пожары ежедневно в разоренной стороне.
В полдень солнышко багровым становилось иногда
От нагара и от дыма, а в полуночи всегда,
Словно призраки, стояли по различным сторонам
Зарева жилищ горящих, освещая всюду нам
Путь не хуже прожекторов. Было так светло порой,
Как на Невском в Петрограде: хотя шить садись с иглой,
Так и то достанет света. Впрочем, этот свет для нас
Не особенно был нужен, а тем более сейчас.
Нас при свете цеппелины[104] на пути могли догнать
И вреда немало сделать, и всем панику нагнать.

В этой сутолоке людной много было матерей, //
л. 431 Кои вовсе потеряли на пути своих детей.
Дети плакали, искали своих кровных матерей,
А родители не знали, где найти своих детей.
Появлялися в газетах о них целые столбцы,
И ходили объявленья по Руси во все концы.

Мне нередко приходилось в объявлениях читать:
То сестра в них ищет брата, то ребенка ищет мать!
То жена своего мужа, то несчастный муж жену —
Всюду ропот был ужасный на того, кто вел войну.
Звали кайзера злодеем и безжалостным врагом,
Хищным тигром и вампиром, кровопийцею-царем.
Среди темного народа он прослыл как бы злодей
И пугали в колыбелях его именем детей. //

Песня LXXXVI

л. 431 об.

Снова в Брест пришли, но только уж не с этой стороны,
Где входили и стояли при начатии войны.
У реки у Буга встали, принялися кто за что —
Кто натягивал палатку, кто коней поил, а кто
Из крупы варил кашицу или воду кипятил,

[104] Цеппелины — жесткие дирижабли, названные так по имени их изобретателя и создателя графа Фердинанда Цеппелина. Всего за период 1899–1938 гг. в Германии было построено 119 цеппелинов.

Или грязное бельишко на реке стирал и мыл.
Я развел огонь у Буга, снял рубаху и штаны
И с мизерными врагами сел на камне для войны,
И принялся беспощадно, как отъявленный злодей,
На штанах и на рубахе бить и жарить кучи вшей.[105]
Но борьба была напрасна, я осилить их не мог
И закончил тем сраженье, что штаны с рубахой сжег. //
Ночевали ночь у Буга, с появлением зари л. 432
Собираться приказали. Собралися и пошли.
Вышли за город и снова получили стать приказ,
Командир бригады — помню — всех в ряды построил нас:
Дожидали крепостного коменданта для смотра.[106]
Он, действительно, приехал к десяти часам утра,
Вышел важно из коляски, осмотрел во все концы
И воскликнул что есть мочи нам: «Здорово, молодцы!»
Дружно: «Здравия желаем!» — отвечали мы ему.
И, как видимо, ответом все потрафили ему.
Комендант прошел по фронту и «спасибо» нам сказал,
А которые с крестами, тех героями назвал.

«Братцы! — вымолвил он громко, обращаясь снова к нам. —
Слишком трудную задачу предстоит исполнить нам. //
Брест-Литовскую твердыню мы врагу не отдадим, л. 432 об.
Отступления не будет, здесь умрем иль победим.
Неприятель недалеко, скоро будет жаркий бой,
Постоим за правду, братцы, постоим за край родной!
Если слово <я> нарушу, если крепость сдам врагам,
Заколите меня сами, я приказываю вам...
Малодушных презираю, подлых трусов не терплю,
Твердых, стойких обожаю, храбрецов душой люблю.
Вы не трусы, братцы, вижу, вы с крестами... я горжусь
Вами, храбрые герои! Постоим же все за Русь!
Время кончить отступленье, отразить врага пора,
Встретим натиск дружно грудью, не страшна нам смерть. Ура!..»

«Постоим за Русь святую!», — думал я. Но как стоять,
Если нет у нас снарядов и две очереди дать? //

---

[105] Мелкая вошь на фронте в окопах была особенно опасна, т. к. служила источником смертельной болезни — брюшного тифа.

[106] В описываемый Г. Круговым период комендантом Брест-Литовской крепости был генерал от артиллерии В. А. Лайминг (1854–1920), бывший комендант (1905–1913) Свеаборгской крепости.

л. 433 Плохо слабому бороться: не хвались, идя на бой,
А хвались, когда вернешься победителём домой.

День прошел, все ждали боя, наконец, настал второй,
Где-то грянул первый выстрел с укреплений за рекой.
Ему вторили разрывы неприятельских гранат,
Завязалась перестрелка как-то вяло, невпопад.
Немцы что<-то> замышляли, ждали мы ночных атак
И отчаянного боя, но случилося не так.
Только сумерки настали, получили мы приказ,
Что обходит неприятель и отрезать хочет нас:
В путь готовиться скорее, все повозки закладать
И немедленно из Бреста выходить и отступать.[107]

Комендант своего слова перед нами не сдержал.
л. 433 об. Защищаться было трудно, //это каждый сознавал,
Но, однако ж, обижались на хвастливые слова,
И прошла о нем в бригаде нехорошая молва.
Говорили, что измена здесь была учинена,
Что за месяц еще раньше немцу крепость продана.
«Дело скверное, ребята, всюду грязь одна и дрянь,
Все продажа да измена да обман, куда ни взглянь», —
Толковали меж собою все солдатики тогда,
И я с ними поневоле соглашался иногда.

Мы всегда при неудачах все кого-нибудь виним,
А виновны ли те люди, мы и сами не решим.
Может быть, они честнее и правдивей нас самих,
Но мы знать того не хочем, а ошибки видим их.
Так уж исстари ведется на Руси у нас святой,
л. 434 Что кругом виновны сами, //но не видим за собой.
Судим-рядим про иного: он такой, мол, и сякой,
А поставь на его место, хуже во сто раз иной.
Мы из Бреста вышли ночью при звездах и при луне;
Он, как пламенное море клокоча, пылал в огне.
Зажжены были сараи и с запасами склады,
И лесные материалы на окрайне слободы.

Я дорогой оглянулся и сказал: «Прости-прощай,
Брест-Литовская твердыня, лихом нас не вспоминай,

---

[107] Русские войска вынуждены были оставить Брест-Литовск 13 (26) августа. Наступлению немцев способствовал кризис военного снабжения русской армии, достигший пика летом 1915 г. Особо удручал острейший недостаток артиллерийских снарядов для преобладавших в русской армии 75-миллиметровых орудий. «Снарядный голод» вызвал в русском обществе новую вспышку шпиономании и слухов об измене.

Не по доброй нашей воле повернулись мы спиной,
А приказано начальством расставаться нам с тобой».[108]//

Песня LXXXVII

л. 434 об.

Где я только не скитался, где я только не бывал,
Где во время переходов на стоянках не стоял?
Под Саноком и в Карпатах, и в Галиции я был,
Поперек и вдоль всю Польшу с околодком исходил.
Сожалею, что названья деревень и сел забыл,
А то, право б, интересен этот перечень бы был.
И не только что деревни не припомню, но забыл
Я и главные-то пункты, по которым проходил.
Побывал я в Брест-Литовске, в Ивангороде, в Холме,
В Красноставе,[109] в Белгорае,[110] и в Замостье,[111] и в Приме.
Проходил я через реки и дремучие бора,
Через панские фольварки и лесные хутора.
Больше тысячи деревень, //больше сотни важных сел л. 435
Я с бригадным околодком в дни кровавые прошел.
Побывал в селе Масуре,[112] побывал в селе Турцы,
В Кельцах,[113] Ельцах, в Погорельцах[114] и на станции Столбцы.[115]
Много видел всюду горя, много крови, много слез,
Летний зной и зимний холод — все буквально перенес.
Ах, как жаль, что я из вида упустил одно, как шел,
О событиях великих книги-дневника не вел.

На войне всего бывало, откровенно говоря,
Приходилось, что по суткам не видали сухаря,
А то ели до отвала кур и уток, и гусей

---

[108] Учитывая угрозу обхода Брест-Литовска австро-немецкими войсками, русское командование во избежание окружения приняло решение оставить крепость, вывезя предварительно в течение пяти суток военное имущество и взорвав укрепления. Недолгое время пребывала там и 81-я пехотная дивизия, вместе с которой отступал лазаретный околоток Григория Кругова. Брестская крепость имела достаточно сильные фортификационные сооружения, но практически не имела своего гарнизона и запасов и была не способна выдержать длительную осаду. В августе 1915 г. пали также русские крепости Новогеоргиевск, Ковно, Осовец.

[109] Красностав — село на Украине, во Владимир-Волынском районе Волынской области.

[110] Белгорай (Билгорай) — город в Польше на реке Ладе, в Люблинском воеводстве, центр Билгорайского повята.

[111] Замостье (За́мосцьь) — город в Люблинском воеводстве Польши.

[112] Масуры (Мазуры) — село в Мостисском районе Львовской области Украины.

[113] Кельцы (Ке́льце) — город в центральной Польше, в 170 километрах к югу от Варшавы.

[114] Погорельцы — село в Золочевском районе Львовской области Украины.

[115] Столбцы́ — город в Минской области Белоруссии, административный центр Столбцовского района. Расположен на правом берегу реки Неман.

И готовили жаркие из баранов и свиней.
То австрийцев в горы гнали, пожинав плоды побед,
То винтовки забирали, да назад... простыл и след...
л. 435 об. На войне из лыка счастье — //все берешь и сразу стоп!
Нынче крест на грудь повесил, а наутро пуля в лоб.
Без огня и солнца сушит чужа дальня сторона,
Без печали сердце крушит у солдатика война.
Дождь осенний его мочит, снег лицо ему сечет,
Тело бело ветер знобит, солнце красное печет.
Рвутся с грохотом снаряды, пули, как шмелиный рой,
Свищут жалобно и плачут, смерть неся над головой.
Муки, стоны, кровь и раны православный воин зрит,
Только Бог один от смерти горемычного хранит.

Скоро сказка говорится, но нескоро иногда
Дело важное творится. Подберется к нам беда
Очень быстро, одним часом, но убытки даст она,
Что годами не поправишь. Так и страшная война//
л. 436 Черной тучею подкралась и застала всех врасплох,
Разгорелась, затянулась, что не дай и видеть, Бог.

Дни за днями, точно тени, невозвратною чредой
Быстро в вечность уходили, как в могилу на спокой.
Их другие заменяли, но и те не краше шли,
Те же скорби и печали, ту же кровь они несли.

Снова осень наступила, в поле высохли цветы
И, как призраки унылы, стали голые кусты.
Небо тучами покрылось, часты дождики пошли,
К югу с севера цепями полетели журавли.
Ветры стали холоднее, унесли красу лесов,
Принесли взамен туманы, близок праздничек Покров.
Под открытым небом в поле холодненько стало спать,//
л. 436 об . По селениям квартиры снова стали занимать.
После множества скитаний, переходов и дорог
Останавливаться стали отдохнуть. Господь помог,
Прекратились переходы, перестали отступать,
Пришли в Минскую губернию, стали зиму зимовать.
Управление бригады близ деревни Бортники[116]
В небольшом селенье Вольна[117] разместилось близ реки.

[116] Бортники — деревня в Минском уезде.

[117] Вольна — имение в Новогрудском уезде Минской губернии.

Мы в халупе пана Яна стали жить да поживать
И больных амбулаторных ежедневно принимать.

Подошла зима-старуха и рассыпала снега,
Серебром, парчой одела холмы, горы и луга,
Через реки и озера перекинула мосты,
Напечатала на стеклах и узоры и цветы.
В белый саван нарядила//великан дремучий лес, л. 437
Солнце стало много ниже и не грело уж с небес.
По ночам морозы стали, ярких звезд горела тьма.
Здравствуй, белая старушка, наша русская зима!

С появлением морозов призатихли и бои.
Как и прежде, в околодке коротал я дни свои.
Для больных обед готовил, на столы им подавал,
Ставил банки и компрессы, а кого и бинтовал.
Если это было надо, даже в случаях иных
Вместо фельдшера нередко принимал и сам больных.

Хорошо в селенье Вольна было зиму зимовать,
До сих пор я пана Яна продолжаю вспоминать
И жену его Ганусю. Что за люди, Боже мой!
Я не видывал ни разу//доброты нигде такой. л. 437 об.
Что бы с кем ни приключилось, будь в полночь и за полночь,
Они каждому старались по возможности помочь.
Что ж касалося солдата, так не стоит говорить —
Остается лишь до гроба их за все благодарить.
Много, много эти люди блага сделали для нас,
Но писать о всем подробно не под силу мне сейчас.
Да и цель, читатель милый, грустной повести моей
Не о прочих посторонних, а об участи своей.

Тихо, тихо все на фронте, чутким сном солдаты спят,
Лишь, как тени, часовые в даль туманную глядят.
Изредка гремят далеко где-то выстрелы порой,
Но мы к ним уже привыкли, точно к музыке какой.[118]

Так прошла зима. За нею//миновала и весна, л. 438
Снова лето наступило, но не кончилась война.
Все тянулась и тянулась, и не виделось конца —
Видно, люди прогневили всемогущего Творца,
Что послал такую кару; впрочём, Бог тут не при чем:

[118] В сентябре 1916 г. на Восточном фронте русские войска останавливают наступление германских войск у Тернополя и стороны переходят к позиционной войне.

Если люди злы на свете и не страшен божий гром,
Если все забыли в мире, что есть правда и любовь,
И готовы пить, как тигры, человеческую кровь!

Во дни зимнего затишья боевая мощь у нас
Выше прежнего на степень в совершенстве поднялась.
Наработали снарядов снова целые склады,
Обучили новобранцев и пополнили ряды.

В мае месяце из Вольной приказали выйти нам,
Под зеленые палатки разместиться по лесам. //
л. 438 об. Околодок перебрался в бор сосновый вековой,
Мы устроились в палатке под зеленою сосной.
Управление бригады и обозы тоже там
На опушке леса стали по указанным местам.

С наступлением июня начались бои опять,[119]
На германские окопы наши стали наступать!
Пролилось немало кровы, но плохой был результат:
То германцев выбивали из окопов, то назад
Отдавали их; и снова приходил такой приказ —
Взять у немцев их обратно; и так было много раз.
Иногда по двое суток гром орудий не смолкал,
Наши били и громили, но и немец не зевал.

Слишком памятен остался мне один кровавый бой —
л. 439 Под деревнею Залесье[120] //полуночною порой.

---

[119] В июне—июле 1916 г. по просьбе союзников русские войска на Западном фронте предприняли наступательную Барановичскую операцию с целью прорыва германского фронта в Белоруссии и наступления на Брест-Литовск. Одновременно на Юго-Западном фронте началась знаменитая операция русской армии, получившая название «Брусиловский прорыв» по имени командующего фронтом генерала А. А. Брусилова. Барановичское сражение фактически успеха не принесло, но войска Брусилова нанесли тяжёлое поражение германским и австро-венгерским войскам в Галиции и Буковине.

[120] Залесье — деревня в Сморгонском районе Гродненской обл. Беларуси. В Залесье с 1802 по 1822 г. жил общественно-политический деятель, музыкант и композитор Михаил Огинский. Здесь в 1794 г., когда он прощался с родиной, Огинский написал свой знаменитый полонез. С сентября 1915 по февраль 1918 г. через Сморгонь проходил фронт. Здесь в ночь на 20 июля 1916 г., во вторую годовщину начала войны, немцы провели газовую атаку русских позиций, которую описал Кругов. Свидетелями этой чудовищной акции были литераторы М. Зощенко и В. Катаев, служившие в русской армии. Поручик Михаил Зощенко 18 и 19 июля дважды отсылал рапорты командиру батальона о подозрительных блиндажах, расположенных за траншеями противника «на самой опушке леса и... высоко от земли», полагая, «что эти блиндажи для штурмовых орудий или миномётов». В ночь на 20 июля в результате газовой атаки, произведённой немцами из обнаруженных Зощенко блиндажей, он был отравлен газами и отправлен в госпиталь. Гимназист Валентин Катаев, вступивший в 1915 г. в действующую армию вольноопределяющимся, начал службу под Сморгонью рядовым артиллерийской батареи, затем был произведён в прапорщики. Дважды был ранен и отравлен газами.

И удушливые газы не забыть мне никогда:
Сколько жизней они взяли, сколько сделали вреда,
Что подробно эти жертвы описать я не могу,
Лишь скажу сто раз: проклятье зверю-кайзеру, врагу!

Предо мной проходят тени всех отравленных людей,
Вижу я у рта их пену и агонии смертей.
Слышу стоны и проклятья умирающих солдат
Тем злодеям бессердечным, что придумали сей яд.
И невольно мне приходят мысли в голову о них:
Отчего не покарает Бог мучителей таких?
О, великие тираны, поднимите к небу взор
И покайтесь в злодеяньях, вам уж пишет приговор
Та могучая десница, что из бездны бытия
Извлекла для блага жизни вас. И праведный Судья//

Не простит вам злодеяний, и замученный народ л. 439 об.
Сам придумает вам кару, час возмездия придет.
Кайтесь, лютые вампиры, пока время не ушло,
А то близок день расплаты за содеянное зло![121]

---

[121] Бой у деревни Залесье неоднократно описывался разными авторами. Приведем свидетельство очевидца:

«19 июня 1916 года наблюдатели аэростата 19-й воздухоплавательной роты доложили, что видели немцев, которые переносили из грузовиков в окопы какие-то тяжелые предметы — не то снаряды, не то баллоны. Вскоре после этого уже артиллерийские наблюдатели заметили, что при обстреле германских позиций после разрыва попавшего в окоп снаряда появилось облако бурого цвета, низко стелившееся по земле. Немецкие солдаты в страхе бросились от него.

Эти наблюдения дали основание российскому командованию полагать, что немцы готовят газовую атаку. Во всех полках солдатам и офицерам были выданы противогазы, перед окопами уложен хворост для костров и установлены сигналы на случай атаки. 20 июля в 3 часа 15 минут утра германская артиллерия открыла ураганный огонь, в том числе и химическими снарядами. Через несколько минут со стороны реки Гервятки, от станции Сморгонь и деревни Лычники немцы выпустили первое облако газов синеватого цвета. Газы вырывались из баллонов с сильным шипением. Как только атака эта была замечена, сигналисты заиграли на рожках условный сигнал, бойцы бросились по своим местам, надели маски и изготовились к бою. Сквозь респираторы противогазов команды взводных звучали каким-то диким хрипом. Однако костры впереди окопов не загорелись — дрова отсырели после дождя, и газы, не поднимаясь вверх, продолжали плыть вглубь российских позиций. Вслед за газовым облаком пошла в атаку в масках германская пехота. Немцы подошли вплотную к проволочным заграждениям и кричали: Рус капут! Каждый из них держал в одной руке винтовку, а в другой — дубину с гвоздями для добивания отравленных врагов. Однако дружным пулеметным и оружейным огнем Николаевского и Перекопского полков атака была отбита. Немцы отступили в свои окопы. Начался массированный артобстрел. Многие снаряды разрывались, выбрасывая желтоватый дым с запахом хлора. Батареи 64-й бригады вели ответный огонь. Артиллеристам работать в противогазах было тяжело, пот заливал глаза, но они не останавливались ни на секунду. <...>

Песня LXXXVIII

Муза, верная подруга, я беру перо опять
И хочу о пережитой страшной ночи описать.
Хороша ли будет песня, не ручаюсь раньше я,
Помоги мне в этом деле, муза, спутница моя.

У деревни, у Залесья бой отчаянный кипел, //
л. 440 Небо тучами покрылось, и небесный гром гремел.
Я такой не видел ночи и снарядного огня!
Поминутно разрывались чемоданы близ меня.
Гром гремел, не умолкая, и до самого утра
Буря страшная ревела, дождик лил, как из ведра.
Все ломалось и трещало, гром небесный и земной,
Шум деревьев и стихии — все слилось в протяжный вой.

Меж столетними соснами я прижался и стоял,
И от страха дыбом волос на главе моей вставал.
Треск снарядов, свист осколков, блеск кровавого огня
И падение деревьев приводило в дрожь меня.

Сразу за первой на окопы надвинулась вторая волна газов, более густая, высотой 6–8 метров и шириной более 4 километров по фронту. За газовым облаком плыла дымовая завеса, а за ней двигались четыре цепи немецкой пехоты. Волна за волной они шли вперед, как на параде. Российская шрапнель косила ряды немцев, и никто из атакующих до российских позиций не дошел. Спасли положение пулеметчики. Они, уже прощаясь с жизнью, срывали маски, мешающие вести прицельный огонь, и точно разили врага. Немцы были отброшены.

За 1,5 часа атаки газ проник на глубину 19 км и нанес большой урон войскам 26-го корпуса. Было отравлено 40 офицеров и 2 076 солдат, из них в Николаевском полку — 1 200 человек. Окопы и ходы сообщения были завалены пострадавшими. Полковые санитары, врачи, фельдшеры и медсестры 8-го санитарного транспорта со станции Залесье оказывали помощь. В том бою умерло сразу 411 солдат Николаевского полка. Телеги увозили почерневшие тела погибших, санитарные повозки были переполнены отравленными. Павших хоронили в братских могилах в деревнях Белая и Залесье». — Цит. по: http://www.himbat.ru/forum/viewtopic.php?t=1786.

Приведем также отрывок из воспоминаний графини Александры Львовны Толстой, дочери Льва Толстого, которая заведовала фронтовым госпиталем в Залесье и руководила оказанием медицинской помощи пораженным и раненым: «По узким ходам сообщения мы дошли до глубокого низкого блиндажа. Войти в него можно было, только согнувшись. За столом, покрытым бумагами, сидел генерал. Он доверительно сообщил мне, что наша армия готовится перед рассветом к наступлению. Расспросил меня о медицинском персонале, числе санитарных повозок, госпитале. Мы напряженно ждали. В два часа утра мы заметили, что, разрываясь, немецкие снаряды выпускали желтый дымок. Он расстилался по лощине, и от него шел запах хлора.

— Маски! Маски надевайте!

Прошло с полчаса. Снаряды, начиненные газом, продолжали разрываться густым желтоватым туманом.

— Что-то вишней запахло, братцы!

Цианистый калий! Опять этот ужасный животный страх! Дрожали челюсти, стучали зубы...». — Цит. по: http://www.respublika.info/5830/memory/article64262/.

Ветер старую шинельку, точно перышко, трепал,
А из тучи страшный ливень поливал и поливал.
Смыло все на мне до нитки: и с шинели, и с белья, //
И с суконных шароваров наземь лило в три ручья. л. 440 об.
Под ногами стала лужа, в сапоги текла вода,
Смерть и кровь, и плач, и стоны, и укрыться некуда.

Тьма, нигде ни зги не видно, только молния порой
Освещает тьму ночную полосою огневой.
В темноте у коновязи слышно ржание коней —
Видно, лошади сорвались с места привязи своей.
Где-то говор раздается и ругательства солдат,
Шум дождя и гром орудий — настоящий сущий ад.
Вот четыре гаубицы прямо бьют через меня,
И от выстрелов трясется мать-кормилица земля.

Чу! Я слышу, кличет кто-то: «Помогите! Здесь беда,
Человека задавило; санитар, иди сюда».
Кто-то охает и стонет, // просит жалобно помочь. л. 441
Я спешу к нему в потемках... Боже мой, какая ночь!
Словно светопреставленье!.. хоть бы дождь-то перестал,
Да стрелять-то бы по лесу дерзкий немец бы отстал.
Все не так бы страшно было... эх, скорее бы рассвет!
Хотя видно все бы стало, а то тьма... Спасенья нет.

Подошел туда, где звали. Оказалось, что сосной
Человека придавило, и с разбитой головой
Он лежал у коновязи, весь промокший и в грязи,
И две лошади топтались близ него на привязи:
Словно польку танцевали под снарядами впотьмах, —
Вероятно, ощущали и они такой же страх.

Положили человека на носилки и вдвоем,
Запинаясь, к околодку потихохоньку несем. //
Принесли с трудом, в потемках удалось перевязать, л. 441 об.
Положили на повозку — больше некуда девать.
Перемокшую палатку с места бурей сорвало,
И солдатские вещишки все водою залило.
И бинты и перевязки — подмочило все впотьмах,
Что ни разу не случалось ни в походах, ни в боях.

Бой гудел, не умолкая, вплоть до утренней зари:
То германцы наступали, то в атаку наши шли.
В эту ночь Залесье было трижды отдано врагам

И три раз переходило с рукопашным боем к нам.
Напоследок загремело громогласное: «Ура!»
И Залесье было взято с наступлением утра.
Немцы ружья побросали и, оставив пушки нам,
В беспорядке все бежали, устилая путь телам. //
л. 442 Стихла буря и сраженье, перестал и дождь и гром,
Поднялося снова солнце, осветило все кругом.
Поднялось и улыбнулось с голубых своих небес,
Не забыло, заглянуло и на нас в сосновый лес.
И представилась картина интересная глазам:
Сотни сломанных деревьев полегли по сторонам.
Полегли, как великаны, друг на дружку, крест-накрест,
Поломали семь повозок, заградили нам проезд.
Целый день пришлось работать, путь-дорогу расчищать!
Перепиливать пилами и повозки починять,
Перетягивать палатки, пересушивать белье,
Обижаясь, сокрушаясь на солдатское житье.

Стихло все против Залесья, день счастливо миновал,
И другой ему на смену по порядку наступал, //
л. 442 об. Тоже светлый и прекрасный; наконец, прошел и он,
Все как вымерло — ни звука, тишина со всех сторон…
Минул третий и четвертый — все такие были дни,
Что дышать невыносимо, тридцать градусов в тени,
А на солнышке, как в бане, так огнем оно и жжет,
Духота сидеть в палатках, и катится градом пот.
Сушь везде такая стала, что лишь уголь где подложь
Да замешкайся немножко, так из леса не уйдешь.

Пятый день идет. Свалила нестерпимая жара,
Село солнце, закричали с кухни: «Ужинать пора!»
Загремели котелками и за ужином пошли,
И овсяную кашицу по палаткам разнесли.
Я сготовил тоже ужин для команды и троих
л. 443 Находящихся в палатке // привезенных к нам больных.
Сели ужинать, поели, после чаю напились
И до утра спать на матах под палатку убрались.
Прожит день и слава Богу, — думал я, ложася спать, —
Смерть свою никто не знает, где случится умирать!
На войне ли или дома — это трудно угадать,
Сокровенной Божьей тайны человек не может знать.
Что бы в жизни ни случилось, кто бы что ни испытал,
Это все не зря творится, а Господь судьбу послал.

Песня LXXXIX

Ночь июньская спустилась на песчаные поля,
Задремала после зноя в белом сумраке земля.//
Кое-где мерцали звезды на пространстве голубом, л. 443 об.
И от запада тянуло чуть заметным ветерком.
Разве горькая осина шевельнет кой-где листком,
А сосновые деревья точно спят везде кругом.
Все товарищи уснули в наступившей тишине,
Только, лежа под шинелью, не спалось чего-то мне.
Думал я о своем доме, о жене и о детях,
О работах деревенских на полях и на лугах.
Спит теперь она с детями на постели, — думал я, —
И не знает сотой доли про несчастного меня.
Если б был я легкой птицей, если б крылья я имел,
Возвился бы я высоко и в деревню б полетел.
Посмотрел бы я в окошко в свой родимый старый дом,
На жену свою и деток и, взмахнув опять крылом,
Воротился бы обратно//и на дереве бы сел, л. 444
И о родине далекой песню грустную бы спел...

Но от дум и размышлений меня доктор оторвал,
Он, запыхавшись, в палатку, озабоченный, вбежал.
«Братцы! Живо поднимайтесь! — крепко спящих он будил. —
Приготавливайте маски, немец газы к нам пустил[122].
Жизнь в опасности, спасайтесь! Из палаток выходить!
Хладнокровнее, как можно осторожней, не спешить!
Никуда не расходиться, а на месте всем стоять,
По оврагам не скрываться, на земле ни-ни лежать:
Газ идет всегда понизу и садится на леса,
На овраги и болота, где есть влага и роса.
Оставляет за собою иногда ужасный след,
Все живое умерщвляет, ничему пощады нет.
Повнимательнее слушать//и команду! Если газ л. 444 об.
Будет близко, не волнуйтесь! Одевать, не торопясь,
Чтобы маски прилегали, по возможности, плотней.
В этом суть всего спасенья жизни каждому своей».

Р. Г. Заринь (Заррин).
Почтовая карточка.
Пг., 1916

[122] В состав немецких химических снарядов входили хлор и бром, губительно действующие на дыхательную и кровеносную систему. Бойцы, отравленные газами в большинстве случаев погибали, а немногие оставшиеся в живых становились калеками. Выпускали газ из металлических баллонов под сильным давлением, используя попутный ветер. Будучи значительно тяжелее воздуха, ядовитый газ полз по земле густым облаком, уничтожая на своем пути все живое. Химическое оружие применялось и русской армией, например, летом 1916 г. в ходе Брусиловского прорыва.

Все вокруг зашевелилось, приготовились и ждем...
Немец начал по окопам орудийным бить огнем.
Загорелася солома, прикрепленная к столбам,[123] –
Это был сигнал условный всем ближаишим войскам,
Чтобы маски надевали, если жизнь всем дорога,
И готовились атаку встретить дерзкого врага.
Раздалась команда вскоре офицера: «Слушай, газ!»
Растянули мы рязину и одели все зараз.

Мне сначала показалось очень душно, и едва
Я долой не сорвал маску: закружилась голова, //
л. 445 Но, однако ж, удержался на ногах, и устоял,
И спасительной рязины с своего лица не снял.
И поэтому остался жив на свете и сейчас,
Но случись неосторожность, и никто бы жизнь не спас.

Газ прошел благополучно, нам вреда не причинил,[124]
Но зато среди пехоты много бед он натворил.
Прозевали часовые, не успели дать сигнал,
И от газа Юрьевецкий полк[125] ужасно пострадал.

Утром немцами Залесье было занято опять,
И приказано до Вольной нам обратно уезжать.
Поснимали все палатки, и прощай, дремучий бор,
Шашки[126] сосен-великанов, вековой лесной простор.

---

[123] В качестве сигнального устройства использовали артиллерийскую гильзу, в которую били, как в колокол, обнаружив газовую атаку.

[124] Приведем отрывок из описания сражения под Сморгонью военного историка В. Н. Лигута:

«Сладкая, удушливая волна прямо в лицо. "Газы, маски! Зажечь костры!" Хворост на бруствере окопов горел, освещая позиции. Солдаты и офицеры 16-го гренадерского Менгрельского полка лежали у костров. Здесь было легче. Огонь поднимал газы, и они проходили выше. Немцы шесть раз с промежутками времени более получаса выпускали из баллонов ядовитый дым. Его клубы медленно двигались на русские окопы, подгоняемые тихим ветром.

С рассветом начальник пулемётной команды подпоручик М. Зощенко, будущий известный писатель, увидел в бинокль в немецких траншеях солдат, выпускавших газ из баллонов. "Огонь!" Поднявшаяся в атаку германская пехота, не выходя за свои проволочные заграждения, быстро отступила. Рассвело и стало видно, что "многие гренадеры отравлены, лежали мертвыми. Другие стонали и не могли подняться". Был отравлен и М. Зощенко. Несмотря на боли в сердце и сильнейшие приступы кашля, он продолжал оставаться в строю...». – Цит. по: Наша кровь у Сморгони. – См.: http://www.libma.ru/.

[125] Юрьевецкий второочередной 323-й пехотный полк сформирован 18 июля 1914 г. из кадра 183-го пехотного Пултусского полка, расквартированного в Костроме. В начале войны полк в составе дивизии оборонял крепость Ивангород. Затем полк участвовал в осаде крепости Перемышль.

[126] Так в рукописи. Возможно, описка автора. Должно быть: «шапки»<?>.

Так-то шли дела на фронте, день за днем, за ночью ночь! //
За неделёю неделя уходили грустно прочь. л. 445 об.
Снова, точно в воду, канул и еще кровавый год,
В этот год у нас случился на Руси переворот.
Рухнул-пал самодержавный строй Романова-царя,
Занялась святой свободы долгожданная заря.
Все темницы растворились. Пожилые и юнцы,[127]
Из застенков на свободу вышли прежние борцы.
А в темницы под запоры, где томилися они,
Все изменники и воры за дела свои пошли.
Имена людей идейных облетели край родной
И проникли за пределы нашей родины святой.
Все чего-то дожидали в жизни лучшего тогда
И совсем не замечали, что стране грозит беда.
Та беда — во всем разруха и гражданская война! —
Вот пред пропастью какою // очутилася страна. л. 446
Впредь Россию ожидали смуты, распри и раздор,
Агитации мерзавцев и отечества позор.

Меня выбрали в то время делегатом в Комитет[128]
Управления бригады для собраний на совет.
Но в бригадном комитете был не очень долго я,
На сей раз моя фортуна не оставила меня —
Повернулась, улыбнулась, и случилось то со мной,
Что во сне не снилось даже видеть радости такой.

На участок Белый Берег[129] перешли мы той весной
И стояли в деревеньке под названием Завой.
На стоянку я в Завое обижаться не могу:
Слишком было неудобно нас обстреливать врагу.
Место низкое, болото и дремучие леса //
Заслонили нас в Завое — только видны небеса, л. 446 об.
Да как ходят кучевые паровые облака,
И шумит среди деревни безымянная река.

Получилось предписанье всем на фронте докторам
Медицинские осмотры произвесть по всем войскам:

---

[127] Выделенная курсивом строка в рукописи отмечена автором косыми чертами.

[128] Речь идет об учрежденных Петросоветом в ходе февральской революции 1917 г. выборных комитетах из представителей нижних чинов российской армии. Комитетам фактически должны были подчиняться все воинские части. В армии отменялось единоначалие и всякого рода оружие передавалось в распоряжение и под контроль солдатских комитетов. В результате, на фронте началась анархия, произошёл колоссальный рост дезертирства, солдаты отказывались идти в наступление и устраивали самосуд над офицерами.

[129] Белый Берег — деревня в Ивьевском районе Гродненской обл. Беларуси.

Изнуренные войною части воиск освежить,
Всех больных домой уволить и другими заменить.
Получил освобожденье на комиссии и я,
Послужила к увольненью сорок пятая статья.
Сколько радости мне было, я ни в сказке рассказать,
Ни пером на сей бумаге не берусь вам описать.
Да и шутка ли, увидеть край родимой стороны
После множества походов, после долгих бурь войны.
Если это уж не радость, так чего же уж и ждать! //
л. 447 На родимой на сторонке даже легче умирать,
А не только жить с женою посреди семьи родной —
Как ни плохо, все не в людях, все кусок и угол свой.

Собрал я свои вещишки, в канцелярию пришел,
Получил себе документ и на станцию пошел.
Шел и сам себе не верил, что иду совсем домой, —
То бежал дорогой торной, ног не слыша под собой,
То плелся стопой неспешной и садился, отдыхал,
Улыбался и крестился, и опять вперед шагал.
Оборачивался к фронту и кидал прощальный взгляд,
И со страхом думал думу: не вернули бы назад. //

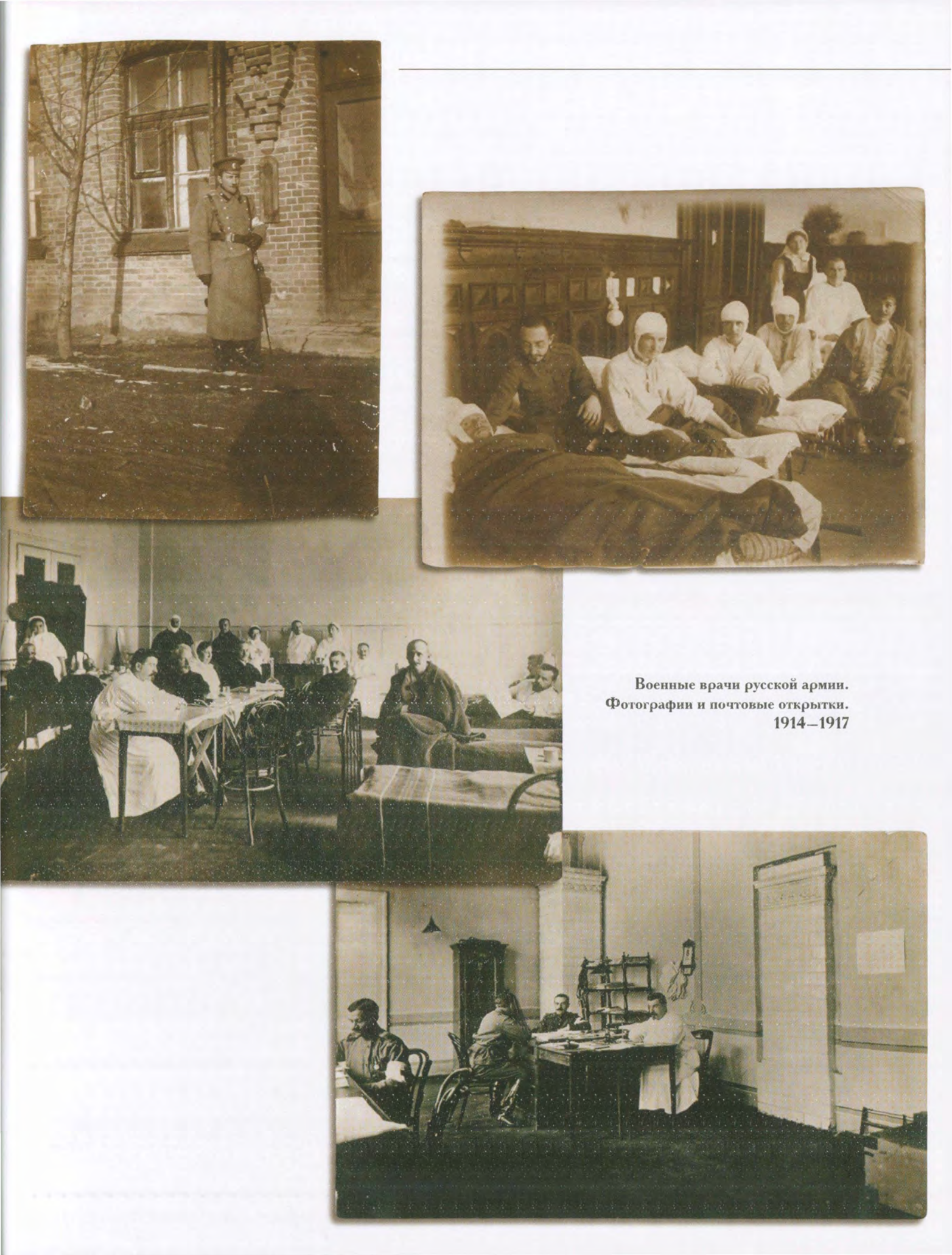
л. 447 об.

Песня XC

Приходилось ли, читатель, вам на службе быть, как мне?
И бывали ли в окопах под огнем вы на войне?
Вы скитались ли невольно в стороне когда чужой?
Увольнялись ли вы с фронта хоть когда-нибудь домой?
Если это было с вами, то вы знаете о том,
Как бывает мил и дорог иногда солдату дом.

Словно цепи разорвались или с плеч гора долой
У меня тогда свалилась, как уволили домой.
Шутка ль, целые три года не видал семьи своей —
Только видел кровь да раны и несчастия людей,
Только слышал гром орудий да снарядов рев и вой,
Крики раненых и стоны, еще пуль шмелиный рой.
л. 448 Человек, имея нервы // слишком слабые, вполне
Может разума лишиться, видя страхи на войне.
Я и сам не понимаю, как я все перетерпел,
Что в уме не помешался и домой вернулся цел.

Поздно вечером, усталый, я на станцию прибыл,
Сел на поезд и до Минска вольной птицей покатил.



Военные врачи русской армии.
Фотографии и почтовые открытки.
1914–1917

А от Минска до Смоленска, от Смоленска до Москвы,
Где, наверное, бывали, дорогой читатель, вы.

В белокаменной столице был я больше полудня —
Был у Сухаревой башни и в Кремле и у Кремля.
Посмотрел и на Царь-пушку, на Царь-колокол взглянул
И на Красную на площадь ради скуки завернул.
Побывал и у помоста, где в эпоху смутных дней
Совершались пытки, казни по велению царей. //
л. 448 об. Где когда-то Стенька Разин, помолившись на собор,
Сложил голову на плаху под наточенный топор.
С Красной площади на рынок я отправился гулять,
Потому что еще долго было поезда мне ждать.

Из Москвы я выбыл ночью в Ярославль, а уж потом
Пересел на новый поезд и поутру прибыл в Лом.[130]
Заказал в трактире чаю, посидел и закусил,
Подозвал к себе «шестёрку»[131] и что стоит заплатил.
Чрез плечо повесил сумку, хлеба белого купил,
На куски его изрезал, завернул и уложил;
И знакомою дорогой пошагал в родимый дом,
Где родился и женился, и где сделался отцом.
Отошел версты четыре и от радости запел
Одну песню удалую, что с товарищами пел //

л. 449 На войне в былых походах, чтоб себя развеселить,
Чтобы горюшко размыкать и кручинушку забыть:

«Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горё горевать,[132]
То ли дело со врагами
В чистом поле воевать.
Мы за матушку Россию
Станем твердою стеной,
По-суворовски ударим,
Закипит кровавый бой!
Мы французам не уважим
В состязании с врагом,

---

[130] Лом — железнодорожная станция между Рыбинском и Ярославлем.

[131] Шестёрка — пренебрежительное название прислуги, человека на побегушках.

[132] Первые две строки — зачин известной старинной солдатской песни, но с третьей строки Кругов переделывает традиционный текст на свой лад.

Австрияку штык покажем
И германцу нос утрем.
Взвейтесь, соколы, орлами,
Докажите свой полет,
То ли дело со штыками
На врага идти вперед.
Знают русского солдата
За границею везде,
Как он колет супостата,
Не щадит его нигде.
Беззащитного не тронем,
Это, Боже, упаси,
А с оружием приколем,
Лучше ноги уноси. //

Если хочешь жить на свете, л. 449 об.
Будь покротче, супостат,
Не дерися лучше с нами,
А живи, как кровный брат».

Так я шел домой из Лома, песней душу веселя,
А вокруг меня далеко зеленелися поля.
Звонко жаворонки пели надо мною высоко,
На душе отрадно было, и дышалось мне легко.

Повстречался мне дорогой дальний родственник жены:
«Ба! Здорово, ты откуда?» — «Да иду, дружок, с войны.
Много времени скитался, — отвечаю я ему, —
И не думал возвратиться, просто диво самому,
Как случилось это дело, вдруг комиссия... И вот,
Подошла статья, уволен без препятствий и хлопот». —
«Ну, счастлив, и слава Богу, — он промолвил, — а жена
Сокрушается, бедняга, //и не ждет тебя она, л. 450
Уже думает, что кости твои ворон расклевал,
А ты явишься обратно, как ни в чем и не бывал.
Вот-то встрече будет рада, уж намаялась она —
На покосе и на пашне и везде одна, одна». —
«Как одна? Сестра-то где же?» — «Э-хе-хе, хватил ты, сват!
Уж ее два года нету, укатила в Петроград.
Изленились ныне бабы, ищут легкого труда,
Не хотят работать дома, не годятся никуда.
Все б поменьше им работать да побольше бы поспать,
Да получше бы нажраться, а про дело наплевать.
Вот твоя жена, ей-богу, не такая! Баба — лом!
А сестра — не то, с ленцою, ну, и марш, на что ей дом?

Ведь в столице-то полегче жить-то, что ни говори,
И помягче, и послаще калачи да сухари. //
л. 450 об. Да и то сказать, чего ей и не жить-то там? Она
Птица вольная, не дети у нее. Твоя жена
Уж, наверно, не уедет жить от дому по людям,
Если малыши связали по рукам и по ногам.
Для нее плохой уж Питер, сиди дома навсегда,
Уж скорее ты уедешь, если выгонит нужда». —
«Что же Маша не писала ничего ко мне о ней?» —
«Ах, чудак! Да до того ли в одиночестве-то ей!
Баба дома, баба в поле, в пир и в мир — везде поди,
За детями и скотиной и за всем сама гляди.
Как ни дельна — все же баба, как ни плох — все мужичок
Своему дому хозяин, а не хворосту пучок». —
«Так-то так, — я согласился, — что об этом говорить...
Значит, я не лишний дома? Ну, так надо мне спешить». —
л. 451 «До свиданья, путь счастливый», — //он напутствовал меня
И пошел своей дорогой так же спешно, как и я.

Мне припомнился в то время мой чудесный прежний сон,
Что под áрестом мне снился, — вот теперь и сбылся он.
Да ведь как еще и сбылся, точно в руку положил:
Что во сне тогда я видел, то и в жизни пережил.
Видел я людей смятенье и повозки, и коней,
Видел раненых героев, видел слезы матерей.
Ружья, пушки и окопы, павших в битвах со врагом
И пылающие селы, все объятые огнем.
Все сбылось, чего мне снилось, даже встреча на пути
Со знакомым человеком не могла и то пройти.
Все тогда мне стало ясно — чаша, бездна бытия,
Светлый гений, путь тернистый... Это жизнь была моя. //

л. 451 об. Вот иду. Село Большое,[133] словно город, на пути.
У дороги два трактира, не минул в один зайти.
Заказал себе поджарку я с яйцом и с колбасой,
А от жажды чаю пару притащил мне половой.
Посетители трактира обступили вкруг стола

---

[133] Большое Село — старинное торговое село на реке Юхоть, ныне районный центр Ярославской области, упоминается с 1567 г. До 1917 г. Юхотский край был владением графов Шереметевых. Рядом с селом находятся деревня Новоселово — родина талантливейшего крестьянского поэта-самоучки Ивана Захаровича Сурикова (1841–1880) и деревня Березино — родина известной крепостной актрисы и певицы XVIII в. П.И. Жемчуговой, впоследствии графини П.И. Жемчуговой-Шереметевой (1768–1803).

И расспрашивать все стали, как идут войны дела.
«Да дела не очень важны, — говорю, — идут пока,
Но, однако, полагаю, и беда не велика,
Нет сомнения, что немца напоследок победим,
Если только не изменим мы союзникам своим.
А изменим, плохо дело, срам России и позор;
Чтоб ни стало, надо биться с немчурами до тех пор,
Пока кайзера не сломим и пока милитаризм
Немцев весь не уничтожим и уним<ем?> германизм.
Словом, биться, братцы, надо//до победного конца л. 452
И добиться русской славы и победного венца». —
«Вот и верь, кому желаешь, — говорил старик седой, —
А уж здесь кричат, что надо войну побоку, долой!..» —
«Кто кричит, тому не верьте, что не надо нам войны,
Это вредные людишки и губители страны.
Если нам пришлось случайно в лужу грязи угодить,
Так ужели это значит, что себя не надо мыть.
Если мы по воле рока затянулися в войну,
Так зачем же на погибель обрекать свою страну?
Плох режим был Николая, но не сладок и сейчас,
Но немецкое начало будет хуже во сто раз.
Кто из вас сему не верит, тот немногое видал,
И придет пора, вспомянет все, что я сейчас сказал».

Отдохнул на перепутье//и опять иду, спешу л. 452 об.
И чем ближе я к деревне Ямышовке подхожу,
Тем сильнее сердце бьется в настрадавшейся груди
Перед радостною встречей, предстоящей впереди.

Миновал лесок ольховый, солнце село. Боже мой,
Тишина везде какая, точно свет-то здесь другой.
Там у нас на фронте слышны только выстрелы одни…
Как они все расшатали нервы слабые мои,
Что я робок стал, как заяц, пред грозою трепещу,
О несчастных сожалею, о чужой беде грущу.
Уж давно бы не мешало мне в деревне побывать,
Малых деточек увидеть и жену поцеловать,
Да сковал мою свободу в цепи царский произвол,
Что насилу разорвал их и едва домой ушел.//

Песня XCI л. 453

Я рассказывал в трактире, что войну нельзя кончать,
Что с союзниками нужно до победы воевать,

А на самом деле думал оборотное совсем:
Что войну бы кончить надо, надоела она всем,
Что и сам я ненавижу эту бойню больше всех
И считаю не за благо, а за самый тяжкий грех;
Что в войсках о примиреньи агитацией пошли
И что многие братанье со врагами завели.[134]
Не желают больше драться и на немца наступать
И при первой неудаче могут ружья побросать.
Словом, дело не из важных, до победы далеко,
И врага уже осилить не особенно легко.
Словом, самой сущей правды никому я не сказал,
л. 453 об. Чтобы дух патриотизма//у народа не упал.
Разглашать о всем солдату непристойно, — думал я, —
Пусть о всем узнают после, только лишь не от меня.

Лгать оно бы и не надо, лжец не очень-то хорош,
Но что сделаешь? И правдой целый век не проживешь,
Иногда и поневоле покривишь своей душой,
Если видишь, что от правды пользы нету никакой.
И за правду ведь иные на виселицу идут,
А и кривдой да мильоны, благоденствуя, живут.
Нынче ложь на первом месте — кто солгал, тот и хорош,
А за правду негодяем и мерзавцем прослывешь.
Наживешь еще немало и врагов себе как раз,
Что к рукам они, пожалуй, приберут тебя тотчас.
Так порою и не диво, что приходится солгать
л. 454 Или быть поосторожней//и поболее молчать.

А ведь в самом деле, правда, для чего нам воевать?
Все мы люди и все братья, так за что же убивать?
И Господь повелевает всех любить, как братьев, нам,
А земли на свете хватит богачам и беднякам.
Да и что всего страшнее как не смерть и не война?
Что на свете всех милее как не мир и тишина?
Да родимая сторонка еще более всего...
То ли дело, братцы, дома у очага своего.

---

[134] Братания в Первой мировой войне были зафиксированы уже с 1915 г. и стали широко распространяться со второй половины 1916 г. После отречения Николая II на Восточном фронте количество братаний резко возросло. С лета 1917 г. братание было запрещено под страхом расстрела, однако с большевизацией солдатских комитетов в сентябре—октябре 1917 г. число братаний увеличилось и к концу 1917 г. братания фактически выродились в меновую торговлю. Солдаты с обеих воюющих сторон разбирали проволочные заграждения, и уже к середине января 1918 г. единая линия фронта своё существование прекратила.

Там сухая корка хлеба лучше всякого куска,
Там и жесткая постеля слишком кажется мягка.

Для меня на белом свете нет ни краше, ни милей,
Ни привольней, ни дороже милой родины моей.
Много видел я на свете деревень больших и сел, //
Но такой, как Ямышовка, не видал и не нашел. л. 454 об.
Все-то, все мне там знакомо, на чего я ни взгляну, —
На реку ли Кисьму выйду, в лес ли темный заверну,
В чистом поле ли, на пашне там хожу я за сохой, —
Завсегда благословляю край привольный и лесной.

В Ямышовке я родился, из младенца подрастал,
В Ямышовке из пеленок мальчуганом крепким стал.
В Ямышовке моей няней моя бабушка была,
По полям со мной гуляла, по лугам цветы рвала...
В Ямышовке я мальчишкой был у стада пастухом,
И из той же Ямышовки в Петроград свезен потом.
В ней гулял я, веселился, в ней при юности любил,
В ней родителей лишился, на кладбище схоронил.
Там в родной избе женился, там я прижил и детей, //
Так уж как не дорожить мне милой родиной моей. л. 455

Ты, родная деревенька, Ямышовочка моя,
Из далеких стран скитальца, приюти скорей меня.
Уж вы, детки-малолетки, если помните отца,
То скорее выходите и встречайте у крыльца.
Вам гостинцев и игрушек накупил, малютки, я —
Карамелек, погремушек, три сусальные коня,
Еще кайзера и Франца Фердинанда-короля[135]
Из прессованной бумаги и два новых букваря.
Сядьте, детки, не деритесь, ешьте все, не торопясь,
Да учитесь, не ленитесь: буки, веди, буки, аз...

Был июньский тихий вечер, когда я к родной избе
Подошел и тихо молвил: «Слава, Господи, тебе,
Что помог домой вернуться // к мирной жизни и труду, л. 455 об.
Помоги теперь мне, Боже, побороть свою нужду,

---

[135] Речь идет о деревянных игрушках, выпускавшихся известной в начале XX в. немецкой фирмой «Deutsche Werkstätten Hellerau» («Немецкие мастерские Хеллерау»), изготовлявшей среди прочего куклу, изображавшую австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда фон Габсбурга, убийство которого 28 июня 1914 г. в Сараево стало поводом для начала Первой мировой войны.

Содержать жену с детями, чтобы всем не голодать,
И да будет между нами мир и божья благодать».

Я поднялся на крылечко, дверь была затворена,
Но не заперта: забыла запереть ее жена.
Было тихо. Дети спали в старой горнице. Их мать
Тоже, за день утомившись, начинала уж дремать.
Чтоб от сна не потревожить ни жену и ни детей,
Я прошел в жилую избу полегоньку и скорей
Сел и начал разуваться у старинного стола.
Пусть не знает, что я прибыл, — мысль мне в голову пришла. —
Вот разденусь и разуюсь, да на лавке и усну,
То-то завтра утром рано удивлю свою жену:
л. 456 Как пойдет доить корову, //за подойником зайдет,
Вот тогда ей диво будет, я уж знаю наперед.
Ахов, охов и расспросов сколько будет, Боже мой!
Как, откуда я явился и надолго ли домой?
Словом, будет интересна наша встреча, — думал я, —
Но, однако, неудачна вышла выдумка моя.

На сенях заслышав шорох, встрепенулася жена
И в одной ночной рубахе в избу бросилась она,
Отворила дверь и стала, с удивлением глядя,
Как на выходца какого, и руками разводя.
Наконец, ко мне шагнула и сказала: «Боже мой,
Да тебя ли это вижу я, голубчик дорогой?!
Здравствуй, Гриша!» — «Здравствуй, Маша!
Здравствуй, милая моя,
Настрадалась ты, голубка, в эти годы без меня!» //
л. 456 об. И я крепко ее обнял и в уста поцеловал,
И от радости заплакал — как и сам не замечал.
Она ласково смотрела и спросила у меня:
«В отпуск, что ли отпустили, горемычного, тебя?» —
«Нет, не в отпуск, дорогая, а совсем пришел домой,
По болезни, без возврата, и документ есть со мной.
Поскитался по Карпатам да здоровье растерял,
Ну, по этому случаю и негоден к службе стал.
Лошадь смучат да и бросят: Ну, мол, кляча, издыхай!
Так вот тоже и солдата: Нездоров — домой ступай,
А здоров — тяни, что лошадь, да отчизну защищай
И под вражеские пули грудь смелее подставляй.
А кого поискалечат, наградят крестом того,
Как ребенка погремушкой, и любуйся на него.
л. 457 Еще я-то не горюю: //хотя болен, но неплох —

Не без рук, не искалечен, сохранил покамест Бог.
А то люди есть такие, что негодны никуда, —
И калеки, и слепые, — вот где горе и беда.
Чем они кормиться станут — ни косить и ни пахать,
А ведь я-то, слава Богу, хлеб могу еще достать,
И болезнь моя пустая — есть одышечка, но вот
Здесь на воздухе в деревне поживу и все пройдет».

Маша, слыша мои речи, тихо плакала. Потом
Опустилась на колена пред всеведущим Творцом.
Горячо шепча молитву, крестно знаменье творя,
За приход мой и свиданье от души благодаря.
«Слава Богу, слава Богу, возвратился, жив пока,
А прожить Господь поможет, его милость велика,
Ради деток не оставит, //помаленьку проживем, л. 457 об.
Все прошедшее забудем, жить по-божьему начнем...» —
«Да, голубка моя Маша, — отвечал тогда я ей, —
Нет-то лучшего семейства, нет счастливей тех людей,
Где нет брани и раздора, а домашний мир и лад, —
Там не надо и богатства, жизнь без денег сущий клад...»

Вплоть до самого рассвета разговоры мы вели,
Но о всем наговориться меж собо<ю> не могли.
То была в семейной жизни ночь такая для меня,
Что счастливее которой не припомню в жизни я.

Поутру проснулись дети, я их начал целовать
И игрушки и гостинцы по рукам им раздавать.
Дети прыгали в восторге, любовались на коней,
И я радовался, глядя на играющих детей.

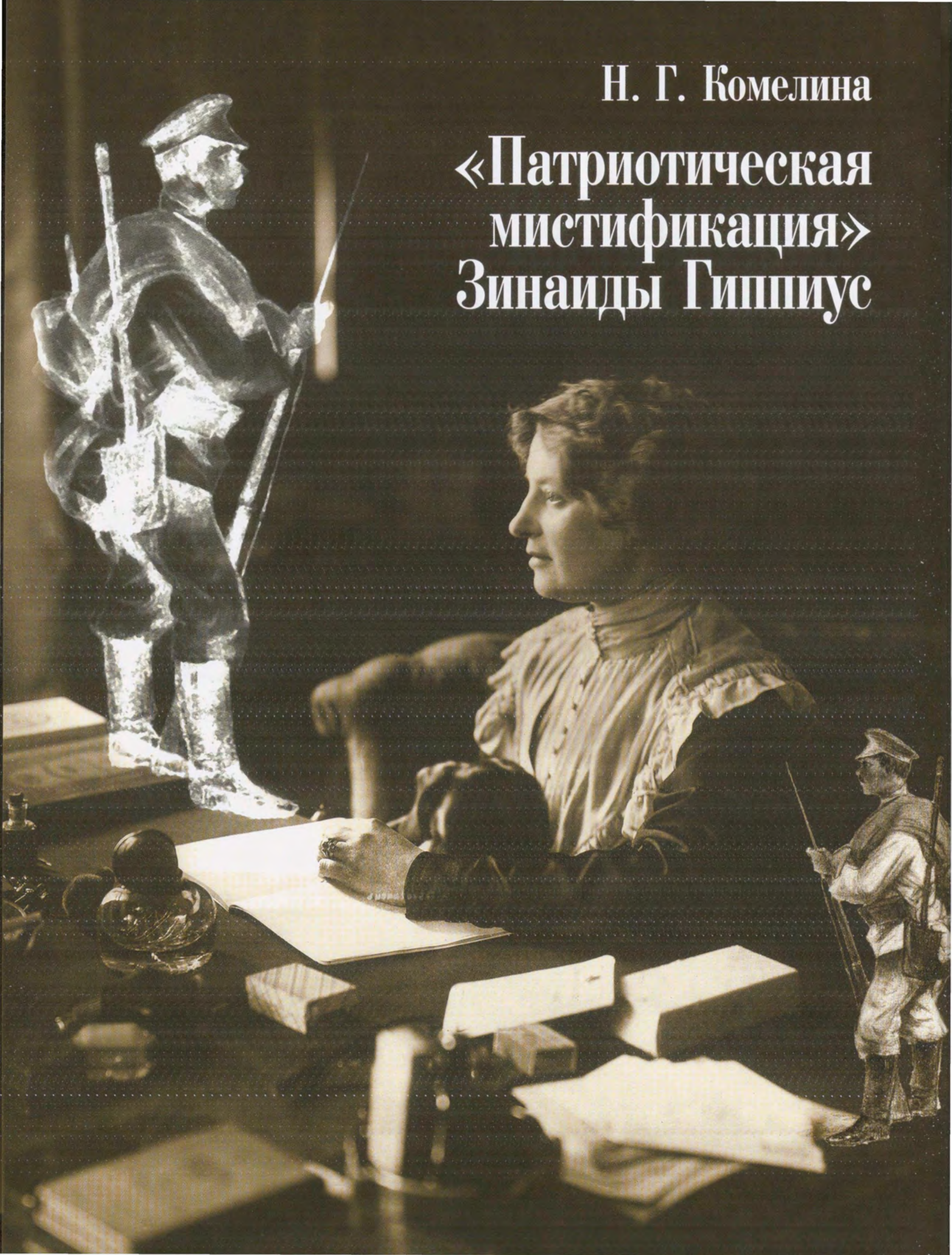
Указатель географических названий*

Австрия — л. 322, 341 об.
Белгорай — л. 434 об.
Белый Берег — л. 446
Большое, село — л. 451 об.
Бортники, деревня — л. 436 об.
Брест, Брест-Литовск — л. 301, 302, 304, 305 об., 306, 306 об., 332 об., 400 об., 428, 431 об., 433, 434
Буг, река — л. 431 об.
Варшава — л. 306
Венгрия — л. 367 об., 368 об., 373 об., 374
Видраны, село — л. 398, 400 об.
Висла, река — л. 308, 309, 309 об., 312, 315, 321 об.
Волга, река — л. 302 об.
Вольна, селение — л. 436 об., 437, 438, 445
Галиция — л. 326 об., 434 об., 346 об., 359, 414
Галич — л. 368 об.
Глесинфорс (Гельсинфорс?) — л. 349
Дорогобуж, станция — л. 363
Дроздовицы, деревня — л. 335 об., 338, 340, 340 об., 342, 343 об., 344, 346 об.
Ельцы — л. 435
Завой, деревня — л. 446, 446 об.
Залесье, деревня — л. 438 об., 439 об., 441 об., 442, 445
Замостье — л. 434 об.
Ивангород — л. 306, 306 об., 308, 318, 321 об., 434 об.
Карпаты — л. 330, 360, 367, 377 об., 401 об., 434 об., 456 об.
Кельцы — л. 435
Кисьма, река — л. 454 об.
Колумба, село (Колумбо?) — л. 306 об., 307, 309, 309 об., 311
Кострома — л. 312
Которосль, река — л. 297, 297 об., 298, 301, 301 об.
Краков — л. 306
Красностав — л. 434 об.
Лом — л. 448 об., 449 об.
Львов — л. 306, 327, 327 об., 328, 329 об., 363
Мазурские озера — л. 306
Масур, село — л. 435
Мезалоборч, слободка — л. 374 об.
Мей, деревня — л. 423 об.
Минск — л. 448
Минская губерния — л. 436 об.
Москва — л. 303, 303 об., 448
Нижинковичи (Нижанковичи?) — л. 332, 332 об., 335 об.
Перемышль — л. 306 об., 322, 327, 329, 332, 334 об., 337 об,
341 об., 342, 343 об., 345, 356 об., 358 об., 406, 409, 409 об.,
411, 411 об., 415 об., 419, 422
Петроград — л. 298, 430 об., 450, 450 об. (Питер), 454 об.
Погорельцы — л. 435
Польша — л. 427 об., 434 об.
Прима — л. 434 об.
Россия (Русь) — л. 289, 293, 293 об., 300, 302 об., 324 об., 325, 325 об., 326 об., 327, 377 об., 381, 395, 400, 405 об., 412 об., 413, 413 об., 414, 422, 428, 431, 432 об., 433 об., 445 об., 446, 449, 451 об.
Рыбинск — л. 295 об., 297
Рыбинский тракт — л. 294
Самбор — л. 306, 332
Сан, река — л. 367, 401 об., 402 об., 403, 403 об., 406
Санок — л. 306, 368 об., 402 об., 403 об., 405 об., 434 об.
Смоленск — л. 448
Старый Чашин, деревня — л. 363, 368, 368 об., 369, 374 об., 402
Столбцы, станция — л. 435
Тарнов — л. 399 об.
Турция — л. 324 об.
Турцы, село — л. 435
Углич — л. 290, 290 об., 293 об., 297 об., 298
Фалькенберг, деревня — л. 346 об., 350 об., 356, 356 об., 363 об.
Хиров — л. 306, 332
Холм — л. 434 об.
Ченстохов — л. 306
Черный Ляс, село — л. 315
Черный Поп, деревня — л. 315 об.
Чипахадзе, деревня — л. 373 об., 376, 376 об., 378, 380, 394, 396
Ямышовка, дер. — л. 452 об., 454 об., 455
Ярослав — л. 399 об., 414 об., 415
Ярославль — л. 291 об., 297, 298, 301, 448 об.

* Указатель к текстам Г. Кругова составлен Н. Э. Юферевой.

Часть 3

ПИСЬМА С ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЙ



Н. Г. Комелина
«Патриотическая мистификация» Зинаиды Гиппиус

Солдаты, большинство которых были из крестьян, писали с фронта письма своим женам и родственникам. Чтение писем вошло в крестьянский быт. Так, один из современников, оказавшийся свидетелем чтения солдатских посланий при посещении госпиталя, пишет: «Часто бабы приносят и письма от мужей. Уже десятки раз читались эти серые строчки по чайным и лавкам. И без того грязные, нацарапанные карандашом, они еще больше захватывались, странствуя по рукам, но их приносили и в лазарет, чтобы еще раз прочувствовать скупые сообщения, приправляемые комментариями раненых. Солдатские письма характерны и интересны; по ним можно отлично судить о самом драгоценном — о настроении армии, об укладе солдатской жизни и даже о самой душе автора».[1] По сути, они продолжают традицию крестьянских посланий домой — таких, например, как писали отходники в родные деревни, родственники друг другу и пр.

Солдатские письма с описаниями военного быта, благодарностями в адрес благотворителей и военных врачей публиковались на страницах газет,[2] однако главным образом такого рода публикации преследовали пропагандистские и патриотические цели. Например, в письме, помещенном в газете «Старый владимирец», говорилось: «Пока без перемен. Стоим на одном месте и ждем. Войска стягиваются и стягиваются. Назревают события. Решена будет судьба армий. Кто победит? С обеих сторон стоят миллионы. Сближаются скалы, громады, миры — столкнутся, и грянет небывалый бой».[3]

Исследователи «народных» писем и мемуаров рассматривают подобные документы как источник истории повседневности, выражающий «дух народа» или историю-память, отличную от официальной Большой истории.[4] Этот факт был очевиден и для современников событий, призывавших собирать подобные тексты.

Н. Слонимский, ссылаясь на книгу К. Чуковского «Заговорили молчавшие», указывает: автор «выражает сожаление, что <...> никто до сих пор не догадался собрать и издать солдатские письма». И далее: «Я уверен, — говорит Чуковский, — что то коллективное, массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы в них, было бы духовной красоты удивительной. Может быть, перед нами явился бы лик нового Платона Каратаева, широчайший, поэтический образ всемужицкой, всеславянской души, а может быть, другой, неожиданный, еще святее и благостнее».[5] Сам Слонимский, напротив, пытается найти в солдатских письмах индивидуальное, так как «война обезличивает человека».

Военные письма включались в сферу интересов фольклора и этнографии. Один из авторов предложения о записи фронтового фольклора отмечал: если организовать собирание материалов по военному фольклору и этнографии, «мы сохраним, может быть, более значительные и важные свидетельства для истории гигантской борьбы народов». В тех же целях, по его мнению, следовало «собирать и среди гражданского населения полученные с театра войны солдатские письма».[6]

---

[1] *Ф-вич В.* Солдатские письма // Военный телеграф. 1914, 14 дек. № 110 (30). С. 3.

[2] Из писем с войны // Военный телеграф. 1914, 2 дек. № 98 (18). С. 4; Письмо раненых // Голос. 1914, 18 (31) окт. № 240. С. 3.

[3] Среди газет: Письма с войны // Старый владимирец. 1914, 7 нояб. № 245. С. 3.

[4] «Претерпевший до конца спасен будет...»: Женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013.

[5] *Слонимский Н.* Солдатские письма (Новая книга З. Гиппиус) // Журнал журналов. 1915. № 33. Дек. С. 10.

[6] *Ан-ский С. А.* Изучение народно-военного творчества во время войны // Вокруг света. 1917, 23 апр. № 16. С. IV. Итогом такого собирания стали многочисленные публикации легенд, частушек и песен. — См.: *Попов Ан.* Отражение войны в Архангельских частушках // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 3. С. 97–105; Областной отдел. Из частушек // Голос. 1914, 18(31) окт. № 240. С. 3–4; Текущая война в деревенских частушках // Новое время. 1914, 28 сент. (11 окт.). № 13846. С. 7; Народный смех и гнев в войну 1914–1916 гг. // Свет. 1916, 21 сент. № 245. С. 3–4; *Князев В.* Миленький на

Солдатские письма можно рассматривать как жанр «наивной литературы»,[7] тесно связанный с «письменным фольклором». В сферу тяготения «наивного» сочинительства попадают стихотворения самодеятельных поэтов, мемуары, автобиографии и другие сочинения, ориентированные на письменные образцы и рассматриваемые авторами как продукт индивидуального творчества. «Речь идет о тех произведениях, силящихся, но не могущих стать литературой; произведениях, которые именно с литературной точки зрения словно бы "хромают на все четыре ноги". Такая "недолитература" наивна в том смысле, в каком наивен ребенок, пытающийся изобразить взрослого».[8] Многие письма написаны в стихах или имеют стихотворные вкрапления, что и позволяет перевести этот жанр из чисто практического в наивно-литературный.

Солдатские письма интересны не только сами по себе, но и потому, что они перешли из быта в литературу.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома нами обнаружены письма солдат из действующей армии 1914–15 гг. Они обращены к трем женщинам, проживавшим в Петрограде, которые отправили на фронт кисеты с вложенными туда стихами.

Письма-стихотворения к солдатам были отправлены от имени Екатерины Алексеевны Сухановой, Ксении (Аксюши) Яковлевны Алексеевой, Дарьи Павловны Соколовой. Эти письма были опубликованы сначала в газете «День», а затем во фронтовой газете «Вестник X армии».[9] Позднее некоторые солдатские ответы, а также новые стихотворные послания петроградских девушек были напечатаны в «Голосе жизни».[10]

В небольшой заметке к публикации трех солдатских писем редактор «Голоса жизни» излагает историю этой переписки:

«В распоряжение редакции поступило несколько сот "солдатских писем".

Происхождение их следующее: 2 декабря 1914 года Екатерина Суханова, Дарья Соколова и Аксинья Алексеева отправили в один пехотный полк кисеты с подарками. В каждый кисет они вложили по письму, написанному в стихах.

В рождественском номере газеты "День" письма эти были напечатаны. Затем, в Новый год, весь стихотворный материал был перепечатан в "Вестнике ... армии".

Ответы стали приходить еще к Рождеству, но особенный наплыв замечался в первой половине января. Письма представляют огромный бытовой интерес. Мы будем помещать наиболее характерные из них. Некоторые из них — просительные.

Это объясняется тем, что Суханова, Соколова и Алексеева сами обратились с вопросом, не надо ли чего. <...> Принимая это во внимание, надо удивляться, что число просительных писем очень невелико. Корреспондентов занимает другое. Они хотят не столько "подарков", сколько *личной* переписки. Война — дело коллективное, массовое. Личность на войне теряется. А потому личная переписка особенно интересует и, если можно сказать, утешает солдат. Другая характерная черта наших писем — проявившаяся в них любовь к "стишку". Особенно понравилась солдатам именно стихотворная форма полученных ими посланий. Большинство из них старается отвечать стиха-

---

войне (Девичьи частушки д. Пемисари, Новол. у.) //Старый владимирец. 1914, 1 окт. № 215. С. 3; Народные частушки // Старый владимирец. 1914, 7 окт. № 219. С. 3; Песня //Старый владимирец. 1914, 4 нояб. № 242. С. 3; Новая солдатская песня //Старый владимирец. 1914, 30 дек., № 285. С. 3–4; *Н. Н.* Девичьи печали (Девичьи частушки военного времени) // Нижегородский листок. 1914, 3 авг. № 209. С. 3 и др. Многие тексты публиковались в лубочных изданиях: Солдатские частушки, записанные со слов раненых /Собр. В. Б. Лехно. М., 1915. Известная книга С. *Федорченко* «Народ на войне» (*Федорченко С. З.* Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917) позднее, в советское время, была признана сфальсифицированной. Те же сомнения могут возникнуть в отношении «частушек» В. Б. Лехно и В. Князева.

[7] Она была названа так по аналогии с «наивным письмом» (*Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: Опыт лингво-социологического чтения. М., 1996). — См.: *Минаева А. П.* «Наивные» мемуары В. М. Малькова: Опыт контент-анализа //«Наивная литература»: Исследования и тексты. М., 2001. С. 29–42; *Веселова И. С.* «Дневник бабушки Марфы» как образец бытовой словесности //Там же. С. 43–85.

[8] От составителя //«Наивная литература»: Исследования и тексты. С. 7.

[9] День. 1914, 25 дек. Рождественские воинам подарки // Приложение к газете «Вестник X армии». 1915, 1 янв. № 60. С. 3–4. Опубликовано 5 стихотворений. Есть указание: «Сообщено З. Гиппиус». Кроме того, в публикации говорится, что «Подарки и письма посланы в Действующую армию в *** полк, 2-го сего декабря».

[10] Солдатские письма //Голос жизни. 1915. № 6. С. 15–17; № 9. С. 12–14.

ми. Конечно далеко не всегда удачно, но нет сомнения, что в суровой жизни воина переписка с "незнакомыми" явилась приятным эпизодом».[11]

Екатерина Суханова писала солдатам стихи с просьбой присылать ответы и рассказывать, как они воюют и в чем нуждаются:

Кто получит мой кисет,
Пусть напишет мне ответ,
Как живете? Как удача?
А еще хочу я знать,
В чем у вас там недостача
И чего вам присылать.
Бьете ль немца, австрияка?
Бьете вы ли, бьют ли вас?
<...>
Так пишите, что вам надо,
Что прислать, чего там нет.
Я ужасно буду рада
Получить от вас ответ.[12]

«Петроградскими девушками» — автором стихотворных посланий к солдатам — оказалась З. Н. Гиппиус, которая задумала и осуществила этот литературный проект, провоцируя солдат на ответное стихотворчество.

В 1915 г. З. Н. Гиппиус составила лубочную книжку «Как мы воинам писали и что они нам отвечали. Книга-подарок», изданную в типографии И. Д. Сытина, куда вошли стихи к солдатам и их ответы (50 писем). Всего, по словам З. Н. Гиппиус, ею было получено 378 писем, которые, как указано в брошюрке, «хранятся у составителей».[13]

6 ноября 1914 г. в Петроградском религиозно-философском обществе З. Н. Гиппиус сделала доклад «История в христианстве», который был практически сразу опубликован в «Голосе жизни». В нем она рассуждала о своем отношении к войне, говорила о «стыде войны». Она повторяет, что для войны необходимо «снижение духа и сознания», что «бесцельны старания возвысить войну как таковую; надо снизиться до нее, и счастливы те, кому дано сделать это с инстинктивной простотой», «... идти на войну, принять войну, снизиться, возвратиться — надо».[14]

В дневнике З. Н. Гиппиус с первых дней начавшейся войны (с августа 1914 г.) говорится о неприятии насилия и ура-патриотических настроений. Нашло отражение в дневнике и заседание религиозно-философского общества, на котором Гиппиус сделала доклад. «Но это грех теперь — писать стихи, указывала она. Вообще, хочется молчать. Я выхожу из молчания, лишь выведенная из него другими. Так, в прошлом месяце было собрание Рел<игиозно>-Фил<ософского> Общества, на котором был мой доклад о войне. Я говорила вообще о "Великом Пути" (с точки зрения всехристианства, конечно), об исторических моментах как ступенях — и о данном моменте, конечно. Да, что война — «снижение», это для меня теперь ясно. Я ее отрицаю не только метафизически, но исторически... т.е. моя метафизика истории ее, как таковую, отрицает... и лишь *практически* я ее признаю. Это, впрочем, очень важно. От этого я с правом сбрасываю с себя глупую кличку "пораженки". На войну нужно идти, нужно ее "принять" <...> но принять — корень ее отрицая, не затемняясь, не опьяняясь; не обманывая ни себя ни других — не "снижаясь" внутренно».[15]

Возможно, что она продемонстрировала это «снижение» тем, что написала стихи в народном духе и вступила в литературную игру с солдатами. Вероятно, что литературный проект «солдатских писем» был подобным актом «снижения». Можно отметить также, что письма-стихотворения З. Н. Гиппиус в первый раз были опубликованы к Рождеству 1914 г., вторично стихотворные послания были написаны ею к Пасхе 1915 г.

Характеризуя «демократическое» тяготение в стихах для народа у З. Н. Гиппиус, А. В. Лавров пишет: «Трудно признать эти опыты "лубочного" творчества новым художественным достижением писательницы.

[11] Солдатские письма // Голос жизни. 1915. № 6. С. 15–17. Два стихотворных письма от солдат также были опубликованы: Солдатские письма // Голос жизни. 1915. № 9. С. 12–14.

[12] Как мы воинам писали и что они нам отвечали. Книга-подарок / Сост. З. Гиппиус. М., 1915. С. 6–7.

[13] Там же.

[14] Цит. по: *Козьменко М. В.* Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 482–483.

[15] Запись от 14 декабря 1914 г. // *Гиппиус З.* Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк; Москва, 1990. С. 28–29.

<...> Ни в стилизации, ни в имитации "чужого" слова Гиппиус <...> проявить себя с успехом не могла».[16]

Ранее Гиппиус уже обращалась к созданию произведений в народном стиле: это рассказ «Злосчастная», публиковавшийся в популярных изданиях.[17]

В издательстве И. Д. Сытина во время Первой мировой войны выходила целая серия брошюр, описывающих военные действия, победы русских и союзников, отдельные сражения и пр. В той же серии публиковались «Солдатские частушки, записанные со слов раненых»[18] и «Рассказы очевидцев о войне».[19] Эксперимент З. Н. Гиппиус, таким образом, вписывался в массовую литературу для народа военного времени.

Л. Бруни. Обложка и иллюстрации из книги «Как мы воинам писали и что они нам отвечали. Книга-подарок» (Сост. З. Гиппиус. М., 1915)

Возникает вопрос, в какой степени «солдатские письма» Гиппиус являются мистификацией, а в какой литературной маской. Хотела ли она, чтобы послания от трех петроградских девушек принимались солдатами за чистую монету? Мистификация Гиппиус имела целью побудить солдат на ответные письма, и поэтому она не всегда указывала, что является их автором, а выдавала себя за посредника в переписке.

Публикация стихотворений в «Вестнике X армии» сопровождалась указанием: «Сообщено З. Гиппиус». В «Голосе жизни», как видно из приведенной выше цитаты, поддерживалась версия, что стихотворные послания воинам написаны тремя девушками или женщинами. Солдаты не прочитывали в приписке «сообщено З. Гиппиус» имени известной поэтессы, а принимали за «правду» литературные маски.

По-видимому, выбор трех героинь связан с представлениями Гиппиус о «вкусе» народа: это бойкая и смелая Катя Суханова, это молоденькая и скромная Аксинья и женщина в возрасте Дарья Павловна, которая могла бы быть матерью солдату, тогда как две другие — скорее невестами или сестрами. В пасхальном послании, отвечая на многочисленные расспросы солдат о том, кто такие Катя, Аксинья и Дарья Павловна, Гиппиус пишет:

Так мы звания простого,
И живем не первый год
Мы на месте у господ.

[16] *Лавров А. В.* З. Н. Гиппиус и ее поэтический дневник //*Лавров А. В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 48.

[17] *Гиппиус З. Н.* Злосчастная. М.: Посредник, 1892.

[18] Солдатские частушки, записанные со слов раненых /Собр. В. Б. Лехно. М., 1915.

[19] Рассказы очевидцев о войне. Кн. 1. М.: Типография т-ва И. Д. Сытина, 1914; Кн. 2. 1915.

Дарья Павловна — старшая,
И заботчица большая.
Ксеня — робкая всегда
(Еще слишком молода),
Я же, Катя, все смелей,
Мой характер веселей.[20]

Большинство писем обращено к Екатерине Сухановой, она спрашивает в стихах:

А пока — пусть бы мне
Написал хоть три слова.
Как у вас на войне?
Что зима? Не сурова?
В чем какая нужда?
Что прислать вам, главнее?[21]

На эти и другие многочисленные вопросы отвечали воины в своих фронтовых письмах. Кроме вопросов о войне в письмах петроградских девушек обильно представлено перечисление подарков солдатам, перекочевавшее затем и в солдатские ответы:

Глазастые кисеты,
Носки да карандаш…
С махоркою пакеты
И всякий ералаш.

От Дуни — алый ситчик,
От Кати — шоколад.
Чай, сахар… Вот бы спичек,
Да спичек не велят.

Портянки тащит прачка
(И мыла два бруска),
Не завязать, — хоть плачь-ка,
Кисетного шнурка![22]

В нашем распоряжении имеются автографы нескольких солдатских писем, которые З.Н. Гиппиус опубликовала в «Голосе жизни» и в брошюре «Как мы воинам писали и что они нам отвечали». Правка Гиппиус отражает разную степень ее вмешательства

в тексты писем и говорит о довольно вольном подходе к их публикации. Так, Гиппиус меняла адресатов солдатских посланий: например, если письмо было адресовано Дарье Павловне, то при публикации оно могло быть направлено «Аксюше» (в настоящей публикации письмо № 4). Видимо, Гиппиус пыталась «выдержать» образ «литературных масок», и если письмо по темпераменту больше соответствовало той или иной ее героине, то она смело правила имена.

Послания к петроградским дамам писали казаки, саперы, артиллеристы, телефонист, фельдфебель, канонир, штабной писарь, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени, несколько офицеров и др. Однако указание в обратном адресе имени конкретного человека не всегда означало индивидуальность письма — часто в нем содержался коллективный ответ нескольких солдат:

[20] Как мы воинам писали и что они нам отвечали. С. 74.

[21] Там же. С. 11.

[22] Там же. С. 3.

«Изнервничался Олеша, орет прямо во все глотку:

— А ну же, фельдфебель, поскорей напиши-ка поклоны Екатерине Сухановой, да не забыть написать "спасибо" Дарии Павловне Соколовой.

А тут рядом рядовой, Иванушка удалой:

— А что, братцы, позабыли про тот дом, про угловой, на Потемкинской Седьмой, посредине Петрограда, у Таврического сада,[23] там Аксюша Алексеева.

И закричали все: "Ура!"

— А ну-ка, братцы, все тут разом, скажем "спасибо всем за все"».[24]

Коллективные ответы, с одной стороны, подсказаны самой Гиппиус — петроградские девицы отправляли подарки и письма солдатам на фронт так же коллективно. С другой стороны, коллективные письма — это часть крестьянской культуры. Известна и распространена практика писания писем крестьянской общиной, сходом к «чужим» людям: чиновникам, судьям и пр.: «Крестьянские письма часто создавались как выражение общественного мнения односельчан (или их определенной группы). Они были подписаны и имели адреса».[25] Солдатские письма, вернее ответы солдат Гиппиус, имеют некую степень удаленности от адресата — эта переписка укладывается в стилистику письма в газету, письма-благодарности. В подобных случаях случаях интимность проявляется не так сильно, как в индивидуальных письмах.

Солдатские письма прежде всего являются историческим источником, в котором можно почерпнуть информацию о том, как отразилась война в сознании бывшего крестьянина, поэтому обратимся к описаниям войны, встречающимся в публикуемых текстах. Так как письма зачастую рифмованные, то «война» в них скорее лубочная, чем «настоящая»: используются образы из пропагандистских сатирических поэм, которые были опубликованы в газетах, распространяемых на фронте, из подписей к лубочным картинкам.

Вот некоторые из них:

Шлет нам кайзер немцев,
Как свиное стадо.
Есть, что покрошить,
Все солдаты рады.
Не заботтесь Вы,
Мы справимся одни.

Выучим мы сами тевтонов тушных, не забыть им последние дни, и будут жить да вспоминат<ь>, что сражались с нами. Вернемся со славою, героями все, разкажем мы в Питере с улыбочкой всем, как немцы удирали в турецкий гарем.[26]

Вот наша бригада,
Армадою богата,
И шлет пудовые гостинцы
Немцу-горлапану сразу.
Тевтоны кашляют, жуют,
От того и губы дуют,
А что приказано, то делать надо.
«Смирно! — подалась команда.
Шрапнелью, братцы, заряжай,
Смелее немцев поражай!»
Подалась команда: «Пли!»
И немцы обезглавлены, как пни.[27]

Источником подобного раешного стиха, высмеивающего врага, служат, вероятно, подписи к военным лубкам: «Ах, как немцам под Намюром / Досталось по шевелюрам», «Эх, султан, сидел бы в Порте, / Дракой рыла не попорти», «Турки, севши у Демотики, / Чешут с голоду животики».[28]

---

[23] Прямая цитата из послания Гиппиус:
Дом мой будет угловой,
На Потемкинской седьмой,
Посредине Петрограда,
У Таврического сада.
(Как мы воинам писали и что они нам отвечали. С.13).

[24] Наст. изд. С. 534, № 17.

[25] Письма во власть. 1917–1927: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 7. — В сборнике документов советского времени говорится, в основном, о письмах во властные структуры.

[26] Наст. изд. С. 533, № 17.

[27] Там же.

[28] *Денисов Вл.* Война и лубок. Петроград, 1916. С. 33, 36. – Авторами подписей часто были профессиональные поэты (В. В. Маяковский и др.), эти картинки предназначались для агитации, и в них использовался «лубочный», «народный» стих.

Другой стороной войны, также отразившейся в письмах, являются чувства одиночества и скуки. Это те настроения — «упаднические», «пораженческие» и др., — сводки о которых собирались по фронтам:[29] «Катя, не забудте меня, сироту, на чужой стороне, а в особености здесь, на войне. Не подумайте, что я какойнибудь сирота, я сирота только здан на 4 года. Служба моя скоро кончается, дослуживаю последний год, если Бог даст здоровья и кончится война, то, можот быть, Бог даст, вернутся домой. Так что Вы знаите, Катя, как сечас пропадает наша молодость на военной службе».[30]

Большую роль в переписке играет любовная тема: к солдатам обращались таинственные столичные незнакомки, и те выражали желание узнать их поближе. Гиппиус сама провоцировала солдат на откровенность и интриговала их. В сытинском сборнике она помещает стихотворные ответы на некоторые солдатские письма, авторы которых интересовались внешностью Екатерины Сухановой — красавица ли она, чем занимается — и просили прислать фотографию, на что Гиппиус отвечала:

Коль хотите вы признанья,
Что в девическом я званьи.
У господ моих служу,
К делу ихнему привычна,
А с лица я — симпатична.[31]

Если письмо представляет собой интимную переписку, если это индивидуальное, а не коллективное письмо, то солдат часто задает вопросы о том, замужем ли девушка, просит прислать карточку, и в конечном итоге некоторые солдаты предлагают свою руку и сердце: «Некто не знает моеи страданья, по ком я томлюсь, изнываю, но я все, Катя, об вас»;[32] «Затем ище, Даша, прапишытя, кто Вы есть, дама или баршеня. Как Вам писать, я сам не знаю. Если Вы только баршеня, то я буду балшое внимания обращять на Вас, потому что я очень увличен этим. Я сам молодой человек, я давно ищю сибе подругу жызни».[33]

Наконец, главное место в письмах занимает выражение просьбы и благодарности. В газетах военного времени публиковались сведения о деятельности Красного креста, просьбы солдат и отчеты о посылках на фронт продовольствия, одежды и пр. В газете «Телеграф» была помещена заметка, где в качестве примера того, как солдат ждет подарка из дома, приводилось письмо подпрапорщика:

«Я только что написал было вам, что вторую посылку не получил. Вдруг зовут меня и говорят:

“Вам есть посылка с родины”.

Затрусился я весь от радости. Побежал в Х. Получил посылку. Приношу…

Радость без конца: колбасы два сорта, сахар, платочки, сухарики.

Эх, вы — родные дорогие мои!.. <…>

Идем в бой…

Холодно… Мороз… Снег…

Но на душе легко. Тепло одет, хорошо обут. Не проймет морозище.

И вспоминаешь щедрых жертвователей и благодаришь их за то, что не поскупились прислать теплых вещей.

Весело идти на смерть, когда знаешь, что там — на родине, далеко-далеко, да, впрочем, и во всей России о тебе заботятся.

Все, что дарится нам из России, мы все получаем исправно… Спасибо вам… Иду в бой!»[34]

Просьба прислать фотографию в публикуемых письмах выражена следующим образом: «Еще я вас, Катя, прошу в том, чтобы вы не оставили моей прозбы, так что я желаю узнать вашу личнось. Если вы, Катя, не оставите моей прозбы, то будьте вы, Катя, настолько любезная, пошлите мне свою карточку».[35]

---

[29] По материалам перлюстрированных писем и сводок настроений времени Первой мировой войны написана статья: *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие в Финляндии в годы Первой мировой войны (По материалам солдатских писем) //Первая мировая война. История и психология: Материалы Российской науч. конф. 29–30 ноября 1999 г. /Под ред. В. И. Старцева и др. СПб., 1999. С. 62–64.

[30] Наст. изд. С. 537, № 22.

[31] Как мы воинам писали и что они нам отвечали. С. 46–47.

[32] Наст. изд. С. 537, № 22.

[33] Там же. С. 523, № 2.

[34] Из писем с войны //Военный телеграф. 1914, 2 дек. № 98 (18). С. 4.

[35] Наст. изд. С. 537, № 22.

Встречаются в письмах и просьбы прислать деньги: «Так как я сичас нахожусь раниной в левую ногу, пакупить табачку нет за что, то буте всемилосливы, пришлите мне, что Вам ни жалко, только тилифоно-грамою, а то я буду скора просится обратно в бой».[36]

Просьба прислать часы сопровождается мотивировкой их необходимости на войне: «Еще прошу я Вас, милостивая государыня Екатерина Суханова, прошу я Вашой милости, милостевейшая государыня Екатерина Суханова, и прошу я Вас и Вашей милости, не пошлите ли-ко посылку, которая мне нужна во всякое время, и прошу я Вас, милостивая государыня Екатерина Суханова, не будет ли милости, не пошлите ли мне хоть недорогие часы. Очень они мне нужны во всякое время, когда, в какое время случится какие важные стычки с немцами. И вот в холодное время занимам развечетские посты, нужно сменить и поставить другую смену, а время не знаешь, через <что> бывает грех ворчания. И потому описывать все мне некогда. Я нахожусь в команде пеших разветчиков, постоянно деремса с немцами и находимса <в> разведке, и бьем без пощады немцов, и вот так постоянно присходят важные события в разветке.

И вот важных стычек и даже когда значительный бой открывать своей командой разветчиков. И вот когда нужно писать донесения началнику о важном событии — и не знаешь время, в какое время случилось, и не знаю писать, в какое время послал с донесением. Без часов совсем плох, а брать негде и не на что. И вот прошу я Вас, милостивая государыня Екатерина Суханова, не будет ли Вашей милости, и прошу Вашей милости, пошлите, пожалуста, мне часы».[37]

Отдарком,[38] ответным жестом на посылки и пакеты благотворителей будет, с одной стороны, память: «Табак курим, чай попиваем и каждый час Вас вспоминаем»,[39] причем память является ценностью не менее важной, нежели материальные блага. Солдаты благодарят за то, что их помнят и обещают помнить сами. С другой стороны, отдарком является победа:

Ни забудте вы и нас,
Мы страдаим за всех вас.
Готов за славу умиреть,
Но германця покорить.[40]

Дарообмен с благодетельницами был поводом для писем З. Гиппиус. Она серьезно относилась к просьбам, вела учет писем и на конвертах кратко отмечала содержание письма и указывала, что надо прислать. Например, на одном из конвертов синим карандашом посередине написано: «Надо ответить Шамшурину». В верхней части конверта карандашом: «Послать посылку».

Структурной особенностью солдатских писем является их формульность: можно говорить о начальных и конечных формулах, формулах благодарности и просьбы.[41] Автор статьи «Солдатские письма» отмечает их шаблонность, свойственную крестьянскому (и не только) эпистолярному наследию: «Конечно, неизменно каждое послание начинается бесчисленными поклонами. Ими заполняются страницы три-четыре. И почти всегда отвешиваются поклоны "нашим незабвенным и любезным" племянникам и племянницам, которые, кстати сказать, ползают еще на четвереньках, с таким же торжественно пышным церемониалом обращения к нам на "вы" и наименованием по имени и отчеству.

Таков уж этикет».[42]

Начальная формула письма традиционна и часто оформляется в виде разбивки текста на строки:

Беру карандаш в руки и
Пишу письмо от скуки.[43]

Развернутая эпистолярная формула может быть насыщена фольклорными образами, заимствованны-

---

[36] Там же. С. 532, № 15.

[37] Там же. С. 529, № 10.

[38] В терминологии М. Мосса (*Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах. М., 1996).

[39] Наст. изд. С. 531, № 14.

[40] Там же. С. 541, № 25.

[41] *Минаева А. П., Николаев О. Р.* Фронтовые письма: «военная этнография» и «эпистолярный этикет» //«Пока жив и здоров, что будет дальше, неизвестно...»: Фронтовые письма 1941–1945 годов /Подгот. текстов А. П. Минаева, О. Р. Николаев, А. В. Опейкин. М., 2005. С. 7–27.

[42] *Ф-вич В.* Солдатские письма // Военный телеграф. 1914, 14 дек. № 110 (30). С. 3.

[43] Наст. изд. С. 529. № 11.

ми как из лирической песни, так и из заговорного текста: «Я говарю: “Лети, мой листок, запада на восток, от немецкой границы да Петрограда и столицы. Прилети и вдарей об порог, чтоба она услыхала мой вздох. Вдарся об окошки, раскажы ей трошки. Садися ей на плечи, раскажы мои речи, расказывай те слова, каторой знашь сома. Содися в круг, расказывай вслух. Ани будут слушеть и гледеть глозами — заливаца слезами”».[44]

Эта формула встречается и в качестве типографского оформления конверта письма:

Ты лети
В родимый край,
Там увидишь
светлый рай.[45]

Конечные формулы солдатских писем часто навеяны игрой, предложенной Гиппиус: она неоднократно рифмовала и вписывала в ткань стихотворения почтовый адрес. Ответные письма часто повторяют такой ход:

Будем ждать известия,
Потемкинского поместья,
Сергиевской улицы, д. № 83.[46]

Чтоб скорее вышол толк,
Прислать (в 7-й финляндский полк,
Пулеметную команду).
Вот вам адрес точный наш,
Ждем подарочков от Вас.[47]

При публикации писем была выполнена минимальная правка: пунктуация в основном приведена в соответствие с современными правилами, однако сохранена орфография, отражающая диалектные черты и уровень грамотности авторов.

Раздача подарков в госпитале. Фотография. 1915

[44] Наст. изд. С. 523. № 2.
[45] Наст. изд. С.528. № 9.
[46] Наст. изд. С. 533. № 17.
[47] Наст. изд. С. 545. № 29.

Письма солдат
из действующей армии

1. Хромов Виссарион Ворфоломеевич, казак, к Сухановой Екатерине. *1914 г. 24 декабря. Письмо л. 16. Синий карандаш. Конверт л. 18. На конверте надпись: «В Петир; на Сергиевской улица дом 83 Екатерини Г-же Сухановы из деиствующ<ей> армий». В правой части конверта красными чернилами: «№ 10». На конверте печать: «Владиславовский военный цензор».*

1914 год. Месица дикабря 24 дня.

Лити писмо из Гирманскои зимлици в город столицу.

Здраствуите, систрица Катичка, с почтением к вам данскои гирой жизни казак защитнику Веру и Отечиства и родину свою. Да, систрица, Вы готовитись к празнику Рожиству христова, собираются тои радости все родныя и розговляюти и вы вмести, и стримитися в божи храм и слышыте свитых цыркве<й> звон кол<о>кола, которои, зываит всех провославнох нашых братех: но мы толка и слышым грох<от> пушычных ударов и щикотня гирманоски полиметов.

Наша была казачия розветка, тоисть впириди окопов пешыи потползли в полтораста шагов к чисовому. Долго наш был совет, но ниудачная была ночь, очинь лунная освитила нас, как день, и тут ище пускают гирманцы рокет, тожа вред для нас был, были вынуждины ути назад. И у ту минуту убить болезна, но я с божи помочи ни тиряю, ни оставляю своей даной задачи я должын был исполнить. Кагда взвротилися назад к окопам, мои товарищи принилися сибя согреть чаю, но мне было очень тяжко, но я тут ни мох выдиржить, был вынуждин п<о>итить к фелширу, было жару 39. Поутру мне стало легчи, и ни пошел в болницу, остался при сотни и стал здоров. Иду опять в розветку.

Приказный Виссарион Ворф<оломеевич> Хромов.

Адрись м<о>я в действующию армию: 34 шт Данскои казач<и>й полк, 6-ю сотню.

Пишитя писмо, подарки за <Ро>жест<во> получили, за что всех братев и систрицых благодарим. Пишитя писмо, получитя прописовать новости, что у вас у нас идет хорошо.

Все донския гирои шлут Вам привет и ждут ответ от Кати.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

Письмо казака В. В. Хромова. 1914 г. 24 декабря.

2. Михайлов Ефим Захарович, казак, к Соколовой Дарье Павловне. *1914 г. 26 декабря Конверт л. 1 (№ 10). Письмо л. 2–4 (№ 11). Черные чернила. На конверте надпись: «В г. С. Петроград Потемкинская улица № 7 получить Дарьи Павловны Г-же Соколовой. Из действующей армии». На обороте конверта помета З. Н. Гиппиус карандашом: «казак — стихами».*

Благодарствиная писмо.

Благодарю Вас, Даша, за Ваш для нас дарагой подарык. Дарагая Даша, Вы пишитя, так табачек куритя, чеек попиваитя и пра нас не забываитя. Мы Вас не забудим, за что винить Вас будим. Получил подарык и писмо 20-го дня распечятыл. Я распечятыл, стал читать, стал пра Вас споминать. Не дачел я да конца, спомни пра таго малоца. А пра тибя, моя Даша, споминаю каждый чяс. Дарагая Даша, прапишу пра службу нашу. Все укладки да учения, расказать просто мучения. Жизня наша праклятыя, у почтаников

Неизвестный художник. Разгром немцев под Варшавой. М., 1914. Хромолитография

матня порватыя. А дамачной штаны порвалися как сатани. А на царския денжонки нечего тут купить. А худия сапожонки не велят в строю служить. Дарагая Даша, прапишу пра пищю нашу. Надаела нам суп да каша, беда, дарагая Даша. А ище хлеб да вода все казачия еда. На битву мы идем, шкорку хлебную грызем. Вот с врагом мы храбра диремся, брюквы вдоволь нагрыземся. Прихадилося нам так грызть сыруя картошку на чужбяк. Это от Вас очень далека, где западная Европа, в заподной старане, в нимецкой Зимле, к городу Гольдату[1] приходили, немцев мы там били, но и они нас всрачяли, гронатыми угощяли, Я насился там орлом, кагда немец обшол нас кругом. Мы дарогу прабивали, от немцев убегали. Верст 200-ти мы прошли, к местечу Миречи мы дашли. Астановилися одихать, стали немцев дажыдать. Стали пулеметом угощать, немцы быстро наступали, спокою нам не давали, немце через реку Немон[2] понтоной мосты стали наводить. Чтоба к <2 слова нрзб.> дорогу пролажить. Мы им дарогу пригродили, пулеметы посновили, пулеметы затрещяли — Злого немца угащяли, но тут их немало побили. 20 тысеч в Немын свалили, немцы стали отступать, мы стали за ними гнать, мы быстро за ними гнали, пиками их поражали, за границу их прагнали. Я поехал на дынь за теплыми вещями, в полык я приставил, мыня камандер

[1] Видимо, имеется в виду Гумбинен-Гольданское сражение 20 августа 1914 г., в котором 1-я армия нанесла поражение главным силам 8-й германской армии.

[2] Неман — река в Белоруссии, Литве и Калининградской области России.

при корпуси оставил. Я при корпуси служу, а по Вас день и ночь тужу. Только отходют мои мысли прочь, кагда настает темная ночь. Кагд<а> лажуся спать и думаю, где сольнушка садица, там мая сирдечушка томица. А когда встаю и думую, где сольнушка восходит, там мая вся радысть присходит. Я с етой скуки беру лист бумаги в руки. Кладу на стол, а сам сажуся за стол. На стол нагибаюся, слезами заливаюся. Беру перо в руки, начинаю писать писмо ради скуки. Перо в чернило окунаю, пысать писмо начинаю. Срака начелас, рука затреслась. Перо заскрыпело, мая ретивая сердячушка закипела. Я говарю: «Лети, мой листок, запада на восток, от немецкой границы да Петрограда и столицы. Прилети и вдарей об порог, чтоба она услыхала мой вздох. Вдарся об окошки, раскажы ей трошки. Садися ей на плечи, раскажы мои речи, расказывай те слова, каторой знашь сома. Содися в круг, расказывай вслух. Ани будут слушеть и гледеть глозами — заливаца слезами.

Здраствуй, дарагая Даша, получил подарык Ваш. Подарык небальшой, но приятной какой. За что я Вас благодарю и писмо Вам пишу. Поблагодарил бы я Вас рас 200сти, если ба я был с Вами вмести. Да прашу я Вас ище не оставить без внимания наше писмо. Писмо я Вам посылаю, с Новом годом Вас поздравляю. Дай Вам Бог правести благополучно жызнь сваю, многия лета и быть Вам счясливыми навсегда. Затем ище, Даша, прапишытя, кто Вы есть, дама или баршеня. Как Вам писать, я сам не знаю. Если Вы только баршеня, то я буду балшое внимания обращять на Вас, потому что я очень увличен этим. Я сам молодой человек, я давно ищю сибе подругу жызни. Затем, Даша, я те подарки не пулучял, но только припало читать Ваше приятно написоное писмо. Я ей увлекся и, Катя, пишу Вам ответу. Если Вы приметя внимания и найдете нужным прислать для миня какой-либа подарык для миня. Да ище прашу я Вас, если наидитя нужным приехать к нам и справедыть нас. Типеря есть разришения праехать безплатно в действуйщию Армию как-буто к ротствинику. Пишытя скарей на маю писмо ответу. Адрис мой: в действующию Армию, в 3-й Сибирской корпус в 48-й Данской казачий полык в 3-ю сотню казаку Ефиму Захарову Михайлову.[3] Затем шлю свой привет да ище если ба Господ привел видеть Вас лично, но кагда увижу Вас, то я возму Вас в сваи обятия и крепко прижму к свaей белой груди и расцеловал ба Вас в мягкия губки и в сладкия уста поцеловал ба рас 200-сти, если ба был с тобою вмести. Много любящи<й> Вас

Казак Ефим Михайлов.

1914-го года 26-го декабря.

Жду скорого ответу, я ожидаю в скорости.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 11. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

3. Цыпушкин Яков Нестерович, кавалерист, к Сухановой Екатерине. *1914 г. 29 декабря. Письмо л. 5–6. Черные чернила. Конверт письма л. 8. На конверте надпись: «Петроград. На Потемкинской 7 Кате Г-же Сухановой с позиций: Я. Н. Цыпушкина солдата». В правом верхнем углу конверта красным карандашом: «№ 29».*[4]

1914. Дек<абря> 29-го от Якова Нестерова Цыпушкина.

Драгун Переяславского полка Императора Александра III-го.[5]

Я, вернувшись с позиции 24-го дек<абря> в г. Белосток[6] за лошадям кавалерийск<ими>, и пробуду до 12-го января, и снова в бой.

[3] «Боевые действия на Северо-Западном фронте открылись Восточно-Прусской операцией, начатой до окончания мобилизации русской армии с целью ослабить натиск наступающих на Париж германских войск. 1-я армия генерала Ренненкампфа 20 августа в Гумбинен-Гольданском сражении нанесла поражение главным силам 8-й германской армии. В этих боях отличился 39-й Донской полк, который в пешем строю выбил из Гумбинена немецкий гарнизон, чем содействовал общему успеху русских войск. 47-й и 48-й Донские полки в составе 1-й армии успешно действовали в районе Альтенгаузен—Прейсиш-Эйлау— Фридланд. На крайнем левом фланге 1-й армии воевал 1-й Донской полк, отличившийся в конце августа в набеге на город Алленштейн в тыл немецким войскам» (Казачество Дона, Кубани и Терека в войнах России второй половины XIX–начала XX в. — См.: http://hist.ctl.cc.rsu.ru/don_nc/xixend-xx/Voiny_1_mir.htm#Don_kaz_Vos_Prus. Дата обращения: 31.03.2014).

[4] Письмо опубликовано в сб. «Как мы воинам писали и что они нам отвечали» (С. 18–21) с большими сокращениями.

[5] Переяславский 15-й драгунский императора Александра III полк сформирован 3 апреля 1856 г. Во время описываемых в письме событий (декабрь 1914–март 1915) командиром полка был полковник З. С. Кобиев (*Мартынов А. И.* Краткая история 46-го Драгунского Переяславского Императора Александра III полка. СПб., 1899).

[6] Белосток — город на северо-востоке Польши.

В приложении газета «День» я нашел случайно, и меня ваша работа, т<о> е<сть> ваше сочинение генеальное заставило вспомнить А. С. Пушкина!

Вы! Вы! Добрая женщина, я прочел вашу добрую душу. Вы! Ободряите своим духом руского солдата! И мы рады пожертвовать собой и своей кровью за Царя и Родину, и Вас просим, руския женщины, бодрствовать и гордится, что хороши ваши дети и братья для защиты Государя и Родины. И постараемся не дать наших дорогих мирных жителей обидеть врагу, который имеет железное сердцо! Да здавст<вуют> руск<ие> люди и вы, да, вы, Екат<ерина>!

Письмо драгуна Я. Н. Цыпушкина. 1914 г. 29 дек.

За ваше желание, дорогая Екатерина, уступаю часть своей чисти для побитья врага и надеюсь оправдать завереное мною, и можите погордится со своей стор<оны>. Я считать из своей — что махнет рука солдата драгуна Я. Н. Цып<ушкина> по каске Германца азиатской ша<ш>кой. За свою родную фамилию Цыпушкиных я 6-ть м<еся>цов рубил и остальное краткое время рубить буду за вас и за себя.

Про воину я вам поведаю, что был я у них в Солдаве, Ляднибурге<урге>[7] и Инстенбурге,[8] Нейтенбурге,[9] но пришлось немного отступить, и снова мы надеемся взойти и отомстим мы им за наших <нрзб>их поляков.

Милая и дорогая Екат<ерина>!

От родины я далеко, 3 S тыс<яч> верст, Пермск<ой> губ<ернии> с Урала, и письма я не мог получ<ать> 6-ть мес<я>цов и служ<у> я в г. Плотске,[10] и по этому поводу я очень истощен своими необход<имыми> для военных дейст<вий> вещами, то прошу не отк<азать> прислать как кавалеристу наколенники. Но что еще — я не смею вас просить, потому что как много, так и милость будет на остальное ваша. Известите пока меня письмом.

Я остановился: город Белосток, Мариупольск<ой> улицы, дом К. Живолинского. Передать Я. Н. Цыпушкину, я вам чрез неделю пошлю свой портрет, для какова брата вскипело ваше сердцо! Если же можно, то вас прошу, пошлите свой портрет, чтобы знал я, за кого махну шпагой!

Прошу простить, жду ответа.

С почтением к Вам и крепко обнимаю, горячо целую.

Драгун Яков Нестеров Цыпушкин.

Простити!

Адрес мой:

Г. Белосток, Мариупольская улица, дом К. Живолимского, передать драгуну Я. Нестерову Цыпушкину

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

4. *Крекинин Вл., писарь, к Соколовой Дарье Павловне.* *1915 г. 1 января. Письмо л. 22–23 (№ 24).*

[7] Вероятно, Ладенбург — город в Германии.

[8] Вероятно, Инстербург, с 1946 г. Черняховск – город в бывшей Восточной Пруссии, ныне Калининградской области России.

[9] Вероятно, Найденбург — город в Восточной Пруссии.

[10] Плоцк — город в Мазовецком воеводстве Польши.

Черные чернила. Л. 24 — машинопись этого же стихотворения. Подпись «Вл. Крекинин» от руки. В настоящей публикации письмо приводится по автографу.[11]

Милостивая Государыня
Дарья Павловна!
Прочтя письмо в печати нашей
Про Ваши добрые дела,
Просил бы Вас покорно
Прислать мне парочки носков
Да смену нижняго белья.
За все труды, заботы
Пошлет Вам Бог в награду
Здоровье, счастье в жизни Вашей
И желанной исполнения мечты.
Пока в надежде на участие,
Остаюсь к услугам Вашим
При Штабе армии десятой[12]
Хозяйственного отдела писарь
Вл. Крекинин
1/I — 1915 г.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 24. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

5. Сорокатый Стефан Дмитриевич, телеграфист, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 1 января. Письмо л. 20. Черные чернила. Конверт л. 21. На конверте надпись: «Город Петроград Потемкинская № 7. Екатерине Г-же Сухановой. <За> ненахождением адресата прошу возвратить <по> адресу Штаба 10-й действующей армии 5-я отдельная телеграфная рота Стефану Д. Сорокатому». В правой части конверта красным карандашом: «№ 70».*

1 / I 1915
Многоуважаемая Г-жа Е. Суханова!

От души поздравляю Вас и всех доброжелателей с Новым годом и шлю найлучшие пожелания и скорого войны окончания, и кто рад устроить нам свидание. Заинтересован в правдивости помещеного письма в одной газете, и которое также меня заинтересовало. Я решил убедеться в действительности, если не будет для Вас лишнего затруднения, то буду очень рад, если получу от Вас ответ в уверении, что это письмо было вами написаное и уложеное в посылки, которое я прочел, перепечатаное в газете. Жду найскорейшего ответа, извиняюсь за беспокойство, заканчиваю письмо, ибо не знаю правдивости адреса, помещенного в газете. Остаюсь с найлучшими пожеланиями с совершенным почтением.

Штаб 10-й действующей армии, 5-я отдельная телеграфная рота, Стефан Димитриев Сорокатый.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

6. Федоров Иван Ефимович, казак, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 2 января. Конверт л. 4. Письмо л. 1–3. Черные чернила. В рамке внизу каждого листа автор делает приписку: «Продолжение следует». На конверте письма: «Город Петроград по Сергиевской улице дом № 83. Екатерине Сухановой. Из действующей армии». В правом нижнем углу конверта красным карандашом № 28.*

1914-го года января 2-го дня

Любезная доброжелательница Катя, спешу уведомить Вас о своем здравии и благополучии, что я казак Иван Ефимович Федоров в настоящие время нахожусь жив и здоров, как сам, так и конь мой, чево и вам равно желаю от Бога доброго здоровья и в вашим добром деле скорого и счастливого успеха. Затем прошу Вас, Катя, принять от миня нижайшия почтения и с любовию ниской поклон. С восторгом спешу уведомить Вас об своей службе в Германеи. Рад бы я Вам прописать, где мы находимся, строго запрещено от начальства, но всед-ки же скажу: служим пять мисецов на военной службе. Сейчас находимся на пазицыи, в некторых вещах очень нуждаемся. На Новой год имел счастья получить ваше приложение (продолжение следует) к газете «Весник десятой армии».

[11] При публикации в сборнике «Как мы воинам писали и что они нам отвечали». (М., 1915. С. 31, № 10) З.Н. Гиппиус меняет адресат письма на Аксюшу. В опубликованном тексте произведена минимальная редактура: в строках «Здоровье, счастье в жизни вашей / и желанной исполнения мечты» убрано слово «желанной». Отсутствует подпись и дата.

[12] На конец 1917 г. штаб армии размещался в г. Молодечно.

Прочитавши, очень удивился Вашему доброму серцу, даже невольно слезы одна за другой выкателись. Так вот, я и пишу Вам ето письмо и надеюсь, что Вы не откажети меня, в чом я Вас буду просить, доброжелательница Катя. Не нужно мне жилет или кисет с табаком, я не курю, а ежли милость будит в Вас, то вышлити мне брюки форменныя[13] казачии, которыми очень нуждаюсь. А ежли милость будит, пришлити карточку[14] с себя. Ежли Вам ета стоить будит очень дорого, тогда чево сами пожелаети, а сама главное чево прошу, в том очень нуждаюсь, купить не на чево, да и дома нужда, мать-старуха да жена и пятеро детей бедного состояния. Ежли есть в Вас (продолжение следует) Божия искра для войнов защиты своего отечества, не откажыти в моей прозьбе, заставти за Вас Богу вечно молится. И ежли не во гнев Вашей милости, пришлити карточку так, чтобы видно было, за кого Богу молится. Может, пожелают Ваши подруги Дарья Павловна и Аксюша. Также им шлю привет от души, нискои поклон, и в чем милость будит, не откажити. Очень нуждаемся в одежы. Затем прощайти, бутти здоровы на много лет. Ваш слуга Иван Ефполович Федоров. Извинити, что не величаю, не знаю Вашего очества.

Письмо казака И. Е. Федорова. 1915 г. 2 января.

По получении етого письма пишыти ответ, с нетерпением буду ждать не простой, а с вещами. Я передал таварищам, но не верют, я для собствено себя решился с полной надеждой в Вашу милость неописуему.

Мой адрес:
Действующая арьмия,
Полевая почтовая контора,
Лит. Ж, 15-ая Оренбургаская казачья особая конная сотня, казаку Ивану Ефполову Федорову.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

7. Дементьев Иван Трофимович, донской казак, к Соколовой Дарье Павловне. *1915 г. 3 января. Письмо л. 38–39 (№ 34). Черные чернила.*

Ея Высокоблагородию
Дарие Павловной.

Вчера прочел я прилажение,
Статейку из Вашего писма.
Вы пишите из уважения,
Помагать нам спешите весма.

Типерь попрошу Вас покорно
Прислать мне лишь пару белья,
Диктую я ето проворно
И верю я в Вас без ума.

Одеты всегда мы в шынели,
Мы скачем в летучих постах,

[13] Слова «брюки форменныя» подчеркнуты красным карандашом.
[14] Слово «карточку» подчеркнуто красным карандашом.

А. Носков. Взятие германских позиций нашим сибирским отрядом. М., 1915. Хромолитография

Рубашки подмышкой попрели,
Другия нам негде достать.

Адрес мой первая сотня
Сорок восмого полка,
Пришлите, коле будет возможн<о>,
Для Донского Казака.

Действующая Армия,
48й Донской Казачий Полк,[15]
1я сотня, казак
Иван Трофимов
Дементьев.
1915 г<ода> январь 3 д<ня>.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 34. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

8. Ананьев Александр Васильевич, стрелок, к благотворителям. *1915 г. 3 января*. Письмо *л. 9–10. Синий карандаш.*

Здавствуите, многоуважаемые благотворители.

От души благодарим Вас всех за Ваши Рождественские подарки нам, воинам, на передовыя позиции, которые нас воудошавили, что Вы нас ни забыли, и мы все рады душой и сердцем, что Вы о нас заботитесь и о наших семьях, и выражаем Вам свою сердечную благодарнось за теплыя вещи, табак, чай,

[15] 48-й Донской казачий полк участвовал в боевых действиях на Северо-Западном фронте в Восточно-Прусской операции в составе 1-й армии. В начале войны он успешно действовал в районе Альтенгаузен–Прейсиш-Эйлау–Фридланд.

сахар, за гостинцы, присланые к нам на передовыя позиции в Восточную Прусию. Мы все от души благодарим Вас за все, конечно, и еще нуждаемся в письменной бумаги[16] и конвертах[17] на ответ.

С почтением к вам воины прусско-восточного фронта.

Писал стрелок пулеметной команды Александр В. Ананьев.

Вот мы пишим Вам ответ
И кладем письмо в пакет.
Получили с Петрограда
И мы были очень рады,
Что Вы нас там ни забыли
И кисеты Вы нам шили.
И благодарим Вас от души,
Что кисеты хороши.
Мы живем хотя и скучно,
Но бьем немцев благополучно.
Мы живем, по Вам скучаем,
На немцев скуку разгоняем.
Ни даем пощады им,
Мы за родину стоим.
Бьем прикладом и штыком,
Пули меткие им шлем,
Но и оне нам отвечают,
Нам шрапнели посылают.
А мы ему в ответ
Шлем из гаубицы привет.
А когда он наступает —
Мы пулеметом угощаем.
Вот вам наша-та закуска.
Ты думал, (немец) руский — эта шутка.
Ты как руского раскусишь,
То его долго ни забудешь.
К паше за помощю полетит:
«Выручай!» — Вильгельм кричит.
Прошу, меня Вы ни судите,
Хотя я плохо написал.
Время нет, нужно в окопы
Таварища сменять.

Писал запасной стрелок пулеметной каманды 11 Финлянского стрелкового полка Александр Васильев Ананьев 1915 года 3-го января. Прошу ответ.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

9. Лысков Стефан Михайлович к Сухановой Екатерине. *1915 г. 3 января. Письмо л. 25 26. Конверт л. 27. На конверте типографским способом напечатано:*

«Ты лети
В родимый край,
Там увидишь
светлый рай».

Карандашом: «Из действующей армии. Петроград, Сергиевская улица, дом № 83, Екатерине г-же Сухановой».

В правом нижнем углу красным карандашом: «№ 46».

Здравствуй, дорогая моя Катя. Кланеюсь я Вам и целую я Вас в алыя Ваши губки!

Преждевременно сообщаю я Вам, милая и дорогая Катя, что мы Ваши подарки получили, на которые сердечно Вас благодарим. Подарки Ваши мы разделили и в окопы покатили. Но вот в окопах то и страсть, Немец давай нас угощать, но и мы тоже не робеем, в обратно угощаем.

Дорогая, милая Катя, сердечно я Вас прошу, что нас не забыва<и>те, пишите и подробнее писма. Мы Ваши писма перечитываем много-много рас, и это нас единственно утешает на чужой далней стороне.

Спомни, Катенка д<р>ужечек,
Как я в рощице гулял!
На груде твоей прилесной
По<д> тению слатко одыхал!
За лесом сонце осветило,
А черной ворон прокричал.
Слеза моя на груть скатилась,
И я последний рас сказал:
Я умру, потом Катя
Узнаешь, ищи меня среди магил.
На камне потпись
Прочитаешь, что я
По гроб жизни любил.

Милая и дорогая моя Катя, пока до свидания. Писать болше нечего, но а что хотите послать, то пошлите.

[16] Слова «письменной бумаги» подчеркнуты красным карандашом.

[17] Слово «конвертов» подчеркнуто карандашом.

А прежде всего писмо. Еще я глубоко кланеюсь Вам, дорогая Катя. Глубоко любящий Вас Степа.

Мой адрест:

В действующую армию, 333-й Глазовский полк,[18] 8-ю роту, получить Стефану Михайловичу Лыскову.

1915-го Января 3-го дня.

Дорогая Катя, пиши ответ, пожалуста.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

10. Ловцов Василь Трофимович, младший унтер-офицер, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 3 января. Письмо л. 34–35. Красные и синие чернила. Конверт л. 37. Фиолетовые чернила. На конверте: «в Г. Питер, по сергеевской улице, дом 83, Екатерине Сухановой из действующей армии от млатшева ун<тер>-оф<ицера> Вас<алья> Лову<ова> команды пеш<их> разветчиков. Справа на конверте красным карандашом: «№ 4».*

1915 года 3 января

Милостивившей Государыне Екатерине Сухановой. Милостивейшая государыня Екатерина Суханова, благодарю я Вас за Ваши посланые подарки, которыми пришлось мне пользоваться. Еще прошу я Вас, милостивая государыня Екатерина Суханова, прошу я Вашой милости, милостевейшая государыня Екатерина Суханова, и прошу я Вас и Вашей милости, не пошлите ли-ко посылку, которая мне нужна во всякое время, и прошу я Вас, милостивая государыня Екатерина Суханова, не будет ли милости, не пошлите ли мне хоть недорогие часы. Очень они мне нужны во всякое время, когда, в какое время случится какие важные стычки с немцами. И вот в холодное время занимам развечетские посты, нужно сменить и поставить другую смену, а время не знаешь, через <что> бывает грех ворчания. И потому описывать все мне некогда. Я нахожусь в команде пеших разветчиков, постоянно деремса с немцами и находимса <в> разведке, и бьем без пощады немцов, и вот так постоянно присходят важные события в разветке. И вот важных стычек и даже когда значительный бой открывать своей командой разветчиков. И вот когда нужно писать донесения началнику о важном событии — и не знаешь время, в какое время случилось, и не знаю писать, в какое время послал с донесением. Без часов совсем плох, а брать негде и не на что. И вот прошу я Вас, милостивая государыня Екатерина Суханова, не будет ли Вашей милости, и прошу Вашей милости, пошлите, пожалуста, мне часы, будте столь добрые, и, милостивая государыня Екатерина Суханова, проздравляю я Вас с Новым годом, с новым счастьем и желаю всего хорошаго. И адрес мой так: в действующую армию, в 25 сибир<ский> стрелковый полк,[19] в каманду пеших разветчиков, млатшему ундеро-офицеру Василью Трофимовичу Ловцову.

Адрес мой так: в действующую армию, 25 сибирско<й> стр<елковый> полк, в каманду пеших разветчиков, млатшему ундеро-офицеру Василью Трофимовичу Ловцову.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

11. Никулин Григорий Васильевич, стрелок, к Соколовой Дарье Павловне. *1915 г. 4 января. Конверт л. 40 (№ 35). Письмо л. 41 (№ 36). Карандаш. На конверте: «Петроград, Потемкинская улица, д<ом> № 7. Получить Дарьи Павловной Соколовой». В правом верхнем углу конверта красным карандашом: «№ 252». На обороте конверта (л. 40 об.) З. Гиппиус написала для памяти: «Г. В. Никулин, 3-й Финл<яндский> Стрелков<ый> Артиллерий<ский> Девизион, в Управление Дивизионом.*

1). Ответить.

2). Бумажки.

3). Конвертиков.

4). Папиросочек».

Января 4 дня 1915 года.

Пишу Вас пись<мо> в 2 чеса ночи, потому что нахожусь на службы.

Беру карандаш в руки и

Пишу письмо от скуки.

Во первых страках моего письма здраствуити, много увожаемая Дарья Павловна, имею честь поздравить

[18] 333-й Глазовский пехотный полк входил в состав 1-й бригады 84-й пехотной дивизии, отличился в ходе военной операции в Галиции в сентябре 1916 г.

[19] 25-й Восточно-Сибирский стрелковый генерала-лейтенанта Р. И. Кондратенко полк. Создан в 1910 г.

Вас с Новым годом и желаю Вам счястья да еще и погулять хорошенько в этом новом году, да еще, видити ли, хотя подарки я Ваши и не получял, но зато Вашу письмо прочитал и так ужасно был тронут Вашим письмом, даже и ни знаю, как Вас благодарить за Вашу письмо. Да еще я Вас прошу, Вы не откажити, бумашки и конвертиков пошлити. Да еще прошу я Вас, Вы мне не откажити, попиросочки пошлити, если будит это возможно. Еще кое-что бы написал, да некогда. Простити, за тем до свиданья, остаюсь жив и здоров, слава Богу, чего и Вам желаю. От души шлю Вам свой привет и воздушной поцелуй, с полным почтением к Вам Григорий Васильевич Никулин.

К вам птичка летит с письмом.

<Рисунок птички>

Мой адрес:3-й фильянский стрелковой артиллерийский девизион.[20]

В управления девизии,

Г. В. Никулину.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 36. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

12. Кузнецов Иван Николаевич, казак, к Сухановой Екатерине*. 1915 г. 4 января. Письмо л. 14. Черные чернила.*

Катя!

Вам весело в г. Петрог<раде> гулять, и просим из нашого письма публике сказать: вам веселы проспекты, а нам знакомы австрияки и немцы.

Сердечно благодарю за Ваши подарки и еще за Ваш листок, которой мы читаем, и шлю Вам наилучшие пожелания и желаю быть здоровым, и желаю нас не забывать и что-нибудь послать.

Адрес мой: действующая армия, Оренбургский казачей дивизион, 6-я сотня, старшему уряднику Ивану Николаи<ву> Кузнецову. Жду скоро.

1915 г. 4-го января.

С почтением к Вам казак Ив. Н. Кузнецов. За все Ваши кисеты и славные приветы шлю Вам мои золотые ответы. А теперь я Вам скажу, что есть казак Некрасов! Казак и с виду, но зато орлом глядит и, сказать Вам не в обиду, хоть германца иль австрийца он

Письмо казака И. И. Кузнецова. 1915 г. 4 января

геройско победит. Казак мал, но и удал, как увидал германца, так и взял. Он мал и нивелик, мал да дорог золотник. Он <в> своей серой шинели, перетянутой ремнем, хоть <в> какой он перестрелки не растанется с ружьем, на своем бодром коне он поспеет хоть и где.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и М. Н. Минского, № 1257. Из действующей армии.

13. Фирсов Иван Георгиевич, пехотинец, к Сухановой Екатерине, Алексеевой Аксюше, Соколовой Даше. *1915 г. 4 января. Письмо л. 22–23. Черные чернила. Конверт л. 24. На конверте надпись: «Петроград, Сергиевская улица, дом № 83. Ека-*

[20] 3-й Финляндский стрелковый артиллерийский дивизион на июль 1914 г. входил в состав 3-ей Финляндской стрелковой бригады 22-го Армейского корпуса.

терине Г-же Сухановой Из действующий армии». В правом верхнем углу конверта красным карандашом: « № 1».

1915-го года 4-го января.

Германия.

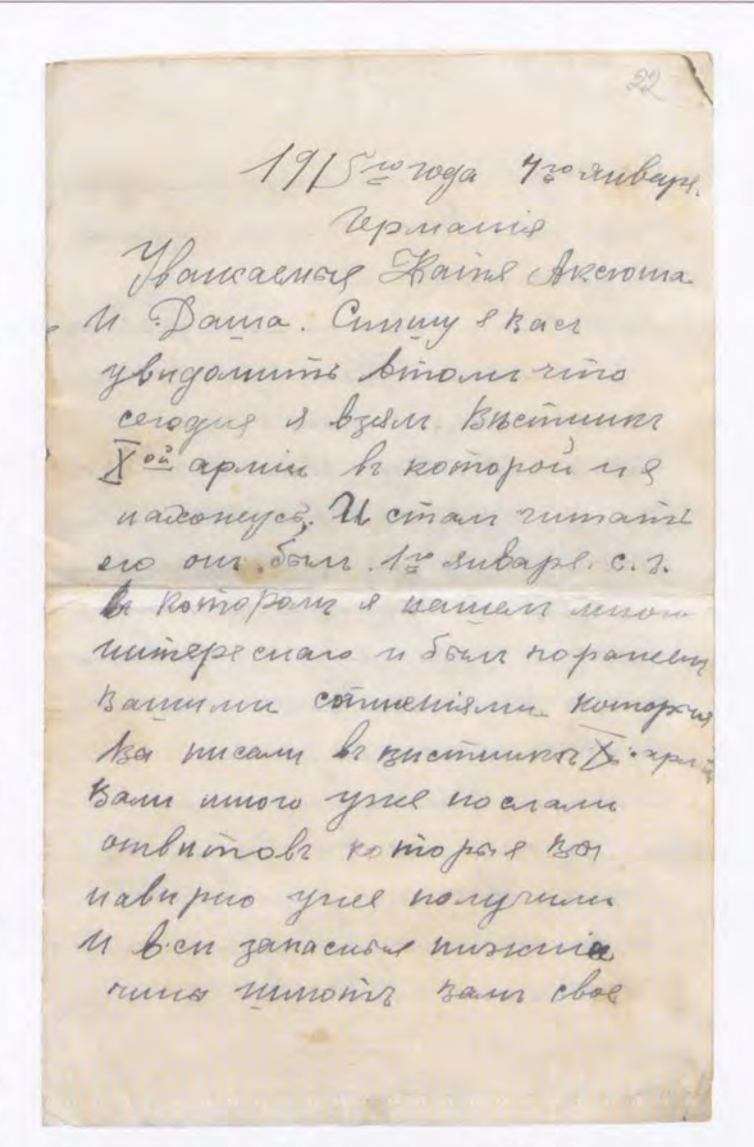
Уважаемые Катя, Аксюша и Даша. Спешу я Вас уведомить в том, что сегодня я взял Вестник X-ой армии, в которой и я нахожусь. И стал читать его, он был 1-го января с. г., в котором я нашел много интересного, и был поражен Вашими сочинениями, которые Вы писали в Вестнике X армии. Вам много уже послали ответов, которые Вы, наверно, уже получили, и все запасные нижние чины шлют Вам свое искренно-любящее благодарность. Мне Ваши подарки не достались, а достался подарок Марии Иосифовной Щеголевой. Но я прочитал Вестник и от своего желания вздумал написать Вам письмо. И прописываю, что мы праздник проводили тихо и хорошо, наступления противника не было, и мы эту свободную минуту проводили в радости и читали Ваши письма и тут же отвечали Вам. Как ни радовались мы этим свободным временем, но все одна затаенная печаль об родине и родных, и было тяжело проводить праздник так далеко от радных и родной стороны.

Пишу я Вам про себя. Я только вышел со службы в запас 24-го марта 1914 г. и не успел хорошо побыть в кругу родной своей семьи, как опять погнали на войну. Но я сочуствую, что долг службы заставил меня вступить в ряды армии и итти на защиту родной своей страны и родины. Я сам уроженец Воронежской губернии, Землянского уезда, Косторнинской волости, дер. Новоуспенки.

Служу в действующий армии в 226-ом пехотном Землянском полку, в 8 роте.[21] Затем до приятного свиданья остаюсь с нижайшим почтением неизвестный Вам Иван Георгиевич Фирсов.

Сердечно прошу я Вас по получению моего предыдущего письма к Вам, удовлетворите меня своим ответом. А затем желаю я Вам к радости стремится,

Желаю горестей не знать,
Желаю быть всегда счасливами,
Прошу меня не забывать.


1915-го года 4-го января.
Германия
Уважаемая Катя Аксюша
и Даша. Спешу я вас
увидомить втом что
сегодня я взял Вистник
X-ой армии в которой и я
нахожусь. И стал читать
его он был 1-го января с. г.
в котором я нашел много
интересняго и был поражен
Вашими сочинениями которые
Вы писали в Вистнике X-ой арм.
Вам много уже послали
отвитов которые Вы
навирно уже получили
и вси запасные нижния
чины шлют вам свое

Письмо пехотинца И. Г. Фирсова. 1915 г. 4 января

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и М. Н. Минского, № 1257. Из действующей армии.

14. Семенов Михаил С., разведчик, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 4 января. Открытое письмо. Карандаш. Б/№.*

1915 г. 4-го января.

Многоуважаемая Катя!

Подарки Ваши получили и от души благодарим. Табак курим, чай попиваем и каждый час Вас вспоминаем. Сердечно Вас благодарю и немца-зверя храбро бью. Нуждаюсь в трубке и кисете и частенько не курю; и Вас за все сердечно благодарю. До свиданья.

Конноразведческой команды

[21] 8-я рота 226-го пехотного Землянского полка участвовала в обороне русской крепости Осовец в 50 км. от Белостока. Во время Первой мировой войны крепость была осаждена и трижды атакована немецкими войсками, в том числе с применением химического оружия.

Разв<едчик> Михаил С. Семенов,
7-го Финляндского стрелкового полка.[22]

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

15. Куцобин Константин Никандрович, стрелок, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 4 января. Письмо л. 38. Черные чернила. Конверт л. 39. На конверте надпись: «Г. Петроград. Потемкинскую Седьмую. Получить Е. Г-же Сухановой из действующей армии». Справа наверху красным карандашом: «№ 8».*

1915-го года Января 4-го дня.

Письмо от сибирского стрелка 16-го полка,[23] от стрелка Куцобина, со желанием до всемилостивишей барыни Е. г-же Сухановой. Во первых, посылаю я Вам ответ, который Вы просили сирдечно со жиланием и просили, какие на пазицыи новости. Во-первых, всемилостивешея барыня Е. Суханова, у нас новости: у нас артерелиский звук такой, что зе<м>ля тресетея, с пулемета пули сыплють, как дождь идет. Всемилостивишея барыня Е. Суханова, очень благодарят Вас сибир<ские> стрел<ки> за Ваши подарочки и очень довольны, затем, всемилостив<ейшая> барыня Е. Суханова, мы сычас стой с ниприятеля около реки Равки. То у нас дела идеть с ним так как они придуть брать в реку воды, то мы их начинаим стрелять, а когда мы поидем, то они нас стреляют, так что никогда нет минуты смирной. Ежели мы ни наступаим, то он наступаить. Ну, его наступления нам ни страшно так, что игрушка, только страшны его снаряды, очень забиват он своими снарядами. Затем, всемилостивищая барыня Е. Суханова, извените, что, можибыть, где нискладно написана, затем рад я писать письмы тем, кто солдатика ни забываить, и притом же, мне более некуда посылать, потому я один, ни имею родных. Всемилостивишая Е. Суханова, адрес я Ваш нашол в лазарете в гор. Варшаве. Затем, всемилостивишая барыня Е. Суханова, с прозьбою к Вам. Так как я сичас нахожусь раниной в левую ногу, пакупить табачку нет за что, то буте всемилосливы, пришлите мне, что Вам ни жалко, только тилифонограмою, а то я буду скора просится обратно в бой. Адрес мой: Город Варшава, Политехнической институт, 1-й Сводный полевой запасный госпиталь, 1-е отделение, 2-я палата, получить Константину Никанд<ровичу> Куцобину. Ни отставте моей прозьбы, Е. Суханова.

Писал своию рукой стр<елок> Куцобин.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

16. Матвеев Александр, телефонист, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 5 января. Конверт л. 5 (№ 12). Письмо л. 6–7 (№13). На конверте надпись: «Г. Петроград, Сергиевская ул., 83, Катерине Г-же Сухановой из действующей армии». В правом верхнем углу конверта красным карандашом рукой З. Н. Гиппиус: «№ 149».*

1915 года 5 января.

Писмо пишу, ответ даю. Ваш кисетик получил з благодарносью болшой. Я ни знал тут, от каво, и в нем нашол я писмицо. Вижу, писано рукой Ваш подарок дорогой. Чай з гостинцеми я пью и об вас всем говорю, что ни забыли Вы нас на германцких полях. И Ваш привет очень рад. Вы заботитесь об нас, от души благодарим и спасибо говорим. Я в окопе сижу и немца слежу. Как он высунет башку, я ево пулей угощу. Оне турок завели,[24] зачем плохо деритесь. Оне сами удирают от рускаво штыка.

С почтением,
8-а Филянсково полка[25]
команда связи телефонистов,
Александр Матвеев

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 13. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

---

[22] 7-й Финляндский стрелковый полк был сформирован в 1901 г. Ниже публикуется еще одно письмо солдата, служащего в этом полку.

[23] 16-й Сибирский стрелковый полк был сформирован в 1854 г., название существует с 1910 г.

[24] «Турки» в данном контексте могут выступать как общее наименование врага. Однако письмо было послано в разгар Сарыкамышской кампании (декабрь 1914–январь 1915 г.), оборонительной операции русской Кавказской армии в районе населенного пункта Сарыкамыш.

[25] Лейб-гвардии Финляндский полк был сформирован в 1806 г. 3 сентября 1915 г. полк участвовал в бою на Мейшагольской позиции.

17. Коллективное письмо, артиллеристы 53-й артиллерийской бригады к Сухановой Екатерине, Соколовой Дарье Павловне и Алексеевой Аксинье. *1915 г. 5 января. Письмо л. 9–10 (№ 15). Карандаш. Подчеркнуто синими чернилами.*

Восточная Прусия, Яггель,[26]

1915 г. сщастливый.

5/1. Кисеты Ваши получили, табаку накурились и чаю горячаго напились, на немца озлобились, на Растенбург[27] набросились. Тостопузых покрошили, подарками погордились, кисетов довольно, табаку нам вволю, жилет нам не надо, и без них сздесь так жарко, сахару нима, и без того так ладно.[28]

Шлет нам кайзер немцев,
Как свиное стадо.
Есть, что покрошить,
Все солдаты рады.
Не заботтесь Вы,
Мы справимся одни.

Выучим мы сами тевтонов тушных, не забыть им последние дни, и будут жить да вспоминат<ь>, что сражались с нами. Вернемся со славою, героями все, разкажем мы в Питере с улыбочкой всем, как немцы удирали в турецкий гарем. Нет хотя зазнобушки, но тогда найдется. Нам дороги вести с дорогова Питера.

Будем ждать известия
Потемкинскаго поместья,
Сергиевской улицы, д. № 83.[29]
А ты, письмо наше с землянки,
Мчися сокола быстрее,
Мчи, лети, привет наш отнеси
И от всей души
Екатерину Суханову поздравь и утеши.
Направление будет верное,
Где адресс зачеркнутое.
Мы все россияне,
Православные христиане,
Есть у нас казначей,
Но не знаем, он чей,
Фельдфебель наш бравый,
Н. Якушев кудрявый,
Жалеет нас всех.
Управление верное,
За № 53 не забыдте Парковена,
Вспомните: артеллерийская прославится бригада.[30]
От начала десятая строка,
Больше нечего не надо.
Дейст<вующая> армия
Вот наша бригада,
Армадою богата,
И шлет пудовые гостинцы
Немцу-горлапану сразу.
Тевтоны кашляют, жуют,
От того и губы дуют,
А что приказано, то делать надо.
«Смирно! — подалась команда. —
Шрапнелью, братцы, заряжай,

[26] Ягель — коммуна в Германии, в земле Шлезвиг-Гольштейн.

[27] Растенбург — районный центр одноименного сельского района в округе Кенигсберг. Расположен на р. Губер. Фигурирует как одно из направлений боевых действий в рамках Восточно-Прусской операции в августе 1914 г.

[28] Аллюзия к посланию Гиппиус, в котором перечисляются «подарки» солдатам:
Жилеты — от кухарки;
Их сшей, да приготовь...
Не дороги подарки,
А дорога любовь.
(Как мы воинам писали и что они нам отвечали. С. 5).

[29] Отсылка к письмам Гиппиус, в которых она зарифмовала свой петроградский адрес:
Мой адрес будет — в Питере,
По Сергиевской улице,
Дом 83.
(Как мы воинам писали и что они нам отвечали. С. 10).
В разных письмах указаны № 7 и № 83. В солдатских письмах встречаются и тот, и другой номера домов в Петрограде.

[30] Слова в тексте подчеркнуты автором. 53-я артиллерийская бригада входила в состав 53-й пехотной дивизии, которая была сформирована в июле 1914 г. В конце августа 1914 г. дивизия была включена в 20-й армейский корпус 10-й армии Северо-Западного фронта. Во время отступления 10-й армии из Восточной Пруссии в январе–феврале 1915 г. дивизия была окружена противником в Августовских лесах, после чего была заново сформирована.

Неизвестный художник. Геройский подвиг кубанских казаков. М., 1914. Хромолитография

Смелее немцев поражай!»
Подалась команда «Пли!»
И немцы обезглавлены, как пни.

— А ну-ка, фельдфебель, — гаркнули разом все, — пока на свободе, напиши-ка <в> Питер ответ!

— А ну-ка, братцы, кипятку, я за Питерский чай сяду.

Изнервничался Олеша, орет прямо во все глотку:

— А ну же, фельдфебель, поскорей напиши-ка поклоны Екатерине Сухановой, да не забыть написать «спасибо» Дарии Павловне Соколовой.

А тут рядом рядовой, Иванушка удалой:

— А что, братцы, позабыли про тот дом, про угловой, на Потемкинской Седьмой, посредине Петрограда, у Таврического сада,[31] там Аксюша Алексеева.

И закричали все: «Ура!»

— А ну-ка, братцы, все тут разом, скажем спасибо всем за все.

Извиняюсь, что нескладно, зато верно и при всех.

---

[31] Прямая цитата из послания Гиппиус:

Дом мой будет угловой,
На Потемкинской седьмой,
Посредине Петрограда,
У Таврического сада.

Да мешаются сэдесь мухи, и летят чемоданы,[32] отогнать их, братцы, проклятых надо. Ну-ка, дружно, братцы, вмиг, и до свидание. Вам спасибо, и простите всех сэдесь нас, живы будем, не забудем, как на родину придёшь.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 15. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

18. Цимдин Эдуард, фельдшер, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 5 января. Письмо л. 11–12. Черные чернила. Конверт л. 13. На конверте надпись: «Из действующей армии. Гор. Петроград, Потемкинская, 7, Екатерине Г-же Сухановой». Справа на конверте красным карандашом: «№ 6».*

Января 5-го дня 1915 г.

От всех солдатиков-героев
Шлю поклон всем я вам.
И все мы очень благодарны
За любовь и щедрость к нам,
За разноцветные кисеты,
Носки, иголки, спички,
С махоркою пакеты
И рубашку, мыло, нитки,
За сахар, чай и шеколад,
За папиросы и табак.[33]
Мы войну окончим с славой
Для российских мы знамен,
И германскую державу,
Как австрийскую, побьем.
По улицам Берлина
Вновь пройдут Руси полки
Под командой исполина,
Нашей царственной семьи.
Шлю привет я в Петроград
Из далекой из страны,
И видеть Вас я буду рад
По окончании войны.
Фельдшер Цимдин Эдуард
Саперного баталиона славного
По названию двадцатого.[34]

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

19. Васильев Петр Константинович, связист, к Сухановой Екатерине. *Дата по штемпелю: 1915 г. 8 января. Черные чернила. Письмо л. 29–31. Конверт л. 32. На конверте надпись: «Город Петроград, Потемкинская улица, дом № 7, получить Екатерине Сухановой /Из действующей Армии/». В правом верхнем углу красным карандашом: «№ 33».*

Проздравляю я Вас с прошедшем праздником, с Рождеством Христ<овым> и Новым Годом, и желаю я Вам встретить и провести в радости и счастье.

Ответ

Получил я кисет,
И подарки были там,

Письмо связиста П. К. Васильева. 1915 г. 8 января

[32] Артиллерийские снаряды самого крупного калибра.

[33] Аллюзия на стихи З. Гиппиус.

[34] 20-й саперный батальон был создан в 1898 г. Местом дислокации на 1913–14 гг. был г. Двинск Витебской губ.

И записочку нашол я
Все, что было тут нам.
И пишу я ответ,
Дорогая сестрица,
И мы пишем вам привет
из далекого края.

Но попал етот подарок
Не к тому, кто лежит
В земле, вырытой в окопах,
Отчизну нашу сторожит.

А попал етот подарок
Брату меншему его,
Который все соединяет
И извещает вам про все.

На ответ Вам
На три слова
Я охотно исполняю
И пишу вам всем
Подробно,
Что у нас всего хватает.[35]

Хлеба нам дают довольно,
Суп горячей тоже есть.
И в денгах мы не нуждаемся,
Да и некуда их деть.

Из одежды нам не нужно,
Тяжело её носить.
Ведь у нас всего хватает,
Что нам Бога-то гневить.

А зима у нас тепла,
Как не знай на других фронтах,
Даже в самый Новый год
С черепиц текла вода.

Ряд<овой> Петр Васильев.

Спасибо.

Вещи ваши нам раздали
Накануне Рождества.
И в каком мы восхищение,
Когда встретили Христа.
И отцы наши, как дети,
То возмут их и вертят:
«У меня кисетек лучше»,
Друг они другу говорят.

И всегда все поминают
Руку щедрую твою
И все хором восклицают:
«Дай Бог счастие тому,

Кто поможет в час страдания
И немного облегчит,
То тогда нам сил прибавится
И враг едва ли устоит».

Только скажет нам начальство,
И наш руский молодец
Грудью все он проломает
И пролезет наконец.

Спасибо Вам за подарки, и не оставляете нас. Если будите писать, пишите прямо мне в действующую армию, 5-й Сибирский саперный баталион[36] во вторую военно-телеграфную роту, в 2-е Кабельное отделение. Получить Петру Конст<антиновичу> Васильеву.

Ряд<овой> Петр Васильев.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

20. Руппенлейт, подполковник, к благотворительницам. *1915 г. 9 января. Письмо л. 33. Черные чернила.*[37]

Милостивый госуд<арь!>

6 батарея 30 арт<иллерийской> бригады получила от Ев<рейских> жен<щин> г. Минска многочис<ленные> и богатые подарки.

Такие прекрасные поступки наилучшим образом доказывают, что Вы считаете настоящую войну делом

[35] Аллюзия на стихотворение Гиппиус.

[36] 5-й Сибирский саперный батальон был создан в 1904 г. Местом дислокации в 1913–14 гг. была п. Березовка близ Верхнеудинска Забайкальской области, Иркутск.

[37] Видимо, это письмо не имеет отношения к посланиям З. Н. Гиппиус.

всероссийским без различия национальности, и дай Бог, чтобы победоносное для России окончание войны принесло счастье всей России, всем народам, ее населяющим. От лица 6 батареи прошу принять мою благодарность,

командир батареи подполковник
Руппенлейт.
9/ I.1915 г.

РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

21. Сунгуров Федор Яковлевич, сапер, к благотворительницам. *1915 г. 10 января. Письмо л. 44–45 (№ 38). Синие чернила.*

1915-го года, числа 10-го янв<аря.>

Сажусь я на кленовой стул, за дубовой стол, сажусь я от скуки, беру перо в руки. Перо непростое, все слезами залитое, слезы мои льютца, как ручей, и бегут речки быстрей. Есть одна река быстрая, но мои слезы еще быстрей. Прошу я свое перо, чтобы писало скорей, прошу я свое письмо, чтобы летело скорей к родине своей. Перо свистит, листок летит, листок мой непростой, весь слезами облитой, ты лети, мой листок, против сонца на Восток, через леса дремучие, через моря, реки текучия, вейся, извивайся, некому в руки не давайся, дайся тому, кто мил серцу моему. Во первых строках моего писма ниско кланяюсь и посылаю Вам большую благодарность за ваши гостинцы, еще вторично я Вас благодарю за то, что Вы не забывите нас на чужой стороне. Извините меня в том, что я Вас так изтрудняю и пишу Вам писмо, потому что я подарки получил, но неизвестно, чьи, потому что писма не было. Еще вторично я Вам кланяюсть, ниский поклон и желаю Вам всего хорошего и от Господа Бога доброго здоровья, великаго счастья, в делах рук Ваших скорого успеха. Извините меня в том, что я писал так плохо, потому что нашо перо плохое.

До свиданья, от сего писма остаюсь жив и здоров, того и Вам желаю.

Адрес мой: В действующую армию, 20-й корпус, 20-й Саперной батальен. Получить Федору Яковлевичу Сунгурову

Если получите мое писмо, то прошу, пожалуста, отпишите мне ответ, я буду ожидать от вас ответ.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 38. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

22. Сунгуров Федор Яковлевич, сапер, к Сухановой Екатерине Алексеевне. *1915 г. 26 января. Письмо л. 15–16 (№ 19). Синие чернила.*

1915-го года 26-го января.

Ты лети, мое писмо,
Выше лесу стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго,
Вейся, извивайся,
Некому в руки не давайся,
Дайся тому,
Кто мил серцу моему.

А мне дорога и мила Екатерина Алексеевна. Во первых строках моего писма шлю от души мое почтение и любовью низяющий поклон дорогой моей Екатерине Алексеевне. Писмо я Ваше получил, за которое я вам шлю большую благодарнось, и я очень рад вашему писму и вашим ласковым словам. Еще я вас, Катя, прошу в том, чтобы вы не оставили моей прозбы, так что я желаю узнать вашу личнось. Если вы, Катя, не оставите моей прозбы, то будьте вы, Катя, настолько любезная, пошлите мне свою карточку. Еще я вторично прошу вас, милая и дорогая моя Катя, не забудте меня, сироту, на чужой стороне, а в особености здесь, на войне. Не подумайте, что я какой-нибудь сирота, я сирота только здан на 4 года. Служба моя скоро кончается, дослуживаю последний год, если Бог даст здоровья и кончится война, то, можот быть, Бог даст, вернутся домой. Так что Вы знаите, Катя, как сечас пропадает наша молодость на военной службе. Некто не знает моеи страданья, по ком я томлюсь, изнываю, но я все, Катя, об вас. Извините меня, Катя, в том, что я, можот, что-небудь написал плохова и, можот, Вас будут ругать за ете писма, и пропишите, есть или нет у вас, Катя, свои родители.

Адрес мой в 20-й саперный батальен.[38] Получить Ф. Яковлевичу Сунгурову.

Извините, писать болше нечего, до свиданья, милая и дорогая моя Екатерина Алексеевна. От сего писма остаюсь жив и здоров, того и вам желаю, от Господа

[38] 20-й саперный батальон входил в состав 20-го Армейского корпуса, местом дислокации являлся г. Двинск.

Бога добраго здоровья, великого счастья в делах рук ваших, скорого успеха и в ожидании от вас скорого ответа буду ждать с нетерпением.

От Федора Яковлевича Сунгурова Екатерине Алексеевне Г-же Сухановой.

Пожалуста, отпишы поскорее.

До свида<нья.>

Ф. Я. Сунгуров.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 19. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

23. Грицай Митрофан Матвеевич, канонир, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 12 января. Письмо л. 11–12 (№ 16). Черные чернила.*[39]

Песьмо я Ваше получил
И к Вам с ответом попешил.
Пишу письмо я к Вам в столицу
И увидомляю Вас, девицу,
В том, что жив я, не пичилюсь,
На войну я собираюсь.
Я сигодня уизжаю
И Креславель[40] оставляю.
А пока пишу ответ,
Шлю поклон Вам и привет,
И почтение посылаю,
И вам счастия жилаю,
Жить в столици, не тужить
И Богу там за нас молится
Или нас там вспоминать,
Когда будем умерать.
Но я думаю не так:
Еще рано умерать,
Надо малость нам пожить,
Немца в крошки раздробить.
Еще спросили вы миня,
Есть ли дети иль жена.
Но детей я не имел
И жинится не успел.
Двадцать первый год настал
И на службу я попал.
А служу я уж три года,
И теперь как невзгода.
Немци лезут да дерутся,
Все державы с них смиются,
И смиются и хохочут,
Похоронить немца хочут.
Все схоранить его жилают
Ни в могили, ни в гробу,
А придится нам вспомнить
Про наполионову избу.
<…>
М. Грицай

И Вы, Катя, мне писали,
Какой губернии чтобы вы знали.
Я Полтавской губернии,
Волость моя Хорогики
Кобелянского уезда

[39] Имя Митрофана Матвеевича Грицая скрыто за инициалами «М.М.Г.» в сборнике «Как мы воинами писали и что они нам отвечали» (С. 46). Его письмо в стихах опубликовано под № 26. (С. 45-46). Там же помещен стихотворный ответ («А вот как Катя ему отвечала». — С. 46-47), в котором она спрашивает:

Напишите мне подробно
(Если вам писать удобно),
Про занятие свое
И про все житье-бытье.
И губернии какой,
И женаты ль, есть ли дети,
И пойдете ль снова в бой —
Все скажите мне в ответе.

Вероятно, публикуемое нами письмо является ответом уже на личное послание «Кати Сухановой» М. М. Грицаю, на что указывает повторение вопросов:

Еще спросили вы меня,
Есть ли дети или жена <…>
И Вы, Катя, мне писали,
Какой губернии, чтобы вы знали.

[40] Креславль, Краслава — город в Латвии, входил в состав Витебской губ.

И деревни Павловки.
Я родился не в палате
И не в городе большом,
Я родился в бедной хати
И простым я мужиком.
А пока прошу: п<р>остите
И ответ Вы не пишите,
Пока письмо я напишу
И адрис Вам тогда пришлу.

Канонир 5 батареи, 1-ый артел<лерийской> бригады[41]

Митрофан Матвеевич
Грицай
12 января 1915 года,
м. Креславель Вит<ебской> губ<ернии.>

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 16. Письма солдат из действующей армии 1914—1915 гг.

24. Шамшурин Иннокентий, связист, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 15 января. Конверт л. 30 (№ 29). Письмо л. 31 32 (№ 30). Черные чернила. На конверте надпись: «Потемкинская = 7 Кате Сухановой (из действующей армии)». Синим карандашом посередине конверта надпись: «Надо ответить Шамшурину». В верхней части конверта карандашом: «Послать посылку». В правом верхнем углу конверта красным карандашом: «№ 332».*[42]

Добрый день, уважаемая Катя!

Мне Ваши стихи очень нравятся, которые пришлось читать в вестнике X армии (стихи в письмах). Хотя подарков никаких не получал: не носков, не мыла, не открыток, не иголок и не жилета на вате, хотя бы хотелось иметь пакетик (и не с вещами хотя), а ради письма. Зима не сурова, больше 10 градусов еще не было. Нужды особой не имею. Да, забыл, Катя! Познакомить с собой. Я — сибиряк из Иркутска, действительной службы, Иннокентий Шамшурин. Пишу Вам сейчас с позиции из-под Летцена,[43] нахожусь в резерве, отдыхаю. А был на передовых, был на наблюдательном пункте, следя за действиями батареи нашей. Все время я думал об Вас, и Вы мне представляетесь такой доброй и милой за то, что заботитесь о солдатах, да об них и нужно заботиться.

Свою жизнь они, наверно, Вам описывают, т<ак> к<ак> я от многих слышал, что хотели Вам писать. Про свою жизнь я Вам когда-нибудь напишу, т<ак> к<ак> не знаю, дойдет ли до Вас это письмо. Желательно бы получить ответ, мой адрес таков: Действующая армия, III сибирский армейский корпус, 5 сиб<ирский> саперный баталион.[44] 2 В. Телеграфная рота, 1-ое кабельное отделение.

Уважаемая Катя!

Мне было бы лестно получить от Вас фотографическую карточку. Быть может, это Вам покажется и странным, но для меня было бы большим счастьем иметь карточку одной из жертвовательниц, заботящейся об нас, хотя мне приходилось читать много имен жертвовательниц, но они не оставляли такого чувства, какое оставило Ваше. Собственно говоря, иметь карточку — желание не одного меня, а всей роты. К моему письму прошу не относиться строго. Пишу как брат к сестре.

Ну, пока, всего хорошего, остаюсь известный по этому письму

Иннокентий Шамшурин.
15 / I. 1915 г.

Что ты, Катя, написала,
Я все с жадностью читал.
И за это сочиненье
Я письмо Вам написал.

---

[41] Возможно, это Кавказская гренадерская Великого князя Михаила Николаевича артиллерийская бригада. В конце августа 1914 г. в составе 2-го Кавказского армейского корпуса она была подчинена 10-й армии Северо-Западного фронта. В сентябре 1914 г. армейский корпус прибыл на фронт, с ноября 1914 г. отправлен на усиление 1-й армии Северо-Западного фронта.

[42] Письмо было опубликовано с купюрами: Солдатские письма //Голос жизни. 1915. № 6. С. 17.

[43] Гижицко (польск. Giżycko, нем. Lötzen) — город в Польше, входит в Варминско-Мазурское воеводство, Гижицкий повят. Во время Первой мировой войны при подготовке зимней операции (1915 г.) в Восточной Пруссии на левом крыле, от Летцена к югу до государственной границы, располагался 3-й Сибирский корпус генерала Е. А. Радкевича.

[44] 5-й Сибирский саперный батальон был сформирован в 1904 г. Место дислокации п. Березовка, близ Верхнеудинска Забайкальской области, временно — Иркутск (до 1.01.1913–после 1.04.1914 г.) — см. сноску 36.

Первым долгом извещаю,
Что табак ваш получил,
Папироску завернувши,
Я так важно покурил.
Я Вас, Катя, не забуду,
Буду помнить вечно Вас.
Если буду не убитый,
Напишу еще не раз.
Может быть, шальная пуля
Ранит как-нибудь меня,
И истекающий я кровью
Вспомяну, Катя, тебя!
Нельзя забыть горячи чувства,
От Вас несущияся к нам,
И за любовь Вашу к солдатам
Благодарность шлем мы Вам.

Катя!

Не относитесь строго к нашему стихоплетству, потому что мы не поэты, и писали их не по вдохновению музы, а просто подбирали рифмы на скорую руку, записывая в памятную книжку под свист германских пуль и гром разрывающихся снарядов.

Ну, пока, если позволите.

Жму руку. Шамшурин.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 30. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

25. Гавви Иван Климович, унтер-офицер, к Сухановой Екатерине. *1915 г. 21 января. Конверт л. 25 (№ 26). Письмо л. 26—27 (№ 27). Карандаш. На конверте надпись: «г. Петроград, Потемкинская, № 7. Е. В. Б. Елене Г-же Сухановой. Из действующей армии». В правом верхнем углу конверта красным карандашом: «№ 286».*

Е<е> В<ысоко> Б<лагородию>
Елени г-же Сухановой.

Вот я, унтер строевой,
И пишу привет Вам свой.
Я газету сам читал
И привет к нам увидал.
И я вздумал отвечать,
Но ни знаю, как писать.
Но за ето миня звините
И биду мою простите.
Мы германця везде б'ем,
Только дело вот у чем.
Надо с другом покурить,
Только не за что купить.
Друг говорит: «Денги есть»,
Да откуда их принесть?
Обоз с лавкой позади,
А нам, бедным, впиред иди.[45]
Вздумал лавку пойти искать,
Как Велегелм[46] на Петроград.
Но ни знал он дело то,

[45] Приведу заметку из «Военного телеграфа» о постоянном требовании в письмах прислать табак:
«Пришлите табаку!..
Так кончается много писем, получаемых из действующей армии.
Об этом же говорят и приезжающие раненые.
Насколько велика нужда в табаке в армии, видно из промелькнувшего сообщения, которое говорит, что цена на махорку в ближайшем тылу доходит до пяти рублей за фунт!
Курение — вредная привычка. Но привычка из таких, от которой нескоро отстанешь. Однако, в курении есть и своя хорошая сторона. Кто не курит, тот пусть спросит курящих, и курящие расскажут, какое большое самообладание дает курение в минуты опасности или волнения.
В иных случаях табак развивает прямо сверхъестественную волю.
Участники войны рассказывают о двух интересных случаях из японской войны.
Японцы поймали нашего разведчика и решили его расстрелять.
Перед расстрелом наш солдат попросил разрешения покурить.
Ему дали папиросу. Он выкурил ее с наслаждением, не спеша, а потом спокойно заявил, что теперь можно!..
Другой случай:
Одному солдату нужно было ампутировать ногу. Перед операцией он попросил:
— Ваше благородие, дозвольте «козью ножку» закурить!
— Для чего тебе?
— Так что, ваше благородие, я спокойнее буду.
Врачу приходилось делать операцию без хлороформа, и он «козью ножку» «дозволил». И пока солдату отрезали ногу, он, покуривая «козью ножку», не издал ни звука». (*С-в М.* Покурить хочется // Военный телеграф. 1914, 13 дек. № 109 (29). С. 3–4).

[46] Вильгельм II (1859–1941) — германский император и король Пруссии.

Что столица далеко.
Ай, ошибся силно я.
Что же делать типерь мине?
Что я думал ни збылось,
Сидеть на мести мине пришлось.
Думал, в столице покурить,
Но, наконец, придется мне просить.
Взамен Велгелма буду я,
Прошу, папирос пришлите мине.
Нам германиц нипочем,
Только дело вот у чем
Холод мучит силно нас,
И ришился просить вас:
Вещей теплых нет у нас.
Так пришлите, прошу я вас.
Напишу вам слова два,
Привет, Г-жы Сухановы,
Сахарку нет у миня.
Если возможность, пришлите мине
И еще кой чево пришлите.
Я век вам буду благодарить.
Хотел домой я написать,
Да и с ково там требовать.
В мине есть 4-ри брата,
Все 4-ри ни женати,
И все на войну забраты
Русь-матушку защищать.
Один брат с турком воюит,
А другой австрийца дуит,
А я и з братом удвоем
Здесь германця силно б'ем
И вот дело вот у чем.
Вот вам адрис,
Где мы ждем.
Еще пишу слова два,
Г-жа Суханова.
Ни забудте вы и нас,
Мы страдаим за всех вас.
Готов за славу умиреть,
Но германця покорить.

Адрес: 254-й пех<отный> Николаевской полк,[47] 14-ю роту, Ивану Климовичу Гавви.

Января 21 дня 1915 года.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 27. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

26. Симонов Иван Филатович, пехотинец, к Сухановой Екатерине*. 1915 г. 23 января. Письмо л. 8 (№ 14).*[48]

1915 года 23 января.

Здравствуй, Екатерина многоуважаемая. В том, что мы находимся по милости Божей живы и здоровы.

Беру перо в руки,
Пишу письмо от скуки.
Беру пиро золотую,
Пишу дорогую.
Перо моё заскрипело,
Серце во мне закипело.
Лети, лети, мой листок,
С запада на восток,
Лети, возвивайси,
Никому в руки не давайси.
Дайси Екатерини в руки,
Роскажи про салдатскии скуки.
Лети, лети, сядь на плечи,
Разскажи про салдацкие умные речи.
Кто моему сердцу рад,
Тот пришлет ответ назад.

Горе-горя в чужом краю, без матери-отца, без брата-сестры, без родной жены. Лупим мы немцев и австрийцев, спереди и сзади. Затем мы находимся 6 месяцев в бою, так что мы к вам обратилися, сколько в вас усердия есть, пришлите хотя белья пару. Затем ваш подарок будим ждать, как на пасху обед. Это очень от вас большой привет.

[47] Одним из солдат 254-го пехотного Николаевского полка была послана открытка родным такого содержания: «Анна Ивановна, если бы Вы слыхали, что делает наша и немецкая батареи вот в это время, что я пишу. Это ад! Ваш Крестник» (Цит. по: http://forumuuu.com/showthread.php?p=591971).

[48] Письмо было опубликовано в сборнике «Как мы воинам писали и что они нам отвечали» (С. 42. № 21). При публикации письмо было сокращено. Пропущено уведомление солдата, что он жив и здоров, сокращена начальная формула письма, изъята фраза: «Горе горя в чужом краю без матери-отца, без брата-сестры, без родной жены». С другой стороны, Гиппиус заменила и расширила просьбу солдата, которая изначально звучала так: «Сколько в вас усердия есть, пришлите хотя белья пару»; у Гиппиус: «Сколько у вас есть усердия, пришлите сахару, чаю, если пришлете сахару, чаю, то мы в окопах не скучаем. Получили ваш кисет, пишем вам на ответ, на ваш ответ пришлите солдатикам привет».

Адрес мой:
4 армия, 3 Кавказский корпус,
208 Ларейский полк,[49] 14 рота. Получить
Ивану Филатову
Симонову.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 14. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

27. Вакин Павел Алексеевич, канонир, к Сухановой Екатерине Алексеевне. *1915 г. 25 марта. Письмо л.17–19 (№ 20–22). Карандаш.*

Екатерина Алексеевна!

Какая великая радость проникает в мое измученное сердце, когда я читаю Ваши великолепные стихи. Мне скучно, некуда написать хотя бы писмо. Молодое серце просит много-много говорить, а с кем не знаю. Вот смотришь стихи Ваши и читаешь от тех невидемых друзей, которые далеко-далеко от нас, но ради тяжелой жизни они не забывают нас. Были адские холода суровые, зима ликовала и смеялась над нами, но тогда мы были нечтожными ее рабами. Где же найти теплый уголок, хотя бы обогреть свои окоченелые члены? Нет, все погромлено и разрушено Грозной Артиллерией.

Екатерина Алексеевна, я шлю стихи: «Два ручейка» — «Избушка» — и «Начало боя».[50] Я еще стихи учился писать дома, как окончил школу, писал и писал стихи. У меня их много.

Два ручейка

Я был на плотине,
Где течет, кипит вода.
Она была в долине,
Там мельница видна.
Кругом уныло, тихо,
Лишь скрип одних колес,
И вся долина дико,
По ней камыш зарос.
Вот виден мостик дряхлый,
Под ним ревет ручей.
Найти исход несчастный
Он хочет средь полей:
Где нивы золоченые
Туда стремится он.
Ведь там ему вольней,
А там широкий лог.

***

И рвался к родному я дому,
К моей деревушке родной,
Я к брату своему дорогому
Навечно я связан душой.
Но цепи толстыя стальныя,
Которы порвать не могу,
И ноги, иссохши, больныя.
Наверно, я скоро помру.
Тогда одинока могила
Прикроет холодный мой прах,
Я буду лежать под курганом
Далеко на изрытых полях.

Дер<евни> Райски-Дюжей,
Павел Вакин.

Сегодня днем в бою кровавом
Дрались мы с раннего утра,
Снаряды всюду разрывались
Кричали русские: «Ура!»
П. Вакин

Жизнь

Как бурею согретая, жизнь моя бедная.
Вырвано серце из груди мое,
Жизнь невеселая, жизнь безнадежная,
Тихо главою поник я пред ней.
П. Вакин.

Стихотворение

Стояла осень, и туманы
Ложились в поле пеленойю.
Я слышал: пушки грохотали,
Шла перестрелка за рекой.

Кальером конница летит,
Пехота цепью наступает,

[49] Имеется в виду 208-й пехотный Лорийский полк, относящийся ко 2-й бригаде, 52-й пехотной дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса.

[50] Кроме обещанных Павел Вакин прислал Екатерине Сухановой еще несколько стихотворений.

И рота храбрецов спешит,
Атаку лихо отбивает.
2 сентября,
Павел Вакин.

Стихотворение

Тихо в избушке печальной,
Тихо мерцает ночник,
Спит больной и голодный,
Одетый, на лавке мужик.
Тихо спят малые дети,
Грезятся им сладкие сны:
Рыбу ловили и сети
Тащили на берег полны.

Мать над детями склонилась
При свете-мерцанье огня,
И в душе ее что-то таилось,
Ждала она светлого дня.

Завтра, чуть утро проглянет,
За работу возмется она,
И силы последние теряет,
Весь век, она чует, больна.

Недавно писмо она получила
От сына она из солдат
И целые ночи грустила,
Не придется ей сына дождать.

Писал он на прошлой недели,
Недавно он слег в лазарет,
И силы его ослабели,
Придется ему помереть.

Он ранен в бою под Варшавой,
Пуля разбила плечо,
Другая по груди скользнула,
Ударила только легко.

Да рана, говорят, ведь опасна,
Придется ведь долго лежать,
А может, говорят, да напрасно,
Приедет домой он опять.

Сидит у головок малюток,
Понурив она головой,
Долго ли, в самом деле, до шуток,
Омывает головки малюток слезой.

Внемлет усталой душою,
Рыдает усталая мать
И целые ночи с тоскою
Не придется ей сына дождать.

Настала зима, и буря холодная
Стонет в закрытых дворах,
А семья в нужде и голодная,
Все перевернуто в прах.

Мчатся холодные ураганы,
Жалобно ветер шумит.
Как будто стучат барабаны
Солдата несут хоронить.

38 артиллерийской бригады,[51]
2 батареи кононир Павел Вакин.

Мой адрес:
XIX Армейский корпус,
38 Артиллерийская бригада,
2 батарея,
Павел Андреев Вакин.

Екатерина А<лексеевна>! Вы, конечно, хорошо грамотные. Исправьте мои стихи и пошлите в редакцию. Был бы очень рад. Стоим около г<орода> Прасныша Плоцкой губ<ернии>.[52] Пошлите ответ. Буду ждать с нетерпением.
25 марта.
Кононир П. Вакин.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 20–22. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

[51] 38-я Артиллерийская бригада при Кавказской армии была сформирована в 1864 г. Во время Первой мировой войны бригада была в составе 19-го армейского корпуса, с июля 1914 г. в составе 5-й армии она действовала на Юго-Западном фронте, с октября 1914 г. — на Северо-Западном фронте.

[52] Прасныш — город в Польше. Автор письма, видимо, участвовал в сражении, которое происходило в период с 20 февраля по 30 марта 1915 г. (подробнее об этом см. в сноске 53).

28. Красулин Петр Дмитриевич, гренадер, к Алексеевой Аксюше. *1915 г. 5 апреля. Письмо л. 42–43 (№ 37). Карандаш.*

5-го Апрел<я> 1915 г.

Здравствуйте![53]

Милые сестрице, белолицыя девицы.
Шлю привет вам с Спрасныша[54]
от Красулина Петра.
Да! Пошлет вам Господь здоровья
За ваше дело молодое.
И за вашу Я любовь отвечаю тем же вновь.
И подарки ваши милы мы на праздник получил<и>.
И позвольте вам сказать, господь пошлет
Вам Благодать
За вашу братскую заботу,
За вашу ласку, и любовь.
За ваше чуства молодое
Мы оградим вам от врагов.
Наше дело молодое,
Мы обязаны всегда,
Свято долг свой исполняя,
Умирая за Царя
И за родину святую, бить-ру<би>ть-колоть врага.
Немец враг наш тоже силен,
Но он силен лишь деньгой,
А душой он прах скелета,
И погибнет ни как герой,
А как мучитель всего народа
Он поплатится душой.
Но оставим пока это,
А теперь скажите мне,
Как встречаете вы лето
И что нового в весне?
Мы ведь только развлеченье
Что и видим из письма,
А поэтому прошу вас,
Нам пишите без конца.
А что касается из быта
Вам военного сказать,
К сожаленью, нету время
Вам подробно описать.
А скажу вам просто в крацы,
Что настоящая война
Переполнит вашу радость
И осчастливит нашу жизнь навсегда.
А что касается подарков
Обещались нам прислать.
Благодарствуем за это,
Рады мы от вас принять.
Если можете, пришлите
Нам холодного белья,
Табаку, бумаги, спичек,
И не мешало-бы сластья.
В остальном мы все довольны,
Нечто зря и говорить,
А теперича позвольте
Еще раз вас отблагодарить.
А теперь. Я жду ответа
И прошу вас поскорей,
Что описывает газета
О житье-бытье людей.
Было б милом и приятном
Мне от Ксени получить.
Ну, а, впрочим, извините,
Не могу я вас учить.
Если в сим стихе
Найдете подчеркнутых
Слова два,
То, прошу вас, не судите
Здесь и есть любовь моя.

Затем до свиданья,
Остаюсь с почтением к вам
Любящий вас
Гренадер.
Петр Димитриевич
Красулин.

---

[53] Подчеркнуто пунктиром.

[54] Пшасныш (польск. Przasnysz, прежнее название Прасныш) –– город в Мазовецком воеводстве Польши, расположенный примерно в 100 км к северу от Варшавы. Праснышская операция (20 февраля–30 марта 1915 г.) – крупное сражение на Восточном фронте Первой мировой войны. В связи с переходом на Западном фронте к позиционной войне и отсутствием перспективы быстрого разгрома противника на этом фронте германское верховное командование после некоторой внутренней борьбы окончательно выбрало Восточный фронт как главный театр войны на 1915 г.

Адрес:
Действующая Армия,
15-й гренадерской Тифлиской полк,[55] Команда службы связи,
П. Д. Красулину.

Ваши ответные письма я прочитал в журнале = Голос — жизни.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 37. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

29. Кириллов Василий и Медников Григорий, младшие унтер-офицеры, к Алексеевой Аксюше и Сухановой Екатерине. *1915 г. 1 июня. Письмо л. 36–37 (№ 33). Карандаш.*

Получив подарков ряд,
Шлем ответ мы в Петроград.
И спасибо от души
Алексеевой Аксюши.

За табак и за кисеты,
За фуфайки и жилеты,
За вещи теплые на вате
Благодарность шлем мы Кате.

Прошу простить за выражение,
Что пишу я без стеснения.
Теперь всего много у нас,
Только белья вышел запас.

Если можно, так пришлите,
В чем прошу, не откажите.
Чтоб скорее вышол толк,
Прислать (в 7-й финляндский полк,

Пулеметную команду).[56]
Вот вам адрес точный наш,
Ждем подарочков от Вас,
А за тем и до свидания и хороши
Пожелания.

Младшие унтер офицеры Василий Кириллов и Григорий Медников.
19 1/6 15 г.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 33. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

30. Новицкий Лука, кавалер ордена св. Георгия 4-ой ст., к «сестрице». *Б/д. Письмо л. 28–29 (№ 28). Черные чернила.*[57]

Получил Ваш кисет,
А теперь пишу я Вам ответ.
Живем мы, как сказать,
Ни бедно, ни богато.
Но немцев бьем удачно.
Бывает и то, что нас
Бьют немцы подчас!
Нам без Вас также скучно,
Но Бог даст, что вернемся благополучно![58]

Пока у нас все есть,
И нам ничего не надо слать,
Но когда потребуется что,
Попрошу выслать скоро.

Многоуважаемая сестрица! Опишу Вам вкратце, какой у нас был бой 9, 10 и 11 октября, и что я для меня дорогое потерял.

Было так: от реки Немана мы начали наступление 14 сентября на поганых немцев и так продолжали до 23 и 24 сентября до дер<евни> Маринова Сувалкской губ<ернии>, где у нас был страшный бой:[59]

[55] 15-й гренадерский Тифлисский полк (до 1915 г. полк Е. И. В. Великого князя Константина Константиновича) — гренадерский полк Русской Императорской армии в составе Кавказской гренадерской дивизии 2-го Кавказского армейского корпуса.

[56] 7-й Финляндский стрелковый полк был сформирован в 1901 г.

[57] Письмо подобного содержания о том, что солдат потерял Георгиевский крест и просил купить такой же в Петрограде, опубликовано в сб. «Как мы воинам писали и что они нам отвечали» (С. 47. № 27). По-видимому, Гиппиус или полностью переписала это солдатское письмо, или подобных просьб было много.

[58] Аллюзия на текст стихотворного послания Гиппиус:

Здесь без вас ужасно скучно!
Воля Божья — надо ждать.
Мы живем благополучно.
(Как мы воинам писали и что они нам отвечали. С. 7).

[59] 1-я армия заняла оборону на Немане при завершении Восточно-Прусской операции 1914 г. согласно директиве Северо-Западного фронта от 16 сентября.

Здесь слышно было
Свист пуль и кусков граната,
Слышно было
Гул граната и разрыв шрапнеля!

Снова начали наступление. Наконец, нам удалось перейти границу Германии, где и остановились мы в м<есте> Калиновене.[60]

Опять здесь бой,
И жаркий бой;
Не слышно было здесь
Гром орудий и треск домов,
Звяканье оконного стекла
И стон дорогого солдата.

Вот здесь-то меня, как старого солдата, послали на позицию с донесением. Время было ночное и темное. Надо было проезжать лес. Когда я въехал в лес, то начало меня рвать ветками и незаметно для меня какая-то ветка оторвала у меня дорогую награду — крест Св<ятого> Георгия, 4-й степ<ени> за № 155725. Сразу я не заметил этого, ибо некогда было за этим следить, а надо было думать о защите Матушки Руси.

Заметивши, что нет моего дорогого значка, я сильно затосковал, а почему: потому что товарищи стали смотреть и обращаться со мною совершенно иначе, даже начальство, не замечая моей награды на груди, стало посматривать на меня искоса. Значек этот для меня дорог тем, что я за него был два раза ранен, еще в русско-японскую войну, но, несмотря на раны, я продолжал оставаться в бою.

Так прошу Вас, дорогая сестрица, если можно, то пришлите мне такой крест, за что буду благодарить Вас всю жизнь.

Старый солдат — кавалер Лука Новицкий.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 28. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

31. Пац Адольф Петрович, сапер, к Сухановой Екатерине. *1915 г. Конверт л. 33 (№ 31). Письмо л. 34–35 (№ 32). Черные чернила. На конверте надпись: «Город Петроград, Потемкинскую ул., дом № 7, Е. Сухановой (из действующей армии)». В правом углу конверта красным карандашом: «№ 184».*[61]

1915 г. 7.

Екатерина, спешу послать привет, кому достался ваш кисет.

Когда получите маю писмо, то, пожалоста, даити ответ, девица Вы или нет. А если девица, то дла мени всегда женои дла мена годица. А солдат не врак и согласен уступит с вами в брак. Эсли с воины вер<н>уса, то на вас женус. За тем буду ожиидать ответ, сбудица это или нет. Эсли збудица от Вас, то б некогда не дам откас, когда б получу от вас привет, то сейцас дою ответ. Чустсвительно благодору за вашу пасылки, что вы с нас не забываи<те>, кисет с табачком присла<ли>.

Адрис мой: Действовашу<ю> Армию, 20 сапорной ботолюн,[62] Адольфу Петровицу Пацу.

Простите ради бога,
Что написано немного.
Может, плохо написал,
То по-солдацки солдат
Споро пишит скоро,
Он пишит очень мало,
Потому что руки устали.
На белом листочке
напишу четыре
строчки, поставлю
точку, запетой
для памяти своей.
Прошу писать
И меня не забывать.
Вернои вам
А. П. П.

РО ИРЛИ. Р. V, колл. 1, п. 17, № 32. Письма солдат из действующей армии 1914–1915 гг.

[60] «Около половины сентября под влиянием нашего комбинированного наступления с трех сторон (при участии соседних частей II армии) противник был принужден к поспешному отступлению, причем часть осадного материала была им брошена. К 18 сентября дивизия Гольца уже находилась в районе Калиновена». См.: *Флуг В.* X армия в сентябре 1914: Воспоминания участника // Военный сборник общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. Белград, 1924. Цит. по: http://grwar.ru/library/FlugVE/FL_1.html (Дата обращения: 31. 03. 2014).

[61] Письмо опубликовано без купюр и изъятий в сборнике «Как мы воинам писали и что они нам отвечали» (С. 42–43. № 22).

[62] 20-й саперный батальон, сформированный в 1914 г., принадлежал 20-му Армейскому корпусу. Местом дислокации его был г. Двинск.

32. Милосердов В., подпрапорщик, к Сухановой Екатерине, Соколовой Дарье Павловне. *Б/д. Письмо л. 7. Чернила, карандаш.*

Получил я Ваш кисет,
И пишу Вам ответ.

Тамбовская губерня моя родная сторона, там покинул сиротку я. Нет у меня ни жонушки, ни зазнобушки, и не безпокоюсь я, как живет дите моя. Теперь спутник мой конь боевой, на коня я сажусь и лихими гусарами горжусь. За рыжими немчурками мы гоняем много ли мало ли, но всюду в плен их подцепляем. Мы живем теперь, слава Бога, у нас всего получено подарков многа. А как подарки извидем, то еще в родные края писмо пошлем.

Шлю с позиции Вам привет, и будте спокойны за родину на многоя лет. Мы грудь свою рыцарскую выставляем и веру и родину от назойливого немчурки защищаем!

Вахмистр 1-го эскадрона 14-го гусарского Митавского полка[63] подпрапорщик В. Милосердов.

Передайте наше горячия благодарность всем участникам в подарках, всем написали бы, но хочеться заснуть немного.

Из действующей армии.

А именно Кати Сухановой, Дарьи Павловны Соколовой, Е. Сухановой.[64]

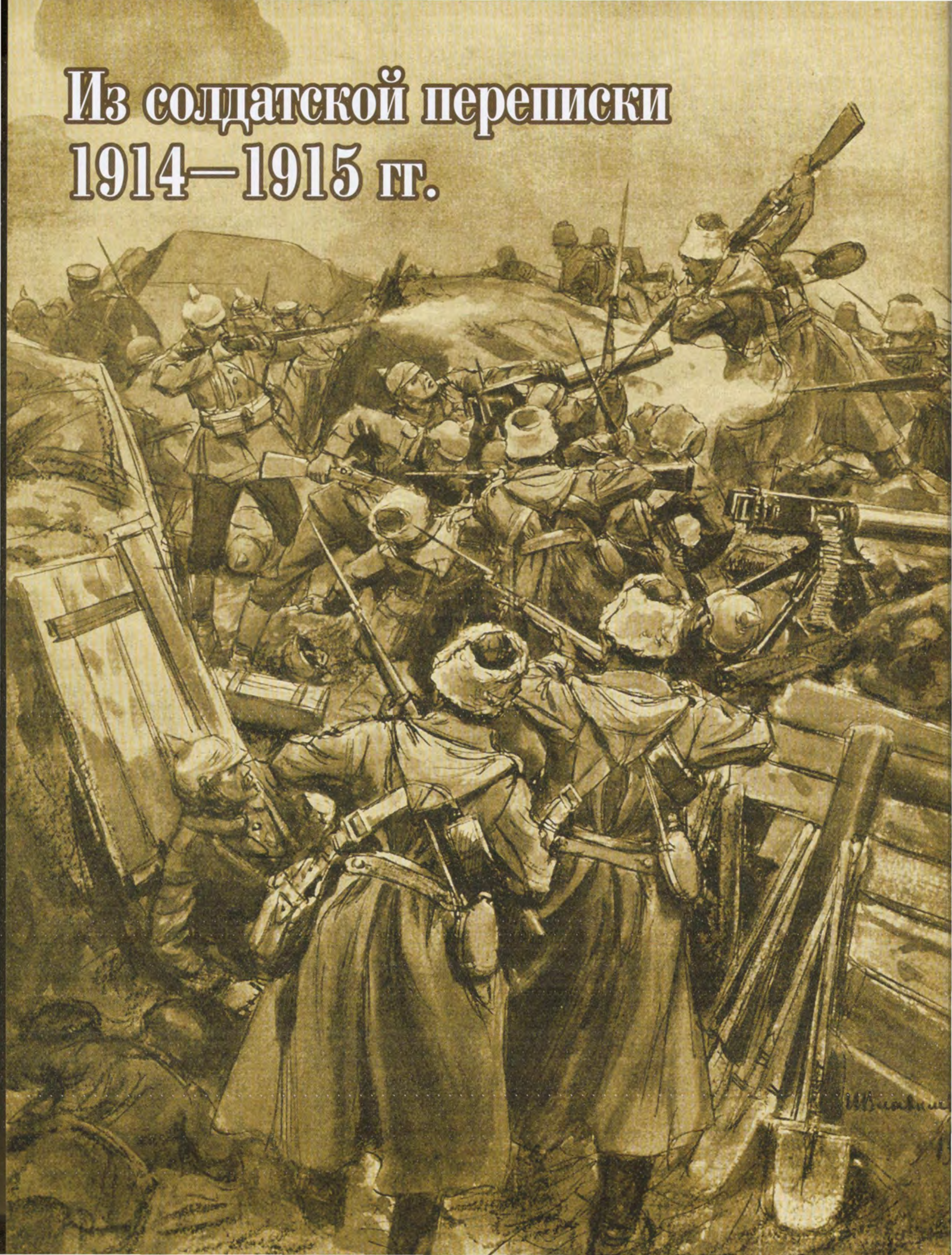
РО ИРЛИ. Ф. 39. Архив З. А. Венгеровой и Н. М. Минского, № 1257. Из действующей армии.

**За чтением письма.
Почтовая карточка, 1914**

[63] 14-й гусарский Митавский полк был создан в 1805 г. Местом дислокации его в 1903–14 гг. был г. Ченстохов Петроковской губ.

[64] Текст со слов «А именно» приписан в верхней части страницы, слова «А именно» и фамилии подчеркнуты карандашом.

Из солдатской переписки 1914—1915 гг.



Письма из фондов Северодвинского и Красноборского собраний Древлехранилища им. В. И. Малышева[1]

Количество материалов, так или иначе связанных с Первой мировой войной, в фондах Древлехранилища Пушкинского Дома относительно невелико. Тем большую ценность представляет для нас переписка этого периода. Письма солдат из действующей армии, адресованные родным и близким в Архангельскую или Вологодскую губернии, зачастую посвящены хозяйственным и житейским вопросам, поскольку воевали те же крестьяне, мечтавшие вернуться когда-нибудь в свои дома, к своим семьям. Скупость рассказов о происходящем на фронте объясняется тем, что за письмами строго надзирала военная цензура. Значение крестьянских писем периода Первой мировой войны — в непосредственном человеческом восприятии происходящего, в переживаниях, связанных с открывшимся новым миром, до войны не ведомом.

1. Осиев Андрей Пионович, к Шестакову Николаю Прокопьевичу. *1916 г. 20 января. Письмо из действующей армии на Северную двину.* [2]

По молитве. Посетителю моему, дорогому моему другу и брату Б<ожию> духовному, а именно Николе Прокопу от Андрея Пионовичя. Шлю я вам свой земной поклон и желаю вам мира, здравия, а наипаче душевнаго спасения и всех благих дел восприятия. И много-много раз сердечно вас благодарю. Еще Марие Федоровне от Андрея Пионовичя шлю я вам свой ниской поклон. Еще уведомляю я вас Н.П., что я вашо писмецо дорогое получил 16 г<енваря>, и так оно мне любо — дак хош рубль давай, дак не отдам. Вашему ресунку люди чюдятся,[3] а мне оно на обличение: я подобен июдейским отрокам, кои питались от царевы трапезы. Ох, Никола, Никола, какая едта жизнь развратная и пособить нельзя — Бога //совсем забыли! Как было во дни Ноя, тако и ныне, но еще я нахожу хуже и того времени.

Да, Никола Пр<окопьевич>, ты правду мне пишешь о своем жытие, что сестра ваша отца водит, как коня браздой. Пора бы ему и дома жыть: несть спасения ездить по миру. Безумно делал избу, хотел продавать, которая стоит 800 р<ублей>, а кто ему за нее даст? Сколько он и ты устраивали, да и продать! И ты, Никола, сестры берегись, ей не доверяй не в чем, она вас наказала уж, да и еще берегись. А она отца твоего обманет, и он на нее глядит на такую.

А Виталий в 15 роте, в 1-м взводе находится. // Где-то Иван Симеонович Опякин? Я его видел 3 октября в Рыбинске, и поклоны ему писал, и от него получал, а теперь он уехал в г. Брянск 4 генваря. Еще уведомляю я вас, Н.П., что я 22 генваря сел на машыну и уехали мы с позиции в г. Рогачев Могилевской губ., а стоим в деревне, а не в городе, а от позиции 400 верст, и будет у нас формироваться новая девизия. И постоим мы около 2-х месяцов, а там что будет, не знаю, типерь хоть не бойся пули и не слышно выстрелов. Хлеб белой — 20 к<опек> ф<унт>, масло посное — 85 к<опеек> ф<унт>, а люди здесь ой плохо жывут: избы плохие, малые халупы //и нечего у них нет. Ой, плохо люди жывут! А погода стоит холодная. Снегу мало, жидов много. Бабы матерятся — и ой, развратные какие! Да, Н. П., я ныне испытал горе войны. А кормят рыбой. Ой, горе, как я и жыть буду: приходит пост, ись рыбы не охота и купить — все дорогое и не знаю, как Бог поможет.

28 генваря

Д<ействующая> Армия, 709 пехотной полк, 4 рота (прочерк — *В. Б.*) взвод.

От сего письма остаюсь жив и здоров, того и вам желаю от Господа Бога. Любящий вас Андрей Пиониев Осиев. 1924 года[4] генваря 20 дня.

---

[1] Тексты писем и отрывков из писем, подготовлены к публикации В. П. Бударагиным

[2] Письмо написано карандашом на линованной бумаге, только дата «28 генваря», слово «пехотной» и прочерк выполнены фиолетовыми чернилами.

[3] Адресат письма и автор рисунка известный красноборский старообрядец-книжник Н. П. Шестаков, занимавшийся не только переписыванием книг, но и их иллюстрированием. Упоминаемый «ресунок» был, вероятно, миниатюрой духовного содержания.

[4] Автор письма — известный старообрядец-филипповец, живший на реке Уфтюге, неподалеку от г. Красноборска (Северная Двина). Указанный в конце письма «1924 год» соответствует году 1916-му, поскольку некоторые старообрядческие согласия при переводе дат от Сотворения мира до Рождества Христова исходили из счета 5500, а не 5508 лет.

Древлехранилище ИРЛИ, Красноборское собр., № 304.

2. Никонов Василий Арсеньевич, к семье. *1915 г. 6 февраля. Письмо из действующей армии на Северную Двину.*

Здравствуйте, дорогие родители — татя и мама, братья — Миша и Веня и сестры — Павла, Ольга и Маня! Поклон Ефиму и Орине и всем родным и соседям! У нас здесь никаких больших перемен нет: все живем, как и раньше. С наступлением поста у ратников мясная пища заменилась постной: вместо мяса... (*здесь срезана верхняя половина следующей страницы, но текст всего письма начинается ниже линии среза предыдущей страницы — цензура?*) долга засчитали мне декабрьское жалованье 18 руб., остается еще немножко дослать; я на днях получу эти деньги и Вам пошлю рублей 20. Если Вам не особенно нужны деньги, то из них уплатите Дербеневым мой долг (кажется, 4 р. 50 к. или около того: 3 рубля еще при Саватии Палови, а остальное — осенью, когда я брал на рубашки), только чтобы вычеркнули // при уплаты этот долг из книги. Или уплатите хотя 3 рубля, но если деньги нужны, то и не платите. В крайнем случае, если деньги Вам нужны, то я еще могу прислать сколько-либо. Я справился насчет болезни тати у нашего врача, но только он определенно ничего не может посоветовать, так как больного сам не видел да и признаков болезни мало сообщено. Говорил, что хорошо помогают горчичники на больное место, если катар желудка, принимать лекарства (названия я уже не упомню), крайне осторожным быть в пищи. Но определенно ничего посоветовать не может, так как не видел больного, а лучше, говорит, обратиться к доктору в Черевкове, как я Вам писал. Тем более // что там (если только К. А. Попов) доктор хороший, знающий. Съездить же большого труда не будет: Миша свезит. Можете еще сообщить мне больше о болезни: например, когда бывают больше приступы болезни, какая цветом рвота и жидка ли, где чувствуется боль пуще и проч., что замечаете. Я еще могу спросить у врача, только, конечно, лучше бы съездить самим к доктору. Пишите об этом...

Пишите, как у Вас идет работа. Миши, вероятно, тяжело — можно нанять на тяжелую работу. Получили ли мою фотограф<ическую> карточку, посланную в письме и открытку тогда же.

Затем до свиданья.
Любящий Вас сын В. Никонов.
6 февраля 1915 г.

Древлехранилище ИРЛИ, Красноборское собр., № 135, л. 1–2 об.

3. Смирнов Федор Федорович, к Шестакову Николаю Прокопьевичу. *1917 г. 2 августа. Письмо из действующей армии на Северную Двину.*

Здраствуйте, дорогой зять Николай Прокопьевичь и равным образом и сестрица Мария Феодоровна! При сем, дорогой зять Николай Прокопьевичь и дорогая сестрица Мария, драгоценное я ваше писмицо получил, за которое сердечно вас благодарю. И гостинцы ваши получил, за которыя сердечно вас благодарю. При сем посылаю я вам, дорогой зять Николай Прокопьевичь, свое всенижайшее почтение, с любовию //ниской поклон от Федора Федоровича! И желаю я вам всего хорошаго. Еще дорогой сестрице, Марие Феодоровне, посылаю я свое братцкое почтение. С любовию ниской поклон от Федора Федоровича.

И желаю я вам всего хорошаго. И при сем извещаю я вам о текущей моей жизни в том, что я в настоящея время нахожусь жив и здоров, а вперед — власть Вседержителя. //Новостей никаких нет, все по-старому. Затем прощаюся. С почтением к вам ваш шурин Федор Федорович Смирнов.

1917 г. 2-го августа. //

Извините, что мало и плохо написал. Еду поездом в Москву на малое время, командирован за оммундированием для лошадей.

Древлехранилище ИРЛИ, Красноборское собр., № 303, л. 9–10.

4. Истомин Павел Прокопьевич, к жене. *1914 г. 27 июля. Письмо из г. Архангельска в с. Борок.*

Любезной моей супруге Анне Макаровне! Присылаю Вам мое нижайшее почтение и с любовию ниско кланяюсь и желаю от Бога добраго здоровья и всякаго благополучия. Равно также и тестю Макару Афанасьевичу и всему вашему семейству ниско кланяюсь и желаю от Бога добраго здоровья и всего хорошаго.

Сим письмом уведомляю Вас в том, что у меня послано Вам денег по почте 25 руб. и потом послано по почте же письмо. Затем еще уведомляю, что город Архангельск объявлен на военном положении. Мобилизацыя //запасных здесь была 17-го июля, а теперь забирают ратников ополчения 1-го разряда с 1906-го года. У нас, в министерстве, на войну не берут как запасных, а также и ратников. Работы грязночерпательные на Баре остановили, теперь работаем против города — говорят, что опять скоро пошлют работать на Бар. Нас с пароходу на берег не спускают, а также и если бы кто вздумал совсем домой уехать, тоже не спустят. К Шадлакову и еще из Заостровья к Щекину приезжали жонки, и им только на пароходе дали одну ночь ночевать, дольше жить не дали и мужей проводить не спустили. //Андрей Макарович, наверно, забран на войну. О войне писать не буду — дома из газет, наверно, кое-что знаете. Война у Росии с Австро-Венгрией и Германией, а с нами вместе заодно Францыя, Англия, Япония, Бельгия, Сербия, Черногория.

Еще уведомляю, что я живу, слава Богу, по-старому и на пароходе перемен никаких нет. Погода здесь стоит умеренная, изредка перепадают дозжи. Рыба сей год дорогая, да и еще дороже будет. Треску мы берем теперь 3 р. 40 к. за пуд, мясо свежее 22 к. фунт, а солонина 17 к. за фунт. //Нужнаго писать больше нет, остаюсь от сего письма, слава Богу, здоров, вперед надеюсь на Бога, чего и Вам желаю — быть здоровым. Известный Вам П. Истомин.

По получении сего письма прошу написать поскорее ответ, описать о всех о всех домашних обстоятельствах. Сегодня, по случаю воскреснаго дня, мы стоим, не работаем, но на берег идти нельзя.

Древлехранилище ИРЛИ,Северодвинское собр., № 718, л. 34–35 об.

5. Истомин Андрей Макарович, к родителям. *1914 г. 5 сентября. Письмо из действующей армии на Северную Двину.*

Многоуважаемыя и дорогия родители, татенька Макар Афонасьевич и маменька Поросковья Васильевна! Прежде всего прошу у Вас заочнаго родительскаго благословения, которое могло бы существовать на всю, и присылаю я Вам по очень нискому поклону и желаю я Вам от Господа Бога добраго здоровья и всякаго благополучия в делах Ваших. Брату Якову Макаровичу с супругой Марфой Степановной и с детками Александрой и Ваней присылаю я Вам вкупе по очень нискому поклону и желаю я Вам от Господа Бога добраго здоровья и всякаго благополучия в делах Ваших. //Сестрицам Марье Макарьевне и Анне Макарьевне присылаю я Вам вкупе по очень нискому поклону и желаю я Вам от Господа Бога добраго здоровья и всякаго благополучия в делах Ваших.

Сим письмом уведомляю я Вас в том, что я живу покудова в городе Петергофе, от Петербурга 25 верст. А в настоящее время занимаем караул от Петергофа в 6 верст, в деревне, охраняем окопы или редуты, их все время работають, работаеть много тысяч рабочих. Жизнь покудова, благодаря Бога, хорошая. //Но нечего не извесно, сколько здесь проживем. Бог дал бы прожить всю войну, то счастлив бы был. Но наша жизнь такая — сегодня здесь, а завтра и там, но, как слышно, что говорят, бу<д>то бы простоим здесь. Война идет ужасная, народу валится очень много, наши идут все вперед: уже Австрию почти чуть ли не победили. Затем я послал Вам, тятенька, письмо, но ответа от Вас не получил, не знаю почему. И все время ждал письма от Вас, но не дождался и вот опять пишу. Вместе же послал зятю Павлу Прокопьевичу письмо и от него уже давно получил: //он пишет, что живет хорошо. Но прошу я Вас, тятенька, напишите мене ответ поскорее и опишите обо всем подробнее.

Я раз ездил в Петербург, ночевал у Сашки и был у Кузьмы Матьвеевича и у Василья Прокопьевича. Больше писать не знаю что, а здоровье мое все постарому.

От сего письма остаюсь жив и здоров и того и Вам желаю — быть здоровым.

1914 года 5-го сентября. А. М. Истомин.

Адрес мой пишите: в де<й>ствующую армию, в 296-ой Грезоветцкий полк, 2-я рота, А. М. Истомину. Жду ответа, пишите письма без марки.

Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 711, л. 65–66 об.

6. Истомин Андрей Макарович, к родителям. *1914 г. 7 октября. Из действующей армии на Северную Двину Отрывок из письма.*

Уведомляю я Вас, родители, в том, что я от Вас письма долго не получал, и писать Вам тоже нельзя было

написать. Я нахожусь теперь за Варшавой 10 верст, и 3 дня были на позицыи, но Бог милостив — не допустил меня до самаго боя. Но все время, уже 10 дней, идет непрерывно бой, неприятель теперь отступает. Гремит все время день и ночь — даже описать не могу. Приходится нам всего натерпется, но описывать уже не буду. //

Татенька и брат Яков, прошу я Вас в том, что не оставте моей семьи, тем более детей. Еще раз прошу, татенька: не пооби<т>те моих детей и помогите моей жене разобрится в книгах и бумагах.

Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 711, л. 75 об.–76

7. Истомин Андрей Макарович, к родителям. *1915 г. 14 декабря. Из Москвы на Северную Двину. Отрывок из письма.*

Уведомляю я Вас, родители, в том, что я, благодаря Бога, жив и здоров, а вперед уповаю на милость Божию и живу все в Москве. На етих днях ездил в г. Смоленск — провожали на позицыю маршевыя роты. А здесь я проживу не известно сколько, Бог дал, хотя бы подольше здесь пожить. Татенька, я вам послал уже несколько писем, но ответа не получал и не известили меня не оп чем домашнем обстоятельстве.

Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 711, л. 84 об.

8. Истомин Андрей Макарович, к отцу. *1917 г. 27 апреля. Из действующей армии на Северную Двину. Отрывок из письма.*[5]

Уведомляю я тебя, татенька, что я получил известие, что моя мать кончила//земную жизнь. Дай, Господи, царства небеснаго! ... Еще уведомляю Вас в том, что я теперь нахожусь на фронте в австри<й>ском городе Буте, от позицыи верст более ста, здесь будем работать. Жизнь не очень плохая, уже все только ужасно надоело. У нас теперь отпустили совсем на родину кому 43 года и свыше. Наверно, и брат Яков недолгами. Я очень был бы рад, если его отпустили домой. Хотя мене одному //страдать. Хотя бы коечто сработал бы и не мучился на старости лет. Затем отпущают еще кому 40 и до 43 лет на летьния работы. В нашем транспорте все старых лет, то отпущают 15 процентов, 100 человек. И кидали жеребей, но мене не досталось. А теперь опять скоро будут отпущать, когда только на смену придут молодыя годы. Тогда что Бог дас<т>, очень бы хотелось приехать домой — вот уже три года не был дома. Но я так думаю, что летом обезательно приеду, а в прочем на все воля Бога. Теперь служить, при новом порядке, стало полегче, а в деревне при//новом порядке как живется? Опишите и насчет брата Якова. Теперь, если остане/т/ца новой порядок, то не Бог знает, что выйдет. Все будет по-новому и земля, я тоже думаю, все переделают, и удельныя земли будут наши. Насчет военных действий — то теперь нет боев, на всех фронтах идут переговоры о мире. Что Бог дас<т>!

Древлехранилище ИРЛИ, Северодвинское собр., № 711, л. 96–97 об.

Солдаты Первой мировой войны. Фотография 1917 г. (?)

[5] Последнее письмо А. М. Истомина написано химическим карандашом, остальные — пером и чернилами.

Часть 4

ЛУБОЧНЫЕ КАРТИНКИ

А. Ф. Некрылова
Лубки
и военные плакаты
1914—1915 гг.

История народной (лубочной) картинки в России начинается с XVII в., в следующем столетии она представлена уже достаточно широко и разнообразно. В XIX в., благодаря переходу от техники гравирования на дереве и медных досках к литографии, а потом и к хромолитографии, народная картинка получила широкое массовое признание, чрезвычайно расширилась ее тематика и неимоверно выросли тиражи. Обращенные прежде всего к крестьянству и низовому городскому населению, лубочные листы отражали многие стороны жизни российского простонародья, отвечали его интересам и вкусам. Среди великого разнообразия лубочной продукции особое место занимали картинки на военные темы. Практически все войны, которые вела Россия на протяжении XVIII—начала XX в., зафиксированы народной картинкой. Разумеется, наибольшую популярность она приобретала в периоды военных действий. Не случайно в 1812 г., во время Крымской кампании 1853—56 гг. и Русско-турецкой войны 1877—79 гг. количество батальных листов увеличилось в десятки раз. Сто лет назад Вера Славенсон образно заметила: «Война — это та почва, на которой лубок разрастается буйной травой».[1]

Первая мировая война 1914—18 гг. не явилась исключением: она породила свой батальный лубок, который, с одной стороны, продолжал традиции, сложившиеся в этом жанре зрелищной печатной продукции, с другой — внес много нового, обусловленного и событийным рядом, т. е. характером военных действий, и изменившимися вкусами потребителя, и, конечно, усовершенствованием техники полиграфического производства.

В советское время Первая мировая война была если не забыта, то отодвинута на задворки истории как антинародная, империалистическая, развязанная капиталистами и противоречащая интересам простого народа. Между тем, факты говорят о том, что в начале войны во всех слоях русского общества преобладало восприятие ее как войны освободительной, священной, как спасение Отечества от угрозы немецкого нашествия.

Крестьяне распевали патриотические частушки, в которых воспевалось удальство, вера в скорую победу, желание показать храбрость.

Собирай-котесь, ребята,
Кто к военной службе гож.
Зададим мы немцу перцу,
Пропадет он ни за грош!

Пойдем, товарищ, добровольцем,
Будем родине служить:
Распроклятого австрийца
Будем вместе с тобой бить.[2]

Надо сказать, что определенную роль сыграло давнее, исторически сложившееся отношение русского народа к немцам. «Ни с одним из неславянских народов русские не имели такого тесного, даже «домашнего» соприкосновения и такого интенсивного, хотя и очень своеобразного общения и противоборства, как с немцами»,[3] причем долгое время под немцами разумели не только и не столько жителей Германии, сколько вообще европейских чужеземцев, иноверцев. С петровских времен, когда в Россию

[1] *Славенсон В.* Война и лубок//Вестник Европы. 1915. № 7 (июль). С.91.

[2] См.: *Недвига А. Е.* «Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!»: Первая мировая война в русской частушке//Живая старина. 2003. № 4. С. 17.

[3] *Оболенская С. В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII—XIX вв. // Одиссей: Человек в Истории. 1991. М., 1991. С. 161.

хлынул поток иностранных специалистов — военных, ученых, мастеровых, увеселителей, когда образовались немецкие колонии (преимущественно сельскохозяйственные) на юге России и в Поволжье и сформировалась особая социальная группа «русских немцев», коренное население, в том числе и крестьяне, и городское простонародье, воспринимало их как странных, чудаковатых людей «не нашей веры» и не наших привычек. К этому добавилось и недовольство (недоумение?) тем, что императорская фамилия оказалась кровно породненной с немцами. Чего стоят пословицы из собрания В. И. Даля: «Хитер немец, обезьяну выдумал», «Русский немцу задал перцу», «Прусский гут, а русский гутее» и др. Одним из источников, закрепляющих такой взгляд, явились многочисленные лубочные картинки XVIII—начала XIX в. и подписи к ним, где немцы часто представлены в виде «шутовских персон»: «Немка верхом на старике», «Немец и батрак», «Рейтар на петухе и рейтарша на курице», «Голландский лекарь, омолаживающий старух» и т.п. Подобные произведения «...формировали представления, образы, стереотипы сознания, вместе с тем были и порождением народной культуры»: они «...воспринимались, повторялись людьми и становились их собственными текстами, входили в их собственные представления».[4]

Известно, что в экстремальных ситуациях предрассудки и предубеждения одного народа против другого усиливаются и возникают новые. Такими экстремальными условиями были войны. Удивительно быстро немец из чужестранца или своего чудака превратился во врага. Австрийцев народ не очень отличал от немцев, объединяя тех и других одним понятием — «германец». Народная картинка немало способствовала созданию двоякого образа врага. С одной стороны, врага не столько страшного, сколько свирепого, но ничтожного, нелепого, трусливого, с которым наши чудо-богатыри быстренько справятся. С другой, врага коварного, злого, безбожного, покушающегося на самое святое — на русскую землю и православную веру. Говоря о лубочных картинках периода Первой мировой войны, В. Денисов справедливо заметил: «Лишь только раздались на границе первые боевые выстрелы, сейчас же громким эхом отозвались они в лубке, и тысячи, сотни тысяч ярко расцвеченных листков полетели с печатного станка в глубины России, обгоняя газеты и правительственные сообщения <...>. Прежде чем деревня разобралась, как следует, "за что" и с кем "погнали народ воевать", она уже видела немца — в каске, в синей одеже (тогда как своих лубок заботливо облекает в защитный цвет) с торчащими прусачьими усами»; изображая солдата-немца, лубок вложил в рисунок «всю колкость насмешки и пыл негодования».[5]

Заметим, что далеко не все эпизоды Первой мировой войны отражены в лубочных картинках. Основная масса лубочных листов, порожденных этой войной, была создана в 1914—15 гг. Картинок, имеющих отношение ко второй половине войны, практически нет. Объясняется это самой природой лубка, ориентированного на победы, на изображение доблести и героизма своих солдат, силы, мощи и торжества отечественного оружия. Батальный лубок воспевает справедливую борьбу, патриотизм, готовность отдать за Родину жизнь, при этом однозначно отрицательно относится к врагам, которые высмеиваются за глупость и трусость или предстают как злодеи, жестокие завоеватели. Лубок даже мысли не допускал о неудачах, тем более о поражении русской армии, он свято верил и уверял своих почитателей в непобедимости наших солдат и полководцев. На картинках убитые — практически только враги.

Начальный период Первой мировой войны вполне соответствовал лубочному апофеозу войны. Как пишет Денисов, «...успешные действия наших войск в течение первых месяцев войны дали богатую пищу для лубка, и нет такого события или подвига, которые не отразились бы в одном, а то и нескольких листах» — «...что ни день, выходило несколько штук: свыше тысячи номеров было выпущено лубочными издателями, а ведь иные выпуски достигали сотни тысяч экземпляров».[6]

Действительно, спрос на военные лубки породил несколько новых издательств и конкуренцию между ними. В этом приняли участие и профессиональные художники разных направлений. Некоторые лубки объединены общим названием, т.е. выпускались в виде серий — «Европейская война», «Великая Европейская война».

---

[4] Там же. С. 164.

[5] *Денисов В.* Война и лубок. Пг., 1916. С. 1.

[6] Там же. С. 4.

Центром производства лубка оставалась Москва. Но работали мастерские и типо-литографии в Киеве, Одессе, Вильне и других городах. По сведениям Л. В. Родионовой, «...выпуском лубочных картинок к началу войны занималось более 60 типолитографских и литографских производств Российской империи»[7].

Когда же победы сменились поражениями, война приняла затяжной характер и популярность ее резко упала, пропал и интерес к батальным картинкам. Теперь они казались излишне хвастливыми, далекими от реального положения дел на фронтах. Лубок не мог смириться с действительностью. Он просто перестал быть, прекратил свое существование.

В фондах Литературного музея и Рукописного отдела Пушкинского Дома хранится немало лубочных картинок Первой мировой войны, которые можно подразделить на несколько групп. Одна из них, немногочисленная, представляет собой лубки-аллегории, использующие хорошо понятные традиционные образы-символы.

«Россия — за правду» (с. 12)[8] — фигура Родины-матери со всеми атрибутами защитницы и воительницы: в русском шлеме, красном плаще и кольчуге, со щитом и мечом, на груди — крест. Двуглавый змей, который попирается ее ногами, — олицетворение зла, несправедливости, насилия

«За веру, царя и отечество» — картинка, скомпонованная из шести изображений, буквально перенасыщена знакомой символикой: портрет Николая II в медальоне, царская корона, лавровые ветви, двуглавый орел с огромными крыльями над златоглавой Москвой, подписи «С нами Бог!» и «Боже, царя храни!» — всё должно подчеркивать силу и нерушимость империи с «богоданным» самодержцем. Эпизоды, сгруппированные вокруг центрального портрета императора, типичны для эпохи больших войн. Они призваны отразить настоящее и отсылать к истории: сбор пожертвований, благословляемый священником; народное ополчение с вилами, косами, топорами (эти картинки напоминают времена Минина и Пожарского и Отечественной войны 1812 г.), атака солдатская, убитый на открытом поле и воронье над ним — почти иллюстрация к известной народной песне; наконец, детально прорисованная народная масса, где узнаются представители всех народов России, в едином настрое внимающие призыву к священной войне.

«Могучая Русь» (с. 25) — огромная, во весь лист, фигура воина-победителя (с чертами Николая II), озаренного сиянием солнца, воспринимается не иначе как олицетворение непобедимого русского воинства, которому, подобно былинным богатырям, ни горы, ни реки не преграда (река под ногами императора — просто маленький ручей), за которым — могучая рать и Божье благословение. Изображение снабжено стихотворными строками, подходящими и к предыдущей картинке:

Война... Охватила нас радость глубокая,
Падем на колени пред ликом Творца
И будем молиться, чтоб дело высокое
Господь нам помог довести до конца!
Защитница сирых, Россия могучая,
Грозою небесной иди на врага...

и т.д.

Даже проводы на войну представлены пафосно, как всеобщее ликованье, как высокая миссия русского солдата («Проводы на войну за святое дело»), хотя изображение сопровождается отнюдь не бравурным текстом «Новой солдатской песни»:

Трудно, братцы, собираться,
Оставлять детей, жену,
Да приходится прощаться,
Отправляться на войну.

Примыкает к этой группе картинка «Мирское дело» с теми же призывами-воззваниями (помогайте вспахать, убрать урожай, создавайте кредитные общества, жертвуйте на восстановление крестьянских хозяйств, ставших полем боя).

Пропаганда освободительной войны через противопоставление наших — миролюбивых, справедливых — воинов жестокому врагу лежит в основе картинок, изображающих зверства захватчиков (тема, характерная для батального лубка второй половины

[7] *Родионова Л. В.* Русская народная картинка как явление книжной графики (период Первой мировой войны)//Библиотековедение. 2003. № 2. С. 59.

[8] Здесь и далее в рамках данной статьи в скобках после названия лубка указывается соответствующая страница настоящего издания.

XIX в.). В данном издании приводится один такой лист: «Зверства немцев над мирными жителями при отступлении от стан. Колюшки» (с. 402). В противовес ему лубочная гравюра, состоящая из двух картинок: «Не пугайтесь, милые, ... мы не немцы» и «Нет больше розни между братьями» (с. 396).

К наиболее многочисленной группе относятся «героические картинки», где первое место занимают изображения победных битв. Русский лубок очень редко обращался к боям на западноевропейском театре военных действий. Успехи союзников интересовали лубочников разве что как свидетельства очередного поражения немцев. Известны листы, повествующие о «геройском отражении бельгийцами бешеной атаки немцев на одном из фронтов под Льежем», о разгроме германских войск на французской границе и т. п. В нашей подборке таких картинок нет.

Зато, как уже было сказано, практически все успешные операции русских войск 1914—15 гг. нашли отражение в народных картинках, нередко представленных в нескольких вариантах, каждый из которых — своеобразная импровизация на заданную тему при строгом следовании выработанным канонам лубочного печатного творчества.

Главное внимание лубочных рисовальщиков и издателей было приковано к трем операциям: Восточно-Прусской, Варшавско-Ивангородской и Галицийской.

Из боев в Восточной Пруссии в лубке запечатлены «Поражение германских войск у Гумбинена» (с. 314), «Бой под Августовым» (с. 325), «Разгром германцев под Прасныщем»(с. 304).

На разгром немецко-австрийской армии на Средней Висле в сентябре-ноябре 1914 г. откликнулись такие лубки, как «Битва за Вислой» (с. 306), «Бой под Ивангородом» — крупным железнодорожным узлом, защищавшим переправу через Вислу (с. 379), «На берегах Вислы» (с. 381), «Поражение и бегство германских войск за Вислой 11 ноября 1914 г.» (с. 372), «Сражение у реки Пилицы» (на зависленской территории) (с. 81). Несколько лубочных картинок повествуют о боях на берегах Немана — «Поражение немцев на реке Немане» (с. 319), «Битва с немцем у реки Немана» (с. 322).

Множество картинок посвящено успехам русской армии в Польше и в Галиции. Среди них «Поражение австро-германских войск у реки Сан» — правого притока Вислы (с. 428), «Бой на австрийской границе» (с. 383), «Взятие германских позиций нашим сибирским отрядом» (с. 527). В разных вариантах обрисовал лубок освобождение Варшавы 19 августа 1914 г., где «особо отличились сибирские корпуса», а «австрийцы бежали в беспорядке» («Разгром немцев под Варшавой» — с. 522).

Не пропущен ни один город, занятый нашими войсками: «Бой у Городка» (город в Львовской обл., на окраине которого шли кровопролитные бои, известные как «Городецкая битва») (с. 364), «Бой под Лодзью», бои за Галич, Мариамполь, Осовец, Ярослав, Лык, Чортков, Слидомир и др.

Особого внимания удостоилось сражение под Львовом и взятие города в ходе Галицийской битвы в августе 1914 г.: «Разгром австрийской армии под Львовом» (в нескольких вариантах) (с. 366), «Взятие Львова», «Взятие русскими войсками Львова» (с. 388).

Достаточно много лубков о сражениях на галицийском фронте создано в течение 1915 г. Русскими велись упорные бои за овладение Карпатскими проходами и Карпатским хребтом. Горы и зимнее время делали эти бои особенно тяжелыми, а героизм русских солдат особенно впечатляющим («Бой в Карпатах» — с. 436). Любые успехи в Галиции вызывали ликование в России, поскольку занятие этой территории воспринималось как возвращение исторической части Руси, тем более что преобладающую часть населения здесь составляли православные славяне.

Радостно, восторженно было принято известие о капитуляции 22 марта Перемышля — хорошо укрепленной австрийской крепости на юго-востоке Польши. Что касается лубочных изображений, они появились еще тогда, когда Перемышль был осажден русскими войсками, одновременно представив своему зрителю и осаду крепости, и — заранее — ее падение. Таковы картинки «Осада Перемышля» (с. 405), «Под Перемышлем», «Взятие австрийской крепости Перемышля» (с. 418), «Падение Перемышля» (с. 407).

Наряду с изданиями, связанными с конкретными военными событиями, выпускались и обобщенные — рисующие типичные, как виделось авторам лубка, боевые эпизоды войны, например: «Казацкая атака» (с. 327), «Артиллерийский бой» и т.п.

Значительно меньше картинок, откликнувшихся на военные действия на юге России — с турками, союзниками Германии. Один из листов, состоящий из

двух картинок («Про трусость турецкую да про удаль молодецкую»), напоминает о победах русских (взятие Плевны, Карса и Шипки) над Османской империей в войне 1877–79 гг. и о разгроме турецкого флота в Синопской бухте (1853 г.).

Практически проигнорировал отечественный лубок Первой мировой войны морские сражения. В настоящем собрании нет картинок с крейсерами, дредноутами, подводными лодками, подвигами моряков. Из известных нам — «Гибель германского крейсера Магдебург» (издана в Риге) и лубок о победе «славного английского флота» у островов Гельголанда 15 августа 1914 г., когда англичане потопили три германских крейсера и два миноносца. Есть картинки, косвенно затрагивающие морскую тему, в которых чаще всего карикатурно высмеивались турецкие попытки добиться успехов на Черном море.

Большую группу военных лубков 1914–15 гг. составляют листы, в которых внимание уделено отдельным группам войск, например «Взятие германских позиций нашим сибирским отрядом» (с. 527). Главными же героями представлены казаки. По словам В. Славенсон, «казак — это излюбленная тема лубочного творчества еще со времен прусской войны при Елизавете Петровне».[9] Откровенное любование и гордость за лихих казаков переполняют авторов лубка, заражая тем же своих почитателей. Тут не просто храбрость, смелость, а какая-то невероятная, прямо сказочная удаль, упоение боем. В многофигурных баталиях на фоне схематично изображенных пехотинцев и помещенных внизу листа убитых и раненых нередко крупным планом изображаются казаки-кавалеристы с саблями и шашками наголо, которые шутя расправляются с количественно превосходящим противником («Поражение германских войск у Гумбинена» — с. 314, «Разгром австрийской армии под Львовом» — и др.). Исключительно казакам — роду войск и отдельным героям — посвящено большое число лубков. К ним относятся помещаемые здесь «Казацкая атака» (с. 327); «Лихая атака казаков» («28 февраля в восточной Галиции у селения Низвиска, на реке Днестре, наши лихие чудо-богатыри донские казаки уничтожили целых три эскадрона прусских гусар...») (с. 474); «Геройский подвиг кубанских казаков» (12 казаков во время разведки разогнали и частично уничтожили отряд австрийских кавалеристов численностью 40 человек) (с. 534); «Первая схватка казаков с прусскими драгунами 20 июля 1914 г.» (с. 311) — лубок, прямо напоминающий популярные картинки XVIII—начала XIX в.: «Стычка прусских драгун с русскими казаками», созданную в период прусской кампании 1756–62 гг., и двухлистовую раскрашенную гравюру на меди «Казаки, настигшие французских кавалеристов» эпохи войны 1812 г.

Среди героев, удостоившихся быть запечатленными в лубке, тоже больше всего казаков.

«Подвиг казака Лавина» (с. 476) — на картинке один казак конвоирует на лесной дороге целый отряд испуганных пленных. Подпись гласит: «Будучи в разведке, в лесу наткнулся на отряд из 19 австрийцев, среди них три офицера. Всех взял в плен и препроводил в свою часть».

«Подвиг казака Филиппа Приданникова» (с. 264) — здесь изображен пеший казак в полный рост, идущий на нескольких солдат противника, за ним — эффектно сломанное дерево, то ли защищающее казака со спины, то ли служащее символом несгибаемого духа нашего героя (можно сломать дерево, но сломить казака нельзя).

Из всех отечественных героев Первой мировой войны наибольшей популярностью пользовался легендарный Кузьма (Козьма) Крючков — первый из низших чинов русской армии, награжденный Георгиевским крестом. Ему посвящено огромное количество лубочных картинок, масса пропагандистских дешевых брошюр, стихи и песни, бесконечные статьи в периодике времен войны. Он сродни знаменитому Силе Вихреву и старостихе Василисе эпохи наполеоновского нашествия и Василию Теркину А. Т. Твардовского. Но в отличие от последних Козьма Фирсович Крючков — не вымышленное, а реальное лицо, донской казак, родившийся в 1890 г. на хуторе Нижне-Калмыковском Усть-Хоперской станицы, воевавший в составе 3-го Донского казачьего полка.

«Война, — говорит пословица, — родит героев» и требует обобщенного образа неустрашимого воина, воплощающего лучшие черты народного героя. Закономерно, что такой герой возник и получил всероссийскую славу как первый герой освободительной кампании в самые первые дни войны.

[9] *Славенсон В.* Война и лубок. С. 99.

По устоявшейся версии, повторяющейся во всех печатных изданиях времен войны, за день до официального вступления России в войну, Крючков, находясь «…с четырьмя товарищами в разведке, заметил немецкий разъезд в 27 всадников <…> свалил 11 немцев и сам получил 16 ран» (лубок «Геройский подвиг донского казака Козьмы Крючкова» — с. 262). Подвиг Крючкова тут же оказался в центре внимания лубка, он был повторен по меньшей мере в 10-ти вариантах,[10] выходивших огромными тиражами. В Отделе эстампов Российской национальной библиотеки имеются двадцать четыре посвященные подвигу донского казака картинки, печатанные в разных городах (Москва, Одесса, Казань, Рига, Петроград, Киев, Вильна, Гродно) разными издательствами.[11] В настоящем издании это листы «Первый георгиевский кавалер Кузьма Крючков» (изображен в центре на белом коне в окружении огромного количества нападающих) (с. 15) и «Геройский подвиг донского казака Козьмы Крючкова».

А. Недвига, специально занимавшаяся личностью К. Крючкова, пишет: «Свидетельства о бое с немецкими уланами <…> разнятся в деталях. Следующая версия представляется наиболее достоверной. 30 июля 1914 года сторожевой дозор из шести человек вместе с Крючковым (бывшим в звании приказного) наткнулся на немецкий разъезд в 27 (по другим данным в 30) человек к западу от Кальварии. Отправив поочередно двух казаков с донесениями, четверо казаков <…> атаковали немцев. Попав в окружение, Крючков вступил в рукопашный бой, отбиваясь винтовкой, шашкой, а после пикой, выхваченной у немецкого улана. Убив 11 немцев, Крючков сам получил 16 ран и 11 — лошадь. За этот подвиг Козьма Крючков "первым из всех рядовых русской армии в 1914 году награжден Георгиевским крестом. К концу войны он заслужил два Георгиевских креста и две медали" (ссылка на Казачий словарь-справочник, изданный в Калифорнии (США) в 1968 г., т. 2, с. 94), но неизвестно, за какие подвиги <…>. В гражданской войне Крючков участвовал на стороне белоказаков. <…> Был убит в бою под деревней Лопуховка Саратовской губернии в 1919 году».[12]

По сути, подвиг Кузьмы Крючкова не является чем-то уж совсем неординарным — в тех же лубках и сводках с фронта о подобных случаях и поступках сказано немало. Но именно Козьма Крючков попал в лучи славы и сделался героем массовых печатных изданий и лубка, символом героизма, отваги, смекалки; именно ему стали приписываться черты характера, поступки, связываемые с положительным, по-фольклорному идеальным типическим образом русского солдата.

Из других героев Первой мировой войны на лубочные листы попал Н. П. Нестеров — известный русский летчик, первым совершивший знаменитую мертвую петлю, названную его именем. 26 августа 1914 г. он применил первый в истории мировой авиации воздушный таран: ценой своей жизни сбил австрийский самолет. Картинки («Геройский подвиг штб.-кап. Н. П. Нестерова») (с. 50), включавшие портрет авиатора и описание (в рисунке и тексте) его подвига, пользовались большим спросом и существовали в нескольких вариантах.

Не оставил без внимания лубок и сопротивление врагу мирных жителей. Одна из таких картинок — «Геройский подвиг польских крестьян» (с. 369) — повествует о событии, имевшем место в небольшом городке: 26 июля австрийский драгунский патруль выехал на городской рынок. Горожане и крестьяне с косами, топорами и вилами прогнали его, обратив в бегство. О том же лубок «Бой под Мариамполем» (с. 318): местное население вступает в бой с неприятелем, помогая наступлению наших войск; на картинке изображен горящий дом, у колодца, слева — женщина и двое мужчин с ружьями; внизу — убитая женщина, справа — наскоро сооруженная баррикада, за которой мальчик, женщина с пистолетом, юноша у пушки целятся во врагов.

В отличие от народных гравюр, освещавших прежние военные кампании, массовый лубок Первой мировой войны практически не знает портретов главнокомандующих. По традиции, на аллегорических листах-воззваниях помещался портрет императора. «Великий князь Николай Николаевич на боевых позициях» (с. 470) — из той же серии официальных портретов. Командующий всеми войсками гордо восседа-

[10] *Денисов В.* Война и лубок. С. 4.

[11] *Недвига А. Е.* «Ты, Германия и Англия, давайте делать мир!»: Первая мировая война в русской частушке. С. 215.

[12] Там же. С. 214–215.

ет на коне, величественная персона его занимает всю площадь картинки, внизу и на заднем фоне — уменьшенные фигурки убитых, санитар с красным крестом на рукаве, знаменосец. Великий князь изображен не на реальных боевых позициях, а на символическом поле боя, что по сути представляет собой парадный портрет военачальника в стиле лубочного примитива.

Главная причина отсутствия портретной галереи командующих войсками, по всей видимости, заключается в том, что после первых побед генералы показали себя не с лучшей стороны — пошли поражения, да и до войны большинство их не снискали любви и уважения солдат. Даже знаменитый «брусиловский прорыв» не изменил положения на фронте. Портрет Алексея Алексеевича Брусилова или вовсе не появился в народном лубке, или таких листов было очень мало.

Один из немногих удостоившихся портрета на лубочной картинке — генерал-адъютант от инфантерии Николай Владимирович Рузский (1854–1918), в годы Первой мировой войны командующий 3-й армией Юго-Западного фронта, затем Северо-Западным фронтом, 6-й армией и Северным фронтом. Появление его портрета связано с успешной операцией по взятию Львова в самом начале войны. На картинке «Генерал-адъютант Н. В. Рузский, герой Львова» (с. 387) он в центре изображения, почти в реальной ситуации — на передовой позиции обсуждает с подчиненными плана ведения боя. Лубок «Взятие русскими войсками Львова» (с. 388) включает портрет генерала в овале в правом верхнем углу.

Можно говорить о своеобразной достоверности батальных лубочных картинок, имея в виду детали, так сказать, бутафорию и реквизит событий на театре военных действий. Главным образом это обмундирование и оружие. Основным вооружением по-прежнему оставались пушки, сабли, шашки, ружья, у казаков еще и пики, у офицеров — пистолеты. Однако двадцатый век заметно перевооружил армию, и лубочники старались зафиксировать все новшества. Картинки иногда буквально перенасыщены изображениями последних достижений военной техники, транспорта, средств связи (пулеметы, мины, автомобили, велосипеды, телефонный аппарат, колючая проволока заграждений, мощный прожектор и т. д.). В упомянутой картинке «Генерал Н. В. Рузский, герой Львова» видим связиста, что-то передающего в телефонную трубку, велосипедиста-связиста, автомобиль.

На лубке XIX в. первые железные дороги, особенно паровозы с вагонами, изображались как чудо века, они восхищали и удивляли, но еще не мыслились в качестве обычного удобного транспортного средства. Ко времени Первой мировой войны сеть железных дорог в Европе да и в Европейской части России была достаточно развита и значение ее в условиях войны (доставка и переброска войск) уже трудно было переоценить. Как яркая примета времени железная дорога попала и в батальный лубок. В нескольких картинках действие происходит на железнодорожных путях: взорванные горящие вагоны, из которых выскакивают военные, на рельсах пассажиры в панике («Бой у Чорткова» — с. 303; см. также вариант картинки с тем же названием); разгромленный поезд, доставлявший на передовые позиции немецких солдат («Масса немцев, пеших, конных...» — с. 173); похоже, впервые в лубке изображается железнодорожная станция как место, откуда провожают на войну («Проводы на войну за святое дело»).

В прежних батальных картинках не было сцен уличных боев, теперь же они отражены в целом ряде лубков: «Разгром германцев под Праснышем», «Бой под Мариамполем», «Зверства немцев над мирными жителями при отступлении от стан. Колюшки», «Взятие русскими немецкого города Лык» (с. 174).

В ходе Первой мировой войны впервые была применена авиация. Правда, тогда она не играла столь важной роли, как в 1941–45 гг., но само появление летающих аппаратов, применяемых в военных операциях, произвело неизгладимое впечатление на современников. Лубок, разумеется, не мог обойти стороной эту новую технику. То и дело на картинках-сражениях встречаются дирижабли, самолеты; взрывы рисуются не только на земле, но и под облаками («Поражение австро-венгерских войск у реки Сан», «Бой у Сандомира» — с. 391, «Взятие австрийской крепости Перемышль», «Поражение немцев на реке Немане»). На листе «Взятие русскими немецкого города Лык» в небе над сражающимися пехотинцами нарисованы два самолета и дирижабль; один из лубочных вариантов на тему «Разгром австрийской армии под Львовом» включает два летящих аэроплана и дирижабль, изображены выстрелы по ним, взрывы, вписанные между облаками, и взрывы на земле в результате авиационного обстрела.

Не удалось, однако, встретить картинки, целиком посвященные боям в воздухе, если не считать лубка о подвиге Нестерова. Воздушный бой всегда дается

как видимый с земли, издалека и потому схематичный, скорее фиксирующий наличие авиации, чем конкретное ее участие в сражениях.

Наибольший интерес, а поначалу и страх вызывали у простых солдат огромные дирижабли. Известно, что за время войны немецкое командование ввело в действие 123 дирижабля, совершивших около 800 вылетов. Но опыт применения дирижаблей не был успешным — значительная их часть была сбита артиллерией и авиацией союзников. Именно такие моменты чаще всего привлекали лубочников. Красноречива картинка «Захват австрийского дирижабля» (с. 315) — тут и сам дирижабль, и легковой автомобиль с укрепленным на нем пулеметом, и стрельба по диковинной летательной машине из винтовок. Другая картинка — «Австрийско-прусский цеппелин» (с. 115) — подана в карикатурном ключе: у сбитого вражеского дирижабля скрючились две тощие, обтрепанные фигуры немецких пилотов, один из них связан. Чуть поодаль — группа представителей разных народов России, с эпическим спокойствием взирающая на позорное приземление. Внизу издевательская подпись: «Сообщение немецкого генерального штаба. Отправленный для завоевания России цеппелин благополучно опустился на русскую землю. Спуск совершен по всем правилам военной науки».

Вообще же сбитые дирижабли и самолеты — частый предмет лубочного осмеяния. Популярна была картинка о том, как бабы аэроплан в плен брали. Среди лубков, созданных К. Малевичем и В. Маяковским, есть и карикатура на близкую тему:

Немец рыжий и шершавый
Разлетался над Варшавой,
Да казак Данило Дикий
Продырявил его пикой,
И ему жена Полина
Шьет штаны из цепеллина.

Основные функции батального лубка — оповещать и агитировать, создавать настроение и настрой. Лубочные новости с полей сражений имели в глазах простого народа большое преимущество — наглядность: они заменяли ему периодические издания, хотя в текстовой своей части использовали газеты и официальные листовки-сообщения. «Глядя, как падает враг под ударами наших солдат, как бегут его полчища от лихой атаки казаков, все больше проникалась деревня (да одна ли она!) уверенностью в скорой победе. И чем более близким казалось сокрушение врага, тем смелее и заносчивее становился лубок».[13]

Создавая эти произведения, лубочные рисовальщики стремились показать размах и накал битв, используя традиционные приемы: огромные массы сражающихся, как со стороны русских, так и противников, обычно на открытом пространстве, на фоне горящего города, военной крепости, на берегах рек. Чаще всего изображаются самые острые, кульминационные моменты боя — яростная атака, штурм, захват позиций неприятеля. Непременно в этой «массовке» есть «солирующие» персонажи — один-два воина, олицетворяющие победный натиск и неизбежное сокрушение врага. Центральные крупные фигуры к тому же формируют композицию, держат лист. В картинках-сражениях всегда тщательно прорисованы детали (обмундирование, оружие, радостные, воодушевленные лица побеждающих и искаженные страхом лица врагов), чтобы можно было всматриваться, «читать» картинку, толковать, переживать. Верный своему стилю, батальный лубок сочетает достоверность в деталях с обобщением, схематичностью, отсюда — удивительное сходство картинок в целом — из лубка в лубок повторяющиеся красочные взрывы, почти одинаково убегающие фигуры неприятеля и устремленная на врага лавина кавалеристов, условно изображенные крепости (всегда на заднем плане), реки, холмы, городские и деревенские дома. Герои отечественные, реальные и типические, часто выделяются размерами — один из характерных приемов лубка. Противник кажется по сравнению с нашими — ничтожным, слабым.

Используя новую технику печати, внося элементы современной ему действительности, батальный лубок упорно следовал выработанным канонам жанра, используя, в частности, ограниченный набор чистых, интенсивных тонов, которые создавали своеобразную декоративность. При стремлении плотно «населить» картинку, чтобы ее можно было долго рассматривать, лубочные мастера прибегали к апробированным средствам добиваться эффекта развертывания сюжета, умели передавать эмоцию боя, динамику и напря-

[13] *Денисов В.* Война и лубок. С. 4.

женность за счет четкого ритма частей, сжатости эпизодов, четкости движений и жестов, интенсивных штрихов и ломаных линий, неправдоподобно увеличенных ярких разноцветных взрывов, за счет игры масштабами.

Как правило, рисунок в таких лубках сопровождается текстом, и тут мы вновь сталкиваемся с, казалось бы, прямо противоположными подходами. Если сам рисунок — проявление яркого, эмоционального, в чем-то романтического представления о победоносной войне и неустрашимых наших воинах, то подписи зачастую представляют собой сухую информацию: цитируются или пересказываются газетные новости и сообщения от главного управления генерального штаба. К примеру, в популярной картинке «Битва под Вислой» изображается лихая атака наших солдат, которая поневоле воспринимается как начало или завершение блестящей разгромной операции; в тексте же речь идет о затянувшейся обороне: «От штаба Верховного Главнокомандующего от 17.X.14 г. На восточно-прусском фронте упорные бои. Настойчивые атаки германцев в районе Бакаларжева спокойно отражаются нашим войском». Конечно, в значительной части лубков-сражений патриотический настрой проявляется и в подписях, но всё же далеко не так пафосно, как в рисунке: «Наша доблестная пехота выбивает германцев штыками из их позиции и прогоняет обратно в Пруссию» («Бой под Августовым» — с. 325); «…австрийцы опять произвели вылазку <…> несколько рот уничтожено нами. <…> При этом захвачено полверсты полевой железной дороги. Взятые у неприятеля пулеметы были тут же использованы нами для обстреливания подходивших резервов…» («Под Перемышлем»); «… в бою в Машиловском лесу <…> немцы понесли огромные потери — десятки тысяч убитых и раненых» («Европейская война: Разгром немцев под Варшавой» — с. 522).

Иногда подписи намеренно подчеркивали силу и количество противника, причем языком официальных донесений. Характерна картинка «Бой под Дильманом» из серии «Великая Европейская война»: «"Кавказскому слову" сообщают из Дильмана о необычайно высоких достоинствах той турецкой армии, с которой пришлось иметь дело русским в последнем бою. Прекрасно обученные, умело применявшиеся к местности <…> метко стреляющие аскеры грозными волнами набегали на наш хребет…». Но, разумеется, чем сильнее враг, тем почетнее победа над ним. Турки потеряли 15 тысяч человек убитыми и ранеными, поспешно отступили, «гонимые нашими доблестными войсками».

Не представленный здесь вариант популярного лубка «Разгром венгерской кавалерии под Городком» сопровождается подробным рассказом о том, как части генерала Брусилова разгромили австрийскую пехоту и венгерскую кавалерию: «…в дело была брошена лучшая кавалерийская часть, цвет австро-венгерской армии, будапештская гвардейская дивизия»; «…одетые в яркие жупаны, сомкнутыми рядами в бешеном галопе вихрем неслись венгры», навстречу им «лихо вылетели наши гусары»; через два часа «от блестящей будапештской гвардейской дивизии не осталось ни одного человека». Генерал Фрорейх «не перенес позора поражения и застрелился тут же, на поле битвы».

Помимо картинок, запечатлевших баталии и героев, выпускались карикатуры, сатирические и остроумно-язвительные листы. Вообще говоря, насмешка над врагом пронизывает все батальные картинки. Чего стоят утрированно зверские или искаженные страхом лица неприятеля, неправдоподобно маленькие, скрюченные, как будто в судорогах, фигуры, улепетывающие от наших неустрашимых воинов. Обратим внимание на уже упомянутую картинку «Австрийский цеппелин». Сюда же следует отнести лист «На буксире» (с. 30), где громадный солдат в лихо сдвинутой набок фуражке бежит, пританцовывая, держа за уши двух уродцев — «Вилю» и «Фрица» (немца и австрийца, в которых узнаются императоры Германии и Австрии), похожих на тантамарески, — с большими головами, маленькими телами и тоненькими дрыгающими ножками. Сходные мотивы и приемы используются в авторских картинках «Что ж, теперь узнаешь вкус…» (с. 171) и «Хоть одет ты и по форме…» (с. 27): громадный наш солдат «учит» германского военачальника щелчком и поркой ремнем, как в народе принято наказывать непослушных детей; при этом в нижнем углу картинки крохотный австриец умирает от страха, лишь лицезрея такую унизительную и болезненную расправу. В картинке «Наука немцу» (с. 32) карикатурно изображен не только перепуганный германец, на которого замахивается прикладом наш солдат, но в том же духе осмеяна и граница, охраняемая этим горе-воякой: пошатнувшийся забор, собачья конура и пес в кайзеровской

каске с мордой озверевшего немецкого генерала; на заборе бывший орел, превратившийся в черную ворону с потрепанными крыльями и хвостом.

Традиционная тема — комическое изображение карты военных действий — подхвачена лубком «Немец и австриец за картой Европы» с язвительной подписью: «Наполеон приобрел славу под Москвой, Карл XII — под Полтавой, а мы с тобой — под Варшавой».

Особого разговора заслуживают картинки, созданные профессиональными художниками. Напрашивается прямая параллель с эпохой Отечественной войны 1812 г., когда к созданию рисунков, гравюр в стиле народного лубка обратились известные художники, прежде всего И. Теребенев, лубочные карикатуры которого пользовались большим спросом и немало способствовали замене страха перед французами насмешкой над ними. Если вспомнить, что и Первая мировая война, особенно в самом ее начале, именовалась Второй Отечественной войной, легко понять, насколько важным и притягательным оказывался агитационно-пропагандистский опыт войны столетней давности. Многие деятели культуры отозвались на призыв участвовать в войне — кто-то уходил добровольцем на фронт, кто-то пошел служить в санитарные поезда и лазареты, а кто-то решил применить свои профессиональные знания и умения в новом для себя направлении и жанре. Так появилось целое течение, поставившее перед собой задачу создания современной галереи лубочных листов, долженствующих, как в 1812 г., развенчать врага, высмеять его и одновременно воспеть величие Родины и ее защитников, за которыми — Бог, Отечество и Правда. Сразу наметились два подхода к тому, какими должны быть современные картинки — «старыми на новый лад» или новыми, в духе традиционного лубка, но не как копирование и подражание.

Ретроспективное направление исходило из популярности классических лубочных картинок и из опыта прежних мастеров-лубочников. Хорошо известно: подлинный лубок, и батальный в том числе, использовал самые разные источники — фольклорные (песни, частушки, пословицы), языковые (фразеологизмы, просторечные («уличные») слова и выражения), литературные (стихи известных поэтов), исторические. Последние особенно часто находили применение в лубочном творчестве. К ним относятся изображения прославленных полководцев минувших времен (Суворова, Кутузова и др.), преобразователей (Петр Первый), легендарных воинов-освободителей и святых, спасавших Русь в тяжелые годы вражеских нашествий. В нашем собрании это образ Александра Невского.

Нередко в периоды военных кампаний лубочники использовали старые доски с популярными сюжетами, приноравливая их к текущей ситуации. Этот принцип и лег в основу работ художников, занявшихся переиначиванием старинных народных гравюр, хорошо известных всем слоям населения. Чуть-чуть подправленные, они как бы протягивали мостик из прошлого в настоящее, создавая, подобно любой хорошей пародии или переделке, комический эффект. Прежде всего это касается листов XVIII—начала XIX в., печатавшихся с деревянных и медных досок, где постоянным объектом насмешек выступали немцы (вообще чужеземцы и иноверцы) и где было выведено множество «потешных персон» — модниц, шутов, дураков, молодящихся стариков, обжор, кутил и пр. Оказалось, эти персонажи, слегка осовремененные или неожиданным образом вписанные в настоящее время, великолепно отражают нынешнее и традиционное отношение к врагам с их «дурацкими» в глазах русских привычками, с приписываемой им глупостью, бахвальством, трусостью.

Именно это направление было представлено альбомом из 100 листов «Картинки — война русских с немцами» (Петроград, 1914). В качестве издателя выступил известный антиквар дореволюционной России Ф. Г. Шилов. Печатались листы в петроградских хромолитографиях В. М. Шмигельского, Бусселя, Павловой. Картинки созданы художником Н. П. Шаховским в подражание лубку XVIII в., воспроизведены литографским способом и от руки раскрашены акварелью. Текст к ним написал известный коллекционер и издатель памятников древнерусской литературы В. И. Успенский.[14] К альбому добавлен в виде Приложения «Летописец в лицех о Тевтонской брани на Словени» — памфлет, точнее шуточная летопись, в трех книгах. Сочинение Успенского представляет собой удачное подражание летописной традиции

[14] См.: *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника.М., 1959. С. 111.

XVI в. (язык и графика); иллюстрации, которыми снабжены страницы «Летописца», выполнены в подражание старинному лубку и древнерусской миниатюре, в том числе старообрядческим лицевым Апокалипсисам.

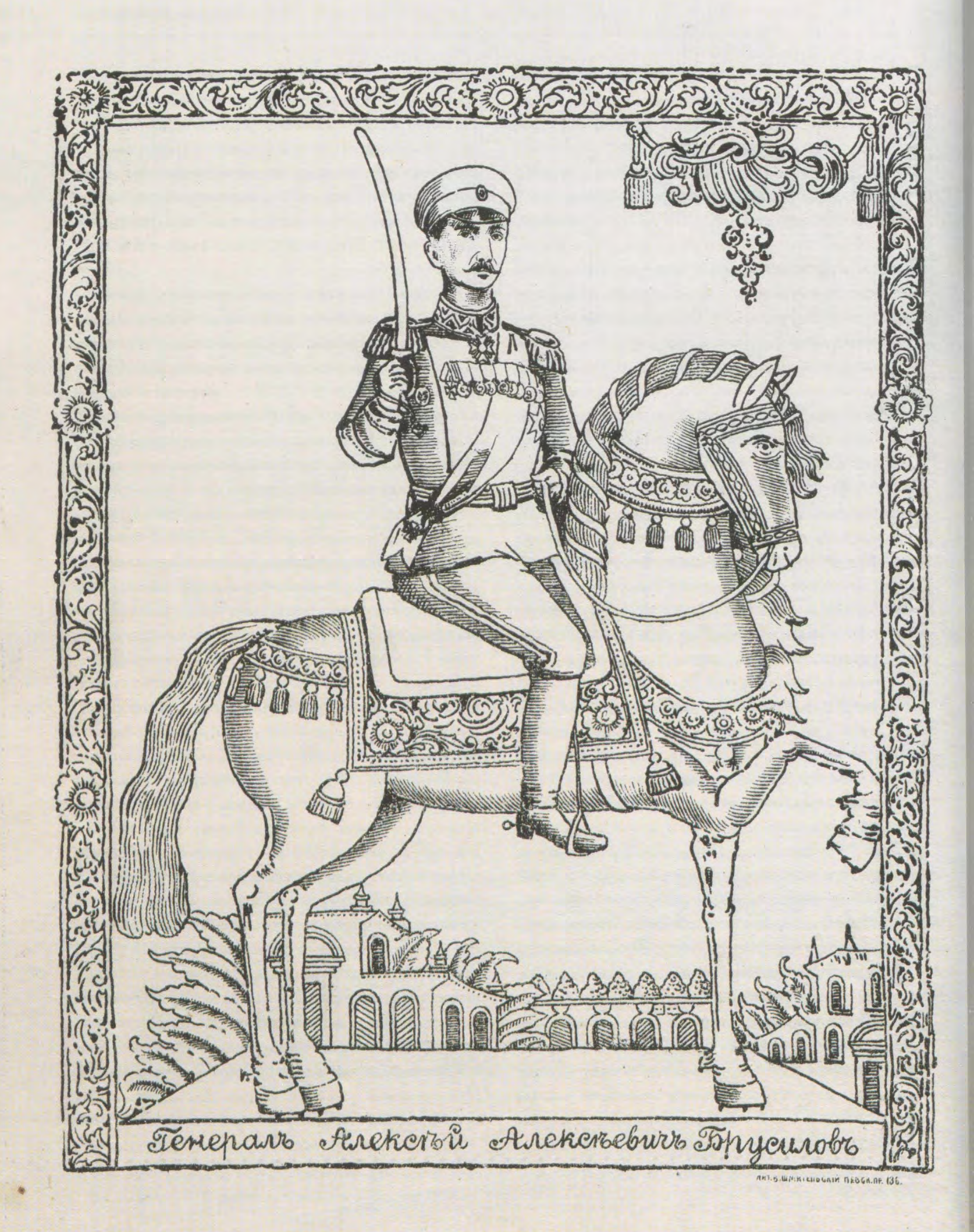
Источником пародийных картинок альбома в основном послужили лубки XVIII–XIX вв., большую часть которых удалось обнаружить в издании «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского.[15] Внимание Шаховского и Успенского было обращено в первую очередь к «потешным» листам. Выделяются картинки с гротескными фигурами традиционных лубочных «дурацких персон», которым придаются черты нынешних противников — немцев, австрийцев, турок. «Ералаш с молодицей» в подписи к картинке превращен в «Султана турецкого с женой». Популярная картинка, где Парамошка с Савоськой играют в карты, при сохранении общей композиции, интерьера, позы игроков представлена как «игра в карту военных действий» двух фигляров — императоров Франца Иосифа и Вильгельма II. Лист с шутовскими портретами (каждый в своей рамке) Карла и Карлицы под рукой Шаховского оказался разделенным на две самостоятельные картинки. Карлица, у которой убраны с лица мушки, а в руку вложен череп, стала ни много ни мало «женой немецкого людоеда Августа — чтоб ей было пусто!»; на драпировке, обрамляющей ее фигуру, пририсованы два герба, — по-видимому, германский и австрийский. В облике Карлы — «саксонский обер-шталмейстер Отто Блох», заменивший собачонку у ноги настоящего Карлы на игрушечный автомобиль, а трость — на хлопушку и повесивший на занавеси свой герб. Из картинки «Пан Трык и Херсоня» убран женский персонаж, зато к бывшему пану Трыку, а ныне главному участнику «Нового тройственного союза» добавлены два других союзника: собачка в турецкой феске и мартышка с лицом Франса Иосифа.

Широко использованы старые картинки со сценами кутежа, с изображениями комических пьяниц, воров, ловеласов; этим персонажам тоже приданы черты Вильгельма и Франца Иосифа, иногда на головах у них немецкие каски: «Фома и Ерема» как и прежде сидят за столом с чарками и бутылкой, но развернутый диалог XVIII в. заменен одной фразой «от рисовальщика» — «Хорошее утешенье после пораженья». Знаменитый своими шутовскими выходками Ералаш в альбоме 1914 г. возведен в ранг «немецкого кайзера», наделен огромными кайзеровско-прусскими усами и пьет не вино, а по немецкой привычке — пиво («тем пробавляется, что из скляницы пивцом забавляется»). Сюда же относится «Песня немецкого крон-принца» с подписью «Я и пьяница, и вор, корзинку вина упер».

Нашли применение и новую трактовку листы романтические, попавшие в ранний лубок под сильным впечатлением от авантюрных романов и повестей. К примеру, пара благородных влюбленных «Евдон да Берфа» на гравюре XVIII в. трогательно «в любви пребывают, друг друга обнимают»; в картинке Шаховского на месте Евдона — «немецкий принц Иоахим», который «был воином плохим, зато в Лодзи ухажером оказался лихим».

Шаховской не преминул воспользоваться и популярными гравюрами времен Елизаветы Петровны. К ним относится, например, изображение Александра I в окружении экзотических и курьезных птиц, а также «нечистых» животных. Заморская «Птица попугай» сгодилась для насмешки над турецким султаном: в лапе у нее штык-нож, а на голове феска с полумесяцем и звездой. Похожую метаморфозу пережила и картинка «Куре доброгласное». «Индейский петух» назван по-простому — индюком, правда, из «цесарския земли», голова его — карикатурный портрет Франца Иосифа, на выпавших из роскошного хвоста перьях — названия городов, занятых русскими войсками (Львов, Черновцы, Галич, Ярослав). Козел, свинья, пёс, обезьяна — животные, с которыми у русских издавна связаны негативные ассоциации и поверья, что, к слову, породило немало ругательств с упоминанием этих животных. Последнее обстоятельство предоставило богатые возможности для характеристики шутовских персон, унижения и осмеяния врага, чем воспользовался классический лубок и что позаимствовал из него авторский лубок 1812 г. и Первой мировой войны. Напомним хотя бы о «виноходной свинье», которую оседлал шут Фарнос Красный Нос; о карикатуре на Наполеона, убегающего из горящей Москвы на худой свинье, — в нашем случае

[15] См. приложение к настоящей статье, подготовленное А.Б. Бильдюг: Старинные прототипы русских военных лубков 1914 г. С. 568–581.



Генералъ Алексѣй Алексѣевичъ Брусиловъ

это «Голодная свинья» с усами Вильгельма и в кайзеровской каске. Трудно сказать, что послужило Шаховскому поводом сделать из любимого лубочного «Кота казанского» с «умом астраханским» «Ваську, кота прусского — врага русского» со зверской физиономией и растопыренными усами императора Германии.

В отличие от подлинно народных картинок 1914–15 гг. псевдо-лубки ретроспективного направления отметили многих генералов и государственных деятелей, — естественно, не в комическом плане, но в манере героического и романического лубка вековой или полуторастолетней давности. Не случайно в обобщенном изображении нашего «образцового воина» и в портретах главнокомандующих современной войны используются фон и рамки, коими обрамлены были в веке XVIII «богатыри» и «рыцари» (см. старые лубки «Рыцарь Францыль Венециан», «Богатырь Буслай Буслаевич», «Царь Александр Македонский», «Русский гренадер 1759 года», «Славный витязь Бова Королевич» и др.). В альбоме «Картинки — война русских с немцами» имеются портреты верховного главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича Младшего, генералов А. Н. Селиванова, М. В. Алексеева, Радко Дмитриева, Н. И. Иванова, Н. В. Рузского, А. А. Брусилова. Здесь также помещены официальные портреты глав воюющих государств — президента Франции, королей Англии, Бельгии, Италии, Сербии, Черногории, глав Люксембурга, республики Сан-Марино, императора Японии, а также гербы этих государств.

В художественном плане самым значительным представляется деятельность художников, объединившихся в начале Первой мировой войны вокруг издательства «Сегодняшний лубок» и журнала «Лукоморье». К ним относятся К. Малевич, Г. Нарбут, П. Митурич, В. Маяковский, А. Лентулов, И. Машков и др. Часть лубков создавалась по эскизам Н. Рериха, Д. Моора, Н. Богатова, И. Лебедева, О. Шарлеманя и др. Это были художники нового времени, либо входившие в объединение «Мир искусства», либо принадлежавшие к тому течению, которое принято называть «русским авангардом». Яркие индивидуальности, разные по убеждениям, по принадлежности различным направлениям авангардного искусства, использующие разные приемы в живописи и графике, они пришли к лубку через увлечение народными художественными промыслами (лаковая миниатюра, роспись подносов, кустарные игрушки и пр.) и городским народным примитивом (вывески, изразцы, эстетика балагана, язык «улиц и площадей», частушки и т. п.). «Сегодняшний лубок» был основан Г. Б. Городецким в августе 1914 г и просуществовал всего несколько месяцев — уже к ноябрю объединение распалось. Прекратили свою «лубочную эпопею» и художники. Обуреваемые в начале войны патриотическим настроением, они вскоре — после поражений наших войск и достоверных известий с фронтов — увидели реальную, жестокую и ужасающую правду войны, что привело к разочарованию и потере интереса к созданию ура-патриотических произведений.

Опыт, приобретенный в работе над лубками, естественно не пропал даром — он в той или иной степени присутствует в дальнейшем творчестве всех, кто пусть ненадолго, но глубоко и серьезно вникал в специфику традиционного наивного примитива русского лубка, соединяя свой интерес к нему с осмыслением европейских достижений, смелых экспериментов, направленных на выработку нового искусства, оперирующего совершенно новым художественным языком (кубизм, фовизм, экспрессионизм и т.п.). Таким образом, создаваемый российскими авангардными художниками лубок следует рассматривать не в рамках подражания анонимной (массовой) лубочной культуре, а как одно из проявлений художественных исканий начала XX в., отразившихся и в изобразительном, и в словесном искусстве, составивших особую яркую страницу в истории отечественного и мирового искусства.

П. Шаховский. Генерал А. А. Брусилов. Пгр., 1914

А. Б. Бильдюг

Старинные прототипы русских военных лубко 1914 г.

Публикуемые здесь материалы являются приложением к статье А. Ф. Некрыловой «Лубочные картинки и военные плакаты 1914–1915 гг. в фондах Пушкинского Дома».

С левой стороны воспроизводятся лубочные изображения 1914 г., хранящиеся в фондах Института русской литературы. Большая часть листов находится в Рукописном отделе в архиве журнала «Русская старина» (Ф. 265. оп. 3, № 276). Другие листы (№№ 70, 72, 73, 81, 93), на которых стоит штамп Библиотеки Главного управления по делам печати Российской империи, выявлены в Литературном музее Пушкинского Дома (КП-5827/1-5).

Изображения были подготовлены художником Н. П. Шаховским для издания «Картинки — война русских с немцами» (Петроград, 1914). Листы расположены в порядке их издания 1914 г., полный состав которого помещен в конце приложения.

С правой стороны приведены прототипы картинок времен 1914 г., выявленные нами среди лубков XVIII– XIX вв. в атласе Д. А. Ровинского (Русские народные картинки. Атлас / Собрал и описал Д. А. Ровинский. — СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1881. Т. 1 [Ч.1]. № 1–135, [Ч.2]. № 137–284; Т.2. № 294–684, далее: Ровинский, Т. 1 [Ч.1], [Ч.2]; Т.2) и в других источниках.

№ 2

Орел

Российский герб. Вензель императрицы Елизаветы Петровны

Ровинский, Т. 2, № 596

№ 4

Генерал Н. И. Иванов

«Царь Пор Индесски»

Ровинский, Т. 2, № 296

№ 5

Генерал Н. В. Рузский

«Сылны богатырь Янычарски начальник амурат»

Ровинский, Т. 2, № 581

№ 7

Генерал Радко-Дмитриев

Царь Александр Македонский

Ровинский, Т. 2, № 295

№ 8

Генерал А. А. Брусилов

Гренадер гвардии на коне

Ровинский, Т. 1 [Ч.2], № 269

№ 28

Васька-кот прусский — враг русский

«Кот Казанской а ум астраханской...»

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 172

№ 29

Немецкий кайзер-ералаш

Ералаш

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 207

№ 31

Чернокнижник

Ф. Гойя. «Против общественного блага»

См.: Сюита «Бедствия войны». Офорты. М., 1973. Лист 71 (репродукции).

№ 36

«Куда его черт понес!..»

Угощение яблоками

Ровинский, Т. 1 [Ч.1], № 125

№ 45

Буйный козел Вилли

«Мужик Пашка поел кашки...»

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 190

№ 48

Жена немецкого людоеда Августа

Карлик и карлица

Ровинский, Т. 1 [Ч. 1], № 231

№ 49

Круппиха, баронесса фон-Болен

Королевна Дружиневна

Ровинский, Т. 1 [Ч.1], № 23

№ 52

Песня немецкого кронпринца

«Так то наш Ералаш за торг принимается...»

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 206

№ 53

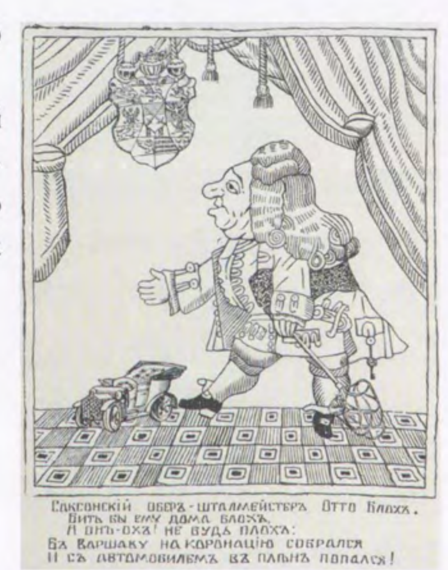
Немецкий принц Иоахим

Евдон и Берфа

Ровинский, Т. 1 [Ч.1], № 53

№ 56

Саксонский обер-шталмейстер Отто-Блох



Карл и карлица

Ровинский, Т. 1 [Ч.2], № 231

№ 57

Немецкие зверства

Муж жену бьет

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 160

№ 58

Голодная свинья

Французский вояжер в 1812 г.

Ровинский, Т. 2, № 386

№ 69

Фриц после своих побед

Блинница

Ровинский, Т. 1 [Ч. 1], № 120

№ 70

«Хорош квасок <...>»

Разговор Фарноса и Пигасьи с целовальником Ермаком

Ровинский, Т. 1 [Ч. 1], № 112

№ 72

Немецкий мародер

Вор пришел на двор

Ровинский, Т. 1[Ч. 2], № 204

№ 73

Немецкая кавалерия

«Дурак ездит на клюке…»

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 204б

№ 75

Вильгельм играет Францу

Шут и шутиха

Ровинский, Т. 1 [Ч. 1], № 103

№ 76

Наполеон приобрел славу под Москвой

Савоська и Парамошка

Ровинский, Т. 1 [Ч. 1], № 192 (изд. А)

№ 77

Хорошее утешенье после пораженья

Фома да Ерема

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 189

№ 80

Индюк Цесарския земли

Индейский петух

Ровинский, Т. 1 [Ч. 1], № 260

№ 81

Дали ребенку русской каши

Старый немец на коленях у молодой немки

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 218

№ 86

Новый Тройственный союз

Пан Трык и Херсоня

Ровинский, Т. 1 [Ч.1], № 222

№ 88

«Ты не смотри, Ахмет <...>»

>

Шутливые персоны Прохор да Борис

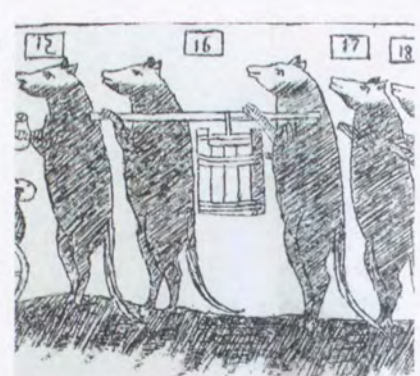
Ровинский, Т. 1, [Ч.2], № 169, изд. 2

№ 90

Несут Османку хоронить

Мыши кота погребают (фрагмент)

Ровинский, Т. 1, [Ч.2], № 169, изд. 2



№ 91

Султан турецкий на войну собирается

Ералаш с молодицей

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 208

№ 92

У этого попугая голова пустая

Попугай

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 258

№ 93

Немка — жена султана

Немка верхом на старике

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 220

№ 100

Этот петел скоро попадет на вертел

«Куре доброгласное <...> »

Ровинский, Т. 1 [Ч. 2], № 264

Полное содержание альбома «Картинки — война русских с немцами»

1. Св. Александр Невский
2. Орёл
3. Его Императорское Высочество Верховный Главнокомандующий в.к. Николай Николаевич
4. Генерал Н. И. Иванов
5. Генерал Н. В. Рузский
6. Генерал Алексеев
7. Генерал Радко-Дмитриев
8. Генерал А. А. Брусилов
9. Генерал Селиванов
10. Русский чудо-богатырь
11. Удалой казак
12. Президент Французской республики Р. Пуанкаре
13. Герб Франции
14. Его Королевское Величество король Англии Георг
15. Герб Великобритании
16. Его Королевское Величество король Бельгии Альберт
17. Герб Бельгии
18. Его Королевское Величество король Сербии Петр
19. Герб Сербии
20. Его Королевское Величество король Черногории Николай
21. Герб Черногории
22. Его Императорское Величество император Японии Иошихито
23. Герб Японии
24. Его Королевское Величество король Италии Виктор Эммануил
25. Герб Италии
26. Герб Люксембурга
27. Герб республики Сан-Марино
28. Васька-кот прусский — враг русский
29. Немецкий кайзер-ералаш
30. Всемирный кровопийца
31. Чернокнижник
32. Черт няньчает своего сына из Берлина
33. Портрет Вильгельма в недалеком будущем
34. Чертова волынка
35. Мысли ветреные
36. «Куда его черт понес!..»
37. Сел между двух стульев
38. Вильгельм никогда не снился и во сне
39. Кайзер с горя пьет-гуляет
40. Колесо счастия Вильгельма
41. Кайзер-кот был бешен
42. Скоро зарежут эту свинью
43. Вильгельм едет в уготованное ему место
44. Прусский рак из мазурнических озер
45. Буйный козел Вилли
46. Паршивая ворона, мнящая себя орлом
47. Наконец-то немцы увидели, кто у них на троне
48. Жена немецкого людоеда Августа
49. Круппиха, баронесса фон-Болен
50. Одна из лучших жен Султана Фатьма
51. Вильгельм с одной из своих любовниц
52. Песня немецкого кронпринца
53. Немецкий принц Иоахим
54. Повар Вильгельма
55. Уничтожение германского милитаризма
56. Саксонский обер-шталмейстер Отто-Блох
57. Немецкие зверства
58. Голодная свинья
59. «Пурталес в Берлин пребывает <...>»
60. Сторожевой пост у Берлина
61. Съели русские нашего поросенка
62. Гинденбург у Осовца
63. Драка немцев из-за куска хлеба
64. Женская демонстрация в Берлине
65. Что ожидает Германию
66. Результаты дипломатической деятельности Бетман-Гольвига
67. Немцы за недостатком хлеба собирают прошлогоднюю траву
68. Бюлов: «За Австрийский Триест»
69. Фриц после своих побед
70. «Хорош квасок <...>»
71. Немецкий торговец крысами и мышами
72. Немецкий мародер
73. Немецкая кавалерия
74. Издыхающий австро-германский змей
75. Вильгельм играет Францу
76. Наполеон приобрел славу под Москвой
77. Хорошее утешение после поражения
78. Немец с австрийцем ссорятся
79. Немецкая баба-яга
80. Индюк Цесарския земли
81. Дали ребенку русской каши
82. Чертова перечница
83. Франц-Иосиф: «Уж этого я не ожидал!..»
84. Австрийское «наступление»
85. Австрийский горнист
86. Новый Тройственный союз
87. Совет нечестивых
88. «Ты не смотри, Ахмет <...>»
89. «Махмутка, вставай!»
90. Несут Османку хоронить
91. Султан Турецкий на войну собирается
92. У этого попугая голова пустая
93. Немка — жена Султана
94. Сандерс-паша
95. Шейх-эль-Ислам подносит Султану титул «непобедимаго»
96. Последний портрет Султана
97. Гарем Султана перевозят в Азию
98. Переезд Турецкого Султана в Азию
99. Гусь лапчатый
100. Этот петел скоро попадет на вертел

СОДЕРЖАНИЕ

В. Багно. Интраистория Первой мировой войны 5
К читателю 6

Часть 1. **СОЛДАТСКИЙ ФОЛЬКЛОР**

А. Н. Власов, Е. А. Дорохова. Первая мировая война в русских народных песнях и частушках 8
Песни и частушки *(подготовка текстов А. Н. Власова, Е. А. Дороховой)* 33
А. Н. Розов. «Лубочные» сборники времен Первой мировой войны 194
Новейший военный песенник 1915 г. *(подготовка текста А. Н. Розова)* 204
А. Г. Бобров. Солдатские магические тексты 266
«Заветные слова» *(подготовка текстов А. Г. Боброва)* 273

Часть 2. **СОЛДАТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ**

А. Г. Бобров. Воспоминания крестьян о времени Первой мировой войны 278
Иван Степанович Карпов *(подготовка текстов А. Г. Боброва)* 284
Степан Артамонович Ступин *(подготовка текста А. Г. Боброва)* 300
Семен Никифорович Томилов *(подготовка текста В. П. Бударагина)* 308
Г. В. Маркелов. Война и жизнь Григория Кругова 328
Григорий Филатович Кругов. «Горькая доля, или Песни о моей жизни» *(подготовка текста Г. В. Маркелова)* 348

Часть 3. **ПИСЬМА С ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЙ**

Н. Г. Комелина. «Патриотическая мистификация» Зинаиды Гиппиус 510
Письма солдат из действующей армии *(подготовка текстов Н. Г. Комелиной)* 521
Из солдатской переписки 1914–1917 гг. *(подготовка текстов В. П. Бударагина)* 548

Часть 4. **ЛУБОЧНЫЕ КАРТИНКИ**

А. Ф. Некрылова. Лубки и военные плакаты 1914–1915 гг. 554
А. Б. Бильдюг. Старинные прототипы русских военных лубков 1914 г. 568

Первая мировая война в устном и письменном творчестве русского крестьянства

Новые материалы из собраний Пушкинского Дома

Куратор издания *Г. В. Маркелов*

Редактор *Е. Г. Кащеева*

Художник *Г. В. Маркелов*

Верстка *А. В. Панкевич*

Корректор *Е. Г. Кащеева*

ISBN 978-5-87781-059-4

Подписано в печать 29.10.2014 г.
Формат 60x100/8. Бумага мелованная 170 г/м²
Гарнитура «Academy». Печ. л. 73
Тираж 500 экз. Заказ № 3576

Отпечатано в типографии:
ООО «Первый ИПХ».
Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 60 лит. У.
тел.: (812) 603-25-25